

ВАДИМ КОРНЕЕВ

КАК ШУМЕЛИ РАДОСТНЫЕ КРОНЫ!..

БРАТЬЯМ

Братья, сёстры!
Неужель пробило
Время час разлуки, будь он лих?
На троих у нас одна судьбина
И один Чернобыль на троих.

Наши пораженья и победы
Пили вместе из одной горсти!
Неужель сегодняшние беды
Суждено раздельно нам нести?

В час расплаты — праведный, грядущий —
Нам дадут ответ на этот раз
Мясники из Беловежской пуши,
По живому резавшие нас.

Мы ещё и песен не допели,
Что понятны нам без толмача,
Мы, в одной крещённые купели,
С кровью, что, как правда, горяча!

КОРНЕЕВ *Вадим Николаевич* родился в 1948 году. Автор шести поэтических сборников, изданных в Курске, Воронеже и в Москве. Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии "Прохоровское поле". Живёт в Курске.

РОДНЯ

Как шумели радостные кроны!
Стоит только посмотреть назад —
Вижу сад у бабушки Матрёны
И у тётки Милы вижу сад.

В памяти я это не разрушу —
Пусть их никогда уже не есть! —
Яблоки какие были, груши,
Вишни, сливы — всё не перечеть.

Что руками добрыми кохалось,
Тёплым ливнем, ключевой водой,
Только в светлой памяти осталось,
Всё повыворчёвано бедой.

Люди, люди... Что же с нами случилось?
Помню Украину! У меня
Там родни почти что не осталось,
Только весь народ — моя родня!

* * *

М. Винграновскому

Украина! Вишеньем и зноем,
Рушниками песен под баян
Ты теперь навек уже со мною,
Ты вторая родина моя.

Не искал я родину другую..
Кто в скитаньях смог её найти?
Но весной на Харьков и Чугуев
Так душа и рвётся из груди.

С детства помню я твои дороги,
С матерью ходили мы по ним,
И по-русски благодарно — в ноги —
Яворам я кланяюсь твоим.

Кланяюсь густым твоим пшеницам,
Дюжим тыквам, спящим на боках,
И чумацким шляхам, и криницам,
Мальвам и подсолнухам в садках.

Может быть, и сердца мне не хватит,
Одному — не много ль две любви?..
Украина! Зори на леваде,
Родичи умершие мои!

ПОЕЗДКА ЗА ГРАНИЦУ

Зелёная струится полоса
Вдоль окон. Как же мне не удивиться?
Ведь в первый раз я еду за границу.
И вся дорога — ровно три часа.

От тамбурной скрежещущей болтанки,
От курева — на сердце маята,
Мелькают перелески, полустанки —
Все с детства мне знакомые места.

Всё с дорогим повязано, всё с личным...
Так отчего ж тревога и напад?
Не думал я, что станет приграничным
Мой город, словно сотни лет назад,

Как при Батые или при Мамае,
В старинной той рекомой полутьме,
Когда стоял он, шапки не ломая,
Подставив грудь широкою Литве.

И выстоял. Мечом остался ржавым
След давних лет на этом рубеже...
Грохочут стыки — промелькнула Ржава,
Вот проскочили Белгород уже.

Уже давно в купе знакомы люди.
“Где легче жить?” — угас извечный спор...
Последний час всегда в дороге нуден,
Случайный затихает разговор.

Скрип тормозов, и с хрипотцой прокаркал,
Оповещающая, — прибыли уже, —
Вокзальный репродуктор...
Здравствуй, Харьков!
Я за границей. Смутно на душе.

СЕРГЕЙ КОРОТКОВ

И ГРЯНЕТ СВЕТ...

* * *

Война приблизилась к границам,
Того гляди, завяжут бой.
И лишь Китай огромной птицей
Летит над бурей мировой.

И над руинами Дамаска,
И над бесчинствами ИГИЛ
Летит дракон. Иль это маска,
В которой тайну он сокрыл?

Вниманьем неземным наполнен,
Ему — фортуны дикий крик.
Он уловил созвездий волны
И перевёл на свой язык.

Терпел утраты и лишенья,
Народ, упорный, как гранит.
Он отрицает разрушенье
И древность в памяти хранит.

КОРОТКОВ Сергей родился в 1948 году в селе Ардон Северо-Осетинской АССР. Учился на ВЛК в семинаре Ю. Кузнецова. Работает в Правлении Международного Сообщества писательских союзов. Автор книг "Акафист грозы" и "Экспресс спасения". Лауреат Международного конкурса поэзии МАПП (2007) и Всероссийской литературной премии имени Бальмонта (2013). Член Союза писателей России. Член Академии российской словесности. Награждён медалью "Патриот России".

И новое хватает жадно,
Повсюду умники его,
И сердцу русскому отрадно
Восточной мощи торжество.

Молю тебя, о Провиденье!
Союз с Китаем воплоти.
А запад — это сновиденье,
Мираж на шёлковом пути.

* * *

Как много скорби в смертном часе,
Но всё же легче тем рабам,
Кто видит в милосердном Спасе
Противодействие гробам.

Истлеет всё в подлунном мире,
Пятно луны — и то сотрут.
В бездонном и ночном эфире
Устои мрака упадут.

И грянет Свет. И станет Силой!
Завет, непобеждённый тьмой,
Взлетит над каждой могилой,
Любовью воскресит самой.

* * *

В непробудные смутные годы
Народили мы бедных детей
С непонятною жаждой свободы
И безумием адских страстей.

Их сердца обрастают шипами,
Норд холодный им рты леденит,
И в ответ извергается пламя
Недоношенных нами обид.

В тёмных дебрях кооперативок
Мы живём, как под голой луной,
Если дочь, — словно рысь, на загривок,
Если сын клюв смыкает стальной.

Угасающие в зевоте,
Заслужили мы участь свою.
И вороны ликуют в полёте,
И змея замерла на краю.

* * *

Исповедуюсь я сини,
Что раскинулась над плёсом.
Исповедуюсь я глине,
Что желтеет по откосам.

Исповедуюсь я солнцу,
Будто оку молодому.

Исповедуюсь оконцу,
То есть образу святому.

Что я вижу на иконе?
Глину древнюю нагую
И — зарёй на небосклоне —
Матерь Божию живую.

Век за веком нежит Сына
На руках своих престольных.
Век за веком дышит в сини,
Исповедуя достойных.

* * *

Прикоснусь к синеве той дальней,
Что над белым безмолвьем взошла.
Прикоснусь, назову её тайной
И поверю, что мать ожила.

Вот идёт она тропкою стылой,
Не во сне идёт, наяву.
Назову её Родиной милой,
Незабвенной своей назову.

Свет лимонный парит над излучиной,
И другая теперь синева.
Мама, мама, ты светишься лучиком,
И твои негасимы слова.

Как смотрела ты в душу сыновнюю!
О, как очи сияли твои!
Мама, мама, тебя, мою кровную,
По весне отпоют соловьи.

СЕРГЕЙ МИХЕЕНКОВ

БЕССМЕРТНЫЙ СЕРЖАНТ

ПОВЕСТЬ*

БЕГ

Октябрь 41-го. Шестьдесят пехотных, танковых и моторизованных дивизий группы армий “Центр” начали операцию “Тайфун” — мощный и стремительный рывок на Москву, который должен был окончательно решить судьбу похода германской армии на Восток.

На Брянском направлении танкам и мотопехоте 2-й танковой группы генерала Гудериана противостояли войска Брянского фронта, в том числе 50-я армия генерала Петрова. В первые же дни немецкого удара фронт армии был разрезан, и её дивизии, полки, а порой батальоны и отдельные отряды сражались изолированно. Те, кто выжил и выдержал первый натиск, отходили к Туле. К Туле стремились и танки Гудериана. Началась гонка — кто вперёд займёт город и оборонительный район в окрестностях. Две массы войск, утопая в грязи, спешили на восток. Одни — чтобы занять удобные позиции и оборонять город и московские тылы на заранее подготовленных рубежах; другие — чтобы лишить войска противника, сбитые с позиций под Брянском, всякой опоры и на их плечах ворваться в Москву.

МИХЕЕНКОВ Сергей Егорович родился в 1955 г. в деревне Воронцово Куйбышевского района Калужской области. Служил в армии на Чукотке. Окончил филологический факультет Калужского государственного педагогического института им. К. Э. Циолковского и Высшие литературные курсы Союза писателей СССР. Работал журналистом, учителем, научным сотрудником краеведческого музея, занимался издательской деятельностью. Автор пятнадцати книг прозы. Лауреат премий им. Н. А. Островского и А. Хомякова. Живёт в г. Тарусе на Оке.

* Журнальный вариант.

Командарм Петров, герой Испании, погибнет в пути. Армию возглавит другой генерал — Ермаков. Энергично проведёт перегруппировку остатков частей, вышедших к Туле, и с ними остановит танки Гудериана.

Солдаты, отступавшие в те дни и ночи по разбитым дорогам Брянщины к Туле, ничего этого не знали. Они просто бежали на восток, к Москве. Никто из них не мог и предполагать, что ждёт их в конце пути. Бегущим всё казалось пропавшим, уничтоженным, раздавленным гусеницами немецких танков, сожжённым точным огнём чужой артиллерии. И собственные жизни им представлялись случайными химерами, которые вот-вот тоже растают среди дорог, полей и перелесков, превратившись в землю и дождь.

— Наше дело какое... — рассуждал пожилой боец Отяпов, расправляя перед ярким пламенем костра сырые портянки. — Наше дело — солдатское. Приказали бежать, мы и бежим. Бежать — не позор. Это я вам говорю точно. Потому как можно и вернуться. — И Отяпов хитровато и весело улыбнулся, шевельнул свою портянку, от которой сразу пошёл густой мужицкий дух; смешиваясь с дымом махорки, он завязался в такой ядрёный жгут, которым можно было повалить любую вражью силу.

Их полк был третьи сутки на марше. И марш-то какой-то несуразный. Командиры злые, неразговорчивые. Видать, думал себе боец Отяпов, всё это оттого, что на прежних позициях много добра покидали, а теперь за такую бесхозяйственность и форменное вредительство придётся отвечать перед Родиной и народом. Но народ-то, перед которым надо было держать ответ, и сам бежал, горбясь под мокрым снегом в промокших шинелях и ватниках. Хорошо хоть винтовки не побросал! А Родина всё не кончалась и не кончалась. Правда, дороги становились всё хуже и хуже.

— Ты, Отяпов, своим штандартом тут перед нами не маши, — сказал сержант-связист, прибившийся к их взводу по дороге.

— А что такое? Аппетит испорчу? Так всё одно с утра ничего не ели и, видать, до утра ничего такого не предвидится.

— Вот выйдем к Рессете, там, в Хвастовичах, наши дивизионные тылы. Там нас ждут кухни и отдых. Так что, ребята, не падайте духом. — Ротный стоял чуть поодаль, под разлапистой елью и тоже нервно курил, заглушая голод и тоску.

Обеуться они и на этот раз не успели. Пронеслось по лесу, от костра к костру вдоль остановившейся на час-другой дороги:

— Тушить костры! Приготовиться к маршу!

И снова двинулись по осенней слякоти, изнашивая остатки обуви, которая первая страдала во время таких изнурительных переходов. Вот, думал боец Отяпов, с беспокойством поглядывая на свои ботинки, и спать вам не надобно, и есть не просите, а силу изнашиваете прежде моей. Ещё месяц назад он получил со склада совсем новенькие ботинки. Крепкие, как борона, пахнущие дёгтем. И сносу им, казалось, не будет. И что он в них поевал? Какие такие сроки? Неделю и два дня. До этого, так сказать, нёс службу при дивизионной прачечной. Там, с бабами, было повеселее. А тут вон и шутки никто не понимает...

В левом ботинке стало холодить, а вскоре и вовсе захлопало. Что ж ты, боец, с досадой поглядывал на него Отяпов, так скоро из строя запросился? Да, вот попробуй, хоть какой ты будь командир, но прикажи ему, ботинку, воду не пропускать! Хрен он тебя послушается! А ты, сутки некормленный, с десятью патронами в подсумке, изволь, исполняй то, что тебе прикажут. А что прикажут? Приказ бойцу всегда един — Родину оборонять. Вот и оборони её, с десятью-то патронами... Хорошо, что придумал Отяпов себе вот какое облегчение жизни: выменял за горсть табака у сержанта-связиста новенькую пару фланелевых портянок, подвернул их, сверху обмотки, и — как сапогах! Но где-то сбоку, видать, раскис и начал расходиться шов. Надо бы просушить ботинок, почистить его и подбить свежими деревянными шипами. Но где о таком думать в этой кутерьме?

Спать на ходу для Отяпова — дело тоже привычное. Лишь бы на чей-нибудь штык не напоротся. А то споткнётся кто из впереди идущих, выста-

вит свою винтовку с примкнутым штыком, а ты — на него. Хорошо, народ почти побросал свои штыки. Ни к чему они теперь им, бегущим. Только за берёзки цепляться, движение задерживать. Но побросали не все.

А дрёма так и охватывает, так и ласкает тело. Натурально бабья натура у этой дорожной усталости... Нет сил отгонять её. Так и прилёт бы сейчас под любым кустом, хотя бы вон под тем, или под тем, где мох погуще, не посмотрел бы ни на сыр, ни на что. Только бы выспался вельшь, а там... Будь что будет...

И посреди этих своих сугубо личных мыслей встрепенулся Отяпов, открыл глаза и увидел идущего рядом старшего лейтенанта Безлесова. Тот, похоже, тоже на него глянул. Как бы не догадался, о чём я только что возмечтал, беспокойно подумал Отяпов. Вспомнил вечернее происшествие...

ЧП случилось, когда только-только начало смеркаться и дивизия, закончив днёвку, побатальонно начала выдвигаться на лесную дорогу. Из роты пропали двое. Отяпов их знал. Тамбовские. Вроде бы хорошие, надёжные ребята. На Десе лежал с ними в одном окопе, когда немец налетел самолётами и начал обрабатывать тяжёлыми бомбами передний край обороны полка. Ничего, медвежатиной от них после налёта не пахло. Потом отбивали танковую атаку. Один танк прошёл через их окопы, и артиллеристы подожгли его уже в тылу, возле блиндажей санчасти. Но и тут тамбовские не сплеховали. Стреляли, как все, отсекали пехоту.

И вот — ушли с поста. Смена пришла, а их и след простыл.

Роту послали на поиски. Прочесали ближайший перелесок, нашли. Сперва винтовки. Они их побросали в куст. Подсумки, гранаты. А потом поймали, похватили и самих беглых.

Расстреливали перед дорогой, чтобы видел весь полк. Зачитали приказ. Вырыли ямку. А полковая колонна всё шла и шла мимо, и все смотрели на тамбовских, как они стояли над ямкой под берёзой, белые, как мел, и ждали каждый своей пули.

Когда комендантские вскинули винтовки, Отяпов закрыл глаза. Смотреть на то, как умирали тамбовские, он не пожелал. Отяпову почему-то их было всё же жалко. Хоть и присяге они изменили и товарищей своих бросили, в том числе и его, Отяпова, но всё же в душе стонала какая-то жалость и сомнение, что можно было бы не расстреливать бойцов за малодушие, за проявленную трусость и прочие отвратительные черты, достойные всяческого осуждения и даже презрения товарищей по оружию. Пострадать, попозорить, но жизнь оставить. Потому Отяпов и зажмурился, когда захлопали возле берёзы затворы.

А некоторые смотрели. И потом обсуждали, вспоминали, как падали расстрелянные в яму и как их комендантские торопливо закапывали...

Левый ботинок разваливался. А тамбовских расстреляли в сапогах, и сапоги на них были добротные, первого срока. Думать о сапогах расстрелянных, а уж тем более сожалеть о них, конечно же, стыдно. Но вот сейчас через шаг-другой отвалится подмётка, и что тогда ему, бойцу Отяпову, делать посреди дороги? Как воевать дальше? Нет, угрюмо думал он, кое-как преодолевая сон и усталость, командование всё же поступило расточительно. И не только с расстрелом, но и с сапогами расстрелянных. Пускай бы старшины забрали в свой обменный фонд, а там бы, глядишь, и таким, как Отяпов, что-нибудь из того обменного склада справедливо перепало.

За этими мыслями, которые истерзали бойца Отяпова, и застал его свистящий шорох снаряда. Снаряд пролетел мимо и разорвался где-то в глубине леса правее колонны. Но то, что он откуда-то прилетел, и прилетел сюда, к большаку, по которому шли батальонные колонны, тянулись обозы тылов и артиллерийские запряжки, было плохим знаком.

Снег к утру усилился. Залеплял лицо и сёк, со звоном, будто колочей проволокой, царапал по каске. Но снег так не беспокоил. Что снег, если через два дня Покров? Снегу уже и пора. Обеспокоил Отяпова снаряд.

Прилетел, сокол ясный, пёс клыкастый... Значит, немцы их колонну обнаружили. Дают пристрелочные. Сейчас должен второй прилететь. Если не прилетит, загадал Отяпов, значит, напрасно я тревожусь, шальной залетел.

Второй снаряд лёг уже поближе к дороге. Видно было, как блеснуло за деревьями, и чуть погода посыпалась по кустам осколками. А третий на куски разнёс санитарный фургон. Машина стояла на пригорке перед ложиной и из неё перегружали на повозки раненых. Видать, закончилась горючка. Вот как неудачно остановился.

— Господи, Иисусе Христе... — И Отяпов украдкой перекрестился.

Бойцы кинулись было спасать уцелевших, но им замахали руками выбежавшие навстречу санитары:

— Не надо! Не надо! Никого там уже нет.

Начали помогать санитарному обозу переташиться через ложину. Дорогу совсем растолкли. Вперёд ушли танки и бронетранспортёры. Тракторы протаскивали тяжёлые орудия. И теперь телеги по ступицы проваливались в колеи, заполненные густой жижей. Кони лезли из гужей. Да, думал Отяпов, глядя на старания коней, нам несладко тут о смерти думать, а какового им...

— Впрягайся, пехота, без нас и тут беда, — приказал ротный и сам принялся толкать повозку.

Раненые были прикрыты шинелями и соломой, и только бледные лица их колыхались в темноте. Иногда слышался стон или какая-нибудь просьба.

— Да какой тебе закурить, — терпеливо увещевал старшина какого-то бедолагу. — Вот переправимся на тот берег, там покурим. А тут... Тут германец не разрешает. Так что терпи.

Снаряды теперь падали справа и слева, впереди и позади.

— Шире шаг, мать-перемать! — кричал какой-то незнакомый капитан в распахнутой шинели с обгорелыми полами.

Высокий и худой, как обгорелое дерево, он стоял на взгорке и размахивал чёрным трофейным автоматом без магазина. “Всё перепуталось”, — думал Отяпов, торопя идущего впереди сержанта-связиста:

— Давай, Курносов, шибче двигайся. А то немец прихватит серёд дороги.

— На дороге — не беда. Лес рядом. А вот ежели на переправе...

Рядом тянулся санитарный обоз.

— Дядя Нил, подсоби! — услышал он знакомый голос.

Присмотрелся: Господи, Иисусе, так это ж Лидка! Лидка Брусиленкова, его свояченица племянница из соседних Боровичей. До войны фельдшером работала в районной больнице. И тоже в шинельке и в пилотке.

Лидка нахлёстывала серого исхудалого коня, до плеч забрызганного дорожной грязью. В повозке лежал раненый. Его трепало так, что голова его билась о крайнюю доску. Отяпову даже показалось, что Лидка везёт мёртвого. Мёртвых складывали у дороги, мёртвых дальше не везли. А на их место тут же притаскивали только что упавшего и наспех перевязанного, в кровавых бинтах.

— Ты ж откудова, дочка, в наш ад свалилась? — посочувствовал ей Отяпов, подтолкнул к повозке сержанта Курносова и сам налёг на полёк.

Ещё двое бойцов из их роты ухватились за тяжи. Конь, почувствовал помощь, полез по грязи, как чёрт, и через минуту-другую они уже бежали, то ли подталкивая полёк, то ли держась за него.

Отяпову показалось, что от раненого потянуло сивушным духом. Он присмотрелся к лежавшему под солдатским одеялом и вдруг узнал в нём комбата. Толкнул Лидку.

— Мне велено переправить товарища капитана Титкова на тот берег Рессеты, — упреждая его взгляд, сказала Лидка и отвернулась.

— Куда его ранило? — тихо, чтобы тот не услышал, спросил Отяпов, уже догадываясь, что ответит Лидка.

Но она ничего не сказала. Будто не расслышала. Бойтся, подумал Отяпов.

— Скидай его в канаву, сук-кина сына! — И Отяпов потянулся, чтобы перехватить вожжи.

Но Лидка огрела его кнутом, так и обожгла мокрой и тугой, как проволока, супонью по руке. Потом начала нахлёстывать коня, и тот понёс повозку обочиной, обгоняя понуро бредущих бойцов.

“Вот жизнь, — думал Отяпов, — твою капитана-мать...” А ведь капитан — действительно капитан. Он разглядел шпалу на петлице шинели. Большой человек, батальоном командует...

На Лидку Отяпов не злился. Может, влюбилась, дурёха, в своего командира. До войны на женихов ей не везло. Двадцать пять лет, а никто замуж так и не позвал. А на войне женихов много. Лидка прибыла, видать, с последним пополнением. Надо ж, в одном батальоне — и ни разу не встретились.

Пока вытаскивал из грязи повозку с пьяным комбатом, левый ботинок совсем рот разинул, и вода в него пошла вместе с дорожным грунтом — полной рекой... “Твою-капитана!..” — про себя выругался Отяпов, но о комбате уже не думал. Думал о Лидке.

Что злиться на Лидку? К тому же приказ ей отдан... А коли приказ, то как быть военному человеку? Исполнять! А как иначе?

А вот он бы поступил иначе. И Отяпов вспомнил, как в тридцать шестом с мужиками искупал в пруду пьяного председателя колхоза. Тоже горячка была, дожди пошли, а сено всё в лугах, растрясено, мокнет, гниёт. Председатель в правлении со счетоводкой и уполномоченным из района гулянку затеяли. Ну, и нагрянули они к ним на честной пир с мужиками, вытащили всех троих на пруд и искупали в ряске... Чуть не посадили. Хотели припасть неуважение к власти или что-то такое, по вредительской части. Но обошлось. Председатель райисполкома вмешался. Хороший мужик. Сейчас тоже где-то воюет. Может, полком командует, может, по политической части кем. Такие нынче при больших штабах...

Чем ближе к переправе, тем сильнее огонь. Мины хрюскали уже в самой гуще народа. Лидка с пьяным комбатом унеслась куда-то вперёд. Её глубоко надвинутую на голову пилотку Отяпов давно потерял из виду. Хорошо, Курносов выручил, дал ему кусок провода, и Отяпов тем проводом хорошенько скрутил ботинок. Теперь даже вода меньше поступала внутрь, и можно было не беспокоиться, что подошва отвалится и потеряется в грязи. Спасали, конечно, портянки да провод Курносова. Вот спасибо сержанту, не зря он связист!

Впереди открылась широкая пойма. Мост. Дымящиеся воронки вокруг. И через всю пойму, сбиваясь у моста в тугой жгут, шёл, кольхался сплошной серый поток. Этот поток гудел угрюмыми и злыми голосами, гремел оружием и снаряжением, матерился, стонал и кашлял. В нём чувствовалось нечеловеческое напряжение, страх и надежда, что самое опасное вот-вот будет пройдено, останется позади. Страх передавался и лошадям, и они шарахались по сторонам, сбивали с ног людей, сами падали на колени, ломая оглобли. Но сломанные оглобли тут же скручивали ремнями, и кони снова шли вперёд в том же потоке.

— Давай, Курносов, не отставай, братец, — торопил Отяпов сержанта.

Поток, в котором они оказались, вылился из леса в пойму. На какое-то время людям стало просторней и легче бежать к мосту. Туда устремились все, и пешие, и конные. Совсем рядом ударил снаряд. Отяпова обдало болотинной и горячим тухлым воздухом сгоревшей взрывчатки. Охнул бежавший впереди боец и ухватился за воздух. На мгновение Отяпов встретился с ним взглядом. Лицо знакомое, вроде из соседнего взвода, второй номер пулёмётного расчёта. Так и есть, на боку сумка с запасными дисками для ДП*. Надо бы помочь пулёмётчику, мелькнуло в голове, но тут же эту мысль, словно осколком, перерубило другой: не справлюсь, не донесу, уж больно парень велик для моих плеч, эх, твою-капитана, всех не вынесешь...

— Держи, не потеряй! — И Отяпов сунул сержанту свою винтовку.

Пулёмётчик действительно оказался тяжёлым. Глубже стали утопать ноги в жидкой болотине. Хорошо, что сапёры загатили колею, и вязанки хвоста всё же кое-как держали, пружинили под ногами, не давали провалиться в пучину.

У самого моста началась давка. Отяпова с его ношей на плече сжали со всех сторон и понесли по настилу вперёд, так что он едва успевал представлять ноги, чтобы не упасть и не быть задавленным в этом злом и неистовом человеческом месиве, где каждый спасал свою жизнь. Курносов хрипел рядом. Только бы не бросил мою винтовку, беспокоился Отяпов. Только бы снаряд не попал в настил...

* Пехотный ручной пулёмёт Дегтярёва, которым были вооружены стрелковые части Красной армии. Основной пулёмёт нашей пехоты в годы Великой Отечественной войны.

И в это время, когда они были уже на середине моста, серия снарядов накрыла пойму на той стороне, откуда они только что ушли, серый поток и край настила. Вверх полетели куски одежды и человеческих тел, брёвна, обломки повозок и всего того, что двигалось в ту минуту через реку.

БОЙ У БОЛОТА

Отяпов встал на колени, соскоблил грязь с лица. Глаза видели, но плохо. Оранжевая пелена мешала разглядеть всё, что происходило вокруг. Рядом карабкался сержант Курносов. Похоже, он был жив. Пулемётчик лежал рядом и смотрел на Отяпова с надеждой. По щекам его текли слёзы. Совсем молоденький, лет, может, восемнадцати, разглядел его Отяпов.

— Не брошу я тебя, не брошу, сынок. Как-нибудь поволоку.

Он встал и начал поднимать пулемётчика. Тот, как мог, помогал ему, карабкался на спину, хватался за скользкую мокрую шинель. Отяпов уже знал, что не бросит пулемётчика ни при каких обстоятельствах.

Лес был рядом. Туда сломя голову бежали те, кому удалось перебраться на другой берег.

Левее послышалась стрельба. Отяпов прислушался и сразу всё понял: вот те на, твою-капитана, называется, ушли, вырвались...

По краю болота бежали немцы. Они старались держать цепь, время от времени останавливались, некоторые припадали на колени и стреляли из винтовок. Ключки пламени взблескивали по всей цепи. Стреляли они то куда-то правее, то прямо в них. Но ни одна пуля ни в кого поблизости не попала.

Вот тебе и вышли из окружения...

Пули вжикали над головой, рвали землю под ногами. Никто из бегущих к лесу на огонь немцев не отвечал. Эх, некому подать команду, лихорадочно соображал Отяпов. Да и винтовки у него нет. Только горсть патронов в подсумке.

— Стой! — закричал Отяпов, уже не понимая, что делает. — Ложись! Приготовить оружие!

Несколько бойцов упали рядом. Захлопали затворы.

— Огонь!

Раздался нестройный залп, потом другой.

— Эх, мать вашу германскую разэтак!.. — матерился Отяпов.

Он и сам стрелял из винтовки, неизвестно как оказавшейся в его руках. Рядом лежал сержант-связист и тоже вёл огонь по краю болота, где залегла немецкая цепь.

И тут из леса стали выскакивать серые шинели с винтовками наперевес.

— Наши!

Возле болота началась рукопашная. Но Отяпову и его товарищам было не до неё. Куда там в это месиво лезть? И не разобрать, где свои, где чужие.

Откуда-то взялась повозка с Лидкой. Лидка, напуганная, в глубоко надринутой пилотке, лицо перепачкано грязью и кровью. В повозке по-прежнему лежал, болтался на ухабах пьяный комбат.

— Постой, Лидушка! Сил моих боле нет! — И Отяпов сгрузил в повозку, прямо на комбата, свою ношу. — Вези, доченька. С Богом.

И они навалились на грядки, чтобы поскорее вытолкнуть повозку из поймы на горку, в лес.

В лесу комбат пришёл в себя и начал выбираться из повозки. Его мутило.

— Эх ты, шваль подколёсная, — вслух думал о нём Отяпов. — Сколько нынче хорошего народу побило, а тебе хоть бы что... Вон сколько харчей перепортил. А тут маковой росинки во рту не было уже сутки.

Отяпов отвернулся, чтобы не смотреть на позор своего командира. Это он сейчас такой, подумал он, а завтра протрезвеет, осмелеет и опять ими командовать станет, орлом поглядывать да покрикивать.

Из поймы в сторону болота, куда отошли немцы, бежали бойцы, тащили пулемёты. Ездовые гнали повозки, нагруженные миномётными трубами

и ящиками с боеприпасами. Командовал отрядом худощавый капитан, тот самый, который торопил их на рассвете перед переправой. На плече он держал чёрный трофейный автомат. Теперь в автомате торчал длинный рожок. Капитан подошёл к ним, заглянул в повозку.

— Капитан Титков? — Взглянул на Лидку, которая ни жива ни мертва сидела, поджав ноги, на грядке. — Что с ним? Пьян?

И Лидка, и Отяпов, и бойцы, оказавшиеся рядом, молчали. Словно позор капитана Титкова, будто из отхожего ведра, обгадил и их.

— А ну-ка, ребята, ставь его к сосне! — Капитан резко опустил автомат и оттянул затвор. — Ставь, ставь! Согласно приказу номер двести семьдесят... Как приказывал товарищ Сталин? — И капитан провозил холодным блеском остановившихся глаз Отяпова. — Товарищ Сталин приказывал: если дать волю этим трусам и дезертирам, они в короткий срок разложат нашу армию и загубят нашу Родину. А потому товарищ Сталин очень правильно приказал: трусов и дезертиров...

Но не успел он договорить, как несколько мин с металлическим хряском обрушились на дорогу и полянку, где накапливались выходящие из поймы бойцы и повозки.

Отяпов и бойцы попадали, кто где стоял. А когда подняли головы, ни капитана, ни его подчинённых ни возле повозки, ни поблизости нигде не увидели. Только голос его, хрипловатый, с тугой металлической окалиной рокотал где-то внизу, в стороне переправы.

Все в лес, подальше от этой проклятой реки, подумал Отяпов, а этот назад пошёл, и людей своих повёл. Вот кому сам чёрт не брат. Вот это капитан! С таким и умереть не страшно. Нет, братцы, не всё ещё пропало, засмеялся он через силу, есть и в нашей армии смелые и гожие для хорошей войны люди.

Они затащили на повозку своего комбата. Лидка протёрла клочком соломы, выдернутой из подстилки, его заблёванную шинель.

— Вези, Лидка, — махнул рукой Отяпов. — Что ж делать... За него ведь и такого с тебя спросят. Да парня не брось! Спасибо за перевязку. Даст Бог, выживет. Вези скорей. Выходишь — жених тебе будет. Смотри, какой парняга...

Возле дороги строили вышедших с переправы. Командовал лейтенант в кожаной куртке и рыжей португее.

Отяпов с сержантом тоже стали в строй. Хорошо, Курносов вынес его винтовку. Сейчас бы лейтенант этот, с рыжей португеей, и ему тоже стучал бы в лоб наганом:

— Где винтовку бросил, сучье отродье! Бегом марш! И чтоб через десять минут доложил о полной боевой готовности!

Лейтенант ходил перед строем, как ворон, готовый клонуть. Револьвер он держал в руке.

— Наша задача — не дать противнику захватить переправу! Оттеснить в болото... Сейчас подвезут боеприпасы. По банке консервов на брата и по три сухаря. Патронов можно брать до двух боекомплектов.

— Ну вот, Отяпов, эти хоть покормят, — толкнул его сержант Курносов.

Отяпов с облегчением вздохнул. Интересно, какие консервы, мясные или рыбные. Любые хороши. Лучше бы, конечно, мясные...

Лейтенант командовал “вольно”. У кого имелаась махорка, сразу закурили. Ждали обещанных консервов и сухарей. Продукты, действительно, вскоре привезли на широкой армейской повозке. Лейтенант принялся делить пайки. А старшина, управлявший повозкой, открыл ящики с патронами и, улыбаясь щербатым ртом, сказал:

— Ну, налетай, кому пряного посола не хватило!

“Пряного посола” хватило всем. Скумбрия в масле — тоже вещь хорошая. У сержанта Курносова откуда-то взялся немецкий штык-нож. Он тут же ловко, одну и другую, крутанул им крышки консервных банок. Облизал плоское лезвие, сунул его, чистое, за голенище.

Отяпов ловил пальцем скользкие рыбные кусочки, с тоской наблюдая, как быстро пустеет банка. Вскоре в серебристой посудинке остался только

запах. Но и пустую её выбросить было жалко. И только когда сержант Курносов поднёс каску, наполненную блестящими патронами, он бросил банку в кусты и расстегнул крайний подсумок. Патроны были уже в обоймах.

Рассовав боекомплект по подсумкам и карманам, Отяпов осмелел и пошёл к старшине.

— Тебе чего, папаша? — спросил старшина.

— Да вот... — И Отяпов указал на свой негожий ботинок, скрученный телефонным проводом. — Обужи сменной на вашем складе, случаем, не имеется?

— Имеется, — живо согласился старшина и указал за сосны, где были сложены в ряд убитые во время миномётного обстрела. — Любого размера и фасона. Можно даже подобрать трофейные — с железными подковками. Из самой Германии, биё-мать...

Эх, в рыло бы тебе, складская душа, подумал Отяпов, глядя на съеденные то ли махоркой, то ли чифирём редкие зубы старшины.

Вскоре начали строиться. И тут прибежал боец, которого лейтенант прогнал за винтовкой. Ему тоже выдали паёк и патроны.

— Ну что, Гусёк, нашёл свою судьбу? — окликнул бойца лейтенант.

Он так и держал наган в руке.

— Нашёл, товарищ лейтенант. Там, возле моста уронил... Обстрел начался, ну, я и...

— Молодец! Даже если винтовка не твоя. Становись в строй!

Интересно, Гусёк — это фамилия или прозвище? Отяпов разглядывал бойца. Невысокий ростом, длинная, не по росту шинель. Такие урезают на ладонь — на фитили для коптилок.

Пошли. Гусёк всё время держался возле Отяпова и сержанта. Тот помог ему откупорить банку с рыбными консервами. Гусёк буквально проглотил её содержимое. Масло текло по щекам, по дрожащим губам, и тот облизывал их и улыбался счастливой улыбкой. Как-никак, а всё же поел перед смертью.

— Расстрелял бы, — кивнул Гусёк на лейтенанта, который шёл впереди с наганом в руке. — Если бы винтовку не нашёл, — как пить дать, расстрелял. Ротный не шутит. Он у нас такой...

— Да я ж нашёл! Вот она! — радостно оправдывался Гусёк и тряс в руке винтовку. — За что ж меня расстреливать?

Да, подумал Отяпов, ротный тут — личность свирепая. Где теперь его рота? Где старший лейтенант Безлесов? Почему он с чужим ротным идёт куда-то? А куда идёт? Видать, в бой. Немцы рядом. Их только отогнали к болоту.

Переправа снова заработала. Это было ясно по тому, как серый поток снова выплеснулся из поймы и несколькими дорогами, должно быть, только что пробитыми, стал торопливо втягиваться в лес на восточном берегу Ресеты.

А куда вёл их этот самоуверенный лейтенант в кожаной куртке? Надо было уходить в лес с Лидкой и комбатом. Сейчас бы, может, уже возле кухни стояли, кашу бы из котелков дёргали. Отяпов с неприязнью вспомнил о комбате. И почему таким сволочам всё время везёт? Вот и капитан его не расстрелял. И на мосту под снаряды не попал. И немцев вовремя от переправы отбили. И сейчас, видимо, благополучно едет в тыл на мягком сене под присмотром этой дуры Лидки.

Впереди слышалась стрельба. Тарахтел “максим”, делая небольшие паузы. Очереди длинные, такие делает неопытный пулемётчик. Или противника не видит, а так, лупит наобум лазаря, чтобы только командир не бранился, почему не стреляет...

Из-за деревьев им навстречу выбежал ещё один лейтенант.

— Вот кого смог набрать... Шестьдесят два человека при двух пулемётах. — Лейтенант в кожаной куртке махнул наганом, и Отяпову показалось, что он посмотрел на него. — Все с оружием. Даже Гусёк. Третью винтовку за сутки бросает. Пристрелить — патрона жалко. — И лейтенант засмеялся.

Гуська трясло. Он вёл по прищелу грязной протиркой, продвигал намушник и украдкой поглядывал на лейтенантов. Опять про него вспомнили...

— Сидят, не рыпаются? — спросил тот, которого Гусёк называл ротным.

— Пока сидят. Но, думаю, скоро полезут. — Второй лейтенант был помоложе. И одет попроще, в стёганую телогрейку и будёновку. В руке ППШ. — Без поддержки миномётов или артиллерии не полезут. Ждут усиления. — Сколько их там, неизвестно. Думаю, не меньше роты. Пленного взяли. Ребята из второго взвода поймали возле болота. Показал, что из полка “Великая Германия”, что полк только что переброшен с северного участка фронта, с Варшавского шоссе.

— Хорошо, что погода нелётная.

— Да. Туман. Хоть что-то... Всерьёз за нас взялись.

Немного погодя лейтенанты разошлись. Лейтенант в кожаной куртке ушёл на левый фланг. Другой, сбив на затылок будёновку, оглянулся на них:

— Приготовиться к атаке. Штыки!..

Какие там штыки... Штыки давно уже побросали — лишний груз. Но Гусёк свой не бросил, прилаживал к стволу. Руки у него дрожали, и штык никак не защёлкивался. В конце концов, он его бросил на землю и отшвырнул ногой в сторону.

— Дай-ка сюда. — И Отяпов ловко, одним движением насадил штык на ствол Гусёковой винтовки. — На, воюй.

— Пошли, — негромко и не по уставу сказал лейтенант, встал и, не пригибаясь, в полный рост пошёл вперёд.

Отяпов немного повременил, словно дожидаясь, когда немецкий пулемёт срежет храброго лейтенанта. Но тот вошёл в просвет между деревьями, оглянулся, сбросил с плеча ППШ. И Отяпова будто сорванная с пазов пружина выбросила из-за сосны и понесла вперёд, к болоту.

Такого командира бросать нельзя, к такому надо держаться поближе. Это Отяпов хорошо усвоил по предыдущим боям.

Болото заплыло туманом. Виднелись лишь сухие шесты ольхи, будто воткнутые в снег.

Немцы почему-то молчали.

Лейтенант вначале шёл, а потом, поняв, что бойцы поднялись, побежал вперёд. Он бежал так быстро, как мальчишка, которого невозможно догнать. Куда ж ты, лихой, навстречу своей смерти так спешишь, хотелось крикнуть Отяпову, едва поспевавшему за ним.

И тут произошло то, о чём потом вспоминали выжившие и помнили всю войну, потому что такое, даже на передовой, случается крайне редко.

В тумане начали проступать какие-то столбики. Послышался смутный шум, похожий на движение многих людей.

Вот они, понял вдруг Отяпов и, испугавшись, что бежавшие рядом Курносов и Гусёк могут не выдержать и попытаться залечь или как-нибудь по-другому уклониться от неминуемой встречи, крикнул первое, что пришло в голову:

— Держи строй, ребята!

Немцы шли ровной цепью с одинаковыми интервалами. Ни выстрела, ни крика команд. Они уже всё решили, как разделаться с их отрядом и двумя храбрыми лейтенантами.

Вначале зарычали на левом фланге. Там, в тумане, видать, схватились те, кого вёл лейтенант в кожаной куртке. А уже через мгновение вихрем захватило и остальных.

Туман в один миг будто рассеялся. И они увидели, что ровные столбики, вышедшие из болота, движутся на них полудольцом, охватывая с флангов. А значит, их больше, с ужасом понял Отяпов, если решили окружать. Но теперь надо было думать уже о другом. А лучше вообще ни о чём не думать, чтобы не мешать ни себе, ни своим товарищам.

В какой-то миг Отяпов успел увидеть, как Гусёк обогнал его и, держа винтовку со штыком на вытянутых руках, чтобы она была длиннее, кинулся в расступившийся туман, но тут же упал, то ли споткнувшись, то ли сбитый с ног пулей или ударом немецкого приклада. И это его спасло от другого приклада, который немного запоздал и только чиркнул металлической накладкой по каске Гусёка.

Отяпов боялся потерять винтовку. Он уже не думал ни о лейтенантах, ни о своих боевых товарищах Курносове и Гуське — винтовка стала его и командиром, и напарником. Он перехватил её одной рукой поперёк цевья, другой за шейку приклада и расчищал перед собой пространство, круша всё, что выступало из тумана и преграждало ему путь к переправе, к разбитому мосту, к лейтенанту, потерявшемуся в этой смеси тумана и ужаса.

Рукопашная закончилась так же неожиданно, как и началась. Отяпов застал себя стоящим на коленях. Перед ним лежало тело человека, которого, должно быть, он сбил с ног минуту назад. Одето оно было в тёмно-зелёную шинель с погонами. Рядом лежала винтовка с примкнутым широким белым штыком, похожим на нож.

— Живой? — Кто-то знакомый наклонился к нему, заглянул в лицо, нелепо улыбнулся.

— Ну, что ты головой трясешь? Как конь перед бороздой... — сказал другой.

Кому это говорили? Неужто ему, Отяпову? Он потрогал свою голову. Ничего, голова была в каске, каска цела, голова тоже.

— Пошли, пошли...

А голоса хоть и знакомые, а будто издали доносятся до него.

Вот и лейтенант. Тот, первый, злой, в кожаной куртке. Теперь у него в руке был немецкий автомат. Смеётся. Довольный. Видать, повезло ему, по шее не попало. А где другой, молодой, с ППШ?

Под сосной складывали убитых. Знакомых среди них никого нет. Как нет? Вот лежит, голова разбита, затылок словно косой срезан. Вот он, твой лейтенант, боец Отяпов. Тот, кто тебя в бой повёл. Кто первый в свалку кинулся. Кого ты искал в тумане, чтобы рядом с ним быть. И буденовки на нём уже нет. Видать, потерял...

Болела спина. Болело плечо. Болела левая рука.

— На вот, переобуйся. Далеко ли ты, разутый, уйдёшь? — опять этот голос. Голос хороший, сердечный. А рассмотреть лицо человека, который так заботливо разговаривал с ним, Отяпов не мог. Перед глазами плавал разноцветный туман. Как будто бабочки с диковинными крыльшками порхали в жаркий июльский полдень над сырой лесной дорогой. Такие дороги он любил! Едешь на телеге вдоль оврага, сено с лесного покоса везёшь, а они кругом летают, на рубаху садятся, на руки, цепкими лапками кожу щекочут...

Он сел и начал переобуваться. Новая обувь пришлась ему впору.

— Твой трофей. Заслуженный. Носи.

Голос он узнал. С ним разговаривал Курносов.

— А где моя винтовка? — спросил он Курносова.

— Винтовка тут, — ответил Курносов. — Гусёк несёт.

— Живой? — обрадовался он, что жив этот мальчишечка, который, как ему казалось, никак не мог выжить в том аду, который они только что пережили.

— Живой! Герой, брат, наш Гусёк! Немца заколол!

— Неужто?

— Твоего перехватил. Лежать бы сейчас тебе, Нил Власыч, под сосёнкой, если бы не Гусёк, — хвалил Курносов мальчишечку.

— Вот тебе и мальчишечка, — вслух подумал Отяпов. — Спасибо тебе, Гусёк.

Гусёк не ответил. Молча шёл рядом. Отяпов видел его тень.

— Не слышит. Спит, — пояснил Курносов. — Пускай поспит, пока не споткнётся. А спотыкаться ему не привыкать. — И Курносов устало засмеялся.

К ТУЛЕ

Уже стемнело. Накрапывал дождь. Вышли из леса. С просёлка свернули на пашню и пошли пашней. Потом пашня кончилась, под ногами загремела стерня. “Не успели запахать”, — подумал Отяпов и потянул ноздрями

воздух, пытаясь по запаху определить, что тут было сжато, овёс или рожь. Пространство пахло сырой шинелью да ружейной смазкой. Но хлебным духом откуда-то всё же веяло, и народ заметно заволновался. Хотелось есть. Отяпов по себе знал, что у голодного человека, как и у зверя, обостряется обоняние.

Зашли в деревню. Прислушались. Вроде тихо. На другом конце, за оврагом, гудели голоса.

— Немцы, что ль? — И боец, который приболудился к ним в пути, сдвинул каску набок, освободил ухо, прислушался.

Голоса затихли.

— Тебе, Тульский, теперь везде немцы будут мерещиться, — засмеялся Курносов.

— Будут, точно, — согласился Тульский.

На самом деле у бойца было другая фамилия, имя и отчество. Но когда он вышел на них в лесу и рассказал о себе, всем запомнилось главное, что он — тульский. А они шли к Туле. Какая такая надежда появилась у них с приходом в отряд Тульского, никто не мог понять определённо, но каждый из них в себе надежду эту чувствовал. Чувствовал и таил, и она его согревала.

— И что, — переспросил его Гусёк, — из самой Тулы?

— Из самой. Из Заречья. Есть у нас в городе такой район, самый старинный. Живут там исконные туляки.

— Самоварники, — поддакнул Отяпов и подумал: “Вот бы сейчас кипяточку, покруче чтоб, да с сухариком...”

— Нет, я с улицы Штыковой. У нас на Кузнечной слободе живут в основном оружейники.

— И что, в самом деле есть такая улица — Штыковая? — удивился Гусёк.

— Есть. И Штыковая, и Курковая, и Ствольная, и Пороховая, и Дульная.

— Забавный вы, должно быть, народ — туляки, — покачал головой Отяпов, слушая новоприбывшего. — Вот дочапаяем до твоей Тулы, приведём тебя к отцу и матери живым и невредимым. Так ты нас хотя бы покорми. А?

То, о чём не выдержал и сказал Отяпов, было частью их надежды.

Тульский задумался. Погодя сказал задумчиво:

— Мать щи с гусятиной по воскресеньям варит. А сегодня — какой день?

— Хреновый сегодня день...

Некоторое время шли молча.

Погодя Ванников, тоже приставший по дороге, вдруг сказал почти зло:

— Это ж почему только по воскресеньям?

— День такой, — сказал Тульский.

— Хороший, должно быть, город, эта ваша Тула. Самовары у вас самолучшие. Пряники — тоже знатные. Раз как-то пробовал. Понравился. Ружья вон тоже делаете.

— Какие у них пряники?! — снова возразил Ванников.

— Ты, Калуга, мне просто завидуешь. У вас в Подзавалье* хлеб с мякинами пекут.

— Да пошёл ты!..

Ванников лиховал — Калуга была занята немцами. А у него там, в Подзавалье, семья — жена и трое малых детей. Задумаешься. Отяпов стал приглядывать за Ванниковым — как бы чего не натворил. В таком настроении человек сам не знает, на что его случай толкнёт.

Этот разговор у них случился в лесу. А теперь надо было думать о ночлеге и о еде. Об этом и думали. Зашли в деревню и вдруг спохватились: хорошо это или плохо? Не разведали. Может, в деревне немцы.

---

* Подзавалье — старинный район на юго-западе Калуги у Оки.

Гусёк вспоминал рукопашный бой. У него всё ещё тряслись руки и часто тянуло живот, хотя там ничего уже не было. В дороге раз пять отставал от отряда и присаживался под кустом.

Отяпов, наконец, выбрал дом, куда надо было стучаться. Именно от него веяло свежесвеженным хлебом. И он не ошибся.

— Здравствуйте, хозяйюшка, — сказал он, когда за дверью заскребились, и послышался вкрадчивый женский голос.

Женщина открыла и молча пропустила их в сенцы. Будто ждала.

— В хату не пойдём, — приказал Отяпов. — Располагаемся тут.

Он сразу сообразил: сенцы рубленые, тепло держат. Народу много, двенадцать душ, надыхат быстро. К тому же есть вторая дверь во двор, а там — огороды, сад, риги на задах. Вроде и банька в кустах возле ручья. К ней тропинка. Всё это он присмотрел, когда выбирал дом.

Хозяйка сперва показалась старухой. Но потом, когда вышла с зажжённой лампой и прибранная, хоть и наспех, оказалась молодкой лет тридцати.

Тульский сразу заходил вокруг неё селезнем, забасил. И глаза у молодки заблестели. Вот молодёжь, подумал Отяпов, и война им нипочём!

— А может, в баньку сперва? — предложила хозяйка. — Кто у вас старший?

Все посмотрели на Отяпова.

Отяпов, правду сказать, уже уминал боками свежую пряную солому, сдержанно покашливал от её дразнящего хлебного духа и думал всем своим усталым и избитым телом только об одном — как бы поскорее залечь и ни о чём не думать. Даже есть расхотелось, так забирала усталость. Но узнав о том, что хозяйка в этот день топила баню и что баня ещё не выстужена, так и подпрыгнул.

— Давайте, давайте, мужички, — торопила их хозяйка. — А я пока поесть вам соберу. — А сама нет-нет, да и посматривала на Тульского.

Эх, какая баня была у этой молодки! Видать, муж мастеровой этой бедовой бабёнке в жизни попался. И плотник, и печник. И парок ещё держался — будь-будь. Каменка стояла не залитой. Словно их ждала.

Вымылись. Словно паутину с себя сняли. И сразу вроде не так страшно жить стало. И Отяпов уже твёрдо знал, что доведёт свой отряд до Тулы.

Хозяйка расстаралась, накрыла стол. Варёная картошка, свойского хлебushка по хорошему лямтю на каждого брата, сало, солёные огурцы и грибочки. От солёных грибов так и веяло дубовой бочкой, прямо домом родным, так что плакать хотелось...

Праздник праздником, а часового Отяпов всё же выставил. Вынес ему угощение, даже от своей скибки крошку отломил, и приказал:

— Уснёшь — штыком заколю. Так и знай.

Хозяйка принесла бутылку самогонки. Выпили. Смели всё со стола. Подчистую. И залегли. Отяпов, засыпая, слышал, как молодка шепталась с Тульским, как, вздохнув, повела его в хату... Эх, молодёжь...

Разбудил его Тульский. Он к утру заступил на пост, обошёл окрестность и всё разглядел. Сказал:

— Посмотри.

Только-только начало светать. Заря в октябре поздняя. Но такая же румяная, как в августе.

Отвёл шторку: напротив, за ручьём, немцы из хаты выходят, вдоль дороги строятся в две шеренги. С полсотни. Два ручных пулемёта, ротный миномёт. Два бронетранспортёра на полугусеничном ходу, тоже с пулемётами на турелях. Целое войско.

— Когда же они пришли? — спросил Отяпов и посмотрел на свою винтовку, несколько дней не чищенную и порыжевшую в некоторых местах от его бесхозяйственности.

— Хрен их знает. Варя сказала, что вечером их не было.

Варя... Вот тебе и Варя...

— Проспали, чёртовы дети...

Немцы между тем построились, провели переключку, погрузились на бронетранспортёры и поехали по дороге навстречу встающему солнцу. Именно там была Тула.

Отяпов поднял людей, когда их и след простыл. Раньше поостерёлся — зашумят, поднимут гвалт со страха, и тогда пропали они. Против пулемётов...

Больше в деревнях не останавливаемся, твёрдо решил он для себя, когда шли уже лесом, вдоль дороги, на которой рокотал транспорт чужой армии. Транспорт двигался в том же направлении, что и они.

ТУЛА

На шестой день, оголодавшие и измученные скитаниями по лесам и болотам, они вышли на большак, по которому двигался на восток санитарный обоз одной из дивизий 50-й армии.

Обозом командовала женщина с петлицами капитана медицинской службы.

Отяпов доложил о прибытии.

Она некоторое время устало смотрела на них. Потом спросила:

— Раненые есть?

— Нет.

— Больные?

— Все здоровые, товарищ капитан. Только сильно голодные и от усталости с ног валяются.

— Потерпите немного, — сказала она. — Скоро места на повозках освободятся.

Отяпов уже знал, что означали свободные места на санитарных повозках.

И действительно, не прошли и километра, санитары сняли троих умерших. Тут же, при дороге, закопали. Неглубоко. Разгребли снег, листву, заглубились в талый грунт на два штыка и — готовы могилы. Отяпов помогал санитарам. Не потому, что имел какую-то корысть, а просто так, по привычке что-то делать вместе со всеми. Чтобы не так душа ныла, думать не мешала. А думать ему теперь надо было за весь его отряд. Командир не командир, но что-то вроде старшего.

Место на освободившейся повозке ему досталось перед самой Тулой.

Возле шоссе зенитчики окапывали свои длинноствольные орудия.

— Такие, должно быть, любой танк насквозь прошивают, — сказал раненый, сидевший впереди. — А нас бросили с одними бутылками. Докинь до него бутылку...

— Так надо подпускать. Поближе. — Зашевелился и другой раненый, у которого была плотно забинтована голова и только для рта и носа были сделаны узкие продухи.

— Поближе, — огрызнулся сидевший впереди. — Ты вон подпустил...

— Я подпустил.

— И где твоё отделение?

Забинтованная голова ничего не ответила, только вздохнула.

Вечером они, все двенадцать душ, сидели за просторным столом в доме на Кузнецкой слободе в Заречье и, не веря своим глазам, ели наваристые щи с гусятиной.

До того Отяпову понравились эти тульские щи, что он про себя решил: вот вернусь с войны, обязательно гусей заведу. Если, конечно, живой останусь...

После еды завалились спать.

Но спали недолго. Прибежал сосед, четырнадцатилетний Гришка, который всё это время не отходил от Тульского, растолкал его и сказал, что коммандантский патруль собирает окруженцев по всему городу. Заходят во все дома. Сгоняют куда-то к стадиону.

— Двоих расстреляли. Я сам видел. Патруль расстреливал. Вывели и шлёпнули. Видать, шпионы. Или дезертиры. — Гришка на одном дыхании выложил свою новость и внимательно смотрел на Тульского.

Отяпов сел и начал обуваться. Сапоги у него теперь были хорошие. В таких ещё можно не один десяток километров отмахать. Хоть по грязи, хоть по снегу. Но, видать, идти далеко теперь не придётся. Зашевелились и другие.

Новость не радовала.

Начали обсуждать своё положение. А положение было не ахти каким весёлым.

В город они прошли мимо постов. Вёл их Тульский. И вот теперь они сидели и решали, что делать дальше. Кто-то предложил пойти в комендатуру или выйти и доложить о прибытии первому встречному патрулю.

— Ну-ну, — хмыкнул Ванников, всё видевший в чёрном цвете. — Далеко вас патрули не поведут. К ближайшей кирпичной стенке...

Выход неожиданно предложил Гришка:

— Вам надо идти к Рогожинскому посёлку. Там наши оборону строят. Заводские. И отец мой там, и братья. Я вас проведу.

— Мы не ополченцы, — робко возразил Гусёк. — Нам надо искать свою часть.

— Где она теперь, своя часть... — наконец, сказал Отяпов.

Все замолчали. Отяпов стал для этих людей не только командиром, но и тем человеком, который может спасти, вытащить из смертной прорвы. А она теперь, та прорва, везде — справа и слева, спереди и сзади. Рассуждать можно всяко, но решение принимать должен самый мудрый и опытный.

— Надо идти к ополченцам. Там теперь передовая.

— Опять к чёрту в пасть!

— Оборвались, обносились... — зароптали бойцы.

Отяпов поднял руку. Ропот сразу стих.

— Мы тут из разных частей. Кто будет разбираться, чьи мы и с чем пришли сюда. Немец всё время шёл за нами следом. А значит, не сегодня-завтра он будет здесь. Искать свои полки будем потом. Собирайтесь, ребяташки. Давайте почистим оружие и пойдём на позиции.

— Там, видать, тоже особый отдел есть, — сказал Ванников.

— Будем молить Бога, чтобы нам там поверили. — И Отяпов расстелил перед собой плащ-палатку, вынул из вещмешка маслёнку и протирку, выщелкнул из винтовки затвор, вытащил шомпол. Всё это разложил перед собой на плащ-палатке. Поплевал на руки.

Его примеру тут же последовали все, у кого было оружие.

Спустя несколько часов они стояли ровной шеренгой перед командиром роты тульских ополченцев. Тот выслушал доклад Отяпова, внимательно осмотрел новоприбывших, их оружие. Потом достал из полевой сумки блокнот и начал переписывать фамилии и номера частей. Переписав всех, сказал:

— Вот что, товарищи бойцы регулярной Красной армии, я должен доложить о вашем прибытии и желании воевать вместе с нами командиру полка. А пока на довольствие вас поставить не могу.

Оружие у них забрали. Сложили возле блиндажа командира роты.

— И куда ты нас привёл? — покачал головой Ванников. Лицо его было бледным, руки дрожали.

Ночь они переночевали в одном из домов, куда их отвёл ополченец, вооружённой французской винтовкой времён Первой мировой войны.

— Где ты её отрыл? — Ванников кивнул на диковинное оружие, оснащённое длинным штыком, похожим на шпагу.

— Что бы ты понимал, — ответил ополченец. — Она бьёт на два с половиной километра.

Проснулись в полночь. Разбудил их всё тот же ополченец с винтовкой Лебеля.

— Ротный вызывает, — сказал он.

Ещё не рассвело как следует, когда со стороны шоссе, которое узкой сырой полосой угадывалось левее возле леса, прибежала разведка. Туман понемногу начал рассеиваться. Видимость становилась лучше. В окнах сразу началось оживление. Народ забегал туда-сюда. Ротный куда-то пропал. По-

том появился с другой стороны. Увидел их и, видимо, вспомнив, что и с ними надо что-то делать, сказал:

— Разбирайте винтовки. Кто у вас старший?

— Я. Красноармеец Отяпов. — И Отяпов неуклюже махнул у обреза каски опухшей от холода ладонью.

— Приказываю вам занять вон то крыло. — Он указал в туман. — Окопы там открыты. Будете прикрывать зенитный расчёт со стороны леса. А сейчас получите патроны и по буханке хлеба. Другого пайка на вас не предусмотрено. Огонь открывать по моему приказу. Дальше действовать по обстоятельствам. Ваша задача — не пропустить немецкую пехоту к орудиям.

Патронов им дали много. Сколько смогли взять, столько и нагребли в карманы и подсумки. Выдали по бутылке КС и три противотанковых гранаты на всех. Одну Отяпов взял себе, другую поручил Тульскому, а третью Курносову.

Когда разобрали винтовки и получили патроны, повеселел и Ванников. Он поглядывал на лес и полосу шоссе, черневшую на фоне заснеженного поля, и говорил самому себе:

— Сейчас мы им... Или грудь в крестах, или голова в кустах.

Потом, глядя, как ловко, снаряжая обоймы, управляется с патронами Тульский, сказал:

— Смотри, Тула, гранату не потеряй.

Тульский в ответ засмеялся:

— Не потеряю, Калуга.

Они заняли пустые окопы рядом с запасными позициями зенитчиков и начали готовиться.

Зенитка стояла немного поодаль, ближе к домам. С длинным опущенным вдоль земли хоботом, она походила на хищного зверя, готового клонуть любого, кто вылезет к ним из тумана.

Разведка принесла весть: по Орловскому шоссе движется колонна бронетехники и крытые грузовики с пехотой.

Немного погодя из леса, наполовину скрытого туманом, вылетела, будто перепуганная птица, сигнальная ракета. Она косо прочертила серое небо над чёрной стеной неподвижного леса и исчезла, сгорев и оставив едва заметный чёрный след.

— Идут.

Отяпов оглянулся на своих бойцов: Курносов, Гусёк, Тульский, Ванников, дальше двое из отдельного разведбата, прибившиеся к ним перед самой Тулой. С другой стороны замерли остальные, кого он знал и кому доверял, потому что слабые ушли по пути сюда. Куда они делись, гадать теперь было трудно, да и некогда. Может, в плен, может, по домам. Отяпов знал: такие настроения — по домам — тоже одолевали бойцов, оставшихся без командирского глаза.

— Ну что ты, Гусёк, дрожишь, как целочка перед первым разом. — Ванников нервно мял в зубах докуренное до последней степени колечко самокрутки. — Ты уже умирал. Ты не должен бояться.

— А я и не боюсь, — ответил Гусёк. Лицо его было серым. Но решительным. В нём сейчас что-то происходило. Что-то новое, чего он сам ещё не понимал.

Отяпов посмотрел на него и отвернулся. Надо было что-то сказать людям перед боем. Как командиру.

— Ребята! — крикнул он. — Что бы ни было, держаться своей позиции! И друг друга!

Это был его первый боевой приказ. Он вдруг почувствовал, что руки его согрелись и что спина вспотела.

В лесу послышалась стрельба. Захлопали частым заполосным боем мошинские винтовки. Потом полыхнул немецкий пулемёт. Отяпов его сразу узнал. Снова зачастили винтовки. Разведка, понял Отяпов, или боевое охранение — мотоциклисты. Наскочили на охранение ополченцев.

Так оно и случилось. Через несколько минут в поле замелькали фигурки бегущих со стороны леса. Они быстро пересекли обмысок белого поля и исчезли в противотанковом рву.

- Охранение отходит.
- Неужто танками попрёт?
- На телегах поедет, — хмыкнул Ванников.

В стороне шоссе зарокотало, сливаясь в единый вибрирующий гул. Казалось, проснулся лес и начал жить какой-то своей неведомой и зловещей жизнью, враждебной и городу, и им, притаившимся в своих окопах, и сейчас он стронется и поползёт на них всей своей несметной силой.

Туман всё ещё держался понизу, и Отяпов подумал, что он им поможет. Как-никак, а танкистам, да ещё в незнакомой местности, ориентироваться и вести огонь будет куда сложнее, чем нашим артиллеристам.

Отяпов оглянулся на позицию зенитчиков. Расчёт уже замер у орудия, изготовившись к стрельбе прямой наводкой.

БОЙ НА ОКРАИНЕ ТУЛЫ

Гул разрастался, захватывал всё пространство перед ополченцами, артиллеристами и бойцами группы Отяпова, проникал через шинельное сукно и холодил тело.

Отяпов знал, что многих сейчас трясёт. Его тоже начало знобить и выкручивать суставы. Самое худшее в бою — ждать начала.

Танки сошли с шоссе и развернулись для атаки. Пехота машин не покидала. Грузовики замедлили ход и растянулись по дороге. Шли они с погашенными фарами. Иногда их скрывал косяк тумана, но потом пространство снова распахивалось, и в окопах становилось жутко: до чего ж большая сила пёрла на них.

Вскоре танки начали маневрировать. Они выстраивались группами. Первая, семь стальных угловатых коробок пошла вперёд, вдоль шоссе. Три отвернули к домам, остальные шли прямо.

Ну и выдержка у этих ребят, подумал Отяпов и оглянулся на позицию зенитчиков. И в это время бахнуло, и над окопами боевого охранения пронеслась, упруго шурша, струя раскалённого воздуха. Второе орудие тоже произвело выстрел.

- Мимо.
- Артиллеристы, в гроб их душу...
- Наплачешься с такими стрелками. Кровавыми слезами наплачешься...

Стало совсем страшно. Неужто, подумал Отяпов, зенитчики стрелять не умеют? Может, и не умеют. По наземным-то целям — совсем другая стрельба...

Танки, не сбавляя скорости, продолжали двигаться в первоначальном направлении. Они сразу открыли огонь. Из коротких хоботов их пушек часто польхало пламя. Но стреляли они неприцельно, и ни одного снаряда ни на позиции зенитчиков, ни в окопы пехоты не попало.

Ещё один трассер резанул над полем мутную хмарь, и на этот раз ударил точно в башню переднего танка. И тотчас сильный взрыв встряхнул железную коробку, отделил башню от шасси, и столб багрового пламени встал вертикальной колонной и некоторое время стоял так, подпирая серое небо, тоже, казалось, готовое упасть и разрушиться. Вот это был выстрел!

В окопах одобрительно закричали.

- Готовься! — скомандовал Отяпов.

Тем временем немецкая пехота начала выскакивать из грузовиков и рассыпаться по полю. Заработали пулемёты.

- Огонь! — закричал Отяпов и тут же нажал на спуск.

Первый выстрел он сделал так, больше для шума, не целясь, и пуля полетела куда попало. Бойцы припали к винтовкам, захлопали затворами.

Из других окопов тоже вели огонь. Застучали пулемёты. Где-то правее, из-за противотанкового рва, резко били бронебойки.

Чем ближе подходили танки, сопровождаемые пехотой, тем плотнее и яростнее становился огонь из окопов. Артиллеристы начали стрелять чаще и точнее.

Горели уже три танка. Один, с сорванной гусеницей, осел набок и зарывался в землю. По нему вели огонь бронебойщики. Танк развернул башню и начал отвечать. Чёрные кусты взрывов мгновенно выросли за противотанковым рвом. Но и танк задымил. Открылся боковой люк. Оттуда что-то выбросили наружу, потом ещё. Похоже, выбрасывали стреляные гильзы. Танк по-прежнему вёл частый огонь в сторону противотанкового рва. Потом из люка вывалился человек и скатился вниз.

До подбитого танка было метров двести. Отяпов дрожащими от разбуженного азарта пальцами передвинул хомутик на прицельной планке. Прицелился. Немец копошился возле танка. Похоже, он был ранен. Дым всё гуще тянул из открытого бокового люка. Но башенное орудие продолжало вести огонь. Наконец, оно затихло. Ещё один танкист выполз из люка. Вылезал он медленно, будто не верил, что его боевая машина уже горит. Отяпов выстрелил. Немец повис вниз головой. Отяпов знал точно, что попал именно он.

Бой шёл весь день. Танки отходили, перестраивались и снова атаковали. Пехота теперь передвигалась под прикрытием бронетранспортёров. С бронетранспортёров длинными очередями вели огонь пулемёты. Но ничего у них особо не получалось.

Двоих убитых уже оттащили в боковое ответвление и прикрыли сверху плащ-палаткой, на которой ещё недавно они чистили винтовки. Трое были ранены. Какое-то время раненые сидели на дне окопа без дела, но потом вернулись к своим стрелковым нишам и продолжили огонь. Санитаров нигде не было. Отяпов понял, что никто к ним не придёт. Он приказал перевязывать друг друга самим. Раненых взялся перевязывать Гусёк. Получалось у него неплохо.

После полудня затихло.

Пришёл посыльный от командира роты и сказал, чтобы составили донесение о потерях. Чуть погода вернулась:

— Выделите двоих человек для получения горячей каши.

Есть хотелось. Но ещё сильнее хотелось спать. Отяпову казалось, что они не спали несколько ночей.

С поля тянуло гарью. Подбитые и сгоревшие танки чернели вдоль противотанкового рва и возле дороги. Их было порядочно. Раза три Отяпов пытался сосчитать их. Но каждый раз сбивался. Не потому, что их там, в поле, было так много. Досчитывал до пяти, семи и начинал так волноваться, что в глазах рябило, набегала слеза, он сползал с бруствера и несколько минут смотрел на затоптанное дно окопа, на стреляные гильзы, на раздавленные их дульца, обмётанные пороховой гарью. В конце концов, решил: надо готовиться к новому бою и людей готовить. А танки пускай считают те, кто их сжёт.

ГОСПИТАЛЬ

О том, что он ранен, Отяпов узнал через несколько часов после того, как его ослепила вспышка разорвавшейся на бруствере мины.

Ранение оказалось лёгким — мелкими осколками посекло лицо и руки. Но контузия была куда серьёзней. Вначале Отяпов ничего не слышал. Потом в ушах зашумело и снова, как в окопе, пошла кровь. Она текла из ушей и из носа. Он подумал, что умирает, и попросил вынести его на свежий воздух, хотя бы в коридор. Но никто его нигде не понёс.

Сосед по койке сунул докуренную до половины самокрутку. Отяпов затаился несколько раз и успокоился. Он ждал, когда придёт смерть, но она что-то тянула, не приходила. Её он не чувствовал даже вдали. “Хитрит, гадюка”, — подумал он и прислушался. Шум в ушах менялся. Он то накапывал, то отступал. Наверное, так шумит море, подумал он, хотя на море никогда не был, не видел и не слышал его даже издали. Потом сквозь шум моря начал пробивать какой-то стук. Через некоторое время стук превратился в грохот. Уж его-то Отяпов узнал. Он накрепко все силы своего ослабевшего тела, приподнялся и посмотрел за окно. Да, понял он, танки приближались к госпиталю. Даже марлевые занавески, как ему показались, дрожали.

Значит, всё же прорвались. Не удержались ни зенитчики, ни его ребята, которых он собрал в лесах на Рессете и под Белёвом.

— Ну, что ты всё воюешь, — услышал он тихий спокойный голос человека, который совершенно не боялся гула приближающихся танков. — Всё воюет и воюет. Отвоевался теперь. Полежи спокойно. И другим дай полежать в тишине и покое.

Отяпов указал на окно.

— Ну, что там такое? Синица прилетела. Долбит в окно. Видать, к ночи мороз ударит.

— Танки! — выдохнул Отяпов.

Человек засмеялся.

— Танки... Во попал ты под них, как ягнёнок под волка... Теперь век блазниться будут. Говорю тебе, синица в раму клюёт. Летних мух выбирает. К зиме дело...

— Танки...

Танки ни в тот день, ни в следующий, ни потом через позиции, которые удерживали они вместе с зенитчиками и тульскими ополченцами, не прошли. Когда унесли в тыл раненого и контуженого Отяпова, два танка проскочили левее, попал в мёртвое пространство, где артиллеристы их достать уже не могли. Они остановились и начали вести огонь по позициям зенитчиков.

Первую противотанковую гранату, выданную им на отделение, взял Тульский и пополз к ближнему танку. Как он до него добрался, никто толком не видел. Думали, что он убит или ранен и лежит в поле, в бурьяне, заметённом снегом. Уже собирались ползти за ним, искать. Дымом заволокло всё пространство перед окопом. И ориентировались они лишь по выстрелам танковых пушек и зенитки. То немец в дыму полыхнёт, то наши ответят. И те, и другие, видать, мазали и продолжали свою изматывающую дуэль. Но вскоре там, где затаился танк, загрохотало и высоко вскинулось пламя.

— Дополз! — сказал радостно кто-то из бойцов. — Это наш его накрыл. Гранатой.

— Вот молодец, пряничная душа, — похвалил Тульского и Ванников.

Тульский сделал своё дело, и никому из них уже не надо было ползти туда, в смертное поле, со второй гранатой.

Немного погодя, когда второй танк, отстреливаясь, ушёл назад, к лесу, Ванников и Гусёк притащили раненого Тульского. Положили на солону на дно окопа.

— Не тормозите его, — сказал сержант Курносос. — Отходит.

Так, не приходя в сознание, Тульский и помер.

Через два дня со стороны города подошла смена: рота пехоты и батарея противотанковых орудий.

“Сорокапятки” разместили в разных местах, в глубину, уступом к шоссе. А бойцы охранения заняли окоп, где оборонялся отряд Отяпова, и начали окапываться дальше, углубляя ходы сообщения.

Рота была свежая, с лейтенантами. Бойцы одеты в белые полушубки. Уцелевшие смотрели на них, как на ангелов, спустившихся с небес.

— Где ж таких только взяли...

Отяпову жилось хорошо. “Слава Богу, — думал он, глядя в свежий потолок, видать, недавно покрашенный известью, — хоть отдохну под крышей, в тепле, на чистой койке. Не стреляют, ни осколков тебе над головой, ни пуль, ни ветра, ни холода. Командиры не матерятся. Их тут просто нет. Говорят, их, командиров, лечат в другой палате. Вот и хорошо, от них тоже отдохнуть надобно — надоели. Врачи и медсёстры спокойные, обходительные”. Сосед Отяпову тоже попался хороший. Отяпов давно, ещё когда брели лесами к Туле, заметил, что на людей ему на войне везёт. И соседи в окопе, и на марше, и так, когда драпали по лесам, и на отдыхе попадались ему народ хороший, покладистый, не особенно хитрый — так, чтобы на чужом горбу покататься, — уважительный и в бою стойкий. Не сказать, чтобы уж очень храбрый, но надёжный, в беде не бросали. Героев на фронте он пока не встречал. Разве что зенитчики. Ловко пожгли танки. Хорошо

стреляли. И держались стойко. Порой совсем их снарядами засыпало, а глядишь — опять стреляют. Ну, разве не герои? Да те лейтенанты, которые у болота повели их в атаку, вспомнил Отяпов. “Нет, — подумал он, — это ж и есть герои”. Так что и героев он на войне повидал.

Соседа звали Кузьмой. Лежал он в госпитале уже порядочно, с середины октября. Обгорел в танке на Рессете, когда прорывались на Хвастовичи. Там, под селом Красным, у моста, его Т-26 подбил немецкий танк.

— Из засады стрелял, — рассказывал Кузьма; говорил он спокойным тихим голосом, как будто о чём-то главном в своей нынешней жизни всё время сожалел. — Две болванки пролетели мимо. Первой германец промазал. Видать, заторопился. Увидел меня на дороге — вон какая цель хорошая на прямой наводке! — и сплеховал от нервов. Германец, что ж, тоже существо живое, нервное.

Отяпов полюбил Кузьму не только за его разговоры, которые, должно быть, и самого танкиста успокаивали и мирили с тем, что выпало ему на войне, но и за то, что тот приносил ему из курилки “сорок”. Украдкой совал ему в руку колечко недокуренной самокрутки, и Отяпов жадно затягивался несколько раз. Сразу кружилась голова, и становилось легче и спокойно, как дома. Пережитое куда-то уносилось, таяло, как то болото в тумане, а ранение казалось пустяком, о котором и думать не следует.

Думалось только об одном — о доме.

Но что думать о доме? Дома сейчас немец. Хозяйничает в его деревне, на колхозных полях, в лесу, на речке. Всё теперь пошло под чужую власть. Ладно, ладно, погоди, вот поднимусь с койки на костыль, а там, может, и ровнее пойду...

Отяпова одолевала злая надежда на то, что он не совсем отвоёвался, что вернётся ещё к своим товарищам, в окопы, что рано или поздно Красная армия соберёт силы и начнёт наступать. Ведь били же они их, проклятых, на Рессете. Эх, как лихо они тогда атаковали! Даже Гусёк героем ходил, немца повалил. Хороший бой был. Победный. Хотя ни в какие донесения и приказы он, конечно же, не попал. Не названы в том несуществующем приказе имена лейтенантов и других отличившихся бойцов. Гуська, например. Да и его, Отяпова.

Он вспомнил своего убитого немца и подумал: “Даже если калекой теперь останусь, я своё дело на войне сделал. Родину оборонил”.

— Первый мимо пролетел. От второго я ушёл, в сторону машину бросил. Знал, что он упреждать будет. Так утку стреляют, с небольшим упреждением, чтобы сама на заряд налетела... А третий ударил прямо под башню. Загорелись. Башнёра — наповал. Колька Лучников, из Тамбова, хороший был парень. Гармонист. Так и сгорел вместе со своей гармонью.

“Вот, — кольнуло в самое сердце Отяпова, — а мы своих тамбовских над ямкой постреляли...”

В какой-то момент слушать Кузьму становилось тягостно. Отяпов и сам навидался всей этой крови и грязи, и слушать чужую боль было невыносимо. Оставалось одно — терпеть. Иначе как? Товарища надо было понимать — душа просила выхода. Вот он его, Отяпова, и выбрал в слушатели. И Отяпов терпеливо слушал всё подряд.

— Как ты думаешь, — спрашивал Кузьма, — какой мне теперь танк дадут? На “тридцатьчетвёрку” бы попасть. Вот это машина! Экипаж четыре человека. Угол наведения... Мотор — дизель, пятьсот лошадей... Наклонная броня...

— Ты и эту сожжёшь, — подал голос забинтованный с головы до пояса ополченец. — Технику любить надо. Беречь. Под огнём надо уметь маневрировать, а не лезть на рожон. Видел я, как вас возле Одоевского шоссе били. У них — одна пушка, а набила вас — всю дорогу запрудили...

У пехоты всегда претензии к танкистам, артиллеристам и лёгчикам. А танкисты и пушкари всегда бранят пехоту. Эту историю Отяпов знал. С танками, да при поддержке артиллерии отбиваться от немцев было куда легче. Случалось, и контратаковали. Но танки могли прекратить атаку перед самыми немецкими окопами и вернуться назад. А артиллерия не всегда умела

подавить огневые точки, и немецкие пулемёты оживали в самое неподходящее время, когда пехота высыпала в поле и не имела никакого укрытия. Другое дело — зенитчики. Эх, молодцы ребята! Как они жгли немецкие танки!

Отяпов несколько раз спрашивал о них: живы ли? Может, кто тут лежит? На излечении? Никто ему ничего толком ответить не мог. Какие зенитчики? Какие герои? Нет тут никаких героев...

В конце концов, он даже расстроился. “Как же так, — думал он, — ребята город спасли, немецкие танки возле самых домов остановили, а никто об их подвиге не знает...”

В начале декабря в палату пришли сержант Курносов, Гусёк и Ванников. Отяпов, увидев их, глазам своим не поверил, а когда догадался, что это не контузия ему икается, а самая доподлинная явь, обрадовался и чуть было не заплакал. Так его тронула забота товарищей. Не забыли, навестили калеку, консервов вон принесли, сала и хлеба. Целый кулёк всякого довольствия. Небось, от своего пайка оторвали мне на поправку...

Самым бравым и подтянутым выглядел Гусёк. Он щеголял в белом, ещё не выгвазданном ни сажеей, ни окопной грязью овчинном полушубке и высоких необмятых валенках. На плече висел такой же новенький ППШ, а на ремне — штык-нож от СВТ. Видать, на махорку выменял, подумал о своём бравом гвардейце Отяпов.

Он сразу кивнул на шанцевый инструмент и сказал:

— Освоил новую матчасть?

— Так точно, — улыбаясь, ответил боец.

Хороший парень, про себя похвалил Гуська Отяпов. Хорошо, что вывел его с Ресеты. Цепкий оказался, не смотри, что на вид хлипкий и всё время дрожал. Вот уж вправду сказано: одного страх, как волк овечку, придавливают, что та и не мекнет, а другого героем делает.

— Залежался ты на чистых простынях, Нил Власыч, — сказал Курносов. — Когда на выписку?

— Да уже скоро, — признался он. — Видать, что-то за городом затевается. А? — И он заговорил тише, чтобы слышали только свои: — Выписывать народ стали больше. Слышал от санитаров такое: маршевые роты формируют, войска на передовой свежими силами пополняют.

Долго им в палате сидеть не разрешили. Попрошались. Сказали, где искать их полк, и пошли.

Когда они ушли, Кузьма, вернувшись из курилки со всегдашним “соромком” в рукаве, кивнул на дверь:

— Товарищи? Я так и понял. Хороший народ. Боевой. Такие ближе всякой родни.

— Это да. Я с ними всего повидал. Рад, что живы. — И вздохнул. — Живы, да не все.

— А ко мне никто не придёт. Все погорели. — И вдруг Кузьма объявил: — Завтра мне на медкомиссию. Буду проситься в свою бригаду. Где она теперь? Начальство знает. Механиков-водителей не хватает. Есть приказ, что нашего брата после госпиталей направлять только по прежней специальности. Как думаешь, “тридцатьчетвёрку” мне дадут?

— Дадут, Кузьма. Конечно, дадут. Ты парень ходовой, знающий. — Отяпов задумался. — А мне винтовка всегда найдётся. Хоть из склада, хоть из-под снега...

НАСТУПЛЕНИЕ

В середине декабря 1941 года вперёд пошёл и левый фланг Западного фронта — 50-я и 10-я армии.

Из штаба фронта в штаб 50-й армии пришёл приказ: глубоким ударом на узком участке фронта выйти к Калуге и к 20 декабря овладеть городом. Задачу должна была выполнить ударная группировка, куда вошли несколько дивизий и отдельных частей. Отходящие на линию реки Оки войска 2-й танковой армии Гудериана сплошного фронта уже не имели. Лишь

в крупных населённых пунктах и городках стояли немецкие гарнизоны. Однако путь на Калугу ударной группировке приходилось пробивать с боями.

Отяпов всё время посматривал на артиллеристов. Вот чёртовы дети, бранил он про себя “сорокапятчиков”, которыми командовали два молоденьких лейтенанта. Те копошились в снегу вместе с расчётами, что-то кричали ездовым. Но ездовые, устав нахлёстывать лошадей, которые совсем выбились из сил и теперь почти беспомощно дрожали облепленными снегом боками, командиров, похоже, не слышали.

На самом деле командовал всей здешней артиллерией пожилой сержант. Невысокий ростом, коренастый, в белой каракулевой шапке, он подсказывал то к одной запряжке, то к другой, давал какое-нибудь короткое распоряжение или просто делал едва заметный жест, и расчёт дружно налегал на щит орудия, хватался за постромки, помогал лошадям осилить подъём.

Шли они уже несколько часов. Рота двигалась взводными колоннами. Тащили с собой обоз — несколько саней с боеприпасами и ротным имуществом. С ними шёл взвод “сорокапятков”.

В голове колонны несколько раз вспыхивала стрельба. Но тут же всё затихало. Передовое охранение уничтожало какой-нибудь немногочисленный немецкий гарнизон в очередной деревне. Немцы вместо того, чтобы уйти, встречали колонну пулемётным и автоматным огнём. Их тут же сметали ответным огнём. По всему было видно, что противник не ждал прорыва на этом направлении и принимал авангарды группировки за мелкое подразделение или разведку.

В бой рота пока не вступала. Бойцы лишь видели в снегу на обочинах полузамёрзшие снегом трупы немецких солдат и полицейских. Рассматривать убитых было некогда. Вот сволочи, думал Отяпов, всего-то месяц-другой, как немец здешние просторы занял, а уже желающих ему служить — орава! Неужто и у них в Отяпах кто-нибудь из местных повязку надел? А что, очень даже может и такое случиться. Он начал перебирать в памяти всех мужиков, кого не успели забрать на войну, и не мог найти ни одного такого, на кого можно было бы подумать, что он пойдёт служить немцам. Но всё же представил, какая жуткая жизнь, должно быть, в оккупированных деревнях, и снова тревога за своих охватила его.

Командиры всё время поторапливали.

— Давай, давай, ребята! Шибче! Шибче! — сердито пробасил сквозь забитые снегом густые усы сержант-артиллерист и повелительным жестом махнул оказавшимся рядом пехотинцам.

Левая пристяжная упала на колени и испуганно заржала. Отяпов схватил её за узду и потянул на себя:

— Ну, милая, давай, тянись, недолго нам уже осталось. Светает вон, значит, скоро остановимся.

Потом начался спуск. Артиллеристы, как дети на горке, тут же повисли на длинном стволе “сорокапятки”, ухватились за щит, задерживая её движение, чтобы орудие своей тяжестью не придавило передок с зарядными ящиками и не поломало ноги лошадям. Послышался смех. Отяпов, тоже ухватившись за заиндевелый наклонный щит, увидел одного из лейтенантов. Тот широко улыбался. Полушубок его был расстёгнут, потемневшая от пота гимнастёрка парила. Ишь, разгорелся, подумал о нём Отяпов, будто к тёще на блины едет... Видать, ещё не попал в настоящее-то дело. Ну, скоро будет ему и тёща, и блины, и мёрзлая глина в нос...

То, что рядом, в ротной колонне, шли артиллеристы, успокаивало. Пушка — это тебе не винтовка. Шарахнет — и танк неживой...

Они ещё не наступали. За всю войну, с самых летних боёв, ни разу. Была одна шальная контратака на Рессете. Но и она, считай, закончилась не совсем хорошо. Вроде и победа, и не победа. Снова отступали потом. А тут — настоящее наступление. Говорят, несколько дивизий двинулись вперёд. Кавалерия. Танки. Артиллерия. На санях везли миномёты и ящики с минами. Где-нибудь в хвосте колонны двигались и “катюши”. Какое ж наступление без “катюш”? Бойцы только и говорили, что про “катюши”

и новые танки. Начальство это обязательно предусмотрело и позаботилось о нашей пробивной силе, с надеждой и даже уверенностью думал Отяпов. Как стреляют “катуши”, он видел. Сила! Под Тулой как заревели — дым, огонь, снежная пыль столбом! Пехота из окопов выскочила и — ходу в лес! Из окопов же не видно, куда из этих кузовов снаряды летят. Потом долго смеялись.

Рядом хрустел снегом и покашливал Гусёк. Гуську, как бывалому воину, перед маршем выдали несколько гранат и два запасных диска к ПШШ. Начальство его уже заметило. Что ж, заслужил делом. Отяпов видел, как тот раза два снимал рукавицу, ощупывал дымящимися пальцами свой автомат, выковыривал из-под спусковой скобы и рычажка перевода огня набившийся снег. Молодец, матчасть соблюдает в чистоте и готовности. Надо ж, какой солдат получился! А сколько таких ребят полегло, сколько в плен пошло, тут же затосковал Отяпов. Не вывели, не сберегли для Родины и Красной армии своих надёжных бойцов. Отяпов вспомнил капитана Титкова. Где-то тут, рядом, опять командует батальоном капитан Титков. Сволочь такая...

Рассвет их застал в поле. Только что миновали деревню. Бойцы с тоской и надеждой поглядывали на дворы. Хаты стояли нежилые, с выбитыми окнами и сорванными дверями. Выстуженные. Хлева тоже пустые. Германец похозийничал, определил Отяпов. Но ничего, хоть не пожёт. Заткнуть сеном оконные проёмы, навесить двери, протопить печи и — завалиться на отдых... Самое время. Днём-то продолжать марш опасно — не ровён час, самолёты налетят. Но деревню они миновали в том же темпе. Командиры молчали. Теперь оставалось надеяться, что на днёвку их остановят в лесу.

Дорога впереди была прочищена. Но снег валил и валил, позёмка гнала косяки снежной крошки по полю и оседала здесь, как туман в противотанковом рву. Белые тугие барханчики росли буквально на глазах. Колёса орудий вязли в них. Лошади совсем ослабели, и ездовые попрятали кнуты — кнут был уже бесполезен.

Наконец, и поле осталось позади. Дорога пошла чище, легче. А ветер уже не так трепал солдатские шинели и полушубки, не сёк ледяной крошкой по глазам, не жёт щёки.

И вот в голове колонны родилось и радостной птицей пронеслось по заполненной войсками дороге:

— Стой! Принять в сторону! Привал!

Принять в сторону можно. Полезли в снег. Местами проваливались по пояс. Вокруг елей обтаптывали сугробы, ломали лапник и тут же валились на охапки и засыпали, даже не сняв вещмешков и не отряхнувшись от налипшего в поле снега.

Подошла ротная кухня. Старшина начал раздавать горячую кашу. Перво-наперво накормили артиллеристов. Бойцы стояли с котелками наготове и терпеливо ждали, когда придут “сорокапятчики”.

— Ну, ребята, — сказал лейтенантам Отяпов, — вы ж и воюйте не хуже, чем на кухне.

Те засмеялись. “Эх, дети, — подумал Отяпов. — Такие не погубили бы орудия. Без орудийной поддержки роте в бою — беда”.

Только успели ложки облизать и рассовать их по укромным местам — кто за голенище, кто в нагрудный карман, кто куда, — прибежал ротный: — Отделение Отяпова и сапёры! Ко мне!

Вот тебе и привал. Похоже, Отяпов, накрылся твой честно заслуженный отдых.

Ротный нахватал их пятнадцать человек. Из штаба полка прибыли лыжники, тоже человек пятнадцать. С ними старший лейтенант. Разведка. Все при автоматах. Кое у кого трофейные. Разведчики с трофейным оружием щеголять любят, этот форс Отяпов давно заметил.

Артиллеристы быстро отвинтили и сняли с осей колёса одной из пушек. Пушку приладили на сани, притянули проволочными скрутками. И — вперёд.

Задачу старший лейтенант из полковой разведки поставил уже в пути: впереди деревня, немцев в ней немного, человек двенадцать, но при зенитной установке и двух пулемётах, и этот чёртов гарнизон необходимо было

взять любой ценой. Из лазарета прислали две санных повозки с санитарями. И Отяпов в одной из санитарок сразу разглядел Лидку Брусиленкову. Та тоже махнула ему рукой, радостно улыбнулась. Опять им выпала доля хлебнуть чего-то непонятного и вовсе нерадостного. Хотя встреча с роднёй — какая она ему родня? — Отяпова обрадовала.

Шли около часа. Свернули в лес. Затихли. Ездовые соскочили с саней, гладили заиндевелые морды лошадей, чтобы те не заржали и не выдали отряд.

Деревня рядом. В ней тихо. Может, ушли? Германец, он хоть и смел, и хороший вояка, а всё одно умереть от пули боится. А тут на него такая силаща прёт.

Вернулась разведка. Нет, не ушёл. Придётся атаковать.

Старший лейтенант задумался. Позвал артиллерийского лейтенанта. Начали совещаться. Отяпова тоже к себе позвали. Он всё время молчал, вопросов не задавал, чтобы не досаждать командирам решать самое главное.

Распрягли коней. Вывернули оглобли, чтобы не мешали в лесу. Сани с “сорокапяткой” потащили к опушке.

Вон она, зенитка, спаренные стволы торчат над снежным валом. Там же, над валом, виднеется фигура часового. Немец закутан в какое-то пёстрое тряпье. Видать, совсем замёрз, бедолага. Ветер тянет от деревни. Значит, немецкий часовой их не слышит. Старший лейтенант команды отдаёт шёпотом.

Самая непростая задача, как всегда, у пехоты: как только отстреляется расчёт “сорокапятки”, атаковать юго-западную окраину и захватить три крайних дома.

Лыжники уходят раньше. Они войдут в деревню с северо-востока и перекроют дорогу на восток одновременно с атакой отделения Отяпова и сапёрной группы.

Вначале всё шло удачно. Артиллеристы отстрелялись точно. Сразу подавили зенитную установку. Отяпов поднял своих. Добежали до первой хаты. И тут ударил пулемёт. Он бил откуда-то из глубины проулка, из метели. Упало несколько человек. Захрипел Ванников, заребая под себя снег. Отяпов ухватил его за ремень и оттащил за кладушку дров. Залегли. Пулемёт не умолкал. И Отяпов сразу забеспокоился о тех, кто остался лежать на снегу в проулке, под огнём.

— Нил Власыч, я заметил, откуда он стреляет. — Гусёк дрожащей рукой очищал от налипшего снега свой ППШ. Протёр, проверил диск и вытащил из кармана полшубка гранату, зачем-то подышал на неё.

Нервничает, понял Отяпов.

— Давай, Гусёк. Правее обходи. Вдоль сараев.

Гусёк исчез в проулке. Метель поглотила его мгновенно.

Отяпов полез в карман Ванникова, чтобы найти его медицинский пакет. Но вдруг понял, что тот уже не дышит. В Калугу шёл... Домой. Надеялся своих повидать. Повидал...

В глубине проулка лопнула граната, потом другая. Немного погода вернулся Гусёк. Он тащил пулемёт. Тянулась по снегу лента с длинными, как карандаши, патронами. Дырчатый кожух с шипением дымился, издавая приятный металлический запах.

— Вот, Нил Власыч, трофей прихватил.

— Ванников помер, — ответил Отяпов.

— Что, наповал?

— Наповал. Вот тебе и Калуга...

Вскоре пришли лыжники. А за ними — связной из штаба батальона с приказом: атака деревни отменяется, срочно возвращаться назад.

Отяпов с Гуськом вытащили тела убитых к дороге. Оружие забрали с собой. Раненых увезла Лидка. Хоронить своих товарищей им было некогда. Местные похоронят. Хотя местных никого не видать. Ни души. Должно быть, все ушли в лес. Или немцы угнали.

Оказывается, батальонная колонна меняла маршрут движения. Деревня им теперь была не нужна, её они обходили стороной. Видимо, разведка нашла другую дорогу, более пригодную.

БОЙ ЗА ДЕРЕВНЮ

В Калугу Отяпов не попал. Полк обошёл город с северо-запада. Шли маршем, без остановок и боёв. Всё уже было сделано. Вдоль дорог стояли уткнувшиеся в кюветы громоздкие немецкие грузовики и наши ЗиСы и полторки с выгоревшими кабинами и обгоревшими, будто обглоданными каким-то невероятным и жадным зверем скатами.

— Хороший город, — сказал Курносов. — Я до войны тут бывал.

— Пожгли сильно. — Отяпов смотрел на дымчатую кромку горизонта, которую обрамляли плотно наставленные дома незнакомого города, той самой Калуги, о которой столько говорили все эти дни и откуда родом был Ванников.

— Да, пожарищем пахнет.

Вскоре повернули левее и вышли к крайним домам. Домишки здесь стояли так себе, не лучше, чем у них в Отяпах. Правда, все крашенные в голубой или в зелёный цвет. И наличники резные, в затейливых узорах. Такого художества у них в деревнях не водилось.

Отяпов шёл и любовался наличниками. Каждый следующий дом был украшен узором, который совершенно отличался от предыдущего. Мудрёный, видать, тут народ живёт, подумал, завидуя, Отяпов. Вон как своё от соседского отгораживает! Вот такой и Ванников был, царствие ему небесное. Не дошёл до своего дома. Тоже, должно быть, с узорами да с затейством... Дети сиротами остались.

Возле дороги лежала полуобгорелая лошадь, задрав кверху копыта. Её уже свежевали две старухи и мальчонка. Старухи рубили топором куски мёрзлого мяса, а мальчик складывал их на санки, стоявшие в чёрном затоптанном снегу, обмётанном копотью. Топор у старух был, должно быть, туп, и у них получалось плохо. А может, труп лошади сильно застыл. Ротный сказал, что ночью давануло до тридцати пяти. Ну, ничего, в такой одежке, в какую обмундировали их перед наступлением, пережить и не такой мороз можно.

Мальчик смотрел на идущую колонну и рассеянно улыбался. Должно быть, голодный, подумал Отяпов. Но его опередил пулемётчик Гридников. Он перескочил через кювет и сунул мальцу кулёк. Что у него там было, неизвестно. Может, сахар да сало. Что им ещё выдавали перед маршем? По банке рыбных консервов и гороховый концентрат. Гридников — человек добрый, он всё отдаст.

А малец чем-то на Власика похож. Только, может, ростом поменьше.

Отяпов оглянулся. Но шедшие сзади уже закрыли обочину дороги, где старухи и малец разрубали убитую лошадь.

К вечеру вышли к деревне. Деревня целая, дома все стоят, не пожжены, не побиты снарядами.

За деревней шла стрельба. Пока палили из винтовок да изредка дёргал морозный звонкий воздух наш “максим”. Басовитый его грохот раскатисто стлался по вымерзшей лощине, где лежали несколько убитых. Чьи, пока непонятно.

Расположились за домами и сараями. Ротный сказал, что предстоит атаковать ту сторону лощины. Там засели немцы. Неужто придётся лезть через лощину в лоб, без артподготовки?

Отяпов высунулся из-за угла, чтобы получше осмотреть местность, где им через минуту придётся умирать. Лощина неширокая, перескочить можно в один мах. Несколько стёжек протоптаны на ту сторону. По ним, должно быть, и бежали те, что лежат теперь, припорошенные снегом. Один лежал совсем близко, за колючцем. Отяпов присмотрелся: немец! “Так тебе и надо, чёртов сын!” — подумал об убитом Отяпов.

Рядом шевелился Курносов. Он устраивался поближе к фундаменту.

— А ну-ка, подвинься, — сказал Отяпов и толкнул его валенком в бок. — Убери-ка свой лафет в сторонку.

И точно, вскоре и их очередь подошла.

Вначале “максим” прошёлся очередью по березняку и верхушке пологой горы на той стороне лоцины. Было хорошо видно, как пули поднимали снежную пыль и секли по сучьям молодых деревьев. И тотчас оттуда ответил немецкий МГ. Несколько пуль шлёпнули по брёвнам их дома, звякнуло разбитое стекло.

Появился ротный, стал смотреть в бинокль в сторону горки, откуда молотил немецкий пулемёт.

— Приготовиться! — крикнул он.

Но немцы поднялись раньше.

— Господи! Иисусе Христе! — выдохнул Отяпов и оглянулся на товарищей, прижавшихся к стене дома в ожидании своей участи.

Но тут захлопали миномёты, и лоцину, противоположный склон с фигурками в грязных коротких комбинезонах, березняк и трупы немцев заволокло гарью и снежной пылью.

— Понеслась кривая в баню, — хохотнул Курносов и вытащил из-за пазухи сухарь.

Некоторые осколки на излёте добрасывало до самых дворов. Они шлёпались поодаль, прожигали затоптанный снег и исчезали, как нечистая сила.

Через несколько минут опять появился ротный. В руках у него был новенький ППШ. Он что-то кричал. И Отяпов понял, что надо выходить и бежать туда, по лоцине в гору, где всё было исковеркано минами и где гарь всё ещё оседала на седой испорченный снег.

Окопы немцы отрыть не успели. Сделали норки в снегу, снизу застелили словым лапником. Пулемётчики устроились более основательно. Натаскали досок, выложили бруствер и присыпали снегом. Расчёт уйти не успел. Двое лежали прямо возле пулемёта и коробок с патронами. Третий — поодаль. У третьего не было головы.

— Хорошо отработали миномётчики, — стиснув зубы, сказал ротный.

Они потоптались вокруг убитых пулемётчиков и пошли в сторону леса, куда продвигался весь батальон.

Возле леса были сложены раненые. Откуда они тут взялись, непонятно. Примчались санитарные сани, потом ещё двое. Начали грузить раненых. Отяпов помогал санитарам поднимать на сани раненых и всё смотрел в поле, не подьедет ли на своём сером коне Лидка. Но Лидки не было.

Зато появился капитан Титков. Его Отяпов узнал сразу. На белой лошади. Бравый. В хорошо подогнанном полушубке и белой кубанке с красным верхом и золотым галуном. Прямо *орёл степной, казак лихой*. Встретились глазами. Отяпов отвернулся. Узнал ли его капитан Титков? Должно быть, узнал. Не такой уж он и пьяный был тогда, на Рессете, чтобы не помнить бойца, который хотел скинуть его с повозки.

— Ну что, ребята? — крикнул Титков весело, как будто привёз полевую кухню с горячей кашей и звал всех к котлу. — Много трофеев нахватили? Тащи всё в деревню!

Трофеи были. Несколько пулемётов, два миномёта, мотоцикл, повозки и несколько лошадей. Лошадей, правда, тут же старшины расхватили по ротам. Их в список трофеев не впишут. Не такие дураки командиры, чтобы ради лишнего ордена коня в чужой обоз отдавать. Ордена ещё будут, а конь нужен сейчас.

Кухня и вправду уже ждала их в только что захваченной деревне. Вот молодец старшина! День выдался хороший. Даже, можно сказать, весёлый. Все живы. Раненых быстро отправили в тыл. Жалко только, что в Калуге не побывали. В Туле вот довелось. Щами с гусятиной угостили. На всю жизнь запомнится. А тут — не довелось. С другой стороны, что им было делать в Калуге? Город разбит. Народ голодный. Можно было бы отыскать семью Ванникова. Но что сказать его жене? Что не уберегли её мужа от немецкой пули? Рассказать-то, конечно, надо было. Где убит. Как воевал. Как о них тосковал...

Каша была вкусная. Гусёк так и хватал с ложки большими кусками. Задыхался, кашлял, шлёпал жадными губами, измазанными сажей. Без конца

закидывал за спину свой ППШ. Приклад автомата он уже где-то поцарапал. — Что ты, — сделал ему замечание пулемётчик Гридников, — как гончий кобель после охоты...

Гусёк только засмеялся и отвернулся, чтобы кашлять в сторону. Ел он всегда много.

Прошли мимо миномётчики. Несли трофейный пулемёт и немецкие ранцы.

— Пригребай, ребята, к нашему котлу! — позвал их старшина. Своих он покормил, можно было угостить и соседей, так выручивших во время боя.

Солнце уже зачерпнуло снега в дальнем поле, золотило густым уходящим светом соломенные крыши. Уцелела деревня. Уже и жители откуда-то появились. Ребятишки сновали среди бойцов. Их старшина тоже приказал кормить до отвала.

Вот бы в свою родную деревню так войти, подумал Отяпов и никому об этой своей мечте не сказал. Он знал, что на войне лучше об этом молчать.

Отяпы были далеко. Но туда они уже шли.

НА ВАРШАВСКОМ ШОССЕ

Полк разгрузился на заснеженной станции.

Артиллеристы выводили из вагонов испуганных лошадей, скатывали по бревенчатым помостам дивизионные пушки. Орудия на резиновых колёсах мягко скатывались вниз, в снег, покачивались из стороны в сторону, словно живые.

В голове состава разгружалась санитарная рота. Там тоже стояла суматоха и гвалт.

Роты выгрузились быстро. Сложили на сани своё армейское добро: ящики с гранатами, цинки с патронами, какие-то мешки, от которых пахло съестным — не то сухарями, не то воблой. И через полчаса уже шагали взводными колоннами по натоштанному просёлку прочь от станции.

— Куда ж нас, братцы, гонят? — спросил боец из недавнего пополнения, прибывшего из Калуги.

В их полк влили несколько маршевых рот. Пополнили новыми орудиями артиллерийский дивизион. Каждой роте выделили два пулемёта — из ремонтного фонда. “Максимы”, брошенные по лесам и дорогам ещё во время осеннего отступления и собранные комсомольцами, отремонтировали на калужских заводах и распределили по ротам, как награды.

Гридникову сразу же присвоили младшего сержанта и дали двоих бойцов из калужан. Один из них теперь тащил тяжёлое тело “максима” с ребристым кожухом, другой — станок. Гридников нёс, перекинув за спину на трофейном ремне, покрашенный известью щит. Коробки с лентами первый номер, пользуясь своим новым высоким чином, заботливо распределил среди бойцов взвода, так что ни одно из отделений не осталось без ноши.

Одна из коробок была поручена отделению Отяпова. И вначале её бережно нёс сам отделённый. Наконец, Отяпов окликнул шедшего рядом Гуська и сунул ему в руки тяжёлую металлическую коробку, тоже кое-как, наспех, обмазанную густой известью.

Маскировку нанесли уже в эшелоне. Взводный принёс ведро с известью и приказал покрасить всё, что можно. На всё извести, конечно, не хватило. Но каски и пулемёт покрасили.

Шли уже несколько часов. К вечеру мороз начал прижимать. Особенно в поле, так и жалил открытые места, давил на лоб и виски.

Вскоре впереди увидели холмы, которые грядой уходили вдоль шоссе на запад. У подножия холмов всё было запутано проволокой. Темнели следы танковых гусениц. В лощинке стоял сгоревший лёгкий Т-60. Корма у него была взорвана, видать, сдетонировали боеприпасы. Он уже порыжел от ржавчины, а сверху был накрыт высокой снеговой шапкой.

— Вот тут, видать, и остановимся на постой, ребята, — невесело сказал Отяпов, оглядывая окрестность.

А окрестность и вправду была безрадостной.

Линия окопов тянулась по опушке реденького леса, иногда по чистому пространству среди одиноких кустов ивняка. Позади, судя по чёрным шишкам куги и зарослям камыша, болото. Там чернели свежие полиньи от разорвавшихся снарядов. Полиньи были разного размера.

Не доходя до линии окопов, спустились в глубокий ход сообщения. Приказали нагнуть головы. Нагнули. Пошли на полусогнутых. Кому охота снайперу под пулю голову подставлять!..

Отделению Отяпова достались тридцать метров неглубокой траншеи со снежным бруствером. Кое-где, где были устроены стрелковые ячейки, снег облит рыжеватой водой и заморожен. Под ногами зыбало и чавкало — болотина, копать глубже нельзя.

— Вот, командор, и попали мы, — сказал Лапин и начал по-хозяйски устраиваться в ячейке.

Лапин ещё в лесу наломал сосновых веток и нёс их под мышкой. Теперь старательно укладывал их под ногами. Кто-то над ним пошутит:

— Ты, Лапин, уж больно стараешься. Баба так постелю не стелет.

В ответ Лапин только усмехнулся. На вид ему было лет тридцать. Сухощавый, живой, как подросток. На тыльных сторонах ладоней — густые аляповатые татуировки: на одной — восходящее или заходящее солнце с надписью “Север”, на другой — череп с серпом и молотом на лбу и надписью “Печора”. Видать, парень бывалый, поглядывая на своё пополнение, примечал Отяпов. Ну, ничего, тут нам не гладью вышивать. Бойцы Лапина сразу прозвали Расписной. Тот не обиделся.

Ячейка, которую занял Отяпов, пахла мочой и болотиной. Под ногами валялся кусок кровавого бинта. Вмёрзший еловый лапник дышал и сипел. Иногда казалось, что стоишь на кочке среди болота и вот-вот ухнешь в прорву. Но это когда задрёмывал. А так ничего, можно было терпеть.

Пришёл взводный и приказал выделить троих человек для строительства землянки.

Отяпов тут же занарядил троих калужан, старшим назначил Лапина.

— Ладно, мне незападно, — согласился тот. — Для разнообразия жизни, так сказать. А где будем эту самую блатхату созидать? Да, командор, и вот ещё что: на круг всё же работать будем, допшаёк не предусмотрен?

Отяпов вытащил из кармана сухарь и сунул Лапину. Но тот отвёл его руку, засмеялся и пошёл по ходу сообщения за взводным.

Непростой ему попался человек, этот Расписной Лапин. Взводный приказал пристматривать за ним особо: мол, бывшие уголовники перебегают на ту сторону, чуть что — руки вверх... Вот не было заботы Отяпову, когда простым бойцом был, так на ж тебе — пару “секельков” в петлицы и ответственность за целое отделение. Смотри за ними, обучай владеть оружием, приглядывай, чтобы самострел не сделали. Морока...

К ночи землянка была готова. Взвод потянулся на отдых. В окопах остались только наблюдатели и дежурные при пулемёте.

Гридников со своими калужанами отрыл ещё один окоп — в зарослях кустарника, во впадине, где начиналась лощина, уходящая в сторону леса. Лощина та шла немного наискось, так что в случае необходимости он со своим расчётом мог свободно, не обнаруживая свой маневр, перетаскивать пулемёт левее и прикрывать стык с соседним взводом. Там же окопались бронбойщики, оба расчёта.

Когда отделение ушло в землянку, Отяпов пошёл по ходу сообщения, чтобы ещё раз убедиться, что всё ладно.

Уже смеркалось. Левее, примерно в километре, гремело и перекачивалось эхом в глубину леса и по всему болоту. Там, видать, либо наши наступали, либо контратаковали немцы.

Прошёл мимо наблюдателя. Тот стоял, привалившись плечом к столбу, и жевал сухарь.

— Что, Никитин, сладок сухарь?

— Ещё как, Нил Власыч!

Все его так звали — Нил Власыч. Какой он им “товарищ ефрейтор”? Ефрейтор... И слово-то какое-то не наше, не русское, а больше германское...

— Всё тихо?

— Тихо.

— Затвор-то не примёрз?

— Да нет.

— Дай-ка посмотрю. — И Отяпов отвёл затвор винтовки Никитина. Винтовка не новая, уже, видать, побывала в бою. Патрон был в патроннике, и Отяпов, убедившись в готовности бойца и его винтовки к самым решительным действиям, осторожно толкнул боеприпас на место. Затвор ходил мягко. Смазку Никитин, как он им приказал ещё в эшелоне, протёр насухо. Калужане оказались людьми покладистыми и в военном деле сноровистыми. Не хуже тульских. Но те, пожалуй что, победовей.

— Смотри вон за тем склоном. Там у них окопы. Совсем близко.

— Да я уже понял. Мелькали там, котелками гремели. Сейчас затихли.

— Тоже наблюдают. Вот ты, Никитин, стоишь и за германцем наблюдаешь. А он, германец, тоже там стоит и за тобой наблюдает. Вон, ракеты начал пускать. Ты голову-то, пока она горит, убирай. Снайпер может работать. Если будет какое сомнение, кинь гранату. Понял? Только подальше. Чтобы своих не зацепить.

Ночью отделение Отяпова подняли по тревоге. Ничего такого тревожно-го не оказалось. Просто из роты отряжали взвод на переноску боеприпасов.

Носили мины для тяжёлых миномётов.

Тропинка была проложена прямо по Шатину болоту, через лес. Там, в лесу, находился склад боеприпасов, хорошо замаскированный в оврагах среди вековых елей. Чтобы не демаскировать склады, днём туда никто не ходил и не ездил. Снаряды, мины и прочие огнеприпасы на позиции артиллеристов и миномётчиков доставлялись в тёмное время суток. Ночь в феврале дольше дня, и до рассвета бойцы успевали сделать по Шатину болоту от складов на позиции по три-четыре ходки.

Тропинка под ногами прогибалась, особенно когда возвращались назад с двухпудовой ношей. Мины перевязывали за хвосты ремнями, перекидывали через плечо или через голову и — вперёд. Дистанция десять шагов.

Хруп-хруп ледок под ногами. Впереди идущий вытягивает шею из-под врезавшегося в плечи ремня, смотрит в глубину белого болота, покрытого пятнами от попаданий снарядов и мин. От них тянет тухлой болотиной. Чёрные польные парят, мороз им нипочём, словно изнутри их подогревает сама нечистая сила, прилежавшая сюда с Зайцевой горы.

Отяпов поправил сползшую вниз левую мину, заодно пощупал, ладно ли затянуты узлы. Подумал, тоже поглядывая в белое поле: летом, должно быть, тут полно утей. Гнезятся. Выводят утят. Корма полно. Укромно. Кустарник. Камыш. Узлы на хвостах мин надо было проверять постоянно — не развязались бы...

Впереди идущий начал сбиваться с ноги, вихлять и замедлять ход.

— Стёпин! — окликнул его Отяпов. — Не спи, гад ты такой! Угробишь себя и нас!

Разговаривать на тропе запрещено. Но Стёпин, идущий впереди, явно задремал и в таком ненадёжном состоянии может наделать беды куда хуже. Стёпин оглянулся, махнул рукой: мол, всё в порядке, не сплю.

Не сплю...

Стёпин тоже калужский.

Стёжка начала отворачивать влево. Обходили польню, из которой торчали покрытые инеем жерди. На жердях — обрывки тряпья. Начальник склада, когда проводил инструктаж, рассказал: три ночи тому назад задремал на ходу боец, упал, мины ударились одна о другую и произошёл взрыв.

Отяпов посматривал за идущим впереди до самого конца болота. На твёрдом догнал бойца и ударил его кулаком между лопаток:

— Ты что, чёртов сын!..

— Виноват, Нил Власыч. Больше не повторится.

— Смотри...

До общего подъёма успели пару часов поспать. Спали даже не разуваясь. Зарылись в солому в углу землянки и тут же дружно, как сыны от одной матери, захрапели.

И приснился Отяпову сон. Будто идёт он по гречишному полю. Гречиха цветёт белым цветом. На вишнёвых стебельках — тяжёлые гроздья цветков. “Эх, какой урожай будет!” — думает Отяпов. А солнце над полем такое жаркое, доброе, на всё хватает его тепла — и на гречишное поле, и на цветы, и на лес, мреющий среди зноя тёмно-зелёными соснами и бархатистыми осинами, и на него, Отяпова, чтобы он не мёрз посреди февральского болота. Но это ещё не весь сон. Самое радостное в нём было то, что краем поля, только с другой стороны, шла женщина. Отяпов смотрел на неё и вроде бы узнавал, а вроде бы и нет. Решил окликнуть по имени. Имя он вроде как тоже знал. Набрал в грудь воздуха, чтобы осилить крик... Но тут его толкнули в бок. Разбудил какой-то гад распоследний из отделения...

— Вставай, Нил Власыч. Каша пришла.

Каша — дело неотложное. Надо подниматься. А в глазах стояли, холодили веки слёзы. Так жалко, что сон не досмотрел...

Только успели управиться с кашей, зашевелился весь полк. Доскабливали котелки уже в ячейках.

А на гряде высот, по гребню и скатам, уже поднимались чёрные столбы взрывов. Неужели артподготовка? Сердце у Отяпова заколотилось. Он оглянулся на своих. Лица у всех посерели, вмиг осунулись. Поняли, что сейчас будет.

Артиллеристы ещё покидали снарядов по гребню высоты. Взводный выскочил на бруствер, поскользнулся на обледенелом скате, упал, выронил свой пистолет. Поднялся, снова полез на бруствер. Пистолет ему подали.

— Вз-зв-во-од! — закричал он, не теряя решительности. — За мно-о-о!..

Левее, натужно ревя моторами, шли три танка. Две “тридцатьчетвёрки” мощно пробивали в снегу глубокие туннели. За одной из них, немного отстав, шёл Т-40.

Лейтенант бежал впереди и часто оглядывался на бойцов, которые барахтались в снегу позади него, широко растянувшись по полю.

— Гусёк, Лапин! Давай за мной! — И Отяпов перевалился через снежный отвал и побежал за “тридцатьчетвёркой” по рыхлому гусеничному следу.

Он знал, что сейчас, когда немецкие противотанковые пушки начнут стрелять по танку, под огнём окажутся и они. Но ползти по глубокому снегу, а потом перебираться через заграждения из колючей проволоки было ещё опаснее. Сапёры ночью ползали на нейтралку, снимали мины и резали проволоку. Немецкие дежурные пулемёты их отпугивали. И неизвестно, где сапёры сняли мины, а где — нет.

Немецкие противотанковые орудия ожили, когда “тридцатьчетвёрки” подошли к линии проволочных заграждений. Одна трасса прошла над танком выше, даже не задев его. Другая чиркнула по башне и, изменив траекторию, прощуршала над головами бойцов, бегущих за танком. Они инстинктивно попадали в снег. Но тут же поднялись и побежали дальше. Третье попадание оказалось более точным. Трасса рассыпалась брызгами электросварки на наклонной лобовой броне. Но танк продолжал идти вперёд.

Лёгкий Т-40, шедший позади, делал короткие остановки и стрелял из обоих пулемётов. Особенно отчётливо слышался басовитый стук крупнокалиберного ДШК. Башенный стрелок, должно быть, засёк позицию ПТО и теперь молотил из пулемётов в одном направлении. Орудие вскоре замолчало.

Треснули столбы, и “тридцатьчетвёрка” протащила вперёд проволоку, потом развернулась и пошла левее, по ложине. Теперь огонь противотанковых пушек, стоявших на прямой наводке на склоне высоты, ей был не страшен.

Отяпов оглянулся, и холодный пот побежал по позвоночнику под ремень: вторая “тридцатьчетвёрка” и лёгкий пулемётный танк пятились назад. Они вели частый огонь и уходили по своему следу к окопам. Пехота слева тоже

стала нырять в снег и вскоре исчезла. Осталась только их рота и правофланговый батальон. Батальон уже карабкался вверх и вёл автоматный огонь.

— Давай, ребята! Вперёд! — что есть силы закричал Отяпов своим бойцам, чувствуя, что все ждут его команды. — Если тут заляжем, пропали!

Немецкий пулемёт повёл огонь вдоль наступающей цепи, больше захватывая порядки соседнего батальона. Но Отяпов знал: как только они начнут подниматься по склону вверх, к первой немецкой траншее, он перенесёт огонь на их линию. А пока для немцев, обороняющихся на склоне высоты, они были менее опасны.

Перед тем, как подниматься вверх, залегли. Отдышались. Пулемёт молотил вверх и немного левее.

— Кто пойдёт к пулемёту? Нужны двое. С гранатами.

Бросать гранаты в отделении умели не все. Некоторые гранат просто боялись. Отяпов даже не был уверен, все ли взяли их с собой.

Бойцы молчали.

Тогда Отяпов позвал двоих — Лапина и Никитина.

— Не бойтесь, ребята, — сказал он им, перекладывая гранаты из вещмешка в карманы. — Я пойду с вами.

Когда они поднялись по склону выше, стало хорошо видно чистое пространство, исхлёстанное танковыми гусеницами. Там и тут бугрились серые холмики убитых. Возле некоторых копошились санитары. Танки уползли за окопы и маневрировали уже в перелеске. “Тридцатьчетвёрка” вела огонь по высоте. Снаряды рвались на гребне.

Подползли совсем близко.

— Ну, командор, кто ему рога ломать полезет? — спросил шёпотом Лапин.

Отяпов посмотрел, как затянуло тоскливой пеленой глаза Никитина, и ворохнулся было вперёд, но Лапин остановил:

— Как масть ляжет, так и будет. Я — первый.

После, когда ворвались в траншею и в короткой схватке выбили немцев из первой линии, Лапин, задыхаясь от неостывшего азарта и кашля, рассказывал, как он справился с немецким пулемётчиком, а потом собирал трофеи в захваченном блиндаже:

— Ну, тут я ему акулку под ребро... Повалил оленя, покропил снежок красненьким... А там у них барахла всякого...

— Ловкий ты парень, Расписной! — хватили его бойцы.

Лапин, явно польщённый похвалой, рассказывал дальше. Все его с удовольствием слушали, будто сами только что были не здесь, не в месиве рукопашной, а где-то далеко, где ни стрельбы, ни немца, ни пуля над головой.

— Ну, тут я гляжу — тормоз* в конце хода. Аг-га! Я его — на себя. Гранату вперёд — на гостинец. И — весь хабар, что там был, мой! Один олень ещё живой. Ну, я ему прикладом, как вон Нил Власыч учил. Подмотал вату** и — ходу. Вот, всё, что честно добыто, так сказать, в доблестном бою... — И Лапин пнул носком сырого валенка немецкий ранец. — На всю хевру, конечно, не хватит. Но можно и ещё пошмонать.

Начали устраиваться. Выбросили трупы немцев. Рядом, на брустверах в сторону второй немецкой линии, выложили своих. Им теперь всё равно. Через час-другой застынут, никакая пуля не возьмёт. И послужат ещё...

Спустя некоторое время внизу, возле проволочных заграждений появилась “тридцатьчетвёрка”, та самая, которая ушла по ложине влево. Теперь она уходила назад.

— Ушли наши танки, — сказал кто-то из бойцов.

— У танкистов своя работа.

— Это так. Попукали и ушли.

Бойцы материли танкистов. Но вскоре успокоились. Кто раскладывал

---

* Тормоз — дверь (жаргон.)

** Подмотать вату — собрать вещи (жаргон.)

в нише трофейные гранаты, кто курочил немецкий ранец, кто грыз свои сухари. Ждали контратаки. И не напрасно.

Немцы контратаковали уже в сумерках.

“ТАНКИ!”

Вначале обработали из миномётов. Да так, что тела убитых и раненых выбрасывало из окопов. Тяжёлые мины ложились парами.

Когда начало трясти землю, Отяпова затошнило. Хорошо, что ничего не ел, подумал он, сплёвывая под ноги горькую желчь тягучей слюны. Зашумело в ушах. Контузия, сволочь такая...

Он пришёл в себя оттого, что кто-то с силой тряс его за плечи. Пелена перед глазами рассеялась, и он увидел искажённое ужасом лицо Гуська. Случилось что-то страшное, понял Отяпов и попробовал встать. Все суставы болели. Руки-ноги дрожали.

— Танки! — услышал он голос Гуська.

Через них перепрыгнул лейтенант. Тут же резко ударила бронебойка. Обдало снегом и мёрзлой землёй.

Началось... Ничего, сейчас встану и я... Отяпов навалился грудью на бруствер. Затолкал в магазин новую обойму. Уже понесло по траншее пороховой дымок. И этот запах, почти родной, как махорочный дух, заставил Отяпова внутренне встрепенуться, взять себя в руки.

Снова ударила бронебойка. Отяпов оглянулся. Первый номер в расстёгнутом полушубке стоял на коленях в снежном ровике и, плотно сжав губы, тщательно прищелкивался — туда, вдоль склона, где, должно быть, и происходило самое страшное.

Выстрелил и Отяпов. Теперь он видел, в кого надо стрелять.

Немцы атаковали тем же манером, что и они. Танки шли впереди. Пехота, небольшими группами, до отделения, не больше, продвигалась под их прикрытием.

Отяпов стрелял, выцеливая синие в вечерней мгле фигурки немецких пехотинцев, мелькавшие за коробками танков.

Танк, шедший прямо на их окопы, неожиданно резко развернулся и осел на правую сторону.

— Патрон! Быстро! — крикнул бронебойщик своему второму номеру.

Вот молодец Тимир, с благодарностью подумал о бронебойщике Отяпов.

Танк развернуло боком к их окопам. Теперь в него стреляли все. И вскоре он задымил. Открылся верхний люк, и из него кубарем выкатился танкист, прыгнул по броне вниз и исчез в снегу.

Ловок... Жить охота... Второго Отяпов не пропустил. Немец повис на броне, потом сполз на корму. И вскоре начала дымиться, а потом загорелась его одежда. Танк охватило пламя, начали рваться боеприпасы.

Два других танка остановились, сделали по нескольку выстрелов и стали пятиться назад. Пехота залегла, открыла огонь. Перестрелка длилась минут пять. Потом погасла. Немцы короткими перебежками отходили во вторую линию своих окопов. Не вышло у них с контратакой, и они отошли.

Ишь, как воюют. Осторожно. Не то, что мы. Так думал Отяпов, выглядывая из окопа и определяя, откуда может прилететь пуля или мина. Но ничего опасного, кажется, не заметил. Можно было отдохнуть.

Ночью бойцы ходили к танку — греться.

Отяпов тоже хотел сходить, посмотреть, как его, чёртова сына, раздуло от внутренних взрывов. Но усталость разламывала всё тело, клонило в сон, да так неодолимо, что, кажется, захворал, и это хвороба захватывала его такой неодолимой силой, так корёжила и мучила ослабевшее, беспомощное тело, что он едва сдерживался, чтобы не застонать в полусне. Уснуть тоже не мог. Проклятая контузия...

Утром, когда наступил артиллерийский рассвет, прилетели самолёты. Никто их не отгонял — ни истребители, ни зенитки. Пикировщики выстроились гигантским колесом и парами бросались на отбитые окопы.

Как ни странно, но бомбёжку Отяпов вынес легче.

Самолёты заходили снова и снова. Когда очередной “лаптёжник” зависал над линией окопов и от него отделялась, будто помёт, бомба, казалось, что она-то вот сейчас и прилетит к нему. Но спустя мгновение бомбу сносило куда-то в сторону. И опять жизнь продолжалась. Не так-то просто было попасть в узкую, как жилка, траншею.

Самолёты улетели. Наступила тишина. И что стряслось, откуда прозвучала эта команда, а может, никто и не подавал никакой команды, а с людьми, сразу со многими, произошло нечто, что заставило их выскочить из окопов и бежать сломя голову вниз по склону, к своей линии.

Напрасно лейтенант размахивал пистолетом, выскочив наперерез бегущим. Его сбили с ног, и, наверное, затоптали бы, если бы не Отяпов. Он подхватил лейтенанта под руки, поставил на ноги и толкнул вниз. И через мгновение тот уже бежал, спасаясь вместе со всеми тем же резвым алпюром.

В окопах их встретил комбат Титков. Он стоял на бруствере и, выбирая из оравы бегущих кого-нибудь одного, тщательно прицеливался и нажимал на спуск.

— Трусы! Мать вашу!.. — матерился он и снова тщательно прицеливался, чтобы ни одна пуля не пропала зря.

Револьвер прыгал в его руках, как механический молоток, которым он уверенно забивал гвозди в бегущие ему навстречу тела. Когда патроны кончились, он открыл барабан и начал его торопливо заряжать. Но в это время бегущая лава хлынула в окопы, и комбата Титкова сбили с ног. Кто-то вырвал из его рук револьвер и отбросил в сторону. А что произошло через мгновение, толком никто так и не мог потом вспомнить.

ОКРУЖЕНИЕ

В полдень по ходу сообщения ходил командир полка. Пожилой, постарше Отяпова, полковник с седыми усами, в белой каракулевой шапке. Его осунувшееся лицо, казалось, не выражало ничего, кроме усталости.

— Что ж вы, братцы, натворили, — приговаривал он, заглядывая в лица бойцов. — Что ж вы, ти-вашу-разъети...

Бойцы при виде полковника вытягивались в своих тесных ячейках, прижимая к бокам винтовки, будто боясь, что сейчас тот потребует показать ему штык и скажет: “Вот он!”

Комбата нашли в траншее с пробитым боком и стреляной раной. Кто-то из бежавших бойцов всадил ему штык и одновременно выстрелил. Если бы только выстрелил, может, сошло бы за пулю с той стороны. Но штык, пропоровший Титкова насквозь...

Отяпов знал капитана Титкова давно. И о том, что с ним случилось, несколько не сожалел. Подумал: “Место тебе, чёртов сын, на дороге надо было ещё...” Скольких он положил из своего револьвера, полковник почему-то не считал и о них не сожалел. Вот о них-то, безвинно попавших под пули комбата, Отяпов горевал. Ладно б в бою...

Никто о случившемся не разговаривал. Но по лицам было видно — думали все.

Вместе с полковником в роту пришли два младших лейтенанта из штаба дивизии — дознаватели особого отдела.

Отяпов посматривал на Лапина. Тот не подавал виду. Но притих. Будто со стороны наблюдал.

Когда ввалились в окопы и начали разбираться, где свои, а где чужие, когда ещё не разошёлся слух об участии капитана Титкова, Отяпов видел, как Лапин менял штык. Сдёрнул штык с винтовки убитого, а свой снял и сунул под еловую подстилку.

— Слышь, командор, — шепнул Лапин Отяпову, — как думаешь, кто хозяина заколбасил?

Отяпов ничего не ответил, даже не взглянул в сторону Лапина. И тот заметно заволновался. Снова зашептал:

— Никак следаки пришли? Как думаешь, шмон будет?

— Ты штык-то поглубже припрядь, — ответил ему Отяпов и посмотрел в глаза так, чтобы тот больше не заговаривал о том, о чём все молчали. — И обойму дозаряди. Понял?

Лашин взгляд выдержал. Ухмыльнулся.

— Понял, командор. Понял, не дурак. А кроме тебя кто-нибудь видел?

— Кто видел, тот будет молчать.

— Ну-ну.

Младшие лейтенанты начали по очереди вызывать в землянку. Но после второй пары в роту прибежал повар Улыбин и сказал, что в лесу он напоролся на колонну танков и грузовиков с солдатами. Немцы ехали со стороны Варшавского шоссе в сторону Юхнова. Коня и котёл он бросил и сам насилу вырвался живой.

— Что б ты сдох! — сказал кто-то угрюмо.

Что и говорить, а котла с кашей было жалко. Но появление немецкой колонны в тылу обеспокоило больше. Ротный тут же схватил Улыбина за ремень и потащил в штабную землянку. Командир полка был ещё на НП, слушал показания бойцов, которые в момент гибели комбата были рядом или поблизости. Когда ротный доложил о немецкой колонне в тылу, полковник побледнел, а дознаватели тут же выгнали допрашиваемых из землянки и собирались в штаб дивизии.

Выслали разведку. Разведка ещё не вернулась, а левофланговый батальон уже вступил в бой с перевернутым флангом, отбивая атаку немецкой мотопехоты.

Бой длился до самой ночи. Ночью рота отошла к болоту. А утром пронеслось: “Отрезаны”.

Когда отходили к Шатину болоту, осколком мины ранило Гуська. Автомат он отдал Курносову. Гуська перевязали и увезли на санитарной повозке. Повезли его по единственной дороге вокруг болота, которая пока ещё оставалась в их руках. Раненых возили в лес. Говорили, что там, в оврагах, рядом с артиллерийскими складами, был развёрнут полевой госпиталь.

Остаток ночи прошёл без сна и покоя. Зарево полыхало повсюду. Кругом гремело. Бывалые бойцы сразу определили, что работает тяжёлая артиллерия. А это означало, что происходило что-то серьёзное.

Утром стало известно, что немцы рассекли порядки армии на две части и одну из них, около трёх дивизий с частями усиления, а также тыловые службы и учреждения, окружили.

Отяпов знал, что такое окружение и чем это обычно кончается.

Бойцы сгрудились возле своего лейтенанта. Тот молчал. Он и сам знал не больше других. Но бойцы с надеждой смотрели на него. Ждали, что вот-вот начнётся прорыв. Командиры молчали. Куда-то ездили на лошадях, кричали друг на друга. Матерились. И видеть это, особенно тем, кто в окружении уже побывал и понимал, что в таких случаях будет через час-другой, становилось невыносимо.

Прошли ещё сутки. Рота оставила просёлок и ушла по тропе через болота в лес. Из-за болота было видно, как по дороге двигались немецкие танки в бело-полосатом камуфляже с жёлтыми крестами.

В ночь назначили прорыв. Приказали изготoвиться.

Почистили оружие. Приготовили гранаты. Старшина раздал сухари и сушёную воблу. Костров разводить не разрешали. Пожевали воблы с сухарями. Запили вонючей болотной водой.

Наступление почему-то задержалось — начали только к утру, когда стало светать. И сразу же первые эшелоны попали под миномётный и артиллерийский огонь. Ничего не вышло. Народу на опушке и в оврагах, по которым передвигались колонны первого эшелона, оставили много. Долго оттуда доносились стоны и крики раненых.

Санитары несколько раз пытались вернуться, чтобы хоть более или менее надёжных вытащить, но их отгоняли немецкие “кукушки”, которые расселись по деревьям и открывали огонь по любому движению или шороху. Санитары

рассказывали, что немцы ходят по оврагам и добивают раненых штыками.

Лапин теперь не отходил от Отяпова. Он знал, что отделённый уже бывал в окружении, что вышел и вывел людей. Инстинкт человека, не раз побывавшего на краю, безошибочно подсказывал ему, что на командиров надежда плохая, а этот неказистый с виду ефрейтор знает то, чего не знают многие, что вдобавок ко всему он человек фартовый и что его фарт и опыт помогут ему и, возможно тем, кто окажется рядом с ним, и на этот раз.

Однажды Отяпов вышел к дороге, а навстречу Лидка гонит санитарные сани. В санях раненый, до глаз замотанный бинтами. Битны промокли, сочались кровью.

— Дядя Нил! И ты тут?

— А где ж мне быть, милая! Где беда, там и я. Гуська, автоматчика моего, не видела?

— У нас он. Операцию сделали. Осколок вытащили.

— Ну как он?

— Лежит.

— А покормили ж вы его хоть? Или голодный погибает? На-ка, Лидушка, передай ему гостинцы. — И Отяпов протянул Лиде свёрток, где хранился остаток его сухпайка — кусок воблы и несколько сухарей.

— Не надо, дядя Нил. У нас кухня своя. И концентраты пока есть.

— Ну, гляди. Парня мне не погуби. Передай от меня ему поклон.

День прошёл в скитаниях по лесу. Куда шли? Кто их вёл? Что их ждало в конце пути? Уже никто не заботился о том, что роту надо кормить, пополнять подсумки патронами, а раненых и больных отправлять в лазарет. Старшина куда-то пропал. Ротный с санинструктором и связистами тоже ушёл в голову колонны, где, говорят, двигался штаб полка.

К вечеру на них налетели самолёты. Та же стая пикировщиков. Посыпались бомбы. Когда запас бомб иссяк, самолёты заходили и атаковали вновь и вновь, простреливая лес и овраги из пушек и пулемётов. Народ разбегался по лесу. Многие так и не вернулись назад. То ли побило их, то ли разбрелись, уже не надеясь на командиров.

Не досчитался и Отяпов в своём отделении троих человек. Трое остались на высоте. Гусёк — в полевом госпитале. Так что Отяпов остался с Лапиным и Курносвым. Вот и всё его отделение.

На ночёвку остановились в глухом овраге. Хорошо, хоть разрешили разжечь костры.

Пришёл ротный, посмотрел на них, сидящих возле костерков, покачал головой и снова куда-то пропал.

Вокруг лейтенанта их оставалось двенадцать человек. Вместе с противотанковым и пулемётным расчётами. Ни винтовки, ни пулемёта взвод не бросил, хотя бегали много. Второй расчёт погиб — мина попала прямо в их окоп, когда сидели на высоте.

На третьи сутки пришёл незнакомый полковник и сказал, что он будет их выводить и что в группу прорыва нужны автоматчики. Увёл из роты троих автоматчиков, в том числе и Курносова.

Группа прорыва начала строиться на южной опушке леса. Остальным приказали ждать. Как только они прорвутся — за ними.

Прибежала Лида:

— Раненых приказано оставить. — Глаза заплаканные, губы то ли растрескались до крови, то ли искусила.

— Как оставить?! — Отяпов чувствовал, что что-то должно произойти такое, что, пожалуй, похуже окружения и гибели в этих проклятых болотах.

— А ну-ка, рассказывай, как туда пройти.

— Куда ж вы пойдёте, дядя Нил? Там, может, уже немцы.

— Далеко от складов они лежат?

— Рядом. Западнее, первый овраг. — И словно подтолкнула его: — Гусёк ваш там. Там он, дядя Нил. Я его видела.

Отяпов бежал так, как даже с высоты не бежал. Стёжка к госпиталю была хорошо натоптана. Даже не одна. Он бежал по санному следу и вскоре

увидел то, что осталось от артиллерийских складов. Боеприпасы, видимо, все вывезли. Пока сидели в окружении, артиллеристы израсходовали остатки запасов. Кругом валялись пустые ящики, несколько конных передков без колёс. А дальше санный след превращался в серое, в кровавых бинтах, меси-во, скопище ползущих и ковыляющих людей. Одни двигались по дороге. Другие расплзались по лесу. Это были раненые. Стоял невообразимый стон, крик, брань и проклятия.

— Гусёк! — закричал Отяпов. — Ты где, Гусёк?

Лица, которые нескончаемой чередой мелькали перед ним, были чужие, заросшие щетиной, злые.

Господи, ужаснулся Отяпов, да как же это раненых-то бросили...

Кто-то ухватил его за валенок. Отяпов машинально отдернул ногу. Господи, что ж это... Где Гусёк?

— Гусёк! — снова закричал он, раздирая морозным дыханием горло.

Вокруг хрипели чужие голоса.

Он спрыгнул в овраг. Раненые здесь лежали правильными рядами на подстилке из еловых лапок. Сверху прикрыты одеялами и шинелями.

Гусёк лежал возле большущей ели. Сучья у ели были обрублены снизу. Видимо, пошли на подстилку.

— Гусёк! Что ж ты лежишь? Надо уходить!

Гусёк плакал. Слёзы бежали по его грязным щекам блестящими дорожками и дымились.

— Ты за мной, дядя Нил?

— За тобой, за тобой, сынок.

Отяпов снял надетую через голову винтовку.

Рядом с Гуськом лежал пожилой боец с артиллерийскими петлицами. Ноги его были укутаны. Сквозь одеяло сочилась кровь.

— Что, за сыном пришёл? — сказал он тихо.

— За сыном.

Слава богу, Гусёк был жив. Лида сказала, что осколок вынули. А значит, была операция. Отяпов знал, что после операции тревожить человека нельзя. Но как же тут не тревожить?

— Слышь, браток, ты меня, такого, не оставляй. — Артиллерист смотрел на него глазами человека, который уже знал свою судьбу до конца.

— Как же я вас, двоих-то, понесу?

— Ты носи его. Он молодой, ему ещё жить и жить. А меня... — Артиллерист указал дрожащим пальцем на винтовку, которую Отяпов сунул прикладом в снег, и она теперь стояла рядом с ним, как живая.

— Что ты? Я такое не смогу...

— Сможешь. Бросить нас смогли. А стрелять — легче. Поверь мне, легче. Я стрелял. В октябре, под Вязьмой. Так что давай.

— Да у меня и патронов-то нет, — стал отговариваться Отяпов, чувствуя подступающий ужас и власть неподвижного взгляда артиллериста.

— И меня, — вдруг послышалось из-под другой шинели.

— И меня...

— И меня...

Он завернул Гуська в одеяло, перекинул его через плечо и, опираясь на винтовку, как на посох, трюшком побежал вдоль оврага, назад, к артиллерийскому складу, к дороге. Голоса оставшихся в овраге ещё долго гудели в голове.

В стороне леса, где осталась рота и где незнакомый полковник собирал автоматчиков в группу прорыва, послышалась стрельба и хлопки гранат. Значит, пошли.

Отяпов пересёк дорогу и зашагал напрямую, по глубокому снегу. Так, казалось, ближе до южной опушки. Может, всего с километр.

Гусёк потяжелел. Похоже, он был без сознания. Но тёплый. Значит, живой, с надеждой думал о своём боевом товарище Отяпов. Через одеяло он чувствовал его живое тепло.

В стороне санной дороги заурчал мотор. По звуку — немецкая танкетка.

Отяпов присел, прислушался. Так и есть — танкетка. Как Бог его отвёл от дороги...

Там закричали нечеловеческим криком. Танкетка взревела мотором, понеслась в глубину леса. Давит, гад, догадался Отяпов. Такое он уже видел под Брянском.

Силы ещё были. Он лез по глубокому снегу, тащил свою ношу и чувствовал, что этот километр он пройдёт без остановки и отдыха.

Так и вышло. Но когда он вернулся в знакомый лес, где оставил свой взвод и Лиду, никого живого там не нашёл. И лейтенант с остатками взвода, и рота, и полк — все ушли. В затоптанном снегу лежали только с десяток убитых. Рядом валялись их винтовки. Подсумки на убитых расстёгнуты и пусты.

Следы вели в одну сторону. Отяпов пошёл по ним. Куда ушёл полк, туда надо и им. Куда же ещё...

На опушке лежало ещё несколько трупов. Все — головой туда, куда ушёл в прорыв полк.

Дальше он решил идти не по луку, а лесом, вдоль опушки. Так безопасней. Хотя глубокие и уже смёрзшиеся тропы в снегу манили тем, что передвигаться по ним было значительно легче, чем по целику.

Так он прошёл ещё с километр.

Стрельба уходила правее и дальше. А он, держа вдоль опушки, поворачивал в тишину. Впереди было тихо. И там же, впереди, светился прогал. Узкая поляна, уходившая в глубину леса. Видимо, лесной покос. Или просека. А может, дорога?

Обходить её Отяпов не стал. Слишком далеко. Силы надо было беречь.

Когда он вышел на просеку, почувствовал, что он тут не один. За ним кто-то внимательно наблюдал. Чужой. Отяпов оглянулся и посмотрел из-под своей ноши в глубину просеки. На густой сосне сидел человек. Сидевший был замаскирован сосновыми ветками и куском белой материи. Но опытный взгляд охотника разглядел его среди маскировки. “Кукушка”. Снайпер. Или наблюдатель. Что тут делать наблюдателю? В белом маскировочном халате. Человек смотрел в бинокль. Смотрел на них. На то, как один тащит другого, опираясь на винтовку, словно на посох.

Когда же он выстрелит, напряжённо думал Отяпов. Вот сейчас... Сейчас... Ещё шаг... Ещё два... До леса шагов пятьдесят, а по такому снегу — ещё больше. Сейчас...

Отяпов вышел к своим, когда уже совсем стемнело.

Их окликнул часовой. Отяпов ответил, что такого-то полка, что выходит из окружения... Часовой, к счастью, не выстрелил. А мог бы сперва выстрелить, а потом окликнуть. Оказалось, вышел на позиции соседней дивизии, которая в окружение не попала. Часовой был предупреждён, что на этом участке возможен выход мелких групп и одиночек. Потому и не выстрелил.

Ночью пришла санинструктор и осмотрела Гуська. Поменяла повязку. Сказала, что всё хорошо, но раненого надо отправлять в тыл как можно скорее.

Утром пришли сразу несколько человек. Отяпов помогал погрузить Гуська в санитарные сани. Попрощался. Сказал:

— Ты, Гусёк, давай, поскорее выздоравливай и — назад, в свою роту. Понял?

— Понял, дядя Нил, понял. Ребятам привет передавай.

— Передам, — ответил Отяпов, а сам подумал: хорошо, если кто-то остался...

Лейтенант, который тоже хлопотал на погрузке раненого Гуська, остался возле землянки. Санитар и санинструктор уехали.

— Ну что, ефрейтор Отяпов, Нил Власович... Я правильно называю ваше имя? — спросил его лейтенант.

— Правильно, товарищ лейтенант. Я и есть: Отяпов Нил Власыч, ефрейтор второго взвода седьмой роты...

— Пройдёте, — перебил его лейтенант и кивнул в сторону землянки. — Пройдёте для беседы.

— Для какой беседы? — спохватился Отяпов и вдруг всё понял: на лейтенанте были краповые петлицы с золотым кантом — особист.

Когда входили в землянку, Отяпов подумал: винтовку не отнял, значит, арестовывать не будут...

Он догадался, что лейтенант будет спрашивать о капитане Титкове, и уже приготовился врать правдоподобно, так что комар носа не подточит: ничего, мол, не видел, ничего не знает, а о комбате узнал, когда закричали, что он убит...

Но лейтенант его спрашивал о другом — о выходе из окружения. О том, кого из командиров видел живым или убитым и при каких обстоятельствах. О госпитале. О маршруте выхода и о том, какие немецкие части преследовали их. Исписал тетрадный лист, дал ему прочитать и подписать, что с его слов записано верно. А потом повёл на кухню.

Надо ж, думал Отяпов, обжигаясь кашей, пахнувшей тушёнкой и лавровым листом, до чего разные люди на войне попадают...

ВЛАДИМИР КОРНИЛОВ

БЕРЕГ ДЕТСТВА

БАРЫШНЯ ОСЕНЬ

Небо бездонно от просини.
Смехом искрится река...
Барышня, нам не до осени:
Мы Вас не ждали пока.
Что же Вы лету перечите,
Если ещё зелены
Сопки на всём междуречии,
Женщины счастьем пьяны.
Если блестящими нитями
Марево веет с полей...
Барышня, Вам по наитию
Чудится крик журавлей.
Зреет их грусть над болотами
В зареве солнечных выюг,
Ими ещё не налётаны
Первые стёжки на юг.
Это приснился Вам давешний
В золоте весь окоём...
Осень, откуда Вы, барышня,
В ярком наряде своём?

КОРНИЛОВ Владимир Васильевич родился 10 января 1947 года в селе Октябрьское Челябинской области. Выпускник Литературного института им. М. Горького. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Автор 16 поэтических книг, двух книг прозы и трёх книг стихотворений и сказок для детей.

* * *

Днём ещё тепло стоит, как летом,
Солнце льёт на землю благодать,
Но уже по собственным приметам
Осень нам не трудно угадать.
Серебристы утренники стали,
Вновь страда бессонницей в село...
Стайки птиц повсюду сбились в стаи —
До отлёта пробуют крыло.
Воздух аж звенит от паутины,
Женщины безумно хороши!
Эти ежегодные картины —
Трогательный праздник для души.
Посмотри, как высветила осень
Дальние отсюда берега!
Сквозь её пронзительную просинь
Подступила к берегу тайга.
Всё в природе близко и знакомо,
За версту дотянешься рукой
До тайги, охваченной истомой,
До звезды над утренней рекой.

КУЗНЕЦ КОРНИЛА

Он не водил компаний бражных,
Не хороводился весной,
Но вот в Николин день однажды
Заслал сватов к вдове одной...
Венчал его с соседкой Фросей
В церквушке сельской рыжий поп.
И всю деревню в эту осень
На свадьбе тряс хмельной озноб.
Отец напутствовал сурово:
“Ты, сын, про счастье не долдонь!
Оно серебряной подковой
Само не ляжет на ладонь!”
И день спустя у кузни старой
Корнила был уже с женой.
Вновь наковальня от ударов
Обряд творила грозный свой.
Бугрились руки мышцей каждой.
Пудовый молот: выдох-вдох.
С лицом, покрытым едкой сажей,
Он был красив, как в гневе Бог...
В поющем пламени горнила,
Нагрев до белых брызг металл,
Прапрадед мой — кузнец Корнила —
Мою фамилию ковал.

НА ДЕЛЯНЕ

Маме

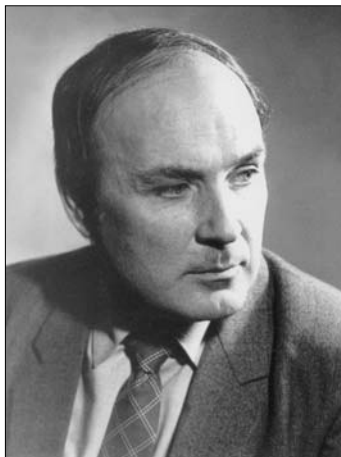
С чем сравнить материнскую силу?..
На исходе январского дня
Мать, обнявши седую осину,
Родила на дяляне меня...

Лес был полон рабочего люда.
Пели пилы, и ухал колун.
Каркал ворон, встревоженный гудом,
Одряхлевший, как старый колдун.
Храп озябших коней от мороза,
Говор баб, нагружавших дрова, —
Всё вдруг смолкло, когда у обоза
Возле нас хлопотала вдова.
Дед, склонившись над крошечным чудом,
Мял ушанку и часто моргал:
“Эй вы, бабы! За внука не худо б
Четвертинку да кус пирога!”
И, укутав нас тёплым тулупом,
Вожжи в руки — и прямо в село.
Вслед судачили бабы: “Не глупо ль —
На деляну родить понесло?!”
Недороды да бедность по сёлам.
Даже песни не пелись без слёз...
Дед же въехал в деревню весёлым:
“Мужики! Пополненье привёз!”

НА БАЙКАЛЕ

Там, где пена волн,
Там, где ветер лют,
Там стоит сосна,
Её вихри гнут.
Солнце светит ей
Всей Вселенною.
Тучи идут к ней —
Горы пенные.
А падёт она,
    иссушённая,
Понесёт волна
    приручённая.
У неё родня —
    встали свечками.
Запоют ветрам
    песню вечную.

РУДОЛЬФ ПАНФЁРОВ

ЧЕЛОВЕК ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ

* * *

Человек провинциальный
Проницательней вдвойне,
Он тройне принципиальней
И храбрее на войне.

Потому что очевидно:
Ближе к Родине живёт,
Потому ему обидно
За обманутый народ.

Он охотно верит в чудо,
Воссияв простой душой,
Жизнь ему даётся трудно,
Трудодень его большой.

Водит пчёл, корову держит,
Всем поможет, кто в нужде,
И с людьми природно вежлив,
Не закурит лишь бы где.

ПАНФЁРОВ *Рудольф Васильевич* родился в г. Тюмени. С 1947 года живёт в срединной России. Работал на заводе, служил в армии, с 1963 г. профессиональный журналист: корреспондент, главный редактор и председатель облтелерадио. Издал восемь книг стихов и сборник публицистики. Член Союза писателей СССР и России, заслуженный работник культуры РФ. Живёт в Калуге.

Он одной заботы пленник —
Надо всюду подсобить,
Молчаливый проповедник
И мастак поговорить

В простоте, без намерений,
Отчужденье сокруша,
Кто не ценит тех мгновений,
Тот не русская душа.

Он всегда как бы опальный,
Как его ни поносили!
Человек провинциальный
Ближе всех живёт к России.

* * *

Ещё недавно мы любили книги,
Потому что не было от них подвоха,
А теперь убийства, грязные интриги,
И с любовью в книгах стало плохо.

Начитались, наглotalись, насмеялись
И запретный плод сполна вкусили,
Маломальский сделать бы анализ,
Что случилось с нами и с Россией.

Книголюбом каждый быть желал,
Займешь новинку было клёво,
И за ней на книжный шли развал,
Но в стране — развала никакого.

А теперь у книги нет харизмы
И она порой приносит вред,
Но осталась всё же книга жизни,
Потому что книги смерти
не было и нет.

* * *

В России свои преимущества:
Снег имперский, крещенский мороз,
Сопряжение воли и мужества,
На терпенье особенный спрос.

Не позволит природа расслабиться,
Чтобы каждый в делах преуспел;
Постепенно всё как-то уладится,
Образуетя прочный задел.

И однажды в бессилье усталом
Горько сетуешь — Бог не помог,
Но поможет тогда, даже в малом,
Русской жизни сквозной холодок.

УКРАИНСКИЙ ФРОНТ

*Хочу назвучаться русскими
звуками и речью.*

Н. Гоголь

Тяжко борется Украина
За язык славяно-русский,
Западонец зычет рьяно,
Обзывая его тусклым.

Но язык наш великанский
Запретить не может шваль:
Вразумил казак луганский
Златоуст Владимир Даль.

На помин и на пирушку
По-крестьянски с вещмешком
Тот язык славяно-русский
Шёл до Киева пешком.

Он во все пределы влился,
От людей набрался сил,
В жизнь народа воплотился
И всех нас преобразил.

Защити, отважный воин,
Дар, которым дорожу.
Только тех, кто не достоин,
Слова русского лишу.

* * *

Сказана крымская сага,
Я бескозырку надел.
Не хватало душе Аюдага,
Ветра с Босфора и Дарданелл.

Поздравляем нашего многолетнего автора с 80-летним юбилеем!

Редакция

АЛЕКСАНДР СЕГЕНЬ

ЗНАМЯ ТВОИХ ПОБЕД

РОМАН

В его жизни всё складывалось как нельзя лучше. Окончив школу, поехал в Москву, без труда поступил в институт торговли, окончил его с отличием. И оказалось, хорошо, что девушки его не любили, а то бы охмурила какая-нибудь замухрышка, женился бы не на той. А в Москве Алику удалось влюбить в себя не просто чью-то дочку, а дочку заместителя министра внешней торговли СССР. Случилось это благодаря тому, что с третьего курса Бавыкин засверкал в институтской команде КВН, смешно изображал в ней недотёпу из провинции. Ещё он стал пописывать в институтскую газету, и в нём проявился дар газетчика. Этими двумя талантами он и привлёк Надю Сысоеву, девушку некрасивую, но добрую и, несмотря на то, что из привилегированной семьи, застенчивую. И он полюбил её за эту застенчивость, потаённый ум и, конечно же, за то, что она его полюбила. Не говоря уже о том, кто был её отец.

Познакомившись с Аликом, когда тот только что окончил институт с отличием, Кирилл Порфирьевич Сысоев довольно быстро увидел в Бавыкине своего, кровного по всем параметрам человека и не стал возражать против женитьбы на его дочери.

— А Алик — это сокращённо от Александр или Алексей? — спросил замминистра.

— Это самодовлеющее имя, — ответил будущий зять.

Сысоева восхищалась его манера выражаться, вести себя с достоинством, а главное, деловые качества. Сысоев участвовал в советско-итальянском проекте, благодаря которому на основе итальянского автомобиля появились первые “Жигули”, и на свадьбу тесть подарил ему этот прототип “Жигулей” — “Фиат-124”. На нём молодожёны Бавыкины отправились путешествовать в далёкую Сибирь. Бавыкин, хоть и стремился к столичной жизни, но трогательно вспоминал родные с детства места и хотел показать их Надежде. Машину на поезде доставили в Красношарск, откуда Алик и Надя поехали в Норку. Помимо ностальгии по малой родине, Бавыкина расpirало тайное желание, чтобы все девушки, которые отвергали его в юные годы, теперь увидели, на какой машине он ездит, в какие импортные шмотки упакован, какой стал лощёный и столичный. И он добился своего. Катаясь по Норке на “Фиате”, Алик с наслаждением ловил уважительные взгляды, говорившие, мол, этот шибздик, однако, сильно изменился и преуспел!

Жизнь сверкала всеми своими красками, впереди светилось блестящее будущее, и каждый свой день Бавыкин принимал как подарок. И вдруг всё рухнуло совершенно неожиданным образом. И виною всему снова стал Иван Шарыгин.

Бавькин и сам не знал, за что он так люто ненавидел именно этого человека. Ну, подумаешь, девчонки по нему сохли! Что в этом такого? Заглядывая себе в душу, Алик не мог найти основательного объяснения. Это была какая-то животная ненависть обычного самца к племенному. Узнав, что Шарыгин стал чемпионом России, а потом и всего СССР, он не спал ночами, покуда боль не затихала. Когда Иван не стал чемпионом Европы, всё равно жгло: серебро-то завоевал всё-таки, гадина!

И вот он ехал по родной Норке, даже не думая об Иване, наслаждаясь жизнью и мыслями о будущем. Надоша осталась дома, потому что на первом месяце беременности её стало сильно тошнить и часто рвало. Светило белое осеннее солнышко, с деревьев падала последняя редкая листва, неподалёку синел Енисей, и так легко дышалось чистым сибирским воздухом... И вдруг Бавькин увидел Ивана...

Это было как раз в те дни, когда Шарыгин привёз Катю знакомить с родителями, братьями и сёстрами. Они шли с Катей, Володей и Витей, когда навстречу им вырулил на своей иномарке старый знакомый. В Бавькине сразу всё перешёлкнуло. Захотелось унижить Ивана. Он высунулся из окна и задорно крикнул:

— Эй, Ванюша, хочешь, я тебя с твоей девушкой покатаю?

Иван понял, что его подначивают:

— Папашина бибика? Папенька-то разрешил тебе на ней покататься?

— Это мой личный “Фиат”.

— Хорош врать-то!

— Прыгайте на заднее сиденье.

— Нет желания.

— Да ладно тебе, Шарыга, у тебя-то такой бибики никогда не будет!

Иван тотчас встал в грозную позу — руки на груди.

— Это ты зря...

Оглянувшись на братьев, которые малость поотстали. Катя простодушно, не чувствуя беды, предложила:

— А что, может, и впрямь прокатимся?

Но Иван набылчился:

— С этим жлобом? Да с ним потом не расплатиться.

И тут Бавькина совсем зашкалило:

— Не бойся, расплатишься. Если денег нет, то девушкой своей.

Ивана как ошпарило, и, минуя ступень “А это ты совсем зря”, он промолвил убийственно:

— А вот это ты совсем ни к чему...

Бавькин понял, что махнул через край, и хотел быстро уехать, но Иван молнией схватил его за шиворот импортной крепкой кожаной куртки и через окно вытащил из “Фиата”. Вот тут-то мир Бавькина и полетел кувырком.

— Я пошутил! Пусти, Шарыга! Шуток не понимаешь?

Иван начал его месить.

— Он убьёт его! — крикнула Катя Володе и Вите.

— Стоило бы! — сказал Витя.

— За такие слова, — добавил Володя.

Оказывается, они слышали оскорбление, вылетевшее из поганых уст Алика.

— Убьёт! Посадят! — перепугалась Катя.

Володя и Витя схватили Ивана, с трудом оттащили.

— Вали отсюда, Бавькин!

— Да быстрее ты! Нам его долго не удержать.

Бавькин пнул Ивана ногой под коленку, быстро прыгнул в свой “Фиат” и дал газу. Иван расшвырял братьев по сторонам и попытался догнать обидчика. Видя, что Шарыгин догоняет, Алик вконец перепугался:

— Сууу-кааааа!

Ему всё-таки удалось прибавить газу и избавиться от преследования. Иван схватил с дороги ком засохшей пыли, швырнул вдогонку. Ком попал на багажник машины, взорвался пылью.

— Ну, ты и зверь, Ваня! — сказала Катя со смехом и даже неким уважением.

— Зверь, — согласился Шарьгин. — Но только когда меня вызверят.

Бавькин помчался дальше, размазывая по лицу кровь из разбитого носа. Первой мыслью было подать заявление в милицию. Но братья и эта девчонка засвидетельствуют с его стороны оскорбление. Нехорошо. И дома он сказал, что неудачно затормозил.

На другой день Алик и Надя Бавькины уехали из Норки.

Монреаль — канадский французский город, основанный Самюэлем де Шампленом. У него и название французское, от Мон-Руаяль — Королевская Гора. По количеству жителей, говорящих на языке Мольера и Бомарше, Гюго и Мопассана, Бальзака и Экзюпери, он на втором месте после Парижа. Гуляя по Монреалю, в иных кварталах можно подумать, что ты в Париже или Марселе, Орлеане или Ницце. Французские ресторанчики и магазинчики с надписями на французском языке, французская речь на улицах и в скверах, парижский аккордеон, неоготический собор Нотр-Дам де Монреаль на пляс дез Арм...

И конечно же, когда под сводами Большого-О появилась огромная делегация под сине-бело-красным знаменем прекрасной Франции, вся франкофония трибун восстала в приветственном рёве. И французские олимпийцы гордо вышагивали, завоевав здесь два золота, три серебра и четыре бронзы — хоть и не лучший показатель для этой страны, но всё же... “Allons enfants de la Patrie, le jour de gloire est arrivée!” — “Вперед, дети Отчизны, день славы наступил!”

Свадебный кортеж двигался по зимнему Красношарску. На заднем сиденье машины жениха и невесты сидели Иван Шарьгин и Екатерина, пока еще Леденцова. На переднем, рядом с водителем, — Анька Чумакова. Всем своим видом она показывала: ладно уж, забирай себе моего чемпиона. Она и свидетельницей будет в загсе. Чумакова вдруг с иронией обернулась к Ивану:

— Кстати, я всё перерыла. Такого стихотворения у Пушкина нет — “Завистникам России”.

— Потому что такого и нет, — усмехнулся Иван.

— Ага, а вы тогда сказали, что это ваше любимое у Пушкина.

— Потому что не завистникам, а клеветникам, — фыркнула Катя. — Я и то знаю!

Что-то её раздражало. Какая-то очередная дерзость. Скучно так просто жить, без поступков.

— Чо-то мы едем, как простые новобрачные, — сказала она.

— В смысле? — удивился Иван.

— И до нас так ездили в загсы, и после нас будут так же ездить. Тоска!

Машины застопорились перед светофором. Рядом остановился трамвай. Катя с озорством посмотрела, как в него входят пассажиры. Щёлк! Она открыла дверцу и выскочила из машины.

— Жених! Догоняй!

Хрупкая невеста в свадебном платье вбежала в салон холодного зимнего трамвая. За нею следом, выпучив глаза, едва успел вскочить сквозь закрывающиеся двери могучий богатырь-жених. Такое удастся увидеть далеко не каждому пассажиру трамвая. Все удивлённо уставились на шальную парочку, будто на двух тропических бабочек, залетевших невесть откуда. Иван уже всю ржал:

— Катька! С ума сошла?

Катя весело смеялась:

— Нам тут одна остановка до загса осталась! Все на машинах приезжают, а мы на трамвае. Скажи, здорово!

— Замерзнешь, глупая!

И Шарыгин обволок свою хрупкую невесту могучим телом, прикрыл полами пиджака, словно орел крыльями.

— Батюшки! Знакомое лицо!

Катя пригляделась к женщине, сказавшей это. Ну надо же! Та самая, милостивая, которая была свидетельницей, как Лена и Вика перебрасывали Катин дневник. Только где Юлаевск, а где Красношарск.

— А я гляжу, ты нашла своего чемпиона!

— Нашла! А вы что, в Красношарск переехали?

— Больше года уже.

Трамвай останавливался точно напротив загса. Иван выскочил из него, подал руку Кате, та вышла с дерзким видом, Иван схватил её на руки и пошёл. Навстречу им Леденцов:

— Ну, вы даёте жару!

За ним все остальные:

— Сумасшедшие!

— Воспаление лёгких захотели?

— Катька!

— Иван!

— Вот козлики смешные, ёлки-пальки!

Свадьбу справляли широко, в банкетном зале красношарского стадиона “Буревестник”. Справа от Кати — Нина Мелентьевна и Сан Саньч. Слева от Ивана — Екатерина Петровна, Николай Сергеевич, Папиашвили. На почётном месте — председатель горисполкома Синицын, человек с весьма редким отчеством. Ещё свежи в памяти его споры с Папой:

— На каком основании я должен дать такое распоряжение?

— На святом основании любви.

— Это не основание.

— Самое что ни на есть, дорогой Вячеслав Аграриевич.

— А в приказе я что напишу?

— Так и напиши: “Ввиду того, что они жить не могут друг без друга”.

— Не валяй дурака, Георгий Михайлович.

— Какого дурака, слушай! Если они будут незаконно жить вместе, это соращение малолетних, да? Хочешь, чтобы нашего чемпиона Советского Союза в тюрьму посадили?

— А на каком она месяце у него?

— Ни на каком. Не поверишь, у них ещё ничего не было.

— Так зачем же им?

— Так затем, чтоб было, ёлки-пальки, что тут непонятного!

В итоге ледокол “Георгий Папиашвили” протаранил глыбы административных оледенений, и особое разрешение было получено.

Но кто поверит, что у Ивана и Кати так ничего до свадьбы и не было? Вот и Нина Мелентьевна, сидя рядом с дочерью, которая только что стала не Леденцовой, а Шарыгиной, тихонько спросила:

— И на каком ты?

— Чего на каком?

— Месяце. Дурочкой-то не притворяйся!

— Ну, мам! У нас ещё ничего не было. Ну, этого самого.

— Как это не было?

— Ну так. Только целовались, да и то ещё не научились как следует. Подучишь меня?

— Врать-то!

Свадьба только началась, даже “горько!” ещё не кричали. И первым про это вспомнил, конечно же, южный человек.

— Что-то я не понимаю! — громко возмутился Папиашвили. — Я тут всё ем да ем, а мне всё горько да горько!

— Горько! Горько! Горько! Горько! — заорал весь красношарский стадион “Буревестник”.

Иван и Катя встали, посмотрели друг на друга со смехом и сухо приложились друг к другу губами. Сели. По залу прошелестел недовольный ропот.

— Что, правда, что ли? — спросила Нина Мелентьевна.

— Ну, правда. Честное комсомольское!

— Ты девушка?

— Да девушка, девушка! — разозлилась Катя.

Заиграла музыка.

— Первый танец молодожёнов! — Папа распорядился на правах тамады.

Заиграл вальс из свиридовской “Метели”. Танцевали жених и невеста значительно профессиональнее, нежели целовались. Какая пластика, какое изящество! А казалось бы, борец должен быть угловатым увальнем. И диспропорция — он огромный, она малюсенькая. Однако получалось у них вальсировать так здорово, будто они давно вместе порхали в школе бальных танцев.

Под общие аплодисменты вернулись к столу.

— Ну, теперь, после такого танца, может лучше получится, — воскликнул почётный гость Вячеслав Аграрьевич. — А то что-то и впрямь очень горько.

— Горько! Горько! Горько! Горько!

И на сей раз Иван увереннее пошёл в атаку, как-то уже более умело обнял и крепко поцеловал Катю. Теперь все остались довольны, а тамада Папа добавил веселья:

— О! Что мы видим, уважаемые гости и зрители этого потрясающего поединка? Это уже был более умелый захват. Ещё немного времени, и соперник будет положен на лопатки!

“Буревестник” огласили раскаты дружного и радостного смеха.

Свадьба продолжалась. Теперь жених и невеста танцевали со свидетелями. Иван — с Анькой, Катя — с Шустиковым.

— Эх, Екатерина, если бы не Иван... — многозначительно лепетал Лёнька. — Какие я проекты насчёт тебя строил, какие бурные фантазии. И всё вмиг разбилось вдребезги. Когда этот вахлак тебя от меня к себе перебросил. Будто северные реки, будь он неладен.

Катя от души хохотала, так смешно Шустиков всё это мурлыкал. Потом пригляделась, как там Иван с Анькой, и увидела, что свидетельница слишком уж нежно смотрит на Ивана. Опять за старое? И когда пары сблизилась, Катя незаметно дала Аньке коленом под зад.

— Катька! Ты чо!

— А ничо! Для профилактики.

После свадьбы Иван и Катя проснулись в объятиях друг друга, сначала будто немного испуганные, потом заулыбались друг другу.

— Хорошо было?

— Очень хорошо! Только не говори опять, что у тебя в первый раз.

— Да в первый же!

— Тогда ты вообще молодец!

— Сашурик! Музыку!

Младший Сашурик ночевал в соседней комнате, и слышно было, как он там нарочно позевывает, посвистывает, напевает что-то. Услышав приказ брата, врубил магнитофон. И битлы запели о том, что любовь нельзя купить, а Катя вскочила и стала прыгать в кровати, как маленькая:

— Кент бай ми ла-а-а-ав! Ла-а-а-ав!

Следом за Францией на дорожку Биг-О выходила команда Великобритании, по-французски — Grande-Bretagne. Три золотых, пять серебряных и пять бронзовых. Бывало и больше, к примеру, 56 — золото, 51 — серебро и 39 — бронза, но это в далёком 1908 году в Лондоне. Игры тогда проходили с апреля по октябрь, и почему-то англичане и американцы оказались лучше всех, заграбастав двести медалей из трехсот. Россия не получила там ни одной. Другая загадка: почему через четыре года в Стокгольме англичане получили только 10 золотых медалей? Как это они столь быстро утратили свои спортивные качества? А в том же Лондоне, но в 1948 году, как ни странно, англичане завоевали только три золотых медали. Что случилось с английскими спортсменами за сорок лет, остаётся только гадать.

Англичан Большое-О приветствовало почти так же бравурно, как французов. Знамя Великобритании, состоящее из наложенных друг на друга знамен Англии, Шотландии и Ирландии, называется “Юнион Джек”, что значит “носовой флаг союза”. Флаг на носу корабля мы называем голландски — “гюйс”, а англичане по-своему — “джек”. В мире он, пожалуй, самый популярный, им любят украшать предметы быта, обувь и, в особенности, футболки и майки.

Члены королевской семьи Великобритании, присутствующие на церемонии закрытия, стоя приветствовали своих спортсменов. Исаков перебросил свой бинокль на них и зло подумал: “Вот в вас никто из наших не намеревается стрелять, а мы тоже могли бы запросто организовать терактик!” Чем больше приближался выход нашей сборной, тем тоскливее становилось бывалому генерал-лейтенанту. Хотелось взять за шкуру всех этих зрителей, тысячами опят облепивших гигантский пень стадиона, да и выкинуть в чистое поле, чтобы каждого прошерстить и найти шакала.

Вскоре после свадьбы с Иваном приключился автобусный инцидент. Поздно вечером он возвращался с тренировки. Народу в салоне — раз, два и обчёлся. Возле задней двери трое — вертлявый, молчаливый и длинный — внаглую взяли пинать молодого парня, наступали ему на ноги, дёргали за уши. Причём парень этот не хилый, вполне атлетически сложенный. Дал бы им, чтоб отвязались.

— Ну, нет у меня денег! Зарплата только послезавтра... — уворачивался он от тычков.

Вертлявый ударил его кулаком под дых:

— Молчи, сука!

— Денег нет, так получай, паскуда! — гавкнул длинный и ударил парня кулаком по голове.

Шарыгину это не понравилось:

— Эй, граждане! Это не по-советски.

Вертлявый зыркнул в него зверьком:

— Этот откуда нарисовался, падла? Длинный, врежь ему!

Ивану такое ещё больше не понравилось:

— Это ты зря...

Он встал в позу — руки на груди. Длинный внаглую попёр:

— Неприятностей захотел, пацанчик? — Он попытался ударить Шарыгина, но тот, увернувшись, схватил его и молниеносно свалил с ног. В это мгновение автобус остановился, задняя дверь открылась, Иван поднял длинного и легко выбросил на улицу. Длинный, ударившись коленкой, стал корчиться от боли.

— Бляха-муха! — малость струхнул вертлявый.

Тут пришла очередь молчаливого. Он выхватил нож и бросился на Ивана. Шарыгин ловко увернулся, схватил и повалил молчаливого. Выдавил из его руки нож.

— А это ты совсем ни к чему...

Молчаливый полетел следом за длинным, ударился затылком об асфальт и, наконец, перестал быть молчаливым — взвыл:

— Ё-о-о-о!!!

Двери захлопнулись, автобус поехал дальше. Сторонние пассажиры, сохраняющие нейтралитет, с испуганным интересом наблюдали за происходящим. Вертлявый перепугался не на шутку. Иван в его определении мигом превратился из пацанчика в дядю:

— Эй, дядя, дядя... Не шали! Ты чо, дядя, в милицию захотел? Гражданин, все видели? Прошу быть свидетелями!

Какая-то возмущённая бабулька крикнула:

— Безобразие!

Автобус остановился, задние двери распахнулись, водитель объявил в микрофон:

— На задней площадке! Освободите автобус!

Шарыгин надвинулся на вертлявого:

— Слыхал, что сказано?

Вертлявый понял, что может сейчас испытать физическую боль:

— Э, дядя, дядя! Спасибо, я всё понял.

— Дядя Ваня, если угодно... — Шарыгин схватил вертлявого и выбросил его далеко из автобуса. Вертлявый умудрился ловко упасть на ноги, заскользил, чуть не упал, а, не упав, пустился наутёк, видя, что Иван выходит из автобуса. Чемпион СССР взял спасённого им парня за локоть и вывел его вместе с собой:

— Пройдёмте, товарищ.

— Куда это еще?

— Тут недалеко. Будем вас учить самостоятельно защищать свою честь. Все данные для этого налицо. Тебя как зовут, братишка?

— Николай.

— Как моего отца. А фамилия?

— Кузнецов.

— Как раз батяня мой кузнец. Да ещё великий разведчик такой был. Олимпийский чемпион Николай Кузнецов — неплохо звучит!

Нож молчаливого выродка Шарыгин взял себе на память. А Кузнецов, поначалу нехотя, а затем всё больше тягиваясь, стал ходить тренироваться.

Победители Олимпийских игр в Древней Греции получали не медали, а оливковый венок. В Афинах давали ещё и небольшую денежную премию. Кое-где спортсменам ставили статуи и сочиняли в их честь песни. А в иных местах им до конца жизни разрешалось бесплатно питаться в общественных местах, но при появлении таковых призёров владельцы эллинского общепита старались заблаговременно припрятать сколько-нибудь дорогие блюда. После 293 Олимпиады в 394 году христианский император Феодосий запретил игры как языческие, и возродились они лишь в 1896 году, когда и были проведены первые современные Олимпийские игры. Поскольку проводились они в Афинах, греки завоевали на них 10 золотых, 17 серебряных и 19 бронзовых медалей, и тут мы сталкиваемся с ещё большей загадкой, чем с англичанами: на следующих играх в Париже греки не выиграли вообще ни одной медали! И в дальнейшем выигрывали одну-две, не более. О, боги-олимпийцы, почто отвернулись от своей родной Эллады!

В Монреале сборная Греции не взяла ни одной медали, и ни один из богов Олимпа не приехал на торжественную церемонию закрытия, дабы не видеть, как грустно несут полосатое бело-голубое знамя страны-основательницы с белым крестом на лазурном поле в крыже у древка.

У Кати долго не получалось готовить. В Юлаевске незачем было учиться, ведь дома имелся отец-повар. Правда, он много раз порывался приобщить дочерей к своему искусству, но они легкомысленно отмахивались. Теперь Катя очень сильно жалела, что не взяла у отца уроков. Придя домой из школы, с трудом вымучивала некое подобие пиццы.

— Так, молодая жена, чем будешь потчевать?

Если вечером муж приходит домой сытый, это подозрительно. Иван приходил голодный. Его день был загружен до предела: изнурительные тренировки, да плюс еще занятия — с осени он учился на первом курсе на факультете физкультуры и спорта Красношарского пединститута.

Катя, стараясь выглядеть бодрячком, навалила ему в тарелку какую-то очевидную бурду. Не то суп, не то каша, не поймёшь.

— Попробуем.

Иван тоже старался выглядеть бодрячком, начал есть, с трудом сдерживает отвращение.

— Опять не получилось?

— Да ты чо! Очень вкусно...

Иван с трудом попытался съесть ещё пару ложек. Пришлось использовать главный козырь:

— А зато я беременна! У нас будет малыш.

Иван с радостью отодвинул от себя тарелку с бурдой.

— Вот так новость! Сразу надо было сказать!

Он вскочил из-за стола, схватил Катю на руки, прижал к себе, горячо целуя.

— Ты рад?

— А ты как думала! Молодец, Катюша!

— Никогда не забуду, как ты тогда перенёс меня в кинотеатре. Жаль, что такое нельзя повторить.

— Хочешь, пойдём в кино, купим билеты в разных местах, я нарочно себе два билета куплю, чтобы рядом свободное место было...

— Нет, это уже будет ненастоящее, искусственное. Не надо.

В первый год их совместной жизни Катя поначалу ещё всюду ездила с Иваном, но на шестом месяце беременности врачи запретили ей летать в самолёте, и только тут она вдруг поняла, что от её мечты отломили огромную щепку — ведь раньше она представляла, как будет всегда рядом со своим чемпионом, на всех соревнованиях, куда бы он ни поехал, даже на рыбалку или охоту, грибы собирать, реки переплывать, с парашютом прыгать, что там ещё? В космос полетит — и она с ним, никуда одного не отпустит.

И вдруг — нельзя.

В День Победы они впервые вместе отметили Катин день рождения, ей, наконец, исполнились те шестнадцать, о которых она безуспешно врала ему до свадьбы. В июле, как раз вскоре после того, как врачи запретили самолёты и вообще любые переезды, Шарыгин отправился в Москву на Спартакиаду народов СССР. А Катя сидела с животиком дома в их двухкомнатной красношарской квартире и плакала. Хоть бы какие трансляции по телевизору, а то даже и по радио ничего не передавали. Хорошо, что хоть Иван каждый день звонил, сообщал о своих успехах. Точнее — о неудачах.

Спартакиады народов СССР напоминали собой Олимпийские игры, только в рамках советской империи. Пятнадцать союзных республик выступали как отдельные государства, со своими сборными. В Москве тем летом царил настоящая тропическая жара. Борцы состязались в манеже братьев Знаменских. Эти три дня превратились для Шарыгина в настоящий кошмар. Легко одолев двух первых соперников, в третьем поединке он попал на грузина Думбадзе по прозвищу “Витязь в тигровой шкуре”. Того самого, которым так восхищался Папиашвили и который на Европе в Карлсруэ в финале одолел Пуму и стал чемпионом. Правда, в олимпийском Мехико тоже в финале и с тем же Пумой он проиграл, завоевав лишь серебро.

— Ах ты, ёлки-пальки! — негодовал Папа по поводу того, что Ивану придётся меряться силой с Думбадзе. Ему приходилось разрываться между симпатиями к грузину “в тигровой шкуре” и радением за своего ученика.

Думбадзе был старше Шарыгина на двенадцать лет, он вообще поздно начал спортивную карьеру, в которой достиг значительных высот. Но теперь Иван не стал уповать ни на свой молодой возраст, ни на то, что он на десять сантиметров выше “Витязя”. Сразу пошёл в атаку. Однако ничего не получалось, Думбадзе встал в глухую защиту, а вскоре и сам стал действовать значительно живее. “Сделаю решительный рывок на последних секундах”, — решил Иван. И проиграл. Рывка не получилось. Победу присудили грузину, сочтя его действия более активными.

Перейдя в группу “Б”, Шарыгин получил ещё одного неудобоваримого соперника — Гулевенко. Того самого, которого сломал в Махачкале. Теперь Гулевенко, выступающий за Украину, жаждет реванша и добился его: совершив удачный проход в ноги Ивана, получил необходимые для победы два балла. В итоге и Шарыгин, и вся сборная России по вольной борьбе оказались на четвёртом месте. Из списков на чемпионат мира в Софию, ожидавшийся в конце августа, Ивана вычеркнули.

Обидно было выслушивать резкие слова от свояка.

— Что-то я не вижу, куда делся наш недавний чемпион! — кипятился Чумаков. — О беременной жене думал? Лучше бы тогда дома сидел, с ней цацкался. Опозорил всю красношарскую школу борьбы. А я знаю, почему. Тренироваться стал в два раза меньше. Решил, что всё теперь и так с кондачка выиграю. В итоге в Софию мы уже не едем.

Но куда хуже оказалось получить нагоняй от этой шестнадцатилетней занозы, возмнившей, что она имеет право шпынять его, взрослого мужика:

— Вот если бы я с тобой поехала, ты бы не сломался.

— Так врачи же!

— Подумаешь, врачи! Надо было взять меня с собой. Я бы подсказала, как надо действовать.

— Ты что, тренер, что ли? Что ты понимаешь в борьбе!

— Всё понимаю.

— А если бы у тебя в самолёте выкидывш?

— Не выкидыш. Ничего бы не было. А вернулся бы чемпионом Спартакиады. Садись, ешь, так и быть.

Так и быть... А сама опять такого наготовила, что в горло не лезет. Швырнул ложку об стол и вон из дома.

— Куда это?

— Пойду прогуляюсь, воздухом свежим подышу.

— Иди, иди. И нечего тут ложки швырять. Ещё скажи, что я тебя выверила.

Он вышел из дома, зашагал слепо куда глаза глядят. Может, всё было блеф? И не надо было отказываться от мечты стать голкипером? Достиг в борьбе своего потолка, выше не прыгнуть. Ведь ничего не получилось ни с Думбадзе, ни с Гулевенко, который после Махачкалы заметно вырос, собака.

Идя в тяжёлых раздумьях по Красношарску, Иван как-то само собой вышел к вокзалу, как-то само собой купил билет на автобус и как-то само собой поехал домой, в Норку. Шесть часов трясся. На остановках, глядя на мужиков, жалел, что не курит и не пьёт пива. А почему бы, собственно, не начать? Для чего теперь беречь себя, если со спортом всё покончено раз и навсегда?

Приехав в родное село, уже претендующее на статус города, всё же отбил телеграмму Кате: “Уехал в Норку. На неделю”.

Флаг Гватемалы — две вертикальные голубые полосы и одна между ними белая, на которой герб страны с ружьями и саблями, с надписью “Свобода” на бумажном свитке и птицей кетцаль, сидящей поверх свитка. Флаг Гаити — синяя и красная горизонтальные полосы, посередине — герб со знаменами и пушками. Символика обеих стран полна воинственности, которой на самом деле немного, и на олимпийских играх в Монреале гватемальцы и гаитяне ничем не отличились.

— Путаются только под ногами, — сказал Исаков, тиская свой бинокль. Всего-то пятнадцать минут прошло с начала шествия олимпийских сборных, а он уже устал от ожидания события, способного стать самым худшим на этой Олимпиаде.

В Норке никто ни слова про Спартакиаду не произнёс. На третий и четвёртый день работали в кузнице. На пятый отец предложил сходить на охоту.

— Так не сезон же.

— Ну, хотя бы уток пошерстим. Пошли, пусть кузница от тебя отдохнёт.

Пошли четвером: Иван, отец, Володя и Витя. Гриша ещё из армии не вернулся, а то бы и его взяли. Подстрелили пару уток и вдруг невзначай вышли на глупую коосулю. Стараясь не шуметь, перезарядили ружья с дробин на крупного зверя. Только Иван не стал перезаряжаться. Стоял и тупо смотрел, как старшие братья подстрелили изящное животное. Косуля чем-то сильно напомнила ему Катюшу, такую же с виду боевитую и гордую, а на деле беззащитную.

— Иван, ты опять не стрелял? — сказал отец.

— Он у нас гуманный, не то, что мы. Зачем только на охоту ходит человек, не понятно, — проворчал Виктор.

— Чтoб на вас поглядеть, кровожадных, — дружелюбно ответил Иван.

— Больше тебя не возьмём, — пригрозил Володя.

— Куда вы денетесь!..

Они-то никуда не денутся, а вот Катя? Что, если уже мотанула в свой Юлаевск? И это при том, что врачи запретили. Добренький ты, Ваня, в отношении лесных зверушек, а родного человека взял и бросил!

С телефонной станции перед отъездом в Красношарск набрал домашний номер. Один гудок, второй, третий... Неужели уехала?! Четвёртый, пятый, шестой... Придётся в Уфу лететь, оттуда в Юлаевск. Седьмой, восьмой и...

— Алло.

— Катюша!

— Что?

— Прости меня. Катюша, я так люблю тебя. Я так мало говорил тебе, что люблю.

— Ты вообще ни разу мне этого не говорил.

— Разве?

— Вот тебе и разве.

— Катюша! Я люблю тебя! Я уже на вокзале, еду домой, к тебе, к животику, к твоей хреновой еде, которую готов жрать до конца своих дней. Катюша!

— Хорошо, я жду тебя. Только по пути не наделай глупостей, не подерись ни с кем, из автобуса людей особо не вышвыривай.

— Ладно.

Этот путь из Норки в Красношарск был одним из самых томительных в его жизни. Он вдруг понял, как много значит для него эта маленькая косулька, которая не просто любит его, но хочет, чтобы он был во всём и везде чемпионом. И он будет им!

Он боялся, что Катя сильно обиделась и продолжает сердиться на него, но она встретила его жаркими объятьями, напрыгнула, повисла на шее. Он взял её на руки, стал целовать, и губы её были горячими, как никогда. Слезы текли по щекам, он ловил их языком и чувствовал не соль, а сладость.

Потом, когда отхлынула долгая океанская волна нежности, она сказала:

— И ты прости меня. Просто мне так было страшно одиноко, когда ты улетел в эту Москву. Я возненавидела её со всеми её кремлевскими башнями. Наверное, поэтому Москва тебе отомстила. За мою ненависть к ней. Прости меня, милый!

— Я так боялся, что ты в Юлаевск укаатишь.

— Что ж, если Катя, то должна куда-то укатить?

— Давай больше никогда не ссориться.

— Согласна. Ну... а теперь — за стол. Посмотрим, как ты до конца жизни станешь жрать мою хреновую еду.

— С удовольствием стану!

На удивление, котлеты оказались вполне приемлемыми. Не шедевр кулинарии, но есть можно.

— Слушай, очень вкусно!

— Не ври. Я знаю, что хреновые. Но обещал — теперь жри.

— Не ври, а жри. Да ты поэт, Катька, тебе надо в Литературном институте учиться. Хорошо чувствуешь слово. Увидела своё имя в слове “укаатить”.

— Закончу школу, поступлю на филфак. Люблю литературу. Только не как Анька Чумакова, у которой все гении.

— За что ты её недолюбила? Ведь она твоя родственница. Сестра мужа сестры. Как это называется? Золовка?

— Отвратительное слово! Терпеть не могу обозначения родственников, все эти “сноха”, “золовка”, “шурин”... Хорошо, что у меня родни не так много. Не то, что у тебя: родственников больше, чем китайцев.

— Это точно!

Знамя Китая — красное полотнище с одной большой золотой звездой и четырьмя маленькими рядом с нею. Впервые сборная Китайской Народной Республики выступила на Олимпийских играх в Хельсинки в 1952 году. Тогда же Международным Олимпийским Комитетом оскорбил Китай тем, что допустил к соревнованиям и Тайвань, причём под наименованием Китайская Республика. После этого великий Китай, который, к тому же, в Хельсинки

не получил ни одной медали, обиделся и не принимал участия в Олимпийских играх более тридцати лет.

В Монреале не было ни Китайской Народной, ни просто Китайской, и всех многомиллионных китайцев представляла британская колония Гонконг. Гонконгские китайцы не получили ни одной медали и к тому времени даже не имели своего собственного флага, шли с одной только табличкой “Hong Cong”.

Глядя в бинокль, Исаков подумал: хорошо, что нет китайцев, их сборная ещё минут десять бы заняла.

— Павел Игнатьевич, есть идея, — обратился к генерал-лейтенанту его помощник Даниличев.

— Валяй.

— Там группа журналистов. Спрашивают, нельзя ли им взять короткое интервью у знаменосца нашей олимпийской сборной.

— Какое ещё, на хрен, интервью! Соображаешь... Постой, постой... Даниличев, а ведь ты — гений!

После поездки в Норку, где он надышался родным воздухом, вдоволь намалас в кузнице, после шатания по тайге с отцом и братьями и, наконец, после страстного примирения с Катей Шарыгин с удовольствием отправился в спортзал, провёл свои первые тренировки после так называемого крушения всех надежд. Боялся, что не сможет так же легко и непринуждённо проводить приемы, но оказалось, что всё не так плохо, совсем, как Катинны котлеты, пригодно для жизни.

После занятий он ждал разноса от Папы, но тот вдруг стал яростно кричать, что без Шарыгина упадёт знамя советского спорта:

— Каждое поражение должно делать тебя сильнее. Чем больше позора, тем больше сил должно нарастать, ёлки-пальки. Ты не просто единственная надежда всей Сибири, но и всего советского спорта. Без тебя он не сможет достойно нести вперёд своё знамя. Спартакиадой народов СССР, бичо, жизнь не кончается. Впереди важнейшие международные турниры. В сентябре едем в Иран. Турнир в честь самого шаха. Там соберутся все сильнейшие пехлеваны со всего мира. Потом — Венгрия. Потом — Баку. И, наконец, самый важный турнир — в Минске, чемпионат СССР. На нём ты должен поставить уверенную жирную точку после фразы “Иван Шарыгин — член олимпийской сборной СССР”. Понял меня, ёлки-пальки?

В Иране было жарче, чем в Москве, но почему-то московская жара труднее переносилась, нежели персидская. Во время последних тренировок к Ивану вернулась былая уверенность. Он тренировался каждый день и чувствовал, как его мускулы наливаются какой-то особенной, доселе незнакомой силой. Той, которую он чувствовал у Пумы, когда сжимал его руки. Теперь она словно перекочевала в него. Организаторы турнира на приз шаха Ирана перевели Шарыгина из полутяжелого веса в тяжёлый, и в своей новой весовой категории он оказался здесь сильнее всех. Правда, в Иран не поехали ни Гулебенко, ни Думбадзе, но он почему-то был уверен, что на сей раз справился бы с обоими.

Вернувшись домой, не преминул подметить:

— Вот видишь, тебя и там не было, а я вышел победителем.

— Я была, — ответила Катя. — Просто я научилась присутствовать рядом с тобой незримо.

— Я смотрю, ты и пельмени научилась делать.

— Что, правда? Тебе нравятся?

— Годятся!

— Если сибиряк хвалит твои пельмени, значит, они и впрямь чего-то стоят.

— Отличнейший афоризм! Это кто сказал?

— Екатерина Шарыгина.

— Советский Союз! А можно её мужу ещё пельмешек?

В венгерском Мишкольце муж Екатерины Шарыгиной выступил так же успешно, как и в Иране, стал победителем в тяжёлом весе, в котором с той

поры и утвердился. Потом он сладко засыпал, купаясь в целительных горячих источниках, раздражаясь на Папу, который плавал рядом и всё что-то говорил, говорил, говорил. Ёлки-пальки да ёлки-пальки...

— Георгий Михайлович, хотите анекдот расскажу?

— Валяй.

— В грузинской школе идет урок русского языка. Учитель в бешенстве: “Сколько раз мне вам повторяют, что слова “кровать”, “дават”, “опят двадцат пят”, “твою мат” пишутся с мягким знаком, а слова “тарелька”, “вилка”, “ёлка-палька” пишутся без мягкого знака!

— Не смешно, шени! Стал бы учитель в грузинской школе говорить детям “твою мат”? Соображай, сибирячок!

Из Мишкольца поехали в Будапешт, и там венгры устроили Шарыгину целую программу развлечений, его поразил красивейший город с величественным дворцом парламента, необычными зданиями, каждое со своей выдумкой. В купальнях Сеченьи он снова блаженствовал, жалея только, что нет рядом Кати. На горе Геллерта у памятника советским солдатам-освободителям боролся с набегаящими на глаза слезами и шептал точные пушкинские слова: “Мы не признали наглой воли // того, пред кем дрожали вы”.

Венгры — народ бравый и воинственный, он ворвался в Европу много веков назад, придя с Урала, и утвердился здесь со своим причудливым азиатским языком среди удобоваримых славянских, германских и романских наречий. Были времена, когда Венгрия считалась одной из сильнейших европейских держав, но постепенно ревнивые европейцы всё укрощали и укорачивали ретивых уральцев, пока не превратили их государство в небольшой обрубок. Но и в таком укрощённом виде мадьяры остаются людьми с характером. Во всех Олимпийских играх, в которых им довелось участвовать, они не уходили без золотых медалей, причём лишь в Париже, на второй Олимпиаде, обошлись только одной, а потом всегда завоевывали по несколько, в 1952 году в Хельсинки — целых шестнадцать. В Монреале результат оказался поскромнее: всего четыре золотых, пять серебряных и тринадцать бронзовых, но всё равно венгерские спортсмены, заняв в общем зачёте десятое место, могли с честью нести своё красно-бело-зелёное знамя.

Подойдя к Папашвили, Исаков отвёл его в сторонку и тихонько проинструктировал:

— Сейчас мы командирuem Ивана в отдельное помещение для прессы. Журналисты хотят взять у него короткое интервью.

— Интервью? Сейчас? — удивился Папа, смешно произнося: “интервью” и вытягивая при этом губы трубочкой, как для поцелуя.

— Именно сейчас. Наш Иван любит общаться с журналистами. И вы, Георгий Михайлович, должны сделать так, чтобы это интервью оказалось не очень коротким. Понимаете меня?

— Вай мэ! Ещё бы я не понимал, я что, глупый, что ли! Отличная идея, ёлки-пальки!

Из Венгрии Иван привёз Кате красивую куклу в национальном мадьярском костюме.

— Это намек, что мне ещё только в куклы играть?

— Да нет, просто...

— Спасибо. Очень красивая кукла. Надеюсь, в животе у меня такая же красавица сидит.

Она угощала его новыми освоенными блюдами, и оставалось лишь удивляться, как она сумела преодолеть неумение готовить. Пирожки получились отменные!

— Катька, да ты гений кулинарии!

— Да ладно тебе... Лучше скажи, зачем ты внёс редактуру в свои письма?

— Какую ещё редактуру? — покраснел Иван, пряча стыдливую улыбку.

— Я тут, скучая по тебе, решила в очередной раз перечитать нашу переписку. И что же вижу? В каждом твоём письме то тут, то там дописано: “Я тебя люблю”, “Я тебя очень люблю”, “Знала бы ты, как я люблю тебя”.

Раньше этих слов там не было. И ты вообще мне впервые сказал, что любишь, когда звонил из Норки после того постыдного бегства.

— Признаюсь. Дописал. Просто хотел, чтобы, когда наши дети и внуки будут читать мои письма, они не говорили, будто я не признавался тебе в любви.

— Смешной же ты, Иван! Какой же ты смешной! И — любимый.

Вскоре муж Екатерины Шарыгиной снова улетел из родного гнезда, становившегося все более и более уютным. В этот раз — на турнир в Баку, очень важный. Определялось, кто поедет на очередную Европу, и надо было обязательно победить и Думбадзе, и Гулебенко. Впрочем, грузин снова отпал, заболел. А киевлянин приехал. И Шарыгин победил его. На лопатки положить не смог, но одно лишнее, победное, очко выиграл. Дорога в Европу открылась.

Вернувшись из Баку, Иван не застал дома жену. Её только что увезли в роддом. Роды прошли легко, на свет появилась Женька. Иван назвал её в честь своего погибшего брата, которого он в детстве очень любил. Женька так Женька, хорошее имя, бодрое, можно даже сказать, жгучее. Пусть зажигает! Научившись стряпать на кухне, Катя и ребёнок состряпала на славу. Крепенькая, славная девочка, очень похожая на маленького Ивана, какой он на фотографиях, такая же лобастенькая и рыжевастенная. Шарыгин был доволен, дома не спускал Женьку с рук, купал её, кормил с ложечки, гулял. Счастливо заканчивался год, начавшийся так тревожно и неудачно.

И наступил год его настоящего триумфа. Год Мюнхенской Олимпиады. В конце мая, когда Женьке исполнилось шесть месяцев, её отец отправился в Польшу завоевывать европейское золото.

Начинался этот чемпионат мрачно. Первым делом советских спортсменов зачем-то повезли на экскурсию в бывший концлагерь Освенцим. Просто потому, что он расположен в тридцати километрах от Катовице, где проходили соревнования. Впечатление осталось самое гнетущее, даже Шустиков со своими извечными шуточками не мог развеять воспоминаний об увиденном.

— Это нам показали, что с нами сделают, если мы тут всех не повалим на лопатки.

— Не смешно, Броневичок!

Ему как раз тогда ещё только-только кто-то прилепил это прозвище.

Чемпионат Европы продолжался шесть дней. В греко-римской борьбе или, как её тогда называли в СССР, классической наши смогли завоевать только две золотых медали, зато вольники устроили настоящее покорение Польши: из десяти разыгрывавшихся золотых медалей взяли семь, оставив по одной болгарам, туркам и немцам.

Шарыгин выступил блестяще, с самого начала поймав свой кураж, свободу действий, раскованность без расхлябанности. В первом же поединке за сорок пять секунд расправился со швейцарцем Зеелером, бросил его на ковер и положил на лопатки. С остальными соперниками чуть дольше, но тоже без особого труда решил все дела. В финале попотел, но в итоге сломил болгарина Тодора Пенева. Болгары, кстати, на этом чемпионате бились, как звери, завоевали в классической борьбе четыре золотых медалей, в вольной — одну золотую, шесть серебряных и две бронзовые. Вот тебе и маленькая страна — курица не птица!

Первое Иваново европейское золото! Когда летели в самолёте из Польши, весь полёт хохотали, будто попали в кинокомедию Гайдая. Какое-то безмерное счастье с распахнутым настежь сердцем одолевало победителей. Шустиков в своём лёгком весе проиграл болгарину Василу Русиеву, но хохотал вместе со всеми, и теперь его шуточки были уместны, вызывали мгновенную детонацию, салон самолёта сотрясали новые взрывы хохота.

— Я ему кричу: “Ваня! Немец твой уже на лопатках, чо ты его мнешь-то? По Катюхе соскучился?”

— Хаааа-ха-ха-ха-ха!!!

А дома-то как было светло и радостно! Иван расхаживал в одних трусах, Геракл и Аполлон в одной статуе, а Катя фотографировала его в разных классических видах только что привезённым мужем из Польши японским фотоаппаратом “Сони”.

— Перед нами новый чемпион Европы Иван Шарьгин! На предстоящих Олимпийских играх в Мюнхене он будет представлять советскую сборную и завоеует главный приз!

Женька сидела в своей кровати и смеялась. Отец выгреб её из резервации и на одной руке вознёс высоко к потолку:

— Вот мой главный приз!

Щелк! И еще один снимок на века...

Остров по-французски “иль”, и перед Индией прошли сначала Виргинские острова — Иль Вьерж, потом Кайманские — Иль Кайман, и те, и другие — мальчуганы Британии с “Юнион Джеком” в крыжах знамен и без каких-либо достижений в спорте.

За островитянами выходила большая, но совершенно бесполезная олимпийская сборная Индии, страны с колоссальным населением, не способным воспитать ярких и сильных спортсменов. Команда, идущая под оранжево-бело-зелёным знаменем с синим колесиком Дхармачакры, не завоевала в Монреале ни одной хоть какой-нибудь медали. Притихшие трибуны взирали на Индию с равнодушием.

А тем временем Папа уже бежал к Ивану:

— Ванюша, там иностранные журналисты, срочно надо дать им интервью. Руководство дало указание.

— Какое интервью, Георгий Михайлович! Скоро наш выход.

— Это не обсуждается. Ещё только Индия пошла, до нашего выхода минут двадцать как минимум. Успеешь.

Исаков был прав, Шарьгин действительно любил общаться с журналистами. Ему нравилось шикануть своим интеллектом, удивить знаниями в разных областях культуры, положить на лопатки расхожее мнение всех и вся о том, что если спортсмен, то обязательно дуболом, книжек не читает, в башке одна извилина, а серое вещество мозга ну ооочень серое.

После обидного поражения на Спартакиаде журналисты поначалу окрысились, понаписали статей, полных горечи разочарований, одна из которых даже называлась “А был ли мальчик?”, потом напрочь забыли об Иване Шарьгине. Зато после польского золота вмиг вспомнили и хлынули на него изо всех щелей. Вновь о нём стали писать, как о надежде Сибири и возможном будущем чемпионе Олимпийских игр. Он поначалу общался с ними сдержанно и даже с неким презрением, но потом простил. Снова стал охотно встречаться с ними, давать интервью, удивлять тем, что он и книги читает, и стихов много наизусть знает, и вообще с ним интересно поговорить — далеко не глупый парень.

В середине июня Шарьгин полетел в Минск на чемпионат СССР. Там, в столице Белоруссии, должно было окончательно решиться, кто поедет на Олимпиаду в Мюнхен. И в финале Иван оказался один на один со своим извечным соперником из Киева. Боролись не на жизнь, а на смерть. Нужна была убедительная победа, Иван пошёл на риск, промахнулся и потерял очко. Одно-единственное, но оно решило исход поединка — чемпионом СССР стал не он, а Гулевенко. Прощай, Мюнхен!

Сразу же после окончания чемпионата на олимпийской базе под Минском собрался тренерский совет. Вроде бы, всё ясно, Гулевенко — чемпион, ему и лететь в Германию. Но все вдруг заговорили о том, что у Шарьгина всё равно больше возможностей стать олимпийским чемпионом. Тайное голосование — и со своей мечтой поехать на Олимпиаду простился Гулевенко. Бедный Вася! Это был его последний шанс, через четыре года ему будет тридцать четыре, Монреаль уже ему никак не светит.

За серебро на чемпионате СССР строгая жена не укоряла, но про серебро на Олимпийских играх и слышать не хотела:

— Из Мюнхена — только золото!

А между тем, лето шло и шло из пункта А в пункт Б, из сибирского Красношарска в немецкий Мюнхен, и всю вторую половину июня, июль

и август Шарыгин усиленно тренировался. В начале августа радость от того, что его всё-таки включили в олимпийскую сборную, вдруг сменилась тревогой и тягучим, непреодолимым страхом.

— Иван, ты почему не спишь?

— Сплю.

— Да как же ты спишь, если я слышу, как ты там чего-то вздыхаешь всю ночь, будто влюблённый.

— Да ничего я не вздыхаю.

— Признавайся.

— Да так...

Катя включила бра, села в кровати. Следовательским оком взглянула на мужа:

— Давай, выкладывай.

— Сам не знаю... Что-то боюсь я в этот Мюнхен ехать.

— Чего-чегoooo?!

— Предчувствия какие-то гложут.

— Какие ещё предчувствия? Ты что, трусишь? Вот так да! Я за кого замуж выходила? За будущего олимпийского чемпиона?

— Наверно...

— Какое такое наверно! Не наверно, а точно! Ты должен чётко понимать, что едешь в Мюнхен только за золотом. Говорить себе: “Я буду чемпионом!” Ты вбрасываешь эту информацию в космос, там её принимают, и им уже не отвертеться, придётся сделать тебя чемпионом.

— Кому это — им?

— Ну там, в космосе...

— Космонавтам, что ли?

— Короче, чтобы я больше не слышала ничего такого — предчувствия, недочувствия... Понятно?!

— Понятно.

В конце августа наступило время лететь в Мюнхен. В аэропорту Катя смотрела на мужа строго, и в этом взгляде он читал: никаких предчувствий, понятно?

— Я буду ждать олимпийского чемпиона, — сказала жена строго.

В Москве пробыли недолго, на следующий день отправлялись в Германию.

Вдруг выяснилось, что Папиашвили никуда не летит.

— Как это, Георгий Михайлович? Я не понимаю! Вы мой тренер, и вам не дают ехать в Мюнхен! Объясните, что у нас такое происходит?

Лицо у Папы было растерянное, вот-вот покатятся слёзы.

— А вот так. Никому я там не нужен. Говорят: “Твой Иван и без тебя справится”.

В зал аэропорта вошла вся расфуфыренная дама, взяла под руку мужа, явно чиновника, и они вместе отправились регистрироваться на рейс, минуя очередь. Папа с ненавистью проводил их взглядом:

— А вот эта, понимаешь... женщина... Она там просто необходима на Олимпиаде. Потому что муж без неё не знает, какую ей там шубу покупать!

— А кто это такие?

— Чиновник из Олимпийского комитета. Так что он тебя там будет наставлять, как бороться. И жена его. Слушайся эту парочку, Ваня, и побеждай, как хочешь.

Тут с радостной новостью примчался Шустиков:

— Георгий Михайлович! Вопрос решён. Вы поедете в Мюнхен как простой турист. А поездку Спорткомитет вам оплатит.

— Во, видали? Георгий Папиашвили — как простой турист! Ну, хоть так, шени...

И у него носом пошла кровь, как бывало часто, когда Папа сильно расстраивался.

За Индией выходило красно-белое знамя Индонезии, столь же олимпийски бесславное, как и Индии. За всё время участия в Олимпийских играх,

ни до Монреаля, ни в Монреале индонезийцы не завоевали ни одной медали. В отличие от иранцев, вышедших следом за ними под своим знаменем, состоящим из зелёной, белой и красной полосы. На белой полосе тогда ещё красовался золотой лев с кривой саблей в правой лапе. Иранцы в Монреале всё же выиграли одну золотую и одну бронзовую награды, и борец Мансур Барзегар, взявший серебро в первом среднем весе, с гордым видом нёс флаг своей страны.

А наш знаменосец тем временем в компании с Папиашвили и Павлушиным отправился в отведённую комнату, где его ждали пятеро журналистов и два оператора с камерами на плечах, как с неким устрашающего вида огнестрельным оружием. Оба тотчас же стали снимать. Иван поздоровался по-английски. Английским он владел уже достаточно хорошо, начал изучать его ещё в армии, в радиотехническом училище. Но оказалось, все пятеро журналистов владеют в разной степени русским, и можно было расслабиться. Все уселись на стулья. Иван, Папа и Павлушин напротив журналистов из Германии, Англии, Канады, Италии и Франции.

Первым с вопросом к Ивану обратился немец лет сорока, спокойный и степенный, не наглый:

— Господин Шаригин, на Олимпийских играх в Мюнхен вы стали чемпионом и установили рекорд скорости. Победили семь человек, потратив на всех своих соперников семь минут и двадцать секунд. То есть чуть более минуты на каждую схватку. Такого никогда не было до вас и пока не повторилось. Я прав?

Иван пожал плечами:

— Есть такое дело. Прошло четыре года, а я как сейчас помню. Первым был швейцарец Зеелер. Его я положил за двадцать две секунды. Затем ровно за две минуты положил на лопатки Хенделя из ГДР. Канадца Джейсона бросил на туше на первой минуте. Но чистую победу почему-то не засчитали. Но через одиннадцать секунд я ошибку судьи вежливо исправил, и мне все-таки засчитали туше. Иранец Мухтари сопротивлялся целых две минуты, но после моей подсечки упал, как сноп. Я так легко их клал, что приходилось постоянно делать над собой усилия, чтобы не расслабиться. Лёгкие победы — коварные! За восемнадцать секунд положил монгола Цендийна. Потом венгра Дюлаи. И, наконец, финал моего Мюнхена. За двадцать пять секунд досрочно болгарина Тодора Пенева. Самое удивительное, что на Мюнхенской Олимпиаде, точно так же, как перед этим на чемпионате Европы, в первом поединке мне достался швейцарец Зеелер, а в финальном — болгарин Пенев.

В Мюнхен прилетели за три дня до открытия Олимпиады. И все три дня — тренировки, по две в день. В шесть утра — подъём, пробежка, лёгкий завтрак, тренировка. Вторая — во второй половине дня. А потом — прогулки по городу, старинному, красивому. Больше всего Шарыгина удивляла благожелательность жителей. Неужели это те самые немцы, которые здесь, в Мюнхене, затеяли свою страшную и кровавую игру в фашизм, сеяли смерть и разрушение в завоеванных ими странах, а у нас и вовсе устроили чудовищные зверства, не укладывающиеся в человеческое понимание! Ни одного кособокого взгляда, сплошные улыбки, “битте” и “данке”.

Папу в Москве опять тормознули, и прилетел он в самый день открытия игр. Злой, обиженный. Даже из числа туристов, одобренных для поездки в Мюнхен, его тоже поначалу вычеркнули, вставили какого-то сынка, но потом Папиашвили всё же вернули в список.

— Не буду больше никого тренировать, ёлки-пальки! Зачем такое отношение? Вот если ты золото не возьмёшь, уйду с тренерской работы, мамой клянусь!

Знамя СССР на открытии Мюнхенской олимпиады нёс супертяж, прославленный Александр Медведь, великий спортсмен. Выходя на дорожку в составе советской делегации, Иван волновался, ждал, что трибуны начнут свистеть, реветь, источать ненависть. Но ничего подобного! Зрители стоя приветствовали наших олимпийцев, волной поднимаясь со своих мест, начиная с нижних рядов и кончая верхними. И это при том, что американцев ос-

вистали за войну во Вьетнаме, как будто это не кровавые политики, а спортсмены её развязали и никак не могли завязать.

Глядя же, как Мюнхен тепло встречает команду Страны Советов, Шарыгин не мог сдерживать слёз, которые наворачивались на глаза. Церемония открытия сняла с его души опасную тревогу и неуверенность в грядущей победе. По иронии судьбы, снова первым соперником оказался швейцарец Иоханн Зеелер, которого он в Катовице положил на лопатки за сорок пять секунд. А тут хватило двадцати двух — и снова бедняга Иоханн на лопатках.

Папа наблюдал за первым поединком Шарыгина, стоя высоко на трибунах вдалеке от яичницы-глазуньи, с которой сравнил круглые желтые борцовские ковры аккредитованный в Мюнхене корреспондент “Советского спорта”. Папа рвался во что бы то ни стало туда, где сидел тренерский состав, но огромный и непроницаемый охранник не пускал его.

— Товарищ дорогой! Камрад! Битте! — уговаривал непроницаемого стража порядка Папа. — Мне вон там надо быть, а не здесь. Понимаешь ты? Ферштейн или нихт?

Немец — как скала. Истинный ариец, характер стойкий, нордический, беспощаден к врагам рейха. Видя, как Иван быстро уложил швейцарца, Папашвили запрыгал от радости, тряся своим пузом:

— Ай, молодец! За двадцать две секунды положил швейцарца! — И он снова обращался к истинному арийцу: — Ты хоть понимаешь, что такое за двадцать две секунды положить Зеелера? Как это по-вашему? Цвай унд цванцих. А, ни хрена ты не понимаешь, дубина немецкая!

Следующим соперником Ивана был немец из ГДР Конрад Хендель. С ним пришлось немного повозиться, но тоже не так долго, по окончании второй минуты боя Шарыгин положил Хенделя на обе лопатки.

Папа тем временем пытался прорваться через другого охранника, протягивал ему значок с профилем Ленина на красном знамени. Но и этот оказался истинным арийцем.

— Смотри, какой значок даю тебе! Сам бы носил, да мне вон туда надо, ферштейн? Иван там, ферштейн? С вашим немцем Хенделем борется, только он из ГДР, ферштейн?

Увидев, как Иван уложил Хенделя, Папа снова запрыгал от радости и восторга:

— Ваня! Две минуты!

На другой день перед схваткой Ивана с канадцем Джонсоном юные фашисты из молодёжной организации “Адлер” попытались прорваться на арену. Иван, уже выйдя на ковёр, застыл в величественной и гордой позе и смотрел, как какие-то выродки беснуются, выкрикивая:

— Raus! Russische Schweine! Raus! Aus Deuteshland! — Вон! Русские свиньи! Вон из Германии!

На обнажённых плечах они показывали свастики, а у одного даже взлетело в руках красное знамя с белым кругом, в котором чернела эта эмблема, в древности благородная, но теперь ставшая символом нацизма. Иван смотрел на это и всем своим видом показывал: “Это вы зря...” Полицейские изъяли гитлеровский флаг и принялись тычками выталкивать юных фашистов вон со стадиона.

Безобразная сцена огорчила Ивана, но и завела на решимость в поединке. На первой же минуте он швырнул канадца, как куклу, и бросил в туше.

Папа тем временем снова пробивался сквозь непроницаемую стену охранников:

— Я же не такой фашист, как те вон молодчики! Пусти, будь хорошим.

Увидев молниеносную победу своего воспитанника, заорал:

— Иван! Канадца! Джейсона! На первой же минуте! Эй, ёлки-пальки, что за безобразия! Он без меня их там кладёт на лопатки, слушай! Как не засчитали? Эй ты, судья, ёлки-пальки! Суди, давай, да!

Судья и впрямь внезапно отказался увидеть туше и потребовал продолжения поединка. Впрочем, ненадолго отсрочил победу русского богатыря.

— Эй, опять не засчиташь? — кипятился Папашвили. — А, то же! — И он уже сиял, как начищенная медная грузинская чеканка.

В тот же день была схватка с иранским борцом Мухтари. Этот упорно сопротивлялся, как умеют упорствовать персы, но проведённая Иваном подсечка оказалась для него неожиданностью, и он рухнул, как здание, под которое была заложена взрывчатка.

Папе к тому времени уже выдали форму члена советской олимпийской сборной, и он смог пройти мимо того первого, самого крепкого охранника.

— Ты бы лучше вон тех вовремя обезвредил, кацо. Что, теперь пропускаешь меня? То-то же, данке шон тебе!

Под словом “тех” он имел в виду трёх нацистов из организации “Всемирный конгресс свободных украинцев”, устроивших на трибуне сожжение советского флага. Удивительным образом флаг, смоченный в бензине, вспыхнув, бросился прямо в морду тому, кто его держал. А им был не кто-нибудь, а сын пресловутого Степана Бандеры — двадцативосьмилетний Андрийка. Парень испуганно взвизгнул и выронил древко. Набежавшие полицейские мигом скрутили всех троих и поволокли прочь. Чтобы вскоре и отпустить.

Папа успел пробраться к краю яичницы-глазуньи как раз перед самым началом схватки с Мухтари. Теперь Иван мог его слышать:

— Подсекай его, Ваня! Вот так! Да подсекай же! Ай, молодец! Хороший мальчик!

На флаге Ирландии зелёный цвет символизирует католиков, оранжевый — протестантов, а белый — мир между ними. Ирландцы — народ боевитый, задиристый. Считается, что они хорошие драчуны, то есть боксёры. Но на Олимпийских играх в Монреале они не снискали никаких наград, и белый цвет на флаге символизировал их мирную капитуляцию перед остальными олимпийцами.

С таким же неуспехом несли своё красивое крестоносное знамя спортсмены холодной страны Исландии.

Знамя Израиля называется Дегель Мединат Исраэль. Белое полотнище с двумя горизонтальными синими полосами по краям и шестиконечной звездой Давида в центре напоминает собой талит — еврейскую моленную накидку. Национальный олимпийский комитет Израиля был образован в 1933 году, то есть еще до образования государства Израиль. Олимпийские игры 1936 года, проходившие в фашистской Германии, израильтяне бойкотировали из-за царившего в гитлеровском рейхе антисемитизма, и впервые они приехали на Олимпиаду в Хельсинки. С тех пор до Монреала и в самом Монреале они участвовали, но и только — ни одной медали.

Как раз, когда во главе с мужественной легкоатлеткой Эстер Шахаморов израильтяне вышли на дорожку Большого-О со своим знаменем, французская журналистка спросила Шарыгина:

— В Мюнхене вы жили неподалёку от дома спортсмен Исраэль, когда был совершён теракт. Помните ли вы это? И было ли нечто похожее на Олимпиаду в Монреаль?

— Слава Богу, ничего такого здесь не случилось, — сказал Иван. — Хотя нам звонили и угрожали. Какие-то украинцы-бандеровцы обещали застрелить Володю Быстрицкого. Но ничего такого не произошло. Вероятно, благодаря умелой работе канадских спецслужб. Здесь они на высоте. Даже чересчур. В туалет спокойно нельзя сходить — всегда под присмотром.

Все заулыбались, а Иван нахмурился:

— Помню ли я Мюнхен? Ещё бы не помнить. Всё рядом с нами происходило.

В Мюнхене большое здание, в котором разместились советские спортсмены, соседствовало с небольшим домом израильтян, расположенным на самой окраине огромной олимпийской деревни. Наши общались с израильтянами, многие из которых, к тому же, до недавнего времени тоже были нашими. И если штангист Зеэв Фридман переехал в Израиль в 1960 году, то ровесник Ивана, боец вольного стиля рижанин Элизер Халфин эмигрировал на землю обетованную за три года до Мюнхена, а восемнадцатилетний Марк Славин, уроженец Минска, и вовсе уехал с семьёй за три месяца до

начала Мюнхенской Олимпиады. Тоже борец, но в греко-римском стиле, в полусреднем весе.

— Ну, как там вам, ребята, живётся? — дружелюбно спрашивали репатриантов наши.

— Да нормально. Проблем, конечно, хватает. Но о них у нас не принято распространяться, — отвечали они.

— А в СССР после того, как я уехал, меня всех наград лишили, — жаловался Славин, бывший чемпион Советского Союза среди юниоров.

— А ты как хотел?! Политика, брат, штука вредная.

Шутиков, как всегда, со своим юмором:

— Надоело жить в Рязани, // танцевать её кадрили, // буду делать обрезање // и уеду в Израиль!

Израиль, для рифмы, с ударением на последний слог.

— А ещё у нас поют по-новому: “На деревне пиво // с водкою в разлив — // провожают гармониста // в Тель-Авив, // хороводом ходят // девушки вокруг — // ты пришли скорее // вызов, милый друг!”

И все вместе, русские и евреи, от души смеялись, ещё не зная, что произойдёт здесь, в Мюнхене, в олимпийской деревне, в ночь с четвёртого на пятое сентября.

Накануне вечером израильтяне ходили на представление “Скрипач на крыше”, мюзикл по произведениям Шолом-Алейхема про Тевье Молочника. Ужинали с актёром спектакля Шмулем Роденски и в олимпийскую деревню вернулись поздно ночью. Ещё какое-то время весело галдели. Иван накануне лёг спать в восемь часов вечера и проснулся среди ночи, слышал, как они галдят. Даже выходил на балкон посмотреть, что там такое. Всё в порядке, просто ребята веселятся. Часам к трём всё стихло. Шарыгин лёг, ворочался, думая о завтрашних поединках, о монголе Цендийне, кряжистом и цепком, похожем на краба.

В половине пятого Иван снова стал засыпать, как вдруг раздался дикий вопль.

— Ну, что они там? Напились, что ли? С какой радости! — возмутился он по поводу евреев, до сих пор не завоевавших ни одной награды.

Вопль продолжался, зазвенело разбитое стекло, осколки полетели на асфальт.

— Совсем сдурели еврейцы! — окончательно проснулся Иван, полагая, что соседи что-то отмечали и поругались между собой. Но тут раздался выстрел, и Шарыгин вскочил, ринулся на балкон.

В доме израильтян творилось что-то неладное. На самом деле, в половине пятого к ним проникли восемь арабов — федианов террористической группы “Чёрный сентябрь”. Командир группы Лютиф Афиф, заместитель командира Юсуф Назал, шестеро рядовых членов — Афиф Ахмед Хамид, Халид Явад, Ахмет Чика Таа, Мохамед Сафади, двоюродные братья Аднан и Джамамал Аль-Гаши. Одетые в спортивные костюмы, они без труда перелезли через забор и с помощью заранее украденных ключей проникли в дом, где поселилась израильская команда. Толстенный судья по борьбе Йосеф Гутфройнд услышал подозрительные звуки, увидел, как федианы открывают дверь и, навалившись на неё всеми своими ста тридцатью пятью килограммами, дико заорал. Его товарищ по комнате, судья по тяжёлой атлетике Тувьё Соколовски разбил стекло и, выпрыгнув в окно, спасся бегством. Ещё один судья по борьбе Моше Вайнберг схватился с федианами, и один из них выстрелил ему в лицо. Этот выстрел и разбудил Ивана. Пуля пробила Вайнбергу щёку, после чего он перестал сопротивляться. Вскоре федианы захватили в заложники шестерых борцов и штангистов. Мужественный Вайнберг снова набросился на террористов, послал одного из них в нокаут и ножом для фруктов зарезал насмерть того, который прострелил ему щёку. Воспользовавшись замешательством, борец Гади Цабари вместо того, чтобы прийти на помощь Вайнбергу, сбежал через подземный гараж. Других федианы крепко держали. Раздался ещё один выстрел, и Моше упал замертво.

— Это уже не пьяные шуточки, — пробормотал Шарыгин, стоя на балконе и вслушиваясь в происходящее. На других балконах тоже стали появляться разбуженные выстрелами спортсмены.

Тем временем фedaины избивали и связывали заложников. Один из штангистов Йосеф Романо вырвался из их рук и стал драться, ранил фedaина, прежде чем олимпийскую деревню пронзил третий выстрел. Тяжело раненный Романо упал, и на глазах у сидящих вдоль стены связанных товарищей Юсуф Назал отрезал ему половые органы, кровь широко расплескалась по полу. Йосеф мучительно умирал, корчась в огромной кроватной луже. Остальные в ужасе смотрели на его предсмертные страдания. Сами фedaины уже не могли выносить душераздирающих криков Йосефа и несколькими выстрелами прикончили его.

Слыша выстрелы и крики, Иван не выдержал и спрыгнул с балкона второго этажа, рванулся в сторону дома израильтян, но сюда уже бежали со всех сторон полицейские, и они преградили ему дорогу, стали отпихивать и других спортсменов, оказавшихся равнодушными к ужасающим звукам, разодравшим в клочья мирное сентябрьское утро. Через некоторое время стало известно, что совершено нападение террористов и в заложники захвачено большинство членов олимпийской сборной Израиля. Сумели сбежать и спастись лишь некоторые — глава делегации Шмуль Лалкин, два медика команды, стрелки Генри Генрикович и Зелиг Строч, фехтовальщики Дан Алон и Иегуда Вейсенштейн. Спринтерша Эстер Шахаморов и пловчиха Шломит Нир находились в другом месте олимпийской деревни, а два яхтсмена и их менеджер и вовсе благополучно пребывали в Киле, где проводились соревнования по парусному спорту.

В руках у фedaинов оказались одиннадцать человек — штангисты Зеев Фридман, Йосеф Романо и Давид Бергер, борцы Элизер Халфин и Марк Славин, судьи Йосеф Гутфройнд и Яков Шпрингер, тренеры Андре Шпицер, Кеат Шор, Моше Вайнберг и Амицур Шапира. Из них двое — Романо и Вайнберг — были уже мертвы. Тело Вайнберга выбросили на улицу, дабы ни у кого не оставалось сомнений в серьезности намерений террористов. Обезображенное тело Романо фedaины держали на глазах у заложников для устрашения.

Таким оказалось утро пятого сентября. Первый месяц осени из светлого стал чёрным. До закрытия Олимпиады оставалось пять дней.

С тяжёлым чувством Иван отправлялся в то утро на соревнования. Ходили слухи, что Олимпиаду отменят, но на экстренном заседании Международного олимпийского комитета было принято решение не делать такого подарка террористам. Игры были лишь на несколько часов задержаны.

Иван старался не думать о ночных и утренних ужасах, настраивал себя на борьбу. Папа наставлял:

— Не расслабляйся, делай над собой усилие. Лёгкие победы — коварные!

С монгольским крабом Шарьгин справился за восемнадцать секунд. Перевернул, повалил, уложил на лопатки. Папа неподалеку вопил:

— Восемнадцать секунд, Ваня! Восемнадцать секунд!

А у Ивана в ушах ещё стоял ночной страшный вопль Гутфройнда.

В то время, как он клал на лопатки монгола, в олимпийской деревне фedaины выставили свои требования — освободить из израильских тюрем две с половиной сотни палестинцев и ещё нескольких радикалов, находящихся в немецких тюрьмах. Им предложили огромные деньги, но они, естественно, отказались. Когда они выбросили тело Вайнберга, Олимпийские игры были остановлены на двенадцать часов. Спортсменам рекомендовали провести время не в олимпийской деревне.

Катя в Красношарске сидела перед телевизором и бормотала:

— Только ты не лезь, куда тебя не просят. Я ж тебя знаю, храбреца! Тебе всегда больше всех надо.

А Иван в это время гулял вместе с Шустиковым и Папой по Мюнхену, в Английском парке они спасали от голода тамошних лебедей и уток, во враждующем ресторане башни Олимпийского парка спасали от голода самих себя, особенно Папу, который ел за троих, но всё равно ворчал:

— Вкусно, но разве это может сравниться с пельменями моей царичи Тамары!

В Галерее красавиц дворца Нимфенбург Папиашвили выказывал недовольство уже по поводу женщин:

— Разве это красавицы? Это какие-то ёлки-пальки, а не красавицы! Взять хотя бы мою царицу Тамару. Или Ванькину Катюшку. Вот где красавицы, а это что? Ты, Броневичок, когда женишься?

— Когда-когда... Вы всех расхватали уже, ёлки-пальки!

В шесть часов вечера фedaины потребовали немедленно предоставить им самолёт для перелета в Каир. В восемь к дому израильской команды подошли автобус, террористы и заложники переместились в него и поехали к двум вертолётам, пересели в вертолёты и полетели на аэродром военно-воздушной базы НАТО в Фюрстенфельдбрук, где их ожидал самолёт Боинг-727. Там с одиннадцати часов вечера до половины второго ночи разыгрался финал трагедии. Спецоперация по освобождению заложников провалилась. Все заложники погибли. Пятеро фedaинов были убиты, трое взяты в плен.

По телевизору сначала сообщили, что операция прошла успешно, и все заложники благополучно освобождены. Иван, дождавшись этого известия, лёг спать и мгновенно уснул. Утром лицо у Папы было хмурое:

— Не хотел тебе говорить, но лучше сейчас, чем ты узнаешь перед схваткой. Они все погибли.

— Кто?

— Евреи, кто же ещё!

— Так вчера же сказали...

— Сказали-мазали! Наврали, чтобы ты специально лёг спать спокойно и выспался. А потом сказали, что нет. Всем кранты, короче.

— И Славин погиб?

— Погиб.

— И Халфин?

— И он.

— Хорошие ребята... Были.

— Ай, слушай!.. Нечего было в Израиль улепётывать. Отщепенцы!.. Жалко, конечно. Я с ними тоже общался. Весёлые были, юморные, ёлки-пальки!

В этот день Ивану предстоял бой с венгром Ласло Дюлаи. Славный мальчик, ещё недавно ходил с Шарыгиным по Будапешту, показывая красоты своей любимой столицы, и вот теперь — прости, Ласло! — пришлось валить его, класть на лопатки, лишая возможности выйти в финал и бороться за золото Олимпиады. Но таков спорт.

— Полуфинал, Ваня! Два шага до золота! — подбадривал Шарыгина Папиашвили.

И вот уже до золота — один шаг. Завтрашний финальный поединок с болгарином Пеневым.

Вечером Иван и Папа сидели в баре. Папа пил пиво, Иван — коктейль из свежесжатых соков. По телевизору показывали кадры гибели израильских спортсменов на взлётной полосе аэропорта.

— Ну, как можно было так бездарно провести операцию по освобождению! — кипятился Шарыгин.

— Ты не об этом сейчас думай, а о том, как завтра в финале будешь класть болгарина, — беспокоился о нервной системе своего подопечного Папиашвили.

— Полагалось бы вообще закрыть на хрен Олимпиаду после такого.

— Ещё чего! Ты что, не хочешь стать чемпионом?

И Иван стал. На первой же минуте финального поединка положил Тодора Пенева на лопатки. Бесспорное, безупречное чемпионство. На семь поединков полагалось шестьдесят три минуты, по девять минут на каждый. Шарыгин уложился в восемь минут и сорок секунд, затратив в среднем на каждого соперника чуть больше минуты. Такого никто не ожидал. Такого никогда нигде не бывало.

— И не будет, Ваня, и не будет, ёлки-пальки! Ты хоть понимаешь это? Ферштейн? — кричал Папа, выбежав на яичницу-глазунью поздравить чемпиона.

— Ферштейн, ферштейн... — И Иван, подняв над собой Папу, как огромный приз, понёс его над Мюнхенским стадионом на вытянутых руках и так сошёл с ковра.

Зал искренне и тепло рукоплескал в восторге от небывалого рекорда. Поднимаясь на верхнюю ступень пьедестала, Иван, как всегда, смотрел вниз, будто стеснялся, что не дал другим стать чемпионами. И вот на шее у него — золотая медаль чемпиона Олимпийских игр!

Вечером последнего дня соревнований по борьбе вылезла усталость, сказались волнения и тревоги. Иван в семь часов добрался до своего номера, рухнул и заснул крепким сном.

Папа был огорчён. Ему приходилось одному гулеванить. Он купил себе клетчатую куртку, клетчатую шляпу, и эдаким грузинским ковбоем вошёл в лучший мюнхенский пивной ресторан “Шпате́нхаус” на Макс-Йозеф-платц. Ресторан был полон, все пили пиво из небольших, больших и очень больших кружек.

— Уважаемые! Есть кто-нибудь, кто говорит по-русски?

К нему подбежал услужливый официант:

— Да, гофорию, чут-чут.

— Чут-чут, уважаемый, пишется с мягким знаком.

Бумажник Папы раскрыл два чёрных крыла, подобно орлу на гербе Федеративной Республики Германии. Из крыльев выпорхнули дойчмарки в значительном количестве.

— Угости людей от моего имени. Скажи, пусть выпьют за олимпийского чемпиона Ивана Шарыгина!

— Не вольнуйтесь, все сделаю.

— А не вольнуйтесь, уважаемый, пишется без мягкого знака.

Папа — кум королю, сват министру! — уселся за отдельный столик, шляпу не снял, а заливчато сдвинул на затылок. Ему принесли блюдо с сосисками, рульку, огромную кружку пива, которую он горделиво поставил себе на пузо и стал смотреть, как официант разносит пиво гостям ресторана, объясняя им, что да как. Гости оживлялись, улыбались, смотрели на Папу, поднимали свои кружки в его сторону. Он тоже поднимал свою кружку в их сторону, отпивал и снова ставил пиво себе на круглый живот.

— Russisch Iwan! Hoch! — кричали немцы.

— Хох! Ещё бы вам не хох! Ёльки-пальки!

Итальянцы, конечно же, не те древние римляне, покорившие всех близких и дальних соседей и ставшие одним из самых знаменитых и прославленных народов мировой истории. Доведись тем римлянам участвовать в Олимпийских играх, они бы, конечно, задали всем перцу, золотые медали гребли бы лопатами. И хотя каждый итальянец считает себя потомком римлян, до тех славных мужей они не дотягивают. Впрочем, и полного позора своим предкам не доставляют: на каждой Олимпиаде непременно заслуживают и золотые, и серебряные, и бронзовые медали. В Монреале итальянские спортсмены завоевали две золотых, семь серебряных и четыре бронзовые награды, так что трёхкратный олимпийский чемпион по прыжкам в воду Клаус Дибяси мог с честью нести зелёно-бело-красное полотнище Итальянской республики.

А Иван продолжал давать интервью журналистам. Немец развивал свою мысль, начатую в первом вопросе:

— Also, в Мюнхене вы установили мировой рекорд, когда победили семь борцов за восемь минут сорок секунд. Но здесь, в Монреаль, чтобы стать чемпионом, вам пришлось подолгу бороться с каждым соперником. О чём это говорит? Вам двадцать восемь лет, и вы стали слабее?

Иван усмехнулся:

— Я бы так не сказал. Просто соперники стали сильнее, чем в Мюнхене.

Папа возмутился:

— Да не в этом дело, шени!.. Просто Иван накануне соревнований получил серьёзную травм...

Он не договорил, потому что Павлушин больно пнул его носком ботинка по щиколотке.

— Георгий Михайлович! О чём это вы?

— Вай мэ! — поморщился Папашвили. — Теперь, кажется, у меня будет серьёзная травма.

— Вы хотите сказать, что господин Шаригин был травмирован? — оживлённо спросила журналистка-итальянка.

— Да, — заявил Иван. — Это была тяжелейшая душевная травма. Прямо накануне начала Олимпийских игр мне сообщили, что у меня дома умер мой любимый домашний медведь.

Павлушин и Папиашвили с удивлением посмотрели на Ивана и еле сдержались, чтобы хором не заржать. Медвежья тема у Ивана в разговорах с иностранцами была любимейшая. Про медведей он мог им врать километрами.

Журналисты переглянулись, не то в недоумении, не то в недоверии.

— Это правда? — спросил англичанин с Би-би-си.

— Да, к сожалению, это правда, — горестно вздохнул Иван, едва сдерживая лживые рыдания. — Он был мне больше, чем друг и брат. Я вырос с ним вместе. Был бы он человек, мы бы и в школу с ним ходили, и в спортивную секцию.

— Мед-вед?! — округлила свои и без того круглые глаза итальянка.

— Иван так переживал, слушай, что из-за этого плохо кушал. И не мог действовать столь же стремительно, как в Мюнхене. О чём речь может быть, ёлки-пальки!

— Bullshit. Вы это только теперь придумали? — задал свой вопрос сидящий за спиной итальянки канадец в бейсболке с низко надвинутым козырьком.

— Можете верить, можете — нет. Главное, что золотая медаль у меня в кармане.

— Мне кажется, про медведя это шутка, — важно сказал англичанин. — Но я хочу спросить о другом. Есть информация, что вам доверено нести флаг на закрытии. Почему именно вам, а не Герману Николаеву? Он завоевал семь золотых медалей, а вы только одну. Где же справедливость?

— Я бы сам отдал Герману право нести знамя родной страны, но все проголосовали за мою кандидатуру, и я не могу отказаться. Это такая великая честь!

Когда из Мюнхена Шарыгин и Папиашвили прилетели в Москву, там их встречали в единстве с остальными советскими спортсменами, оваянными славой, завоевавшими пятьдесят золотых медалей. Для сравнения: американцы получили тридцать три, немцы ГДР — двадцать, немцы ФРГ, хозяйева Олимпиады, — тринадцать. А в общем медальном зачёте нашим не хватило всего одной медали до ста. Конечно, Ивана, как установившего невиданный рекорд скорости в поединках на ковре, тоже чествовали, но главным советским борцом оставался по-прежнему Александр Медведь, который, завоевав третью олимпийскую золотую медаль в супертяжёлом весе, поцеловал мюнхенский ковер и эти поцелуем простился со спортивной карьерой, готовя себя уже к тренерской работе.

А вот когда прилетели в Красношарск, здесь Папу и Ивана ждал такой триумф, о каком они и не мечтали. Шустиков был при них, но он в своём легчайшем весе не дотянул в Мюнхене даже до полуфинала, и теперь держался в тени двух триумфаторов. Выйдя из самолёта на трап, Папиашвили и Шарыгин увидели море народу в аэропорту, плакаты со своими изображениями. Иван жадно прочёсывал лица толпы в надежде увидеть Катю, как грибник всматривается в густоту леса, мечтая о белых и подберёзовиках.

А Катя в это время с огромным букетом красных гвоздик пыталась пробиться сквозь толпу возле перекрытого моста.

— Пустите меня! Да пустите же!

— Куда вы лезете, девушка? Не видите, какая толпа? Всё отцеплено, — осаживал ее милиционер.

— Я жена Шарыгина! — отчаянно крикнула ему Катя.

— Я тоже! — громко сказала одна из женщин в толпе.

— И я! — воскликнула другая.

— И я! И я! — уже со смехом кричали ещё две самозванки.

— Но я правда его жена! — чуть не плача, задыхалась от обиды Катя.

— Ты школу-то окончила, девочка? — спросила самая первая из самозванок.

— Окончила. В этом году.

— Иди тогда сначала институт окончи.

— Вот дуры-то!

— Сама ты дура!

— Ещё и обзывается.

— Гляньте на неё!

— Наподдавать нахалке!

А боги-олимпийцы уже ехали в машине, глядя на толпы восторженных болельщиков и стадион, на котором висели огромные изображения Шарыгина и Папиашвили. Папа сидел на переднем сиденье, мурлыкал котом, почёсывал свое пивное пузко.

— Совсем обалдели, ёлки-пальки! Как будто мы с тобой два Гагарина, слушай!

— Хуже! — квакнул Шустиков, сидя рядом с Иваном на заднем сиденье. — Как Маркс и Энгельс.

— Тогда уж лучше, как Сталин и Жуков, — счастливо засмеялся Папа.

— А мне как-то не по себе, — вдруг с грустью промолвил Шарыгин.

— Это ещё почему? — удивился Шустиков. — Ликуй, Ваня! Звёздный час, ёт-тыть!

— А помните, как в фильме “Мёртвый сезон” толпа встречает спортсменов? — усмехнулся Иван.

— Ага, а наш шпион проходит незаметненько, — сказал Броневинок.

— А ведь он, быть может, больше пользы родной стране принёс, — сказал Шарыгин. — Кто знает, может, вместе с нами в самолёте летел какой-нибудь учёный, который изобрёл нечто такое, за что его до самой смерти люди планеты Земля должны на руках носить. А он вышел себе незаметненько, поднял воротничок плащика и почапал себе в свою скромную квартирку. Или даже в свою лабораторию, где он и днюет, и ночует.

— Оставь эти мысли на потом, Ваня, — посоветовал Папа.

Наконец, машина вырулила на мост через Енисей. Он был перекрыт и усеян набросанными цветами.

— И впрямь, как будто Гагарина и Титова встречают! — шмыгнул носом Шустиков и передразнил Папу: — Вот ёлки-пальки!

И тут Иван увидел в толпе возле моста зажатую со всех сторон Катю. Она махала букетом гвоздик, слёзы отчаяния бежали по её лицу.

— Стой! — крикнул Иван. — Останови машину!

Шофёр испуганно резко затормозил, так что Папа едва не втемяшился лбом в лобовое стекло.

— Ш-ш-шени! — возмутился Папиашвили, оглянулся назад и увидел, как Иван выскакивает из машины, как ему навстречу бежит Катя, а он бежит к ней, как они сталкиваются друг с другом, а красные гвоздики рассыпаются по мосту, и без того усыпанному цветами.

— Будто в кино, слушай! — засмеялся Папа.

— Точно, ёт-тыть! — фыркнул Броневинок, одновременно с восхищением и с завистью. — А ведь девчонка-то моя должна была быть. Ванька, стервец, отбил.

А Иван уже схватил Катю на руки, закружил её:

— Катюша! Катюша моя!

Побежал к машине, неся ее на руках. Шустиков распахнул пошире дверцу:

— Давай её к нам сюда в скобочки.

Иван бережно усадил жену между собой и Броневинок.

— Трогай! Да с бубенцами!

Машина рванулась с места в карьер и понеслась дальше по восторженному Красношарску.

— Правда, что ли, жена? — переглядывались женщины, не верившие Кате.

— Получается, так.

— А пигалица-то, Госсподи!
— Не мог, что ли, чемпион поядренее найти себе?
— Видно, что не наша, не сибирская.
— Наши более интересные.
— А эта — мелочь какая-то.
— Да жена она, жена! Я его с ней видела, ребёночек у них, девочка, годика ещё нет.

Знамя Ямайки вполне соответствует карибскому темпераменту — жёлтый косой крест, слева и справа от него — чёрные треугольники, сверху и снизу — зелёные. Дональд Кворри, кудрявый чернокожий бегун с пышными бакенбардами, похожий на танцора Бобби из популярной в то время диско-группы “Бони М”, в Монреале завоевал для своей Ямайки сразу две медали — золото на дистанции двести метров и серебро на стометровке, в которой оставил позади себя нашего Быстрицкого, несмотря на его быструю фамилию. И на закрытии Олимпиады Дональд со слезами счастья нёс знамя родного острова.

Папа глянул на часы. С момента начала интервью прошло всего четыре минуты, а Иван уже стал беспокойно оглядываться. В комнату заглянул Шустиков.

— Лёня, не пора нам там? — тотчас отреагировал на его появление Шарьгин.

— Нет ещё, — ответил Броневичок и скрылся, а Павлушин пулей выскочил за ним следом, схватил за локоть:

— Леонид! Секундочку. Это очень важно. Надо, чтобы Иван не знал, когда придёт время выходить нашей сборной. Понятно?

— Ах, вот оно что... Понятно. Конечно, понятно, Павел Сергеевич. Это вы правильно. Эх, молодец же вы!

И маленький Шустиков от души прижался к тучному Павлушину. Тот, довольный, что получил ещё одного участника заговора во имя спасения Ивана, поспешил вернуться в атмосферу Иванова интервью. Там итальянке не давал покоя медведь:

— Вы сказали, ваш друг был медвед. Как много медвед в России?

— Огромное множество, — веселился Иван. — Больше, чем людей. Особенно у нас, в Сибири. Летом они ещё ничего, по лесу бродят, а зимой наглеют, прутся в города, шастают по улицам, лезут в трамваи, автобусы, в подъезды домов, в окна. На первом этаже лучше не жить. Человек спешит на работу, входит в автобус, а там — одни медведи. Приходится их вышвыривать. — Иван жестами показал, как вышвыривают медведей.

Папа громко заржал:

— Вот, шени!

Журналисты рассмеялись, понимая, что он шутит. Кроме итальянки — она всё воспринимала всерьёз.

— Это правда? Или вы шутил?

— Какие тут шутки, — не моргнув глазом, серьёзно заговорил Шарьгин. — Это огромная проблема. Скоро медведей у нас будет, как китайцев. А отстреливать их нельзя.

— Bullshit! — фыркнул канадский журналист.

— Теперь нас ещё обвинят в плохом обращении с животными!.. — вздохнул председатель Комитета по физкультуре и спорту.

Из аэропорта олимпийцев привезли в крайком партии, где их встречал новый первый секретарь Занозенко. Предыдущего добавили в состав секретарей ЦК КПСС и перевели в Москву. Встречая Ивана и Папу, Занозенко говорил, что их подвиг должен лечь в основу великого обновления Красношарска, превращения его в крупнейший культурный и спортивный центр всего Советского Союза. За развитием спортивных школ и строительством нового стадиона последует создание своего симфонического оркестра, театра оперы и балета, киностудии, института искусств, хореографического училища, училища живописи и скульптуры, архитектурного института, музея изобразительных искусств, музея истории Сибири, грандиозного парка культуры и отдыха...

— И своего космодрома, с которого мы с тобой полетим на Марс, — шепнул Иван Кате, и та, готовая от счастья смеяться по любому поводу, громко прыснула как раз в тот момент, когда Занозенко обещал создать в Красношарске Всемирный центр здравоохранения. Он приумолк, посмотрел на Катю и сказал:

— Конечно, молодёжи не верится, что можно болеть, стареть, что нужно заботиться о своём здоровье. Оно у них и так фонтанирует, как смех, из всех щелей. Но вот вы, девочка, скоро выйдете замуж, захотите родить. А я вам тогда скажу: “Добро пожаловать в наш Всемирный центр здоровья, где самые лучшие акушеры и гинекологи!” Что вы мне тогда скажете?

Катя, ничуть не смущаясь, ответила:

— Я скажу вам, Сергей Прокопович, большое спасибо! Я, Екатерина Шарыгина, уже имею одного ребёнка, девочку, и торжественно обещаю родить второго, на сей раз мальчика.

Катя обещала неспроста — с июля она уже носила его в себе.

— Ты что... Вы — жена Шарыгина? Какая прелесть! — засмеялся Занозенко.

К золотой медали советское правительство добавляло олимпийцам денежную премию, весьма солидную, на которую можно было тогда купить двухкомнатную квартиру. Первый секретарь Красношарского крайкома партии добавил ещё и на третью комнату. Так что Шарыгины, никогда не бедствовавшие и доселе, теперь стали совсем богачами.

В один из первых дней после возвращения из Мюнхена рано утром Иван уложил все деньги на большой поднос, так что получилась солидная горка, украсил этот денежный торт тремя золотыми медалями — СССР, Европы и Олимпийских игр, встал на четвереньки и, взяв поднос в зубы, принёс его Кате, которая ещё нежилась на постели. Катя покатила со смеху — до того это было смешно.

— Постой, постой! — Схватила фотоаппарат, щёлкнула. — Вот это снимочек! Сегодня же отправим в “Советский спорт”.

— Не напечатают.

— Почему?

— Ну, я же теперь депутат.

Неугомонный Занозенко мгновенно привлёк олимпийского чемпиона к общественной деятельности, Шарыгина избрали депутатом Красношарского городского совета. Поначалу он думал: “На фига мне это?” — но вдруг вошёл во вкус, понравилось работать с людьми, выслушивать их просьбы, вникать в нужды, стараться помочь. Писать в инстанции, звонить, что-то доказывать, пробивать и чувствовать себя действительно полезным людям — всё это увлекло Ивана, и он резко сократил количество тренировок: один, максимум — два раза в неделю. Папиашвили возмутился:

— Накапливать силы и умение нужно долго, а растеряешь накопленное в два счёта.

— Немного отдохну от прежнего диктаторского режима и снова вернусь в него, обещаю, — отмахивался Иван от назойливого тренера.

Эпоха смены диктаторского режима на полный либерализм продолжалась всю послеолимпийскую осень и зиму. Первый звонок прозвенел, когда на чемпионат Европы в швейцарскую Лозанну вдруг отправили не Ивана, а его вечного соперника Гулебенко. Объяснили тем, что сразу за Европой предстоит кубок мира в Америке, и уж туда отправят Ивана.

Папиашвили ругался:

— И ты поверил? Просто Вася Гулебенко сейчас в лучшей форме, он тренируется, в отличие от некоторых. И в Америку тебе незачем ехать, провалишься с треском, меня опозоришь.

Гулебенко в Лозанне стал чемпионом Европы, а Иван поехал в Америку, не провалился и не опозорил, а стал обладателем кубка мира по вольной борьбе, доказав всем несусветную глупость, что можно побеждать, и не особо тренируясь.

Тоledo, как известно, стариннейший город Испании. Но есть Тоledo и в североамериканском штате Огайо на границе со штатом Мичиган. Стан-

дартный американский город с небоскрёбами, которые со стороны озера Эри выглядят, как вертикально расставленные на краю стола доминошки. Ещё до Второй мировой войны здесь было построено первое в мире здание, полностью покрытое стеклом.

Кубок мира по вольной борьбе впервые состоялся в Стамбуле, затем был проведён в Болгарии и заглох на пятнадцать лет. И вот его решили воскресить.

Апрель в американском Толедо оказался дождливым. Гуляли в куртках под морозящим дождём. Папа вообще поначалу не хотел ехать, но потом плюнул:

— Что с тебя взять, поеду. Тренер должен быть рядом и в минуты торжества своего воспитанника, и в минуты его ёлки-пальки.

Американским Шарыгиным в те времена был ровесник Ивана, могучий ясноглазый парень с красивым именем Рокуэлл Эриксон, сокращенно Рокки, что значит “Скалистый”. Не случайно и фильм потом выйдет с главным героем под таким же именем, с Сильвестром Сталлоне в главной роли. На чемпионате мира в Софии, куда Шарыгина не взяли из-за провала на Спартакиаде, Эриксон выступал в полутяжёлом весе и завоевал бронзу. В Мюнхен он не попал, потому что получил травму, и в отборочных соревнованиях уступил Питеру Бенсону, ставшему олимпийским чемпионом в полутяжёлом весе. Теперь Рокуэлл, как и Шарыгин, перешёл в тяжёлый вес, он набрал форму и считался самой яркой звездой американской вольной борьбы.

С Шарыгиным они сошлись как-то просто и сразу. Иван уже бегло говорил по-английски и стал учить нового приятеля русскому языку, который тот на удивление легко схватывал. Бывает такое — встретишь человека, и сердце мгновенно распахнётся ему навстречу. Рокки обаял Ивана своей открытостью, добродушием, весёлостью. Гуляя по элитным кварталам Толедо, Иван небрежно бросил:

— У нас по телевизору любят повторять: “Америка — страна контрастов”. Мол, за фасадами небоскрёбов скрываются трущобы бедняков. Врут?

И Рокуэлл простодушно ответил:

— Не врут. Пойдём, покажу.

И повёл Ивана и Папу показывать кварталы бедноты. И действительно, оказалось, что есть такие, с нечистыми улочками и переулками, с выбитыми стёклами окон, с детьми в обносках и даже натуральными алкашами. А то, что Рокки не постеснялся привести сюда представителей враждебного социалистического лагеря, ещё больше расположило Ивана к нему. Настолько, что на тренировке Шарыгин стал показывать Эриксону все свои секретные приёмчики. Папа от негодования кипел и клокотал, как воды Арагвы и Куры, вместе взятые. Даже после тренировки Ваня, гуляя по берегу озера, не переставал обучать Рокуэлла. Рокки ликовал:

— Я не знал, что русские ребята такие классные!

А Иван:

— Вот, глянь, какой у меня ещё есть приём.

И показывал. Рокки и сам удивлялся:

— Супер! А ты не боишься раскрывать мне свои секреты?

— Секреты, секреты... Боюсь, говоришь? А, чепуха, не боюсь! — смеялся Иван.

Папашвили схватил его за локоть:

— Ну-ка, сынок, отойдём на минутку!

И, отведя сынка на некоторое расстояние, шипел, как открываемое шампанское:

— Иван, ну, ты и олух! Простодырый! Готов каждому встречному-попечному всё отдать. Ты эти приёмы вырабатываешь в долгих и мучительных тренировках и за так разбазариваешь. Стратегически это неправильно, ёлки-пальки! Гляди, как поступает Саша Медведь: дохнуть не даёт молодым борцам. А ты? Ты сам приучаешь своих потенциальных соперников к мысли о том, что тебя можно победить.

Иван нарочно в ответ сделал глуповатое лицо:

— А чо? Пусть парни учатся... Человек, если он человек, должен уметь не только брать, но и отдавать. Правда, Рокки?

Эриксон расплывался в своей очаровательной улыбке:

— Правда. Карашо.

— Конечно, карашо! Ещё бы тебе не карашо! Всё равно я тебя повалю, даже если ты все мои приёмы узнаешь. О'кей?

— О'кей, — смеялся Рокуэлл.

— Конечно, о'кей! Всё у нас будет о'кей.

Ивану особенно весело было в финале розыгрыша кубка мира победить Эриксона после того, как он сам же раскрыл американцу свои секреты. И он победил его. Несмотря на все трагические опасения Папы, который только разводил руками от удивления, видя, как его подопечный, почти не тренировавшийся всю зиму, непринуждённо кладёт всех своих соперников одного за другим на лопатки. В финале Шарыгин сошёлся именно с Эриксоном.

— Ну, теперь пожинай плоды своего головоуятия! — горевал Папа.

Но применить Ивановы приёмы против самого Ивана Рокуэллу не удалось. Иван со смехом поддавливал его и в итоге без особого труда справился, поиграв, как кошка с мышкой. Видя, как Шарыгин кладёт Эриксона на лопатки, Папашвили рычал сильнее водопада:

— Вотри его в ковёр, Ваня!

И Иван втёр. Блистательная и безоговорочная победа! Даже американцы, остервенело вопившие в поддержку своего земляка, теперь стоя, уважительно аплодировали рыжему русскому Ивану, сияющему в свете прожекторов капельками пота. А тут ещё и рояль в кустах: Осетинский Пирог, исполин супертяж Алан Сосланов поднёс Ивану на блюдечке телеграмму. Бросив на неё взгляд, Шарыгин вскинул кулаки к небесам:

— Сьыбын! У меня сын родился!

Он прижал телеграмму к сердцу, затем поцеловал её и крикнул уже на чистом английском:

— My son is born! I have a son! This is my prize!

И теперь уже ему аплодировали бешено, восторженно, как своему. Рыжий русский Иван навсегда завоевал сердца американцев, как когда-то Чакалов, перелетевший из СССР в Америку, и в ответ на оглушительный свист зашвистел громче и пронзительнее всех.

Получая из рук организаторов соревнований приз в виде метровой серебряной фигуры борца на красивой деревянной подставке, Шарыгин поднял его высоко над головой и сказал:

— Thank you, America! — И повторил по-русски: — Спасибо тебе, Америка!

Белое знамя с красным кругом красноречиво свидетельствует, что принадлежит оно Стране Восходящего Солнца. Японский император считается потомком самой богини солнца Аматэрасу. Японцы — народ гордый и воинственный. Даже странно, что они так униженно и позорно клячат вернуть им Курильские острова, стремительно завоеванные в 1945 году нашим доблестным десантом. По законам воинской чести они должны не выпрашивать их, а столь же доблестно отвоевать.

На Олимпийских играх японские спортсмены всегда проявляли мужество и мастерство, завоевывали множество наград. Монреаль не стал исключением — девять золотых, шесть серебряных и десять бронзовых медалей. И — пятое место в общекомандном зачёте.

Но больше всех поразил и восхитил монреальских болельщиков и зрителей японский гимнаст Сун Фудзимото. Во время командных соревнований он вывихнул колено и никому ничего не сказал. Преодолевая боль, Фудзимото продолжил выступления на коне и на кольцах. В финале идеально спрыгнул с колец на обе ноги, выпрямился... и лишь после этого упал, корчась от боли. Благодаря его золоту японская сборная по гимнастике обошла советскую.

Глядя на флаг родной страны, сидящий на трибунах борец Юкио Кагаюку встал и поклонился. Сел и с гордостью смотрел на своих соотечественников. Кагаюку имел полное право гордиться ими. А вот они им — нет.

Он родился в тот самый день, когда у рыжих демонов, как японцы называют русских, умер их великий вождь Сталин, перед которым капитули-

ровал сам император Хирохито Сёва, чьё имя означало “изобилие, добродетель и просвещённый мир”. То, что ребёнок родился в день смерти Сталина, родители сочли предзнаменованием его великого будущего и назвали мальшаша Юкио — Сияющим. А вместе с фамилией Кагаяку и вовсе получалось красиво: Сияющий избранник богов. Это с детства настраивало его на первенство среди других мальчиков. И он рос сильным, смелым, решительным. Вскоре определилось, что быть ему борцом вольного стиля. В сорок седьмой год правления императора Хирохито Юкио Кагаяку в тяжёлом весе не было равных. Он стал чемпионом Японии и не сомневался, что на чемпионате мира в Тегеране станет чемпионом земного шара.

Вот вам тема: самого лучшего японца, призванного стать чемпионом мира, походя ломает полудикой русский медведь.

Когда в самом начале состязаний чемпионата мира в Тегеране ему достался Шарыгин, Юкио подумал: “Так даже лучше. Я свалю его и следующие мне будут по плечу”. Ему было наплевать на достижения рыжего демона, причём не слабые: чемпион Европы, чемпион Олимпийских игр в Мюнхене, первый чемпион Кубка мира в американском Толедо. Кагаяку ни на миг не сомневался, что с сияющей победы над Шарыгиным начнётся его восхождение к сверкающим и белоснежным вершинам славы.

В третий день сентября он приехал в столицу Ирана, поселился в отеле “Интернейшнл”, широко распахнул окно и выглянул наружу, слегка высунувшись. Ему почудилось, что он на вершине горы, под ним в долине — город, мириады огней до самого горизонта. А люди такие маленькие, как муравьи. Кагаяку посмотрел направо и увидел в соседнем окне высунувшегося Ивана. Тот заметил японца, подмигнул ему, улыбаясь, помахал рукой и продолжил разглядывать город с таким видом, будто это он, а не Юкио, самый великий японец во всей Вселенной. Но в то же время Юкио подметил, что рыжий демон совсем не такой страшный. Мягкий. Никакой жёсткости. Будто облако. Его можно и нужно одолеть! В Мюнхене он клал соперников на лопатки за считанные секунды. В Тегеране в схватке с Юкио этого не должно было случиться. Не могло случиться. Кагаяку мечтал, как он повалит Ивана в финале чемпионата.

Но по какому-то небесному недоразумению Иван достался японцу в самом первом поединке. Проиграть в самом начале было бы высшей несправедливостью для Кагаяку Юкио! Всё произошло так быстро, что Сияющий избранник богов не сразу успел охватить мыслью случившуюся беду. На пятнадцатой секунде рыжий демон, использовав бросок-обвив, легко и непринуждённо подбросил Кагаяку в воздух и сразу же положил на обе лопатки. Он расправился с ним быстро и непринуждённо, словно и не заметил его. Так люди отбрасывают мимоходом лежащий на пути мусор. Так, не задумываясь, крестьяне выпалывают сорняки. И сколько бы Юкио потом ни говорил себе, что поражения лишь делают нас сильными, в тот день Иван сломал и растоптал всю его жизнь. Шарыгин именно убил его в тот день начала осени. Когда в Тегеране стояла нестерпимая жара. С тех пор Сияющего избранника богов не стало.

На следующий год после Тегерана чемпионат мира состоялся в Стамбуле. Весь год Кагаяку готовился, уверенный, что судьба снова сведёт его с Шарыгиным, и на сей раз он, а не Иван, одержит блистательную победу. На тот стамбульский чемпионат приехала сильная японская сборная. Юдзи Такава стал чемпионом в лёгком весе... А вот Иван Шарыгин на это соревнование не приехал. Вместо него в тяжёлом весе блистал Василий Гулевенко, вечный соперник Ивана. Кагаяку сошёлся с ним в предварительном поединке, и настойчиво сопротивлялся. Но Гулевенко оказался победителем. Тогда Юкио окончательно понял, что год назад в Тегеране Иван Шарыгин сломал его навсегда.

И Кагаяку возненавидел его. Он решил, что должен отомстить ему. И всем русским. За то, что отец Юкио попал к ним в плен в сорок пятом году и едва не умер от голода и холода в их проклятой Сибири. Отец вернулся с обмороженными пальцами и не мог хорошо зарабатывать. Семья Кагаяку всегда жила впроголодь. А когда Юкио было десять лет, отец умер, потому что надорвал своё здоровье в русском плену.

После Стамбула на другой год чемпионат мира был в Москве. Сияющий избранник богов на него уже не попал. Потому что сломался. А Иван на этом чемпионате тоже оказался в качестве зрителя, потому что накануне в Спартакиаде народов СССР занял всего лишь третье место. И тем самым ещё больше разозлил Юкио! Он твёрдо и сурово постановил, что поедет на Олимпийские игры в Монреаль и, если рыжий демон будет в них участвовать, он, Юкио Кагаяку, там убьёт русского Ивана.

Вернувшись из американского Толедо, Иван ещё больше утвердился в уверенности, что ему можно и дальше не особо напрягать себя тренировками. Он наработал достаточный потенциал, дабы пока что не перенапрягать послушный и сильный организм.

То, что очередной чемпионат СССР впервые проводился в Красношарске, во многом было и заслугой Ивана, первого красношарского олимпийского чемпиона. Да и другие борцы здесь появились отнюдь не плохие. А Чашкин из Агабана привёз свою новую звезду — Вениамина Точилина.

Всё шло хорошо, как вдруг в один неприятный день мелькнула сама собой подлейшая мыслишка: а не заболеть ли? Проиграть в городе, ставшем для Ивана родным, Шарыгин не имел никакого права. Случись такое — позор на всю оставшуюся жизнь.

Перед Катей муж был, как тот стеклянный небоскреб в Толедо, — насквозь просвечивался.

— Ты что, опять трусишь?

— С чего ты взяла?

— Не сомневайся, я тебя, как на рентгене, вижу.

— Есть маленько.

И Иван поделился своими страхами. Катя на сей раз не стала ругаться, стыдить его, а вдруг просто положила руку ему на сердце, как телеграмму:

— Все будет хорошо, зпэтэ, верь мне, тэчека.

И ему чудесным образом стало легко. И он победил.

Это был чемпионат во всех отношениях радостный, светлый. Почётному гостю, закончившему спортивную карьеру Александру Медведю сибиряки подарили медвежонка, и то, как великий супертяж весело трепал мишутку за ушком, стало своеобразным символом соревнований.

Помнится, родители отправляли Катю в Красношарск, уповая на то, что там нет своего цирка. Теперь деятельный Занозенко в кратчайшие сроки построил здесь цирк, и чемпионат СССР проходил в этом новом просторном здании.

Первым чемпионом в полусреднем весе стал воспитанник Чашкина Точилин, в лёгком победил Шустиков. Знай, великая страна, нашу Сибирь! Теперь уж никак нельзя было проиграть. А в финале, как нарочно, Ивану опять достался невыносимый киевлянин.

Гулебенко превосходно подготовился к чемпионату. В течение всего единика Шарыгин ничего не мог с ним поделать. Оба истекали потом, мышцы сделались скользкими. Все шло к ничейному результату. И вдруг Иван увидел сделанное Гулебенко неверное движение. Молнией вошёл в обратный пояс, подтянул тело наверх, напряг все оставшиеся силы и бросил Василия. Гулебенко увернулся, на лопатки не лёг, но славный рывок обеспечил Ивану сразу два балла, необходимых для победы.

От сильнейшего перенапряжения Шарыгин на несколько минут оглох и не слышал неистового рева трибун. Даже не сразу дошло — он снова чемпион СССР! Красношарск поздравлял своего третьего победителя. Взойдя на пьедестал, Иван со склонённой головой принял водружаемую ему на шею золотую медаль, затем медленно распрямился и посмотрел вокруг себя. Смотрите на меня, я вас не опозорил! А на одной из трибун развернули плакат: “В Красношарске живёт самый сильный человек мира — Иван Шарыгин!”

Ни один спортсмен Камбоджи не завоевывал олимпийских медалей. В Монреале Камбоджа уже выступала как Кампучия. К власти в этой стране пришли красные кхмеры под руководством диктатора Пол Пота. Сменился

и флаг — теперь это было красное полотнище с жёлтым силуэтом священного храма Ангкор-Ват. Ещё никто не знал, что в Кампучии уже начался неслыханный террор, людей убивают десятками тысяч, а красные кхмеры извлекают из убитых соотечественников внутренности и ритуально пожирают их. Тихо и незаметно прошли кампучийцы по дорожке Большого-О под своим красным флагом.

В такой же тишине следом за кампучийцами под своим чёрно-бело-красно-зелёным флагом прошла команда Кувейта, страны, отрезанной от Ирака. Сам Ирак в Монреальской Олимпиаде не участвовал, присоединившись к бойкоту, объявленному африканскими странами, которые требовали исключения команды Новой Зеландии, проводившей матч по регби в Южно-Африканской Республике.

За Кувейтом под красно-синим флагом с золотой короной незаметно прошли два спортсмена из Лихтенштейна.

А Иван Шарыгин продолжал давать интервью. Журналисты наседали. Особенно би-би-сишник:

— Есть мнение, что знамя доверено нести вам, а не Герману Николаеву, по другим причинам. Есть сведения, что вам лично симпатизирует Брежнев. Что вы на это скажете?

Иван усмехнулся:

— А сам-то Леонид Ильич об этом знает?

Разумеется, знамя Ивану доверили нести не из-за личных симпатий Генерального секретаря ЦК КПСС, хотя Брежнев действительно симпатизировал Шарыгину. Говорил о нём:

— Наш третий Иван.

— Простите, Леонид Ильич, а первый и второй кто?

— Шутите или вправду не знаете? Заикин и Поддубный.

Брежнев лично с удовольствием вручал Ивану орден Трудового Красного Знамени за победу в Мюнхене:

— Носи на здоровье. Красное знамя! Оно теперь у тебя на груди, Ванечка.

— И в сердце, Леонид Ильич, — красиво ответил Шарыгин.

— Это ты молодец! — похвалил Генеральный секретарь. — Партийный, надеюсь?

— А как же! Ещё в армии был принят.

Орден вручали в Кремле, когда Шарыгин приехал в Москву и в своем весе легко завоевал золото на соревнованиях Универсиады. Он ещё был студентом, заканчивал институт. А вскоре после Универсиады отправился на чемпионат мира в Тегеран. Папа ворчал, что с таким количеством тренировок там делать нечего, но Шарыгин не подтвердил опасений тренера и стал чемпионом мира. В первый и последний раз в своей жизни.

Жара в столице Ирана стояла несусветная. И ажиотаж вокруг чемпионата стоял несусветный. Всюду сновали полицейские с короткими карабинами, всюду обыскивали с ног до головы, опасаясь чего угодно, в том числе и от спортсменов.

Иранские болельщики поразили жестокостью по отношению к своим борцам. Те выступали неудачно, и всякий раз после того, как иранец оказывался на лопатках или проигрывал по очкам, на трибунах сначала наступало тягостное гробовое молчание, затем зрители взрывались от ненависти, будто на их глазах совершилось предательство родины, в несчастных неудачников летело всё, что попадало под руку: пустые бутылки, лимоны, апельсины, яблоки, и те уходили под градом различных предметов и фруктов. Один из иранских борцов, понимая, что ему не справиться с нашим грузином Зурабом Леванишвили, и вовсе отказался участвовать в схватке, не вышел на ковёр.

Шарыгин своих соперников щёлкал, как семечки. Первым — японца Юкио с фамилией, похожей на раскоряку, про которого говорили, что он восходящая звезда страны Восходящего Солнца. Чтобы положить его, Ивану хватило нескольких секунд.

— Звезда пока не взошла! — пошутил Леванишвили.

Он восхищался Иваном, и они на том тегеранском чемпионате подружались. Зураб — весёлый, лёгкий в общении.

— В армии с такими хорошо, — повторил Шарыгин фразу из своего любимого фильма “Живёт такой парень”. Потом он как-то обронил:

— Зур, ты когда-нибудь бываешь серьёзным? Как наш Броневичок — что ни слово, то шуточки-прибауточки.

— Честно?

— Честно.

— Никогда не бываю. Спорт, борьба, это, конечно, хорошо. Но если слишком серьёзно ко всему относиться, скучно, брат. Самые большие глупости в истории совершались с самым серьёзным видом.

— Стало быть, самые умные поступки — с самым глупейшим, так? Ты когда в загсе расписывался, дурачком скакал?

— А кто сказал, что это был мой умный поступок?

— Да ну тебя! — со смехом отмахивался Иван.

На тегеранском чемпионате Зур всех удивил и восхитил. Завоевав золотую медаль по вольной борьбе в своём весе, подменил не приехавшего нашего борца самбо Лёвушкина и взял ещё одно золото. Причём положил на лопатки и придерживал положенные тридцать секунд американца Глостера, считавшегося несомненным фаворитом.

— Молодец Лёвушкин, что не приехал! — смеялся Леванишвили. — Он бы с Глостером не справился.

— А почему же ты справился?

— Сказать? Оказывается, Глостер с детства боится грузин. У него мать армянка вот с таких лет его пугала: “Смотри, Глостер, придёт злой грузин, он тебе покажет!”

— Да ладно врать-то!

В финале тегеранского чемпионата Шарыгин схлестнулся с крутым парнем из ГДР Рудольфом Штайнбергом. Немцы уже успели прозвать его Штайн Руди — Каменным Руди.

— Об этом каменного пацанчика ты как раз и разобьёшься, — пророчествовал Папа.

Но пророчества сбудутся позже, а тогда, в жарком сентябрьском Тегеране Иван сразу же, как танк Т-34, пошёл на эту немецкую крепость, не дал тому опомниться и своим коронным приёмом — мельницей Шарыгина! — перевернул Каменного Руди и бросил его на лопатки.

— Можешь поехать и расписаться на Рейхстаге, — сказал Зураб.

— Рейхстаг на территории Западного Берлина, а Штайнберг — из Восточного, — возразил Шарыгин.

— Ваня, ты опять серьёзный? Будешь таким, Руди в следующий раз сам на тебе распишется.

— Спорим, не будет этого?

— Спорим! Если ты проиграешь, попросим Руди на тебе расписаться.

— А если ты?

— Тогда ты можешь поставить свою подпись на мне.

— В любом месте?

— В любом. Кроме спелеолога.

— Какого ещё спелеолога?

— Не понимаешь? Который по пещерам лазает.

— Договорились. Спелеолог может не опасаться.

Они хлопнули по рукам, Шустиков их разбил, спор был заключён.

— Ну, гляди, Ванюша, — погрозил пальчиком Броневичок. — С Каменным Руди ты про спелеолога не договаривался.

— Немцы — народ культурный.

Жителей великого герцогства Люксембург ошибочно приписывают к немцам. Да, действительно, говорят они на люксембургском языке, который почти немецкий. Но сами люксембуржцы себя немцами не считают, их девиз: “Мы хотим остаться теми, кто мы есть!” Когда в Германии к власти

пришёл Гитлер, Люксембург отказался войти в состав Третьего рейха. В начале Второй мировой войны гитлеровцы оккупировали великое герцогство, но храбрые жители оказали сопротивление, многие погибли, многие были казнены.

За всё время участия в Олимпийских играх люксембуржцы однажды завоевали серебряную медаль и однажды — бронзовую. В Монреале — ничего, но, тем не менее, пятеро спортсменов гордо несли сине-бело-красное знамя, всем своим видом показывая: “Мы всегда будем теми, кто мы есть!”

Француженка, произнося фамилию Ивана с ударением на последний слог, продолжила тему, заданную англичанином:

— Прошу ответить. Господин Шарыгин, вам поручено нести флаг потому, что вас повысили в партии?

— Как это?

— Ну, вам дали более высокие звание в коммунист партии?

— Нет. Просто за меня проголосовала вся команда.

Англичанин разозлился:

— Не надо! Мы прекрасно знаем, как всё это делается у вас в стране. Можете не отвечать на вопрос моей коллеги. Скажите про другое. Известно, что после Олимпик более половины советской команды хочет остаться в Канада. И это правильно. Люди хотят жить в свободной стране...

Вместо Ивана поспешил ответить Павлушин:

— Это ложь! Ни один спортсмен не останется, все вернутся в СССР.

Но би-би-сишник не успокаивался:

— Wait a minute. Прошу не перебивать. Вы не хотите посмотреть правде в глаза. Никто из ваших спортсменов не хочет возврат в Совет Юнион. Многие останутся. Другой вы насильно вернёте домой. Вопрос к Иван Шарыгин: вы хотите остаться в Канада и Америка?

— Нет, конечно. И никогда не хотел.

Англичанин прищурился:

— Говорят, вы смелый человек. Как видно, не достаточно смелый, чтобы говорить правду.

— Но это чистая правда. Мне хорошо дома, и я не собираюсь менять родную страну ни на какую иную.

Би-би-сишник наглед с каждой минутой:

— Bullshit. Как можно хотеть вернуть себя в страну, где нет даже туалет бумага!

— Чего-чего? Туалетной бумаги нет? — засмеялся Шарыгин.

— Кто вам это сказал? — возмутился Павлушин.

— Я лично видел, один совет турист покупал мешками туалет бумага в магазине в Лондоне, — всерьёз продолжал свою туалетную тему англичанин.

Не выдержал и возмутился Папашвили:

— Да у нас её столько, что жоп не хватит! Слушай, уважаемый, ты за чем сюда пришёл? Чтобы глупые вопросы задавать?

— Это не глупости, — возразил англичанин. — Совет Юнион — страна с дефицитом на все товары. Ни для кого не секрет, что Иван Шарыгин очень любит Америку, и там его хорошо встречают. Думаю, он лжёт, когда говорит, что не хотел бы жить в США.

Роман с Америкой у Ивана и вправду закрутился после того, как он впервые завоевал кубок в американском Толедо и покорила американцев своей радостью по поводу рождения сына.

Мальчика назвали Александром в честь Катиного отца. Иван хотел Николаем, в честь своего, но Катя заупрямилась:

— Теперь моя очередь давать имя.

— Ладно, — смирился счастливый папаша. — Надеюсь, это не последний сын. Но в следующий раз моя очередь будет.

— А я что, так и буду рожать и сидеть тут в нашей пещерке? Пока ты будешь по всему миру шастать? Ну уж, нетушки!

— Это наша квартира пещерка? Давай купим побольше. Пещерищу. Но сыновей надо много.

— Хватит одного сына и одной дочки.

— Давай так: за каждую золотую медаль по ребёнку.

— Нет. Медали само собой, а детей пока хватит. Неужели тебе меня не жалко?

— А как же моя мать?

— У неё муж по белу свету не мотался, дома сидел.

— Аргумент, — вздохнул Шарыгин, временно капитулируя перед женой по поводу потомства.

Дети оказались похожими на Ивана, такие же лобастенькие и рыженькие.

— Привет, рыжик-шарыжик! — кричал им Иван, возвращаясь домой. Радостно хватал, поднимал на вытянутых руках под самый потолок: — Вот мои главные призы!

Катя всякий раз пугалась:

— Иван! Уронишь!

— Это ты зря! — отвечал Шарыгин, но не сердито, не угрожающе, а на сей раз весело. Он сближал детишек мордашками друг к другу: — Целуйтесь!

И Женька так потешно целовала Сашу, а тот смешно морщился и шевелил носиком.

— Папаша у вас теперь ещё и киноартистом будет, — ворчала Катя. — Мало ему спортивных поездок, теперь ещё по киностудиям, да по премьерам, фестивалям разным. А мы тут с вами будем куковать да только по телевизору его видеть.

Бог солнца Уицилопочтли велел ацтекам поселиться там, где на кактусе будет сидеть орёл, пожирающий змею. Ацтеки нашли такое место и поселились в нём. С этого началась Мексика, а орёл, держащий в клюве змею, изображён на мексиканском флаге, таком же, как итальянский, — зелёно-бело-красном. Говорят, решающая битва мексиканцев за независимость проходила на арбузном поле, победители, томимые жаждой, сразу после сражения уселись жадно поесть арбузы, потому и у знамени такие арбузные цвета.

Мексиканские спортсмены больше всего медалей завоевали на своей домашней Олимпиаде в Мехико: три, три и три. Но и в Монреале им достались одна золотая и одна бронзовая.

— Ну, что там? — спросил Исаков, не отрываясь от своего бинокля.

— Пока ещё выплясывает перед ними, — доложил Даниличев.

— Что это значит — выплясывает?

— Да нет, я неправильно выразился. Хорошо держит удары этих антисоветчиков. И смотрится превосходно. Звезда!

В гриме Поддубного Иван Шарыгин был очень хорош. Ему шли густые, закрученные кверху усы.

— Ну, как вам? По-моему, вылитый Иван Поддубный! — спросила гримёрша.

— Стопроцентное попадание, — ликовал режиссёр Лебедецкий. — Будем сниматься! Ну что, Иван Николаевич, готовы стать артистом кино?

— Запросто!

Лебедецкий, сам в прошлом борец, давно задумал снимать кино про Ивана Первого, то бишь, Поддубного, да никак не мог найти актёра на главную роль. И тут вышел на Шарыгина. Сценарий Ивану понравился, загорелось сниматься. О великом русском борце он и раньше много читал, а тут довелось узнать ещё много нового. В начале века вольной борьбы ещё не существовало, а греко-римская или классическая называлась французской.

— Странно, вообще, тогда французы сплошь борцами были. Куда они теперь подевались?

И действительно, во времена Ивана Третьего, то бишь, Шарыгина, французы в борьбе уже давно не блистали.

В начале фильма Поддубный борется с французом Раулем ле Буше, который обмазался маслом и в буквальном смысле слова ускользал от захватов нашего богатыря. В итоге француз подлю присвоили звание чемпиона мира “за красивые и умелые уходы от острых приёмов”.

— Подлая формулировочка!

Иван Максимович так сильно огорчился от несправедливостей, что решил навсегда уйти из спорта...

— Поддубному-то рано было тогда уходить, а вот тебе, Ваня, может, и стоит задуматься, — больно ужалил Шарыгина Папа после того, как Иван проиграл Штайнбергу финал Европы в Мадриде.

Чемпионат Европы в том году проходил в одни и те же дни, что и кубок мира, и спортивное руководство постановило — в Мадрид на Европу поедет Шарыгин, в Лас-Пальмас на розыгрыш кубка мира по вольной борьбе отправится Гулевенко.

Мадрид поразил Шарыгина необыкновенной красотой и величием. В первый день по приезде удалось много пошастать по нему. Великолепная Гран-Виа, площадь Испании, пышный памятник Сервантесу с его Дон Кихотом и Санчо Пансой. Невольно покосишься на Папу, уж очень он похож на Санчо со своим брюшком, да и в характере есть что-то. А на улице Майор больше всего понравились две статуи на крыше могучего здания — две колесницы с впряжёнными в них четвёрками лошадей. В колесницах — матёрые атлеты с мужественными фигурами. На сей раз Папа кивнул Ивану:

— Как будто с тебя лепили.

Это был единственный момент, когда Папа перестал хмуриться по поводу шарыгинских недотренировок. И тотчас не преминул кольнуть, показывая на статуи возниц:

— Вот эти ребята тренировок не пропускают, сразу видно, в хорошей форме.

— Да ладно вам, Георгий Михайлович, завоюю я вам мандридское золото, — подмигнул Иван, нарочно искажая слово “мадридское”.

И — не завоевал! В каждой схватке с трудом одолевал соперников, тратя на них всё время, отведённое для поединков, и побеждая лишь по очкам. С каждым боем чувствовал всё меньше куража и уверенности, пропускал броски соперников такие, каких раньше ни в жизнь бы не пропустил, даже как будто сила в руках стала куда-то вытекать, словно прохудились руки. А в финале произошло и вовсе невероятное — Ивана положили на лопатки! Тот самый Каменный Руди, которого он мельницей перевернул и повалил в Тегеране. Теперь он оказался сильнее Шарыгина, который лежал и смотрел в потолок, не веря, что положен на обе лопатки.

— Подпись, Ваня, подпись, что разлётся! — раздался ехидный голос Зураба. Леванишвили попытался помочь Шарыгину встать, но тот рывком прыгнул на ноги. Угрюмо подошёл к судье, арбитр взял его запястье, запястье Штайнберга и поднял вверх — не Иванову руку, а руку немца. Всё плыло перед глазами, как в страшном сне.

Он угрюмо зашагал прочь, но Зур был непреклонен:

— Куда это ты? А наш спор?

— Какой ещё, на хрен, спор!

— Такой спор! Идём к немцу за автографом.

— Это ты зря... Отстань, Зур!

— Так нечестно, Иван! Спор есть спор, — подсуетился Шустиков. — Я разбивал, я за тебя несу ответственность.

— Бррррневичок! — рыкнул сквозь сжатые зубы Шарыгин. — Ладно, пошли.

Перед церемонией награждения Руди весело расслаблялся в своей раздевалке. А тут ещё русские добавили ему праздника: явились втроем — Леванишвили, Шустиков и побеждённый Шарыгин. Позвали переводчика. Тот выслушал Зураба, улыбнулся и перевёл. Реакция у Руди — чисто немецкая. Ни слова не говоря, залез в свою сумку и достал фломастер. Спросил, где надо расписаться.

— На спине, где же ещё! — опять подсуетился Шустиков.

— Почему это на спине? — буркнул Иван. — Можно на бицепсе.

— Свой бицепс ты на потом побереги, — возразил Леванишвили. — Он тебя на лопатки положил. Стало быть — на лопатках, Ваня.

— Ну, и гад же ты, Зур! — И Иван послушно оголил спину, подставил

её под фломастер, показавшийся жгучим, как раскалённый клинок. Каменный Руди размашисто набросал на широченной спине Шарыгина: “Rudolf Steinberg. 26/06/1974. Madrid”. А у Зураба уже и фотоаппарат был наготове — щёлк!

— В “Советский спорт” отправим! — съехидничал Шустиков.

Иван угрюмо пожал руку Штайнбергу, будто Дон Жуан — Каменному гостю:

— Поздравляю.

А когда вышли, возмутился:

— Договаривались только о подписи, а он чего там так много накарябал?

— Дату обозначил и место встречи незабвенной, — ответил Зур.

— Сволочь фашистская! Это он нашим отцам за Рейхстаг отомстил, — смеялся Броневинок.

— Это ты зря... — мычал обиженно Иван. — Руди — коммунист, член партии, я знаю.

Последнее почему-то ещё больше рассмешило Леванишвили и особенно Шустикова:

— Член, член! Конечно, член!

Били Шарыгина все, кому не лень.

— Вот твоё мандридское золото, — сказал Папа. — Точно, что мандридское.

В Красношарске жена встретила мужа ласково, успокаивала, на ужин приготовила шедевр кулинарии. Шарыгин поначалу не просёк, стал есть, нахваливал:

— Вкусно! Охренеть, как вкусно.

— Ешь, милый. Я целых две бараньих лопатки запекла в духовке.

По старинному немецкому рецепту.

Он проглотил ещё пару кусков и тут только допетрил.

— Вот оно как... Ну, спасибо, жена, уважила.

Резко отодвинул от себя блюдо с бараниной.

— Я, значит, баран, по-твоему.

— Почему же баран? Ты актёр, в кино будешь играть. Там понарошку всех на лопатки положишь.

— Ну, ты и язва же у меня, Катька!

Он схватил ложку и, как тогда, со всей силой швырнул её об стол. В кровати заплакал Саша, на диване, сидя за новой куклой, привезённой из Мадрида, затаилась в страхе Женька.

— Что, в Норку побежишь прятаться? — сердито отозвалась Катя. — Учти, я сразу — детей под мышки и домой, в Юлаевск.

Три минуты продолжался тяжелейший поединок Ивана с самим собой. И Иван Великодушный победил Ивана Грозного. Он встал из-за стола, резко схватил жену на руки:

— Я вот тебя сейчас саму на лопатки!

— Ночью, бешеный! Дети же! — смягчилась строгая жена.

Ночью, вспоминая день, Иван тихо ржал в кровати, глядя жену, прижавшуюся щекой к его груди:

— Ну, ты и язва! Две бараньих лопатки. Да по немецкому рецепту...

Про автограф Каменного Руди, который он поспешил смыть ещё там, в столице Испании, рассказывать не стал. Но Леванишвили, собака, распечатал фотографии:

— Пока никому показывать не буду. Но если не станешь олимпийским чемпионом в Монреале — распространю.

— А если стану?

— Сожгу вместе с негативами.

— Клянёшься?

— Мамою клянусь.

— Грузией клянись!

— Грузией мы не клянёмся.

— Ой, ой, ой, все такие из себя растакие! А мамой, значит, можно.

Монголы — известные борцы. Крепкие, кряжистые, упёртые. В Монреале единственную монгольскую медаль, серебро, в лёгком весе завоевал борец-вольник Зэвэгийн Ойдов. Он же и нёс на закрытии Олимпиады знамя своей страны — красно-сине-красное, на красной полосе, примыкающей к древку — государственный символ Соёмбо, который состоит из солнца, луны, языков пламени и особого знака Анусвара — точки, из которой, как верят буддисты, началась наша Вселенная. И точка эта, конечно же, находится в Монголии!

Канадский журналист, в бейсболке с низко надвинутым козырьком, скрывающийся за спиной италянки, бросился, наконец, в свою атаку на Шарыгина. Говорил он совершенно без акцента:

— У меня вопрос! Почему вы, спортсмены, не возмущаетесь тем, что в СССР миллион политических заключённых?

Иван усмехнулся:

— Я этот миллион как-то не встречал ни разу в жизни.

Канадец ждал подобного ироничного ответа:

— Это не ответ! Миллион! Это население целой страны, к примеру, Монголии. Каждый день арестовывают людей в Литве, Латвии, Эстонии, на Украине. В тюрьмах томятся сотни тысяч евреев и других инакомыслящих. Диссиденты.

— Это всё ваша пропаганда. Не более того. — И вдруг Ивана осенило: — Постой, постой...

— Кстати, про Украину, — вмешался в разговор Павлушин. — Именно в Канаде нашли своё убежище украинские фашисты. Бандеровцы. Тридцать лет назад весь мир, включая Америку и Канаду, воевал против фашизма. И что мы видим у вас в Канаде?

— Эти люди за освобождение Украин от рабства Москвы! — вспыхнула француженка и вдруг повернула лицо к Папе: — Господин Папа... Ша... Виши...

— Не мучайся, красавица, просто Гоги, — улыбнулся ей Папа, будто это был не напряжённый разговор с идеологическими противниками, а начало их знакомства в ресторанчике.

— Спасибо. Господин Гоги. Вы — георжен.

— Кто я?

— Джорджиан, — сказал англичанин.

— Грузин по-ихнему, — объяснил Павлушин.

— Грузин. Так и что? — снова улыбнулся Папа, будто после такого ответа его попросят что-нибудь спеть распевное грузинское. Но вместо этого француженка спросила:

— Почему не хотите бороться за свободу?

— Какую свободу, вай мэ?

— Свободу Джорджии от власти России, — сказал англичанин.

Павлушин снова пришёл на помощь:

— Джорджия — Грузия по-ихнему.

— А я Георгий, то есть, по-вашему, Джордж, — улыбался Папашвили. — Эх, дорогая... — Он внимательно пригляделся к неприглядной француженке. — Я бы показал тебе настоящую свободу, да времени нет развернуться нам с тобой. Уезжаем мы скоро.

А Иван тут своё вставил:

— Вот вы, француженка, объясните мне, куда делись ваши некогда знаменитые французские борцы? Ведь когда-то даже греко-римскую борьбу называли французской борьбой. А потом перестали так называть.

После возвращения Ивана из Мадрида начались первые пробные съемки фильма. Режиссёр сразу же решил обкатать сцену схватки со скользким французом, роль которого исполнял хороший актёр Сергей Витюшин. Он долго изучал борьбу, даже тренировался с настоящими борцами, и Шарыгину и впрямь было трудно бороться с ним, густо намазанным скользким маслом. Лебедецкий сиял от радости:

— Молодцы, братья! Спасибо вам! Иван Николаевич — настоящий актёр, а ты, Сергей, — настоящий борец.

Во имя киноискусства Шарыгин не поехал даже на предварительные сборы, проводившиеся накануне чемпионата СССР. Перед женой оправдывался: — Чемпионат в Уфе будет, рядом с твоим родным Юлаевском. Обещаю, что всех завалю.

В Уфу Шарыгины поехали всей семьей, с детьми. На трибуне Катя тайком, прикрываясь шалью, кормила грудью младшего рыжика-шарыжика. На Женьку её молока не хватало, а вот на Сашу открылось целое месторождение.

Мало того, в Уфу из Юлаевска прикатили Катины родители и ещё какие-то родственники. Все жаждали посмотреть на Катюшиного чемпиона. И ему следовало изо всех сил расстараться.

Поединок с Гулевым на сей раз выпал не в финале, а в самой середине соревнований. Шарыгин успокаивал себя: это отлично, сразу расправилось с ним. Его глодало подозрение, что в финале Гулевец окажется сильнее. Но он оказался сильнее Ивана и в середине чемпионата. Шарыгин метался, не в силах ухватить своего закадычного врага: казалось, киевлянин, как тот французик, намазался маслом, выскальзывает из рук Ивана, и в итоге по очкам победу присудили Гулеву. А дальше ещё хуже. Зураб к этому чемпионату набрал килограммы, перешёл в тяжёлую весовую категорию и в следующем поединке попал на Шарыгина.

— Автограф, Ваня, автограф, — улыбался Леванишвили. — Помни про фотографии.

И он одолел Шарыгина. На лопатки положить не смог, но по очкам выиграл. В итоге, на глазах у жены и детей, тестя и тётки, на глазах всех родственников, всей страны Иван Третий занял в чемпионате СССР всего лишь пятое место! Это был один из самых чёрных дней в его жизни.

С ним никто не разговаривал, его не ругали, но и не утешали, ему не сочувствовали, просто отводили глаза в сторону, мол, ты и сам всё видишь, всё понимаешь. А когда вернулись в Красношарск, Папа жёстко произнёс:

— Вот что, дорогой, хочу тебе сказать. Ты, Ваня, в спорте достиг всего, чего мог. Чемпионом страны был? Был. Чемпионом Европы был? Был. Чемпионом мира был? Был. Чемпионом Олимпийских игр был? Был. И всеми этими чемпионами ты навсегда останешься. А теперь пора дать прощальный гудок.

— В смысле? — похолодел до тошноты Иван.

— А что тут непонятного? Прощай, большой спорт!

Дома, делая вид, что ничего не случилось, Иван весело уплетал приготовленный Катей борщ с пампушками в честь поражения от Гулеву и сациви в честь Зураба. Но актёр из него всё же был плохой, сразу видно, что на самом деле ему невесело.

— Я так и знал, что будет борщ и что-нибудь грузинское. Молодец, Катюша. И, главное, всё такое вкусное. Научилась же готовить!

— Я-то да...

— В смысле?... Ага, понимаю. Ты научилась готовить, а я разучился побеждать. Это хочешь сказать?

— А что? Именно это и хочу. Я замуж за чемпиона выходила. Ты Гулеву в семидесятом легко положил, а теперь он тебя точно так же легко по очкам высек! И теперь Гулеву — чемпион СССР, а не Шарыгин. Молодец Вася! В отличие от Ивана, у которого...

— Что у которого? Ну, сказавши А, скажи и Б, всё остальное в КГБ.

— И скажу тебе Б: у Ивана Шарыгина налицо звёздная болезнь. Самая банальная, самая пошлая звездянка. Ну что, ложкой об стол и в Норку?

— А можно было этот разговор, хотя бы не когда я ем.

— Извини, пожалуйста. Действительно, нехорошо. Ешь, мой любимый.

Муж встал из-за стола. Иван Великодушный вступил снова в схватку с Иваном Грозным, который уворачивался, ускользал, будто намазанный маслом. Пришлось идти на балкон, стоять там, смотреть невидяще на двор, по которому он шел когда-то, а Катя играла с племянником и завязывала первые узелки их будущей жизни. Вернувшись с балкона, сел в кресло, взял газету, посмотрел на Катю, усевшуюся в уголке с книгой.

— Что читаем?

— Экзюпери. “Ночной полёт”.

Его любимая книга. Хороший сигнал. Газету — на пол.

— А помнишь, как тогда на мосту через Енисей?

Он ринулся к Кате и снова, схватив на руки, стал кружить по комнате. Она не оттаивала.

— Да хватит тебе дуться! Не бойсь, буду я опять чемпионом! А скоро ещё в кино Поддубного сыграю!

Катя тяжело вздохнула:

— Не нравится мне всё это. У Поддубного судьба была трагическая...

— В смысле, что он потом в нищете умирал? Нам это не грозит. Обещаю!

— Может, не надо тебе в кино сниматься?

— Надо. А то получится ещё одно поражение.

— Тогда ладно, снимайся. Только звездянку лечить надо.

— Вылечим!

Непал — страна скромная. И флаг тому под стать — два красных треугольничка в синем обрамлении, на одном — белая луна, на другом — белое солнышко. Треугольнички символизируют южную и северную вершины самой высокой горы мира — Эвереста. Но в Олимпийских играх непальцы никаких эверестов не покорили, ни разу ни одной медали. И шли они по Большому-О незаметненько.

— Слушайте, мы о спорте пришли говорить или о политике? — кипятился Папа, защищая Ивана от занозистых вопросов трёх журналистов, явно настроенных против советского спортсмена.

После поражения с треском на чемпионате СССР в Уфе Иван понимал, что надо вернуться к прежнему, не либеральному, а диктаторскому режиму тренировок, режиму беспощадной тирании, выжимающему кровь и пот. Но внутри сидел протест, глупый, бараний, самому противный. Наплевать на тренировки, буду в кино сниматься!

Тем более, что второй пробный эпизод должен был стать ещё более увлекательным. В Санкт-Петербурге шестикратный чемпион мира Поддубный побеждает скользкого француза, после чего тот впадает в отвратительную истерику. Затем Иван Максимович побеждает Чёрную маску — сильнейшего борца Александра Гаркавенко, а через два дня в том же Екатеринославе у Ивана Первого схватка с Иваном Вторым — Иваном Михайловичем Заикиным. Вот этот эпизод и был намечен режиссёром как следующий пробный. В нём предстояло окончательно решить, кто будет исполнять главные роли.

— Итак, Заикин помнит, как семь лет назад в Париже он провёл в схватке со своим учителем Поддубным целых шестьдесят шесть минут, больше часа. И Поддубный тогда одолел своего ученика, — наставлял Лебедецкий актёра Наумова, исполнявшего роль Заикина. — Теперь он ещё лучше подготовился и страстно мечтает взять реванш, стать лучше учителя.

Шарыгин прислушивался к наставлениям режиссёра и понимал, что попал в какой-то ненастоящий мир, где он сейчас будет бороться с ненастоящим борцом, изображать, как ему трудно, но он сильнее. В этом мире игры Иван в роли Поддубного победит Наумова в роли Заикина. А в настоящем мире, где ничего не надо изображать, он, Иван Третий, давно уже опозорил славу и Ивана Первого, и Ивана Второго. Там не он, а его кладут на лопатку, выигрывают по очкам, и не его руку поднимает судья к борцовским небесам по окончании поединков.

Загримированный под Поддубного, он с тоской вышел на съёмочную площадку. Встал напротив напыжившегося актёра Наумова, загримированного под Заикина. Это борец? Это смех, а не борец!

— Готовы? Начали!

Перед носом у Ивана ассистентка щёлкнула киносъёмочной хлопушкой.

— “Иван Поддубный”, сцена шестнадцатая, кадр второй, дубль первый. Наумов пуще прежнего принял позу борца. Иван стоял и тупо смотрел

на него. Никаких поз не принимал. Наумов профессионально, по-актёрски, понял, что съёмка срывается, и принял расслабленную позу.

— Стоп, стоп! В чём дело? Что случилось, Иван Николаевич? — тоже уже чувствуя неладное, испугался режиссёр.

Иван посмотрел на него грустным взглядом:

— Да ладно, какое тут кино...

И он сорвал с себя накладные усы, швырнул их на пол. Развернулся и пошёл прочь из мира ненастоящего.

— Иван Николаевич! — кричал Лебедецкий, подобрав усы и семена с ними за Шарыгиным. — Товарищ Шарыгин! Это безответственность!

Идти домой Ивану не хотелось. Он долго бродил туно по городу, даже в кино пошёл и смотрел, не зная, что. “Белый взрыв” давно уже ушёл из проката. Меньше всего ему сейчас хотелось идти к Кате и объявлять ей, что с киношкой покончено. Ведь тем самым он и перед ней капитулировал.

Вернулся домой в час ночи. Квартира спала тихим и сладким сном. Тихо разделся, осторожно подлез под одеяло, но Катя, как оказалось, не спит, оттолкнула его руку, положенную ей на бедро.

— Ты что?

— А ничего! Можешь и дальше в киношках сниматься, а на ковре проигрывать. Пятое место на чемпионате СССР! Стыд и срам! Ты уж выбери, кино или спорт. Звезда ты наша! И не приставай ко мне с поцелуйчиками!

— Катюша... Я сегодня решительно порвал с кино. Отказался от роли.

— Зачем же?

— Затем. Катя, что мне надо немного одному побыть. Поеду в Норку лечить звезданку. Обещаю через неделю вернуться другим человеком.

— А почему без нас?

— Так надо. Понимаешь?

— Не понимаю. Но делать нечего, понимаю.

Папиашвили очень смешно произносил слово “Никарагуа” — “Никара-гауа”, с ударением на “у”. Это страна, расположенная на пуповине, соединяющей Северную Америку с Южной. Во время Монреальской Олимпиады в Никарагуа царил диктаторский режим Анастасио Сомосы, защищавший богатство одного процента населения и нестерпимую нищету остальных девяносто девяти процентов. Но люди не хотели оставаться голодными рабами богатых негодяев, и уже началась революция под руководством Даниэля Ортеги. Сине-бело-синий флаг Никарагуа двигался по стадиону, за ним шли спортсмены, не завоевавшие ни одной медали, но желающие в будущем завоевать для своей страны свободу от ненасытных богачей и их подлых прислужников.

После возмущённого вопроса Папы, что мы пришли обсуждать, спорт или политику, добропорядочный немецкий журналист с презрением посмотрел на своих коллег из Канады, Франции, Италии и Британии и сказал:

— Приносим свои извинения. Господин Шарыгин, намерены ли вы завоевать третью золотую медаль на Олимпийских играх в Москве?

Но не успел Иван ответить, как из-за спины итальянки фыркнуло:

— Если они состоятся!

Иван тотчас же грозно скрестил на груди руки:

— Это ты зря... Они состоятся. Конечно, намерен. Мне будет всего лишь тридцать два. Для борца возраст ещё очень подходящий.

— Ну-ну, — снова фыркнуло из-под козырька бейсболки.

Иван пригляделся:

— Постой... Бавыкин? Ты?

— Вопрос не по существу, — ответила бейсболка. — Меня зовут Эл Боуи. Агентство “Трейтор”.

Но Иван уже видел своего старого знакомого, только никак не мог поверить, что это он.

— А это ты совсем зря... Какой ты Боуи! Ты Бавыкин! Правы были мой отец и братья... Переметнулся, стало быть?

Отправившись в Норку лечить звёздную болезнь, Иван снова с жаждой бросился работать в кузнице, перелопатил всю отцову работу на месяц вперёд, парился в бане, плавал в Енисее, снова ходил на охоту с отцом и братьями и снова не стрелял, а только смотрел, как охотятся они.

— Зануда же ты, Ванька! — сказал ему на это Володя. — Даже противно. Зачем тогда ружье с собой берёшь, патроны?

— Чтобы от вас в случае чего отстреливаться, — со смехом отшучивался Иван.

— Даже противно с тобой, — плюнул Володя. — Мы, значит, кровожадные, а ты у нас хороший, добрый. Запишись в вегетарианцы и не ешь тогда то, что мы нахотим. И вообще, чего ты припёрся!

— Ты чего, Вовка?

— Да ничего, выверил ты меня своим пацифизмом, сволочь!

В сущности, Володя выразил чувства всех — и свои, и отца, и Виктора, и даже шестнадцатилетнего Сашурика, которого с недавних пор стали брать на охоту на общих основаниях и с общими для всех требованиями. Все смотрели на доброго охотника набычившись. А когда сидели все вчетвером у костра, отец сказал:

— Может, ты и проигрывать стал потому, что не хочешь соперников обидеть?

Иван задумался. Тихо произнёс:

— Пожалуй, вы правы. Не надо на охоту ходить в качестве зрителя.

— Во-во! — оживился Володя, и все сразу смягчились, видя, что Иван к ним с повинной подвинулся.

— На охоте, Ваня, важно не только участие, но и победа, — сказал Витя. — А значит, добыча. Которую все заедино вместе добывают.

Разговорились, и Иван впервые честно стал рассказывать о себе, как и почему он зазвездился и стал проигрывать.

— Короче, ждём от тебя новых побед, — подытожил отец.

— Чтоб в Монреале снова был лучше всех, — похлопал младшего брата по плечу Володя.

— Обещаешь? — спросил Виктор.

— Обещаешь? — подквакнул Сашурик.

— Ты мне ещё тут, мелюзга! Ладно уж, обещаю, что с вами поделаешь. Черти кровожадные!

— Молодец, Ваня, берём тебя обратно в свою компанию, — засмеялся отец.

— Да выверили они меня уже, все эти Гулебенки да Каменные Руди! — едва не бил себя в грудь кулаками чемпион.

Потом говорили о Норке, какие всякие есть новости.

— Говорят, Бавыкин-то уже где-то в Америке, — сказал Виктор.

— Да ну? — удивился Иван. — Впрочем, ничего удивительного, туда ему и дорога, подлецу!

Норвежцы — народ суровый, северный, потомки викингов, некогда завоевавших пол-Европы. В зимних видах спорта они всегда берут много медалей, в том числе и золотых. В летних поскромнее, но тоже не являются на стадионы в качестве просто участников или зрителей. В Монреале — одно золото и одно серебро. Красивый норвежский стяг с синим крестом в белом обрамлении на красном поле гордо развевался в руках тяжелоатлета Лейфа Енссена.

Алик Бавыкин с детства любил Норвегию, читал много книг о ней: “Фрам”, потом Стриндберг, Ибсен, Гамсун, мечтал побывать в стране каменных скал и обрамлённых изумрудной зеленью фьордов. Где-то в глубине души в нём таился романтик, любящий суровую северную природу.

Жизнь его покатилась под откос, причём почему-то именно с того дня, когда он нахамил Шарыгину, а Шарыгин ему навалил. Всё началось с того, что посадили Трифона Ермолаевича. Хищения в крупных размерах. Но это ещё полбеды! Полетел со своего поста и высокопоставленный тесть. Да и у самого Алика к тому времени быстро рыльце оказалось в пушку.

Надо было сие рыльце спасать. И, прихватив беременную жену, Алик Трифонович воспользовался командировкой в Норвегию, чтобы попросить в любимой стране политического убежища. Якобы его предки владели в Сибири золотыми приисками, их потом разорили большевики, а нынче припомнили и посадили безвинного Трифона Ермолаевича. Норвежцы всегда были России недруги, легко присвоили Бавыкину статус политического беженца. В Осло Надя родила первенца, которого счастливый папаша назвал в честь Гамсуна — Кнут.

— Хорошее имя, — убеждал он жену. — Всем недоброжелателям будет острастка.

Но в Норвегии прижиться не удалось, там не очень-то залезешь в карман государства, заработки оказались ничтожными, и Бавыкины переместились в Канаду. Надя была беременна вторым сыном, которого родила уже в Торонто. Этого назвали Джорджем. Такие славные малыши — Кнут Бавыкин и Джордж Бавыкин. Но сочетание имён с фамилией показалось отцу нелепым, и он легко переделался из Бавыкина в Боуи. И даже своё имя Алик сменил на Эл. Получилось даже остроумно — “элбоу” по-английски “локоть”. А на Западе имей крепкие локти и знай только распахивай ими всех остальных! В Канаде ему подфартило: перед Олимпийскими играми возникла нехватка русскоговорящих журналистов, ненавидящих СССР. А таланты журналиста у Эла Боуи проявились ещё во время учёбы Московском торговом институте. И, пару лет помывавшись после бегства за границу, бывший Алик снова оказался на коне. Агентство “Трейдор” платило хорошие деньги тем, кто, весь исцарапанный, весь в ожогах, вырвался из коммунистического ада. Репортажи о бедственном состоянии советской Сибири шли нарасхват.

А тут ещё Олимпийские игры и гнусный Шарыга, самоуверенный болван с накаченными мышцами и одной извилиной в голове. Пришла пора с ним навсегда расквитаться!

— Господин Шарыгин, — продолжал миндальничать с болваном немецкий чистоплюй. — Когда в Мюнхене Александр Медведь стал в третий раз олимпийским чемпионом, он поцеловал ковёр...

— Да, было дело. Красивый поступок, — сказал Шарыгин.

— Если вы станете, как и он, троекратным олимпийским чемпионом, вы поцелуете олимпийский ковёр в Москве?

— Я придумаю что-нибудь своё.

Эла Боуи испепеляла ненависть:

— Если только Олимпиада в Москве...

Но Иван не дал закончить это “если”, твёрдо припечатав:

— Состоится!

Вернувшись из Норки после успешного лечения звёздной болезни, Иван первым делом разругался с женой. Но на сей раз не он, а она оказалась виновницей ссоры. Едва перестав кормить грудью Александра Ивановича, — а именно так любил называть сына Шарыгин, — Катя стала покуривать. И по возвращении из родных краёв Иван обнаружил полную пепельницу окурков.

— Что с тобой будет, ежели ты с девятнадцати лет курить взялась не на шутку! — бушевал в справедливом гневе муж. — Скоро в доме не продохнуть будет. А к двадцати пяти годам скуришься на фиг!

— Что значит “скуришься”? Звучит, как “скурвишься”. Обидно, вообще-то!

— Это ты зря.

— Ага, понятно. Дальше скажешь: “Это ты совсем зря”, потом “Это ты совсем ни к чему”, а потом кости мне переломаешь?

— Это ты совсем зря.

— Ну-ну, давай. Я тут месяцами, я тут годами одна кукую! Разве о такой жизни я мечтала? Нет, я не хочу такой жизни!

Дети смотрели на ругань родителей и тихо плакали. Почему-то Женька жалела маму, а Александр Иванович — папу, хотя обычно бывает наоборот.

Папашвили встретил повинную Ивана в штывки. Шарыгин, как дурак, в костюме и галстукe, стоял на кромке ковра, на котором Папа тренировал своих новых бойцов.

— Это всё, что вы хотите мне сказать?

— Всё, ёльки-пальки! Ты больше не борец, ты депутат, партийный начальник, актёр! Короче, звезда. Вот и иди — депутатские обязанности, карьерный рост в партии, в кино снимайся, а на ковёр больше не лезь!

— Сам знаю, что мне делать.

— Знаешь, так и иди, не мешай мне новых чемпионов воспитывать. Настоящих, а не зазнаек.

Ночью, лёжа на спине и глядя в потолок, Иван вздыхал так, что будь рядом сицилийцы, они бы испугались, что проснулась и вздыхает Этна. Катя, прижимаясь носом к могучим рёбрам мужа, сказала:

— Домой к нему иди.

— Не пойду. Пошёл он на фиг! — отозвался Иван.

Летающая тарелка выплыла из святилища кухни и приземлилась на столе, полная “инопланетян”, дышащих ароматным паром, заманчивых. Сидя перед беззащитными горячими “инопланетянами” с виноватым видом, Шарыгин прибегнул к приёму неприкрытой лести:

— Тамара Петровна, а ведь моя Катя очень хорошо научилась готовить пельмени. Но когда я ей говорю: “Как у Тамары Петровны”, — она возражает: “Почти”.

Жена Папашвили наложила мужу и гостю штук по сорок пельменей каждому. Папа сделал вид, будто не слышал льстивых слов своего бывшего ученика. Так он назвал Ивана, когда тот явился к нему домой:

— А, бывший мой ученик? Ну, заходи, гостем будешь. Хочешь, не хочешь, а мы, грузины, вынуждены соблюдать законы гостеприимства.

И теперь, глядя, как Георгий Михайлович принялся пожирать “инопланетян”, Иван решил, что не притронется к дивному яству, прежде чем не решит проблему.

— Я хочу начать всё сначала, — сказал он так грозно, как если бы намеревался следующим движением повалить Папашвили.

Тот съел ещё пару “инопланетян”. Подумал. Съел ещё одного.

— Ну, если решил, то готовься. Начинать будем, как говорится, с белого листа, ёльки-пальки! Понял ты? И отныне Папа — твой хозяин, а ты — его раб! Понял ты?

— Понял.

— Тогда жри давай!

Уже на следующий день Шарыгин вернулся к прежней диктатуре тренировок, бегал до изнеможения свои ежедневные полста километров по окрестностям Красношарска, мимо знаменитой часовни Адриана и Наталии, через Медный бор, по крутым тропам на вершину Красного Шара и дальше вниз, туда, где к воде решительным шагом подходила другая известная скала — Великан. Каждый день тренируясь в спарринге, доводил себя до иступления, до безумия, стремясь восстановить и преумножить былую силу и власть над своим телом. Дошло до того, что однажды, подбегая к Великану, он хорошо увидел, как исполинская ярко-розовая скала двинулась в его сторону и совершила неверное движение, которое он подметил и уже знал, как сделать подсечку, перевернуть Великана и мельницей бросить его на лопатки прямо на глянцевою гладь Енисея.

Добежав до реки, Иван вытаскивал припрятанное там ведро и обливал его холодной водой. Потом бежал обратно.

Папа видел старания Шарыгина, но только ругался, только орал на него, будто у Ивана ничего не получается. А Иван знал, что дело пошло, и чувствовал, что Папа доволен.

То же самое было в доме. Иван расхаживал по квартире в одних трусах, красивый, как античный бог, и сердито спорил с Катей:

— А я говорю, что вернусь в большой спорт!

— Громкие слова!

— Спорим?

— Спорим!

— Если вернусь, то ты бросишь курить навсегда!

Катя неожиданно для себя и своего мужа втянулась в курение. Тайком, стараясь, чтобы часа за три до встречи с Иваном, выкуривала несколько сигарет, а без этого чувствовала себя нервной и злой. А он всё равно безошибочно учуивал и ругался.

Сам Иван вошёл в свою лучшую форму: стометровка — одиннадцать секунд, отжимание от пола — обычно сто двадцать, а иногда до ста пятидесяти раз, по канату вверх и вниз на пять метров — по пятнадцать раз без передышки, и каждый день — сибирский марафон.

Наконец, и Папа впервые улыбнулся:

— Вот теперь я вижу, что ты не дурак. В этом году ты должен всех погнать, ёлки-пальки, потому что в следующем году — Монреаль. Не повёшь, я тебе лично голову откушу!

На международном турнире в Ереване Шарыгин занял первое место и завоевал себе право участвовать в чемпионате Европы. Но в Ереване не было ни Гулебенко, ни Леванишвили — и киевлянин, и тбилисец заболели.

Европа предмонреальского года проходила в немецком Кенигсвальде. И здесь Ивану необходимо было во что бы то ни стало повалить Каменного Руди. Шарыгин чувствовал, что способен на это, он знал, какое неверное движение сделает скала Великан. Но спорт нередко преподносит сюрпризы. Штайнберг оказался в плохой форме и сошёл с дистанции до полуфинала. В финале же Шарыгину достался доселе не известный ему болгарин Коста Димов, по очкам победивший и Штайнберга, и нашего Леванишвили. Шарыгин уложил Димова на лопатки в своём мюнхенском стиле — на тридцать пятой секунде поединка. Второе после Катовице Иваново европейское золото!

— С возвращением, Ваня! — крикнул ему Папиашвили, глядя, как Иван протягивает руку поверженному сопернику.

На Олимпийских играх в Монреале Новая Зеландия оказалась в центре внимания. Мировое сообщество давно уже бойкотировало Южную Африку за сохранение режима апартеида. И вдруг перед Олимпиадой новозеландцы бросили всему миру вызов — сборная Новой Зеландии по регби провела матч со сборной ЮАР. Африканские страны потребовали исключения Новой Зеландии из списка стран-участниц игр в Монреале, но Международный олимпийский комитет игнорировал это требование. В ответ все страны Африки и присоединившийся к ним Ирак бойкотировали Олимпиаду в Канаде, запретили своим спортсменам отправляться в Монреаль. Сами новозеландцы спокойно приехали и, мало того, завоевали две золотые, серебряную и бронзовую медаль. Знамя островного государства, лежащего под боком у Австралии, очень похоже на австралийское, только на нём четыре красные звезды на синем небе, а у крыжа всё тот же британский Юнион Джек.

Трибуны горячо приветствовали новозеландцев и их знаменосца — борца в среднем весе Дэвида Эспина. Ещё бы — сколько чернокожих африканцев и смуглых арабов не приехало в Канаду благодаря скандалу!

До выхода советской сборной оставалось ещё двадцать четыре страны. Шарыгин продолжал своё интервью с удовольствием — оно позволяло ему отвлекаться от волнующих мыслей.

Итальянка, наконец, влезла со своим вопросом:

— Господин Иван, вы так хорошо помните, сколько секунда бороли каждый спортсмен? Или вы говорите это... Как это...

— От фонаря?

— Простите?

— Ну, так у нас говорят.

— From the bulldozer, — произнёс по-английски Эл Боуи.

— По-вашему, от бульдозера? — стрельнул в его сторону Иван. — Нет, я не от бульдозера. Просто у меня память на цифры... Вот напишите на листочке десять цифр, назовите их мне, а я вам повторю в обратном порядке.

— Это правда? — итальянка поспешила достать из сумочки блокнот, авторучку, приготовилась писать.

- Вы готовы?
- Готов. Можете произносить цифры, не слишком медленно.
- Сем, один, один, четири, восемь, один, один, один, зеро, девет, сем, — продиктовала итальянка, записывая цифры себе в блокнот.
- Тут даже не десять, а одиннадцать, — сказал Иван. — А единиц-то сколько! Ну, да ладно. Готовы?
- Готова.
- В обратном порядке: семь, девять, ноль, один, один, один, восемь, четыре, один, один, семь. Правильно?
- Итальянка от восторга вспомнила о своём родном языке:
- Incredibile! Fenomenale! — Невероятно! Феноменально!
- Иван усмехнулся:
- Сделано в Сибири!
- Вы что, сьюпермен? — фыркнул англичанин.
- Нет, я простой крестьянский парень. Сын кузнеца.

Удивительная память и стремительность ума позволяли Ивану не только мгновенно реагировать на промахи соперников или не заводить телефонную книжку, а все телефоны помнить наизусть. И он не только для запоминания стихов и песен использовал память. В карточной игре, особенно где надо было помнить, какая карта уже ушла, а какие должны остаться на руках, Шарыгину не было равных. Нередко, расслабляясь до или после поединков, он игрывал со своими товарищами по вольной борьбе, но они понимали, что не имеют шансов на выигрыш, и продолжали шлепать картами только ради интереса — посмотреть, как Иван лихо обыгрывает всех, кому не лень с ним состязаться. Играли либо на какой-то глупый поступок, который должен был совершить проигравший, либо на денежный интерес, но, как говорится, по копейке. А самому Ивану просто было забавно считать карты, отслеживать ушедшие взятки и сбросы.

Глупо, конечно, но когда приехали в Киев на очередную Спартакиаду народов СССР, полночи перед началом соревнований Шарыгин шлепал картами с весёлыми гостями своего номера. Папу вызверило, когда он зашёл к нему в три часа ночи и увидел это неслыханное нарушение режима. Но на другой день Иван уверенно стал побеждать одного за другим всех соперников и дальше без труда двинулся к финалу. Через три дня в полуфинале ему, конечно же, достался Гулебенко. И снова — один-единственный балл! Как это получилось, Шарыгин не мог объяснить. Он чувствовал, что сейчас сильнее Василия, но в какой-то миг ошибся, сбросил не ту карту, и в финал на тбилисца вышел не сибиряк, а киевлянин.

Увидев, что схватка окончена не в пользу воспитанника, Папа взвыл жутким голосом и побежал вон из зала. Столько стараний, и всё напрасно! Когда Иван нашёл его в раздевалке, Папашвили жестоко хлестнул его:

— В Норку, Ваня, в Норку!

Обиднее всего, что в финале Леванишвили легко расправился с Гулебенко, а значит, мог и Шарыгина одолеть. Стоя на третьей ступеньке пьедестала и получая на шею всего лишь бронзу Спартакиады, Иван малодушно размышлял: “А может, и вправду я достиг своей планки и выше уже не прыгнуть?”

Папа был неумолим и беспощаден:

— В картишки, Ванюша, надо побольше играть. Может, вообще, перейдешь в эту область деятельности? Можно в поездах ездить, обланошивать разных губошлёпов, неплохо зарабатывать.

— Георгий Михайлович...

— Что, Ваня? Я думал, ты скала, а ты... Перед Гулебенко ты оказался липишутом.

И на чемпионат мира, который проходил в Москве, Шарыгина взяли только в качестве зрителя. В тяжёлом весе нашу сборную представляли киевлянин и тбилисец. Когда Шарыгин предложил Кате вместе полететь в Москву, жена уколола:

— Ну уж нет. Лети без меня. Не забудь дудочку, трещоточку, что там зрителю полагается иметь при себе. Бубен.

— Ладно, — злобно ответил Иван.

Он твёрдо решил полететь в столицу, пусть и в качестве зрителя. Подумал, если не полетит туда, все будут ехидничать: “Ваня, как всегда, в Норку”. Ему же всем своим видом надо показать, что ему по фиг, мы ещё своё погодим маленько, а потом, как в том любимом анекдоте Папы, спустимся и возьмём всё стадо.

Этот чемпионат оказался очень интересным, новым. Отменили ничью на предварительном этапе, возможна стала только победа. Отныне наиболее эффектные амплитудные броски стали оцениваться гораздо выше, чем раньше. Теперь, если бросок начинался на ковре, а заканчивался за пределами ковра, баллы засчитывались. А выходы за пределы ковра стали наказываться строже.

Московский чемпионат мира стал триумфом сборной СССР — двенадцать золотых медалей из двадцати, а в греко-римском стиле — восемь из десяти, неслыханный рекорд, который потом никогда не будет побит. В вольном стиле в той весовой категории, в которой должен был выступать Шарыгин, сильнее всех оказался Каменный Руди, в полуфинале Штайнберг положил нашего киевлянина Гулебенко, а в финале — нашего тбилисца Леванишвили. Зураб ограничился серебром, а Вася — бронзой. Понимая, что это нехорошо, но в глубине души Шарыгин тоненько так злорадствовал.

Чемпионом мира стал и Броневинок. В самой лёгкой весовой категории до пятидесяти килограммов Шустиков в финале уложил на лопатки сильного болгарского борца Ису Магомедова. Иван с удивлением узнал, что и среди болгар попадаются мусульмане.

А в среднем весе засияла восходящая звезда, впервые сверкнувшая на недавней, чёрной для Ивана, Спартакиаде. Звали вундеркинда Борис Вале. Как выяснилось, дедушка Бориса по отцу был француз.

— О, возвращается французская борьба, — узнав об этом, усмехнулся Шарыгин.

Эдак он ещё дорастёт и до тяжёлого веса, и придётся Ивану с ним бороться, как некогда Поддубному со скользким французом ле Буше. Так со смехом размышлял Шарыгин. Как ни странно, несмотря на то, что в чемпионате мира не пришлось поучаствовать, он пребывал в превосходном настроении, в предвкушении великолепных побед, которые не за горами.

— Ну, что теперь будем делать? — задорно и с вызовом спросила Катя.

— Вернёмся к нашим баранам, — ответил Иван, принохиваясь. Но вроде бы табачищем не пахло, видать, собрала силу воли. — Ну, где там твои борцы, сациви, бараньи лопатки по-немецки?

— Сегодня паровые трещотки в майонезе и жареный бубен.

— Зашибись!

Команда Пакистана в Монреале обозначилась бронзовой медалью в хоккее на траве — уже не зря приехали ребята на Олимпиаду, имели право пройти по дорожке стадиона со своим зелёным знаменем, на котором сияли белая звезда и белый полумесяц.

Итальянка задала совершенно неожиданный вопрос, показавшийся Ивану наглым:

— Скажите, Иван, нельзя ли мне как журналисту посмотреть ваши апартаменты? Потом, после. Хотелось бы видеть, как живут советски спортсмены.

Иван даже покраснел.

— Как журналисту ещё можно было бы, но как журналистке — нельзя. Я, простите, женат.

Все засмеялись. Кто-то простодушно, а кто-то злобно.

— Из партии исключат! — громко вставил свою спицу Эл Боуи.

В партии Иван состоял не ради карьеры, а по убеждению. Он действительно и твёрдо верил в дело коммунизма, в то, что рано или поздно будет построено самое совершенное в мире общество. Просто должен прийти новый руководитель, более строгий, чем Брежнев, взять за задницу всех недо-

бросовестных, вороватых, взяточников, карьеристов, шмоточников, потенциальных предателей и, пусть даже как в своё время Сталин, очистить страну от заразы. Ведь когда лечат больного, его организм не спрашивают, хочет ли он принимать в себя лекарства или согласен ли он, организм, на проведение операции. А то, что страна больна, Иван, как и большинство граждан, не мог не видеть. Придёт хороший хирург и возьмётся за дело, излечит, а пока что таким, как Шарьгин, надо готовить больного к хирургическому вмешательству. И он продолжал не только тренироваться, но и работать в выборных органах, оставался депутатом областного совета, помогал людям, чем мог.

Осень перед монреальским годом выдалась на редкость спокойная, ясная, чистая. Иван и Катя переживали как будто заново свою любовь. Женьке исполнилось четыре года, Александру Ивановичу — два с половиной, и детей уже можно было оставлять на попечение Чумаковых, которые по-прежнему жили в том же доме двумя этажами ниже. Можно было сбежать на дачу, которую Иван отгрохал в живописнейшем уголке Красношарской области — в посёлке с приятным названием Сметанино. Далековато, шестьдесят километров, но зато воздух такой, какого нет нигде во всём мире; озеро Сметана — вода чистейшая и вкусная, и впрямь, как сметана, можно плыть и пить её. Выходишь из своего дома, и вот он — песчаный пляж, песочек белый, как снег. Лодка, рыбы в озере — тьма, а рядом лес, в лесу грибов — море, особенно хороши маслята, выглядывающие из мха, как малыши из пеленок.

Этой осенью они как будто заново встретились и полюбили друг друга самозабвенно, бешено, упоительно.

— Мне кажется, мы ещё не любили друг друга так сильно, как в эту осень, — призналась жена.

— Мне тоже, — признался муж.

Вот только третьего ребёнка Катя не хотела:

— Потом, позже. Сначала Монреаль, потом Москва. Хочу всегда быть рядом, надоело быть женой телевизора. Ты где-то там, далеко, а я сижу неделями, как последняя ссс... — Она на секунду задумалась, а что, собственно, “ссс...”, и закончила фразу: — ...сссвятая.

Иван захохотал.

— А что? А что я такого сказала?

— “Как последняя святая!” Это очень точно сказано! В самую точку.

— Да ладно тебе.

— Ты у меня последняя святая, Катюшка! Так теперь и буду тебя величать.

— Вот только попробуй. Обижусь, знаешь, как!

— Боюсь только, в Монреаль тебя не пустят со мной.

— А в Москву не смогут не пустить. И на другие соревнования. По Союзу так уж точно.

Ллойд Лабич завоевал бронзу в беге на сто и двести метров, но это было давно, в Лондоне, и с тех пор команда Панамы медалей не получала, в том числе и в Монреале, где шествие олимпийцев стало постепенно двигаться к завершению и над стадионом плыл сине-бело-красный панамский флаг с красной и синей звёздами в белых, расположенных по диагонали друг против друга, шашечках.

Следом за Панамой под красно-чёрным стягом с белыми звёздами и золотой райской птицей шли спортсмены Папуа—Новой Гвинеи, никогда не завоевывавшие никаких олимпийских наград.

— Во, Папуасия пошла, — тяжело вздохнула Катя, сидя дома в Красношарске перед “Рубином-714”, который продолжал глупо и настойчиво подмигивать ей, мол, будь тебе, Катюша, всю жизнь моей женой. В ящике стола пачка “Мальборо”, пошискивала, как мышь, посылая Кате сигналы: “Он ещё не скоро придет, успеешь проветрить”.

— Да что же это такая тоска на сердце! — почти взвыла Катя от тяжелейшего предчувствия. Если б хотя бы дети не спали, возились рядом, мешали смотреть, ныли, ссорились друг с другом, и то легче. Ей казалось, что с Иваном должно произойти что-то плохое, непоправимое, страшное. И она сама себе говорила: — Да что может случиться-то!

Но ведь с людьми часто случается что-то неожиданное, после чего вдовы навсегда остаются женами телевизоров.

Она не выдержала, встала, подошла к столу, вытащила соблазнитель из ящика, открыла им окошко и вытащила один белый длинный цилиндр, впила в него ноздрями — до чего же душистый запах! И дым ароматный, только потом всё это превращается в смрад, который Ивана, по его любимому выражению, выверивает.

— Нет, не буду, — решительно произнесла Катя и впихнула сопротивляющийся цилиндр обратно в красивую картонную тюрьму.

Та прекрасная осень плавно перетекла в столь же прекрасную зиму, полную любви, морозного воздуха надежд, счастья. Вскоре после Нового года Катя впервые отправилась вместе с мужем за границу — его всё же послали на Кубок мира в американский Толедо, а ей каким-то чудом или благодаря его бурной партийной и общественной деятельности разрешили полететь с ним. И это при том, что обычно советским гражданам сначала разрешали поездку за рубеж в страну соцлагеря, потом в какую-нибудь нейтральную страну типа Индии, и лишь после множества проверок — в капстраны, а в США — в самую последнюю очередь. Но тут и впрямь чудо — сразу же в США.

В Толедо зрители ещё помнили, как русский Иван радовался рождению сына, и теперь устроили оvation и ему, и его жене.

— Чего это они? — удивлялась Катя.

— Просто уважают.

— С чего бы это?

— Да в целом-то они нормальные люди. Многие даже такие же, как мы, не хуже.

В Америке Кате очень понравилось, но, чтобы хранить марку, она сказала про озеро Эри:

— Наша Сметана гораздо красивее.

А особенно ей, конечно же, понравилось, как Иван легко одолел всех своих соперников, и Рокки, и болгарина Гачева, и в финале — Зураба. Жаль, что не было ни Гулебенко, ни Штайнберга. Но, как бы то ни было, а Иван Третий снова стал обладателем Кубка мира.

Когда ему вручали приз, с трибун кричали:

— Son! He has a son! — Сын! У него есть сын!

А уже вечером, когда всех наших пригласили в ресторан, там музыканты исполнили наспех сочинённую песню:

*Russian Ivan,
he is the one,
and he has a son,
red as a sun, sun, sun, sun, sun! —
Русский Иван,
он такой один,
и у него есть сын,
рыжий, как солнце, солнце, солнце, солнце, солнце!*

А если для рифмы, то —

рыжий, как блин, блин, блин, блин, блин!

И это было так весело, так прекрасно. Америка, к которой мы все привыкли как к чему-то извечно враждебному и ненавидящему нас, вдруг представляла перед Катей вполне человеческой страной. За всё время в Толедо лишь одно пятнышко ссоры на почве всё того же курения, будь оно неладно! А так всё прошло идеально. На полученный за победу гонорар купили целый воз подарков всем, всем, всем — красношарцам, норчанам и юлаевцам.

— Вот видишь, что бывает, когда я с тобой вместе! — ликовала Катя. Счастливее её не было в ту зиму человека.

Да и в ту весну тоже.

Все соревнования смещались, уступая лето целиком и полностью Монреалу и подготовке спортсменов к нему. Толедо прошло в феврале, а Европу назначили на апрель, и проходила она у нас в Ленинграде.

— Какой город, Иван! Какой город! — восхищалась Катя.

— Что, не хуже, чем в Америке? — иронично вскидывал бровь Шарыгин.

— В Америке очень хорошо, — вздыхала Катя. — Но наши города по-своему лучше. Не такие богатые, даже обшарпанные, а какая-то в них есть особая красота. Особенно здесь, в Ленинграде. Ну, ты только посмотри на этих коней, на этот мост! Сколько раз видела на фотографиях и в телевизоре этом ненавистном, а сейчас наяву... Какая смелая и стремительная красота, какая сила!

— Тебе бы книги писать, слог такой изящный, я бы не смог так выразить, — обнимал жену Иван, прижимал к себе. — Давай ты окончишь филфак и станешь писательницей, напишешь книги о борцах, я тебе всё буду подсказывать. О Поддубном, Заикине, Иваницком, Медведе.

— Шарыгине.

— Ну, и о нём, конечно же, что он — рыжий?

— А он рыжий, рыжий, рыжий!

Русский белогвардейский генерал Беляев, ставший после гражданской войны беженцем, оказался в Южной Америке, в Парагвае заново построил армию, оказавшуюся весьма грозной в войне с Боливией. Но это было давно, в тридцатые годы двадцатого века, и на спортсменах Парагвая бывшая доблесть участников войны с Боливией никак не отразилась. В Монреале под сине-бело-красным флагом с государственным гербом на одной стороне и печатью государственного казначейства — на другой шла совершенно беззубая олимпийская парагвайская сборная.

Флаг Нидерландов — такой же сине-бело-красный, как у Парагвая, только без герба и печати казначейства. Зато в Олимпийских играх голландцы всегда завоевывали медали, и нередко им доставались золотые. В Монреале золота не было, но две серебряных и три бронзовых медали они взяли, и капитан команды по хоккею на траве Андре Большой мог заслуженно нести по Большому-О знамя своей страны, в которой живут мужественные и трудолюбивые люди, отвоевавшие территорию у моря.

В отличие от Кати, здесь, в селе Норка, расположенном на противоположном конце земного шара, ни у кого не было никаких дурных предчувствий.

— Нет, всё-таки я не понимаю, с какого хрена после Парагвая идут Нидерланды, — возмущался восемнадцатилетний Александр Шарыгин. Осенью ему предстояло идти в армию. — Где пэ, а где нэ, объясни мне, Тоня.

— Ну, Сашурик! Ну, ведь у всех народов всё по-разному называется. Мы говорим: “Париж”, — а по-французски: “Пари”.

— Пусть они тоже говорят: “Париж”.

— Здравсьте! Мы говорим: “Германия”, — а по-немецки: “Дойчлянд”. Языки-то разные, и названия по-разному произносятся. Нидерланды переводится как “Низменные земли”, а по-французски это “Пэи-ба”, стало быть, на букву “пэ”.

— В нашем доме прошу не выражаться, — засмеялся отец.

— А что я такого сказала?

— Повторять не будем. Ну, скоро там советская сборная пойдёт?

— По идее, уже недолго осталось ждать.

В апреле, когда Монреала уже оставалось ждать недолго, в Ленинграде на чемпионате Европы Иван Шарыгин предъявил неопровержимые доказательства того, что в тяжёлом весе he is the one — он и только он сможет взять олимпийское золото.

Дворец спорта “Юбилейный” трещал от наплыва зрителей. Такого интереса к борьбе не было ещё никогда, и хотелось думать, что это потому,

что есть он — Иван Третий, чья сила, красота, ум и стремительность восхищают людей не меньше, чем те же качества у Первого и Второго Иванов — Поддубного и Заикина.

Леванишвили весной сильно болел. Поправившись, быстро восстановился, но веса не набрал и выступал теперь в полутяже. Один из троих главных соперников таким образом отпал. Оставались Гулебенко и Штайнберг.

Иван с первых минут той Европы пошёл в наступление, как наши в сорок пятом: *буря и натиск!* Первым соперником оказался чех с невалимой фамилией — Ярослав Непал. Но он пал на двадцатой секунде схватки — туше! Болгарин Коста Димов оказался крепче, но не выстоял и минуты: схватка закончилась неопровержимым туше на пятьдесят девятой секунде. Турок Эркин Карагучлю сдался на сороковой секунде и тоже — туше. Ураган, тайфун, торнадо, буря, смерч, вихрь — во всех спортивных газетах мира журналисты не отличались особой изобретательностью при описании действий Ивана Третьего. В Ленинграде повторялся Мюнхен. В полуфинал вышли Шарыгин против Цвингау и Гулебенко против Штайнберга. В финале могли сойтись либо двое из ГДР, либо двое из СССР. В любом случае, при победе Ивана ему доставался один из его *закадычных врагов*.

Чтобы расправиться с Густавом Цвингау, ему хватало минуты и трёх секунд — и немец оказался на лопатках! А Гулебенко со Штайнбергом бились насмерть до последнего свистка судьи, и киевлянин вкусил, что такое одно лишнее очко, за счёт которого он так часто выигрывал и которое теперь досталось не ему. Прощай, Вася! Здравствуй, Руди!

Иван предвкушал нелёгкую борьбу и был даже изрядно разочарован, когда Каменный гость из Берлина оказался на лопатках уже на сорок девятой секунде. Видимо, слишком много сил потратил на покорение Украины.

В это трудно было поверить: точное повторение рекорда скорости, поставленного в Мюнхене, в среднем по минуте и три секунды на каждого соперника! Такого никто никогда не добивался. А Иван смог.

— Ну, что скажете, Георгий Михайлович? — спросил Иван, отходя от ещё тёпленького Руди и первым делом подойдя к Папе.

Папа сделал вид, будто двоечник впервые в жизни написал на три с минусом:

— Ну, что же, неплохо, неплохо. Если так и дальше пойдёт, из тебя даже может получиться хороший спортсмен.

Шарыгин схватил его, забросил себе на шею и с тренером в виде всадника вышел к реву трибун “Юбилейного”. Папа расплывался в широченной улыбке, казалось, он только что отведал пару десятков сваренных царицей Тамарой “инопланетян”. Шарыгин спросил, нельзя ли ему и на пьедестал почёта подняться с Папиашвили на шее, но ему строго дали понять, что не понимают подобных шуточек.

Можно, конечно, злобно скрипеть зубами, мол, дома не только стены помогают, но и судьи, однако факт остаётся фактом — гимн Советского Союза под сводами “Юбилейного” звучал девять раз, и только одиннадцать раз — гимны других стран. И девять раз к потолку дворца спорта северной столицы медленно взлетало знамя твоих побед, Родина. В лёгком весе чемпионом Европы стал Броневичок Шустиков, в других весовых категориях — Виталий Рюмин, Сергей Черноглазов, Борис Вале, Зураб Леванишвили, Иван Шарыгин, да ещё трое в классическом греко-римском стиле.

— Фурун, настоящий фурун! — радостно булькал Папа, изрядно взявши на послечемпионатном банкете.

— Фурун, Георгий Михайлович, — поправляла его Катя.

— Какая разница! — махал рукой Папиашвили. — Женщина! Ты почему явилась на ристания мужчин?

Все от души ржали, а Папа спрашивал Ивана на ухо:

— Я правильно произнёс: ристания, а не дристания?

— Кажется, дристания, — отвечал Шарыгин и получал от Папы легонько в челюсть:

— Не серьёзный ты человек, Ваня! Мне в своё время за тебя чуть голову не откусили.

За послевоенные годы советские русские люди привыкли считать поляков такими же самыми близкими братьями, как белорусы, украинцы и болгары. И не знали, что многие украинцы всерьёз мечтают об украинской независимости от общего дела, а очень многие поляки тайком на своих кухнях говорят о том, как они по-прежнему своей вековой ненавистью нас ненавидят. В семидесятые годы ещё не появился профсоюз “Солидарность”, который начнёт борьбу за отделение Польши от социалистического лагеря, и пока сохранялась видимость какого-то братства. В те времена жители СССР ещё очень радовались успехам братьев-поляков, не зная, что братья-поляки успехам своих восточных соседей не радуются. В Монреале польские спортсмены достигли своего лучшего результата — семь золотых, шесть серебряных и тринадцать бронзовых наград, шестое место в общекомандном зачёте. Гордо развевался над стадионом бело-красный польский флаг, бывший когда-то знаменем всех восстаний против России и утверждённый как государственный после обретения независимости, которую подарила Польше Великая Октябрьская революция.

— Скажите, господин Иван, — обратилась к Шарыгину журналистка-француженка, — почему советские спортсмены-мужчины на открытии Олимпийских игр были в красных костюмах, а на закрытии — в белых. Что это символизирует?

— Ну, это уж вопрос не ко мне, — засмеялся Шарыгин. — А классные нам пошили формы, согласитесь! Самые лучшие. Кстати, сразу видно, что вы француженка. Только француженке пришлось в голову задать такой вопрос.

С блеском победившего на московском чемпионате Европы Шарыгина освободили от одесского чемпионата СССР, и вместо города на море Иван с женой и детьми отправился в свою родную Норку. Самая счастливая полоса отношений с Катей продолжалась. Весь июнь Иван усиленно тренировался, причём не только под наблюдением Папы, но и под строгим оком жены.

Однажды устроили забег по трассе из Красношарска в их дачное Сметаново, шестьдесят километров. Катя с детьми ехала в машине, а Иван бежал следом в некотором отдалении, дабы не слышать запаха выхлопных газов. Дети сидели на заднем сиденье, Женька всё что-то лопала, она обожала мамины пирожки, которые Катя научилась печь лучше всех, а Александр Иванович жалел папу... Он смотрел в заднее окно недавно купленной новой модели “Жигулей” и канючил:

— Ма-а-а-ма! Ну, давай возьмем папу!

Иван продолжал свой героический пробег. Саша не мог понять, почему папа бежит, а они едут, и уже рыдал:

— Ну, ма-а-а-а-ма! Папа устал!

— Не ныть! Папа тренируется, понятно тебе?

Но сынок не хотел понимать и переживал.

Точно так же не хотела понимать и переживала Катя, когда было строго объявлено, что на предолимпийские сборы в Москву все спортсмены обязаны ехать одни, без жён.

— Тайком поеду! В чемодан свернусь! Ну, что за изуверское отношение к самым близким людям! Ладно на сами Олимпийские игры, хрен с вами, не пускайте, а на сборы-то! Какое-то мракобесие!

В чемодан к Ивану её, конечно же, тоже никто не пустил, и бедная Катя опять осталась сидеть с детьми в Красношарске:

— Перехожу в статус жены телевизора. Пожалуй, возьму его фамилию: Екатерина Рубин. А что, тоже красиво звучит.

Ещё в 1936 году в Олимпийскую хартию было вписано положение, обязующее все команды иметь единую экипировку, повседневную и парадную одежду. Мало того, особо указывалось, что нельзя в одной и той же форме ездить по разным Олимпиадам, и дизайн одежды должен отличаться от предыдущего.

Французских спортсменов одевали известнейшие модельеры — Коко Шанель, Ив Сен-Лоран, Пьер Карден. Советских — Общесоюзный дом моделей.

Как только накануне Монреаля прибыли в Москву на сборы, с каждого спортсмена стали снимать мерки.

— Всё-таки насколько я дешевле обхожусь государству, чем такие истуканы, как наш Иван, — отпуская свои “шусточки” Броневичок.

— Скажи спасибо, что мы летние, на зимних куда больше тратят, — отвечал Шарыгин.

Действительно, на одежду зимних олимпийцев денег тратилось значительно больше. На Олимпиаду в Инсбруке Хрущёв распорядился одеть советских спортсменов в шубы из золотой норки, каждое такое меховое изделие стоило столько же, сколько трёхкомнатная квартира. На игры в японское Саппоро наши спортсмены прибыли в белоснежных шубках из белька, а спортсмены — в тяжёлых мутоновых шубах. Тут уж каждый такой меховой шедевр стоил квартиру плюс машину.

Летних олимпийцев одедали, конечно же, гораздо дешевле. Костюмы наших спортсменов в Монреале были самыми эффектными. На церемонию открытия у мужчин — тёмно-малиновый пиджак и брюки, сорочка василькового цвета и галстук вишнёвого; у женщин — белый пиджачок, белая юбка и голубая рубашечка с синим бантом. На церемонию закрытия пошли другой комплект. У женщин — оранжевые нарядные платья, а у мужчин — белый пиджак, белые брюки и тёмно-кремовый галстук поверх белой сорочки.

В последний день перед вылетом в Канаду советская олимпийская сборная в форме открытия возложила цветы к Мавзолею Ленина. А по приезде должна была возлагать уже в форме закрытия.

— Красиво продумали ритуалы, — восхищался Иван.

— Да уж, как говорится, Ленин дал, Ленин взял, — снова ёрничал Шустиков.

— Но-но, — в шутку грозил ему Шарыгин, — за такие шусточки можно и партбилет на стол.

Впрочем, цветы возлагали не только к Ленину, но и к Вечному огню у могилы Неизвестного солдата. Спортсменов отправляли, как на войну. Да она и продолжалась. Холодная. И Монреаль должен был стать новым, хоть и спортивным, Сталинградом. Летели через океан с теми же чувствами, с какими летят десантники, получившие задание высадиться, создать плацдарм, закрепиться на нём и по возможности захватить важнейшие вражеские стратегические объекты.

Знамя Перу таких же цветов, как польское, только красные и белая полосы поставлены вертикально, а на белой — герб. Увы, спортсмены этой крупной южноамериканской страны не завоевали в Монреале ни одной медали, равно как и на предыдущих пяти Олимпиадах.

А вот пуэрториканцы, жители страны, полностью зависимой от США, одну бронзовую медальку получили, благодаря стараниям крошечного боксёра Орландо Мальдонадо, и увереннее, нежели перуанцы, могли нести своё полосатое подобие американского флага.

До выхода советских спортсменов оставалось пятнадцать олимпийских сборных, и Иван чувствовал приближение своего звёздного часа. Он посмотрел на часы, словно там ему могли показать, команда какой страны сейчас шествует по дорожке Большого-О, и строго объявил:

— Друзья мои, пожалуйста, последние два вопроса, мне пора идти.

Человек со сказочным именем и фамилией Елисей Додонов хоть и не слыл таким же всеобщим любимчиком, как Иван Шарыгин, но где-то близко к этому. Разумеется, все его звали Королевич Елисей. Он родился через полгода после Ивана в семье военного в немецком Потсдаме, потом вместе с родителями поселился в Москве. Врачи находили у мальчика шумы в сердце и никак не предсказывали ему спортивную карьеру. А он мечтал стать новым Эдуардом Стрельцовым, забивать голы в ворота непобедимых до него соперников. Но старший брат Ермолай начал заниматься борьбой, за ним потянулся и Елисей. По состоянию здоровья в секцию его не приняли, тогда он принялся делать всё то же, что Ермолай. И случилось чудо: ещё

недавно болезненный младший брат стал побеждать старшего. Болезни отпустили его, он стал расти, быстро возмужал, переходя из одной весовой категории в другую. Став высоким и могучим богатырём, дошёл до тяжёлого веса и в нём брал одну награду за другой, чаще всего побеждая, уложив соперника на лопатки. К Олимпийскому Монреалю у Королевича Елисея имелось уже немало золотых наград. Три звания чемпиона СССР, три — чемпиона Европы и два — чемпиона мира.

На открытии игр в Большом-О именно Додонову, как сказочному богатырю, доверили нести красное знамя с золотой звездой, серпом и молотом. Он шёл в тёмно-малиновом костюме впереди всех, и знамя, как пламя, плясало у него над головой, а Шарыгин смотрел Королевичу в спину и завидовал: мне бы так же!

На открытии игр присутствовала английская королева Елизавета II, и многие, шагая по дорожке стадиона, старались ее увидеть — где там она? Но всё же в те минуты Королевич Елисей был для наших спортсменов важнее английской королевы. Лишь бы не уронил знамя. Хотя разве такой уронит?

Перед началом олимпийского турнира борцов классик Елисей достался вольнику Ивану в спарринг-партнёры.

— Супер! — радовался Шарыгин. — О таком можно было только мечтать.

И в первой же тренировочной схватке он попросил:

— Королевич Елисей, ты пожётче действуй. Лично я тебя не собираюсь беречь.

И они навалились друг на друга с беспощадностью лютых врагов. Даже Папе показалось излишним их рвение:

— Осторожнее, ёлки-пальки! Это всего лишь тренировка. Не поломайте друг друга!

Потом вместе гуляли по красивейшему Монреалю, жадно говорили друг с другом, будто впервые познакомились. Просто если раньше судьба как-то не сводила их для таких разговоров, то теперь свёл спарринг.

— А представляешь, мне в детстве врачи сказали, что я никогда не должен заниматься спортом, — признался Додонов.

— Да быть такого не может!

— Честное слово! Сказали: этот мальчик всю жизнь должен избегать любых физических нагрузок. А ты мне: “Пожётче”!

— Они что, врачи, ошибались?

— Нет, у меня и впрямь были шумы в сердце. А потом я эти шумы убил. Гирей. Никто не верил. Стал заниматься борьбой и совсем вылечился.

— Что ж, бывает. Вон, Гарринча. Ему тоже врачи говорили, что не только бегать, а ходить для него будет счастьем. Деформация позвоночника, смещение костей таза, левая нога на шесть сантиметров короче правой. А стал самым скоростным футболистом в мире.

На красно-зелёном знамени Португалии — золотая армиллярная сфера, астрономический инструмент для определения координат небесных светил. Это в память о бесстрашных португальских мореплавателях, первооткрывателях множества новых земель.

Увы, давно уже былая португальская слава канула в прошлое, и лишь футбольная сборная Португалии из года в год напоминает о существовании такой, некогда грозной страны. Вот и в Монреале лишь марафонец Карлош Лопеш да стрелок по траншейным стендам Армандо Силва Маркеш завоевали пару серебряных медалей. Но и то хорошо, можно было уверенно нести по дорожке Большого-О знамя с армиллярной сферой.

Большое-О — один из самых грандиозных олимпийских стадионов. Рекордно дорогостоящий проект к началу самих игр так и не успели воплотить до конца. Чего только не случилось во время строительства — и жесточайшие морозы, и забастовки рабочих, с особой силой вспыхнувшие после трагической гибели тринадцати из них по вине подрядчиков, экономивших на всём, на чём только можно, лишь бы накормить свои вечно голодные

карманы. Стадион продолжали строить одиннадцать лет после Олимпиады, Монреаль ещё тридцать лет выплачивал олимпийские долги.

А когда шли Олимпийские игры, над небом стадиона застыли в неподвижности подъёмные башенные краны, которые потом будут возводить над Большим-О надёжную крышу, а рядом со стадионом — гигантскую наклонную башню Ля-Тур де Монреаль, призванную эту крышу поддерживать с помощью натянутых тросов.

Глядя на Большое-О в свой бинокль, генерал-лейтенант Исаев вдруг впервые обратил внимание на эти застывшие в отдалении краны. Проектора на стадионе светили так ярко, что их и трудно было сразу увидеть. И они показались ему зловещими, похожими на гигантские виселицы. Холодные муравьи пробежали у заместителя всемогущего Пятого управления КГБ, ответственного за контрразведку. В окуляры бинокля он отчётливо увидел, как кто-то торопливо взбирается на одну из этих виселиц.

Олимпийская деревня располагалась в Монреале в восьмистах метрах от Большого-О, но деревней её назвать язык не поворачивался. Это оказались два колоссальных пирамидальных здания по девятнадцать этажей в каждом. По настоянию Папы его поселили в одном номере с Иваном. Понятное дело: чтоб никаких картишек и тому подобного разгильдяйства.

— Что вы с Додоновым так рвёте друг друга! — ворчал вьедливый тренер.

— Ну, конечно, а стали бы мы сдерживаться, вы же сами... вспомните, как тогда с Зурабом.

Это было, когда Шарьгин тренировался в спарринге с Леванишвили накануне тегеранского чемпионата мира, и они стали беречь друг друга. Папа тогда возмутился:

— Вы ещё поцелуйтесь! И женитесь друг с другом!

— Да, помню, — сказал теперь Папиашвили. — Но Додонов уж больно железобетонный. Что-то мне подсказывает, что не надо вам так усерд... усерд... ствовывать.

Кроме непонятной тревоги Папы, ничто не предвещало беды. Олимпиада понеслась вперёд, как русская птица-тройка, наши спортсмены быстро вышли в лидеры, набирая и набирая медали — золото, серебро, бронза, серебро, золото, золото, серебро, золото... И у всех настроение с каждым днём становилось всё лучше и лучше, а те, кому ещё только предстояло вступить в борьбу, чувствовали себя увереннее, видя успехи тех, кого по расписанию пустили первыми.

“Трижды три равняется Санеев!” — написали журналисты о подвиге прыгуна в тройном прыжке, в третий раз подряд взявшего олимпийское золото и прыгнувшего на семнадцать с половиной метров. “Весь пьедестал наш!” — о метателях молота Юрии Седых, Алексее Спиридонове и Анатолии Бондарчуке, завоевавших и золото, и серебро, и бронзу. “Самый сильный человек планеты” — о штангисте Василии Алексееве, завоевавшем второе золото после Мюнхена.

Но самыми яркими звездами стали наши гимнасты. Кореянка из Узбекистана Нелли Ким завоевала три золотые награды — в опорном прыжке, вольных упражнениях и командном первенстве. Когда после исполнения опорного прыжка судьи поставили ей десять баллов, оказалось, что такого ещё не бывало, и даже табло не было рассчитано на четырёхзначную цифру. На нем высветилось 1.00, и Нелли чуть не упала в обморок, думая, что ей поставили такой низкий балл:

— Не может быть! Это несправедливо! Что? Не один, а десять? Не может быть!

А гимнаст из Суздаля Герман Николаев в различных дисциплинах завоевал сразу семь медалей: четыре золотых, две серебряных и одну бронзовую. Он выступал с таким несравнимым изяществом, что журналисты присвоили ему титул самого элегантного спортсмена Монреальской Олимпиады.

Первой неприятностью стал скандал с пятиборцем Игорем Ципко. До этого спортсмен с Украины имел серебро на Олимпиаде в Мехико, золото

и серебро в Мюнхене, и здесь тоже от него ждали победы. Но вдруг во время соревнований по фехтованию обнаружилась явная подлость. Англичанин Джеффри Вулф во время выпада Ципко отклонился назад, и шпага Игоря его не задела, остановившись в пятнадцать сантиметрах от груди англичанина, однако за спиной у Вулфа зажглась лампочка, сигнализируя, что он получил укол. Думали, сбой системы, но проверили, и оказалось, что в рукоятку шпаги Ципко вмонтирована замаскированная замшей кнопка. Нажав её, он мог в любое мгновение замкнуть электрическую цепь, которая включала судейскую лампочку, и получалось, что противник получил укол шпаги.

Такого позора советская сборная ещё не испытывала. Павлушин срочно собрал членов партии. Жалости к Ципко не испытывал ни один из присутствующих:

- Немедленно вон из олимпийской деревни!
- Чтоб духа его тут не было!
- Неслыханно!
- Лишить звания заслуженного мастера спорта!
- Этого мало! Вон из рядов партии!
- Жулик!
- Пожизненная дисквалификация!
- Пусть идёт на ламповый завод, лампочки там включает!
- Товарищи, кто за то...

И из олимпийской деревни в тот же день вытурили, и из партии исключили, и звания лишили, а Павлушин лично принял решение о пожизненной дисквалификации. По возвращении в СССР у Игоря отобрали и орден Трудового Красного Знамени. Поделом, конечно, но всё-таки орден — уж слишком жестоко.

Republique Democratique Allemande — так по-французски называется Германская Демократическая Республика, спортсмены которой, овеянные славой, выходили на дорожку Большого-О после португальцев. Немцы начали выступать на Олимпийских играх раздельно, начиная с Мехико. Там олимпийцы ГДР завоевали девять золотых наград, через четыре года в Мюнхене — двадцать, ещё через четыре года в Монреале — сорок! Плюс двадцать пять серебряных и столько же бронзовых и — второе место после СССР в общекомандном зачёте. Лучше всего они были в лёгкой атлетике, плавании, гребле, гимнастике и велосипеде. А вот в борьбе им почему-то на Олимпиадах не везло.

Трибуны стадиона приветствовали социалистических немцев стоя, в большинстве — с уважением, лишь некоторые зрители — с ненавидящим рёвом и свистом. Довольно многочисленная делегация ГДР горделиво вышагивала под трёхцветным чёрно-красно-жёлтым знаменем с изображением молота, циркуля и пшеницы как символов единства рабочего класса, интеллигенции и крестьянства.

Теперь рядом с Исаковым стоял вызванный им руководитель канадских спецслужб, обеспечивающих безопасность на Олимпиаде, Доменик Вердьё. И тоже смотрел в бинокль на подъёмный башенный кран. Там, добравшись до опорно-поворотного круга на самом верху, некий злоумышленник уселся подле кабины управления и смотрел в бинокль на Большое-О.

— Кажется, он на нас смотрит, — усмехнулся Вердьё.

— До выхода советской сборной осталось не более пяти-семи минут, — проскрипел Исаков. Ему было не до смеха и даже не до усмешек.

— Сейчас его снимут, я послал самых надёжных ребят, — заверил надец советского контрразведчика. — И с нашей проблемой будет покончено.

А Иван тем временем оборонялся от последних вопросов журналистов в своём *последнем и решительном бою*:

— Господин Шарыгин, вы в советской олимпийской сборной один из главных партийных активистов, — напирал представитель агентства “Трейтор”. — Насколько мне известно, именно вы категоричнее других настаивали на драконовских мерах против украинского спортсмена Игоря Ципко.

— У нас нет на Олимпиаде отдельно украинских, русских, грузинских и так далее. У нас все спортсмены представляют единое Отечество — СССР, — сердито перебил его Иван.

— И тем не менее, — шел в атаку Бавыкин, он же Боуи, — известно, что Игорь Ципко является сторонником независимой Украины.

— Чуть собачья! — вспыхнул Павлушин.

— Нет, не чуть, дайте мне договорить, — злобно продолжал Бавыкин. — В Советском Союзе жестоко преследуются украинцы, мечтающие о свободе. Сейчас уже просочились сведения, что весь скандал с Игорем Ципко был срежиссирован в КГБ, и спортсмен не знал, что ему в шпагу вмонтировали устройство. Теперь он лишён всех званий, срочно вывезен в СССР и, по-видимому, станет очередным политическим заключённым, узником свободы. Не боитесь ли вы, что в ближайшее время России придётся жестоко расплачиваться за свою изуверскую имперскую политику в отношении других так называемых братских республик СССР, которые не желают оставаться у России в рабстве. Не хотят быть рабами и покорённые Советским Союзом страны Европы — Польша, ГДР, Румыния, даже Болгария, не говоря уж о таких, как залитая кровью в пятьдесят шестом году Венгрия и раздавленная танками в шестьдесят восьмом Чехословакия. Прогрессивное человечество не будет бесконечно терпеть тиранию Советского Союза. Готовится всемирный крестовый поход против советской Российской кровавой империи...

— Интервью закончено! — решительно встал Павлушин.

— Нет, позвольте мне ответить, Павел Сергеевич, — возразил Шарыгин. — Этот человек, выступивший только что с явной политической провокацией, бывший гражданин СССР. Мало того, он родился со мной в одном селе, и фамилия его была Бавыкин, а теперь он переметнулся в Канаду и даже имя и фамилию себе поменял... Но не это важно. Важна та угроза, о которой он нам тут сказал. Крестовый поход, говоришь? На это я могу ответить моим любимым стихотворением Пушкина.

И Шарыгин, сначала медленно и слегка дрожащим голосом, начал читать “Клеветникам России”. Постепенно голос его окреп, стал уверенным и сильным, особенно, когда он дошёл до финальных строк великого стихотворения:

*Вы грозны на словах, попробуйте на деле,
Иль русский богатырь, покойный на постели,
Не в силах завинтить свой измайловский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясённого Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?*

Иван на несколько секунд умолк. Никто не ожидал, что “русский медведь” станет читать стихи, причём с таким сильным чувством. В небольшом зале воцарилась гробовая тишина, в которой Иван закончил:

*Что ж, высылайте к нам, витии,
Своих озлобленных сынов,
Есть место им в полях России
Среди нечуждых им гробов!*

В помещении некоторое время стояла тишина, какая бывает после объявления войны или когда скажут: “Вы все уволены”.

— Какие ещё есть вопросы? — произнес Шарыгин. — Один-два, и нам с вами пора прощаться.

Шел шестой день Олимпиады в Монреале. Через три дня Ивану предстояло выходить на ковер. Жеребьёвка его огорчила. В первой же схватке ему предстояло бороться сразу же с Каменным Руди. Ну, почему Штайнберг выпал ему с самого начала, а не в финале или в полуфинале? Шарыгину до сих пор жгла спину немецкая подпись. Проиграть в первом же поединке Олимпиады стало бы настоящей трагедией. А Руди сейчас находился в своей самой лучшей форме.

Выйдя на спарринг с Додоновым, Иван сказал:

— Елисей, ты ведь знаешь манеру Штайнберга?

— Разумеется.

— Представь себе, что ты — это он.

И они начали тренироваться так, как если бы Королевич Елисей был Каменным Руди.

— Эй, потише, потише! — осаживал их Папа, предчувствуя недоброе. И предчувствия его оправдались. В один из моментов спарринга Елисей так сильно сдавил Ивана, что тот почувствовал резкую, ослепительную боль. Но он давно уже по особой методике натренировал себя на сдерживание боли, и никто ничего не заметил. Но после спарринга в раздевалке Иван тихо сказал:

— Георгий Михайлович, вы только не пугайтесь, но, кажется, Елисей мне ребро сломал.

— Что?! Что ты сказал?! Щенок! Я же предупреждал вас! Немедленно к Берёзкину! Может, ещё не всё так плохо.

Врач сборной Сергей Березкин, осмотрев Ивана, не успокоил, а лишь ещё подлил жару:

— Похоже, не одно, а сразу два.

Рентген подтвердил его опасения, высветив перелом сразу двух рёбер. При вздохе, набирая в лёгкие воздух, Иван натывался на засаду, из которой его начинали обстреливать болью засевающие там враги. При выдохе отпускала, но всё равно боль чувствовалась.

У всех опустились руки.

— Какая глупость, ёлки-пальки, какая глупость, шени! — сокрушался Папашвили. — Прощай, Олимпиада! Прощай всё!

На огромном табло с изображением эмблемы Олимпиады в виде пяти колец с тремя наверху, как будто кольца сошли с небес и оставили за собой след на небе, высветилось название очередной страны — участницы Олимпийских игр: RFA — Republique Federale d'Allemagne — Федеративная Республика Германия.

Если бы в Монреале выступала единая немецкая команда, то сорок золотых медалей ГДР плюс десять золотых медалей ФРГ, и было бы пятьдесят, на одну больше, чем у СССР, и единая Германия заняла бы первое место. Но она ещё была разделена на социалистическую и капиталистическую, и вторая заняла на играх четвёртое место с десятью золотыми, двенадцатью серебряными и семнадцатью бронзовыми. Под аплодисменты всего стадиона конник Райнер Климке, завоевавший в Монреале свою третью золотую олимпийскую награду, преисполненный гордости, нёс чёрно-красно-золотое знамя своей страны.

— В завершение нашей беседы, господин Шарыгин, — взял слово немецкий журналист, хотя Бавыкин и тут рвался в бой, явно желая задать ещё какой-нибудь провокационный вопрос. — Что бы вы хотели пожелать читателям наших газет, слушателям наших радиопередач, телезрителям? А если быть шире, то — всему человечеству?

— Всему человечеству? — покраснел Иван, вдруг понимая, что он сейчас говорит не просто с продажными буржуазными журналистами, а и вправду — со всем человечеством, и надо сказать что-то такое очень и очень главное. А что?

Он переглянулся с Папой и Павлушиным, Папа подмигнул, а Павлушин ободряюще кивнул.

— Вы знаете... — неспешно заговорил Иван, поскольку, когда говоришь со всем человечеством, надо говорить не спеша и с достоинством, чтобы тебя услышали. — Однажды в гостинице в американском городе Толедо я открыл ящик письменного стола и обнаружил там книгу, нарочно подготовленную именно для русского гостя. То есть она была на русском языке. Я открыл её наугад и с удивлением обнаружил, что первое же слово, на которое наткнулся мой взгляд, было слово “любовь”. И я легко запомнил слова, которые прочитал тогда. Вот они: “Любовь долго терпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине, всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит”. Именно такой любви я бы и хотел пожелать всему человечеству. В целом-то оно хорошее, наше человечество. И будьте добры, передайте ему от меня эти слова, написанные много столетий тому назад человеком по имени Павел.

Вечером того сломанного дня Иван и Папа сидели в номере Ивана в Олимпийской деревне и играли в шахматы. Папиашивли был подавлен, раздавлен, рассеян, не следил за фигурами и проигрывал уже третью партию.

— Вам мат, Георгий Михайлович, — сказал Иван, с улыбкой перемогая боль в грудной клетке. Казалось, в грудь воткнули нож и тихонечко поворачивают его, пытая: “Говори, рус Иван, где партизаны?” — Я выиграл. А значит, я буду бороться, несмотря ни на что!

Папа ладонью казнил десяток своих фигур, рассыпав их по доске, будто они провинились в его рассеянности или это благодаря им все рухнуло здесь в Монреале, не успев начаться.

— Мат-перемат... С двумя сломанными ребрами!

— А японец? — напомнил Иван о героическом поступке гимнаста Фудзимото.

— Что японец! — фыркнул Папа. — У тебя перелом, а него был только вывих.

— Посмотрел бы я на вас, как бы вы с вывихом прыгали со снаряда и приземлялись на вывихнутую ногу. Уж простите.

— Ай, не спорь, шени! Ему только надо было пару секунд продержаться, спрыгнув. И он сразу упал, корчась от боли. А тебе — бороться не пару секунд, а десятки, если не сотни секунд. Сравниваешь тоже себя и японца!

— Придётся ещё подсократить время укладывания на лопатки, — улыбался сквозь муть боли Шарыгин.

Ночью ему стало плохо, боль не утихала, как ни ляжешь, невозможно было найти позу, при которой бы хоть немного было легче. Сидя лучше, но как спать сидя? Где-то он читал про христианских подвижников, которые, смиряя плоть, спали всегда сидя, и сейчас, пытаясь уснуть, Иван шутил сам над собой:

— Придётся стать христианским подвижником!

Но не спалось, хоть ты тресни, хоть трижды уверуй в Господа Бога, ещё и температура поднялась. В иные минуты хотелось навзрыд взорваться слезами — такая обида! Сколько сил потрачено, чтобы набрать лучшую свою форму, приехать сюда за золотом, и — на тебе! Как потом в глаза людям смотреть? Даже всё понимая, даже сочувствуя, они, тем не менее, в сердцах своих будут говорить: “Эх ты, Иван, Иван!”

Время выхода советской сборной на дорожку Большого-О неумолимо приближалось. На табло уже светилась другая аббревиатура: RPDC — République populaire démocratique de Corée — Корейская Народно-Демократическая Республика. Северные корейцы лишь во второй раз участвовали в летних Олимпийских играх и обозначили своё присутствие одной золотой и одной серебряной наградами. Удивительный народ, объявивший своей государственной идеологией доктрину чучхе, основывающуюся на том, чтобы ни от кого ни в чём не зависеть и опираться только на свои силы и ресурсы страны.

В тот миг, когда северокорейский знаменосец понёс над стадионом красивый сине-красно-синий стяг с красной звездой в белом круге, двое канад-

сих спецназовцев уже приближались к верху подъёмного башенного крана, на время Олимпиады взявшего отпуск. Сидящий около кабины человек при виде приближающихся к нему снизу вверх бойцов спецназа устремился ещё выше, очевидно желая забраться на самую вершину, туда, где мирно вращался анемометр — ветромер, призванный показывать направление воздушных струй. Подбираясь к злоумышленнику всё ближе, лучший канадский спецназовец с французской фамилией Шарпантье крикнул ему сначала по-английски, потом по-французски:

— Снимите рюкзак и бросайте его вниз!

Злоумышленник глянул на своего преследователя, увидел направленный на него пистолет, понял, что дело худо, снял и сбросил с себя рюкзак, который обречённо полетел с небес на землю.

— Теперь всё, что у вас в карманах! — потребовал Шарпантье по-французски и повторил требование по-английски.

Злоумышленник вывернул карманы, из которых выпали зажигалка, пачка сигарет. Денежные купюры превратились в бабочек и захлопали крыльшками по ветру.

— Больше у меня ничего нет! — крикнул нарушитель спокойствия по-английски.

— Спускайтесь! — приказал Шарпантье. — Вы арестованы.

Злоумышленник стал спускаться.

Тем временем внизу другие представители канадских спецслужб осторожно приблизились упавшему с небес рюкзаку. Один из них по фамилии Бодри поднял опасный предмет, медленно растегнул его и вытряхнул на землю содержимое. Этим содержимым оказалось нечто из ярко-красной материи. Развернув ткань, все с удивлением увидели, что это знамя Советского Союза с золотыми серпом, молотом и пятиконечной звездой.

— Ну и дела! — сказал Бодри.

— И это всё? — спросили его.

— Всё.

На другой день после перелома рёбер четверо советских делегатов олимпийских игр в Монреале вошли друг с другом в преступный сговор. Их имена — Иван Шарыгин, Георгий Папиашвили, Сергей Берёзкин и Николай Орликов. В массажной комнате двое из них колдовали над третьим под пристальным четвёртого.

— Осторожнее втирай, — говорил врач.

— Не волнуйтесь, Орликов своё дело знает, — отвечал массажист.

— Третье ребро не сломайте, — ворчал тренер.

И лишь борец лежал молча, претерпевая муки и стараясь ни единым мускулом лица не выдать, как ему больно. Массажист втирал в него какие-то чудодейственные, по его словам, мази, от которых якобы даже “встают шагать гробы // четвёркою своих дубовых ножек”.

— Рёбра, конечно, не зарастут, — уверял он, — но терпеть боль станет легче.

— Только об этом никто не должен знать, умоляю! — сурово требовал Берёзкин. — Иначе меня выгонят, как того Ципко. За шкуру и — тю-тю на родную Родину.

— Клянусь, дорогой! Никто не узнает, — бил себя в грудь раскрытой ладонью Папиашвили. — К тому же такой подарок судьбы для соперников, если они узнают.

— И всё-таки, я советую отказаться от поединков, — на всякий случай подстраховался доктор.

— Я буду стараться не подставлять болезненные места. И в каждой схватке побеждать как можно скорее, — пообещал Шарыгин.

— Нельзя! — вдруг заупрямился Берёзкин.

— Можно! Иначе я не Иван Шарыгин!

— Если Иван говорит “можно”, значит, можно. А наша медицина должна творить чудеса, — сказал Папа.

— Чудеса им!.. — фыркнул врач.

В тот же день стало известно о вчерашнем звонке Быстрицкому. Какой-то мерзавец позвонил и попросил позвать к телефону нашего выдающегося бегуна, завоевавшего золото на последних шести чемпионатах Европы, а в Мюнхене отхватившего сразу две золотые медали в беге на сто и на двести метров. Когда Володя подошёл к телефону и взял трубку, на другом конце провода ему объявили мерзким голосом:

— Ты — посипака москалив, зрадник Украины, бигаешь, як бобик, щоб им було краще. Якщо сьогодні побіжиш, я тебе застрелю зі снайперської гвинтівки. Зрозумів, падла?

— Кто говорит? — спросил Быстрицкий, мысленно переводя услышанное: “Ты — прихвостень москалей, предатель Украины, бегаешь, как бобик, чтоб им было лучше. Если сегодня побежишь, я тебя застрелю из снайперской винтовки. Понял, падла?”

— Не говорит, а каже український патріот, член спілки боротьби за свободу України. Зрозумів?

— Зрозумів, — растерянно ответил прославленный спринтер.

— Чао-какао! — И “украинский патриот” повесил трубку.

О случившемся разговоре Быстрицкий поведал только своему тренеру, чтобы тот знал, на случай, если угрозы приведут в действие. После забега, в котором Володя взял всего лишь бронзу, тренер раскрыл тайну, желая оправдать своего подопечного.

— Да, — вздыхал Папиашвили, — представляю, каково это — бежать и думать, что вот-вот...

— В таких случаях лучше не думать, — сказал Шарыгин. — Молодец Володька! Не струсил, побежал всё-таки. В данном случае главное не то, что он лишь бронзу взял, а то, что вообще не испугался. Кто бы мог подумать, что он такой бесстрашный. Уважаю!

— Он ведь откуда-то с Западной Украины?

— Из-под Львова. Чистый украинец, западенец. Сколько уж лет после войны минуло, а бандеровцы всё ещё поднимают голову. Молодец Володя, не струсил перед их звериным оскалом.

Надя Команечи стала чемпионкой сразу в трёх видах гимнастики — в многоборье, на бревне и на брусьях, принесла сборной Румынии три золотых медали из четырёх, и в итоге румыны заняли в общекомандном зачёте уважительное девятое место. Шли гордо под своим сине-жёлто-красным знаменем с изображением герба в центре, а на гербе — зелёные ели и нефтяная вышка, карпатские горы, за которыми встаёт солнце, и всё это в обрамлении колосьев.

— Слава Богу, что не пришлось снимать с парада соцлагерь, а то бы все эти румыны-чехи-поляки такую бы вонь подняли! — вздохнул с облегчением Исаков, глядя в бинокль, как доблестные канадские спецназовцы спускают пойманного шакала с башенного скелета.

— Ну, вот и все, господин Исаков. — Вердье похлопал своего советского коллегу по плечу. — Теперь мы все можем быть спокойны. Выстрела не будет.

— Благодарю вас, Доменик. — Генерал-лейтенант КГБ впервые по-дружески назвал Вердье не по фамилии, а по имени. — Ваши профессионалы прекрасно сработали. Со временем об этой операции узнают люди.

— Только не сейчас. Иначе нам, знаете ли, тоже не поздоровится.

— Понимаю, не учли возможности того, что кто-то залезет на башенный кран.

— Да уж... — стыдливо поморщился Вердье.

Боли в сломанных рёбрах вроде бы стали меньше, а вроде бы и нет. Иван не хотел никого расстраивать, делал вид, что мази Орликова и впрямь оказались чудодейственными.

— Вы маг и волшебник, Николай Данилович, — восторгался он. — Теперь я всех порву.

— Действуй, Ваня, — радовался массажист.

И вот наступил день, когда Шарыгину предстояло схватиться со Штайнбергом. Рёбра жгла боль, спину жгла до сих пор не забытая подпись Каменного Руди, сделанная с подачи Леванишвили. Кстати, Зур опять сбросил килограммы и здесь, в Монреале, выступал как полутяж, то бишь в весовой категории до девяноста килограммов.

Глядя на то, как тренер накачивает Каменного Руди, Иван пытался представить себе, что именно он ему говорит. Наверное, что-то о том, что ты уже побеждал этого рус Ивана, клал его, Руди, ты победишь и сегодня, и этого рус Ивана мы больше не увидим, он уже покойник, Руди. Собери всю свою немецкую волю, и ты будешь олимпийским чемпионом!

Папа подошёл к Ивану и сказал почти спокойно:

— Ты должен его разорвать! Ты меня слышишь? Ра-зор-вать! У тебя ничего не болит. И ты разорвёшь Штайнберга! Ты для чего сюда приехал? Победить! И ты должен его победить, ёлки-пальки!

Прекрасно понимая, что затяжная схватка — это долгоиграющие боли, которых он может и не выдержать, Шарыгин сразу же пошёл в атаку, не давая Каменному Руди опомниться. Немец попытался было пройти в ноги Ивану, то есть заставить его скакать на одной ноге и затем подсесть. Иван угадал, мгновенно согнулся, закрывая пространство между грудью и ковром. Руди растерялся, стал действовать непродуманно, вынужденно, стихийно. Иван сделал бросок и на секунду положил немца на лопатки.

— Иван! Вотри его в ковёр! — кричал Папа.

Но туше уже произошло, а японец арбитр ничего не заметил.

— Туше! Чистое туше! Почему не засчитано? Акхуребули! — скрежетал Папиашвили, как камни в горной реке.

С удивлением глядя на арбитра, Иван тихо произнёс:

— Это ты зря...

Свисток и — снова схватка. Руди вошёл в клинч, обвинил Ивана, едва не стонущего от боли в сломанных рёбрах, попытался бросить через бедро. Усилиям рук Шарыгин погасил инерцию движения, подсел и сбил Штайнберга в партер. Есть балл, а то и два! Но этого мало, надо не на баллы рассчитывать, время действует в пользу боли и в пользу Руди. Снова туше, и снова арбитр ничего не видит. Хотя видят все. Немецкий тренер схватился за голову:

— Ah, Scheiße! — Вот дерьмо!

Иван внешне спокоен, а Папа вне себя:

— Второе туше не засчитано! Метраки! Шени деда!..

Глядя на японца, Шарыгин выдал свое второе предупреждение:

— Это ты совсем зря...

Папа пытался подстегнуть своего страдальца:

— Всё равно счёт в твою пользу. Додави его, бичо!

Третий раз тушировать Штайнберга не удалось. Преодолевая чудовищную боль, Иван довёл поединок до конца. Японец, не заметивший двух туше, баллы всё-таки отсчитывал честно. После третьего периода борцы подошли к судье, и тот с очевидной неохотой поднял вверх руку Ивана. Папиашвили потешно плясал вокруг ковра, а на табло светилось упоительное, прекрасное, счастливое:

FREESTILE WRESTLING
IVAN SHARYGIN — RUDOLF STEINBERG
14:4

В раздевалку к Ивану Штайнберг пришёл по-немецки серьёзный и сосредоточенный. Без сопровождающих лиц. Протянул Ивану чёрный фломастер:

— Unterschrift, bitte.

Стянул с себя олимпийку и подставил спину.

— Чего это он? — изумился Папа. Он так до сих пор и не знал о той досадной подписи. Зур и Броневичок молодцы, не выдали тайну.

Иван метнулся к двери, распахнул её и крикнул:

— Ребята! Зураба и Броневичка ко мне позовите! Только быстро! Умоляю!

Вернулся к обнаженной спине Штайнберга:

— Энтшульдиген, айн момент, битте.

Примчался на своих всегда хороших скоростях только Броневичок.

— А где Зураб?

— Хрен его знает, не нашли. А что такое? А-а-а, кажется, понимаю! —

И Шустиков расплылся в счастливой улыбке.

Иван взял фломастер, снял колпачок.

— Внимание, внимание! — бессмертным голосом Левитана заговорил Броневичок. — Работают все радиостанции Советского Союза.

Места для подписи было предостаточно. Иван занёс фломастер.

— Акт о капитуляции Германии подписывает главнокомандующий советской армии вольной борьбы... — продолжал Левитан, временно слившийся с Шустиковым.

Иван размашисто расписался.

— Иван Шарыгин! — закончил Левитан.

Иван подумал и поставил дату, слово “Монреаль” и даже пририсовал пять олимпийских колец.

— Битте, — сказал он поверженному Рейхстагу.

— Danke, — побежденно ответил Рейхстаг и натянул на свою широченную спину олимпийку. — Ich gratuliere Ihnen zu dem Sieg. — Штайнберг, пожав руки Шарыгину, Шустикову и Папиашвили, с достоинством удалился.

— Сильный поступок, — с уважением покачал головой ему вслед Папа. — Всё-таки в немцах есть что-то такое...

— Зиг хайль! Гитлер капут! — подытожил Броневичок.

Сан-Марино как государство всегда вызывает улыбку. Крошечный кусок территории, упрямо не входящий в состав единой Италии, потому что скрывавшийся в здешних горах Гарибальди пообещал жителям вечную независимость. “Нигде не побеждать, но везде участвовать!” — таким мог бы стать девиз олимпийской сборной этой страны под бело-голубым флагом.

— Ну, что там Шарыгин? — спросил Исаков подбежавшего к нему Даниличева.

— Заканчивает свое интервью, — доложил помощник.

— Может заканчивать. Шакала обезвредили. Небо для Ивана расчистили, — счастливо объявил замначальника Пятого управления.

Из всех африканских стран один только Сенегал не присоединился к бойкоту Олимпийских игр в Монреале. В глазах африканцев сенегальцы надолго стали предателями, да и никаких наград они здесь не завоевали, и зелёно-жёлто-красное знамя развевалось над стадионом Биг-О при молчании трибун. Равно как и бело-красное знамя Сингапура, чья команда тоже выступила бесцветно.

— Последний вопрос! — строго объявил журналистам Шарыгин.

— Разрешите мне! — выскочил-таки представитель агентства “Трейтор”.

— Валяй, — усмехнулся Иван.

После победы над Штайнбергом появилась уверенность: даже невозможная чудовищная боль, можно побеждать сильных соперников. Папиашвили светился восторгом и обожанием, смотрел на своего воспитанника, как влюблённый юноша на предмет своих чувств:

— Я горжусь тобой, Ваня! Ты настоящий русский герой. Как Матросов, ёлки-пальки. Как Гастелло. Даже хуже. Скажи честно, дорогой, как тебе? Очень невмоготу?

— Вмоготу, — со вздохом отозвался Иван. — Закроем тему, Георгий Михайлович.

После Каменного Руди четверо следующих соперников — как Курская дуга после Сталинграда: тяжело, но не тяжко. Болезненно, но терпимо. Страшновато, но не очень-то и страшно. Оказывается, и к боли можно привыкнуть. Особенно, когда есть цель и когда понял, что способен, готов, “и паруса надулись, ветра полны, // громада двинулась и рассекает волны”.

Вторым после Штайнберга оказался аргентинский борец Аркадио Ступка, по происхождению украинец, даже немного знающий русский язык. Перед выходом на ковёр он беззаботно напевал по-хохлацки:

— Ще не вмерла Аргентины и слава, и воля, // ще нам, браття молоденьки, усмихнеться доля!

То был гимн Украины, который через двадцать лет станет государственным в самостоятельной стране, только вместо слова “Украина” Аркадио вставил Аргентину.

— Ну шо, братко Иванко, — сказал он, встав на ковре против Шарыгина, — померяемся силами? — И дружелюбно улыбнулся.

Хотя после долгого и изнурительного поединка с Каменным Руди повторить мюнхенский рекорд скорости уже не грозило, Иван не стал надолго затягивать поединок: на двадцать пятой секунде ловко подсёк Ступку, и через несколько мгновений тот лежал на обеих лопатках.

Забавный этот парень Аркадио! Когда Шарыгин протянул ему руку, он встал, сказал:

— Спасибо, братко.

И пошёл, не слишком-то огорчённый, понимая, кто он, а кто Шарыгин. Дальше — старый знакомый, чех Ярослав Непал. Он тоже выглядел дружелюбным и, в отличие от многих своих соотечественников, не видел в русском Иване одного из тех, кто восемь лет назад раздавил танками пресловутую Пражскую весну. А, между тем, на трибунах появился плакат с надписью: “Yarda, roztrhat tento rusky debil!” — “Ярда, порви этого русского дебила!”

Но долго сей призыв не красовался, потому что на двадцатой секунде, точь-в-точь, как в Мюнхене, и тем же самым приёмом Шарыгин уложил Непала на лопатки.

Следующим соперником оказался швед Улоф Свенссон.

Десятикратный чемпион Швеции по вольной борьбе и столько же кратный по греко-римской, Свенссон был как двоеженец или “Фигаро здесь, Фигаро там” — в Мюнхене он взял серебро в греко-римском стиле, а в Монреале решил искать счастья в вольном. На открытии Олимпиады Улоф нёс красивое знамя своей страны с жёлтым крестом на голубом поле.

Полвека назад на олимпийских играх в Стокгольме шведы взяли двадцать четыре золотые, столько же серебряных и семнадцать бронзовых медалей. Но то в родной Швеции, где и стены, и судьи, а здесь результат оказался хорошим, но куда скромнее: четыре золотых и одна серебряная медаль. Свенссон рассчитывал стать, наконец, олимпийским чемпионом и нести знамя не только на открытии, но и на закрытии Олимпиады. Увы, не сложилось...

— Валяй, — сказал с усмешкой Шарыгин, видя, как Бавыкин рвётся в свой *последний и решительный бой*.

Эл Боуи подбоченился и, сверля Ивана взглядом, в котором сквозило некое тайное знание, заговорил:

— Просочились сведения о том, что во время Олимпиады в Монреале один из советских спортсменов, а именно Быстрицкий, получил телефонные угрозы. Какой-то бесстрашный борец за независимость Украины обещал застрелить Быстрицкого во время забега. За то, что Быстрицкий, будучи украинцем, служит Советскому Союзу. Тюрьме народов. Господин Шарыгин, ответьте, а вы не получали подобных угроз?

Иван уничтожающе посмотрел на корреспондента агентства “Трейдор” и произнёс каменным голосом:

— Господа журналисты, на этом наша встреча окончена. Всем большое спасибо за интересные и глубокие вопросы. Всего наилучшего.

И встал. Встали Павлушин и Папиашвили. Папа от души заплодировал Ивану:

— Молодец, сынок! Так и надо!

— Вы уклонились от ответа на мой вопрос! — оскорблённо взвизгнул Бавыкин. — Что это значит? Вам, стало быть, тоже угрожали? Эй, чемпион! Дуй в свою Норку, пока цел!

Но русские безмолвно удалялись из помещения.

Перед поединком со шведом Папа втолковывал Ивану:

— После Руди этот Карлссон, который живёт на крыше, чепуха. Но он сильнее Непала. Будь осторожен, но и не уходи в оборону, порви его на первых секундах, ты же можешь!

На разборку со Свенссоном, которого Папиашвили почему-то упорно называл Карлссоном, ушло сорок пять секунд. Туше — и рухнула шведская мечта об олимпийском золоте в вольной борьбе.

В полуфинал вышли Иван Шарыгин против ещё одного своего старого знакомого — монгола Дэлгэра Цендийна и болгарин Тодор Пенев против — кто бы мог подумать! — Рокуэлла Эриксона.

— Кого бы ты хотел в финале? — спросил Папа, будто выход Ивана в финал — дело уже решённое.

— Надо ещё потомка Чингисхана побороть, а там видно будет, — уклончиво ответил Шарыгин.

— Пенева ты в Мюнхене быстро уконтропупил, должен и сейчас справиться. А вот Рокки... Я видел, как он умело пользуется приёмами, которые ты, как последний олух, ему же и показал. Эриксона, если честно, я побаиваюсь.

— Так не вам же с ним бороться, Георгий Михайлович.

— Понятно дело, что не мне, а тебе. Эх, давай тебе мои целые ребра пересадим, а мне — твои сломанные. А?

— Я согласен. Ножницы есть?

— Эх, Ваня, угораздило же тебя! А Додонов тоже хорош. Додонов он после этого!

Предчувствия не обманули мудрого грузина. С монголом Иван расправился в течение полутора минут, с мельницы послав старину Цендийна в туше. Так что, по очкам была победа только над Каменным Руди. Интересно, Иванову подпись Руди в тот же день смыл или до сих пор носит на память?

— Вообще надо бы такую традицию ввести, — вспоминая, как Штайнберг явился в раздевалку за подписью, говорил Папиашвили. — Проиграл — подставляй спину. Позор запомнится, будет стимулом для борьбы. А победители станут считать: “Я столько-то подписей в своей жизни поставил! — А я столько-то!”. Красота!

Пенев всеми считался сильнее Эриксона, но в полуфинале Монреаля с разницей в одно очко американец победил болгарина. Иван отправился к Рокуэллу и от души поздравил его:

— Ты сделал это, Рокки! Я очень рад за тебя. Здорово, что мы с тобой сойдёмся в финале.

— Спасибо, Иван, — широко улыбался своей голливудской улыбкой Эриксон, обнажая дёсны над строем белоснежных зубов, бравых, как морские пехотинцы. — Но должен тебя сразу предупредить: золотая медаль будет моя!

— Это ты зря, — сказал Шарыгин по-русски, хлопнул американца по плечу и удалился.

— Вот я даже не знаю, где этот Суринам находится! Даже не знаю, что это, страна или напиток, — фыркал в далёкой сибирской Норке скептически настроенный против всего мира Сашурик, глядя на то, как по олимпийскому стадиону Монреаля под флагом из зелёных, белых и красных полосок идут немногочисленные спортсмены страны, не завоевавшей ни одной награды.

А в самом Монреале, радуясь, что шакал обезврежен, генерал-лейтенант Исаков шёл сообщить Ивану Шарыгину, что он может спокойно, ни о чём не волнуясь, нести знамя Страны Советов.

В полночь накануне финального дня соревнований по вольной борьбе Иван позвонил домой:

— Если бы ты знала, как я люблю тебя! Катюша, родная, мне столько нужно сказать тебе! Скорее бы домой, так хочется прижать тебя к себе, взять

на руки и кружить. Обязательно пойдём в цирк, пойдём в кино, сядем порознь, и я перенесу тебя к себе.

Столь бурный поток любовных словоизлияний насторожил Катю:

— Иван, с тобой там всё в порядке?

— А почему ты спрашиваешь? Что, если я тебя так сильно люблю, значит, у меня не всё в порядке?

— Да нет, просто... Мне очень приятно слышать такие слова, Иван! Я тоже сильно люблю тебя. Поскорее бы ты приехал и схватил меня на руки. А потом давай поедem на море. Я так хочу на море!

Иван продолжал объясняться в любви, его слова летели над земным шаром из одного конца в другой, из дождливого Монреаля в Красношарск, в котором тоже шли дожди. И это в самый разгар лета! Ивановы и Катины “люблю” вылетали в космос и там переплетались в танце, целовались, ласкались, отпрыгивали друг от друга и летели дальше, Ивановы — в Сибирь, Катины — в Канаду.

А на другой день была финальная схватка Ивана и Рокки. Ею заканчивались все финалы в состязаниях по вольной борьбе. Накануне состоялся неслыханный триумф советских борцов греко-римского стиля: в каждом финале выступал наш спортсмен, из десяти комплектов наград в десяти весовых категориях семь золотых и три серебряных медали! Смогут ли вольники повторить это достижение?

Первыми начинали легковушки — спортсмены весом менее пятидесяти килограммов. Леонид Шустиков в трудной борьбе положил на лопатки американца Питера Мотли и запрыгал, как воробушек, после того, как судья поднял к небесам его руку. Тотчас Броневинок подкатил к своему земляку-сибиряку:

— Ну, Ванюша, Сибирь начинает и выигрывает! Я альфа, ты омега. С меня началось, тобой закончится. У меня был американец, у тебя тоже будет америкашка. Не подкачай, Шарыгин! Велика Россия, а отступать некуда, позади Сибирь.

— Ну, ты и балаболка, — в тысячный раз открыл Америку Шарыгин. — Дать бы тебе щелкана, да нельзя — чемпион Олимпийских игр в Монреале! Да и какая я омега — после меня ещё Осетинский Пирог борется.

— Какая разница, Ваня! — пьяный от своей победы, ликовал Броневинок.

Следующим выступал русский борец из Дагестана Виталий Рюмин, весовая категория до пятидесяти семи килограммов. Он довольно легко одолел швейцарца Буало. Третье золото в полуреднем весе завоевал якут Сафрон Елизаров, по очкам победивший поляка Вержбицкого. Увы, в других четырёх финалах наши борцы довольствовались серебром. Повторить триумф классиков оказалось невозможно.

Остались три категории: в полутяже — Леванишвили против американца Питера Нуланда, в тяжёлой — Шарыгин против Эриксона и в супертяжёлой — Сосланов против венгра Шольома. Зураб, который сильно сокрушался, что не присутствовал при подписании капитуляции Штайнберга, сам великолепно отборолся, дойдя до финала с тремя чистейшими туше соперников. На Нуланда он наткнулся, как на стену в темноте. В тяжелейшем поединке с огромным трудом выиграл с разницей в два очка.

Настала пора Шарыгину отстаивать своё чемпионство.

В Монреале восемнадцатилетний тайландский боксёр легчайшей весовой категории Паяо Поонтарат завоевал для своей страны первую в истории олимпийскую медаль. Хоть и бронзовую, но с каким счастливым видом он нёс тайландское знамя, состоящее из чередования полос: красная, белая, синяя, белая, красная.

Белый костюм элегантнейшего покроя. Как хорошо он смотрелся на Шарыгине, и как было бы красиво украсить этот костюм красными бутонами, будь Бавыкин тем самым снайпером, который должен привести в исполнение угрозы, присланные в адрес советского борца! Ярko представлялось быв-

шему Алику, а отныне Элу: вот он идёт, красавец Иван в своём нарядном белом костюме, несёт впереди себя красное знамя Советского Союза. И вдруг — что это?! — на белизне костюма алые брызги крови, фонтанчики крови, один, второй, третий... Или ещё лучше: пуля пробивает Шарыгину его крутой лобешник, кровянистая водопадом устремляется на белизну костюма. Да, и знамя, знамя! Оно падает из рук Ивана на беговую дорожку Биг-О, а он ничком падает, всей своей ненавистной мордой прямо в это красное знамя, чтобы ещё подкраснить его своей кровушкой!..

Найдя на трибуне японца, Эл сел рядом с ним на оставленное нарочно для него место и сказал по-английски:

— Всё прекрасно. Как говорится в одном советском фильме, клиент дошёл до нужной кондиции. Он сильно волнуется. Думаю, наш сценарий работает эффективно.

— Спасибо, — ответил Кагаяку, продолжая с глубочайшим презрением смотреть на олимпийскую сборную Таиланда, поскольку воинственные и храбрые японцы исторически презирали миролюбивых и трусливых тайцев. — Если наш план работает, вы сегодня же получите вторую сумму.

— Таиланд? — взволнованно ерзая на своём месте, по-русски пробормотал Бавыкин. — Осталось всего ничего.

Финал против Рокки стал самым тяжёлым поединком за всю жизнь Ивана Шарыгина. Эриксон не просто усвоил приёмы, простодушно подаренные ему Иваном, он их усовершенствовал, ими он победил всех соперников на этой олимпиаде, и в разработанном виде подал Шарыгину. Сколько ни пытался могучий сибиряк скорее расправиться с изобретательным америкосом, ничего не получалось. В Рокки он видел самого себя, такого же ловкого и пластичного носителя несокрушимой силы. Они оба шли в атаку, оба ни на секунду не собирались перестроиться и перейти хотя бы ненадолго в оборону.

Иван изнемогал от боли. Ему даже стало казаться, что Рокуэлл знает о его сломанных рёбрах и нарочно давит на них, но трудно было представить, что кто-то слил информацию, которой владели четыре человека: Шарыгин, Папиашвили, Берёзкин и Орликов. Иван и Папа уж точно вне подозрений. А врач и массажист? Кто их знает, иной раз бывает, уверен в человеке, а он окажется предателем. Ведь за такую информашку американцы могли бы и хорошо позолотить руку подлецу...

Но Рокки... Разве мог бы этот улыбочивый, открытый, прекрасный парень воспользоваться сведениями и нарочно давить на сломанные рёбра? Нет, нет, просто там сильно болело, и оттого казалось, что Эриксон нарочно давит в больное место.

Стоп! А почему он с такой уверенностью заявил, что победит?

Нет, нет, не может быть!

Иван от нестерпимой боли едва не терял сознание. Пулями проносились губительные мысли, а не послать ли этот поединок к едрене фене, зачем такие страдания? Но он вовремя уклонялся от этих пуль, продолжая изнурительную борьбу с американцем.

Шарыгин предпринял ещё один хищный выпад, и снова ничего не смог сделать против Рокки. Зрители ревели, в подавляющем большинстве поддерживая американца. На последних секундах Иван и Рассел замерли, как две скалы, вросшие друг в друга. Они оба были измотаны, оба не имели сил продолжать тяжкий поединок.

Гонг!

Иван медленно повернул лицо и увидел, как Папа орёт что-то с озверевшим выражением. И непонятно, что он пытается выорать из себя: радость, возмущение, ликование, злобу?

Папа тыкал пальцем, показывая куда-то, чтобы Шарыгин туда посмотрел. И, повернув лицо в другую сторону, Иван увидел табло:

FINAL. FREESTILE WRESTLING
IVAN SHARYGIN — ROCKWELL ERICSON
17:15

Всё, победа. Но почему такое равнодушие навалилось, почему не хочется отрываться от прижавшегося к нему Рокки, почему он ничего не слышит и ничего не хочет в это мгновение, даже жить!

Иван и Рокуэлл, оба мокрые от пота, повисли на плечах друг у друга. Судья из Норвегии с трудом принялся разнимать их.

И поднял вверх руку Ивана.

Иван вспомнил, что в таких случаях положено радоваться, и слабо улыбнулся. В глазах его всё поплыло. Он сделал несколько шагов, сошёл с борцовского ковра и упал навзничь.

Когда очнулся, увидел лица, с трудом узнавал их. Виталик Рюмин. Зур. Лёнька Шустиков. Георгий Михайлович.

— Папа, — сказал Иван.

Осмотревший Шарыгина Берёзкин произнёс:

— Обморок от перенапряжения и постоянного болевого шока.

— А почему болевого? — спросил Рюмин.

— Он в спарринге с Королевичем Елисеем два ребра сломал! Перед самой первой схваткой против Штайнберга.

— Доктор, вы же сами говорили никому ни слова... — удивился Папиашвили.

— А, ну вас к чертям собачьим! — махнул рукой Берёзкин. — Надо-ели же вы мне все хуже горькой редьки!

— У него что, два ребра?.. — в ужасе спросил Броневичок.

— Все поединки провёл со сломанными рёбрами, — сказал Папа. — И снова стал чемпионом!

— И никто не знал? Вот так Ива-а-ан! — восхитился Рюмин.

— Настоящий джигит! Мужчина! — выдохнул Леванишвили. — Вот, смотри! — И Зур подбросил перед собой облако пепла. Он, как и обещал, сжёг те фотографии, на которых Штайнберг расписывался на спине у Шарыгина.

Иван смотрел на всех мутным взором. Слабо улыбнулся, но уже с лукавинкой:

— Так кто там победил-то?

— Второе олимпийское золото, Ваня! — воскликнул Папа. — Я тебя так люблю, что сейчас голову тебе откушу. Понял, ёлки-пальки?

Иван усмехнулся:

— Понял.

Шарыгин попытался встать, но боль злобно скрутила его, а сил бороться с ней не осталось, и он вновь потерял сознание.

Два золота, два серебра, четыре бронзы — и Витезлав Маха, чешский борец греко-римского стиля, несёт знамя Чехословакии — синий треугольник у древка и две продольные полосы, белая и красная. Жаль, что хорошие чешские и словацкие спортсмены, мужественные и самоотверженные, не смогли попасть в десятку лучших, куда попали другие соцстраны — СССР, ГДР, Польша, Болгария, Куба, Румыния, Венгрия.

Исаков не успел обрадовать Ивана и всех остальных сообщением о ликвидации шакала. Его нагнал Даниличев:

— Павел Игнатьич! Павел Игнатьич!

— Что там ещё? — обернулся генерал-лейтенант и понял, что счастливый конец фильма ещё не настал.

— Это не шакал, — огорчил его окончательно помощник.

— А кто?

— Какой-то мудила из Нижнего Тагила.

— То есть?

— Личность окончательно устанавливается, но это наш турист, придурок. Решил совершить подвиг — залезть на башенный кран и вывесить на самом оголовке красное знамя.

— На чем вывесить?

— На оголовке. Ну, самая верхняя часть крана называется оголовок.

— А ты откуда всё это знаешь?

— Про оголовок? В юности работал на кране.
— Да на хрена мне твой оголовок! Откуда информация?
— Доменик велел вам сообщить. Они уже допросили этого придурка.
Мечтал, чтобы знамя реяло, когда наша команда пойдёт по стадиону.
— Откуда он? Из Нижнего Тагила?
— Да нет, это присказка такая. А он сам из Саратова. Фамилия, едрёна вошь, героическая — Покрышкин.
— Покрышкин он! Видно, что у парня не в порядке этот самый... — —
Исаков постучал костяшками пальцев себе по лбу: — ...оголовок.

Покуда Ивана снова приводили в чувство, пришла последняя победа — Осетинский Пирог в трудной борьбе уложил на лопатки венгра Ласло Шольома. Шарыгин пришёл в себя и сразу же окунулся в атмосферу всеобщего ликования — шесть медалей из десяти в вольной борьбе наши!

— Шустиков, Рюмин, Елизаров, Леванишвили, Шарыгин, Сосланов! — кричал Папа. — Золотые имена героев! Как космонавты, ёлки-пальки! И даже хуже.

Берёзкин настаивал на госпитализации, но Иван наотрез отказался. Силы постепенно возвращались к нему, и он уже мог бороться с болью. Весь остаток дня лежал в своей комнате в олимпийской пирамиде, неподвижно, как какой-нибудь новый Хеопс или Рамзес.

Позвонил Кате, поздравил её:

— Отныне ты жена двукратного олимпийского чемпиона. Повышена в звании.

— Голос мне твой не нравится. Ты здоров?

— Да всё нормально, только малость подустал. Рокуэлл, собака, все мои приёмы перенял, а некоторые даже лучше меня использует.

— Но это ему не помогло. Если ещё увидишься с ним, передай от меня привет и соболезнования.

— Привет передам. А соболезнования... Это ты зря. Соболезновать мы им не будем.

Почему-то комаром в сердце кусало подозрение, что Эриксон знал о сломанных рёбрах. Вспоминалось, как с этим парнем они гуляли по берегам озера Эри, как было весело, и особенную беззаботность добавляло сознание, что американцы — наши враги, а с Рокуэллом можно вот так свободно и хорошо общаться, будто он из соцлагеря. Неужели он?.. Нет, нет и нет, не может такого быть!

— Кажется, наши, — сказал Николай Сергеевич, увидев красное знамя и встрепенувшись.

— Ага, — засмеялся Виктор, — и все сплошь негры. Иван наш, вон, тоже негр. Впереди всех знамя несёт.

Семья Шарыгиных в напряжении ожидала перед телевизором выхода советской сборной — Екатерина Петровна, Николай Сергеевич, Виктор с женой Любой и двумя сыновьями Колей и Ваней, Григорий с женой Ритой, да оба Сашурика. Все немного нервничали.

— А правда, чего они негры? — удивился Виктор сын Ваня.

— Да потому что это не наши! — возмутился Гриша. — Глаза-то разуйте, флаг красный, но с чёрной полосой.

— А я уж подумала, наш флаг, но какой-то траур, — вздохнула с облегчением Екатерина Петровна. — Слава Тебе, Господи, что не наши!

Тринидад и Тобаго — два острова в Карибском море, их названия означают Троица и Табак. Страна незначительная по размеру и населению, но, тем не менее, часто получающая награды на Олимпийских играх. Вот и в Монреале золотую награду завоевал спринтер Хейсли Кроуфорд, в стометровке оказавшийся далеко впереди нашего Быстрицкого, безавшего под мнимым прицелом снайпера. В Порт-оф-Спейне, столице Тринидада и Тобаго, его именем назовут главный стадион, а сейчас Кроуфорд нес знамя своей страны — красное, сверху вниз перечёркнутое чёрной полосой, обрамлённой тонкими

белыми полосками. Вот почему многие, ожидавшие появления на экранах красного советского стяга, встрепенулись, дали фальстарт.

А вот как Иван Шарыгин получал из рук Павлушина красное знамя Советского Союза, по телевизору не показывали. И жаль, потому что зрелище было волнующее.

После беседы Ивана с журналистами Папиашвили проникся к своему воспитаннику ещё большим уважением:

— Ну, ты, Иван, оратор! Как хорошо с ними расправился. Не хуже, чем со своими соперниками здесь и в Мюнхене! А стихи какие! Чьи это?

— Пушкина.

— Слушай! Что вы все заладили со своим Пушкиным! Я на него в обиде.

— Это почему же, Георгий Михайлович?

— Зачем он написал где-то: “Бежали робкие грузины”?

— Это не он.

— А кто же?

— Лермонтов. Поэма “Демон”.

— Лермонтов? Вай мэ! От него я никак не ожидал. Где он видел робких грузин!

— Он же не знал вас, Зураба, других борцов грузинской школы.

— А Багратион? Тоже робкий грузин? Пушкина прощаю, а Лермонтов с этой минуты — мой кровный враг, шени!

И вот в окончании этого спора навстречу Папе и его сынку вышел председатель комитета по физической культуре и спорту, неся свёрнутое красное знамя. И протянул его Шарыгину:

— Держи, Иван Николаевич. Знамя твоей страны.

Ивана мгновенно охватила волна счастья и гордости. “Вот, ёлки-пальки”, — подумал он, принимая из рук Павлушина знамя, как невесту, худенькую, облачённую в красную ткань. Где-то он не так давно вычитал, что в старину на Руси невесты одевались не в белое, а в красное. И Иван прижал эту невесту к своей груди, держа её за древко, как за худенькую ножку.

На следующий день после победы Ивана над Эриксоном в холле Олимпийской деревни-пирамиды состоялось общее собрание советской команды. Большинство спортсменов, не завоевавших наград, уже вернулись на Родину, оставались, в основном, только медаленосцы. Но и их было очень много — больше ста человек. Сорок девять золотых медалей, сорок одна серебряная и тридцать пять бронзовых! Великое олимпийское достижение.

В большом холле от народа тесно, негде сесть, многим пришлось стоять. А в груди у всех тесно от распирающей радости, от гордости за свой успех. Многие надели свои награды. Герман Николаев сразу семь — четыре золотых, две серебряных и одну бронзовую. Ясно, что знамя доверят нести ему, кому же ещё! Борцы расселись в этом парламенте отдельной партией: вольники — Сосланов, Леванишвили, Шарыгин, Рюмин, Елизаров, Шустиков; Додонов и все остальные классики — рядом, но своей фракцией.

Наконец, перешли к главному вопросу:

— Нам предстоит проголосовать за то, кто понесёт знамя на закрытии Олимпиады, — сказал Павлушин.

Иван откликнулся первым:

— Тут и думать нечего! Герман Николаев!

— Само собой! — поддержал его Рюмин.

— Семь медалей! Гигант! — добавил Елизаров.

Вдруг возразил Зураб Леванишвили:

— А я за то, чтобы Женя Филонова! Это будет всемирный сюрприз.

Малюсенькая и хрупкая Женя покраснела и возмутилась:

— Не смешно!

Главный тренер сборной сердито одёрнул Зураба:

— Посерьёзнее, товарищ Леванишвили!

Зураб сменил тон:

— Да конечно, что тут решать? Герман — весь в медалях, ему и нести.

— Кто за то, чтобы знамя советской сборной нёс Герман Николаев? — воззвал Павлушин.

Все начали поднимать руки. И вдруг против собственной кандидатуры возразил сам Николаев:

— Минуточку! Дайте сказать! Ребята! Я не против. И, конечно, такая честь... Эх!.. Но среди нас есть настоящий герой Олимпиады Монреаля. Перед началом соревнований ему сломали два ребра. Иван Шарыгин!

Все воззрились на Ивана, а Додонов признался:

— Это я ему сломал. В спарринге. Нечаянно. Не рассчитал силу.

— Да уж все знают, — сказала Жёня Филонова.

— Но узнали только после того, как он стал чемпионом, — продолжил Герман.

Никто не ожидал, что он вдруг переведёт стрелки с себя на Ивана. Ведь такая честь!

— Да, — вмешался Папиашвили, озарённый надеждой, что его сынку дадут нести знамя. — Он никому не сказал ничего. И, преодолевая дикую боль, боролся. Всех победил. Вы представляете? С такой болью, когда и вздохнуть невыносимо. В финале дожал Рокки. Даже сознание потом потерял. И стал чемпионом, ёлки-пальки!

В холле вырос вопросительный знак.

— Предлагаю голосовать, — сказал Павлушин. — Кто за Ивана Шарыгина?

Первым поднял руку увешанный медалями Николаев. Глядя на него, и все остальные стали голосовать за Шарыгина. Сам Иван не ожидал такого поворота, сильно покраснел, даже его рыжие волосы, казалось, стали альми.

— Да вы чо! Не по мне честь! У меня медаль только одна... — пробормотал он.

Папиашвили аж заорал:

— Зато вторая золотая олимпиада! Слушай, бичо, не отказывайся, а! Не огорчай Папу! Зря, что ли, я тебя учил? Из вагона тогда выкрал — зря? Товарищи! Это честь не только одному Ивану, но и всей нашей советской школе борьбы!

Видно было, как Николаеву жаль расставаться со знаменем. Возможно, в глубине души он надеялся, что всё равно за него проголосуют. Но ведь он сам предложил вместо себя Ивана. Подойдя к борцу, гимнаст хлопнул его по плечу:

— Забирай знамя, Ваня. Дарю.

— С барского плеча шубу... — заулыбался Шарыгин. — Спасибо, Гера, не ожидал.

— Да ладно тебе.

— Скажу честно: я бы не отдал!

— Ну, а это уж точно наши! — воскликнул Сашурик, глядя, как на дорожку стадиона Большое-О выходит следующая команда, и тоже под красным знаменем. Но только снова не с золотыми звездой, серпом и молотом. С белой звездой и белым полумесяцем.

Турки — народ воинственный, стремящийся к доблести, в том числе и спортивной. И на Олимпийских играх завоевывали немало наград, особенно в борьбе. А вот в Монреале почему-то ни одной. Даже знаменитые турецкий борцы, подобные Пуме, и то куда-то подевались.

Будто предваряя появление советского стяга, вышло сначала красное с чёрным и белым знамя Тринидад и Тобаго, затем — красное с белым знамя Турции.

В далёком от Монреаля Красношарске перед телевизором сидела уже не одна Катя. Пару минут назад к ней подвалили Чумаковы — Дмитрий и Лиза.

— Турки, — сказал Дмитрий. — По идее, наши следующие.

— Почему по идее? — спросила Лиза.

— Ну, если ещё какую-нибудь страну за это время не изобретут, — остроумно объяснил Чумаков.

- Что-то у меня на душе беспокойно... Прямо вот кошки скребут! — призналась Катя. — Где там мой Иван-то?
- Накапай валокордина, — усмехнулась Лиза.
- Или коньячку, — сказал Чумаков. — Катюха, давай коньячку нака- тим за твоего чемпиона.
- Это в такую-то рань? — возмутилась Катина сестра.

В тот же день, не успев Иван порадоваться неожиданно свалившемуся на него решению общего собрания, Исаков вызвал его для разговора. Они шли вокруг гигантского здания пирамиды олимпийской деревни, и замна- чальника Пятого управления КГБ говорил зловецким голосом:

— Я нарочно вывел тебя поговорить с глазу на глаз. Чтобы никто нас не мог подслушать. Ситуация не очень хорошая...

— Слушаю вас, Павел Игнатьевич.

Генерал словно не знал, как начать:

— Два ребра, это, конечно, сильно... Но тут дело похуже, чем рёбра.

— Что такое?

— Я как глава группы представителей Комитета государственной безо- пасности на Олимпиаде в Монреале вынужден сообщить тебе пренеприятное известие.

— “К нам едет ревизор”?

— Ревизор. Из местных. Сначала анонимный звонок: “Появитесь на за- крытии, будем стрелять!” Потом через нашу здешнюю агентуру мы получили дважды подтверждение: кто-то намерен произвести выстрелы в спортсмена, который на закрытии Олимпиады понесёт знамя нашей команды. Как тебе это нравится?

— Зашибись информация!

— Иван Николаевич, ты ещё молод, у тебя жена молодая. Тебе сколь- ко? Двадцать восемь?

— Будет. Седьмого ноября.

— Ну да, ты же, как Великая Октябрьская. А жене твоей?

— Двадцать два.

— У вас дети малые. Двое.

— Двое пока.

— Ну вот. Пока... А может и не быть больше. А у Катюши и этих дво- их не станет мужа и отца.

— Прямо-таки, “Белый взрыв”!

— Какой “Белый взрыв”?

— Фильм такой был. Не помните?

— Ты можешь сослаться на то, что два ребра сломаны, загноилось там, то, сё. Знамя тяжёлое.

— Тяжёлое? Да я, Павел Игнатьевич, вас одной рукой могу за ногу по- нести. Хотите — попробуем?

— Я серьёзно говорю.

— И кого же вы под пули? Сами понесёте, товарищ генерал?

— Про меня скажут: “Дожили! У них уже кагебешные генералы спор- тивное знамя носят!” Бурдюков понесёт. Он согласен. Тоже в прошлом бо- рец, как-никак. И не старый, ему только под пятьдесят.

— А что, у Константина Фомича ни жены, ни детей? — усмехнулся Шарыгин.

— Он — главный тренер советской сборной на Олимпиаде в Монре- ле, — без тени усмешек ответил Исаков. — В общем, мы связались с Моск- вой, спросили, можно ли нам в такой ситуации вывести спортсменов на па- рад закрытия. Москва дала добро. Но если ты откажешься, к тебе никаких претензий. Знамя понесёт Константин Фомич.

— Да нет, товарищ генерал-лейтенант. Знамя понесу я. Меня выбрали. Общим собранием. Единогласно. Когда наши герои водружали красное зна- мя над Рейхстагом, они не думали, что в них стреляют. И с ними ничего не случилось. И со мной тоже ничего не случится.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю. Я везучий.

Ночью Иван проснулся, ворочался, смотрел, как на соседней койке спал, похрапывая, Папа. Он встал, вышел на балкон, смотрел на огоньки олимпийской деревни. И видел родное село Норку. Он лежал в кровати ранним утром. Вошёл отец:

— Эй, чемпион! Хватит дрыхнуть! Что нос задрал? А ну, пойдём в кухню. Оно полезней, чем с твоей силищей людей мять.

И они пошли в кухню...

Видение мелькнуло, окатило душу родным кузнечным жаром и исчезло. Иван снова был в Монреале, на балконе в олимпийской деревне. Из комнаты раздавался заспанный голос Папы:

— Иван, ты спать сегодня собираешься?

— Иду, Георгий Михайлович, — отозвался Шарыгин, вернулся в комнату, лёг в кровать.

— Чего не спишь, сынок? — спросил Папа. — Ты что, переживаешь, как завтра флаг понесёшь? Рёбра разболелись? Может, хочешь, чтобы Герман Николаев знамя нёс?

— Ещё чего!

— Тогда спи! И не вздыхай, не ворочайся!

— Георгий Михайлович, может, в шахматешки сгоняем?

— С ума сошёл? — Папа внимательно посмотрел на часы, потом на Ивана: — Горе ты моё! Но только одну партию!

Они уселись за журнальный столик, где на доске уже стояли друг перед другом, как на Куликовом поле, две рати. Началось сражение. Иван — чёрными, тренер — белыми. Минут через двадцать Папа стал бодро побряхтывать, видя, что Иван невнимателен, и белая пешка вполне может вскоре пройти в ферзи.

— Вот интересный ты человек, Иван! — сказал Папиашвили. — Когда я с тобой в шахматы плохо играю, ты проигрываешь. А когда я тебя в плохое положение поставлю, ты выкрутишься и обязательно выиграешь! И на ковре так же. Помнишь, как ты в Толедо все свои секреты выдал Эриксону, он тебя едва не поборол, а потом ты...

— Конечно, помню, у меня тогда ещё Александр Иванович родился, — улыбнулся Иван, делая неожиданный ход ладьёй. — Мат!

Папиашвили опешил:

— Как мат? Ох, ме сулели! И правда, мат... А ты куда смотрела? Я тебе сейчас голову откушу!

Он вдруг схватил пешку и действительно откусил ей головку. Иван громко расхохотался:

— Георгий Михайлович, ты зачем пешке голову откусил?

— Потому что я этой пешкой вот сейчас только что должен был пройти в ферзи и сам тебе мат поставить!

Папа зверским движением смахнул фигуры с доски, вызвав новый раскат Иванова смеха:

— Горестная судьба пешек!

Папа пылал от гнева. Ударом погасил свет, бросил себя в кровать, накрылся зло одеялом:

— Всё, хватит! Если тебе не спится, слушай, ты займись аутотренингом. Только помни: это не то, чем мальчики в юности занимаются.

Иван со смехом лёг и снова попытался уснуть. Но ему не спалось. Был бы он сейчас один, он бы включил магнитофон и послушал свою любимую песню в том редком исполнении, в каком её мало кто знает.

Это на прошлый день его рождения Чумаков, зная о пристрастиях Шарыгина, принес ему неожиданный подарок:

— На этой кассете редчайшая любительская запись. Твоя любимая певица поёт твою любимую песню.

Ивану страшно нравилась эта смелая и артистичная девушка с рыжей копной волос, не так давно кометой ворвавшаяся в устоявшийся мир советской эстрады. Весёлая, озорная, превращающая каждый свой выход в пантомиму. А какой голос! И как задушевно она озвучила новогодний фильм,

мгновенно завоевавший огромную любовь зрителей. Странно, почему режиссёр не взял её на главную роль, а предпочёл эту стареющую картонную польку...

Но то, что ко всему прочему рыжая певица поёт и его любимейшую песню, стало для него лучшим подарком к дню рождения. Не медля, Иван поставил кассету, и все стали слушать, удивляясь:

— Надо же, а мы только Пьеху слышали.

— Нет, ещё Магомаев это поёт, и Хиль, и даже Бернес, — сказала Катя.

А Иван, как зачарованный, слушал любимую песню на слова Роберта Рождественского и музыку Оскара Фельцмана в исполнении любимой певицы:

*Об этом, товарищ, не вспомнить нельзя:
В одной эскадрилье служили друзья,
И было на службе и в сердце у них
Огромное небо, огромное небо,
Огромное небо одно на двоих.*

— Здорово! — воскликнул он, когда песня закончилась. И потом он никак не мог дожидаться ухода гостей, чтобы снова послушать.

Рыжая певица исполняла песню совсем не так, как другие, которые тоже хорошо её пели, но она всех превзошла. В её голосе было всё — золото наших побед, алое пламя наших сердец, трепет нашей души на древке нашей твёрдой уверенности в своей правоте и силе.

*Летали, кружили в небесной дали,
Рукою до звёзд дотянуться могли...*

Наконец, праздник кончился, все гости ушли, Катя шла с кухни, вытирая руки о фартук:

— Ну вот, дети спят, я всю посуду перемыла, чтоб на завтра не оставалось. Хороший день рождения получился. Ивану моему двадцать семь годочков стукнуло...

Иван, пересматривая подарки, взял кассету:

— Этот самый лучший. Спасибо Чумакову. “Огромное небо”... И огромное спасибо.

Катя ласково улыбнулась, подошла к мужу, прижалась к нему:

— Это ты — моё огромное небо. Огромное-преогромное.

Он хотел было сейчас ещё раз послушать песню, но после таких слов Кати схватил жену на руки и понёс в кровать.

Среди ночи Катя проснулась в постели одна. Встала, запахнулась халатиком, пошла на звуки магнитофона, тихо лившиеся из кухни.

*Бедя подступила, как слёзы к глазам, —
Однажды в полёте, однажды в полёте,
Однажды в полёте мотор отказал.*

Жена подошла к двери тихонечко, заглянула в дверное окошко. Муж сидел перед магнитофоном и слушал с самым торжественным видом.

*И надо бы прыгать — не вышел полёт, —
Но рухнет на город пустой самолёт,
Пройдет, не оставив живого следа,
И тысячи жизней, и тысячи жизней,
И тысячи жизней прервутся тогда.*

Рыжая певица и впрямь пела эту песню особенно, сильнее цепляла душу, чем другие. Почему-то ей не дали петь её по телевизору, не записали на пластинки. Почему-то осталась она лишь на любительских записях для магнитофона.

*Мелькают кварталы и прыгать нельзя...
— Дотянем до леса, — решили друзья, —
Подальше от города смерть унесём,
Пускай мы погибнем, пускай мы погибнем,
Пускай мы погибнем, но город спасём.*

Катя вдруг увидела, что по лицу Ивана текут слёзы. Ну, совсем мужик съехал! Ещё, чего доброго, влюбится в эту рыжую! А что, и он, и она — люди известные, где-нибудь пересекутся. “Сразу убью!” — тотчас мелькнула мысль у Кати. Вот только кого? Конечно, её. Иван останется в живых, признает свою вину, а больше ему уже и не в кого будет влюбляться.

*Стрела самолета рванулась с небес,
И вздрогнул от взрыва березовый лес...*

Он, между прочим, тоже ревнивец тот ещё, не меньше, чем она. Взять хотя бы недавний случай с Барселонским, оказавшимся с ними в одном ресторане в Ялте. Иван сразу его узнал, налился ненавистью:

— Вон он, твой.

— Какой ещё мой?

— Циркач.

— Чего-о-о? А, это же Барселонский, вот так встреча!

Известнейший укротитель тоже заметил их, изменился в лице, перестал смеяться над какими-то шуточками своей компании и всё время поглядывал на Катю и Ивана. Наконец, не выдержал, встал, подошёл:

— Здравствуйте. Можно к вам ненадолго присесть?

Иван разрешил. Циркач тотчас заказал бутылку шампанского и с ходу заявил:

— А вы знаете, я потом не мог забыть вас. И до сих пор не могу.

— Это вы зря, — как и положено, отреагировал Шарыгин.

Не заставляя себя долго ждать, прикатилось шампанское, официант налил его Кате, Барселонскому, а фужер Ивана оказался накрыт борцовской ладонью:

— Не употребляю спиртного.

— Я просто хотел выпить за вас, — глядя на Катю уже влюблёнными глазами, промолвил укротитель тигров. — Вы прекрасны. Вы способны ворваться в мир человека и остаться в нём навсегда.

— А это совсем зря.

— В каком смысле? Вы, я так понимаю, муж? Поверьте, я ни на что не претендую. — Теперь только стало очевидно, что Барселонский изрядно выпивши. — Хотя... Я бы мечтал вас выкрасть, — заявил циркач, глядя на Катю нагло, уверенный в своей неотразимости. Похоже, он даже не знал, кто такой Иван.

— Поздно, товарищ Барселонский, — поспешила Катя, прежде чем Иван скажет третье, роковое слово, за которым может последовать известно что. — У вас был случай меня похитить, вы им не воспользовались. Меня похитил другой, более смелый и решительный, а главное, любящий меня. И я благодарна вам, что вы тогда так подло сбежали, несмотря на наш уговор. Иначе бы я, быть может, прошла мимо своей счастливой судьбы.

Катя с любовью посмотрела на мужа и закончила:

— Максимум, что я могу для вас сделать, это дотанцевать с вами эту мелодию.

Видя недоумение Ивана, Катя подмигнула мужу, встала и пошла танцевать с Барселонским последнюю минуту исполняемой певцами песни. Кстати, то была одна из любимых Иваном песен рыжей — “Ясные, светлые глаза”. С Шарыгиным она бы ни за что не стала танцевать под рыжую, а с Барселонским пошла. Они стали кружить в танце, и циркач запел, подпевая ресторанному певцу:

— Ясные, светлые глаза // вижу я в сиянье дня...

— Не надо вам мои глаза, — сказала Катя. — Вы прекрасный артист, великодушный укротитель, но поверьте мне, этого тигра, которого мы оста-

вили там за столиком, вам никогда не удастся укротить. А он уже готов рас-терзать вас. Пожалуйста, вернитесь за свой столик и лучше сразу же уходите из этого ресторана. Прощайте.

И она решительно отстранилась от Барселонского, вернулась к мужу, готовому уже выйти на арену, чтобы загрызть укротителя. Барселонский печально вернулся в свою компанию и там стал изображать, как ему весело и насколько ему начхать на случившийся промах. Однако видно было, что он интересуется, кто такой Иван, потому что один из приятелей стал ему что-то рассказывать, и циркач поднимал брови, кивая: ах, вот, кто её муж! Так, во всяком случае, показалось Кате. Кончилось всё тем, что она сама увела мужа из этого ресторана, даже не бросив прощального взгляда укротителю, краем глаза видя, как он этого прощального взгляда ждёт. Слава Богу, третьей ступени развития событий — “А это уж совсем ни к чему” — не последовало.

*Не скоро поляны травой зарастут...
А город подумал, а город подумал,
А город подумал — ученья идут.*

Точно, плачет. Ну, это уж слишком. Катя решительно вошла в кухню. Иван мгновенно смахнул с лица слёзы.

— Иван, ты что? Плачешь? Вот чудной какой!

— Катюша... — Ему было стыдно за свои слёзы. — Представляешь, капитан Капустин и старший лейтенант Янов... Сразу два двигателя отказали. И они, чтобы спасти город, погибли сами.

— Да знаю я это всё. Смешной ты, Иван. — Катя подошла, легла лицом ему на спину. — Такой большой, а сам как маленький.

И как бы ему сейчас, в ночном Монреале, хотелось слушать эту песню, и чтобы любимая Катюша снова легла лицом ему на спину и ласкала. Ведь завтра ему предстояло нести в вытянутой руке знамя Родины, и, быть может, никто в него не выстрелит, как не выстрелили в Быстрицкого, а может, и выстрелят, исполняя свои угрозы, как убили израильских спортсменов четыре года назад в Мюнхене, можно сказать, почти у него на глазах.

Папа уже мирно поспывал, а Иван всё ворочался, не в силах уснуть. Он накрыл голову одеялом, а в голове отчетливо пела рыжая, нет, алая певица, и её голос звучал дальше сквозь сон Ивана, в который он всё-таки наконец провалился:

*В могиле лежат посреди тишины
Отличные парни отличной страны,
Светло и торжественно смотрит на них
Огромное небо, огромное небо,
Огромное небо — одно на двоих.*

Ивану снилось, как он бежит по тайге с красным знаменем, а его окружили со всех сторон и стреляют. Он не чувствует боли, но видит, как из его омертвевшей руки знамя СССР падает, как падает весь мир, всё кружится, знамя накрывает его лицо, и всё становится красным... Он повернулся в сторону и увидел Катю. Она в чёрном траурном платке сидела за поминальным столом, рядом с ней жалобные рыжики-шарыжики хлопали жалобно глазами. На столе перед ними — пустая шахматная доска, с которой на пол смахнули все фигуры. Потом он услышал жужжание электробритвы. Значит, в доме уже появился другой мужик! Но нет, оказалось, жужжит из телевизора, в котором диктор бредет и одновременно вещает:

— В тот момент, когда неизвестный открыл стрельбу, Иван Шарьгин нёс знамя советской страны. В живых не остался ни один спортсмен...

Иван сдёрнул со своего лица красное знамя, но это уже оказалось одеяло. Он проснулся рано утром, стряхнул с себя остатки сна. Папа жужжал электробритвой, бреясь в ванной комнате перед зеркалом.

Иван радостно позвал его:

— Георгий Михайлович! Товарищ Папиашвили!

Папа высунулся из ванной:

— Проснулся?

— Ага.

— Вставай, знаменосец! Чудны дела Твои, Господи! После спарринга с Додоновым, когда он тебе два ребра сломал, я был уверен, что всё, капец... А в итоге ты снова олимпийский чемпион...

Спрыснувшись одеколоном, Папа старательно хлопал себя по щекам, будто желая вызвать самого себя на дуэль.

— И сегодня ты понесёшь знамя нашей великой страны!

Иван, наконец, встал с кровати и заулыбался. Его застрелили. Но только во сне. А значит, наяву уже не застрелят.

— И понесу!

И понёс! Он шёл впереди победоносной олимпийской сборной великого Советского Союза, в нарядном белом костюме, держа на вытянутой руке далеко впереди себя высокое древко, на котором пламенело, трепетало и волновалось, живя своей героической жизнью, знамя твоих побед, Родина!

Следом за ним, радостно приветствуя алыми гвоздиками стадион Биг-О, неторопливо, но и не медлительно, шли в белых костюмах герои Монреаля — борцы вольники и классики, гандболисты и укротители велосипедов, метатели молота и дзюдоисты, байдарочники и гандболисты, гимнасты и бегуны, штангисты и каноечники, прыгуны и фехтовальщики, боксёры и волейболисты, гребцы и парусники, высокие и стройные баскетболисты и приземистые могучие метатели ядра, пловцы и прыгуны, стрелки и футболисты; а в оранжевых платьях шествовали красивые и не очень в обыденной жизни, но теперь все без исключения прекрасные пловчихи и баскетболистки, гимнастки и гандболистки, бегуны и байдарочницы, толкательницы ядра и метательницы молота, фехтовальщицы и волейболистки, прыгуны и победительницы в академической гребле.

Иван Третий, стерпевший боль сломанных рёбер и всех одолевший, вел за собой это многочисленное и победоносное воинство, свою маленькую страну. Целиком отдавшись счастью и гордости за то, что именно он несёт знамя своей великой страны, Шарыгин забыл и думать о том, что в него, быть может, уже целится снайпер.

А с одной из трибун в него целились полные ненависти глаза.

— Я опять проиграл ему, этому проклятому русскому! — сказал сияющий избранник богов.

Сидящий рядом журналист агентства “Трейтор” не понимал по-японски, но тут и не надо ничего понимать, всё и так было ясно. Когда этот японец, источающий ненависть ко всему русскому, вышел на него с предложением устроить покушение на Ивана Шарыгина и пообещал большие деньги, он недолго колебался. Кагаяку знал, где искать, — среди недавних граждан СССР, переметнувшихся на Запад и с собачьим лаем и преданностью служащих своим новым владельцам. К тому же, такая удача — Эл Боуи оказался из одного сибирского села с Шарыгиным. Он мигом взялся за дело. Но вскоре у сияющего избранника богов возник ещё более хитроумный план:

— Мы не будем его убивать, — сказал он журналисту при очередной встрече.

— Как? Почему? — удивился Эл Боуи, который уже почти вышел на людей, почти готовых совершить теракт.

— Простое убийство — это так банально, — поморщился Юкио. — Я хочу настоящую месть самурая. Чтобы этот человек потерял не жизнь, а нечто другое.

— Что же? Что может быть ценнее жизни? — воскликнул Эл Боуи.

— Лицо.

— Фу! Как я ненавижу весь этот... — Бавыкин никак не мог подобрать английского аналога слову “выпендрёж” и не смог, ограничился выражением: — ...мнимый аристократизм.

— Здесь нет ничего мнимого, — спокойно возразил сияющий избранник богов. — Я хочу, чтобы он струсил и не вышел на церемонию закрытия. Вы должны организовать всё так, чтобы у русских не осталось сомнения, что на закрытии игр Иван Шарыгин будет застрелен. И тогда он откажется. И я увижу, что его нет. И это будет для меня самым торжественным моментом в жизни. Мне не нужна его смерть. Нужно его малодушие.

— Дело ваше, — разочарованно пожал плечами Эл Боуи. — Как говорится, кто платит деньги, тот и заказывает музыку.

В итоге план резко поменялся, и Бавыкин стал разрабатывать линию запугивания. Он даже смирился с ней. Хотя как ему хотелось, чтобы прозвучали выстрелы, и ненавистный Ванёк рухнул, истекая кровью, на дорожку стадиона Биг-О. Он пытался убедить себя в том, что убитый Шарыга станет в ещё большей степени героем, а напуганный и впрямь потеряет лицо, но величественная картина гибели Ивана всё равно оставалась более вожделенной, нежели страница позора, которую довольно легко перелистнуть.

А тут за пару дней до церемонии закрытия стало известно, что Шарыгину доверили нести знамя СССР.

— Ситуация усложнилась, — суетился Эл Боуи. — Одно дело — отказаться идти в числе других, другое — отказаться нести знамя. Поймите, Иван не такой человек. В данном случае он предпочтёт гибель со знаменем в руках, чтобы потом его воспевали, как героя.

— О нет, ситуация даже улучшилась, — возражал Кагаяку, возбуждаясь, как самурай перед боем. — Если он откажется нести знамя, он не просто потеряет лицо, он потеряет всего себя, его будут презирать. На всю жизнь он останется человеком, отказавшимся нести знамя родной страны. И надо добиться, чтобы он отказался!

Так начались звонки, предупреждающие, что будут стрелять не в Ивана Шарыгина, а в того, кто понесёт знамя. Эл Боуи организовал их с разных телефонов разными голосами. Он проявил все свои таланты интригана, узнал, через кого можно пустить дезинформацию, чтобы она дошла до агентов КГБ, которые бы подтвердили намеренность террористов убить именно знаменосца, а не конкретного Иванушку-дурака. Наконец, он попал на эту пресс-конференцию, когда церемония закрытия игр уже началась и до выхода советской команды оставались считанные минуты. И он видел минутную растерянность этого болвана после того, как он пафосно читал стихи про стальную щетину и произносил слова о великой любви, а потом, услышав вопрос Бавыкина по поводу возможного выстрела, на миг смутился и трусливо отказался ответить на этот роковой вопрос, бежал с поля боя, уводя за собой грузиняку-тренера и председателя Комитета по физкультуре и спорту, то бишь члена Правительства СССР.

Теперь оставалось только увидеть, как впереди советской победоносной сборной пойдёт с красным знаменем кто-то другой, но не Иван. А Ванек будет плестись в общем стаде, понуро, позорно. Только бы это произошло!

Но этого не произошло, и Бавыкину хотелось кричать на весь стадион, на весь Монреаль, на весь мир:

— Сууу-кааааа!

Запрыгнуть в свой тот “Фиат” и дать газу — подальше от Ивана, подальше от своей ничтожной судьбы, от самого себя, никогда не имевшего лица.

Он посмотрел на Кагаяку. Лицо сияющего избранника богов всё ещё горело ненавистью, но, присмотревшись, Боуи увидел в этом лице искру нового чувства — о, ужас! — чувства восхищения!

Да, японец начинал смотреть на шагающего в белом костюме с красным знаменем Ивана с восхищением. Он сам не ожидал от себя такого душевного поворота. Белый костюм, красное знамя. Как белый флаг Японии с красным кругом. “Если бы в Ивана стреляли, его белый костюм окрасился бы кровавым кругом, и это совсем стало бы как японское знамя”, — вихрем кружилось в голове у Кагаяку.

Иван Шарыгин вышел. Он не потерял лицо, а ещё больше утвердился в нём. Он был достоин уважения. В нём сидел дух самурая, который всё реже встречается в самих японцах, разве что здесь, в Монреале, гимнаст

с вывихнутой ногой показал его. А теперь то героическое, что всегда вызывало восхищение сияющего избранника богов, воплотилось в русском Иване, несущем знамя своей державы.

— Ну что, довольны? — с упрёком спросил Эл Боуи.

— Доволен? — отозвался из тихоокеанских глубин своих новых переживаний Юкио Кагаяку. — Да, доволен. Я очень доволен.

— Полагаю, вторую половину гонорара я уже не получу?

— Почему бы и нет? — усмехнулся сияющий избранник богов.

— То есть?

— Держите. — И из кармана Юкио в ладонь удивлённого Бавькина переместился заготовленный толстый конверт с деньгами.

— Наши! Наши пошли! Вон Иван впереди всех со знаменем! — кричал в селе Норка вне себя от радости Сашурик.

— Иван! Ваня! — выдохнул в своём Агабане Чашкин.

— Катька! Иван твой знамя несёт! — крикнула в Красношарске Лиза Чумакова.

— Мать! Смотри! Наш Иван знамя несёт! Союза Советских Социалистических Республик! — ликовал в Норке отец Николай Сергеевич Шарыгин.

— А ты мне ещё не верил, паршивец! Яшиным хотел быть!.. — размазывал похмельные слёзы Чашкин. Накануне он крепко поднабрался.

— И правда, Иван! — выдохнула Катя.

— Господи, честь-то какая! — перекрестилась мать Екатерина Петровна.

— Хотел Яшиным, а стал Шарыгиным! — плакал Чашкин, наливая себе в стакан холодное пиво.

— Женька, Санька! Да не спите вы! Ваш папа со знаменем нашей страны идёт! — кричала Катя, из ясных и светлых глаз её сыпались мелкие бусинки слёз.

— Не зря я его тогда отпустил, выходит дело... — чуть не плача, усмехался отец.

— Хоть бы не споткнулся! — сказала Лиза.

— Это Иван-то?! — возмутилась Катя, а Чумаков поддержал её и чуть-чуть Ивана, чтоб тот и впрямь не споткнулся:

— Не упадёт. Соображай, что говоришь.

— Смотрите, это ваш родной дядя Ваня! — сказала своим детям, Коле и Ване, жена старшего брата Виктора Люба.

— А ведь это и я знамя несущий... — выпив залпом вкусную холодную жидкость, с гордостью воскликнул Чашкин.

— Муж мой... Иван... — тихо произнесла Катя.

Иван со спокойным лицом нёс знамя СССР. На вытянутой руке. Алое полотнище с золотом звезды, серпа и молота красиво развевалось. Трибуны стоя приветствовали страну-победительницу. Кто-то с искренним уважением, кто-то с вынужденным, кто-то с ненавистью, но тоже стоя.

Генерал-лейтенант КГБ Исаков в бинокль смотрел на этих людей — восторженных, ненавидящих, смеющихся, спокойных, скачущих, дудящих, свистящих, приветливо машущих рукой.

Полицейские кого-то схватили. Снайпер? Да вроде нет, просто пьяный дурак. Орёт что-то.

А вон другой дурак, с огромной хлопушкой, Павел Игнатьевич давно заметил его и послезживал за ним. Этот развернул хлопушку, извлек из неё огромную бутылку и, что-то крикнув, запрокинул горлышко, впуская в себя огненную влагу. Наверняка наш, русский дуралей. Кто ж ещё-то!

А вон Папиашили, тоже пробрался на трибуны, плачет, провожая взглядом Ивана со знаменем. И тоже что-то кричит. Понятно, что, ёлки-пальки!..

Только бы никто не стрельнул!..

Но ты, Иван, будешь идти и идти, невозмутимо неся на вытянутой руке знамя родной страны, и никто не посмеет выстрелить в тебя. Ты уведёшь

своё доблестное войско, а за ним последует бесславный отряд ничего не завоевавших уругвайцев под полосатым бело-синим флагом с беззаботным жёлтым солнышком в крыже у древка. За уругвайцами под жёлто-сине-красным стягом пройдут венесуэльцы с одним-единственным серебряным боксёром Педро Гамарро. А замыкая шествие, под сине-бело-красным знаменем с красной звездой посредине выйдет крепкая олимпийская дружина югославов, ещё не разбросанных во все стороны на пять бывших республик и в Монреале стяжавших две золотых, три серебряных и три бронзовых медали.

Река по имени Время, которая так медленно и томительно текла к этой великой минуте, когда ты, Иван понесёшь красное знамя побед своей великой страны, вдруг перескочит через сей порог и превратится в стремнину, быстро понесётся прочь от той священной и блаженной минуты, уносясь от неё всё дальше и дальше.

Когда ты вернёшься в родную страну, тебя вместе со всеми героями Монреала встретят в подмосковном аэропорту Шереметьево тысячи людей с цветами. И ты, как многие другие олимпийцы, будешь прятать лицо в эти цветочные тучи, чтобы не видели твоих слёз волнения. Тебе дадут микрофон, чтобы сказать несколько слов приветствия родной стране, но ты сможешь лишь выдохнуть:

— Мы ощущали дыхание Родины...

И отойдёшь от микрофона под рёв радостных оваций.

А встреча в родной Сибири станет ещё более торжественной и многолюдной, нежели четыре года назад после Мюнхена. Но Катя на сей раз не потеряется в толпе и не побежит к тебе сквозь милицейское оцепление. В аэропорту Красношарска Катю понесут тебе навстречу на руках, как главный приз, и её ясные светлые глаза засверкают алмазными брызгами. Жена двукратного олимпийского чемпиона!

Ты сойдёшь с трапа самолёта, и люди подарят тебе твою Катю, как невесту, как знамя, передадут из рук в руки, и счастливее вас двоих в ту минуту не будет в целом мире никого.

— Следующее золото — уже в Москве, — скажет она тебе уже дома после того, как вы утомитесь от многих минут радости долгожданной встречи.

— Ноу проблем, — ответишь ты, смеясь, потому что в столице Родины, конечно же, будет куда легче завоевать золотую медаль, чем на чужбине. Вот только ты её не завоеешь, Иван, эту третью олимпийскую золотую награду. Нет. Ты просто не попадешь на Московскую Олимпиаду. Как? А вот так. Не попадешь.

Но сначала будут ещё четыре года счастливого ожидания этой родной Олимпиады, и начнутся они с того, что однажды, развернув газету, ты увидишь рядом две фамилии — Шарыгин и Ленин: “Указ Президиума Верховного Совета СССР... Г. М. Папиашивили — орден Дружбы Народов, З. К. Леванишвили — орден Ленина, Г. В. Николаев — орден Ленина, А. Г. Сосланов — орден Ленина, И. Н. Шарыгин — орден Ленина...” И — в Москву, на сей раз с Катей вместе, чтобы она могла увидеть, как сам глава государства целует её мужа и прикалывает к лацкану его пиджака главный орден советского государства за исключительные достижения и особо выдающиеся заслуги:

— Молодец, Ваня, всё про тебя знаю, герой!

У самого Брежнева к тому времени будет уже пять таких Лениных.

— Погоди, у меня их впереди столько же! — подмигнешь ты жене, но этот останется твоим единственным платиновым Ильичом в обрамлении золотых колосьев, осенённым тем же алым знаменем, какое ты, Иван, пронёс над стадионом в Монреале.

Осенью вы будете много ездить с Катюшей, отдыхать на море, выезжать за границу.

— Пора тренироваться, — скажешь ты сразу после встречи Нового года. То есть вернуться к тирании усиленных тренировок, которая из-за перелома рёбер смягчится на несколько послемонреальских месяцев. И снова будешь бегать до изнеможения, отжиматься, лазать по канату, пробегать стометровку почти как олимпийцы-бегуны, поднимать тяжести почти такие же,

как тяжелоатлеты, обладатели золотых наград, париться в бане, купаться в снегу и в проруби, а главное — спарринговать и спарринговать до изнеможения. С самыми разными соперниками.

Настанет пора ехать за новым золотом Европы, но тебя вдруг не пошлют в бывшую столицу Византии. Усатому чеченцу Султану Асланбекову окажется ближе добираться до Стамбула из Грозного, нежели тебе из далёкой Сибири.

— В чём дело? — обиженно спросишь ты. — Ведь я сейчас в своей самой лучшей форме, лучше, чем перед Мюнхеном и Монреалем!

— Не обижайся, — ответит тебе Павлушин. — Тут нет злого умысла. Просто надо обкатать нового талантливую парня. Кто-то ведь должен будет прийти тебе на смену.

— Это вы зря. Мне рано думать о смене, Павел Сергеевич. Обидно даже! Вот как обидно, знаете ли! — скажешь ты и уйдёшь до того, как произнести: “Это вы уж совсем зря...”

Ты даже пожелаешь грозному чеченцу неудачи, но Султан станет турецким султаном, выступит превосходно, в полуфинале победит по очкам турка Изельмаша, а в финале и того хуже — положит на лопатки Каменного Руди, приговоренного судьбой только для тебя.

— Султан, а Руди не приходил к тебе потом за автографом? — спросишь ты с подколкой, вскоре оказавшись с новым чемпионом Европы за одним столом.

— Нет, а к вам приходил?

— Было дело. Оставили мы надпись на стене Рейхстага.

А Павлушин потом скажет:

— Хватит дуться, герой двух олимпиад! У тебя теперь задача показать, что ты лучше Турецкого Султана. Едешь в Толедо. Надеюсь, кубок мира у нас в кармане?

И в конце марта первого послемонреальского года ты снова полетишь вместе с Катюшей в Америку. И снова там будет так хорошо, всюду — приветливые люди, снова любезнейший и улыбочивый Рокки, как ни в чем не бывало. А тебя все будет подмывать спросить его, знал ли он про сломанные рёбра и почему давил именно на них. Но ты постесняешься и не спросишь. А вдруг он скажет: “Да, знал!”? Или ещё хуже: “Не знал”, — а по морде будет видно, что знал.

И вы вместе пойдёте смотреть только что вышедший на экраны фильм “Рокки” с великолепным Сильвестром Сталлоне в главной роли. Только там будет про бокс, но всё равно хорошо. И будто бы даже с каким-то намёком на Рокки Эриксона.

Когда в полуфинале ты сойдёшься с Рокуэллом, он скажет:

— Прости, Иван, хотелось положить тебя на лопатки в финале, но похоже, финал станет чисто американским.

Бедный Рокки, он снова промахнётся в своих предсказаниях! Во время схватки ты опять заподозришь его в том, что он знает, где у тебя были сломаны рёбра, но на сей раз не потребуется победы по очкам, потому что ты положишь его на лопатки по истечении двух минут поединка. А другого американца, Боба Ливингстоуна, и вовсе прижмёшь к коврику обеими лопатками аж на пятнадцатой секунде! Чего не было и не будет на кубках мира ни до, ни после тебя. Зрители даже не успеют притихнуть и подготовиться к зрелищу, а бой уже окончится.

— Ва-а-а-ау!!!

Третий кубок мира в американском Толедо!

— Я обожаю тебя, Иван! — закричит Катя на чистом английском языке, которые она в совершенстве освоит к своему этому приезду в Америку. А когда все трибуны обратят на неё свои взоры, она крикнет ещё громче: — Это мой муж! Иван Шарьгин! Завидуйте мне!

Рокуэлл останется таким же любезным, а ты так и не спросишь его про свои рёбра, вы расстанетесь как друзья, и ты полетишь домой вполне довольный своими победами. Но чувство недосказанности в отношениях с Рокки сохранится и даже усилится.

Ты вернёшься и станешь готовиться к схватке с Турецким Султаном на чемпионате СССР. В том, что вы с ним сойдётесь, у тебя не будет сомнений. Кто сильнее? Конечно же, ты. Но ты всё равно будешь усиленно тренироваться, чтобы в родном Красношарске не разочаровать тех, кто тебя так обожает.

К этому чемпионату уйдёт из спорта твой извечный соперник Гулебенко, но наберёт тяжёлый вес потомок шахтёров Донбасса и французских горных инженеров Борис Вале, уже имеющий прозвище Пиковый Валет. И вам доведётся впервые схлестнуться с ним. Эта первая встреча принесёт тебе радость — парень и впрямь сильный, талантливый, но Ивана Шарыгина ему вовек не победить. Ты положишь его на лопатки после трех минут боя и уверенно пойдёшь к финалу, но не дойдёшь до него. Увы, но с Турецким Султаном тебе придётся схватиться в полуфинале, и он окажется не только на восемь лет моложе тебя, но хитрее и быстрее, чем ты мог предполагать. Целых четыре очка ты проиграешь ему и займёшь в родном Красношарске всего лишь третье место. А он в финале положит на лопатки твоего дружка Зурабчика. В итоге не сибиряк и не грузин поедет осенью в швейцарскую Лозанну, а этот усатый чеченец. И станет новым чемпионом мира.

А ты, Иван? Ты будешь спокоен — пусть в этом и следующем годах побалуются другие, а когда наступит год Московской Олимпиады, *я спущусь и возьму всё стадо*. Главное, победить всех в предолимпийском году. Ты будешь ездить с Катюшей по стране и за границу, пожиная плоды своей славы или просто отдыхая где-то незаметно, чаще бывать в родной Норке, где в тебе души не чают, и каждый твой приезд встречают, как Пасху или Новый год. Рыбалка, работа в кузнице, баня, заготовка дров — что может быть лучше для чемпиона в промежутке между прежними и новыми схватками!

Год Турецкого Султана сменится годом Зура. На международном турнире в Армении он по очкам выигрывает у Асланбекова, в Румынии станет золотым призёром Европы, а в финале мирового первенства в Аргентине проигрывает, и кому! — Каменному Руди, который, наконец-то, возьмёт своё первое мировое золото. Вот только тебя, Иван, не будет ни в Ереване, ни в Бухаресте, ни в Буэнос-Айресе.

Ты станешь лечиться. Недолеченные рёбра дадут о себе знать спустя два года после того неудачного спарринга с Королевичем Елисеем. Начнутся боли, врачи заставят лечь в больницу, а это уж совсем ни к чему:

— Давай только быстрее как-то, я не знаю.

Катя к тому времени уже узнает о неосуществлённом выстреле снайпера. Когда ты сам ей всё расскажешь, дабы не узнала от других, она даже как-то спокойно это воспримет и только ночью ты проснёшься от её рыданий:

— Что такое?!

— Что-что! А если бы тебя застрелили?

— И что же ты предлагаешь? Чтобы я лично сдал другому знамя?

— Нет, конечно, это был бы уже не ты после такого. Но как представляю... — И снова поток слёз.

Но со временем она свыкнется, перестанет плакать, представляя, как тебя убивают, а в больнице ободряюще скажет:

— Скажи спасибо, что из тебя не надо пули выковыривать.

— Спасибо, — засмеёшься ты, хотя тебе будет не весело. Что, если тяготина с воспалившимися рёбрами перерастёт в более серьёзные осложнения? Тогда прощай, Москва!

Но ты будешь стараться не думать о худшем, подбадривая себя: впереди ещё столько турниров и столько побед! Пройдут эти два послемонреальских года, и начнётся усиленная подготовка к следующим играм, обещающим принести тебе третье олимпийское золото.

Надломит ли тебя смерть отца? Конечно, это огромное горе, но не оно повлияет на твою дальнейшую спортивную судьбу.

Отец будет валить бензопилой огромную ель. Допилив до края ствола, увидит, что рюкзак его лежит нехорошо, дерево, свалившись, может упасть на него, а там всякая снесь, стекло.

— Это ты зря... — скажет Николай Сергеевич и пойдёт перекладывать рюкзаки, а ель сорвётся с недопила, и он не заметит, как она станет медленно, набирая скорость, валиться прямо на него. Нелепая и случайная смерть.

На могиле отца ты пообещаешь, что ему никогда на том свете не придётся краснеть за своего сына, и почему-то побоишься клясться, что станешь в третий раз олимпийским чемпионом.

Наступит год кануна Московской Олимпиады, когда все силы ты бросишь на доказательство своего могущества. В марте поедешь в четвёртый раз в любящее тебя американское Толедо и в четвёртый раз станешь там бесспорным победителем, снова по очкам выиграв у Рокуэлла Эриксона. Теперь почему-то у Рокки не окажется времени, чтобы много общаться с тобой, он будет сух, вежлив, улыбчив, но несколько отстранён. В чём дело? Понятно: Штаты, недовольные триумфом Советов в Монреале, понимая, что в Москве сей успех лишь умножится, начнут подготовку к бойкоту, им останется только найти повод. Незначительная оттепель в “холодной войне” закончится, и синоптики станут давать морозные прогнозы. И теперь ты ещё больше укрепиться в подозрении, что Рокки знал про твои рёбра.

Более важным этапом в борьбе за право бороться станет летняя Спартакиада народов СССР, а ты её с треском проиграешь, Иван. Причём в Москве, об олимпиаде в которой ты будешь страстно и тревожно мечтать. В полуфинале тебя по очкам превзойдёт Турецкий Султан, которого в финале вдруг положит на лопатки Пиковый Валет.

— Жгучая смесь — Донбасс плюс Эльзас! — невесело пошутишь ты, а Папа возразит:

— В этой жгучей смеси не хватает одного компонента — Кавказа. Не унывай, сынок, ты против этого валета всё равно будешь туз.

Картёжная тема не зря зазвучит, Иван, в картишки-то ты снова станешь проигрывать, и немало. Вот только не с теми, кто твои настоящие друзья, а с теми, кто тебя потом станет продвигать. И не к вершинам, как ты поначалу подумаешь, а к пропасти.

Как-то раз в Одессе к тебе подведут двадцатилетнего местного красавчика с фамилией, которую ты поначалу примешь за кликуху. Юное дарование уже приобретёт славу в картёжном мире, заодно и в море всевозможных коммерческих махинаций, плавать в котором в советские времена осмеливались только самые отважные рыбки.

— Геннадий Пудэль, — представится кучерявый юноша, именно так произнося свою фамилию, хотя писалась она все-таки через “е”. — Хочу выиграть у вас кучу денег, — засмеется он потрясающе приятным смехом, который потом будут называть обворожительным и даже пленительным.

Но кучу денег выиграешь ты, по всем фронтам разгромив картёжного Моцарта.

— Приятно было сразиться с таким универсальным чемпионом, — скажет Пудель, протягивая на прощанье руку. — Давайте дружить! У меня великое будущее.

— Да и у меня не всё в прошлом, — весело скажешь ты, подпадая под обаяние этого человека, в котором тебе лишь одно не понравится — мат-перемат. Пудель будет его не просто использовать, он будет разговаривать на нём, а ты навсегда останешься ненавистником сквернословия, поскольку в твоей семье никто и никогда не матерился.

Та первая встреча вскоре и забудется, а выплывет уже совсем в других морях, вдалеке от города-героя и города-юмориста.

Увы, победитель Спартакиады вскоре, в августе, отправится на чемпионат мира в Даллас, а ты останешься в родной Сибири осмыслять причины своего проигрыша. Странное дело, но на сей раз никто не станет тебя ругать, пилить, поучать. Папа будет уверен, что Пиковый Валет в Америке накроется медным тазом, после чего начнётся новый взлёт Ивана Третьего.

— Знаменосца наших побед, ёлки-пальки!

И Катя вдруг станет гораздо мягче, словно успокоившись на двух золотых олимпийских медалях мужа.

— Хотя, конечно, хотелось бы в Москве не рядом с тобой на трибуне сидеть.

— Да что вы меня все хороните!

— Кто все? Я же говорю, хочется смотреть, как ты на ковёр выходишь, а не рядом с тобой пялиться на других.

— Вот и не пялься на других. Я, кстати, узнал тут, как настоящая фамилия Барселонского.

— При чем тут он?

— Да просто. Смешно.

— Ну, и какая?

И ты с удовольствием произнесёшь фамилию, подходящую для кого угодно, только не для укротителя тигров. Ты нарочно растянешь первую букву, словно лакомься ею:

— Л-л-л-лапочкин!

— Да мне начхать на него!

— Точно? Не жалеешь, что не стала канатоходкой в его программе?

— Слушать не хочу об этом. Лучше скажи, вздыхаешь по ночам по этой рыжей лахудре?

— Это ты зря. Во-первых, она не лахудра, а превосходная певица, а вторых, не вздыхаю. Потому что тебя люблю.

Какие-то дурацкие ревнивые ссоры, как опилки за шкирку, будут досажать вам с Катей накануне Московской Олимпиады. Вроде бы мелочь, а противно. Вдобавок Катя настаивает на том, чтобы восьмилетнюю Женю отдали в студию при Красношарском цирке, мол, что не получилось у меня, получится у дочурки.

— Почему, если у неё способности к гимнастике, то непременно в цирк, а не в спорт?

— Потому что мне так хочется. Имею я право хотя бы что-то решать в нашей семье?

— Ну ладно...

В Далласе Пиковый Валет станет чемпионом мира. Обиднее всего, что в финале он сойдётся не с кем-нибудь, а с твоим, Иван, закадычным другом, и на обе лопатки положит трудного Рокки, продолжающего использовать подаренные тобой приёмы.

— Ничего, — будет утешать тебя Папиашвили, но весьма неуверенным голосом. — Всё равно он всего лишь валет! Даже не король и не королевич. Даже меньше дамы, ёлки-пальки! Впереди ещё почти целый год, чтобы доказать, что в колоде карт советской вольной борьбы ты — туз.

Всю осень и зиму ты будешь усиленно тренироваться, но уже чувствовать, что где-то глубоко в тебе, в твоей душе есть два сломанных ребра.

Наступит год Московской Олимпиады. Накануне советское руководство в рамках исполнения договора о взаимопомощи по призыву правительства Афганистана введёт в эту страну свои войска для подавления мятежников. Америка мгновенно воспользуется этим для начала пропагандистской войны и призовет к бойкоту игр в Москве.

— Ещё чего доброго твоему Рокки запретят в Москву ехать!

Но пока ещё всё будет под вопросом, и в марте ты снова поедешь в Толедо, чтобы в пятый раз завоевать Кубок мира, в финале снова одолев Рокуэлла Эриксона. На сей раз Рокки будет грустен и доверительно поведает тебе:

— Похоже, всё очень серьёзно. Если Брежнев не выведет войска из Афганистана, я в Москву не приеду.

— А если выведет?

— Боюсь, что и тогда бойкот состоится. Скажут: русские истребляли мирное население, и им нет прощения. Ну, что стоило вашему Брежневу ввести войска после Олимпиады!

И в тот доверительный миг ты осмелишься спросить его:

— Рокки, а ты знал что-нибудь о моих рёбрах?

— Что именно? — вскинет брови Рокуэлл.

Ты замнёшься и переведёшь всё в шутку:

— Что они у меня стальные. Мне их на нашем оборонном предприятии ставили. И поэтому меня нельзя победить.

Эриксон не поймёт такую шутку:

— Однако тебя побеждали. И Штайнберг, и Гулебенко, и Леванишвили, и этот молодой чеченец.

— Но всё равно не они и не ты стали олимпийскими чемпионами, а я. И в Москве я тоже возьму золото, — скажешь ты и уедешь домой, так снова и не разведав, знал ли Рокки о сломанных рёбрах.

До окончательного решения о твоём участии в Олимпиаде останется два шага. И первый ты сделаешь превосходно. На турнире в Грозном с разгромным счётом победишь Турецкого Султана. Он при этом одолеет Пикового Валета, а ты ещё расправишься почти без труда и с Зурабчиком. Ну, где там ваши сломанные рёбра?!

Поездка в Москву засветила лампочкой уже не в сорок, а в шестьдесят ватт, оставалось сделать второй и самый главный шаг — победить в чемпионате СССР. Он состоится сразу после Дня Победы. Хороший знак, только что вы отметите двадцатипятилетие Кати.

— Моя серебряная свадьба с жизнью, — будет веселиться она. — Но в подарок жду не серебра, а только золота. Золллоттааа! — И Катя будет напрыгивать на тебя, тормоша, хватая за щёки, как маленькая.

Ты поедешь в Москву в надежде, что вскоре снова отправишься сюда, но эта надежда рухнет. Лампочка, дойдя до накала в сто ватт, перегорит и погаснет.

Борис Вале достанется тебе в полуфинале.

— Ну, смотри, чтобы на троне вместо царя Ивана не оказался царь Борис, — пророчески пошутит Катя.

— Бориску? На царство? — изображая Ивана Грозного возмутишься ты, зная наизусть лучшие цитаты из непревзойдённой комедии Гайдая. — Так он, лукавый, презлым заплатил за предобрейшее? Сам захотел царствовать и всем владети? Повинен смерти!

Но сколько ты ни настраивай себя на беззаботный лад, ничего не получится. Добрый и ласковый в общении Пиковый Валет на ковре окажется козырным и побьёт туза. А в финале одолеет и Зураба. И не ты, Иван, а он и Леванишвили станут участниками исторической Московской Олимпиады, призванной укрепить силу Советского Союза, но именно после неё начнётся эпоха его крушения. А эта бронзовая медаль на московском первенстве СССР станет для тебя, Иван Шарыгин, последней наградой как для борца. Остальные награды ты будешь получать уже как тренер, как большой начальник.

Та ночь после крушения олимпийской мечты станет для тебя самой чёрной в жизни. Ты будешь ворочаться в постели, стонать, пугая Катю, и думать, что твоя жизнь кончена. Как жить дальше, чем? Утро начинается с зарядки, а зачем она нужна завтра? И зачем вообще оно нужно, это мрачное завтра!

Соревнования по вольной и греко-римской борьбе пройдут на Московской Олимпиаде в спорткомплексе ЦСКА на Ленинградском проспекте. Наши борцы завоюют семнадцать медалей, болгарские — десять, венгерские — семь и так далее. Шустиков, как твоя маленькая тень, тоже не попадёт в Москву, и в его весовой категории золото возьмёт итальянец Федерико Болло. Зато в других весовых категориях советские борцы завоюют семь золотых медалей. Станут олимпийскими чемпионами и Пиковый Валет — Борис Вале, и Осетинский Пирог — Алан Сосланов, и новые борцы — Степанян, Абубакаров, Раушев, братья Белоруковы.

То, что Московскую Олимпиаду бойкотируют, втайне станет утешением для тебя: половинчатые игры, нет столько сильных борцов из Америки, Европы, Азии. Каждая золотая медаль окажется с кислым привкусом “если”. Если бы приехали другие, был бы этот спортсмен чемпионом?

Ты будешь сидеть вместе с верной Катей на трибунах и болеть за своих ребят, думая о том, как быстро катится время, как недолго отпущено человеку побыть на ковре, и вот уже свистит свисток, кому-то поднимают вверх руку, кому-то нет, и прежние борцы уступают место новым. “Поколения

приходят, и поколения уходят, а земля, как была, остаётся прежней”, — будут звучать в голове слова из одной твоей любимой книги. “Но взглянул я на всё, что сделали мои руки, всё, над чем я тяжко трудился, и понял: это бессмысленно, как погоня за ветром”.

Так начнётся твоя новая жизнь, когда не ты окажешься на ковре, а другие, а ты станешь на кромке ковра, чтобы кричать, давая указания, жестиковать, спорить с судьями, переживать за своих учеников, которые пойдут мимо тебя вереницей, чтобы побеждать и проигрывать. Через полтора года после Московских Олимпийских игр тебя назначат главным тренером сборной Советского Союза по вольной борьбе. Пригласят работать и жить в Москве. Ты скажешь Кате:

— Возраст Христа. Пришла пора учить других.

А она ехидно ответит:

— Только вряд ли Христос в картишки резался.

И будет права, потому что картёжная зараза окажется прилипчивой, болезнь — хронической, то затухающей, то вновь вспыхивающей. В ответ Катя станет курить:

— Не будешь картами шлёпать, и я дымить перестану. Учти.

— Ну, какая взаимосвязь?

— Такая.

Отныне бывший твой тренер окажется у тебя как у главного тренера в подчинении:

— Я что, теперь тебя и Ванькой не могу назвать? Только Иваном Николаевичем?

— Вы можете. Сколько угодно.

— Нет уж, извините, Иван Николаевич. Будьте любезны, Иван Николаевич.

— Ёлки-пальки, Иван Николаевич, — со смехом продолжишь ты.

— Ну, нет уж, тебе теперь и ёлки-пальки нельзя сказать.

Но Папа зря станет ворчать, ты не зазнаешься и не станешь помыкать им, равно как и всеми другими. Ведь некоторые из этих других ещё недавно не только были побеждаемы тобой, но и тебя побеждали. Ты мог бы отыграться на них, но ты — человек широкой души и даже не подумаешь о такой подлости.

Ты будешь готовить их к Олимпийским играм в Лос-Анджелесе, но в последний миг советское руководство во главе с новым генсеком Черненко примет решение об ответном бойкоте “ввиду грубого нарушения американской стороной Олимпийской хартии, отсутствия должных мер обеспечения безопасности для делегации СССР и развёрнутой в США антисоветской кампании”, и эти бедные ребята лишатся своей олимпийской мечты. Им придётся довольствоваться играми “Дружба-84”, суррогатом Олимпиады, предназначенным для соцлагеря.

Зато американская мечта — побеждать, исключив из борьбы тех, кто тебя сильнее, — сбудется. Только в вольной борьбе американцы из десяти золотых медалей отхватят себе семь. Но уже сойдёт с ковра и твой закадычный друг-соперник Рокки, и многие другие, с кем тебе доводилось бороться. Новые имена, новые люди...

Новые имена, новые люди — они посыплются, как осенняя листва в октябре, а время станет уже не идти размеренной поступью, а бежать, как опаздывающий пассажир, когда объявляют, что посадка на его самолёт заканчивается. И вот уже десять лет пройдёт с того дня, как ты нёс по стадиону Большое-О красное знамя побед. Как? Уже десять?! Не может быть. Страшно быстро они утекли!

Твои ребята, не поехавшие в Лос-Анджелес, будут побеждать на чемпионатах СССР, Европы и мира, в последних спартакиадах народов СССР и других громких соревнованиях, но эти соревнования станут казаться тебе бесконечными. Не штучными, как ты видел их в свою бытность спортсменом, а конвейерными: одни ученики приходят, побеждают или не побеждают, радуются или огорчаются, обожают тебя или дуются, потом уходят, и на их место уже идут другие, такие же или лучше, или хуже, а ты остаёшься

лишь тренером. Хорошо писателю, художнику, актёру, архитектору, скульптору, да что там, любому другому: и учеников воспитываешь, и продолжаешь писать книги, картины, играть в кино и в театре, строить дома и проспекты, ваять скульптуры. У спортсмена его личные достижения всегда в прошлом, в настоящем — ученики. И это в лучшем случае. А в худшем — какая-то иная работа, не такая любимая.

На Олимпийских играх в Сеуле самый кайф будет, когда твои ребята, не попавшие в Лос-Анджелес, станут ломать, рвать и крушить золотых американчиков, победителей своей личной американской Олимпиады. В супертяже твой стопятикилограммовый Давид Бадришвили свалит сокрушительным броском через себя американского Голиафа — стопятидесятикилограммовую бычьё тушу Бонни Холлидона. Человека, чей вес на сорок пять килограммов больше. Олимпийского чемпиона Лос-Анджелеса. И что самое смешное, у него и впрямь будет прозвище Голиаф, а твоего Бадришвили и впрямь будут звать Давидом. “Что было, то и будет, и что делалось прежде, происходит и ныне, и нет ничего нового под солнцем”.

Четыре золотые медали завоюют твои ребята. Лишь против Степаняна и Вердиева американцы в финалах окажутся сильнее. А ты будешь радоваться этим четырём олимпийским медалям, как своим двум, ведь теперь никто не скажет, что Шарыгин не состоялся как тренер. Никто не упрекнёт тебя в введении новых методов тренировок, например, в обязательном футболе. Ведь, не став в юности новым Львом Яшиным, ты поймёшь, что тяга к игре в мяч была у тебя не случайной, что, играя в футбол, борец отрабатывает огромное количество приёмов, которые будут потом полезны в борцовских поединках. Твой тренировочный футбол станет особым, в нём можно будет таранить друг друга, толкаться, заграбастывать соперников лапами, сбивать с ног вратаря. С одним лишь условием — не покалечить друг друга. Бадришвили, которого после победы над Голиафом станут звать, конечно же, Царь Давид, признается в одном из интервью, что именно футбольные тренировки дали ему пространство для осмысления борьбы с противником, вес которого значительно превосходит твой.

И вот уже пятнадцать лет стукнет с того священного дня, который в твоей семье станут отмечать как День Знамени, наравне с Днём Победы, Новым годом, днями рождений, Днем космонавтики, Восьмым марта, даже больше, чем Первомай и Седьмое ноября.

Неужели пятнадцать лет? А как сильно изменится страна за эти годы. После череды похорон генсеков придёт к власти глуповатого вида болтун с лиловой кляксой на лысеющей голове, и вдруг окажется, что все мы жили не так, шли не туда, стремились не к вершинам, а к пропастям. Поначалу понравившись, с годами эта балаболка станет тебе нравиться всё меньше и меньше, покуда не будет уже вызывать раздражение и презрение, потому что всё, что можно, сдаёт америкакам! Не предатель ли? Не подкупленный ли? Ты и сам за эти пятнадцать лет сильно изменишься, раздобреешь, растяжелеешь, окончательно примешь начальственный облик. Будешь ходить важно, голову поворачивать вместе с туловищем, на многих смотреть свысока своего роста и не опускать глаза к полу, когда тебя чествуют и хвалят. Но не сердись, Иван, за эти слова. В остальном ты останешься тем же, внешне тяжёлым, но во всем стремительным, проникающим, думающим, чувствующим. И — любящим!

Видя, что огорчает Катю, ты будешь стараться, чтобы ей было счастливо жить с тобой. Окончив филфак университета, она станет преподавать русскую литературу в школе, и вы будете обсуждать с ней все важнейшие произведения, без которых человечеству нельзя и помыслить своё существование.

Женька не станет цирковой артисткой, зато увлечётся коньками и будет летать по замысловатым канатам ледяных виражей, её возьмут в Московский балет на льду. И очень хорошо, что её ледовые дорожки не пересекутся с тигриными путями укротителя Барселонского, он же Лапочкин, а то мало ли, увидит в дочери поразительное сходство с матерью и...

Александр Иванович, похожий на отца, пойдёт по твоему пути, с восьми лет станет заниматься на ковре и к восемнадцати подавать большие надежды.

Олимпийские? Время покажет. А пока что, отмечая в Севастополе очередное Первое августа, он понесёт по коридору санатория красное знамя с надписью “Мы любим тебя, папа!”, чтобы вручить тебе под общий смех собравшихся новых и старых друзей и знакомых.

В том же санатории случайно окажется картёжник с собачьей фамилией, которого ты не сразу-то и вспомнишь, а потом он выверит тебя, когда, гуляя с тобой и Катей по санаторному парку, начнёт издеваться над красным знаменем:

— Ваши дети подали превосходную идею — на государственном знамени Советского Союза вместо серпа и молота со звездой изобразить что-то более человеческое. Нечто вечное. “Я люблю тебя”. Какие слова могут быть главнее этих трёх? Может быть, тогда и всё человечество станет по-другому к нам относиться? Не столь испуганно и враждебно. Мы превратили свою страну во всемирное пугало, и добром это не кончится. Наша красная тряпка раздражает всемирного быка.

— Это вы зря, — скажешь ты угрюмо. — Возьмите свои слова обратно.

— Какие именно?

— Про красную тряпку.

— Прошу прощения, красное полотнище. Если вам так приятнее.

— Так приятнее. Я это красное полотнище с гордостью нес по стадиону в Монреале. Мой отец с этим красным полотнищем и с криком “За Родину! За Сталина!” шёл в атаку. А наши герои Егоров и Кантария это красное полотнище под свист пуль водрузили над Рейхстагом, спасая это ваше человечество от коричневой чумы.

— Поверьте, я глубоко уважаю вас и ваши убеждения. Но сейчас всплывает такое огромное количество фактов. Те же Егоров и Кантария не первыми водрузили знамя, знаменитые кинокадры, как оказалось, снимались потом, уже после боев, а стало быть, инсценировка. А победа над коричневой чумой досталась нам в большей степени не героизмом и, тем более, не сомнительной гениальностью Сталина. Забросали трупами.

— Это вы совсем зря... — в своей манере набычишься ты, готовый уже проучить кудрявого красавчика.

— Иван... — ущипнет тебя вечно примирительная Катя.

— А что Иван? — векинешь ты бровь. — Вот я впервые встречаю человека с собачьей фамилией, рассуждающего о характере нашей великой победы и о природе героизма русского человека. Ишь ты, трупами забросали! Слыхали мы уже эту песенку.

— Простите, но я вынужден немного поведать о своей фамилии, — засуетится Пудель, носом почуяв, что сейчас, возможно, прольётся кровь, и возможно, из него. Или как там по-иному сказано в “Двенадцати стульях”? — Не моя фамилия происходит от собаки, а название породы собак происходит от моей древнейшей немецкой фамилии. “Puddeln” по-немецки означает “плескаться”. Селение Пудель расположено в Германии на берегу Рейна, где жители всегда плескались, то бишь купались и полоскали бельё. Мои предки оттуда родом, и их фамилия была фон Пудель. Именно они вывели данную породу собак и назвали её в свою честь. Кстати, во всём мире признано, что пудели — самые умные собаки из всех пород. По своему происхождению я барон фон Пудель. Просто в советской стране, само собой, носить приставку “барон фон” было небезопасно. И без того многие из нашей родни канули в пучине ГУЛага.

— Ах, вот почему у вас ещё и кличка Фон-Барон, — усмехнёшься ты с презрением.

— Есть такая кличка, — дружелюбно засмеётся Пудель, пытаясь вернуть к себе доброе отношение и видя, что Кате он по душе, как подавляющему большинству девушек и женщин. — Но продолжим про пуделей. Эта порода собак способна приспосабливаться к любому климату, к любому хозяину, к любой стране.

— А почему вы, Геннадий, породу собак называете “пудель”, а свою фамилию произносите через “э” — Пудэль?

— Потому что по-немецки именно так и произносится правильно — через “э” — Пу-дэль.

— А вот в русских фамилиях не встречаются собаки, — скажешь ты, продолжая нагнетать враждебность к этому обаятельному человеку. — Нет Овчаркиных, Ротвейллеровых, Таксиных, Болонкиных. Даже Дворяжких я что-то не встречал.

— Я вижу, вы сердитесь? Напрасно, я просто выражаю многие современные взгляды историков и политиков. Слушайте, а давайте в знак дружбы перекинемся. Давно мечтаю ещё раз сразиться с вами.

— Дал слово жене не играть в карты, — ответишь ты с вызовом.

— Вот как? И разве такое возможно?

— Что именно?

— Сдержат такое слово?

— Возможно, — вместо тебя ответит Катя. — К тому же в обмен на моё обещание не курить.

— Ах, вот оно что! — засмеётся Пудель. — Но я всё равно не представляю, как можно жить без игры. “Вся наша жизнь — игра!” Помните в опере “Пиковая дама”?

— А вы что, одной игрой и существуете? Другой-то профессии нет, что ли?

— Ну, что вы! Я, к вашему сведению, работаю в одном элитном московском НИИ, кандидат наук, докторская на носу, и здесь нахожусь по путёвке от своего института, а не от всемирного союза картёжников. Иван Николаевич, плюньте, давайте сразимся, и разрешите своей второй половине делать всё, что ей хочется. Что сулит нам мирный атом? Пить, курить, ругаться матом...

И вот тут он тебя окончательно вызверит. И ты нахамишь ему:

— Слушай, ты, представитель самой умной породы собак! А не пой-ти ли тебе?

— Иван! — стыдясь твоей несдержанности, крикнет Катя. — Немедленно извинись!

— Это ты зря, — скажешь ты, теперь уже наезжая на родную жену.

Да и извиняться будет поздно: Пудель, ни слова не говоря, уже зашагает прочь. Как наваждение. Как дурное предзнаменование.

Через несколько дней неподалёку от Севастополя в элитном партийном санатории в посёлке Форос окажется в подвешенном состоянии генеральный болтун, в стране состоится несостоявшийся переворот, а к власти придёт новый великий разрушитель, пьяница и скандалист с брезгливой ухмылкой на лице. Он нагло растопчет результаты референдума о сохранении Союза Советских Социалистических Республик, разрушит великую державу, превратив её в прислужницу Запада.

А в декабре после предательского сговора, устроенного новыми иудами в Беловежской пуще, упадёт твоё знамя. Ты будешь смотреть по телевизору, как на крыше Сенатского дворца Кремля с самого главного плагштока страны медленно сползёт вниз и исчезнет знамя великих побед, знамя, с которым шли в бой отцы и деды, которое водрузили над поверженным Рейхстагом, которое озаряло нашу доблесть и славу и которое ты, Иван Шарыгин, с гордостью и достоинством несёшь над собой, над своей командой, над всем миром.

Вместо него в ночное небо поползет бело-сине-красный триколор, знамя, под которым мы не будем знать побед и успехов, радости достижений, гордости за свою страну. Его брезгливо будут звать власовским, о нём сразу же сочинят злую шутку: сверху белые, снизу красные, а между ними голубые.

А ты, глядя на низвержение твоего знамени, впервые в жизни напьёшься вдрызг и, размазывая пьяные слёзы будешь рычать:

— Огrrрромное небо, огrrрро не, огrrрро не, онно на двои...

Ты станешь чувствовать себя так, будто это знамя у тебя украли, да ещё и смеются над твоей пропажей.

Великая держава, грозная для всех остальных, на Олимпиаду в Барселоне приедет под белым флагом капитуляции и с позорным наименованием “Объединенная команда”. Тебе будет мучительно ехать туда в таком качестве

и под таким постыдным знаменем, хоть и украшенным пятью олимпийскими кольцами. В последний раз какие-то люди, презирующие нашу славу, разрешат выступать вместе русским и грузинам, украинцам и белорусам, армянам и азербайджанцам, молдаванам и узбекам, таджикам и казахам, туркменам и киргизам. В последний раз единым фронтом, за единую команду. А Литва, Латвия и Эстония пойдут отдельно под своими знаменами. В последний раз ты — главный тренер. В последний раз... Какая боль в рёбрах и под ними!

Белое знамя капитуляции великой державы по Олимпийскому стадиону столицы Каталонии понесёт супертяж греко-римского стиля, несокрушимый гигант Александр Карелин, и тоже сибиряк, только из Новосибирска. Судьбе будет угодно, чтобы он нёс красное знамя в Сеуле, белое в Барселоне и бело-сине-красное в Атланте. И во всех трех городах он станет чемпионом в своей весовой категории. Да ещё и на суррогатной Олимпиаде “Дружба-84”. Ему суждено будет стать девятикратным чемпионом мира, двенадцатикратным Европы, за всю свою спортивную карьеру от выиграет восемьсот восемьдесят восемь поединков, а проиграет только два — величайшее достижение, которого уже никто не повторит. И если Поддубный — Иван Первый, Заикин — Иван Второй, а ты — Иван Третий, то Карелин — Александр Великий!

Даже в таком позорном облике олимпийская сборная некогда несокрушимой державы станет вновь победительницей Олимпийских игр, завоевав золотых и серебряных медалей больше, чем США, чем объединённая Германия, Китай, Куба и хозяйка Олимпиады Испания. А твои борцы вольного стиля возьмут только три золота, столько же, сколько и американцы, и обиднее всего, что на сей раз Голиаф окажется сильнее Царя Давида, победит его в полуфинале, оставит с бронзой.

Вернувшись из Барселоны, ты сложишь с себя полномочия главного тренера.

И куда?

— Вот теперь можно и в киноартисты! — скажет Катя, и словно в подтверждение её слов по озеру твоей жизни снова поплывет Лебедецкий, подплывет к тебе, курлыкаяя, зазывая снова сниматься. Ему дадут денег на фильм о Поддубном, но только сценарий окажется совсем другим, таким, что тебя стошнит, когда ты его прочитаешь, и ты швырнёшь его под ноги режиссёру, а тот закудахтает, превратившись из лебеда в курицу:

— Поймите, сейчас иные времена, иные взгляды на нашу историю, всплывают новые факты, порой неприглядные. Увы, и наш Поддубный не был ангелом...

— Это ты зря. — Лицо твоё будет зверским. — Слушай, ты, не ангел, катись-ка подбру-поздорову!

— Иван Николаевич! Мы возьмём этот сценарий за основу, а сами сделаем кино так, как захотим.

— Я всё сказал!

И на всю осень и зиму ты забуришься с женой в свою Норку, чтобы не видеть, как люди стремительно превращаются в холуёв новой кривды. И всё, что с тобой было раньше, станет казаться каким-то счастливым сном, далёким от реальности сибирской природы, от этих заваленных снегом равнин, лесов, гор.

И лишь весной следующего года тебя разыщут и возвратят в Москву, возведут в ранг президента Федерации спортивной борьбы России. И начнётся новая жизнь, так сильно отличающаяся от прежней. Потеряв своё красное знамя, ты подумаешь, что теперь надо жить иначе, жить так, как другие, стремящиеся приспособиться к новой жизни, урвать от неё всё, что можно. И ты вольёшься в иную команду, отнюдь не спортивную. Что делать, Иван, из песни слова не выбросишь, как те два года между ГКЧП и расстрелом Белого дома из танков, когда ты будешь добывать отнюдь не спортивное золото...

И первое, что ударит тебя под дых, да так, что в глазах потемнеет, это когда ты будешь ехать на своём супермерсе по Москве, охваченной мятежом,

закопченной спиралью Бруно, а по радио какой-то бобик будет вещать о поганом советском прошлом, в которое нас снова пытаются окунуть негодяи, засевшие в Верховном Совете:

— Снова поднимается зловещее красное знамя, красное от морей крови, пролитых Сталиным, воняющее гнилой советской портянкой, знамя дебилов и краснопузых долдонов. И сейчас все честные люди планеты должны встать и выйти на борьбу, чтобы эта проклятая красная тряпка вновь не стала развеваться над Кремлем! Это говорю вам я — Иван Шарыгин.

Ты аж подпрыгнешь в своём автомобильном кресле из высококачественной кожи. Какой такой Иван Шарыгин? Что за бред? Быть может, ослышался? Но нет, по радио будут и дальше вещать, спрашивая какого-то Ивана Шарыгина с гнусным голосом подонка, призывающего идти на борьбу с мировым злом, вновь выползшим на свет под своим красным знаменем.

Вскоре выяснится, что недавно на радио появился новый обозреватель, чье имя и фамилия точно совпадают с твоими. А в “Московском комсомольце” замелькают статьи, подписанные теми же именем и фамилией. Эту газету, названную тобой сокращенно “Москкой”, ты станешь теперь покупать каждый день и, найдя очередную статейку с авторством “Иван Шарыгин”, каждый раз вывериваться, рвать газету в клочья, размётывать эти клочья по улице.

А всё очень просто. Один канадский журналист из бывших иммигрантов вернётся в Россию ловить волну, потому что здесь теперь за поливание великой державы грязью станут платить в десятки раз больше, чем за океаном. Разумеется, выступать под именем Эл Боуи ему станет, конечно же, не с руки, но и под своим исконным именем он не захочет, надо будет придумать новый псевдоним, и этот псевдоним как-то сам собою выскочит. И тогда он поймёт, за что же всю жизнь так ненавидел тебя. За то, что с детства хотел быть Иваном Шарыгиным. И потом втайне мечтал быть тобой. Чего бы ни добивался в жизни, каких бы благ ни достигал для себя и своей семьи, внутри сидело это смутное и странное желание — быть не собой, а тобой. И теперь он станет Иваном Шарыгиным, этим именем будет подписывать статьи в “Москье”, это имя зазвучит на всю страну по волнам радио.

Ты кинешься узнавать, что можно сделать, как запретить, но сделать ничего нельзя и никак нельзя запретить: человек имеет право использовать любой псевдоним, назваться даже именем и фамилией главы государства, даже Иисусом Христом, ведь есть же певица Мадонна в образе развратницы.

— Не убьешь же ты его, — скажет Катюша, искренне жалея тебя.

— Убью, гада, — заскрежещешь ты зубами, но вскоре ненадолго забудешь, потому что расстрел Белого Дома станет вторым ударом, на сей раз и под дых и по лбу тебе, Иван Николаевич Шарыгин, чтобы ты вдруг очухался и ужаснулся, кому ты служил и кому подпевал эти два предательских года. И ты скажешь себе на манер новорусской речи:

— Стопэ!

И порвёшь со многими, кто успел прилипнуть к тебе. Иных придётся отрывать от себя с кусками кожи, но что поделать, не кричать же вслед за гнусным журналистишкой о красной тряпке, о преступлениях Советской власти, о преступном прошлом СССР.

— Я это знамя нёс с высоко поднятой головой, понятно вам?!

Конечно, ты не откажешься от разнообразного бизнеса, в который вовлечёт тебя водоворот новорусской жизни, но теперь станешь разборчивее в связях и, не раздумывая, в ущерб бизнесу, станешь отказываться от всего, что дурно пахнет. И на твоём рабочем столе в офисе никогда не появится триколор, а всегда будет возвышаться красный флажок со звездой, серпом и молотом.

— Почему я не с Зюгановым? Это уж позвольте мне самому решать.

Дома у тебя давно уже будет светиться экран не “Рубина”, а “JVC” особой сборки, и именно на экране этого чуда техники ты, наконец, увидишь морду твоего гнусного двойника, радиоболтуна и бойкого журналиста “Москки” Ивана Шарыгина. И взвоешь:

— Йооооханный бабай! Катя! Катюша! Глянь на эту поганку!

А вскоре на телеэкранах замелькает и ещё один твой старый знакомый, и тоже под новым именем, точнее, только фамилией. Имя Геннадий и отчество Ильич он оставит свои, а фамилия отныне у него будет Германский.

— Оба-на! И этот пролез в большие начальники!

Руководитель Красношарской области Занозенко, невероятно много сделавший для процветания города и всего края, не поддержит вечно пьяного президента, когда тот расстреляет Верховный Совет. Вскоре всеми уважаемый и любимый Сергей Прокопович, никогда не жаловавшийся на сердце, внезапно умрёт от обширного инфаркта, а на его место президент назначит успешного сотрудника одного элитного московского НИИ, доктора наук Геннадия Ильича Германского. Бывает же такое!

— Только он никакой не Германский, а Пудель.

— Да уж, да уж, сменил фамиличку на более красивенькую.

— Как твой Барселонский, который на самом деле Лапочкин.

— Ну, почему это он мой, Ваня! Обидно даже. А твоя вон совсем стала похабная, ноги толстые, а она их напоказ. “По секрету всему свету”. Замуж собралась за этого лупоглазого, который её на восемнадцать лет моложе, она ему в мамаша годится.

— С чего это она моя?

— А с чего это Барселонский мой?

И придётся мириться с тем, что всюду, куда ни плюнь, окажутся совершенно непонятные люди, бывшие картёжники, спекулянты, жулики, проходимцы всех мастей, а рожи такие, с какими раньше в кино назначали на роли самых отпетых мерзавцев. Глянись — и жить не хочется. И ты выучишь наизусть и станешь часто цитировать шекспировское в переводе Маршака:

*Зову я смерть, мне видеть невтерпех
Достоинство, что просит подаянья,
Над простотой глумящуюся ложь,
Ничтожество в роскошном одеянье.*

И по ночам, вздыхая, будешь шептать родимой Кате:

*Всё мерзостно, что вижу я вокруг,
Но как тебя покинуть, милый друг!*

И на английском выучишь этот шестьдесят шестой сонет: “Tired with all these, for restfull death I cry...” Какое точное определение — “restfull death” — “полная отдохновением смерть”, приносящая отдых от мерзостей и несправедливостей жизни.

Ты нарушишь договорённость с Катей, станешь снова играть, а она в ответ — курить. Ты тоже станешь и покуривать, и попивать, и ругать себя за всё это, самому себе говорить:

— Это ты зря... А это ты совсем зря... А это уж совсем ни к чему.

Только самому себе морду не набьёшь, из автобуса самого себя на ледяной асфальт не вышвырнешь, не отмузузишь себя за милую душу так, чтобы потом ни на какой бок спокойно не лечь.

Но как-то надо будет кончать с такой жизнью.

Однажды ты будешь ехать на своём новеньком “Ниссан Патроле” по московским улицам. За рулём — Сергей Кузнецов, тот самый, которого ты когда-то давным-давно спас от трёх выродков, вышвырнув их из автобуса. Большого спортсмена из Серёги не получится, но когда ты вылезешь в большие начальники, он станет твоим телохранителем и одновременно водителем. И вот он будет вести машину, а ты сидеть рядом не в самом лучшем настроении. Краем глаза заметишь, как в сквере трое качков бьют мужчину лет пятидесяти.

— Серёжа, останови, пожалуйста. И дай задний ход малость.

Кузнецов остановится как раз прямо “с видом” на избиение. Ты выйдешь из машины, кивнув Серёге:

— Посиди, я один справлюсь.

Кузнецов со взволнованным лицом останется в машине, а ты со спокойным видом подойдёшь к качкам.

— Ребят, это вы зря...

Те прекратят избивание:

— Чего?

— Тебе что, тоже захотелось?

— А это ты совсем зря.

Но тут один узнает тебя:

— Пацаны! Шарьгин!

Мгновенно в лицах затеплится уважение:

— Иван Николаевич...

— Я говорю, зря вы это... — повторить ты.

— А мы что? Мы ничего.

— Вот и идите. Где ваша тачка?

— Вон она.

— До свиданья, ребята.

— До свиданья, Иван Николаевич. Извините, что не сразу узнали.

Качки уйдут, а ты протянешь носовой платок избитому в кровь мужчине:

— Повреждения есть?

— Вроде несильные...

— Поедьте со мной. Довезу до травмпункта. Мало ли что.

Уже в машине спросишь:

— Деньги должны им?

— И немалые.

— А отдавать нечем?

— Откуда? Три тысячи долларов.

— А дети есть у вас?

— Дочке десять, сыну восемь. Мы с женой уже в возрасте повстречались и поженились.

— Блин горелый! — Ты достанешь бумажник, отсчитаешь деньги и протянешь их на заднее сиденье.

— Ну что вы! Нет, не надо!

— Возьмите. Здесь даже немного больше.

— Я не возьму! Мне и вам отдавать пока нечем будет.

— Я просто так их даю вам. Без отдачи. Берите, говорю! Это чтоб мне повезло сегодня. Не для себя, для меня — возьмите, прошу вас!

— Ну, если так... Спасибо вам!

— Вон там, за углом травмпункт, — кивнёт Серёга.

В этот день ты решишь попрощаться с картишками. Отправишься в казино “Папа Карло”. Сядешь играть в покер с тремя воротилами, известными по кличкам Аристократ, Мордovorот и Бесцветный. И они нарочно проиграют тебе, ты это почувствуешь и поймёшь, зачем, потому что Бесцветный снова заведёт разговор о Короле.

— Об этом не может быть и речи, — скажешь ты, после чего к тебе подойдёт инспектор заведения:

— Иван Николаевич, простите, можно вас отвлечь на несколько минут? Вы не возражаете пройти со мной?

— Ну, пойдём... Сыграйте кружок без меня, я сейчас вернусь.

Ты встанешь из-за стола, пойдёшь за инспектором мимо рулетки и других видов выкачивания денег, вы подниметесь по витой лестнице на второй этаж, пройдёте по полутёмному коридору и войдёте в большой и роскошно обставленный кабинет.

— Я оставлю вас на минутку. Извините, Иван Николаевич. Я тут совершенно бессилён.

Инспектор поспешно удалится, а через другую дверь в кабинет войдут известные громилы и вышибалы денег Глобус, Кувалда и Сачок. Все трое вытащат пистолеты и наставят их с трёх сторон на тебя — в лоб, в висок, в сердце.

— Стоять — бояться!

— Не рыпайтесь, пожалуйста.

В комнату войдёт Бесцветный и скажет:

— Тебе было сказано: не залупаться, слушаться, что взрослые дяди говорят.

Ты усмехнёшься с таким видом, будто никакие пистолеты на тебя не направлены. И подумаешь: “Только я собрался покончить с игрой...”

— Это кто там взрослый дядя? Румын, что ли? Да пошёл он!

— Товарищ не понимает. Товарищу сейчас мозги из башки выпустят, а он не понимает, — скажет Бесцветный, нагло глядя на тебя.

— Это ты зря... Я сказал: Лёша Король в сборную не войдёт. И пушками своими меня не запугаете. Я давно уже пуганный.

— Последнее предупреждение. Считаю до трёх. Раз, два...

— Бубновый король вместо туза мне в руки не ляжет.

— Три!

“Неужто пипец? Не может быть!” — подумаешь ты.

Бесцветный медленно повернётся и уйдёт из кабинета. Кувалда и Сачок со вздохом сожаления спрячут пистолеты и последуют за Бесцветным. Глобус поедлит, всё ещё направляя тебе в лоб дуло пистолета.

— Глобус! Пошли!

Ты развернёшься и пойдёшь в ту же дверь, через которую пришёл с инспектором. А за спиной прозвучит голос Глобуса:

— Николаич... Уважаю!

В полночь ты приедешь домой, в свой подмосковный особняк. Это сейчас такими особняками всё Подмосковье облеплено, как опятами в урожайный год, а тогда он у тебя будет лучшим в округе: четырёхэтажный, просторный, наверху ещё и висячие сады с качелями, картины, камин, окна с витражами... Словом, сверкающая скала преуспевания. Ты выйдешь из своего “Нисана” с огромным букетом цветов и любимыми Катинными конфетами. Войдёшь под высокие своды жилища:

— Катюша!

Дом ответит молчанием, и ты пойдёшь дальше, на второй этаж, на третий, найдёшь жену перед телевизором с подробностями очередного теракта.

— Катюша, ты здесь? Что, опять теракт?

— Это ты у меня сплошной теракт, Иван!

— Вам виднее...

— Где ты был? Опять?

— Опять... Но мне сегодня как никогда повезло. Представляешь...

— Иван! Но мы же договаривались!

— Катюш...

А она вдруг вскочит с дивана, подбежит к тебе и — наотмашь ладонями по лицу, левой, правой, левой, правой.

— Я уйду от тебя, если ты не перестанешь ходить в свою “Папу Карлу”!

— А я тебе цветы... Гостинцы...

— Ну, что мне твои цветы! Что мне твои гостинцы! Ты обещал, что не будешь больше играть! Обещал?

— Я сказал: “постараюсь”...

— Когда ты был борцом, ты говорил: “постараюсь” и становился чемпионом. А теперь...

— Что теперь?

— А теперь получается, что ты не борец.

— Это ты зря...

— Да, вот так! Получил?

Она нервно плюхнется на диван и закурит сигарету. При тебе. Чего никогда не бывало.

— Стоп! А чо это ты куришь? Я не понял!

— Хочу и курю, тебе-то что!

— А кто-то обещал, что не будет больше курить?

— Я не обещала. Я сказала: “постараюсь”. Как ты, так и я. Если у меня мужик слабовольный, то что остаётся мне, женщине?

— Это ты совсем зря... Слабовольный... Знаешь, чего? Живи теперь, как хочешь!

И в гневе ты отшвырнешь цветы и конфеты, пойдёшь прочь от жены. Рухнешь на кожаный диван в огромной гостиной на первом этаже. Потом поставишь любимую кассету. Хлопнешь пробкой шампанского.

Катя придёт к тебе, ласково прижимая к груди твой букет, станет подпевать:

— Огромное небо, огромное небо, огромное небо одно на двоих. А мне шампанского?

— Катюша, я сегодня в последний раз играл. Честно!

— Тогда поцелуй меня. Не бэ, я зубы почистила, рот прополоскала.

В Грозном запылают наши танки, и чеченцы перестанут быть нам такими друзьями, как раньше. Турецкий Султан позвонит тебе:

— Иван! Что вы делаете! Русские, вы совсем ошалели? Будьте вы прокляты!

В том году, когда запыляется Кавказ, умрёт мать, Екатерина Петровна, и на похоронах ты вдруг вспомнишь, как она грустила, что в Норке нет ни одного храма Божьего. Тебя охватит огненный стыд за то, сколько денег ты профукал без цели, глупо, понтово, и ты дашь клятву построить за свой счёт в Норке храм во имя святой великомученицы Екатерины.

На Олимпийских играх в американской Атланте российская сборная, теперь уже не под белым, а под бело-сине-красным знаменем уступит первое место американцам, займёт второе, чтобы дальше от олимпиады к олимпиаде спускаться все ниже и ниже. В Мельбурне ещё снова второе, в Афинах — уже третье, после США и Китая, в Пекине — третье после Китая и США, в Лондоне — уже четвёртое после США, Китая и Великобритании, в Рио, благодаря новому всплеску ненависти и несправедливости к России и несмотря на него, — снова четвёртое после тех же американцев, китайцев и британцев.

Впрочем, ты, Иван, уже не доживёшь до этого, и Атланта станет твоей последней Олимпиадой, увиденной в земной жизни. На ней твои вольники завоюют только три золотых и две серебряных медали, что, впрочем, не так уж и стыдно, у америкосов будет ровно столько же. В греко-римской вообще только одно золото — у непревзойдённого гиганта Александра Карелина. Он повторит трёхкратное олимпийское достижение Александра Медведя, и, когда понесёт триколор по стадиону в Атланте, ты будешь ругать свои неудержимые слёзы, вспоминая себя двадцать лет назад на стадионе Большое-О.

— Ну что ты, миленький мой, родненький... — будет утешать тебя сидящая рядом на трибуне Катя.

Жить тебе останется чуть больше года.

На Олимпиаде в Атланте ты встретишься со своим давним другом — президентом японской федерации борьбы Фукио Имадой и позовёшь его к себе в гости в Норку. Он вскоре приедет и, кроме всего прочего, привезёт письмо от бывшего борца вольного стиля Юкио Кагаяку, переведённое на русский с некоторыми ошибками. Ты прочтёшь о том, как некогда на свет появился мальчик, имя и фамилия которого вместе звучали как “сияющий избранник богов”, и этот мальчик мечтал стать самым лучшим борцом вольного стиля за всю историю Страны Восходящего Солнца, но русский борец Иван Шарыгин обратил эти мечты в прах. Кагаяку подробно опишет и то, как он задумал убить тебя, как нашёл в Монреале русского, за большие деньги охотно согласившегося выполнять его указания. Через двадцать лет ты, наконец, узнаешь тайну монреальских звонков с угрозами, вот только имени того русского мерзавца Кагаяку не откроешь. В конце письма Сияющий избранник богов напишет: “Я ждал, что Вы потеряете своё лицо, не выйдете со знаменем своей страны, испугаетесь смерти. Такая смерть для каждого патриота — большая честь, и я мечтал о том, чтобы Вы свою честь потеряли. Но Вы оказались патриотом и предпочли погибнуть, нежели потерять лицо. Я смотрел, как смело и гордо Вы несёте знамя своей страны, и во мне рождалось восхищение перед Вами. Я с грустью думал, что не каждый японец согласится умереть, неся в руках знамя Японии. Вернувшись домой, я отыскал фото, где Вы несёте знамя, заказал с этого фото большой портрет и повесил его в своём доме. И когда ко мне приходят люди, я рассказываю им об Иване Шарыгине, настоящем герое, у которого все должны учиться мужеству

и любви к Родине. Благодарю Вас, господин Иван Шарыгин, за то, что Вы показываете такой пример в мире, который всё больше погружается во всеобщую подлость. Желая Вам всего самого хорошего, а если Вы приедете в Японию и захотите побывать у меня в гостях, то вот Вам мой адрес...”

Письмо из Японии вызовет в тебе разные чувства — радость, что нашлось объяснение тому случаю в Монреале, гордость за самого себя — вон, оказывается, как о нём говорят в далёкой Стране Восходящего Солнца, но вместе с тем и стыд за то, что он, герой своей страны, поддался соблазнам, в которые ввергли его многие друзья, в том числе и борцы, что он стал вести дела порой сомнительного свойства с людьми порой полукриминальными, а иной раз и просто бандитами. “Таков бизнес в современной России, ничего не поделаешь!” — эта твоя отговорка вдруг, как сломанные рёбра, сильно заболит у тебя в душе, и ты дашь слово: “Лучше потерять бизнес, нежели честь! Впредь — только так!”

Фукио Имада пробудет у тебя в Норке больше недели, он поведает тебе, что где-то в этих краях в лагере для военнопленных содержался его отец. И отец Кагаяку — тоже. К тому времени у тебя выйдет написанная тобой книга “Ковёр и вокруг него” — рассказ о собственной судьбе и спортивной карьере, и ты подаришь Имаде один экземпляр, а другой попросишь передать Юкио Кагаяку. Президент японской федерации борьбы отвезёт книгу сияющему избраннику богов и записку от тебя: “Благодарю за честное письмо! Как только приеду в Японию, непременно побываю у Вас в гостях”. Кагаяку закажет перевод твоей книги, жадно прочтёт его и сильно загорюет, не увидев в книге ни одного упоминания о нём.

— Проклятые русские! — воскликнет он, обращаясь к твоему портрету, но потом скажет себе: — Ты сам заслужил это. — И станет ждать, когда ты приедешь к нему в гости. Но, увы, так и не дожждётся никогда.

Наступит последний год твоей жизни. В качестве новогоднего подарка друзья преподнесут тебе смерть Ивана Шарыгина. Гнусный журналюга, источающий ненависть к России и её прошлому, нагло присвоивший себе твоё имя, погибнет, взорвавшись в салоне своего автомобиля. Всё, отныне ты не будешь всякий раз вздрагивать от омерзения, слыша его голос по радио или открывая очередной номер “Москвы”.

— Аллес капут, Ваня, — скажут тебе приехавшие в гости друзья, те, с которыми ты в начале девяностых начинал входить в мир бизнеса. — Больше его нет.

— Вы что! Охерели! — вызверишься ты. — Я что, просил вас? Вот уроды! Ну, это вы зря, это вы совсем зря!

И ты готов будешь в ускоренном темпе произнести свою знаменитую триаду и после “Это вы совсем ни к чему” выставить друзей за дверь, но они успеют успокоить тебя:

— Да никто его не убивал. Что мы, не знаем, как бы ты к этому отнёсся? Хотя надо было бы убить. Мы просто заключили с ним договор. Он якобы взорвётся в своей тачке, а сам исчезнет, больше не будет торговать своим хлебалом под псевдонимом “Иван Шарыгин”. Бабла у пацанчика и так уже выше крыши, доживёт как-нибудь свой век.

— Это точно?

— Клянёмся!

— А машинку-то по-настоящему взорвали хотя бы?

— Можешь не сомневаться. Хотя бы это удовольствие мы себе разрешили. В морге купили похожего трупака из ничейных, одели в шмотки этого ублюдка и — бэнг!..

— Циники, блин! Трупака... Это ведь тоже человек был.

— Не боись, про него тоже навели справки, тот ещё подонок.

— Ну, коли так... Но всё равно, братцы, не по-христиански это.

— Да ладно тебе, Иван! По-христиански, не по-христиански...

— Ты часом в семинарию не собираешься?

— Собираюсь. Идите к столу, природы, Катюша уже пельмени свои подаёт.

И ты простишь друзьям их цинизм, возблагодаришь их за то, что избавили тебя от поганого двойника, станешь вместе с ними встречать Новый год.

А человек, сменивший несколько имён, побыв тройку лет под твоим именем и фамилией, возьмёт себе новые паспортные данные и отправится работать на новых хозяев.

Ты же решишь уйти из бизнеса, и когда по весне Александру Ивановичу исполнится двадцать четыре, ты подарешь ему свои владения — сеть ресторанов быстрого питания “Сели-поели”, разбросанных по двадцати городам России и шести городам Европы. Пельмешки, блинчики, рыбка, грибочки. Салат, который во всём мире называют русским и только у нас почему-то — “оливье”. Себе оставишь лишь небольшую долю. Борца высокого класса из Александра Ивановича не получится, он отслужит в армии и примкнёт к ведению твоих дел, а огненные получит такой щедрый подарок.

Три дела станут главными в твой последний год жизни.

Первое — строительство храма великомученицы Екатерины в Норке. Конечно же, в память о матери, Екатерины Петровны, которая всю жизнь не теряла веры в Бога и даже соблюдала посты, что повсеместно казалось дикостью, а то и мракобесием.

Ты будешь способствовать добыванию превосходного мрамора для возрождающегося в Москве храма Христа Спасителя, и часть этого мрамора отправится для твоего храма в Норке, который будет расти, как пшеница в урожайный год. В благодарность за мрамор сам Патриарх Московский и всея Руси Алексий II даст тебе обещание лично приехать и освятить церковь великомученицы Екатерины.

— Когда у вас день рождения, Иван Николаевич?

— Седьмого ноября, Ваше святейшество.

— Прекрасно, давайте и назначим открытие и освящение вашего храма на этот день.

Но до своего сорок девятого дня рождения ты, Иван, не доживёшь.

Второе — написание новой фундаментальной книги о себе и вольной борьбе. Катя в шутку посоветует:

— Назови просто: “Моя борьба”.

— “Майн кампф”? Остроумно. Но, пожалуй, если убрать первое слово, оставив второе, получится коротко и хорошо: “Борьба”.

Книгу ты успеешь написать и отправить в печать. Выход назначат на день твоего рождения, до которого ты не доживёшь. Набор остановят, чтобы добавить воспоминания друзей о тебе, и “Борьба” выйдет в свет к первой годовщине твоей гибели.

И лишь третье главное дело твоего последнего года ты успеешь довести до конца — чемпионат мира, который впервые пройдёт в Красношарске. В твою честь.

К этому своему последнему в жизни чемпионату ты будешь готовиться так, будто тебе предстоит тоже выходить на ковёр. Однажды посмотришь на себя в зеркало и скажешь:

— Это ты зря.

И начнёшь заниматься так, как если у тебя и впрямь впереди была борьба за чемпионское звание. И к концу августа сбросишь накопленные за последние пятнадцать лет лишние килограммы, доведёшь свой вес до того, в каком ты был, когда нёс знамя своей страны по стадиону Большое-О в Монреале. Некоторые даже обеспокоятся:

— Не болен?

— Наоборот, здоров, как никогда!

И ты действительно будешь здоров, как никогда, в это своё последнее лето и последнюю осень. И телом, и душой. Сметется с тебя всё отягощающее, что дуром накопилось в лихие девяностые. Оно будет, конечно, постоянно напоминать о себе в лице иных друзей, с которыми тебе уже в лом будет продолжать общение, но эти лица станут мелькать перед тобой всё реже и реже. Даже Фон-Барона Пуделя, нынешнего Германского, к началу подготовки чемпионата мира в Красношарске снимут с должности губернатора области, так что и с ним не придётся встречаться тебе в это твоё последнее в жизни, такое счастливое лето.

Картёжный доктор физико-математических наук и представитель самой умной породы в то лето взлетит высоко к небесам власти, окажется в Москве на крупнейшей должности, самым любимым и преданным в президентской своре. Геннадий Ильич Германский. О нём уже всерьёз заговорят как о несомненном преемнике хозяина страны, а в шутку:

— После царя Бориса Второго наш ждёт Ильич Третий.

А ты, Иван Третий, услышав эту шуточку, покраснеешь от негодования:

— Чтобы Россией управлял Пудель Германский... Ну, это вы зря!

И всё же тебе придётся один раз, пусть косвенно, но уколоться об острые зубки Пуделя. Вдруг на тебя начнут упорно давить, чтобы ты включил в число участников чемпионата мира чеченца Шамиля Докуева.

— Иван Николаевич, эта фигура весьма важна для самых высших лиц в руководстве страны. Вы понимаете.

— Нет, не понимаю. Почему я должен включать в нашу команду заведомо слабого спортсмена? Передайте мое решительное “нет”.

Но звонки будут продолжаться, покуда к тебе лично не нагрянет Секретарёв, большого человека из кремлёвской своры:

— Сегодня мы должны с вами окончательно решить вопрос о Докуеве.

— Простите, но я не припомню даже в советские времена, чтобы кого-то включали по звонку из Кремля.

— Это очень важно. У вас в команде не хватает спортсменов с Кавказа.

— Это вы зря. А Магомед Шарипов? А Сати Буваев? А Азиз Ахметов? А Сулейман Муслимов? Да у нас весь костяк сборной наполовину кавказский. Простите, но я вижу, вы просто не в курсе.

— В курсе, но все перечисленные — дагестанцы. А положение дел сейчас диктует присутствие спортсмена из Чечни.

— В Чечне есть превосходные борцы, но все они в данное время не готовы к соревнованиям. Во многом благодаря обстановке. Война, знаете ли. А уж Шамиль Докуев никак к превосходным не относится. И я знаю, откуда ноги растут. Будем откровенны, вам нужен не он, а его папаша.

— Я вижу, вы в курсе, — скажет Секретарёв. — Буду откровенным, это так. Пусть Шамиль выйдет из борьбы после первых же схваток, но благодаря его участию можно будет уладить весьма важные дела.

— Да знаю я, какие это дела, — неосмотрительно махнёшь рукой ты. — Такие вот... — И ты пошелестишь троеперстием, как бы пересчитывая денежки.

— Иван Николаевич, — совсем уж задушевно придвинется к тебе Секретарёв. — Я хочу вам сказать, что по поводу Шамиля Докуева есть для вас личная просьба Геннадия Ильича.

— А, Фон-Барона Пуделя! Ну, так передайте ему личную мою просьбу — больше мне с Докуевым не докучать.

— Вы что, не понимаете, кем вскоре станет Геннадий Ильич?

— Это вы совсем зря. Не станет, не волнуйтесь. Ещё не хватало, чтобы Россией руководил Пудель!

— Смотри, Ваня! — вдруг злобно оскалится Секретарёв. И это тебя окончательно выверит.

— Вы что, угрожаете мне физической расправой?

— Предупреждаем.

— А это уж совсем ни к чему. Передайте Пуделю, пусть передаст привет Мефистофелю! И — всего доброго!

Гадкое чувство останется у тебя после того разговора, и тревога поселится в твоей душе: только бы дали провести чемпионат, только бы дали достроить и освятить церковь, только бы дали дописать книгу!

Вскоре после разговора с Секретарёвым о Шамиле Докуеве попадет в аварию Александр Иванович, на несколько дней окажется на грани жизни и смерти. Мучительные дни! Но он выживет, оклемается, быстро пойдёт на поправку.

— Натура-то шарыгинская, с чего ему погибаться.

Перед началом чемпионата врачи скажут, что уже не о чем беспокоиться, и ты с полегчавшим сердцем полетишь в Красношарск, оставив при сыне Катю.

И вот подойдёт первая вежа из этих твоих “только бы дали”, наступит конец августа, а ты всё ещё будешь жив и откроешь первый в истории чемпионат мира в Красношарске, городе, давшем многих отличных борцов, лучший из которых — ты. И всё пройдет хорошо, если не считать, что российские вольники завоюют лишь две золотых медали — Магомет Шарипов и Сати Буваев, оба из Дагестана. География чемпионства окажется расширенной: Куба, Иран, Армения, США, Турция. Но как бы то ни было, ты не заслужишь никаких нареканий, и этот чемпионат признают одним из лучших по своей организации.

Вернувшись в Москву, ты застанешь сына уже совсем в хорошей форме. Довольный и счастливый, ты поедешь с Катюшей и Александром Ивановичем отдыхать в Сан-Ремо, где Катя всю жизнь мечтала побывать, в городе итальянской эстрады — Аль Бано и Рамина Пауэр, Тото Кутуньо, Рикки и Повери!

— Siamo romantici... romantici... — будет напевать Катя, нарочно к этой поездке взявшаяся учить итальянский язык.

Всё будет очень хорошо. Лишь однажды, когда вы, отдохнувшие и загорелые, пойдёте по набережной Императрицы, на которой то там, то сям звучит русская речь, какой-то хмырь, проходя мимо вас, с ухмылкой посмотрит тебе в лицо и прошептит:

— Глянь-ка, он ещё жив.

Смысл услышанного не вмиг долетит до твоего сознания, ты оглянешься и не увидишь того хмыря, растворившегося в пёстрой и беззаботной толпе отдыхающих. И какая-то тоскливая муха прожужжит в твоём сердце, но ты отгонишь её, ведь тебе сколько раз угрожали, тебя не застрелили в Монреале, и ты не потерял там своё лицо, тебя не убили костоломы, посланные Румыном, который, кстати, был одно время поделщиком у губернатора Германского, откуда не посадили за наглое воровство и беспредел. А Пудель вновь вышел чистеньким из воды, и теперь метит в президенты России.

— Это вы зря, — пробормочешь ты, а Катя, услышав, засмеётся, оглядываясь в поисках каких-то обидчиков мужа.

И на сей раз мимолётная фраза, содержащая в себе слишком маленький алкогольный процент угрозы, быстро испарится. Вы вернётесь счастливые из Италии, а в начале октября уже вдвоём, ты и Катя, поедете в Горячие Воды. Тебя пригласят на смотр молодых спортсменов Кавказа, и ты с удовольствием откликнешься.

Вы поселитесь в пансионате среди соснового бора, будете гулять по дорожкам парка и считать белок:

— Давай, сколько их, столько нам ещё жить на свете.

И сообразь со счёту. После сотой ты махнёшь рукой:

— Столько жить грешно даже!

— Ничего и не грешно. Ты Библию же читал, вон там сколько жили праотцы. Адам, Ева.

— Так то праотцы.

— Иван, мне кажется, мы с тобою сейчас в райском саду, как Адам и Ева. Ей-Богу!

— Не пора ли вкусить плода с древа познания?

Ночью ты проснёшься в широкой кровати, оглянешься по сторонам и увидишь, что Катя в белом махровом халате курит на балконе. Рассердишься, вылезешь из постели, закутываясь в свой белый гостиничный махровый халат и тихо выйдешь на балкон. Увидев тебя, Катя поспешит забить до смерти окурков, тыкая его в пепельницу, как в плаху, стоящую на эшафоте балконных перил.

— Это ты зря. Не стыдно? Вот я перестал ходить в казино. А ты опять куришь!

— Прости... Что-то у меня на душе беспокойно... Прямо вот кошки скребут!

— Нашла оправдание. Кошки скребут, покурить хотят!

Катя засмеётся, представив себе курящих кошек, но тут же попытается сделать серьёзный вид.

— Ну, Иван, ну, прости! Я больше не буду.

— Сдать боеприпасы!

Она со вздохом достанет из кармана пачку сигарет, протянет тебе.

— Зажигалку тоже будьте любезны.

Получив и зажигалку, ты вложишь её в наполовину опустошённую пачку сигарет, спрессуешь всё это безобразие в мощном кулаке и, прицелившись, бросишь в стоящую под балконом возле подъезда гостиницы широкую мусорную урну.

— Александр Белов! Золотой бросок в Мюнхене! — хлопает в ладоши Катя, имея в виду бросок прославленного баскетболиста — тем броском на последней секунде Белов вырвал победу у американцев, принеся золото нашей олимпийской сборной.

Ты великодушно обнимешь жену, проворчав:

— Ненавижу табачный запах!.. Кстати, когда я в Монреале со знаменем шёл, у тебя тоже кошки скреблись, сама рассказывала. А ведь ничего же не случилось.

— Так-то оно так... — тяжело вздохнёт Катя. — Но тут вот ещё что. Помнишь, мы были в Норке на свадьбе. Потом у меня мама умерла. А на девятый день мне отец приснился. Я ничего тебе не говорила, потому что не придавала значения.

— И что отец?

— То-то и оно! Говорит мне: “Приезжайте с Иваном в отпуск к нам с мамой в Махачкалу”. Отец всю жизнь в Башкирии прожил, вообще ни разу ни про какую Махачкалу не говорил. Я тогда проснулась и подумала: “Странно, при чём тут Махачкала?” А как раз на следующий день наш Саша в аварию попал. Может, это какое-то предупреждение было?

— Ну, и что тут при чём? — фыркнешь ты.

— Понимаешь, отец в том сне говорил: “К нам с мамой в Махачкалу”. То есть, они с мамой на том свете и в Махачкале.

— Глупости всё это! Ну, какая на том свете Махачкала? Сашка, слава Богу, оклемался.

— Слава Богу! До сих пор не могу вспоминать, как он был на грани жизни и смерти... Помню, когда сказали, что в начале сентября выпишут, я на седьмом небе от счастья была. Кругом все, как дураки, ах да ох: “Принцесса Диана погибла!” А я не могу — смеюсь от счастья.

— И я тоже. Как раз в Красношарске первый чемпионат по борьбе заканчивался. Ты позвонила, сообщила радостную новость, и я тоже смеюсь, не могу остановиться... Пойдём-ка, Катюша, спать.

— От меня же табачищем.

— Ладно уж, потерплю в последний раз.

На другой день у Кати поднимется температура, и она не сможет поехать с тобой на турнир в Махачкалу.

— Всё равно поеду, не хочу, чтобы ты один.

— Да я всего на пару дней.

— А не ездить можешь?

— Не могу, обещал. Неудобно, вон Кадыр за мной с двумя сыновьями приехал, сам, чтобы отвезти и привезти.

И ты поедешь, как обычно, как часто бывало, легко попросившись с женой, ещё не зная, что уже никогда больше её не увидишь. И она помашет тебе с балкона рукой, ещё не зная, что больше не увидит тебя живым.

Кадыр Макудов, главный тренер Дагестана по вольной борьбе, придет за тобой на своём “бумере” с двумя сыновьями — двадцатилетним Анваром и четырнадцатилетним Аязом. И ты поедешь туда, где впервые стал чемпионом своей страны.

Махачкалой всё начиналось, Махачкалой всё и закончится.

Через два дня в том же составе они повезут тебя обратно. Ты будешь ехать на переднем сиденье рядом с Анваром, лихим водилой и весёлым парнем, постоянно что-то напевающим, и на душе у тебя будет так хорошо и спокойно, как никогда в жизни. Куда-то прочь улетят все тревоги и дурные предчувствия, все заботы и огорчения, ты заглянешь в своё прошлое

и увидишь, как оно прекрасно, несмотря даже на то, за что тебе стыдно, ибо не бывает человека, которому нечего было бы стыдиться.

Сидящий на заднем сиденье вместе с младшим сыном Кадыр ещё попытается со вздохами отговорить тебя ехать:

— Иван Николаевич, может, всё-таки вернёмся и останемся до завтра? Неудобно как-то, на турнире побывли, а на президентский банкет не остались. Не по-людски. Президент обидится.

Но ты будешь непреклонен:

— Не могу. Слово дал сразу после турнира вернуться.

— На ночь глядя едем.

— Какой на ночь глядя, Кадыр! День вовсю. Если с ветерком, то к ночи в Горячих Водах будем.

— Это если через Чечню поедем, а если в объезд — к утру только доберёмся.

— А слабо через Чечню?

— Не смешно.

— Ну, в объезд, так в объезд. К утру, значит, к утру. Приедем в Гор-воды, там мы с тобой и оттопыримся. Идёт?

— Идёт... А всё же нехорошо.

— Расслабься, Кадыр Асадович!

А Катя, жалея, что не поехала с мужем, поскольку температура спадёт на следующее утро после твоего отъезда, будет ходить по парку и считать ваших с ней белок, и снова насчитает больше сотни.

— Хоть бы и впрямь столько жить! — вздохнёт она, изнывая от плохого предчувствия, отгоняя его прочь: — Тогда в Монреале...

“БМВ” Кадыра Максудова с сидящим за рулем Анваром будет весело нестись по трассе Махачкала—Кизляр. И ты, теперь уже довольно весело, прощая себе всё, будешь рассказывать, как не попал на Московскую Олимпиаду:

— Сказать честно?

— Честно скажи, да, — кивнёт Кадыр.

— Проспал, — засмеёшься ты.

— Проспали?! Как это? — удивится Анвар.

— Всё решалось на Спартакиаде народов СССР. Я вышел в финал против Пикового Валета — Бориса Вале. Перед самым поединком я разогревался в раздевалке. Лето, жара... Я что-то сомлел, прилёг на скамейку, да и уснул. Меня на ковёр вызывают, а я сплю. Наконец, меня разбудили. Выхожу на ковёр, а мне еще сон продолжает сниться. И проиграл схватку. Вот так я, ребята не попал на свою третью Олимпиаду, Московскую...

— Обидно, — глядя на тебя так, будто всё произошло вчера, скажет Анвар.

— Анвар, ты на дорогу-то хоть иногда посматривай. А то мы ещё куда-нибудь не попадём. Хорошо, что Валет в Москве стал чемпионом. Не обидно, что я ему проиграл.

А Катя в это время будет идти вдоль фасада красивейшего здания главных нарзанных ванн и грустно вспоминать, как ты сказал, что оно лучше, чем любое Монте-Карло и Баден-Баден вместе взятые.

— Скорей бы уж приехать, — скажешь ты, когда машина минует поворот на Кизляр и выедет на трассу Кизляр—Горячие Воды.

— Ещё только поворот на Кизляр проехали, — скажет Кадыр. — Нам ещё ехать и ехать. Расслабься, Иван Николаевич.

— Да Катюша что-то нервничает сильно.

— Зачем нервничает?

— Мнительная стала. Сны ей снятся зловещие. Да и будешь нервничать. Сын недавно из больницы, на грани смерти был.

— Как же он в аварию попал?

— Приятель за рулём заснул, не вписался в поворот.

— Я не знаю, как так можно за рулём заснуть! — возмутится Анвар.

— Если знаешь, поздно будет.

— Это точно! — захохочет от всей души Анвар, будто это и впрямь смешно, когда человек засыпает и не вписывается в поворот.

— Не смейся, на дорогу смотри, эй! — одёрнет его отец.

Катя в это время будет подниматься по нескончаемому водопаду ступеней величественной Императорской лестницы и, глядя на красивую колоннаду, вспоминать, как когда-то давно ходила с тобой в кино на “Белый взрыв”, как в тот момент фильма, когда Артём накрывает Веру своей курткой и та говорит: “Нет, не надо, правда, не холодно”, — ты накрыл Катину руку своей огромной лапой, но Катя выдернула свою руку и со смехом сказала тебе:

— Мне тоже не холодно.

А теперь ей так захочется, чтобы ты положил свою лапищу ей на руку и согрел её, потому что ей будет невыносимо холодно без тебя, одиноко и страшно на непомерно огромной Императорской лестнице. И, дойдя до самого верха, затерявшись в колоннаде, Катя сердито скажет:

— Иван, ты слышишь? Мне холодно без тебя!

А ты будешь нестись в машине по трассе, развлекая любезных дагестанцев рассказами о своём детстве:

— Смелый был отец у меня. И непокорный. Я родился в Горной Шории. Там в селе председатель был полный придурок. Отмороженный на всю голову. Собаками людей травил.

— Собаками?

— Их у него штук десять было, и все злые. Гуляли вокруг председательского дома без привязи. Многих покусали. Даже детишек. Отец ему сказал: “Не привяжешь собак, я их перестреляю”. А тот ему: “Кишка тонка”. На другой день собаки ещё одного человека покусали. Отец взял ружьё, пришёл и всех собак перестрелял. Потом собрал всю свою семью, и мы уехали в Туву, в Усть-Уюг. А семья-то немаленькая была — отец, мать, да нас тогда пятеро было.

— А всего сколько?

— Потом ещё пятерых мать родила. Итого десять. Шесть братьев, четыре сестры.

— Вот это по-нашему! Иван, твой отец с Кавказа, что ли?

Аяз задумчиво спросит:

— Дядя Иван, вот вы про странника рассказывали, как он предсказал гибель отца и двух братьев. А вам тот странник ничего не предсказал?

— Сказал, что я буду знаменитым. А ещё предсказал, чтобы Анвар на машине не лихачил. Слышь, Анвар? На дорогу когда будешь смотреть?

— Я её чую. Покурить можно?

— Нельзя.

— А вы что, никогда не курили?

— Курил.

— Курили?

— Знаешь анекдот? Еврей спрыгнул в армии с парашютом и говорит инструктору: “Мне-таки запишите сразу два прыжка”. “Почему это ещё?” “Потому что это первый и последний!” Так и у меня с куревом. Первый раз был-таки и последним. Мы с братом Гришей в сельмаге купили две пачки “Беломора”, якобы для отца, и две банки сгущёнки. И два коробка спичек, чтобы у каждого свой. Гриша считал, что пока мы курить не научимся, не мужчины. Многие так потом всю жизнь думают. Деньги стащили у матери из наволочки, но дали клятву друг другу, что заработаем и обратно положим. Чтоб не считалось, что мы их украли. Так, одолжили ненадолго. Отправились на реку, стали курить. После третьей уже стало мутить. Но пока по полной пачке не выкурим — не мужчины. После пятой нас стало рвать, прямо-таки наизнанку выворачивать. Пробовали сгущёнкой загасить — ещё больше рвёт. Обидно — сгущёнка! А тут соседка мать привела поглядеть на нас, как мы от посвящения в мужчины коньки отбрасываем. “Мама, убей нас! Мы сволочи! — И надо бы убить! Черти окаянные!” Но мама села между нами, притянула к себе, как птенцов под крыло, обогрела: “Горе вы моё луковое!” И тогда я поклялся матери никогда больше не курить. А Иван Шарыгин слово своё держит.

Ты задумаешься и так отчётливо увидишь свою мать, идущую тебе навстречу по огромному изумрудному полю с распахнутыми объятьями.

— Глядите! Свадьба! — воскликнет Аяз, и вдалеке и впрямь покажется свадебный кортеж.

— Ну, теперь мы точно только к утру доедем, — вздохнёт и засмеётся Макеудов-старший.

Джигиты, взявшись за руки, перегородят дорогу, крича что-то, и Анвару придётся остановиться.

— Чего это они? Как в “Кавказской пленнице”. Никулин, Вицин и Моргунов.

— Выкуп требуют.

Но когда вы все выйдете из машины и Кадыр заговорит с джигитами по-аварски, те мгновенно проникнутся благоговением, обращённым в твою сторону:

— Иван Николаевич! Для нас огромная честь и хороший знак, что мы встретили вас во время нашего радостного события! Ваш авторитет в Дагестане на недосягаемой высоте. Вы спешите, и мы не смеем вас задерживать.

— А как же выкуп? — спросишь ты.

— Никакого выкупа, что вы!

— Э, нет! Так не годится! Я что, по-вашему, не джигит?

— Самый настоящий джигит! Чемпион среди джигитов!

— В таком случае, с меня выкуп. Только покажите мне жениха и невесту.

— Жених дома ждёт, а невеста к нему едет.

— Идёмте, мы вам её покажем.

И тебя толпой поведут к одной из первых машин длинного свадебного кортежа. В мелькании лиц тебе вдруг увидится одно отвратительно знакомое лицо. Человека без лица, сменившего несколько имён и фамилий и мнимо погибшего под твоим именем. Ты оглянешься, но уже не увидишь этого лица среди мелькания лиц дагестанцев. Из машины выйдет невеста, ты улыбнёшься ей, достанешь из кармана портмоне, вытацишь наобум пачку денег и протянешь невесте:

— Будь счастлива, доченька!

— Баркала, — скажет невеста и добавит по-русски: — Спасибо.

Она смущённо возьмёт деньги и поспежит спрятаться в машине. А тебе и троице Макеудовым вынесут в огромных стаканах вино.

— Раз выкуп заплачен, вы обязаны выпить, уважаемые!

Кадыр кивнёт направо и налево на своих сыновей:

— Этот за рулём, а этот ещё мал.

Он возьмёт стакан, ты тоже. Скажешь:

— За счастье молодожёнов!

Станешь пить до дна и краем глаза снова увидишь среди улыбающихся дружелюбных дагестанцев лицо человека без лица и имени, поспешишь допить до дна, станешь смотреть по сторонам и снова не увидишь этого призрака.

Анвару и Аязу подадут в таких же стаканах виноградный сок. А всем четверым вам на закуску сыр, мясо, лепёшки.

— Простите, уважаемые, но нам пора ехать, — закусив, скажет Кадыр свадьбе, и вы станете рассаживаться. Ты всё будешь приглядываться, не мелькнёт ли то лицо человека без лица, и оно мелькнет, когда Анвар даст газу и машина сорвётся с места, как засидевшаяся гончая.

— Притормози, Анвар!

— Что забыли?

Анвар остановится, ты выйдешь из машины и некоторое время станешь внимательно смотреть на свадебный кортеж, где все уже тоже станут рассаживаться по машинам. Но так больше и не увидев человека без лица, вернёшься озадаченно на своё место.

И сердито скажешь, совсем забыв о моём давнем тебе предсказании:

— Давай, Анвар, гони быстрее!

И Анвар понесётся дальше по трассе.

— И вруби музыку. Мою любимую, дагестанскую.

Анвар врубит народную зажигательную дагестанскую музыку, от которой сразу хочется жить, и жить долго, жить радостно, жить великолепно, жить свободно, жить достойно и счастливо.

— Вот это жизнь! — воскликнешь ты под такую музыку.

Одна в вашем номере пансионата Катя попытается читать книгу, но буквы заскачут перед её взором, убегая навстречу тебе. Она включит радио и услышит твоё любимое “Огромное небо”, но в каком-то новомодном дурацком исполнении, будто певец поёт, кривляясь, стараясь высмеять то, о чём поёт:

— Огрёмное небо, огрёмное небо, огрёмное небо одне на двяих.

И она с отвращением выключит:

— Хорошо, что Иван не слышит.

Катя подойдёт к зеркалу, посмотрит внимательно на себя, подойдёт к букету цветов, поправит его, подойдёт к кровати и разглядит и без того гладко накрытое покрывало, вспомнит, как ты любишь, чтобы покрывало было застелено гладко-гладко, чтобы потом рывком сорвать его и отбросить...

Она посмотрит на часы и скажет:

— Иван! Мне холодно!

В “БМВ” Максудова по-прежнему будет звучать залихватская дагестанская музыка, и, глядя в окно на ночные пейзажи, постукивая в такт музыке, ты вдруг подумаешь, как же тебе холодно без Катюши. Ты согласишься на часы — начало одиннадцатого, согласишься на спидометр — 140 километров в час.

Катя слегка откинет покрывало и как бы незаконно заберётся в утробу одинокой постели, стуча зубами от холода.

И ты тоже застонешь от тоски, бормоча:

— Поскорей бы...

Оглянешься назад и увидишь спящих на заднем сиденье Кадыра и Аяза. Тебя самого станет сильно клонить в сон. Почему-то вспомнишь, как однажды дочка засунула куколку в хрустальный рог, подаренный Георгием Михайловичем, и ты — удар за ударом — никак не мог куколку вытряхнуть, и уже когда совсем отчаялся, куколка выскочила.

Ты глянешь на Анвара и с ужасом увидишь, что лихой весёлый водила тоже уснул. За рулём! И ещё ты успеешь увидеть, как “бумер” на бешеной скорости несётся на стоящий у обочины большегруз.

Удар чудовищной силы вытряхнет твою душу из тела, и она полетит над ночным прекрасным Кавказом, над всей необъятной Россией, в огромное небо, огромное небо, огромное небо...

Катя ненадолго уснёт и вдруг проснётся от громкого удара входной двери. Вскочит радостная, что ты приехал, подбежит к двери и увидит, что она заперта изнутри на ключ. Метнётся по номеру в поисках тебя — может быть, ты пришёл, хлопнул нечаянно дверь, потом запер её и где-то спрятался? Но она нигде не найдёт тебя. Тогда почему же хлопнула дверь? Катя посмотрит на часы — без двух минут одиннадцать. А тебя уже пару минут не будет на свете. Ты погибнешь сразу от удара головой о правую переднюю стойку. Анвар тоже погибнет на месте. Кадыра и Аяза привезут в больницу без сознания, но они оба выживут.

Душа твоя улетит в огромное небо, а тело твоё привезут в Москву, и сам Патриарх Московский и всея Руси Алексей II приедет отпевать тебя, а потом сдержит своё патриаршее слово и в твой день рождения освятит храм во имя великомученицы Екатерины в Норке.

В первую годовщину твоей гибели в Новой олимпийской деревне Москвы, построенной к Первым всемирным юношеским играм, тебе поставят памятник.

Физик-кارتёжник не сделается очередным президентом, он встанет в жёсткую оппозицию к бывшему кагебешнику, который неожиданно обойдёт его на вираже. Представитель самой умной породы будет долго бороться, всё больше и больше проигрывая, и его имя станут постепенно забывать, пока конкуренты по бизнесу не застрелят его однажды ночью, когда он будет прогуливаться по лондонским улицам с новой любовницей, победительницей конкурса красоты самостийной бандеровской Украины. И его будут

показывать по телевизору, жалобно лежащего под дождём в белой рубашке и с огромным животом.

И уж давно забудут человека без лица, сменившего несколько имён и на некоторое время присвоившего себе твоё имя, который якобы взорвался в собственном автомобиле.

А твоё имя будут вспоминать и вспоминать. В Красношарске ежегодно станет проводиться турнир, посвященный твоей памяти. Открывать турнир всегда будет председатель Фонда твоего имени — твоя Катя.

В твою честь назовут улицы в Норке, Красношарске, Агабана, Махачкале.

В Японии Сияющий избранник богов откроет школу вольной борьбы твоего имени и будет рассказывать ученикам о тебе как об образцовом патриоте своей страны, с которого следует брать пример:

— Запомните раз и навсегда: в спорте каждый сам за себя. В спорте нет друзей и врагов. Есть только ты. И ты сам себе друг или враг. В спорте важнее всего быть не с кем и не за кого — только за самого себя. Исключения бывают. Например, русский борец Иван Шарыгин. Он был и за себя, и за всех. Но таких, как он, очень мало. И только их называют великими.

В Красношарске тебе поставят памятник, похожий на московский монумент первому в мире космонавту Юрию Гагарину.

Твоим именем назовут Московский дворец борьбы и Красношарский дворец спорта, а в Агабана — новый сквер, предназначенный для отдыха и физкультуры.

Твоё имя напишут на борту одного из “Белых лебедей” — сверхзвукового стратегического бомбардировщика-ракетоносца с крылом изменяемой стреловидности, самого крупного, самого мощного и самого скоростного в истории военной авиации. И “Белый лебедь”, набрав высоту, понесёт твоё имя в огромное небо.

Но всё это будет потом, в далёком и неизвестном будущем.

А сейчас ты идёшь, ведя за собой спортивную рать, завоевавшую золотые, серебряные и бронзовые награды.

Ты — знаменосец, и нет для тебя счастливее минут жизни, чем эти драгоценные и выстраданные мгновения.

Ты крепко держишь в вытянутой могучей руке древко, на котором упруго реет красное знамя Родины, озаряющее её непревзойдённую славу.

Декабрь 2014 — октябрь 2016

АЛЕКСАНДР ПОШЕХОНОВ

ДАВНИЙ ОБРАЗ

КОГДА

Когда могильный гнёт
Замкнёт мои уста,
Пусть ангел мне шепнёт,
Что родина чиста.

Что в свой черёд — снега,
Что в свой черёд — дожди,
Что пашни и луга —
Куда ни погляди.

Что нет в родном краю
Беспочвенных тревог,
Что родину мою
Всё так же любит Бог!..

ЗА ЖИЗНЬ

Друзья желают творчества,
А я устал “творить”.
Мне по-простому хочется
“За жизнь” поговорить.

ПОШЕХОНОВ Александр Алексеевич — член Союза писателей России. Автор более двадцати книг стихов и афористической прозы. Лауреат Всероссийской православной литературной премии имени святого благоверного великого князя Александра Невского в номинации “За верность поэтическому образу России”.

Под липами. За столиком.
В саду, где соловьи.
С соседом-алкоголиком,
С профессором НИИ.

С приветливой старушкою,
С ворчливым стариком.
С давнишнею подружкою,
Что вспомнилась тайком.

“За жизнь”! Без сожаления,
Без “слякоти” у глаз.
С наивным “озарением”,
Как будто в первый раз!..

Я ОПЛАКИВАЛ РОССИЮ

Я оплакивал Россию,
Убивался, слёзы лил,
Про невзгод дожди косые
Удручённо говорил.

Я без горя-сожаленья
Не живал давно ни дня.
Но вдруг понял с удивленьем:
Русь оплакала меня.

Но вдруг понял: не Россия
Притулилась на краю —
Я, непризнанный “мессия”,
Пред могилою стою.

Это мне в осенних росах
Уходить в небытиё...
У Руси же — звёздный посох,
В нём бессмертие её.

На него в лихие годы,
В дни невежества и смут
Опираются народы —
И идут, идут, идут!..

ЗАСКУЧАЛОСЬ

Заскучалось что-то, заскучалось...
Птицей в раму память постучалась,
Ветром двери тронула вина
И пронзила жизнь мою до дна.

До слепого донышка бутылки,
До забытой раны на затылке,
До моей никчёмной правоты,
В коей тихо сгнули мечты.

Всё равно теперь уж, всё равно...
А в ночи луна во всё окно,
А в ночи такая тишина,
Словно время выпито до дна.

До утра теперь уж не засну,
Буду выть душою на луну,
Буду давний образ рисовать
И былое в губы целовать.

ВСТАЛ. ПОМОЛИЛСЯ

Встал. Помолился. И в лес — за грибами.
Благо, серуха пошла косяком.
Тучи лиловые, стучаясь лбами,
Силу дождливую копят тайком.

Сила дождливая мне не помеха —
Над головою еловый шатёр.
Если же будет совсем не до смеха,
Плащ отсыревший подсушит костёр.

Не озадачит любое ненастье
В эту желанную пору меня.
Сердце живёт первобытною страстью,
Смело противится каверзам дня.

Сердце заводит и тело, и душу,
Той первобытною страстью горя,
Чтобы прочувствовать, чтобы послушать
Тайны лесные в конце сентября.

Чтобы запомнить — всерьёз, без запинки —
И вспоминать в холода на печи
Все до единой грибные тропинки,
Снегом укрытые в зимней ночи!..

ИДУ ДЕРЕВЕНСКОЮ УЛИЦЕЙ

Иду деревенскою улицей,
Подняв воротник пальтецо.
А день то надменно нахмурится,
То солнышком брызнет в лицо.

Собаками нынче бездомными
Богата деревня по край,
Приходится крохами скромными
Делиться под радостный лай.

Домашним достатком не хвастая
(Живу-то, считай, на гроши),
Треплю их загривки блохастые,
Насколько хватает души.

Разъехались ушлые дачники —
Сподручнее в городе жить.
А мне, старожилу-собачнику,
Деревню зимой сторожить.

Тиха деревенская улица,
Не всякое скрипнет крыльцо.
А день то надменно нахмурится,
То солнышком брызнет в лицо.

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ

САД-МОНАСТЫРЬ

ВОСЕМЬ СТРОК

Извне — оттуда — вот она,
Россия — свет — восторг.
Россия — это Оптина,
А не оптовый торг.

Россия — сила Божия
И жар, и холода.
И дурь, и бездорожие...
И счастье, и беда.

ГРАНЬ

Эта грань точно краска размыта.
И богат иногда нищеврод,
А в герое — замашки бандита.
А бывает и наоборот.

Нет большого ума в укоризне.
Я ругаться давно перестал.

СТЕПАНОВ Евгений Викторович — литератор, кандидат филологических наук, издатель. Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ имени М.В. Ломоносова. Автор книг стихов, прозы, многих публикаций в периодике. Живёт в Москве.

Эта пьянь что-то знает о жизни,
Что не знает иной аксакал.

Ничего не понять. И не надо.
Никого не унять. И не жди.
А в Быково сезон снегопада.
А весной начнутся дожди.

БЫКОВО

Я живу без понта и без шика
И до светских обществ не охоч.
Из друзей остался кот Мурлыка,
Из подруг — растрёпанная ночь.

Я живу подстать анахорету
В зарослях своих каляк-маляк.
А врагов и не было и нету.
Сам себе я самый страшный враг.

САД-МОНАСТЫРЬ

Ухожу, убегаю отсюда.
Я давненько хотел убежать,
И хорошая девочка Люда
Не сумеет меня удержать.

Ухожу в этот дачный, сосновый,
В этот грядочный сад-монастырь.
Умилённый сосновою мовой,
Я забуду про город-упырь.

Я забуду о медиа-рынке,
Я забуду поточную гнусь.
И восторженно каждой травинке,
Каждой грядке своей поклонюсь.

ПОСЁЛОК

Душа поёт, и дело спорится,
И нету повода скучать.
Как хорошо — ни с кем не ссориться
И дураков не замечать!

Как хорошо — пусть не без промаха,
Не без слезы — проходит день!
Как хорошо — цветёт черемуха,
А скоро зацветёт сирень!

Как хорошо — жизнь продолжается;
Живи — и Бога не гневи.
Как хорошо — сосна-красавица
В моей нуждается любви!

* * *

Монетизация скандала.
Монетизация войны.

Монетизация развала
Большой и правильной страны.

Героизация бандита.
Поэтизация тюрьмы.

А нация почти убита.
А виноваты сами — мы.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Олигархическая фирма
Не закрывает волчью пасть.

Демократическая ширма
Борьбы за деньги и за власть.

Шизофреническая пресса
Прессует слабые мозги.

И ни малейшего прогресса.
Вранье и не видать ни зги

В дали — и надо пропаганде
Пыхтеть, чтобы воспеть отстой.

И плачут Федоров и Ганди.
И плачут Лосский и Толстой.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Жаль — не умею речисто я
Мысли свои выражать.
Речка моя неказистая
Будет куда-то бежать.

Будут коровы бокастые
Воду из озера пить.
Будут таджики рукастые
Дачникам что-то чинить.

Буду, как мальчик, учтиво я
Сосны свои созерцать,
Будет кормить молчаливая
Добрая яблоня-мать.

Будут крыжовник, смородина.
Будет рубцовская Русь...
Русская малая родина,
Я непременно вернусь.

* * *

Жизнь тает, точно пастила
Во рту — Господь даёт отмашку.
И невозможно постирать
Судьбу — как джинсы и рубашку.

И невозможно изменить
Ни дня, ни собственного взгляда.
И невозможно извинить
Себя — а впрочем, и не надо.

КУСТАРЬ-ОДИНОЧКА

Не согнулся — покамест — в дугу.
И какое-то делаю дело.
Что могу — говорю — что могу.
А зачем? — так судьба захотела.

Не приближен к трубе и царю.
Это счастье, удача большая.
Я тихонечко что-то творю,
Мерзопакостей не совершая.

Я не стал, слава Богу, крутым
В эти подлые годы глухие.
Ничего, мы ещё поглядим,
Кто окажется нужен России.

МАКСИМ ЕРШОВ

ЧЕЛОВЕК ДОЖДЯ

* * *

Е. У.

Наверное, так крадётся старость...
ноктюрн сентиментальный лёт.
И правды всей не нужно даром,
и горло схватывает лёд...

А может, так приходит зрелость,
когда нет страха высоты,
когда сырое — разгорелось (!),
как свет от гаснущей звезды...

Должно быть, так проходит младость,
когда все кончилось ничьей,
судьба постельная не в радость
и ценишь вкус домашних щей...

А впрочем, это просто юность
до дна небес своих коснулась
и обернулась, улыбнулась:
— Я всё равно тебя люблю!

ЕРШОВ Максим родился в 1977 году в Сызрани. Окончил политехнический техникум, техник-механик автотранспорта. Учился в Литературном институте им. Горького, в семинаре Станислава Куняева. Постоянный автор "Нашего современника", автор книги стихов "Флагишток". Член Союза писателей России.

В этом городе ждёт меня женщина.
Больше не ждёт никто.
Мне бы надо (с улыбкой шершня)
глянуть в зеркало, взять пальто,
брякнуть ключами весело,
крикнуть таксисту: “Стой!” —
и перед этой женщиной
выпасть, как лист резной...

Рассказать, что в поэзии чёртовой
снова видел дощатый гроб,
что стволом она мне упёрта
точно там, где целуют в лоб,
что живу, словно дождь, отскакивая,
превратив свою жизнь в сигнал,
а на сердце такая накипь...
будто я проиграл...

Мне бы надо пойти и сдатьсья.
Но ведь ты —
это красный свет
в тишине,
на конечной станции...
Потому-то тебя и нет.

Потому и таксист не ловится,
ключи не смешно бренчат,
и хочет пальто на лестницу
свалиться, как тень с плеча...
Но родная моя! Приеду я,
сосчитаем цветы до ста.
Чтоб и дальше ломать трагедию,
я поверил в твои уста.

ЧЕЛОВЕК ДОЖДЯ

Есть у человека — Просто Дом.
Окна для дождя и свет кругом.
В нём порог и главное — семья,
и в объяття тянется земля.

На крылечке воздуха вдохнёшь
и покой на выдохе найдёшь.
Можно здесь трудиться и любить,
а по воскресеньям — в храм ходить.

Есть у человека — Вечный Храм:
дождь по золочёным куполам,
а внутри сияет каждый лик,
на луче пылинкой замер миг.

Строки, чётки, истины, года, —
можно здесь остаться навсегда.
Главное — поверь, что это рай,
и напрасно дверь не отворяй...

Истину не делят пополам.
Свечка — в сердце, черти — по углам.
Будешь разрывать в пылинки миг —
главное, чтоб Дождь не смыл твой лик.

МОНОЛОГ ОПОЛЧЕНЦА. 1613 ГОД

— Эти лёта прошли на восход и закат,
как отряд, что в ненастье идёт наугад.
Ничего ты, парнишка, не видел...
Расскажу. Хоть помрёшь не в обиде,
а? Не бойся! Уже сердце знает предел.
Мы бессмертны, да только народ поредел,
лишь молитва, как присказка, лечит,
примирая в душе чет и нечет...

— Надо, хочешь — не хочешь, вставать и идти,
волю русскую дальше на запад нести.
Отрывай от земли лопатки,
громоздись на каурой лошадке.
Шевелись. Что ни день, то указы звучат —
только ружья трещат да копыта стучат!
А как вспомнишь... Годами без проку
бились лбами крестьянскими мы о дорогу...

— Сколько раз нам казалось, что нет больше сил?
Разве пахарь по совести всех не просил?
Хохотали господские свиты!
И топтали клочки челобитны!
Выходило, что нет для тебя и меня
правды большей на свете, чем два кистеня,
чем огонь, для души и сугрева,
и дымище мужицкого гнева...

— Самозванцы?.. Но доброго нету царя —
мы встречали, молили, надеялись зря.
Все князья и бояре на деле
животов наших тощих хотели!
Снова висельным гиком кружился ответ:
“Почему на Руси не прожить сорок лет?
Почему с летописного века
под тяглом на земле не видать человека?..”

— Лишь потом над пожаром восходит Господь,
собирает в ладони и души, и плоть,
и проклятие — всем! — Гермогена,
и погибель смоленского плена...
И на Сретне князь Дмитрий глянул в небеса,
снял шелом, окрестился и тихо сказал:
“А и мне помирать неохота...
Но Россия — такая большая работа!”

— Через год вполукруг у Москвы у реки
все остатние наши стояли полки.
И литовские выли фанфары.
И орлами кричали гусары.
У гусар польских — ай! — хороши палаши,
прорубают и бревна до самой души!
Их не держат простецкие латы,
но хоть гнулись, а бились — держались робяты...

— Налетали полдня — много их, сволочей!
И у нас отнималось упрямство плечей,
было в ноздри дыхание тлена —
левый фланг уж в реке по колено!

И почуял я, брат: видно, всё... Не могу.
Кинул взором, а там, на другом берегу —
казаки! Отвернулись от сечи,
сабли в землю воткнули и сгорбили плечи!

— Тут я вырвал коня и огрел я коня!
Конь венгерский с испугу и вынес меня
из воды на высокий тот берег...
Будто мне воздавалось по вере.
И узрел я оттель, что, ничуть не разбит,
полк Пожарского камнем последним стоит!
И узрел я, что этого мало...
И так горько, так тяжело мне стало!..

— Где я духу нашёл?.. Закричал “Казаки!
Что — ковыль не касался заросшей щеки?
Или нету булата, стремян и руки?
Что ж вы медлите, братцы мои, казаки?!”
Ни чуваш, ни татарин не стали смотреть,
как грызет княжью рать бусурманская смерть!
И у вас — нет ответа иного...
А у нас, казаки, больше нету вам слова!”

И... рванули пять сотен! А за ними — ещё.
У чубатых с наскоку короткий расчёт...
Говорили, что злым был и бледным
пан Ходкевич — лихой польский гетман.
Одолели! Но долго ещё у Кремля
ожидала последней победы земля.
Да сходились умом и собором.
Да сшибались лукавством и спором...

— И когда под ногами почуяли брег,
с неба чистый тихонечко сыпался снег —
над страной, словно вздох, опустелой,
над уставшей без доброго дела...
А наёмники бродят по нашим костям,
по заглохшим за десять годов волостям...
Правы старцы. Нагледят вороны,
если нет на Московии крепкой короны!

— Будем век ещё спины и выи сгибать
и хребтами крестьянскими гать выстилать...
Иногда всё забыть — слышь? — охота.
Ну, Расея... Какая большая работа!
Надо, хочешь — не хочешь, а встать и идти,
на лопатках старинное солнце нести,
как решило соборное вече...
Подымайся! Пора, человече...

— Как дойдём... у меня есть заветная страсть:
надо польку упрямую в жёны украсть!
Слаще злые мне кажутся девки.
Пусть задорными вырастут детки.
Хоть я сам по отцу деревенский мордвин,
будет панночкой дочка и всадником сын...
Чай когда-то и мы, брат, воспрянем!
Наградит государь во дворяне,
а?

ВАЛЕРИЙ ИСАЕВ

В НЕВЕДОМОЕ
ЗАГЛЯДЫВАЕТ ДУША

* * *

Руки, как крылья, раскинуты,
Тело парит над землей.
Все измерения сдвинуты —
Нас как бы нету с тобой.
Можем на это ли сетовать,
Еле от счастья дыша?..
Словно куда-то в неведомое
Заглядывает душа.

* * *

Мы любили, как боги,
Мы как будто летали,
Ощущенье свободы
Мы с тобой обретали.
Наши руки сплетались,
Наши головы — кругом...
Лишь когда одевались,
Мы стеснялись друг друга.

ИСАЕВ Валерий Николаевич (1941—2017). Окончил 1-й Ленинградский медицинский институт. Доктор медицинских наук, действительный член Академии медико-технических наук. Работал по профилю в Рубцовске (Алтай) и в Москве. Автор 12 книг прозы и 6 поэтических сборников. Среди них “Огонь плящий”, “Первый и последний”, “На краю”. Лауреат премии Александра Невского.

* * *

И все друг другу мы сказали,
И разошлись по сторонам,
Двум сторонам одной печали,
И одиноко стало нам.
И жизнь висит на волоске.
Одно осталось — быть как все.

Из цикла “РОДИНА”

* * *

Она является ко мне
Гнездом заботливого аиста,
Серым веслом,
Тяжёлыми стогами сена по заречью,
Где, схоронясь, притихла старица.
Скирдою золотою,
Детским чутким сном,
В котором мать с отцом
Сидят подле меня справа и слева
И, глядя друг на друга,
Умиляются.

* * *

Она является ко мне
Избою свежепобеленной
И фотографиями всей родни
Среди портретов Сталина и Ленина,
Полуторкой,
Спешащей что есть мочи к городу,
Монастырём седым,
Базаром городским,
Где честных и нечестных поровну,
Церквами, что отводят от беды,
Телегой,
Лошадью,
Ведущей прямо в сокровенные мечты —
Где кесарю кесарево,
А Богу — Богово.

* * *

Она является ко мне
Горячей грубкой,
Дедушкой,
Подкладывавшим в печь черёт;
И неожиданным везеньем крупным —
Он в сказки нас сегодня поведёт.
И будут лешие стоять за дверью,
И чёрт в окно промёрзшее стучать.
Потом пойдут истории —
Хоть верьте, хоть не верьте —

Со страху мы полезем под кровать.
В конце многозначительно дед скажет:
“От Бога всё...”, что, всем чертям назло,
Необходимо жить...
Но мы решим,
Что лучше всё-таки побыть нам в этот вечер дома,
И поостережёмся выходить.

* * *

Она является ко мне
Плетнём, застрехою,
Гнездом неугомонных ласточек
И первыми над букварём успехами.
Чистописанием с помарками, огрехами,
И первой рыбой, пойманной на золотой крючок,
И пионерским галстуком, красней пылавших щёк,
И первую бессонной ночью с книгой
Под электролампочкой,
И первой настоящей гордостью,
Что вот теперь я взрослый человек.

* * *

Да, будут идти дожди.
Землю исхлещут ливни,
Оглушат громы,
Перепугают молнии.
Но обид никаких не жди —
Лики земли, как всегда, по-детски просты, наивны.
Я с Землёй больше полувека пробыл,
Знаю и силу её и волю,
Свидетельствуют её всепрощение,
Необидчивость её до конца не понимаю.
Уверен, это она — Земля, —
Когда плохо нам, когда больно,
Для нас солнышко — вот довольна! —
Из-за пазухи вынимает.

* * *

Жизнь прожита.
Пора и на покой.
Что в ней запомнилось?
Не люди — нет!
Не книги,
не холсты,
не музыка,
даже не стены дома.
Увы.
А жеребёнка мчавшегося росчерк,
что освещён был молнией
в короткий миг
и света и безмолвия
перед всесокрушающим ударом.

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

БИТВА ЗА РУССКИХ

ЧАСТЬ III. ЧТО ГОВОРЯТ

“РОССИЙСКАЯ НАЦИЯ”: РЕКЛАМА И СУТЬ

Если некто пытается “продать” вам сомнительную идею, всегда полезно вначале поинтересоваться личностью продавца. Я это и сделал по мере сил в предыдущей главе. Теперь можно перейти к сути предложения. Впрочем, ещё в былые времена философ на троне – император Марк Аврелий – вопрошал: “Может ли негодяй делать что-либо, кроме негодного?” Переходя от биографий лихой тройки, вершащей судьбу народов России, к изложению их программных требований, я вновь задаюсь этим вопросом.

“Вы думаете, это бредит малярия?”

Итак, 31 октября 2016 года на заседании Совета по межнациональным отношениям в Астрахани в присутствии президента Владимира Путина выступил Вячеслав Михайлов. Именно он предложил “идти от Стратегии к федеральному закону”, который должен вобрать в себя все новации, связанные с межнациональными отношениями. Он предложил и название закона – “О российской нации и управлении межэтническими отношениями”.

Поскольку инициатор наверняка будет иметь отношение к реализации своего предложения (сам себя он именует “глава экспертной группы”), не худо бы разобраться, какое содержание вкладывает он в него. Мы должны знать, что нас ждёт, и понимать, к чему готовиться. Хотя формально за подготовку закона придётся отвечать специально созданному для таких случаев Федеральному агентству по делам национальностей, но поскольку ни его глава Игорь Баринов, ни его ближайшее окружение не зарекомендовали себя пока в качестве специалистов по данной теме, их наверняка заставят обращаться всё к той же “тройке”, на роль коренника в которой сегодня выдвинулся Михайлов.

Теоретик Михайлов. Его наиболее полное объяснение появилось на сайте Life.ru 1 ноября 2016 года. Из него следует, что то ли от возраста, то ли от непосильного умственного труда и нечеловечески глубоких познаний в этнологии, но у Михайлова мирно уживаются в голове прямо противоположные идеи. Он жалуется журналистам: “Нам было крайне сложно ввести в Стратегию

Окончание. Начало в №5 за 2017 год.

понятие “российская нация”. Ну, это понятно: нельзя законодательно оформить и даже просто разъяснить то, чего нет в природе. Беда в том, что главный эксперт и сам не понимает предмет разговора, вынужденно прибегая к словесной эквилибристике, которая только запутывает вопрос.

С одной стороны, Михайлов верно напоминал в одном интервью ещё 2007 года: “В отечественной ментальности – кстати, в этом вопросе мы схожи с немцами и с австрийской социал-демократией – понятие “нация” никогда не было связано с пониманием политической нации, а только нации как этноса. Поскольку в самосознании это сохраняется, то вопрос о формировании “российской нации” вызывает определённые сомнения”. Он и теперь заявляет: “Российская нация” – это термин не гражданско-политический, а этнический. Собственно, это должно быть зафиксировано на конституционном уровне”. Михайлов пытается ещё пояснить в том же духе насчёт будущего закона: “Крайне важно, чтобы в нём фигурировало понятие “этнос”, не позволяющее оторвать российскую нацию как гражданскую от нации этнической. Таким образом, мы замыкаем единство гражданско-политической и этнической наций”.

В такой позиции есть некоторый резон, но куда больше чуши, поскольку с этой точки зрения имеется только “русская”, но никак не “российская” нация, ибо “российского этноса” нет в природе. Однако, с другой стороны, Михайлов тут же, противореча самому себе, пытается пояснить, но уже всё наоборот: принятие-де закона “позволит нам выйти на уровень европейского правового поля, где нация чётко определяется как гражданская”. Так же и ТАСС цитирует слова Михайлова: “Когда мы говорим “российская нация”, – это согражданство в стране с чётко очерченными границами”. В понятии “российская нация” “не присутствует никакого этнического начала, это чисто политическое согражданство”.

Понятно, что тут “либо – либо”: нация как согражданство не есть нация как этнос. Это однозначно и принципиально, эти противоположные концепции не смешиваются, как вода и масло.

Вот уж поистине, “великий знаток вопроса”, а на деле путаник, каких свет не видел: “русские” – гражданское или же этническое понятие? Если русские – это классическое триединство трёх субэтносов (великороссы, малороссы, белорусы), тогда с какой стати это “гражданское понятие”, а не “этническое”? И почему это “полиэтническое” тут же превращается в “гражданское”? И вообще, с каких это пор этнос, подразделённый на субэтноты, именуется “полиэтническим” (для такого этноса есть свой термин: “подразделенная популяция”)? Уму непостижимый понятийный хаос! Хотя любой начинающий этнолог знает, что этнос и субэтноты соотносятся как вид и подвиды.

Возраст, конечно, не всегда умудряет. Прежде Михайлов думал и говорил совсем другое. К примеру, давая в 2007 году интервью Кириллу Бенедиктову для “Новой политики”, он высказался так: “Есть русская нация? Да, есть... Конечно, понятно желание политической консолидации всего многонационального народа страны в гражданскую нацию – “россияне” – “российскую нацию”, но это не должно происходить в ущерб развитию ни одного из народов России, в том числе русской нации как стенового хребта российской государственности. Не надо забывать о горьких уроках поспешного форсирования создания новой исторической общности в СССР – “советского народа””.

Казалось бы, десять лет назад Михайлов трезво оценивал негативный опыт ошибочной советской национальной политики, приведший к развалу страны. Теперь же он, напротив, взывает к советскому опыту и стремится его повторить, создав “российскую нацию” – полный аналог столь же искусственного, фантомного “советского народа”. Интернет-ресурсу Life.ru Михайлов даже заявил: “В данном случае “российская нация” – это цель, и к ней мы должны стремиться. Мы ругали советскую власть, но они сказали: “Цель – коммунизм”. Он приводит в пример США, создавшие страну через “мощное целеполагание”. Стало быть, и мы должны строить “российскую нацию”, как советская власть строила “коммунизм”. Но можно не сомневаться, что и эффект получится точно такой же плачевный. Ведь ложное целеполагание – что может быть хуже? Оно не может не привести к краху.

Кстати, совершенно несостоятельна ориентация на исторический опыт США, принципиально совершенно иной, чем в России (Михайлов повторяет

¹ <http://www.narodru.ru/article6529.html>

эту капитальную ошибку вслед за Тишковым). В ответ на его слова: “Наш закон имеет целевую установку, как в США, которые создали государство именно через целеполагание”, – хочется сказать: “Опоздали, господа, нашу Россию создавать не надо, её уже создали задолго до вас, ей более тысячи лет. Надо просто не мешать ей свободно развиваться, идти своим путём. Свободно, в том числе, от ваших дурацких экспериментов”.

Казалось бы, с Михайловым всё ясно. Гордясь доверием президента (“группу возглавлю я”), он поведёт дело к скорой реализации: “Далее всё стандартно: подготовка законопроекта, его принятие в Госдуме, Совете Федерации и подписание лично президентом. Если закон будет успешно принят, за ним могут последовать и соответствующие изменения в Конституции”.

О том, какие изменения произойдут не только в Конституции, но и в обществе, устремлённом в очередные тупики национальных отношений, мы поговорим ниже. Но об одном таком тупике, кажется, догадывается даже сам Михайлов. Он заявил, в частности, “Новой газете”: “Вот наш президент часто цитирует Ивана Ильина. Ильин выступал против федерации в России, потому что для федерации нужен более высокий уровень правосознания, а наш российский народ не будет федерацию воспринимать... Не секрет, что если мы проведём сегодня опрос, есть ли сомнения в том, останется ли Россия федеративным государством, мы получим очень высокий процент тех, кто считает, что Россия должна трансформироваться в унитарное государство. И обычно ссылку делают на то, что 80% русских – это моноэтническое государство”.

Что ж, и впрямь: самое ближайшее следствие принятия закона о “российской нации” – это постановка в повестку дня отмены национально-территориальных образований: национальных республик, округов и т. п. Ибо их существование в принципе несовместимо с идеей единой нации (подробнее об этом ниже), которая, естественно, должна жить в едином, унитарном государстве: одна нация – одна страна.

Однако новоявленный адепт “российской нации” Михайлов считает: “Мы должны чётко сказать, что возврата к унитарному государству не будет, по крайней мере, при жизни нашего поколения. Федерация – наш путь развития”. Что лишний раз свидетельствует о том, какой ералаш царит в его отдельно взятой голове, совмещающей несовместимые вещи “с лёгкостью необыкновенной”, а-ля незабвенный Хлестаков.

Теоретик Зорин. Теоретик Зорин не чета, конечно, большому теоретику Михайлову в национальном вопросе, но есть смысл бросить взгляд и на его тексты. Свои взгляды Зорин полно изложил в интервью журналу “Национальный контроль”. Но ничего особо нового мы там не найдём. Зорин ссылается на ту “Стратегию государственной национальной политики до 2025 года”, в подготовке которой сам же и принимал деятельное участие с Тишковым и Михайловым. Он подчёркивает суть этой доктрины:

“Она формулирует пять целей государственной национальной политики. Содействие формированию общероссийской гражданской нации. Содействие этнокультурному развитию всех народов. Укрепление мира и национального согласия, обеспечение равенства прав, независимо от национальности и отношения к религии. И появляется ещё один вектор – на оказание содействия в интеграции и адаптации мигрантов... Две инновационные задачи сформулированы впервые: об “общегражданской российской нации” и признание того, что миграционные отношения влияют на состояние межнационального мира и климата в стране”.

Ну, если признание роли миграционных отношений – это для Зорина “новация”, то тут можно только руками развести: хороши же были предыдущие творцы российской национальной политики (Тишков, Михайлов и сам Зорин в том числе), если этого не понимали, а тут вдруг прозрели. Впрочем, тут он даже не оправдывается. А вот тезис насчёт “российской нации”, в авторстве которого Зорин, по сути, признаётся, ему приходится защищать, поскольку он не может не знать, насколько сильное неприятие этот тезис уже вызвал в обществе. Но защищает столь же высокопарно, сколь нелепо и неуклюже. Он говорит:

“Самую большую критику встретила идея “единой российской нации”. Говорят, что это калька с “единого советского народа” и что в результате

ставится цель стереть этнические различия, превратив все народы нашей страны в единую нацию”.

Именно так дело и обстоит, это нам уже объяснил “глава экспертной группы” Вячеслав Михайлов (см. выше). Но Зорин, видимо, понимая, чувствуя нутром всё безобразие этой затеи, оправдывается, противореча своему патрону:

“Это неправда, да и невозможно – никто такой цели не ставит. Ни из практики государства, ни из самого документа это не вытекает. Русский остаётся русским, аварец – аварцем, еврей – евреем, но это не мешает им чувствовать себя единым народом. Я бы сказал, что российская нация – это нация наций”.

Хотелось бы спросить Зорина, что это за лингвистико-этнологическая новость: “нация наций”? Где это он такую нашёл, откуда подцепил? В Америке, в Канаде, где проживают “нации иммигрантов”? Или это вновь “особый путь России”, где по воле безответственных экспериментаторов всё почему-то должно быть не как у людей?!

Беда именно в том, что подобную умозрительную конструкцию, высосанную из высокоучёных пальцев наших горе-теоретиков, нам и будут навязывать в качестве “мощного целеполагания”, как навязывали некогда “коммунизм”. Михайлов нам в этом уже ясно и откровенно признался. Творческий зуд преобразователей человеческой природы, стремление сотворить из нас, беззащитных и безгласных, нечто небывалое, экспериментальное – “российскую нацию”, сиречь “нацию наций” – не даёт, как видно, покоя бывшим строителям коммунизма. У коммунистов в комплекс “новаций” точно так же входила “новая историческая общность людей”, только называлась она “советским народом”. Такое же, прямо сказать, противоестественное изобретение горе-теоретиков, рассыпавшееся в прах при первом серьёзном испытании.

Зорин в защиту “российской нации” пытается привлекать историко-культурные аргументы. Он призывает: “Откройте Пушкина – он употребляет термин “российский народ”. Ломоносов в споре с господином Миллером о нормандской теории употребляет оба термина: “русский народ” – когда говорит о славянах, и “россияне” – когда говорит о подданных Российской империи. Определение “россияне” использовал Пётр Первый. А потом уже на его похоронах прозвучит знаменитая речь Феофана Прокоповича: “До чего мы дожили, о россияне? Петра Великого погребаем”. Суворов, когда переходил Чёртов мост в Альпах, говорил: “Россияне, за мной!” Поэтому термин “россияне” – это наше историческое достояние. До 1917 года слово “россияне” было вполне употребимо, а в советское время его изъяли из обращения”.

Что ж, как филолог и историк я подтверждаю: да, такое словоупотребление существовало в Российской империи. Но ещё и ещё раз подчеркну: слово “россияне” уместно только как обозначение населения России в целом, её подданства или согражданства, независимо от этничности. Именно так его и употребляли Ломоносов, Пушкин или Суворов, которые при этом никогда не отказывались от своей природной русскости. Суворову принадлежит известный клич: “Мы русские, какой восторг!” Заметьте: “русские”, а не “россияне”. Но вот употреблять это слово как обозначение нации – антинаучно, нелепо и неуместно. Это не что иное, как подмена понятий, злостный подлог, особенно отвратительный в устах чиновников с учёными степенями.

Уместно напомнить также, раз уж зашла речь о нашей истории, что в “Полном своде законов Российской империи” существовал целый специальный раздел “Об инородцах” (том IX, раздел V), то есть русские и нерусские “россияне” были чётко разделены между собою не только на бытовом и профессиональном, но и на законодательном уровне. Похоже, однако, что Тишкову и К^о об этом помнит неохота...

Интересно отметить, что русский народ для Зорина – проблема и вызов. Он признаёт: “Вопрос, связанный с ролью русского народа, пожалуй, самый сложный. Мировая традиция говорит, что, если в государстве более 70% процентов населения составляет один этнос, то это национальное государство”. Корреспондент уточняет: “Русских сегодня в РФ, согласно последней переписи, 80%”. И как же реагирует Зорин на этот факт? “Да, у нас 80%, что и породило феномен В. В. Жириновского, который стал спекулировать на идее того, что мы государство русских. Существует также точка зрения, что нам не нужна национально-территориальная федерация, что мы должны иметь губернии – 20, 40 и т. д. На эти вызовы надо было как-то реагировать”.

Вот так. Надо же, какая неприятность: русских в России многовато. Это, оказывается, создаёт отцам государства сложности, неудобства, приходится реагировать... Вот и «среагировали»: замутили проект «российской нации» в противовес идее «государства русских».

Понятно теперь, откуда растут ноги у этого одиозного проекта? Перед нами очередная попытка стреножить русских, накинуть на нас сеть, в очередной раз построить государство за счёт русских, но не для русских.

Спасибо Зорину, проболтался...

Теоретик Тишков. Свой концепт «российской нации» Тишков усиленно продвигает с самого начала 1990-х, когда его взяли в правительство Гайдара на роль министра по делам национальностей. Именно тогда он сформулировал своё кредо: «Россия – это национальное государство россиян, в состав которого входят представители всех этнических групп: русские, якуты, татары, чукчи, корейцы, украинцы и многие другие, кто проживает на ее территории и обладает гражданством»¹.

Как он сам с гордостью отметил 14 лет спустя: «В постсоветской России это было первое высказывание о российской гражданской нации». Постыдный приоритет, прямо сказать. Заразу «россиянства» Тишков передал Ельцину – вспомним его излюбленное обращение: «Дорогие россияне!» Ельцин повёлся на эту голую блесну по своему невежеству; его не насторожило даже то, что энтузиазма такое обращение, мягко говоря, не вызвало в массах. После его бесславного ухода подобное обращение быстро вышло из моды. Но Тишков, как мы уже знаем, не успокоился со своей идеей-фикс.

Тишков – эпигон вчерашних кумиров западного обществоведения, давно развенчанных «конструктивистов»: Геллнера, Хобсбаума, Андерсона и др. Как и Михайлов, он, конечно же, отлично знает, что отечественная традиция этнологии и цивилистики рассматривает нацию не в связи с территорией и гражданством, а неотрывно от общности происхождения – как фазу развития этноса. Однако твердокаменный «демократ первой волны» Тишков пытается убеждать нас в неполноценности этой традиции по сравнению с западным образцом. Он внушает с апломбом: «Нужно отказаться от формулировки нации как высшей формы этнической общности». Он свято убеждён в непогрешимости американской этнополитической модели и, быть может, именно поэтому обычно пренебрегает аргументацией. Ведь для него США – пример и идеал.

Именно как величайший позитив, достойный не просто подражания, а всеместного утверждения, приводит он данные американской статистики: «В США, по переписи 1980 г., 12 млн граждан не смогли определить своё этническое происхождение по народу-предку и назвали таковым «американское», а более 80 млн указали смешанное происхождение»². Как хорошо было бы, с точки зрения Тишкова, чтобы и в России население определилось бы подобным образом именно как «российское», а не русское, татарское, бурятское и т. д. ! Ведь по его мнению, «оснований признать существование общероссийской гражданской общности, а тем более предпринимать усилия по её укреплению, более чем достаточно», поскольку «рядовое сознание граждан здесь более гомогенно, чем сознание и установки интеллектуальных и политических элит»³. А уж коли пока что с тотальным «россиянством» не вытанцовывается, то, по крайней мере, надо взять пример со Штатов в формировании высших властных структур. И начать надо «с недавнего примера формирования президентом США Б. Клинтонем состава новой администрации. Президент открыто сформулировал принцип, что его кабинет из 14 человек должен «выглядеть, как Америка», то есть отражать этническую, расовую и половую мозаику общества... В итоге специальных усилий в кабинет вошли 4 афроамериканца, 2 испаноамериканца, 3 женщины и ещё 2 женщины заняли должности, приравняемые к членам кабинета. Этот же принцип сейчас проводится при заполнении примерно 3 тысяч высоких должностных постов,

¹ Тишков В. А. Россия как национальное государство // «Независимая газета». 1994. 26 января.

² Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. М., ИЭФ РАН 1997. С. 16.

³ Там же. С. 85.

которые обычно переходят к сторонникам победившей партии”¹. На мой взгляд, в таком подходе нет ничего, кроме дешёвого популизма и злостного идиотизма, но для Тишкова это – высший образец!

Американские и канадские стандарты играют роль шор на глазах Тишкова, но мы-то видим принципиальные отличия этих стран от России, не позволяющие применять данные стандарты в нашей стране.

1. США и Канада – страны, созданные эмигрантами, пришельцами, вторженцами; у этих стран нет и по определению не может быть государствообразующего народа. В России же такой народ есть, он один-единственный, и этот народ – русские.

2. Там “нация” – это поистине “воображаемое сообщество”, фикция, обозначающая некий случайно сложившийся мозаичный конгломерат народов, затиснутый в общие государственные границы и связанный согражданством (именно поэтому Тишков и утверждает, совершенно ошибочно, будто “нация есть многоэтническое по составу образование, основными признаками которого являются территория и гражданство”²). В России же есть единственная реальная нация – русский народ, создавший некогда здесь свою государственность и самоопределившийся на всей территории страны.

3. В США коренные автохтонные народы загнаны в резервации, а все остальные пользуются нравственно оправданным равноправием – все будучи равными по положению пришельцами. В России же русские упорно не идут (и не пойдут!) в резервации, и никакое “равноправие” не покажется им справедливым в стране отцов, которую они получили в наследство и столетиями берегут от подобных хищных пришельцев.

И так далее.

Я мог бы и дальше излагать взгляды Тишкова от своего лица, но объективности ради предпочитаю обратиться к специальной статье “Что есть российская нация и российский народ. (Обобщающая работа В. А. Тишкова)”³. Её автор, профессор МГИМО Владимир Согрин – обладатель о многом говорящей научной биографии: руководитель Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, председатель Совета Российской ассоциации историков-американистов, главный редактор “Американского ежегодника”, лауреат премии им. Н. И. Кареева за монографии “Исторический опыт США”, “США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя” (2015). Словом, такой же заядлый демократ-западник, для которого Америка – эталон, а Тишков – высокочтимый идеал американофильства, достойный превознесения и пропаганды. Ангажированность этого тишковского апологета достигает таких степеней, что его опус стал поистине квинтэссенцией трудов самого Тишкова, а потому достоин воспроизведения в наиболее существенных частях.

Итак, начнём с главного. Кстати, вы думаете, это Зорин изобрёл тезис про “нацию наций”? Да нет, где уж ему! Как разъясняет Согрин: “Что такое, согласно Тишкову, российская гражданская нация? Это нация наций: в ней сосуществуют многие этнические нации – русские, тувинцы, башкиры, осетины, якуты, татары, чукчи, корейцы, украинцы, евреи, армяне и др., абсолютно на равных включённые в главную, но уже не этническую, а гражданскую российскую нацию. Все они в равной степени россияне с абсолютно одинаковыми гражданскими, экономическими и политическими правами и обязанностями. Это российская нация, которая имеет сходство, но и определённое отличие от понятия “российский народ”. Российский народ – это территориальное сообщество, а российская нация – сообщество гражданско-политическое. Российская нация, как и любая другая гражданская нация, обладает некоторыми основополагающими признаками: проживает в едином национальном государстве, скреплённом общей хозяйственно-экономической основой, контролируемой центральной властью территорией, с общими ценностями и культурными основами для большинства жителей страны”.

Ничтоже сумняшеся, Согрин несёт здесь обычную окоlesiцу, путая, вслед за Тишковым, народ с населением, а нацию с согражданством. Согрин

¹ Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. М., ИЭФ РАН 1997. С. 284.

² Там же. С. 101.

³ <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/02/04/1251417057/Sogrin.pdf>

впадает в типовые заблуждения, профессионально разобранные ещё в 2001 году в известной книге А. Й. Элеза “Критика этнологии”.

Впрочем, что и взяты с Тишкова или Согрина, которых давно и пожизненно ослепил “свет американской демократии” (выражение Буша-младшего). Недаром сей апологет Тишкова разъясняет для малосведущих читателей:

“Конкретные характеристики современной зарубежной гражданской нации чаще рассматриваются на примере США. Уделим им внимание и мы. США объединяют представителей многих расово-этнических наций (в американской социологической литературе их предпочитают называть этническими группами) – больше, чем во многих иных странах. Все жители США, независимо от расовых и этнических различий, считают и называют себя американцами и демонстрируют наличие общей ментальности и приверженность общим ценностям. С 1960-х гг. эта американская гражданская нация всё в большей мере включает качественные нововведения. Завоевание чернокожими в то десятилетие равных с белыми гражданских и политических прав, как и демократизация иммиграционного законодательства, повлекли рост самосознания небелых этнических наций.

В результате в американском нациестроительстве, наряду с прежним “плавильным котлом”, создававшим гражданскую нацию на основе англосаксонского ядра, оформился феномен мультикультурности, означающий культурную автономию всех этносов. Это повлекло сжатие англосаксонского ядра гражданской нации, определённую трансформацию последней. Но протестов со стороны основной части политического класса, как и белой Америки, это не вызвало (хотя в латентном виде они присутствуют). Важной тому причиной было осознание и признание того, что оптимальный, максимальный минимизирующий конфликты вариант развития США заключается в умелом сочетании интересов гражданской и этнических наций. При всём том за гражданской нацией сохраняется приоритет, а представители всех этносов считают себя американцами и гордятся этим”.

Вот только этого нам, русским, тут в России, на земле, завещанной нам нашими предками, не хватало! Однако Согрин искренне считает “подобный диалектический вариант – “единство в многообразии” – всемирным общественным идеалом. И подчёркивает: “Тишков, на мой взгляд, резонно полагает и аргументированно доказывает, что он оптимален и для российского нациестроительства. Он современен, он демократичен, он создаёт максимальные возможности для снятия конфликтов между этническими нациями и утверждения внутри- и внешнеполитических интересов национального государства”. И сетует на недостаток понимания тишковских подходов и идеалов со стороны “этнонационалистов” (не только русских), которые, видите ли, не желают “жертвовать интересами своей “титულიной” этнической нации”...

Спрашивается: а мы должны-таки жертвовать интересами своих народов? Чего же ради – ради ваших идеалов, господа американисты?

Пытаясь защитить Тишкова и его безумную идею “превратить мышей в ёжиков” (Россию – в Америку, а русских – в россиян на манер американцев), Согрин упирает на то, что “Тишков неизменно подчёркивает, что используемые им дефиниции коррелируют с современной мировой обществоведческой литературой и, подобно последней, отражают мировую практику нациестроительства XXI в.”. Следовало бы добавить: “И при этом врёт безбожно, не брезгуя подлогом”, – поскольку на самом деле в “современной мировой обществоведческой литературе” отнюдь не наблюдается единомыслия по указанной проблеме. А уж о практике и говорить нечего! Взять хотя бы нациестроительство в Израиле или во всех до единой бывших республиках СССР...

Утверждать, что нация есть согражданство и ничто иное – всё равно, что утверждать, что существует лишь один вид демократии – демократия а-ля США, и более никакого. Совершенно такая же ложь и ерунда.

Но самое главное: идея о том, что нация есть согражданство, не только порочна логически и антинаучна, но также совершенно чужда русскому менталитету и русской научной традиции. Эта идея – часть того либерального концепта, который сложился на Западе, был экспортирован в Россию демократами горбачевско-ельцинского призыва, а сегодня с трудом преодолевается и сдаёт позиции. Причём не только в России, но, как видим, уже и на самом толерантном Западе, подавившемся мигрантами едва ли не до смерти.

Пример Франции, Германии и т. д. уже очень ярко показал всему миру, что согражданство – это ещё далеко не нация и что, скажем, арабы или негры, сколько ни проживи они в этих странах, но французами или немцами от этого не становятся. Американцам, которые все иммигранты, выбирать, понятное дело, не приходится. Но для Европы, а тем более для России этот подход явно не годится.

Впрочем, и с американцами, кажется, не всё так однозначно. Похоже, что Тишков оказался для России самым ярким, витринным представителем американского глобалистского либерализма, но притом именно такого, против которого сегодня восстала избравшая Трампа Америка. Нелепо получится, если в России будет осуществлён тот вариант национального строительства, который, возможно, вскоре отвергнет сама образцовая Америка. . .

Вообще, нельзя не видеть очевидного: мы живём в век “восстания этничности” (Соловей) в противовес уже обрыдлой всему миру глобализации а-ля США. Так что Тишков явно предлагает России плыть поперёк течения истории.

Зачем же нам оглядываться на западную, а тем более американскую традицию в обществоведении и нациестроительстве – ложную, основанную на идеализме, на культуре мнений, на диктатуре меньшинств и на специфике американской истории?

В свете всего сказанного Тишков, Михайлов, Зорин, Согрин и им подобные, на мой взгляд, – не кто иные, как псевдоучёные и адепты Запада, волки в овечьих шкурах. Это всё та же либеральная чума, но в особом квазиучёном обличье.

Впрочем, не только опора на Запад даёт этим людям силы проводить свою губительную политику и идеологию в жизнь. Вспомним снова постулат недоброй памяти Егора Гайдара: “Россия как государство русских в XXI веке не имеет смысла”. Это лишь одно из дел и высказываний ельцинского любимца, обеспечивших ему поистине всенародную ненависть и осуждение. Но оно – важное, знаковое. А сегодня русофобское знамя павшего (как говорят, в неравной борьбе с алкоголем) Гайдара подхватили его приспешники, такие же системные либералы Тишков, Михайлов, Зорин. И иже с ними.

Альтернатива Тишкову, Михайлову и Зорину есть

Вопрос о том, почему небольшая группка из троих тесно связанных между собой отставных министров по делам национальностей захватила командные высоты в деле формирования национальной политики в России, мне кажется ясным. Только поверхностные, несведущие умы могут считать их реальными специалистами, экспертами в данном вопросе. Если первый из названных – обычный учёный еретик, напивавшийся “правильными” западными стандартами, идеями и идеалами и возмечтавший транслировать их в “неправильно устроенную” Россию, то обоих других в научном мире можно вовсе не принимать в расчёт. Но именно они оказались незаменимыми подручными для демократов ельцинского призыва, оседлавших нашу страну в 1991 году.

Поразительно, что Путин, ревизовавший почти всю политику Ельцина и поменявший почти всю ельцинскую былую команду системных либералов, губителей страны, почему-то оставил при делах названную тройцу, доверив ей важнейшее из направлений внутренней политики. Объяснить это я могу только его некомпетентностью в данном вопросе и вынужденной необходимостью кому-то доверить его решение. Кому? Очевидно, тому, кто лучше прочих умеет пустить дым в глаза. А уж тут Тишкову и К^о равных нет, как мы видели.

Сказанное не означает, что в научном мире России у этой тройки нет альтернативы. Более того, она возникла тогда же, в начале 1990-х, во многом как реакция на безответственное “творчество” Тишкова по национальному вопросу.

Одним из постоянных и настойчивых оппонентов Тишкова с тех самых пор является такой же доктор наук (кандидатскую и докторскую защищал по национальным отношениям) и такой же в прошлом министр по делам национальностей, а ныне глава Дагестана Рамазан Абдулатипов, который после первых выступлений Тишкова в пользу “российской нации” даже обратился с открытым письмом к Ельцину, обвиняя “безнациональных учёных и политиков”, которые “подбрасывают президенту западную идею нации как согражданства”. Тогда же в адрес Института этнологии и антропологии РАН пришли запросы от лидеров ЛДПР В. Жириновского и А. Митрофанова с просьбой

дать заключение: на каком основании появился и используется термин “россияне”, который никакой народ не представляет и является своего рода эвфемизмом?

Что тут сказать? Абдулатипов-то явно поумнее Тишкова оказался. Кстати, в свою бытность министром именно он учредил тот самый Отдел русского народа (руководитель А. В. Никонов), ликвидированный впоследствии Вячеславом Михайловым. Однако, как видно, своими связями и влиянием, искусством лоббизма Рамазан Гаджимурадович до нашей лихой тройки не дорос и перевесить их совокупный “авторитет” не сумел.

Но в учёном сообществе не один Абдулатипов оказался противником выдуманной Тишковым “российской нации”. Я, в частности, имею в виду докторскую диссертацию профессора А. И. Вдовина (истфак МГУ), которая так и называлась: “Российская нация”. Национально-политические проблемы XX века и общенациональная российская идея” (вышла отдельной книгой в 1995 году).

Вдовин не случайно закавычил сам термин, подчеркнув этим его абсурдность и придав всей теме оттенок иронии. Ведь российскому учёному-нациеведу, к счастью, нет никакой необходимости оглядываться на Запад. Ему и без этого нетрудно определиться по поводу нации, поскольку в России есть достаточно крепкая, сложившаяся научная традиция, подввергать которую пресмотру нет никаких оснований. Сам Вдовин характеризует её так: “В отечественной обществоведческой традиции советского периода под нацией чаще всего понимали определённую ступень в развитии народа (этноса), историческую общность, результат развития капиталистических отношений, приводящих к экономическому, территориальному, культурному, языковому и социально-психологическому единству определённой совокупности людей, стремящихся обеспечить интересы своего дальнейшего независимого развития непременно с помощью обособленного национального государства”¹.

На самом деле, добавлю, эта традиция сложилась ещё в царской России, ей скоро уже... сто пятьдесят лет!

Практически идеально и полностью соответствующее современному определению нации принадлежит знаменитому правоведа-цивилисту XIX века А. Д. Градовскому, который ещё в 1873 году отчеканил на сей счёт: “Совокупность лиц, связанных единством происхождения, языка, цивилизации и исторического прошлого”, которая при этом “имеет образовывать особую политическую единицу, то есть государство”. Градовский прозорливо полагал, что народность есть “нормальное, естественное основание государства”, а государство есть “политико-юридическая форма народности”. Если закрыть глаза на то, что автор в традициях своего времени пользовался термином “народность” вместо малоупотребительного тогда слова “нация”, тут ни убавить, ни прибавить: нация вся как есть². Стоит напомнить, что “Толковый словарь” Даля разъяснял весьма точно и современно: “Нация ж. Франц. Народ, в обширном знач., язык, племя, колено; однородцы, говорящие одним общим языком, все сословия”.

Оставив в стороне историю вопроса, подчеркну, что для современного нам круга российских учёных, за вычетом экзотистов-конструктивистов типа Тишкова, это понимание в своих главных, опорных тезисах: **1)** нация есть фаза развития этноса, в которой он **2)** создаёт свою государственность, обретает суверенитет – вполне утвердилось до степени постулата.

Указанные тезисы наши, например, весомую поддержку не только у этнологов, но и у юристов. Назову для примера монографию петербургских правоведов-цивилистов П. А. Оля и Р. А. Ромашова, которая так и называется “Нация. (Генезис понятия и вопросы правосубъектности)”. СПб, Издательство Юридического института, 2002). Авторы зашли к проблеме нации со своей, юридической стороны, перед тем проработав, однако, внушительный массив этнологической, социологической и социально-психологической литературы. Для нас их позиция весьма важна, ибо юридические формулы – логические, краткие и ясные – способны аккумулировать в себе в концентрированном и очищенном виде многие тома досужих дискуссий.

¹ Вдовин А. И. “Российская нация”. Национально-политические проблемы XX века и общенациональная российская идея. М., “Либрис”, 1995. С. 28.

² Градовский А. Д. Национальный вопрос в истории и литературе. СПб., 1873.

Оль и Ромашов пришли к выводу, что нация есть не только “сложная этносоциальная общность”, но и “специфический коллективный субъект права”, который “может выступать только как общественное образование с формально-юридически закреплённым статусом. При этом неотъемлемым её свойством, позволяющим выступать в качестве самостоятельного субъекта международных и национально-государственных отношений, регулируемых правом, является национальный суверенитет, обладание которым является основанием правосубъектности национального образования”¹.

Очень ясно и понятно: есть суверенитет у этносоциальной общности – значит, перед нами нация. Нет такого суверенитета – значит, и статуса нации у общности нет.

Логично, чётко и понятно и дальнейшее рассуждение. В чём и как проявляется национальный суверенитет? Ответ: “Государство является основной политико-правовой формой реализации нацией своей правосубъектности, и в этом смысле нация может рассматриваться как государствообразующий этнос”². Таким образом, тождество суверенитета и государственности, а также государствообразующего этноса и нации представляется юридически безупречным. Что и требовалось доказать.

Можно привести и другой пример. Московским государственным институтом международных отношений выпущен справочник по современной социологии, где рекомендуется такая формулировка: “**Нация** – высшая форма **этнической** общности людей, возникшая исторически в эпоху формирования буржуазных отношений и ликвидации на этой основе феодальной раздробленности этнической территории, и объединения людей, говорящих на одном языке и имеющих общую культуру, традиции, психологию и самосознание...”³. Здесь государство как форма бытия нации не упомянуто, но с очевидностью подразумевается.

Замечу попутно, что для любого западного исследователя национального вопроса дело привычно осложняется лексическим убожеством англоязычия: единым словом *nation* обозначается и собственно нация, и народ, и национальность, и даже, отчасти метафорически, государство, как это видно на примере ООН. Но при этом тот же язык даёт и ключ для выхода из тупика, ибо корень латинского слова *natio* означает не что иное как “род”. Точно так же, как русское слово “народ”, латинское слово *natio* (оригинал, многочисленные копии с которого вошли едва ли не во все языки мира) чётко и ясно обнаруживает этимологическую связь, указывающую на кровную, племенную сущность этого понятия. “Народ” и “нация” изначально тождественны. И в античные времена этим словом обозначалось именно племя⁴.

Но в наши дни неразбериха с самыми насущными понятиями “народ” и “нация” достигла в западном мире таких масштабов, что даже работа над основополагающими документами ООН, включая Устав этой организации, оказалась сильно затруднена⁵. Во многом, как выяснилось, это связано с тем, что оба термина имеют разные смысловые оттенки в английском, немецком, французском и русском языках. В итоге остановились на формулировке: “[термин] “нации” используется применительно ко всем политическим образованиям, государствам и негосударствам, в то время как [термин] “народы” относится к группам людей, которые могут составлять или не составлять государства или нации”.

Как видим, практическая потребность политиков хоть как-то договориться заставила разработчиков расширить понятия до полной размытости содержания. Наука, однако, не может следовать подобным путём, это очевидно.

¹ Оль П. А., Ромашов Р. А. *Нация. (Генезис понятия и вопросы правосубъектности)*. СПб, Издательство Юридического института, 2002. С. 4.

² Оль П. А., Ромашов Р. А. Указ соч. С. 5. Это не только личная точка зрения авторов. Они указывают: “Большинство отечественных юристов придерживаются точки зрения, что государственный суверенитет – это неотъемлемый признак, качество, свойство любого государства: “нет суверенитета – нет государства”. (Там же. С. 59).

³ Учебный социологический словарь. Общая ред. С. А. Кравченко. М., МГИМО, 1997. С. 90.

⁴ Оль П. А., Ромашов Р. А. Указ соч. С. 6-7.

⁵ Rigo Sureda A. *The Evolution of the Right of Self-Determination: A Study of United Nations Practice* (Leiden: A. W. Sijthoff, 1973). Обзор точек зрения четырёх государственных инициаторов и других участников в майской дискуссии в 1945 году см. в: *ibid*, 97–120.

Таким образом, налицо вполне разумная русская нациеведческая традиция, сложившаяся как противовес западному понятийному хаосу. Тишков, Михайлов и Зорин не желают с нею считаться? Они хотя бы плыть в фарватере западного обществоведения? Это факт их биографии, не более. Но мы-то с какой стати должны изменять себе? Почему позволяем этим горе-учёным морочить голову президенту России, а заодно и всей стране, населяющим её народам?! Как известно, ошибки в теории дороже всего обходятся на практике.

Но вот вопрос, однако: а какова альтернатива идее-фикс Тишкова и К^о насчёт “российской нации”?

Вернёмся здесь к докторской диссертации Александра Вдовина, который ещё в 1995 году концепту “российской политической нации” противопоставил нечто принципиально иное, гораздо более актуальное.

Автор во введении обращает наше внимание на то, что в первом же из ежегодных посланий президента Ельцина Федеральному Собранию (1994) прозвучал тезис о том, “что существующие в нашей стране национальные проблемы (в том числе и вставший после распада СССР во весь рост “русский вопрос”) отныне будут решаться на основе нового понимания нации как согражданства”¹. Это, как понимает читатель, результат первичной обработки Ельцина Тишковым. Вдовин цитирует и ныне забытого деятеля тех лет Владимира Шумейко (1993): “В последнее время... уже многие учёные, деятели искусства, просто думающие люди высказывают идею... о создании единой российской нации (по аналогии с американской), которая вберёт в себя потомков всех народов, населяющих Российскую Федерацию”. Формирование “единой российской нации” выдвигали как приоритетную задачу и другие политики ельцинского призыва. Французское понимание нации как согражданства (согласно которому граждане Франции арабского или негритянского происхождения могут быть “французами”, а французского происхождения гражданин Канады или Гвинеи – уже нет) было, при всей своей нелепости, общим для этих деятелей. Вдовин подчёркивает также, что “в русском зарубежье из представлений о российской нации как надклассовой совокупности всех национальностей российского государства исходила программа НТС (1948)”, а также, что “сходные представления о российской нации, включающей все народы России, разделяла такая экзотическая часть русского зарубежья, как русские фашисты”².

Тут же Вдовин указывает и на главную “ахиллесову пята” подобного концепта: “Государственное устройство нации, понимаемой как согражданство... не предполагает составных административно-территориальных частей, образуемых по этническому принципу”³. Поэтому в заключение профессор указывает: “Национальные интересы русского и других народов могут быть надёжно защищены, если Россия станет государством русского народа с национально-территориальными автономиями для других народов и с культурно-национальной автономией для национальных групп, расселённых дисперсно”⁴.

Итак, мы видим, что продвижение концепта “российской нации” с самого начала находилось в приоритете либеральной диктатуры Ельцина-Гайдара. Но и тогда против него находились неотразимые, весомые аргументы. С тех пор эти аргументы всё росли числом и весомостью. Это проявилось, в частности, при обсуждении той самой “Стратегии государственной национальной политики”, авторы которой (всё те же Тишков, Михайлов и Зорин) предусмотрительно заложили в неё пресловутый концепт “российской нации”, вставший сегодня на повестку дня.

По данному поводу метко возразил протоиерей Всеволод Чаплин: “В проекте “Стратегии...” делается упор на развитие “гражданской” или “политической” нации. Но не нужно опять идти на поводу у опорочившей себя и показавшей свою безжизненность идеи создания некоего “нового человека”, который будет лишён этнических характеристик. Этого “нового человека” пытались создавать в Советском Союзе, и сейчас пытаются сделать то же самое на Западе. Ничего не вышло”.

¹ Вдовин А. И. Указ. соч. С. 23.

² Там же. С. 38–46.

³ Там же. С. 31.

⁴ Там же. С. 201–202.

Чаплину вторит, как ни странно, якутский парламент. Депутаты отмечают несовершенство дефиниции, данной в проекте “Стратегии...”, где сказано: “Российская нация (многонациональный народ Российской Федерации) – общество граждан Российской Федерации разной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, осознающих свою гражданскую общность и политико-правовую связь с российским государством (согражданство)”. Якутские парламентарии справедливо возразили: “Определение дано в европейском понимании, что не соответствует сложившемуся понятийному аппарату российской науки и обыденному сознанию русских и напоминает повторение нашего недалёкого опыта, когда в нашем многонациональном государстве пытались создать “единый советский народ””.

Интересно и неожиданно, что с критикой “россиянства” выступил даже доктор политических наук, профессор НИУ ВШЭ Эмиль Паин, который подвизался у Ельцина в качестве советника по национальному вопросу. Казалось бы, он должен был быть близок быломu соратнику Валерию Тишкову по взглядам: всё же птенцы одного политического гнезда и почти одного веса. Но нет: 7 ноября 2016 года он выступил в журнале “Огонёк” с оригинальным взглядом на одобрение президентом Путиным разработки закона о “русской нации”.

Кстати, редакционная трактовка произошедшего сама по себе также заслуживает внимания; там весьма метко замечено: “Понятие “россияне” снова входит в моду: вот уже и президент поручил разработать закон о русской нации. До этого о гражданской нации в России предпочитали не говорить – речь шла либо о народе, либо о национальности, этносе. Новый “лексический переворот”, таким образом, обещает сделать небывалое и привить российскому национализму либерализм”.

Так вот, Эмиль Паин, с одной стороны, доволен: “На мой взгляд, хорошо то, что население России постепенно приучают к словосочетанию “русская нация” после десятилетий сугубо этнического его понимания, скажем, русская, еврейская, армянская нации”. С другой стороны, он считает, что “одновременно всё более заметны признаки подмены сущности явления: вместо нации как общества, овладевшего государством и сделавшего его орудием реализации общественных (народных) интересов, предлагается подданническая “нация”, которая строится (во всех смыслах этого слова) государством, сверху. Происходящее можно назвать очередным историческим циклом реанимации политики “официальной народности”, которая всегда противостояла идее гражданской нации как общества, основанного на принципах народного суверенитета”.

Как видим, перед нами своеобразная схватка монстров: ультралиберала кусает и рвёт на части ультрадемократ. Неприятие “государственного национализма” обосновывается Паиным тем, что сочинённая некогда министром Сергеем Уваровым “официальная народность стала возвращаться в своём третьем изводе... Для окончательного вызревания имперского национализма наступает очень благоприятное время, и тут государство как раз и анонсирует появление нового политического и социального феномена – русской нации”.

Что же не устраивает в этом бывшего советника Ельцина? Он возражает с позиций последовательного демократа: “При всём желании обмануться и поверить, что речь идёт о воспитании в народе чувства гражданственности, наблюдаемые факты не дают особых поводов для оптимизма. Важнейшим следствием циклического воспроизводства официальной народности является подавление гражданского самосознания россиян. Происходит атомизация общества, которая ведёт к следствиям, хорошо описанным ещё Эрихом Фроммом в книге “Бегство от свободы”: “Атомизированный человек поддается магическому влиянию того, что называется массовым внушением”. В начале и в середине 1990-х годов наблюдался рост гражданского самосознания, усиливалась поддержка идеи народного суверенитета. Во всяком случае, в 1995 году почти 40 процентов россиян поддерживали идею: “Мы должны заставить государство служить нашим интересам”, – но спустя 20 лет эта доля уменьшилась почти втрое. Стремление россиян к реализации принципа народного суверенитета падает. Не проявляется в России и другой важный признак роста гражданского самосознания – стремление к участию в управлении страной”.

Я не уверен, что отмеченная Паиным корреляция встревожит современный истеблишмент. Однако Паин с вполне обоснованной тревогой напомнил также читателям о сталинской эпохе, когда “государственный национализм развивался, а самостоятельный жёстко преследовался: даже участники студенческих кружков, пытавшиеся изучать труды русских националистов, репрессировались, отправлялись в ГУЛАг”. Вот эта рубашка гораздо ближе к нашему русскому телу, и я лично склонен разделить обеспокоенность автора.

С юридических и философских позиций Тишкову возражает академик РАН и РАЕН, ректор Московского гуманитарного университета И. М. Ильинский. Он подметил: “В Конституции России понятие “нация” отсутствует. Первая строчка Основного Закона звучит так: “Мы, многонациональный народ Российской Федерации”... “Народ”, но не “нация”... В нынешней России 186 наций, народов и народностей... Численность четырёх народов переваливает за миллион (армяне, башкиры, чеченцы, чувашаи) и двух народов – за два миллиона человек (украинцы – 2 млн 942 тысячи, татары – 5 млн 554 тысячи)... И вот этот “коктейль” можно назвать “российской нацией”?..

Суть проблемы, не позволяющей сказать, что ныне российская нация существует фактически, – в острейшем дефиците единства и общности национальных интересов в сознании большинства населяющих Россию наций, народов и народностей. Нынешняя Россия – страна, расколота по многим основаниям: политическим ориентациям, уровню благосостояния, в том числе (а может, прежде всего) по национальному чувству и самосознанию. На вопрос иностранца: “Кто ты?” – мало кто ответит: “Я россиянин”, чаще скажет: “Я русский”, “Я татарин”, “Я еврей”... Или: “Из России”...

На мой взгляд, главная проблема России в том, что наше государство не имеет внятно сформулированной идеологии. А государство без идеологии, состоящее только из экономики (да и та в основном в виде нефтевышек, газопроводов), – это парадокс... Там, где нет идеологии, там нет и нации. Только идеология может скрепить любое достаточно большое человеческое объединение, тем более многие нации и народы в Целое на уровне массового сознания. Тогда из народа возникает нация. Поиск новой идеологии для России – это поиск универсальности, такой идеологии, которая могла бы объединить людей в большом масштабе – в сверхнациональном, наднациональном, если говорить о российской идеологии, а не об идеологии русской, татарской или какой-либо другой нации. Идеологии для всех наций, а не только какой-то одной. Однако в России согласно Конституции “признаётся идеологическое многообразие” (ст. 13, п. 1) и “никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной” (ст. 13, п. 2). Ситуация тупиковая”.

О том, что новую единую нацию невозможно создать “сверху”, написал в своём исследовании “Этносология современной России (на примере Башкирии)” башкирский этнополитолог Рустэм Вахитов. Он совершенно справедливо заметил, что “невозможно совместить создание единой нации и заботу о развитии народов РФ”.

Вахитов пишет: “Нация возникает снизу как общественный договор гражданского общества, проходя через “плавильный котёл”, в котором через дискуссии вырабатывается государственная идентичность”. Он утверждает, что сегодня Россия в нацполитике идёт по пути СССР, когда удалось создать “не единый советский народ, а многонациональный ансамбль народов с множеством разных идентичностей” и “систему этнословий, как в царской России”. Он предсказывает, что в ближайшее время государство вернётся к созданию “учётных этнических групп, члены которых будут записаны в специальных учётных документах”, что облегчит управление страной. “Чтобы выделять преференции, надо знать, кому их дать, так же как надо знать, с кого спрашивать за выполнение тех или иных функций”. Понятно, что такая практика на деле уничтожит “российскую нацию” в идее, сколько её ни декларируй.

Наиболее последовательно и подробно против концепта “российской нации” и попытки его законодательного воплощения выступил доктор исторических наук, профессор и заведующий кафедрой связей с общественностью МГИМО Валерий Соловей. Он обобщил большинство тех возражений и опасений, что уже фигурировали выше. В связи с чем я помещаю его интервью РИА “Новый День” от 11 ноября 2016 года целиком:

“... По его мнению, государство планирует реализовать этот проект только для того, чтобы не потерять власть над людьми, но национальные вопросы “из-под палки” не решить.

“Сейчас совершенно очевидно не место для реализации этой идеи. Для неё нет подходящих условий. А почему власть сейчас предложила? Власть боится ослабления единства страны и того, что стало сепаратизмом. И второе: она чувствует, что общество начинает сомневаться в лояльности по отношению к государству, по отношению к начальству. Власть хочет ещё одну скрепу, ещё одну узду накинуть на общество, но это вряд ли получится. Я бы сказал, что это абсолютно точно не сработает”, – сказал Соловей.

По мнению эксперта, из-за критики, которая обрушилась на проект “российской нации” со стороны экспертов и его “глухого отторжения” на массовом уровне, идею всё-таки не будут реализовывать.

“Это как в том стишке: что ни делает дурак, всё он делает не так. Я полагаю, что за реализацию не возьмутся, что никакого законопроекта не будет. И это было бы со стороны власти как раз проявлением политического реализма и трезвости в оценке ситуации”, – считает профессор.

Он пояснил, что для того чтобы реализовать идею о “российской нации” власти придётся не только сформулировать определённый набор ценностей, но и транслировать их в общество, показывая пример.

“Сама по себе идея необходимая и даже теоретически правильная, потому что любая страна нуждается в общности, в сплочении на основе неких ценностей. Но ценности транслируются в общество сверху вниз – внизу копируют те модели поведения, которые демонстрируют наверху. Этих условий, то есть практик совместного делания, и трансляции позитивной идеи нет”, – отметил Соловей.

По его оценке, чтобы сплотить страну, нужно не придумывать искусственную систему, а формировать общность народа в результате “совместного делания”, когда в общность подложены какие-то практики, например, защита родины или реализация большого проекта.

Соловей считает, что если такие условия для формирования гражданской нации не будут соблюдены, то эта идея может превратиться в “фантазм”, причём опасный.

“Если вдруг примут закон об этой российской нации, то всякий, кто скажет, что он не считает, что нация существует, что он хочет быть русским, чеченцем, татаринном, может быть обвинён в нарушении законодательства и преследоваться по какой-нибудь из наших дурацких уголовных статей”, – обратил внимание эксперт.

При этом, по прогнозу Соловья, недовольных принятым законом может быть много.

“Возникнет конфликт между навязанной гражданской идентичностью и этнической. В теории одно другому мешать не должно, но у нас в России, поскольку всё делается странным образом, начнут навязывать. Люди это воспринимают именно как навязывание – то, что от них требуют отказаться от их <традиционной этнической> принадлежности. Это мало кому нравится”, – констатировал Соловей.

Он также добавил, что призыв отказаться от этнической принадлежности вызовет протест даже среди тех, кто раньше не сильно задумывался о своём национальном самосознании.

“Это вызовет протест. Может быть, не потому, что люди ею <этничностью> так дорожат, но отказываться от собственной идентичности никто не хочет. Я уже не говорю о том, что у людей старшего поколения это вызовет воспоминания о том, что была такая “новая историческая общность людей – советский народ”. А формулировка российской нации, которую предлагают, очень похожа на ту формулировку. Но советский народ был, да весь сплыл”, – отметил эксперт¹.

Не могу не отметить в завершение, что концепт “российской нации” вызывает возражения не только у политологов и обществоведов, но даже и у коллег Тишкова – антропологов. К примеру, с критикой его выступил Денис Пежемский, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник НИИ антропологии МГУ, заместитель директора Центра палеоэтнологических исследований.

¹ <https://newdaynews.ru/moskow/585265.html>

Он напомнил об опыте построения таких искусственных образований, как “советский народ” и “дорогие россияне”, и как советское руководство намеренно и упорно избавлялось от понятия “русский”. Он справедливо усмотрел в такой новации повторение ошибочной национальной политики советской власти:

“Полистайте и учебники, и справочники, и даже детские энциклопедии советского периода, вы найдёте словосочетания “украинский советский народ”, например, или “белорусский советский народ”. Нигде не найдёте “русский советский народ”. Просто такого нет...

Совершенно очевидно, что национальная политика Советского государства была, в общем, неоднозначной. А если переходить на совсем хлёсткие выражения, то она, конечно, была провальной уже хотя бы потому, что первые 25 лет (то есть четверть века!) зачёркивалось и вытравливалось любое упоминание о предшествующем периоде, о той почве, на которой стояло государство, а это – русские, государствообразующий народ, то есть более 90% населения... Подчёркивалась любая этничность, кроме русской. Слово “русский” было заменено на “советский”. Первые 25 лет она просто уничтожалась умышленно... Это, конечно, была государственная политика”.

Пежемский резюмирует вполне пессимистически: “Никакую российскую нацию невозможно “построить”¹.

* * *

Я привёл эти многочисленные мнения не последних в области этнографии людей для того, чтобы утвердить читателя в мысли: Тишков, Михайлов и Зорин – не единственные авторитеты в данной сфере. Они, скорее, исключение в российском учёном сообществе и сознательно противопоставили себя отечественной традиции, приняв “символ веры” Запада для себя и стараясь навязать его России и её президенту.

Главный вывод, который следует отсюда: Путину пора менять советников в национальном вопросе. Пристойно ли ему, сумевшему преодолеть негативные последствия ельцинизма во многих сферах внешней политики, экономики, военного строительства и т. п., продемонстрировать откровенную преемственность и зависимость национальной политики от демократов “первой волны” ельцинского разлива? Пристойно ли ему, сумевшему перед лицом всего мира показать моральную и политическую альтернативу западному образу мысли и общественного устройства, ориентироваться на уже провалившуюся на наших глазах модель западного решения национальной проблемы, национального обустройства?

Ответ, мне кажется, может быть только один. Идея “российской нации” обанкротилась ещё до своего рождения, и это надо учесть и не пытаться воплотить её в жизнь, насилуя естественно-исторические обстоятельства и сознание миллионов.

ЧАСТЬ IV. ЧТО К ЧЕМУ И ПОЧЕМУ

НАМ “ПОДБРАСЫВАЮТ ИДЕЙКУ”

О причинах тяги к нацистроительным экспериментам

Пора подводить итог всему сказанному. Мы разобрались почти во всём, в чём следовало разобраться предварительно: мы поняли, кто и что говорит нам по поводу “российской нации”. Осталось понять, почему сегодня саму эту проблему предъявили обществу для осмысления и обсуждения, каковы мотивы и намерения тех, кто вбросил её в общественное сознание. После чего можно будет вынести окончательное суждение о предмете разговора.

Кто инициировал разговор о “российской нации” – понятно: вначале गरे-учёный Валерий Тишков, обуянный мечтой всё сделать в тёмной России,

¹ <http://tsargrad.tv/article/2016/11/15/rossijskaja-nacija-sovetskij-narod-20>

как в сияющей просвещенной и демократией Америке, привил идею “россиянства” сперва Ельцину, а потом, уже совокупными усилиями трёх экс-министров по делам национальностей, её удалось привить и Путину.

Понятно также и то, почему Путину могла показаться привлекательной идея “российской нации”, почему он 31 октября 2016 года вдруг так неосторожно и публично включился в эту игру. Тому есть две причины.

Во-первых, перед Кремлём действительно стоит задача консолидировать всё население России, независимо от этничности и шлейфа межнациональных отношений, далеко не всегда благостных. Некогда Лев Гумилёв не зря предложил классифицировать национальные отношения по критерию комплиментарности или некомплементарности, ведь он неплохо представлял себе историю нашей страны. А эта история такова, что в ней под единым гербом соединились народы, имеющие давние и немалые исторические (в том числе кровавые) счёты друг к другу: осетины и ингуши, балкарцы и кабардинцы, башкиры и татары, якуты и эвенки, эвенки и эвены и т. д., и т. п. Некоторые (например, мусульмане) имеют претензии к евреям. Не говоря уж о том, что у весьма многих народов злопамятные счёты припрятаны по отношению к русскому народу (как написал один поэт, считающий, что русские в долгу у евреев: “Счёта сохранены, но не сведены”). Ведь что ни говори, а история России есть история колонизации, отнюдь не всегда мирной, русскими людьми разнообразных земель на все стороны света от Москвы – читайте об этом классический труд академика М. К. Любавского “Очерки истории русской колонизации”.

Это причина объективная, общественная. Именно она сегодня побуждает ретивых педагогов исключить из единого учебника истории России различные реально бывшие эпизоды, могущие, по мнению перестраховщиков от политики, напрочь межнациональные отношения. Например, эпизод татарского ига, который сегодня кое-где считается “хорошим тоном” замалчивать, а то и вовсе отрицать. Так сказать, лицемерие и двоемыслие на марше.

Исходя из этой причины, я полагаю, путинские советники по нацвопросу и предложили ему катнуть пробный шар: а не согласятся ли все российские народы утопить и растворить своё национальное первородство в некоей искусственной “российской нации”, отбросив вместе с национальным своеобразием, с национальной историей взаимные счёты и претензии. Этим-де и будет достигнуто желаемое единство.

Во-вторых, есть причина и субъективная, личная. Дело в том, что правители России – цари, генсеки, Политбюро, Ельцин, Путин – все всегда хотели быть “отцами нации”. Все хотели добиться лояльности всех народов, все, едва ли не со времён Ивана Грозного, активно вводившего татар в состав правящей верхушки, ладилось быть царями “для всех”, чтобы все были верноподанными для них. И Путин тут не исключение, поскольку такова общая логика власти в полиэтничной стране.

Но дело-то всё в том, что нам, русским, то есть восьмидесяти с лишним процентам населения, станому хребту страны, до смерти надоела безотцовщина. У нас есть Родина-Мать, но с 1917 года и до сих пор нет отца. А на троне вот уже сто лет сменяют друг друга разнообразные отчимы, у коих бегают по двору полторы сотни разных приёмных ребятишек, все одинаково свои – и все одинаково чужие. Хватит с нас такого положения вещей!

В октябре 2014 года на Валдайском форуме Путин произнёс очень ко многому обязывающие его слова: “Самый большой националист в России – это я”. Правда, он не пояснил, о какой нации идёт речь: о реальной русской или о выдуманной с благими намерениями “российской”? В тот момент, после триумфального воссоединения с Крымом, все русские услышали то, что им бы и хотелось (то есть первый вариант), и рейтинг президента взлетел до небес. Но его же реплика про “российскую нацию”, сказанная в Астрахани 31 октября прошлого года, многим заставила заподозрить второй вариант.

На кону оказалось весьма многое из-за этой опрометчивой фразы. Как бы президенту не разминуться с основным народом его страны...

В данной связи хочу привести характерный отзыв на путинский призыв. Этот отзыв дал депутат Госдумы VII созыва, а по совместительству председатель партии “Родина” Алексей Журавлёв. Он попытался сесть на два стула сразу, соблюсти максимальную лояльность сразу двум господам: президенту Путину, с одной стороны, и русскому народу, от имени которого хотел бы выступать, – с другой. Ради этого пришлось дать такую интерпретацию путинскому

выступлению, какой, думаю, сам Путин никак не ожидал бы. В заметке, озаглавленной “Закон о русской политической нации – не прихоть, а государственная необходимость” (сайт АПН 8 декабря 2016) Журавлёв ожидаемо обосновал необходимость закона: “Ведь единство нашего народа, гармоничное развитие всех наций и народностей, населяющих нашу необъятную Родину, – неперемненное условие стабильного и поступательного развития страны”. И заверил заинтересованных лиц: “Мы, партия “Родина”, всегда были сторонниками формирования единой политической нации и сформулировали соответствующие предложения”. Но Боже правый! О какой единой политической нации ведёт речь Журавлёв? Паче чаяния, это оказалась не “российская”, а “русская политическая нация”.

Причём Журавлёв и тут предусмотрительно и сверхлояльно сослался на “слова нашего президента, сказанные на последней сессии клуба “Валдай” в ответ на просьбу сформулировать, что такое национальные интересы России: “То, что хорошо для русского человека, – то и национальные интересы России и вообще народов Российской Федерации”. Считаю это исчерпывающим ответом тем, на кого слово “русские” до сих пор действует, как красная тряпка на быка”.

Практическое наполнение журавлёвской идеи просто и радикально: “Разделение нашего народа по этническому принципу на “русских” и “нерусских”, особенно при сохранении ещё советского административного деления страны, как раз угрожает народному единству и территориальной целостности России. Все мы русские в гражданском и политическом смысле”. А что сей постулат значит? Это значит, что нам с помощью законодательства предстоит переделывать не русских – в “россиян”, а напротив, всех тех самых россиян – в “русских”! Без сомнений, такая попытка Журавлёва бежать впереди паровоза – предвосхитить будущий законопроект, дабы принудительно скопом записать в русские всех нерусских жителей России, – заслуживает названия остроумной.

Для “Родины”, преемницы Конгресса русских общин, подобная мысль не нова, перед нами своего рода идея-фикс, ведь ещё бывший идеолог КРО Андрей Савельев писал (как бы ведя диалог с собственной бабушкой-татаркой): “Мы должны говорить не “татары-россияне”, “коми-россияне” и т. д., но “русские татары”, “русские коми”, “русские евреи” и т. д. В былые времена прилагательные “российский” и “русский” были абсолютными синонимами. Поскольку ситуация изменилась, нужно обратиться к более чёткому исконному прилагательному “русский”, а прилагательной “российский” употреблять значительно реже”.

На мой взгляд, не мешало бы для начала спросить татар, коми, евреев и др., хотят ли они сами называться подобным образом. Да не одного-двоих прикормленных функционеров, а на уровне если не референдума, то максимально репрезентативной выборки. Уверен, результаты опроса сильно огорчат и разочаруют наших замечтавшихся прожектёров. Ну, и есть большие сомнения, что Журавлёву удалось угадать замысел Путина на сей счёт...

Впрочем, что решит Путин, предсказывать рано. Возможно, услужливая статистика предоставит ему данные социологических опросов, подтверждающие радостную готовность большинства русских принять “российскую идентичность”. Возможно, Путин уговорит себя поверить в эти цифры.

Но давайте вспомним недавний опыт. Ещё в 1986 году по опросам социологов 78% русских назвали себя советскими, и только 15 – русскими (в то время, как 90% эстонцев считали и называли себя эстонцами). Однако это мнимое “осоветчивание” русских нисколько не помешало крушению Советского Союза и советской власти. А когда это крушение произошло, те же социологи уже в 2003 году отметили, что 45% русских считают себя “русскими” (этот процент вырос на 30 пунктов) и лишь 16% – “советскими” людьми (падение на 62 пункта). Мало того: удельный вес жителей России, поддерживающих лозунг “Россия для русских!”, вырос с 43% в 1998 году до 58% в 2002 году (у собственно русских этот процент был равен 72,5). Причём, что очень важно, если в 1998 году этот лозунг характеризовали максимально отрицательно 30%, то в 2002 году – лишь 20% населения, то есть примерно столько, сколько в России вообще нерусских. Вот такой тектонический сдвиг всего за какие-то пятнадцать лет! Призрачный образ быстро развеялся, подлинная национальная суть обнажилась...

Мораль не нова: гони природу в дверь – она влетит в окно. Естественное национальное начало в конечном итоге всегда победит искусственно изобретённую и насильно навязанную идентичность, которая в час роковых испытаний не сможет оправдать возложенных на неё надежд. Можно, конечно, в угоду большому дядю повторить эксперимент с “новой исторической общностью людей” (были некогда “советские”, а теперь пусть будут “россияне”), но надо твёрдо знать и понимать, чем вся эта ерунда непременно кончится.

“Если нельзя, но очень хочется, – то можно”, – любят говорить у нас в России. Вот для того, чтобы даже у самых тупых не оставалось желаний побаловаться с экспериментами такого рода, я в сжатом виде суммирую ниже все доводы против “российской нации”, чтобы все-все поняли, почему всё-таки “нельзя”. Многие доводы уже высказывались выше как публикой, так и экспертами, к ним я добавлю свои соображения, накопившиеся за десятилетия постижения этнополитики вообще и русского вопроса в частности.

Почему нельзя

I. Начнём с теоретических основ (подробнее см. в моём учебнике “Основы этнополитики”).

Тишков и его клеветы уверяют “дорогих россиян”, что их трактовка нации как согражданства является-де общепринятой в науке и жизни (вариант: “в цивилизованном мире”). Это не что иное, как беспардонное враньё.

Я имел удовольствие внимательнейшим образом изучить всё, что об этносе и нации писали отечественные и зарубежные этнологи, и нашёл всё это весьма противоречивым¹. И не я один. Чудовищный и неотразимый разнос “специалистам” тишковского образца учинил А. Й. Элез в своей монографии “Критика этнологии” (он разбирается в этой науке куда лучше, чем узурпировавший её Тишков), а к этому разному добавил пару разгромных глав В. Д. Соловей². Вывод однозначен: не существует общепринятых представлений о том, что такое этнос и нация (Элез). Этот вопрос необходимо досконально прояснить.

В мире уже более двухсот лет известны (приняты и действуют) две параллельные концепции нации³. Они принципиально не совместимы одна с другой.

Первая, этатистская, политическая, именуется в науке “французской” концепцией и трактует нацию как согражданство безотносительно к этничности – просто население страны, замкнутое государственной границей, ни больше, ни меньше. Общность происхождения не включается в число признаков такой нации. Образец подобных наций нам представляют Франция, США, Канада, бывший СССР. Однако нацией такое население можно назвать лишь по недоразумению и вопреки всякой логике, ибо тогда французы, проживающие за пределами Франции, – скажем, в британском протекторате Канаде или в бывшей французской колонии, а ныне независимой Гвинее, – это якобы уже вовсе не французы, а всего лишь франкоязычные. Зато настоящими французами приходится признавать негров и арабов – граждан Франции... Бред? Да. Но такова реальная французская практика, в том числе юридическая. Она противоестественна. Данная вполне абсурдная концепция действует только в тех, относительно немногих, странах, где государствообразующий народ либо отсутствует, как в США, либо по какой-то причине отрешён от своей исторической роли.

Вторая концепция, естественно-историческая, именуется в науке “немецкой”. Она, восходя к Гердеру, немецким романтикам и Гегелю и опираясь на принципы “народного духа”, культуру, а главное – *общность происхождения*, рассматривает нацию как *высшую фазу развития этноса*. Фазу, в которой этнос обретает свой суверенитет посредством создания собственной государственности. Эта концепция действует в странах (их большинство), где государствообразующий народ существует и остаётся таковым. В России в том чис-

¹ См.: Севастьянов А. Н. Этнос и нация М., 2008.

² См.: Соловей В. Д. Русская история: новое прочтение. М., 2005; Он же. Кровь и почва русской истории. М., 2008.

³ Обе эти концепции детально разобраны в статье: В. Коротева. Существуют ли общепризнанные истины о национализме? – В альманахе: Pro et contra. Т. 2. № 3. Лето 1997. С. 185–203.

ле; недаром в ней утвердилась, как показано выше, именно такая концепция нации, органичная для нашей страны.

Итак, отделим, как выражается наш президент, мух от котлет: для большинства стран и конкретно для России нация — это не согражданство, а согражданство — не нация. И только в некоторых, по большей части, новых, искусственно созданных странах нацией вынужденно называют согражданство, хотя суть дела от этого не меняется. Вещи следует называть своими именами. Затвердим же раз и навсегда: нация есть такая фаза развития этноса, в которой он обретает свой суверенитет, выражающийся в собственной государственности. И более краткое, но равнозначное определение: нация — это государствообразующий этнос.

К сожалению, многим политикам свойствен самодурственный настрой и желание поэкспериментировать в области нациестроительства. Одни хотят записать скопом всех россиян в “русские”, другие так же скопом — всех русских в “россияне”. Глупо и то, и другое, а равно неприемлемо и для тех, и для других. Снова приходится напомнить элементарное. Русские — это народ, а не скопище полукровок. Мы, русские, не связаны общим происхождением ни с бурятами, ни с тувинцами, чукчами, чеченцами, евреями, татарами и т. д. У нас нет общих предков. Поэтому мы с ними не составляем, при всем уважении, один народ, одну нацию и составлять не можем. Согражданство России — да, её население — да; народ, нацию — нет, никогда.

Необходимо также понимать в данной связи, что научный спор о сущности нации нельзя разрешить законодательно: это был бы нонсенс и возврат к худшим политическим практикам Советской власти. Никакой закон “о российской нации” невозможен в принципе, исходя из элементарной этики интеллектуальной деятельности. И ясно ведь, что нации создаются не законодательным, волюнтаристским путём, скачкообразно, а путём долгого и поэтапного исторического развития.

Хуже всего то, что такое надуманное, искусственное сообщество непременно будет фиктивным и при первом серьёзном испытании распадётся на естественные этнические составляющие, как распался “советский народ” или так и не состоявшиеся “югославы”.

II. Теперь отставим в сторону теорию и рассмотрим вполне практические негативные последствия, которые рискуют весьма осложнить жизнь нашей России, если будет принят закон о “российской нации”, вот уже четверть века лоббируемый Тишковым и К^о. Думается, уполномоченный по правам человека в РФ Татьяна Москалькова не случайно предложила вынести этот вопрос на всенародное обсуждение и референдум, почувствовав, по крайней мере, некоторые из подводных камней, скрытых в проекте. Кое-какие из этих камней я здесь назову.

II. 1. Изменение государственного устройства. Утверждение “российской нации” с неизбежностью потребует, во-первых, ликвидации асимметрично-федеративного устройства, национально-территориального деления России с последующим переходом к унитарному государству. Не “Татарстан” и “Башкортостан” появятся тогда на новой карте России, а Казанская и Стерлитамакская губернии (Уфа, скорее всего, станет столицей иной губернии с преимущественно русско-казачьим населением). И т. п.

А во-вторых, соответственно, в повестку дня встанет ликвидация национальных элит, отрыв их от корней и превращение в безнациональный правящий класс.

Ибо о какой “российской нации” может идти речь, если у татар, башкир, чеченцев, евреев, якутов, адыгов и т. д. есть свои национально-территориальные образования (государства в государстве), свой суверенитет, свои правящие круги (этнократия де-факто)? И они не собираются отказываться ни от своего суверенитета, ни от своей собой, отдельной от “российской” национальной идентичности, ни от этнократии?! Где же логика? Почему 21 народ России (за вычетом, между прочим, государствообразующего) оказался наделён эксклюзивными правами и возможностями, которых лишены остальные сто с гаком народов? С этим наследием сталинской национальной политики, грубо противоречащим, между прочим, ст. 19 действующей Конституции России, придётся покончить. Следует выбирать что-то одно из двух: либо “россияне” — либо “татарстаны”. А понятие “титовых наций” мы принуждены будем сдать в архив.

Разъясняя этот пункт, приходится вновь вспомнить важный аналог: как создавался СССР, как создавался “советский народ”. Решающим, важнейшим и, я бы сказал, непреложным условием было уничтожение национальных элит всех национальностей бывлой Российской империи. Обезглавленные народы оказалось несложно заново соединить в едином государстве, сплотить на классовой основе, ведь простым людям делить нечего. Исключением, естественно, оказались лишь страны, до элит которых большевикам не удалось дотянуться: Польша, Финляндия, Литва, Латвия, Эстония, Бессарабия. Притом ликвидация элит проходила в несколько этапов по мере их выростания: 1) в ходе гражданской войны и последующей зачистки всего общества от “бывших людей”; 2) в 1930-е годы (тут под удар попали, в свою очередь, прибалты, молдаване и западные украинцы); 3) в конце 1940 – начале 1950-х годов.

Парадокс в том, что в послесталинском Советском Союзе утверждение официозом модели “советского народа” пошло врезрез с реальным процессом восстановления национальных элит, уничтоженных было советской властью. Поскольку вслед за ростом элит немедленно каждый раз вырастал и национализм народов СССР, похоронивший, в конечном счёте, и страну, и пресловутый “советский народ”.

Нетрудно предсказать, что вынужденная подавлять национальные элиты во имя создания единой “российской нации” современная центральная власть России не сможет быть последовательной, не сможет использовать сталинские методы. А это значит, что аналогичный финал всей затеи последует столь же неизбежно и радикально, только в гораздо более сжатые сроки. Сопротивление этнической нивелировке со стороны всех (не только русской!) национальных элит воспоследует обязательно. Вообще принудительное навязывание (с помощью нового закона) псевдообщности “российской нации” будет многими народами наверняка воспринято как покушение на свою национальную идентичность. Не знаю, как отзовутся на это русские, но большинство этносов уж точно возмутится. “Вы что же, хотите нас всех размешать, смешать между собою, растворить друг в друге? – такие обвинения непременно обрушатся на головы инициаторов. – Вы прикрываетесь якобы интересами России, а на деле сталкиваете интересы государства с интересами народов, в первую очередь, государствообразующего народа”.

Если же начнётся усиленная денационализация элит и возникнет угроза перехода к унитарному государству (а всё это, по логике, должно производиться ради “единства российской нации”), нетрудно предсказать негативную реакцию многих этносов, но трудно предсказать пределы, до которых она дойдёт.

Уже только по одной этой причине можно утверждать, что консолидировать население России с помощью идеи и закона о “российской нации” не стоит даже надеяться. И думать нечего: эффект будет прямо противоположным!

Подтверждением сказанному уже служит заметка “Регионы выступили против закона о российской нации” (АПН, 5 декабря 2016), где говорится: “Новый закон о российской нации, принятие которого инициировал президент РФ Владимир Путин, неожиданно вызвал резкую критику со стороны руководителей национальных республик... “Закон о создании нации в природе существовать не может, он не принят фактически ни в одном государстве мира”, – заявил глава Дагестана Рамазан Абдулатипов. “Абстрактное обобщение в этой очень тонкой сфере может вести к потере уникальности и самобытности. Поэтому я категорический противник данного закона”, – сказал депутат Госсовета Чувашии Виктор Ильин”. То есть, идея “российской нации” уже зарекомендовала себя как раздражающий фактор в национальных регионах.

Спрашивается, на чью же мельницу польёт воду новоиспечённый закон о “российской нации”: на мельницу объединителей или расчленителей России? На мельницу унитаристов или национал-сепаратистов? Второе очевидно.

II. 2. Подмена истинной внутренней скрепы России фальшивой и ненадёжной. Судя по разъяснениям адептов “российской нации”, в это сообщество, как оно принято в США, войдут на равных правах не только все большие и малые коренные народы, но и национальные меньшинства и даже свежееиспечённые иммигранты. Ведь так это делается во Франции, Германии, Голландии. Пусть-де коренные народы смешаются с пришлыми, будет одно целое, с одним сознанием общего на всех “россиянского патриотизма”. Это сознание-де и послужит скрепой для всей страны.

Что на это возразить?

Во-первых, мы уже насмотрелись на то, какую “скрепу” получили те страны несчастной Европы, которые неосмотрительно стали раздавать гражданство национальным меньшинствам и всевозможным гастарбайтерам. Мы уже знаем, видели на примере всего Запада, чем оборачивается попытка абсорбировать мигрантов. Навязанный Америкой Европе собственный либеральный пример оказался для последней явно губительным. Судя по всему, конфликт между авторитетами и различными диаспорами на всю обозримую перспективу станет только разрастаться и обостряться, приводя Запад ко всё новым потрясениям.

Вопрос стоит максимально остро: быть ли русским полноправными хозяевами своей страны или Россию пустят под тот же нож либерального мультикультурализма и всесмешения, под который уже попали США, Франция, Германия и другие западные страны. Сегодня они, кажется, начинают пытаться вывернуться из-под смертельного удара этой гильотины, вызывая наше сочувствие. Хотим ли мы, чтобы завтра всё переменялось, чтобы уже Запад сочувствовал нам, повторяющим его ошибки?! Умный, как известно, учится на чужих ошибках. Дураку, конечно, и свои не впрок...

Во-вторых, у нас есть и собственная больная память (кстати, о своих ошибках). Коммунисты, правившие нашей страной, в своё время не поняли и не оценили простой факт: единственной реальной скрепой, на которой мог держаться СССР, являлся русский народ. Коммунисты надеялись на совсем другие скрепы: на армию, на финансово-экономическую систему, на союзные КГБ, милицию и прокуратуру, на КПСС, на объединяющую идеологию победителей Гитлера и строителей коммунизма, на “общие ценности”... Все это рухнуло к чертям собачьим, как соломенный домик Ниф-Нифа, когда задул Серый Волк.

Для России, где русские вместе с разноэтничными ассимилированными элементами, желающими быть русскими, составляют примерно 90% населения (в СССР процент русских был равен 50,63), их значение как единственной надёжной скрепы для всей страны возросло неизмеримо. Нация – это не сумма меньшинств, как обманом пытаются внушить нам либералы. Нация – это как раз-таки большинство. А большинство у нас в России – это русские. Если на что-то и можно твёрдо надеяться, делать главную ставку в стремлении сохранить страну единой, так это, в первую очередь, именно русский народ. Быть может, не только на него. Но в сравнении с ним в этой роли всё остальное – мелко, а надежды на это “остальное” – иллюзорны. Без русских, в обход русских ничего не получится. Можно, конечно, в угоду политкорректности делать вид, что всё не так, но тогда нечего и думать удержать страну в целостности. Особенно ненадёжны идейные скрепы, так называемые “общие ценности”, включая пропагандируемый тишковыми безродный патриотизм и великодержавный космополитизм: в этом состоит важнейший урок распада СССР.

Как же отразится принятие закона о “российской нации” на положении и – самое главное – на национальном самочувствии этой главной, если не единственной скрепы нашей Родины, на русском народе?

Думаю, что большинство русских, как и я сам лично, никогда не станет называть себя “россиянами”. Что, в самом деле, за унижительная блажь? С какой стати нас надо называть по имени страны, которую саму назвали по нашему имени? Это всё равно, что левой ногой чесать за правым ухом. Какой-то порочный круг. Зачем нам такая нелепая двойная идентичность? Нам вполне достаточно нашей природной, одной-единственной идентичности – русской. Это кристально ясно и самоочевидно.

Случись что, начнись (не дай Бог!) большая война, на чём придётся делать акцент пропаганде, к защите какой идентичности, какой ценности призывать? Да всё к той же, национальной, русской, как пришлось это делать Сталину и коммунистам в предвоенные и военные годы. Особенно если воевать придётся с украинцами, когда вопрос национального самоопределения вообще выйдет на первый план, потому что каждому надо будет дать себе ответ: с братьями или не с братьями приходится ныне биться насмерть. И ответить придётся чётко и жёстко: бандеровец (а украинец сегодня – это, увы, бандеровец...) русскому не брат. А аргумент о защите “россиянства” придётся оставить для нерусских подданных России, как оно, собственно, с самого начала было и есть. И никаким законом о “российской нации” эту простую суть не отменить.

Как уже не раз говорилось выше, попытка скопировать или симитировать национальную политику советской власти (в корне порочную и провальную, которую сегодня ностальгически, но вральчески выдают за успешную) не может привести к иному результату, как тот, что имели коммунисты: к развалу страны. Одно с другим неразрывно связано. Совсем не случайно советский опыт нациестроительства кончился так же плачевно, как и сам Советский Союз. Попытка теперь по тому же образцу навязать всем “россиянство” только обострит противоречия и сепаратистские настроения, приведёт к развалу России.

Альтернатива этой квазисоветской национальной политике одна: опора на Природой и Богом данную естественную и основную скрепу нашей страны. То есть опора на русских, которых необходимо усилить, укрепить, консолидировать и мобилизовать как государствообразующий народ. И для начала необходимо признание его таковым де-юре, через внесение соответствующих изменений в Конституцию.

Нет никаких возможностей опровергнуть и отвергнуть тезис о русских как государствообразующем народе, поскольку он соответствует как исторической истине, так и современному фактическому положению в стране. Пора научиться смотреть правде в лицо и называть вещи своими именами без ложной деликатности. Русские – единственный народ России, исчезновение которого повело бы к немедленному исчезновению самой России; ни один другой народ таким свойством не обладает.

Напомню здесь заодно, что согласно международной практике, государство считается мононациональным, если две трети или более его населения принадлежит к одной этнической группе.

Тезис о государствообразующем русском народе не только уже озвучивался во всеуслышание президентом и Патриархом, но и выдвигался в избирательных программах трёх из четырёх парламентских партий: ЛДПР, КПРФ и СР. С этим же требованием как первоочередным выступил в своей резолюции 1-й Съезд славян Ставропольского края. К Государственной Думе о признании русских государствообразующим народом России официально обратился, как ни странно, парламент Чечни. Эту идею поддержали недавно участники так называемой “Кавказской инициативы” от лица других народов российского Кавказа. На ней заострили своё внимание депутаты парламента Якутии. 11 ноября 2016 года на пленарном заседании Госдумы предложение о внесении изменений в Конституцию РФ – признать русский народ государствообразующим – внёс депутат от КПРФ Владимир Бортко. Всё это говорит о высочайшей степени осознанности и актуальности этого требования в российском обществе, оно стучится в нашу дверь. Общество созрело для указанного шага.

Прецедентов в мировой юридической практике достаточно. В данном случае можно опереться на опыт Израиля. Недавно израильский кнессет (парламент) принял новую формулу присяги на верность, объектом которой является именно еврейское национальное государство – государство еврейского народа, а не что-то иное. Стоит напомнить, что евреев в Израиле меньший процент, чем русских в России.

Можно привести и многие другие примеры, в том числе более близкие нам, поскольку речь идёт о ряде бывших братских республик СССР. Все большие народы бывшего СССР пошли путём создания национальных государств и даже этнократий. И только русские, как какие-то недоумки, пасынки истории, должны принять безнациональное “россиянство”, потому что так захотелось нескольким комическим персонажам вроде Тишкова и Михайлова? Вместо того чтобы всемерно укрепить государствообразующий народ и через это укрепить и само государство, нам предлагают укрепить государство через размывание, а значит, ослабление, а по сути – через убиение государствообразующего народа. Абсурд, бред? Да, но он навязывается нам с самого верха!

Принятие вышеуказанной базовой поправки в Конституцию позволит принять ряд изменений в российском законодательстве, способствующих укреплению единства нашей страны от Калининграда до острова Беринга и от Ледовитого океана до Кавказа и казахских степей. Я много ездил по нашей стране, бывал в её самых отдалённых, в том числе “национальных” уголках и свидетельствую: единственная причина, по которой я всюду чувствовал себя дома, – это фактор русского присутствия: русская антропология,

русский менталитет и архетипы, образ жизни и действия, русская речь, русская культурная матрица... Я не с чужих слов знаю: естественное чувство русского этнического родства, национальной общности – вот подлинная, не высосанная из пальцев тишковых-михайловых-зориных внутренняя скрепа России. Вот что нуждается во всемерном усилении, если мы хотим сохранить единую Россию.

Но надо ясно понимать: с законом о “русской нации” этот единственно верный подход несовместим. Одно из двух: либо – либо. Размыть все национальные границы, превратить русских в непонятный микс? Мы, русские, если хотим выжить, заинтересованы в прямо противоположном. Не следует умножать лишние сущности, как сказал бы славный Оккам, не надо пытаться прививать нам дополнительную идентичность.

III. Судьба “Русского мира” и закон о “русской нации”. Некогда Бисмарк, неплохо знавший Россию, заметил, что русский народ подобен ртути: если раздробить его на тысячи кусочков, они начнут стремиться друг к другу, пока вновь не сольются в одно целое. Вопрос для экспертов: какое отношение к “русской нации” будут иметь русские Новороссии и Казахстана, Белоруссии и Нарвы? Вообще всего ближнего и дальнего зарубежья? Ясно: никакого. Они и их потомки окажутся вне зоны действия нового этнонима. Если законом будет установлена некая “русская нация”, то с Русским миром придётся распрощаться, ведь это вещи несовместные. А ожидать появления вне самой России какого-то “Русского мира” ему на смену не приходится.

Мы уже сталкивались с подобным искажением здравого смысла в тех случаях, когда согражданство той или иной страны вынужденно отождествлялось с нацией, создавая “безнациональные нации”. Разве есть в мире канадцы помимо Канады? Американцы помимо США? Нет, расставаясь со своей страной, они возвращают себе свою исконную, изначальную идентичность, снова становясь ирландцами, шотландцами, немцами, французами, тайцами и т. д. Американец, канадец – это ведь не национальность. Обратная сторона этой фальшивой медали в том, что для Франции канадские или алжирские французы – уже как бы и не французы, поскольку не сограждане страны исхода. Они предоставлены своей судьбе, и Франции до них дела нет. Хотим ли мы, чтобы все русские, живущие за границей, стали для нас такими же “отрезанными ломтями”?

Иное дело – евреи, опыт которых учит: даже потеряв своё государство, можно обрести его вновь, если сохраниться как этнонация. Еврей всегда еврей, где бы ни родился и ни жил, и его связь с Израилем, страной отцов, священной землёй всегда неразрывна. В этом простой секрет успешности этого народа, занимающего одно из почётных мест в списке долгожителей Земли наряду с китайцами и индоариями. Им никогда не пришлось бы в голову признать некую “израильскую нацию” как согражданство всех населяющих Израиль этносов. Потому что евреи прекрасно понимают: это путь к национальному самоубийству. А на это они никогда не пойдут. Но разве для нас, русских, Святая Русь имеет меньшее значение, чем Эрец Исраэль для евреев?!

Приняв закон о “русской нации”, мы должны будем распрощаться с “Русским миром” и с нашими русскими соплеменниками, несмотря на то, что по всем стандартам русские являются разделённым народом. Но мы потеряем моральное и юридическое право патронажа, поскольку наши зарубежные соплеменники уже никакого отношения к “русской нации” (сиречь согражданству) иметь не будут.

Маленький пример: в минувшем декабре в Северном Казахстане (по-нашему это Южный Урал) на пять с половиной лет лишения свободы осуждён местный житель, русский Игорь Чуприн “за разжигание межнациональной розни в социальных сетях и призывы к присоединению к России”. Осуждённый, проживая в границах с Россией регионе, публиковал в интернете призывы “сделать Казахстан частью России”. А в апреле 2015 года суд административного центра Атырауской области Казахстана приговорил к трём годам лишения свободы местного жителя, принимавшего участие в боях на стороне Донецкой Народной Республики. С тех пор как минимум четверо граждан Казахстана были осуждены по обвинению в разжигании через интернет сепаратизма и межнациональной розни.

На деле, как понимает читатель, речь идёт о родных нам людях, о русских, которым безразлична судьба их народа, которые не желают мириться с его

разделённым положением. Таких единокровных нам и родных по духу людей — миллионы за границами России. Однажды в 1991 году их уже предал Ельцин, сдав с потрохами 25 миллионов наших соплеменников ради своего беспроблемного воцарения. Приняв закон о “российской нации”, мы вновь предадим их, лишим всякой, даже моральной поддержки, вновь бросим на съединение местным этнократам в бывших “братских” республиках. Да не прекнут нас этим наши внуки-правнуки!

IV. А вообще-то, зачем нам, русским, нужен закон о “российской нации”? Спрашивается, что получат русские люди взамен юридической утраты своей природной идентичности через этот закон? Чем компенсируют принятие новой, неорганичной, неестественной для них идентичности? Известно (об этом писалось немало), что в российском законодательстве утвердилась многообразная дискриминация русских по сравнению, скажем, с народами, имеющим в России свой отдельный суверенитет, или с малочисленными коренными народами, или с так называемыми репрессированными народами (как будто русские не были репрессированы!) и т. д. Изменится ли это неравноправное положение русских, если будет принят закон о “российской нации”? Ясно, что нет, и даже сама постановка вопроса о русских правах станет затруднена. “А кто вы такие, — спросит нас любой правоведа. — “Русские”? Не знаю, нет таких, в законе не прописаны. Есть “россияне”, а “русских” — нет, “русские” в законе мертвы!”

И как же после сказанного мы должны относиться к этой инициативе?

Чтобы русскому человеку поменять свою идентичность на “россиянскую”, надо быть или очень глупым, или совсем себя не уважающим человеком. Даже из самых высоких государственных соображений. Как говорится, людям в угоду, да не самим же в воду. Я лично никогда ни одного дня, ни одного часа внутренне не был советским, а всегда был только русским. И таких, как я, судя по вышеприведённой статистике, было очень-очень много. Но точно так же я никогда не стану и “российским”. Силком можно запихнуть русских в “российскую нацию”, как когда-то запихивали в “советский народ”. Но сила действия рождает силу противодействия. Пусть об этом помнят радетели “россиянства”.

Я хотел бы подчеркнуть: роль государствообразующего народа сродни праву первородства. Право первородства — это вещь жизненно важная. Это благословение отцов. Это поддержка Неба. Это ни с чем не сравнимое чувство, в котором есть и особая гордость, и особая ответственность.

Мы помним персонажа из Библии, который продал своё первородство за чечевичную похлёбку. Он не стал героем истории, а стал им тот, кто это право приобрёл.

Сегодня русским предлагается уступить своё первородство — за что? За то, чтобы комфортнее чувствовали себя в России остальные 192 народа, в том числе какие-нибудь “папуасы хули”, “жители вселенной” или “понаехавшие”? Или за то, чтобы Тишков, Михайлов и иже с ними вошли в историю как демиурги очередной “новой исторической общности людей — российской нации”? Они ведь нам, русским, даже чечевичной похлёбки в обмен не предлагают...

Потеряв свое первородство в России — стране предков, мы неизбежно окажемся захвачены процессом отчуждения от своей Родины. Это будет массовый процесс, подспудный, быть может, но имеющий колоссальные отрицательные последствия. И вряд ли мы, русские, смиримся с этим.

Главный радетель “россиянства” Валерий Тишков — убеждённый конструктивист; он думает, что достаточно вообразить себе некую нацию — и она появится в реальности. Но это большое заблуждение. Так что даже если тишковы переселят, и закон о “российской нации” будет продавлен через Госдуму, можно быть уверенным, что это не станет финальным аккордом, а лишь послужит усилению внутренней конфронтации в обществе. Будет с чем бороться русским лидерам, вокруг чего консолидировать русский народ.

На этом прогнозе я беру паузу. Умному достаточно, как говорили древние. Посмотрим, как будут развиваться события. Что победит: голос разума или преобразовательский зуд экспериментаторов-нацистроителей? Поживём — увидим.

P. S. СЛЕДИТЕ ЗА РУКАМИ

Как стало известно из публичных признаний академика Валерия Тишкова, авантюра, затеянная им со товарищи, касательно создания закона “О российской нации” оказалась благополучно провалена здоровыми общественными силами. В трактовке академика сие объясняется “неготовностью общества воспринять идею единой нации” (“Коммерсантъ” 06.03.17). Не дозрели мы, убогие, до понимания величия идеи. Зелен, так сказать, виноград оказался.

На деле идея Тишкова и компании о несуществующей в природе “российской нации” вызвала недоумение и интеллектуальное отторжение в широких кругах научной и журналистской общественности. А в национальных республиках и в отдельных сообществах русского народа (казачество, РПЦ и др.) – тревогу, озабоченность и резкое неприятие. Мне уже приходилось подробно реферировать по этому поводу многочисленные публичные отклики и проводить анализ самой идеи, так что ограничусь кратким резюме.

Самое главное: идея “российской нации” большинством признана научно абсурдной и политически вредной, не объединяющей, а разъединяющей общность российского согражданства. Многие народы высказали опасения по поводу покушения на их этничность, а от лица русских инстанций вновь прозвучали настойчивые требования учесть государствообразующую роль русского народа и законодательно определить статус русских, а также принять федеральную программу по их поддержке. Вызвала опасения также участь русских, живущих за рубежом, которых подобный закон может оставить за рамками национального строительства.

В силу всего сказанного на первом же заседании рабочей группы по подготовке законопроекта о “российской нации” инициаторы оказались вынуждены переименовать этот законопроект. Теперь он называется “Об основах государственной национальной политики”. По словам господина Тишкова, в документе будут прописаны понятийный аппарат, механизм разграничения полномочий между федеральной, региональными и местными властями, система мониторинга этноконфессиональных отношений в субъектах РФ, политика государства в отношении малых и коренных народов, принципы этнологической экспертизы законопроектов.

Что же теперь будет? Разумеется, наивно было бы ожидать, что Тишков и иже с ним отступятся от своей жизненной цели – переделать Россию в Америку, государствообразующих русских – в безнациональных американцев. Тем более что “российской нации”, по его словам, будет посвящён в законе специальный раздел. Не удался штурм в лоб? Пойдут в обход. Не мытьём, так катаньем проведут, протаскают свои гнилые идейки в законодательство.

Новый законопроект, если верить Тишкову, будет готов концептуально уже через месяц, “к заседанию президиума президентского совета”.

Что ж, как говорится, следите за руками!

Будем бдительны и посмотрим внимательно, какую новую ересь предложат нам Тишков, Михайлов и Зорин. Почему ересь? Да потому что название законопроекта поменять легко, но как поменять содержание мозгов у этой ангажированной публики? Тут надо бы не законы, а законодателей менять, жидко обанкротившихся...

НИКОЛАЙ ПЛИСКО

ОПЕРАЦИЯ “ИЗЪЯТИЕ-45”

11. “Правительство” без власти, но с большими запросами

Зимнее наступление Красной армии приостановило деятельность “подпольного государства”, уже изрядно подпорченную разгромом Варшавского восстания. Но вот фронт передвинулся на запад, практически вся Польша была освобождена Красной армией от гитлеровских войск, и подпольные деятели стали выглядывать из кустов. В Варшаву, точнее, в её пригороды стали возвращаться из Кракова, Пётркова и других городов прятавшиеся там деятели пролондонского подполья.

14 февраля 1945 года Янковский мажорно радировал в Лондон:

“Прибыл в район Варшавы. Созвал заседание Совета министров (подпольного) и комитета Главного совета Национального Единства. Прошу немедленно и постоянно высылать подробную информацию о результатах конференции трёх в Ялте”.

И опять, как после разгрома восстания, Янковский, Бень, Багинский и прочие оказались в подваршавских посёлках: Брвинове, Подкове Лесной, но центр находился в Миланувке – этом, как позднее точно выразился один советский офицер, – “маленьком Лондоне”. Это местечко совсем недалеко от Варшавы, сразу же за Прутковым, где немцы устроили концлагерь для участников Варшавского восстания и жителей города. Именно там, в Миланувке, на Грудовской улице находился бар “У актрис”, где собирались польские подпольщики самой разнообразной политической окраски. Этот клуб не прекратил своё существование и после прихода советских войск. Понятно, что он стал сразу же активно разрабатываться и советскими, и польскими спецслужбами.

В это время стали приходиться политические новости из Лондона. И первой информацией был подписанный Арцишевским и Березовским протест против решений Ялтинской конференции глав трёх держав.

Получив такое сообщение, польские министры-подпольщики устроили своё совещание. В течение четырёх дней они обсуждали полученную новость в Подкове Лесной, собрав представителей всех подпольных партий.

Сохранился протокол этих совещаний, насчитывающий несколько десятков страниц. Он был опубликован в Париже только в 1987 году, в эмигрантском журнале “Исторические тетради”. В Польше он известен лишь небольшому количеству историков, до публичной информации он не допускался: слишком глупо и по-детски выглядели составители этого документа – подпольные польские псевдоправители.

---

* Окончание. Начало в №5 за 2017 год.

Но ознакомиться с этим протоколом интересно. Он даёт совершенно ясное представление о менталитете и образе мыслей польских политиков того времени. Они словно законсервировали себя в периоде санации и совершенно не видели того, что происходит вокруг них, куда идёт страна.

Первым делом, конечно, Янковский зачитал депешу, поступившую из Лондона. Там содержалось предоставление полномочий для ведения переговоров «с представителями советов, если они об этом попросят».

Комментируя постановления Ялтинской конференции, делегат правительства заявил, что их содержанием «является принятие во внимание Люблинского правительства и игнорирование правительства в Лондоне, тем самым взятие под сомнение нашего юридического статуса».

По его мнению, появился принципиальный вопрос выработки отношений к принятым в Ялте решениям: «Нашим решением может быть только признание или непризнание (...). Надо совместно рассмотреть весь спектр вопросов. Нам неизвестны мотивы, по которым правительство не признаёт решений крымской конференции».

А у лидера людовцев Багинского был уже готов проект постановления в семи пунктах. И в первом же пункте значилось: «Совет вынужден выразить согласие» с постановлением Ялты, а на пост премьера Временного правительства Национального Единства должен быть назначен Миколайчик.

Выступление Янковского и заявление Багинского привели к тому, что обсуждение затянулось на весь первый день заседания. Но решались и практические вопросы. Пужак первым делом выдвинул предложение о том, чтобы в будущем членам правительства Национального Единства выплачивать суточные в размере 75 американских долларов в месяц и одноразово 100 долларов на одежду. В связи с этим определили бюджет на январь, февраль и март на подобные и прочие расходы в размере 1600 долларов ежемесячно. Деньги у польских подпольщиков были, и они прекрасно понимали, что в данной обстановке пришло время их делить, пока не поздно.

Проголосовав за это, все с облегчением завершили первый день заседаний. Самое важное дело в тот день было сделано. Поляки всегда были весьма практичны.

На следующий день делили посты. Пужак решительно требовал включения лондонцев в правительство Национального Единства.

Много было разговоров, но внимание всех привлекло выступление Окулицкого, сказавшего: «Сейчас борьба идёт за то, будет ли Польша инструментом в советских руках, или этого удастся избежать». И добавил, что «в Ялте к Польше отнеслись не как к союзному государству, а как к покорённому». Развивая свою мысль, он заключил: «Следует подумать, как будет выглядеть практически выполнение крымских постановлений... или англо-саксонский Пилат умоет руки. Только ознакомившись с выполнением, можно выработать мнение, и именно так я понимаю высказывание согласия подпольной Польши на принятие участия в переговорах с советами».

«Но переговоры, – повторял он, – могут оказаться комедией, следует поэтому соединить все национальные силы и держать их мобилизованными для *той долгой борьбы, которую ещё предстоит вести*». Показателем, критерием принадлежности к этому лагерю должно быть желание борьбы с влиянием НКВД». Распорядителем и представителем такой силы должен быть Миколайчик «ввиду его связей с англосаксами и его популярностью в стране».

Лишь на третий день совещания, после долгих споров и согласований, утвердили следующую резолюцию:

«1. Совет Национального Единства высказывает убеждение, что предпринятые без участия и согласия Польского государства решения Крымской конференции ещё до наказания Германии навязывают Польше, которая первой в мире предприняла борьбу с гитлеризмом за свою свободу и других, новые, неизмеримо тяжёлые и несправедливые жертвы.

Совет Национального Единства, решительно протестуя против односторонности решений конференции, вынужден подчиниться им, желая видеть в них в сегодняшней реальности возможность спасения независимости Польши, избежания дальнейшего уничтожения народа и создания основ организации собственных сил и для ведения будущей самостоятельной польской политики, направленной на создание мира в Европе, экономическое возрождение разрушенной страны и перестройки общественно-экономических отношений в Польше в духе действительной свободы и демократии.

Совет Национального Единства желает ещё через эту свою болезненную для польского народа позицию заявить о своём желании договориться с восточным соседом и завязать с ним постоянные, дружественные мирные отношения.

2. Исходя из этой позиции, Совет Национального Единства поступает так в уверенности, что как западные союзники Польши, так и СССР во имя признанной ими Атлантической хартии и демократии признают подлинную независимость Польского государства, а СССР воздержится от всякого вмешательства во внутренние дела Польши и создаст условия для того, чтобы Временное правительство Национального Единства было правительством на самом деле независимого Польского государства и имело полную возможность проведения выборов и исполнения власти в условиях действительной свободы и демократии с исключением всякого давления чуждых сил.

3. Совет Национального Единства выражает убеждение, что окончательное установление границы между Польшей и СССР наступит путём непосредственных переговоров между этими государствами, или же на мирной конференции; зато западная граница Польши будет передвинута до Нысы-Лужицкой и Одры, а на севере включит Восточную Пруссию.

4. Совет Национального Единства выражает уверенность, что общей форме решений ялтинской конференции о соглашении договоренности «с представителями демократий в стране и за границей» будет придано конкретное содержание в виде договоренности по вопросу создания Временного правительства Национального Единства с Советом Национального Единства в стране и с правительством и Национальным советом в Лондоне.

Совет Единства как представитель подпольной Польши заявляет о своей готовности вступить в переговоры по этому вопросу. Совет национального единства выражает мнение, что на пост премьера Временного правительства Национального Единства должен быть назначен Станислав Миколайчик как человек, имеющий доверие широких масс польского народа и гарантирующий удержание в реальной форме союза Польши с западными союзниками и возможность достижения договоренности с СССР.

В связи с вышесказанным Совет Национального Единства ожидает предоставления возможности непосредственных переговоров подпольного движения с государственными органами в Лондоне и его представителями в эмиграции».

Как видим, в отличие от правительства (эмигрантского, в Лондоне), Совет Национального Единства не отмечает сходу ялтинских решений, хотя выступил с предложением участия правительства Арцишевского в работе по созданию Временного правительства Национального Единства, что не только совершенно отличалось от принятых в Ялте решений, но оказывалось в противоречии с намерениями англосаксов, не говоря уже о Советском Союзе.

Эта запись была успехом Пужака, энергично поддержанного Янковским. Багинскому удалось, несмотря на сопротивление руководителя ППС, ввести в текст решения однозначную поддержку Миколайчика как кандидата в премьеры будущего правительства.

Принятое решение Янковский немедленно переслал в Лондон, чтобы правительство Арцишевского вручило его кабинетам Британии и США, а также Миколайчику.

Только это уже не имело никакого смысла. Бумажка так и осталась ничёмной бумажкой. «Польский Лондон» должен был понять, что его гегемония на власть приходит к концу.

12. Дорога в Лондон не идёт через Москву

В Польше сразу же приступили и к практическим шагам. 22 января 1945 года комендант «АК» Радомско-Келецкого округа полковник Я. Зентарский дал следующее распоряжение своим подчинённым: «... в изменившихся условиях новой оккупации нашу деятельность мы должны направить на восстановление независимости и охрану населения. С этой целью следует использовать все возможности легальной деятельности, стараясь захватить все сферы жизни временного Люблинского правительства. Сохранять маленькие, хорошо конспирированные штабы и всю радиосеть (...) Обо всём этом не должны знать даже прежние соратники. Инструкции для новой работы вы получите».

Важную информацию передал 21 февраля членам Совета генерал Окулицкий. Он сообщил, что имеются «попытки навязать с ним контакты со стороны

маршала Жукова". Действительно, пока шли дебаты, на контакт с лидерами "подпольного государства" – кандидатами в состав будущего правительства – вышли представители командующего 1-м Белорусским фронтом маршала Г. К. Жукова. Последовало предложение о встрече для разрешения проблемы деятельности "АК" в тылах Красной армии. Пока только об этом.

Поначалу лидеры подполья отказались от такой встречи. Но через несколько дней их решение почему-то изменилось.

Они ответили на письмо начальника оперативной группы НКВД в Радоме гвардии полковника Пименова от 6 марта 1945 года, адресованное делегату правительства Я. Янковскому и командующему Армией Крайовой генералу Л. Окулицкому с предложением провести переговоры с генерал-полковником Ивановым (псевдоним И. А. Серова, замнаркома внутренних дел СССР), представителем командования 1-го Белорусского фронта. В письме заключались гарантии абсолютной личной безопасности для польских участников переговоров.

В Лондон 11 марта пошла радиограмма польского подполья, уведомляющая о предложении Пименова и решении руководства подполья, уполномочивающего Я. Янковского вести переговоры с "комиссией трёх".

Первая встреча Я. Янковского с Пименовым состоялась 17 марта в г. Прушкове, неподалёку от Варшавы. Затем с Пименовым беседовали представители политических партий. Проходили обсуждения программы будущей встречи с генералом Ивановым. Рассматривался и вопрос организации перелёта представителей подполья в Лондон "для согласования действий с правительством, политическими деятелями и Миколайчиком".

Через три дня, 20 марта, Янковский получил от Пименова уведомление о том, что генерал Иванов прибудет в ближайшие дни, и он имеет полномочия Советского главнокомандования, "куда входит с согласия Сталина", обеспечить полякам самолёт для перелёта в Лондон.

Следующая встреча Янковского и Пименова состоялась 21 марта. Обсуждались чисто рабочие моменты: планируемая на 27 марта встреча Янковского, Окулицкого и председателя Совета Национального Единства Пужака с Пименовым, широкое обсуждение 28 марта всех проблем между генералом Ивановым и представителями польского подполья. А на следующий день – 29 марта – польская делегация из 12 человек полетит на советском самолёте в Лондон.

Однако 27 марта всё пошло иначе, чем было запланировано. Янковский, Окулицкий и Пужак, прибывшие в небольшой домик по адресу: Прушков, ул. Пенцинска, д. 3, были поставлены в известность, что никакой конференции или переговоров здесь, на месте, не будет, а вся их делегация полетит не сразу в Лондон, а через Москву, где и будет окончательно решён вопрос о перелёте в Лондон.

На следующий день эти трое были вывезены в Москву, а остальные тринадцать летели следующим самолётом. И не для переговоров они попали в Москву. Всех разместили в камерах внутренней тюрьмы НКВД на Лубянке.

13. Просто терпение кончилось

Все произошедшее стало результатом успешно проведённой НКВД операции под криптонимом "Изъятие". Во внутренних документах чекисты называли это "оперативно-чекистские мероприятия". Как же готовилась и проходила эта акция, каковы были итоги первых допросов, какую информацию получило советское руководство и как её использовало?

В период освобождения от немецкой оккупации всей территории Западной Украины и Западной Белоруссии местные силы "Армии Крайовой" приступили к реализации составленного в Лондоне плана восстания "Буря", а местные делегаты лондонского правительства – тоже по инструкциям эмигрантского правительства – попробовали объявить себя представителями законной власти.

В Люблине такой окружной "делегат", появившись буквально ниоткуда, объявил себя "новым Люблинским воеводой".

Новые польские власти, представители комитета Национального освобождения, посмотрели на этого пана, как на некий экспонат, и просто сказали ему по-русски и весьма ласково: "Пшёл вон, дурак!" И добавили ещё пару слов. В подобных случаях поляки предпочитают выражаться по-русски. И лондонца как ветром сдуло. Но дело на этом не закончилось. Подобные самозванцы появились и в Замостье, Жешове, Тарнобжеге, Перемышле, Ланьцуте.

Самым активным и бойким был “делегат” в Белостоке. Но “деятельность” этих господ везде кончалась одинаково — их просто вышвыривали вон.

Лёгкость, с которой удалось избавиться от “лондонцев”, поначалу вскружила голову представителям новой власти. Им показалось, что весь народ уже на их стороне, но это было не так. Приказ о разоружении отрядов “АК” был воспринят во многих частях негативно, и в августе-сентябре 1944 года некоторые подразделения “АК” так и остались в лесах.

Владислав Гомулка, тогда секретарь ЦК Польской рабочей партии, считал, что в условиях, когда часть Польши была уже освобождена, когда возникла возможность создать свою армию и этим увеличить усилия в борьбе с гитлеровской Германией, и когда начались объявленные ПКНО преобразования, — главным образом, в сельском хозяйстве, — для новой власти создались реальные перспективы широкой общественной поддержки, а значит — ограничения влияния подпольных сил.

Опережая события и игнорируя реальное развитие всех дел, Гомулка 5 сентября 1944 года вещал на совещании актива своей партии: “Не время сейчас сводить партийные счёты, карать следует только преступников, не оттапливать другие группировки и сказать им: да, хотя вы вели и неправильную, плохую политику, мы вас не отталкиваем, а приглашаем к сотрудничеству, к строительству демократической Польши... Ведя такую политику, (...) мы можем оторвать от реакции массы, которые ещё находятся под её влиянием. Это трудная задача, но мы должны её выполнить”.

Однако всё это оказалось лишь прекрасными мечтаниями. Вскоре новые власти убедились в их ошибочности. Они просто дали время лондонскому правительству перестроиться для работы в новых условиях.

Одним из проявлений деятельности “АК” стала организация массового дезертирства из польской армии. К примеру, почти весь личный состав 31-го пехотного полка 7-й дивизии 2-й Армии Войска Польского, перестреляв советских офицеров-инструкторов, дезертировал 13 октября. Это произошло как раз во время визита в Москву премьер-министра польского эмигрантского правительства С. Миколайчика.

Факт этого дезертирства особенно нервировал Сталина. Он прямо заявил Беруту, что “при оценке сил противника” поляки ввели в заблуждение его и самих себя.

“Сейчас, — говорил он, — надо бороться с противником, а не выступать в защиту “АК”. “На “АК” мы армию не построим”.

И уже 30 октября ПКНО издал Декрет об охране государства, который ввёл суровые кары — вплоть до смертной казни — за преступления, совершённые против государства, саботаж и диверсии, в том числе и за владение радиоприёмниками и недонесение о действиях, признанных преступными.

Ещё со второй половины 1944 года в Лондон стали поступать сведения о репрессиях против “АК” и деятелей подпольного государства.

В Лондон массово пошла информация о “терроре” против членов “АК” и подпольного государства, о малом влиянии Люблинского правительства.

Однако заместитель начальника штаба главного вождя генерал С. Татар в депеше генералу Л. Окулицкому (после поражения Варшавского восстания и ухода в плен генерала Коморовского, он исполнял обязанности командира “АК”), писал, что “действия ПКНО, несмотря на отсутствие общего сотрудничества с общественностью, показывают определённые достижения, такие как восстановление школьного образования, введение сельскохозяйственной реформы, что в соединении с общей усталостью населения ведёт к постепенному ослаблению отпора и даже грозит полным его исчезновением”.

14. Операция “Изъятие” — решение

22 марта 1945 года на стол народного комиссара внутренних дел СССР Л. Берии легко донесение советника НКВД при министерстве общественной безопасности Польши И. Серова, касающееся вступительных зондажных бесед с эмиссаром эмигрантского правительства на территории Польши Я. Янковским и руководителями подпольных политических партий.

Это было начало операции “Изъятие”. Недавно рассекреченное донесение по этому делу стоит того, чтобы привести его:

“В целях изъятия находящегося на нелегальном положении вице-президента Лондонского эмигрантского правительства (ошибка составителя доку-

мента, следует писать – вице-премьера. – **Авт.**) Польши ЯНКОВСКОГО (он же главный делегат эмигрантского правительства на территории Польши), а также руководителей основных подпольных политических партий, на которые опирается эмигрантское правительство, как-то: “Стронництво Людове”, “Стронництво народных демократов” (так в тексте. Правильно: “Стронництво народове”. – **Авт.**), “Стронництво праці”, “Стронництво демократичнее” и “ППС”, нами была разработана легенда встречи с вице-президентом ЯНКОВСКИМ для предупреждения его и организации “АК” о прекращении различного рода диверсионных действий в тылу фронта.

После переданного предупреждения Янковский просил организовать встречу с представителем командования фронта для дачи объяснений по этим вопросам. Нами было дано согласие.

17 марта ЯНКОВСКИЙ явился в наш адрес, где ему был предъявлен ряд обвинений в продолжающихся диверсиях со стороны “АК”, несмотря на существующий приказ о “ропуске” “Армии Крайовой”.

ЯНКОВСКИЙ пытался оправдаться и в заключение выдвинул вопрос о выходе из подполья всех политических партий, на которые опирается его правительство. При этом ЯНКОВСКИЙ заявил, что он может организовать встречу руководства этих политических партий с представителями командования фронта, которое может содействовать в их намерении выходить из подполья.

По нашему указанию начальник Радомской оперативной группы полковник ПИМЕНОВ провёл встречу с представителями трёх следующих политических партий: “Стронництво людове”, от которой явился президент подпольной партии профессор БАДИНСКИЙ (так в тексте. Следует читать: Багинский. – **Авт.**), член президиума этой партии польский судья БЕНЬ Адам и польский адвокат НЕЖВИЦ Станислав (так в тексте. Речь идет о Ст. Меже. – **Авт.**); от “Стронництво праці” – президент партии профессор ХОТИНСКИЙ (правильно: Хачинский. – **Авт.**) и секретарь ЦК этой партии УРБАН (правильно: Урбанский. – **Авт.**); от “Стронництво народных демократов” член президиума доктор политических наук ЯСЮКОВИЧ и член президиума ПОПЛАВСКИЙ (президент и заместитель президента этой партии нами ранее были арестованы).

На этих встречах было выяснено, что руководство этих политических партий имеет желание выйти из подполья, но боится репрессий со стороны Люблинского правительства и просит командование фронта содействовать в этих намерениях. При этом они обязались публично объявить о выходе из подполья и одновременно с этим выведут из подполья членов партии, находящихся с ними в отрядах “АК”.

По вопросу состава нового правительства в соответствии с решениями Крымской конференции представители партии “Стронництво людове” выдвигают на должность президента Польши ВИТОСА Винцента и премьер-министра – МИКОЛАЙЧИКА.

Представители партий “Стронництво народове” и “Стронництво праці” поддержали эти кандидатуры, одновременно заявляя, что они будут также выдвигать и своих представителей; на это им было заявлено, что этот вопрос не относится к нашей компетенции, поэтому мы не вступаем в его обсуждение.

Вчера на встрече тов. ПИМЕНОВА с вице-президентом ЯНКОВСКИМ был “разработан план предстоящих встреч с представителями политических партий”.

Этот план рассчитан на изъятие руководства пяти политических партий, входящих в состав подпольного правительства, вице-премьера ЯНКОВСКОГО, а также изъятие представителей партий, составляющих подпольную “Раду едности народной”.

И заканчивается это донесение так:

“Со своей стороны, считаю, что будет правильным под предлогом проведения переговоров собрать представителей всех партий в определённом месте, взять их под охрану, после чего дать возможность БЕРУТУ и МОРАВСКОМУ провести с ними переговоры, после которых решить вопрос об аресте или частичном освобождении.

Прошу Ваших указаний.

Серов”.

Какими же были дальнейшие шаги? Лучше всего на этот вопрос отвечает документ под грифом “Совершенно секретно”, датированный 27 марта 1945 года за подписью того же Серова:

“Продолжая развивать легенду предстоящей встречи с представителями подпольных организаций “АК” и политических партий, действующих на территории Польши от имени лондонского эмигрантского правительства, сегодня, в соответствии с Вашими указаниями, нами были задержаны:

Вице-президент (следует писать – вице-премьер. – Авт.) польского эмигрантского правительства, он же главный делегат на территории Польши ЯНКОВСКИЙ;

Президент “Рады едности народовой” ПУЖАК, он же председатель подпольной польской партии социалистов (ППС).

“Рада едности народовой” создана лондонским эмигрантским правительством как руководящий совет от представителей всех подпольных политических партий.

Исполняющий обязанности военного министра польского эмигрантского правительства – бригадный генерал ОКУЛИЦКИЙ, он же главный комендант “Армии Крайовой”, псевдоним “Недзвядек”.

На завтра имеется возможность собрать полностью всех членов “Рады едности народовой”.

Прошу Ваших дальнейших указаний

И. Серов”.

15. Операция “Изъятие” в действии

Как же был организован и проходил арест польского подпольного правительства? На этот вопрос отвечает подробный отчёт Серова, датированный тем же 27 марта.

“Проводя комбинацию по изъятию подпольного руководства “АК”, нами было установлено, что на территории Польши по указанию лондонского эмигрантского правительства создана подпольная “Рада едности народовой”, которой предоставили права польского парламента.

В состав “Рады едности народовой” входило по 2-3 представителя от каждой подпольной политической партии. Президентом “Рады едности народовой” был избран генеральный секретарь ППС ПУЖАК, член ППС с 1902 года с высшим юридическим образованием.

ПУЖАК, начиная с 1919 года, бессменно избирался депутатом Польского Сейма. В течение последних 17 лет ПУЖАК являлся генеральным секретарем ППС.

Кроме того, на территории Польши существует также Совет министров, который состоит из 4-х министров лондонского эмигрантского правительства. Совет министров возглавляет вице-премьер лондонского эмигрантского правительства ЯНКОВСКИЙ, инженер-химик по профессии, в прошлом состоял в “Партии труда” и принимал активное участие в профессиональном движении.

ЯНКОВСКОГО хорошо знают МИКОЛАЙЧИК и АРЦИШЕВСКИЙ, и до последнего времени ЯНКОВСКИЙ получал от АРЦИШЕВСКОГО руководящие указания по работе в подполье, имея с ним радиосвязь.

Как нами установлено, на последнем заседании Совета министров состоялось решение, которым на главного коменданта “Армии Крайовой”, бригадного генерала ОКУЛИЦКОГО, псевдоним “Недзвядек”, возложено исполнение обязанностей военного министра Польши.

Основные подпольные политические партии – ППС, Стронництво людове, Стронництво праці (труда), народные демократы и Стронництво демократично – также принимали активное участие в мероприятиях, проводимых лондонским эмигрантским правительством и входят в “Раду едности народовой” и в Совет министров.

Учитывая, что перечисленные подпольные органы и партии приступили к организованному мероприятиям, противодействуя Временному польскому правительству, нами, в соответствии с Вашими указаниями, были приняты меры к изъятию основных руководителей подпольных организаций...

... Как уже докладывалось, сегодня, 27 марта, состоялась “предварительная встреча” нашего представителя с ЯНКОВСКИМ, ПУЖАКОМ и ОКУЛИЦКИМ, которые после краткой беседы были под предлогом проведения переговоров с командованием доставлены к нам.

Нами установлено, что эти лица пришли одни без охраны и оружия, заявив оставшимся на месте жительства участникам, что они едут по деловым вопросам к военному командованию. Одновременно с этим предупредили основных депутатов “Рады единности народной” о необходимости явки на “совещание” в гор. Пружков (следует читать: Прутков. — Авт.) близ гор. Варшавы, где они также будут присутствовать. Таким образом, их исчезновение не вызовет подозрений.

Завтра, 28 марта, все депутаты “Рады”, а также и приехавшие с ними, в соответствии с Вашими указаниями, будут отведены к месту “совещания”.

Количество участников “совещания”, которые будут изъяты, сообщим дополнительно.

Нами также строго предупреждены о неразглашении указанной комбинации оперативные работники, принимавшие в ней участие.

БЕРУТУ и МОРАВСКОМУ было заявлено, что переговоры с ЯНКОВСКИМ не удались. ЯНКОВСКИЙ и другие скрылись, и у нас имеются предположения, что их кто-то предупредил о возможном задержании.

О последующем буду докладывать.

Серв”.

О том, что последовало далее, гласит донесение Берии Сталину и Молотову от 29 марта 1945 года под грифом “Совершенно секретно”:

“НКВД СССР докладывает, что 28 марта с. г. в Польше дополнительно арестованы председатели подпольных политических партий, члены президиума “Рады единности народной” и некоторые министры польского эмигрантского правительства, а именно:

вице-президент “Рады единности народной” Звезжинский Александр, председатель подпольной организации партии “Стронництво народове”, член этой партии с 1925 года;

вице-президент “Рады единности народной” Багинский Казимир, председатель подпольной организации партии “Стронництво людове”, член этой партии с 1915 года, с высшим образованием, по профессии журналист;

секретарь “Рады единности народной” Урбанский Франтишек, член подпольной организации партии “Стронництво праци”, по профессии журналист; председатель подпольной организации партии “Единство демократично” Чарновский Евгений, с 1939 года являлся одним из организаторов этой партии, с высшим образованием;

председатель подпольной организации партии “Стронництво праци” Хацинский Иосиф, член этой партии с 1940 года, с высшим юридическим образованием;

заместитель председателя и член главного управления подпольной организации партии “Единство демократично” Михаловский Станислав, с высшим юридическим образованием;

член президиума подпольной организации партии “Стронництво народове” Стыбульский Збигнев (правильно — Стыпулковский Збигнев. — Авт.), член этой партии с 1925 года, с высшим юридическим образованием;

член главного управления подпольной организации партии “Стронництво людове” Кобылянский Казимир, с высшим образованием (инженер-механик);

член президиума подпольной организации партии “Стронництво людове” Межва Станислав, член этой партии с 1930 года, с высшим юридическим образованием;

министр юстиции, просвещения и земледелия подпольного Совета министров польского эмигрантского правительства Бень Адам, с высшим юридическим образованием, член президиума подпольной организации партии “Стронництво людове”, член этой партии с 1921 года;

министр финансов и контроля подпольного Совета министров польского эмигрантского правительства Ясюкович Станислав, доктор политической эко-

номии, член президиума подпольной организации партии” Стронництво народов”, член этой партии с 1905 года;

директор информации Домбковский Юзеф, с высшим образованием, по профессии издатель литературы. (В списке арестованных по процессу шестнадцати не значится. Возможно, речь идёт о Юзефе Стемлере, псевдонимы Домбский Юзеф, “Ян”. — Авт.)

Арестованные доставляются в Москву.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
Л. Берия”.

О предварительных результатах следствия по делу арестованных членов подпольной Крайовой рады министров Берия и Меркулов незамедлительно докладывали в Кремль.

“4 апреля 1945 года

Тов. Сталину

Тов. Молотову

Докладываем предварительные результаты следствия по делу арестованных поляков, проводивших вражескую работу в тылу Красной армии на территории Польши.

По делу арестовано 16 человек. Список арестованных прилагается.

Допросами арестованных установлено, что работой подпольных организаций на территории Польши руководил созданный в 1943 году подпольный совет министров “Крайова рада министров”. Председателем “Крайовой рады министров” является заместитель премьер-министра лондонского правительства — Янковский Ян-Станислав Иосифович, с пребыванием в Польше...

... По вопросу своей нелегальной работы в Польше арестованные дали следующие показания:

1. Янковский Ян-Станислав Иосифович

На допросе Янковский заявил протест против своего ареста и выдвинул требование: сообщить о задержании членов подпольного польского правительства тов. Молотову, выделенной Крымской конференцией “Комиссии трёх”, а также лондонскому правительству в лице Арцишевского и бывшего премьер-министра Миколайчика.

Янковский показал, что после назначения его заместителем премьер-министра лондонского правительства деятельность подпольного совета министров направил против Польского Временного правительства, которое, с его точки зрения, не является законным. Янковский заявил, что “сторонники лондонского правительства Польши не могут признать законность существующего в Польше Временного правительства, которое держится у власти силой Красной армии и не является выразителем воли польского народа”.

“Мы, — заявил Янковский, — не желаем, чтобы Польша была 17-й республикой СССР, мы хотим свободы и будем за неё бороться”.

2. Пужак Казимир Войцехович

Пужак показал, что по своей нелегальной работе в Польше, он был связан по радио с польским эмигрантским правительством в Лондоне, в частности, с бывшим премьер-министром Миколайчиком, а после его ухода в отставку — с Арцишевским и вице-премьером Яном Квапинским, он же председатель секции ППС за границей.

Пужак показал, что польское правительство в Лондоне, прежде чем принять какое-либо решение, запрашивало мнение подпольного парламента — “Рады едини народовой” — по соответствующим вопросам.

На следствии Пужак заявил, что Временное правительство Польши он считает незаконным и с его руководителями согласился бы сотрудничать лишь в случае переизбрания их на основе Польской Конституции 1935 года.

3. Бень Адам Валентинович

Бень показал, что в 1943 году работал при немцах судьёй по польским гражданским делам в Варшаве, был введён в состав подпольного совета министров. В начале 1945 года, до опубликования решений Крымской конференции, премьер-министр польского лондонского правительства Арцишевский выдвинул перед подпольным советом министров предложение о вступлении

в переговоры с советским правительством и создании независимой Польши. Арцишевский предлагал при переговорах иметь в виду необходимость обеспечения самостоятельности Польши и недопущения вмешательства Советского правительства во внутренние дела.

После опубликования решений Крымской конференции от Арцишевского была получена телеграмма с указанием: решения Крымской конференции отвергнуть и ни на какие уступки и соглашения с Советским правительством не идти.

Незаконное правительство в Польше, обсудив решения Крымской конференции и телеграмму Арцишевского, постановило:

А) Вступить в переговоры с Советским правительством и добиваться компенсации Польше взамен отошедшей к СССР территории за счёт Восточной Пруссии и восточной части Германии.

Б) Вести борьбу за самостоятельность Польши и не допускать присоединения её к Советскому Союзу в качестве союзной республики.

В) Существующее в Польше Временное правительство считать агентурой Москвы.

4. Пайдак Антоний Юзефович

Пайдак показал, что после оккупации немцами Польши он перешёл на нелегальное положение и проводил подпольную работу в Краковском воеводстве. В 1943 году Пайдак по предложению генерального секретаря ППС Пужака переехал в Варшаву и от ППС был введён в состав подпольного польского правительства в качестве министра.

Во время восстания в Варшаве Пайдак руководил гражданской администрацией на территории, находящейся под властью "Армии Крайовой".

После освобождения Польши от немецких оккупантов Пайдак продолжал работу в составе подпольного совета министров.

5. Ясюкевич Станислав Игнатъевич

Ясюкевич показал, что в январе 1941 года, проживая в Варшаве легально, был арестован немецкими властями, три месяца содержался под стражей и якобы по ходатайству графа Потоцкого Маврикия, лично знакомого с Герингом, был освобождён.

Как член президиума партии национал-демократов – "Стронництво народов" Ясюкевич – в декабре 1943 года был введён в состав подпольного совета министров.

Ясюкевич отказывается назвать участников подполья, заявляя, что не желает выдавать их органам Советской власти.

6. Окулицкий Леопольд Блажевич

Окулицкий показал, что в октябре 1943 года он из Италии был вызван в Лондон Соснковским и назначен заместителем командующего "Армии Крайовой" с выездом в Польшу.

Соснковский предложил Окулицкому подготовить до 200 человек офицерского и рядового состава и перебросить их в оккупированную немцами Польшу для проведения разведывательно-диверсионной работы.

В этих целях Окулицкий с помощью англичан организовал специальную школу в Ираке, и в течение 1944 года лица, окончившие эту школу, были переброшены на самолётах в Польшу.

Сам Окулицкий был переброшен в Польшу англичанами в мае 1944 года на самолёте из Италии с группой офицеров в количестве 6-ти чел. в качестве заместителя командующего "Армией Крайовой".

Как показывает Окулицкий, он вместе с командующим "Армией Крайовой" Бур-Комаровским руководил варшавским восстанием. После подавления восстания и сдачи Бур-Комаровского в плен немцам, Окулицкий скрылся и решением лондонского правительства был назначен командующим "Армией Крайовой" в Польшу.

На допросах Окулицкий ведёт себя вызывающе, заявляя, что он арестован незаконно, и отказывается давать показания о существующем в Польше подполье.

Л. Берия
В. Меркулов".

Но внезапно настроение Окулицкого кардинально переменялось. Повторилась ситуация 1939 года, когда он письменно заявил НКВД о своей лояльности и желании сотрудничать. 4 апреля 1945 года Окулицкий направил Берии следующее письмо, написанное им по-русски (до сих пор оно не было известно):

“Г. Москва 4 апреля 1945 г.
ГОСПОДИНУ МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР БЕРИЯ

Вместе с делегатом ЖОНДА на крае ЯНКОВСКИМ и председателем “Рады Едности Народовой” ПУЖАКОМ я явился 27-го марта с. г. по приглашению господина генерала ИВАНОВА до советских властей в целях повести разговоры для создания жизни в Польше в духе искренних и дружеских польско-советских отношений не только в данном периоде, но и в будущем. Я решил содействовать всеми моими силами для налаживания добрососедских отношений против действий акций, имеющих намерение помешать этим добрососедским отношениям.

Искренность моих разговоров теперь ограничена моей боязнью, что они могут привести к репрессиям бывших солдат “Армии Крайовой”, с которыми я совместно работал.

Если господин министр как член Советского правительства даст мне гарантию, что никто на основе моих разговоров не будет репрессирован советскими властями за прошлую их деятельность, и если мне будет дана такая возможность в целях ликвидации акций, портящих взаимно польско-советские отношения, я готов с полной искренностью, откровенностью и хорошим желанием вести разговоры по вопросу деятельности “Армии Крайовой”.

ОКУЛИЦКИЙ”.

16. Завершение операции “Изъятие”

Тем временем намеченная и чётко спланированная НКВД операция продолжалась. О её ходе советник НКВД при Министерстве общественной безопасности Польши И. А. Серов докладывал из района расположения частей 1-го Белорусского фронта наркому внутренних дел СССР Л. Берии (не позднее 5 апреля – по дате рассылки):

“В дополнение к нашим сообщениям по вопросу изъятия основных руководителей подпольных организаций эмигрантского польского правительства докладываю:

После Ваших указаний об усилении арестов руководителей подпольных организаций, действующих на территории Польши, нам в последних числах февраля месяца с. г. стало известно о существовании на территории Польши известных Вам представителей эмигрантского польского правительства в Лондоне, в связи с чем были приняты меры для установления их места нахождения. В этих целях нами были использованы вышедшие из подполья и легализовавшиеся офицеры “Польской армии людовой”.

В первых числах марта нам удалось установить непосредственную связь с бывшим адъютантом генерала Окулицкого, майором “Вир” (псевдоним), после чего офицеры “Польской армии людовой” из комбинации были выведены и последующего хода переговоров не знают.

Нами также было установлено, что в посёлке Милянвка проживает любовница “Вира” – Куцевская Барбара, артистка варшавского Большого оперного театра.

На Куцевскую в варшавской опергруппе были агентурные данные, свидетельствующие о её связях с главной комендатурой “АК”. В связи с этим Куцевская нами была арестована.

Майор “Вир”, узнав о её аресте, был обеспокоен её судьбой и при очередной встрече с полковником Пименовым очень просил её освободить, при этом заявил, что, если Куцевская будет освобождена, это для “АКовцев” послужит доказательством уверенности в предстоящих “переговорах”.

Нами было дано согласие на её освобождение, но с условием быстрой организации встречи с представителями главной комендатуры “АК”. Одновременно с этим нами была проявлена заинтересованность во встрече также с главным делегатом Лондонского эмигрантского правительства Янковским,

с которым организация “АК” тесно связана и подчиняется ему в своей практической деятельности.

При очередной встрече с “Виром” последний передал, что “Недзвядек” (псевдоним Л. Окулицкого), узнав об участии офицеров “Польской армии людовой” в этих переговорах, выразил недоверие и отказался от встречи, в связи с чем полковником Пименовым была написана краткая записка “Недзвядеку” и Янковскому, в которой, согласно нашим указаниям, предлагалось встретиться с нами как с представителями командования фронта без каких-либо посредников, имея в виду офицеров “Польской армии людовой”.

Мотивами для предстоящих “переговоров” были выдвинуты вопросы продолжающихся диверсионно-террористических действий аковцев в тылу фронта. Несмотря на это, как нами впоследствии установлено, “Недзвядек”, опасаясь ареста, оттягивал предстоящую встречу под различными предлогами.

Майор “Вир”, видя, что нет успеха в “переговорах”, и подозревая, что ему не доверяют по линии “АК”, решил доказать “АКовцам” свою преданность и написал записку ксендзу города Пружкова (правильно – Прушков. – Авт.) о том, что он является преданным человеком “АК”, но так как ему выражено недоверие со стороны “АК” и Кущевская до сих пор не освобождена, поэтому он не видит иного выхода, как покончить жизнь самоубийством. Написав эту записку, майор “Вир” принял две таблетки окиси никотина (яд), в результате чего произошло сильное отравление.

Нами были приняты меры к спасению жизни “Вира” с тем, чтобы продолжать дальнейшую комбинацию.

После окончания лечения “Вира” в нашем военном госпитале в течение трёх дней он поправился и вновь был включён в комбинацию по “переговорам”. На “АКовцев” это произвело известное впечатление. Мы же “Виру” объяснили, что, как только состоится встреча, освободим Барбару Кущевскую из тюрьмы и передадим ему, гарантируя от дальнейших репрессий.

14 марта в ответ на записку полковника Пименова от Янковского явился вице-директор информации Домбровский Юзеф, который в разговоре прощупывал искренность наших намерений и, когда убедился в этом, сразу же предложил провести предварительную встречу Янковского с полковником Пименовым.

17 марта с. г. в обусловленное время состоялась встреча полковника Пименова с Янковским, на которой было установлено, что Янковский по указанию эмигрантского польского правительства в Лондоне создал подпольный совет министров из четырёх человек, что он является председателем этого совета и возглавляет всю подпольную деятельность на территории Польши, что существует так называемая “Рада Едности Народовой”, опирающаяся на 5 основных подпольных партий, о которых уже сообщалось...

... 22 марта с. г. состоялась вторая встреча полковника Пименова с Янковским, на которой был разработан план проведения предстоящей встречи “генерала Иванова” (И. А. Серова) со всеми представителями подпольных партий, совета министров и “Рады Едности Народовой”.

... 28 марта с. г. в гор. Пружкове представители собрались на нашей специальной даче. Там им было объявлено, что их руководители Янковский, Пужак и Окулицкий по предложению “генерала Иванова” выехали к нему, но ввиду того, что пред принятием решений они желают посоветоваться с ними, их также приглашают явиться к “генералу Иванову”.

В соответствии с Вашим указанием, все они были посажены в закрытые машины и вывезены на аэродром к самолёту, стоявшему в отдалении от других самолётов, после чего самолёт убыл в Москву.

Серов”.

Обстановка в Польше была в тот период достаточно напряжённой, в связи с чем нарком внутренних дел СССР Л. Берия издал 18 апреля следующий приказ о проведении оперативно-чекистских мероприятий на территории, освобождаемой от войск противника:

“Совершенно секретно

В частичное изменение приказа НКВД СССР № 0016 от 11-го января 1945 года (приказ не публикуется)

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Уполномоченным НКВД СССР по фронтам впредь по мере продвижения частей Красной армии на территории, освобождаемой от войск противника, при проведении чекистских мероприятий, обеспечивающих очистку тыла действующих частей Красной армии от вражеских элементов, подвергать аресту:

а) шпионско-диверсионную и террористическую агентуру германских разведывательных органов;

б) участников всех организаций и групп, оставленных немецким командованием и разведывательными организациями противника для подрывной работы в тылу Красной армии;

в) содержателей нелегальных радиостанций, складов оружия, подпольных типографий, изымая при этом материально-технические базы, предназначенные для вражеской работы;

г) активных членов национал-социалистической партии;

д) областных, городских и районных руководителей фашистских молодежных организаций;

е) сотрудников гестапо, "СД" и других немецких карательных органов;

ж) руководителей областных, городских и районных административных органов, а также редакторов газет, журналов и авторов антисоветских изданий;

2. Уничтожить на месте преступления в соответствии с приказом НКВД СССР № 0061 от 6-го февраля 1945 года лиц, уличенных в совершении террористических и диверсионных актов.

3. Командно-политический и рядовой состав армии противника, а также военизированных организаций: "Фольксштурм", "СС", "СА", а также личный состав тюрем, концлагерей, военных комендатур, органов военной прокуратуры и суда направлять в лагеря для военнопленных НКВД СССР в установленном порядке.

4. Командный и рядовой состав т.н. "Русской освободительной армии" направлять в проверочно-фильтрационные лагеря НКВД СССР.

5. Прекратить отpravку в СССР лиц, арестованных в порядке очистки тылов действующих частей Красной армии.

Установить, что вывоз в СССР отдельных арестованных, представляющих оперативный интерес, может быть произведен с санкции НКВД СССР.

6. Для содержания арестованных на месте Уполномоченным НКВД СССР организовать необходимое количество тюрем и лагерей.

Охрану этих тюрем и лагерей возложить на конвойные войска НКВД СССР, имеющиеся в распоряжении Уполномоченных по фронтам.

Замнаркома внутренних дел СССР тов. ЧЕРНЫШОВУ совместно с уполномоченными НКВД СССР по фронтам в пятидневный срок разработать и представить мне на утверждение дислокацию организуемых тюрем и лагерей по фронтам.

Уполномоченным НКВД СССР по фронтам пересмотреть материалы на всех арестованных, находящихся у них под стражей.

Инвалидов, больных, нетрудоспособных, стариков свыше 60-и лет и женщин из числа лиц, не подпадающих под действие пункта 1 настоящего приказа, из-под стражи освободить.

Комиссарам государственной безопасности 2-го ранга т. т. ЧЕРНЫШОВУ и КОБУЛОВУ совместно с начальником ГУВПИ НКВД СССР (Главное управление по делам военнопленных и интернированных) тов. КРИВЕНКО, начальником отдела проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР тов. ШИТИКОВЫМ организовать и провести необходимые мероприятия по фильтрации арестованных, вывозимых с фронтов в лагеря НКВД, руководствуясь при этом следующим:

а) лиц, попадающих под действие пункта 1 настоящего приказа, оставить под стражей в лагерях для интернированных;

б) лиц, не подпадающих под действие пункта 1 настоящего приказа и в отношении которых не будет добыто дополнительных материалов, физически годных передать для работы в промышленность, а инвалидов, стариков и нетрудоспособных по мере окончания проверки освобождать и отправлять в организованном порядке к местам их постоянного жительства.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

Генеральный комиссар государственной безопасности

Л. БЕРИЯ".

Как видим, в этом приказе нет ни слова о действиях против “Армии Крайовой”.

После ареста у Окулицкого был изъят ряд документов. Один из них был предъявлен генералу, который подтвердил, что он составлен и написан им лично.

Приводим некоторые выдержки из документа:

“... В случае победы СССР над Германией, это будет угрожать не только интересам Англии в Европе, но и вся Европа будет в страхе так долго, пока будет там находиться существующий строй и сила.

В первом периоде после победы над Германией англичане смогут собственными силами (не обязательно войной) заставить советы отойти от дел Европы. Вооружённые силы как одной, так и другой стороны подвергнутся демобилизации.

Считаясь со своими интересами в Европе, англичане должны будут приступить к мобилизации сил Европы против СССР и одновременно начать мобилизацию своих сил. Ясно, что мы станем в первых рядах этого европейского антисоветского блока, а также нельзя представить этого блока без участия в нём Германии, которая будет контролироваться англичанами...

... Мы будем включены в антисоветский европейский блок, организованный англичанами, а тем временем должны мы полностью использовать их материальную помощь...

... Пережить этот период с наименьшими потерями. Стараться оградить своих людей от арестов путём переброски их с одного места на другое. Не поднимать открытой борьбы с ППР. Ожидать изменения отношений англичан к СССР. Распространять среди населения мнение, что это всё – преходящая история...

По показаниям Окулицкого, документ им адресован полковнику польской армии под псевдонимом “СЛАВБОР” (таков был псевдоним подполковника Я. Щурек-Церговского. – Авт.), являвшемуся начальником нелегального штаба “Армии Крайовой” в Познани. Фамилию “СЛАВБОРА” ОКУЛИЦКИЙ пока не называет.

Допросы ОКУЛИЦКОГО продолжаются.

Л. БЕРИЯ”.

А вот перевод некоторых выдержек из документа, составленного Окулицким:

“Несмотря на официальное заявление о независимой, демократической и сильной Польше, которая нужна англичанам, как и полякам, Советы хотят, чтобы Польша входила в состав СССР и была полностью от них зависима. Это значит дальнейшее уничтожение страны как с точки зрения биологической, так и хозяйственной.

Отношения англичан к вопросам Польши являются, несомненно, другими, чем Советов. В настоящее время, принимая во внимание происходящую войну с немцами, англичане верят или показывают вид, что верят в правдивость советских официальных высказываний о свободной, демократической и сильной Польше, и не перестанут показывать своей веры до того времени, пока Красная армия будет бороться с немцами, хотя в будущем это враньё проявится более отчётливо, нежели сегодня. В настоящее время решающим мнением и интересом англичан является то, чтобы Советы как можно больше ослабили в борьбе с немцами.

В дальнейшем невозможным явится, чтобы англичане согласились с ростом советского могущества, так как это не в их интересах.

Поэтому мне кажется, что их отношения к Советам изменятся после поражения Германии.

Возможно, что англичане попробуют противопоставить СССР Японии, хотя это является маловероятным, так как Советы здорово обессилели в войне с немцами, и тем самым оттянут внимание Советов от дел в Европе. Но это тоже является маловероятным.

Советы заинтересованы, чтобы война англичан с Японией продлилась дольше, чтобы тем самым обеспечить себе свободу действий в Европе. С этой точки зрения они должны оказывать помощь Японии.

Так или иначе, а отношения англичан в вопросе урегулирования польского дела после поражения немцев обязательно изменятся, причём изменятся в нашу пользу.

То, что мы переживаем сейчас, является наиболее тяжёлым и критическим периодом в этой войне”.

Примечание:

“Перевод с польского на русский язык сделан правильно. Этот документ написан мною лично и изъят у меня при обыске.

Л. Окулицкий”.

Среди части руководства, а также среди актива ППР, состоявшего в значительной мере из членов бывшей компартии Польши, имели место настроения в пользу вступления Польши в состав СССР в качестве 17-й республики. Но эти настроения не определяли ни общие настроения в партии, ни позиции её руководства в целом.

Что касается намерений СССР, то в доступных на сегодняшний день материалах ЦК ВКП(б) за 1944–1948 годы планы вступления Польши в состав Союза не прослеживаются.

17. Операция “Изъятие” – Процесс

Самолёт, стартовавший с только что отремонтированного варшавского аэродрома Окенче, взял курс на восток. Курс был проложен прямо на Москву, но подвела погода, садиться пришлось на запасной аэродром где-то в Ивановской области. Оттуда до Москвы добирались на пригородном поезде.

Разместили всех по камерам внутренней тюрьмы НКВД на Лубянке. Первое, что поразило поляков в здании внутренней тюрьмы, – потом они узнали, что на жаргоне и узников, и тюремщиков она называется “нутрянка”, – полы, устланные роскошными красными ковровыми дорожками.

Сначала всех проводили в отдел приёма арестованных. Их тщательно обыскивали, на каждого заполнили специальную анкету, сфотографировали в фас и в профиль, сняли отпечатки пальцев. Затем последовали мытьё в душе и стрижка наголо для медосмотра.

После регистрации начался развод по камерам. Но прежде, чем поместить туда узника, его запирали в тесном помещении размером с телефонную будку. Случалось, что новоприбывшие проводили там по многу часов, пока решалась их судьба.

Камеры были небольшими, там обычно размещали по два человека. Одиночки были ещё меньше. Поляков обычно помещали там. Узкая комната, в которой умещалась лишь металлическая кровать, днём поднимаемая к стене и запираемая на замок, – значит, днём лежать не разрешалось, хотя в “польских” одиночках койки не запирались, и днём можно было полежать; привинченный к полу металлический табурет и маленький столик у окна, забранного частой решёткой, тоже металлический и прикреплённый к стене. Ещё был маленький шкафчик или полка для книг и продуктовых передач. В углу находилась обычная тюремная параша.

Охрана передвигалась бесшумно – обувь у надзирателей была на толстой войлочной подошве. К заключённым относились с подчёркнутой вежливостью, но в дверной глазок заглядывали очень часто.

Больше всего здесь заботились о том, чтобы узники не встречались друг с другом. Достигалось это довольно простым, но весьма эффективным способом. В стенах коридоров были устроены специальные ниши высотой в человеческий рост, шириной не более метра. Если в коридоре встречались двое заключённых, шедших с конвоем навстречу друг другу, то одного из них сразу же ставили в ближайшую такую нишу лицом к стене. Эти ниши тюремщики называли “конверты”.

И был ещё один приём, чтобы избежать встреч заключённых. Каждый из конвоиров во время прохода по коридору позвякивал связкой ключей или постукивал ключом по своей поясной бляхе. Это означало: “Веду заключённого”.

Тем временем следствие шло, и арестованные давали показания, причём довольно откровенные. Накапливался основательный материал для судебного процесса.

И, наконец, наступил тот день. Это произошло 16 июня 1945 года, когда арестованным объявили, что следствие закончено и его материалы переданы

в военный суд. Всем заключённым был вручён обвинительный акт. Процесс должен был быть открытым.

В Лондоне тоже внимательно следили за событиями в Москве. Бывший премьер Миколайчик и всё ещё действующий посол эмигрантского правительства Рачинский встретились “в конспиративной обстановке”, на одной из скамеек Кенсингтонского парка. Это произошло 25 мая 1945 года.

Рачинский отметил, что Миколайчик по-прежнему сохраняет оптимизм. Он отметил потом в своём опубликованном после войны дневнике: “Мне показалось, что, несмотря на многие разочарования, у него сохранилась искра надежды, что положение ещё может исправиться и перед ним откроется дорога в Польшу”.

Это произошло именно в тот день, когда в Москву прибыл специальный посланник нового президента США Трумэна Гарри Гопкинс. Он старался открыть дорогу в Польшу её бывшему премьеру.

Встречи Гопкинса со Сталиным начались 26 июня и продолжались до 6 июля. Гопкинс уверял Сталина, что США не имеют никаких особых интересов в Польше или же желания видеть там какого-то особого рода правительство.

Сталин отвечал, что СССР желает видеть Польшу сильной и дружественной, и у него нет намерений её “советизировать”. Во время очередного обсуждения польского вопроса пошёл разговор и о шестнадцати арестованных поляках. Сталин убеждал Гопкинса, что Янковский и Окулицкий были замешаны “в саботаже стран Оси против Красной армии”.

Посланник президента США заявил, что если в списке лиц, предложенных в состав будущего правительства, окажутся люди, “известные как агенты теперешнего польского правительства в Лондоне”, или же по позиции, враждебной Советскому Союзу, то их вычеркнут. Говорили уже о людях, которых следует пригласить в Москву; говорили о заключённых на Лубянке.

Гопкинс утверждал, что Янковский никогда не предлагался как участник консультаций, с чем Сталин согласился, но заявил своему собеседнику, что англосаксы – члены комиссии трёх – выдвигали фамилии иных арестованных, а именно Урбанского и Багинского.

На вопрос Гопкинса, все ли заключённые поляки обвиняются в одном и том же, Сталин ответил: “Некоторые – в основном большинство – обвиняются только в нелегальном пользовании радиостанциями. Это не относится к генералу Окулицкому и нескольким иным лицам.

Генерала Окулицкого искали довольно давно. И подчеркнул, что никаких переговоров не было. Возможно, что один или два офицера беседовали с ними под собственную ответственность, но никто не давал им таких полномочий – да и не мог быть уполномочен – вступать в дискуссию с этими людьми”.

В тот же день, сразу же после состоявшейся беседы со Сталиным, Гопкинс писал Трумэну: “...я ясно дал понять Сталину, что нас вообще не интересует генерал Окулицкий”.

Точно таким же образом в беседе с Молотовым ещё 4 мая А. Иден определил своё отношение к польскому генералу.

Ещё Сталин добавил, что к части обвиняемых суд отнесётся благосклонно. Гопкинс тут же попросил предоставить им амнистию.

В Лондоне внимательно следили за ходом происходящего, и уже в первых числах апреля эмигрантское правительство через США и Великобританию пыталось выяснить судьбу “пропавших” поляков.

Однако Советское правительство хранило по этому поводу упорное молчание. И лишь 6 мая прозвучало сообщение ТАСС, повторённое 7 мая в Варшаве агентством “Польпресс”, об аресте 16 деятелей польского подполья.

На запросы британского посла А. Керра от 9 и 10 апреля 1945 года В. М. Молотов дал следующие ответы. В первом: “...Советским военным властям не поручалось вести переговоры с представителями польского лондонского правительства... Что же касается упомянутых в Вашем письме имён ряда польских деятелей из агентов лондонского эмигрантского правительства, о задержании которых в Польше Вы сообщаете, то по этому делу наводятся справки, и о последующем я не премину Вас уведомить”; во втором: “... Соответствующие советские органы, перегруженные срочной работой, не имеют возможности заняться в настоящее время проверкой разного рода сообщений относительно арестов в Польше тех или иных поляков и смогут

пойти Вам навстречу в этом отношении лишь по мере представляющейся им возможности”.

Всё это было в русле подготовки к созданию того правительства, о котором великие державы договорились в Ялте; шла работа “комитета трёх”, начатая ещё 23 февраля.

А 4 июня Черчилль писал Трумэну: “Дело пятнадцати или шестнадцати пунктов не должно мешать в проведении бесед, переговоров и окончательного решения в вопросе Временного правительства Национального Единства”.

Тактика Сталина оказалась вполне успешной и принесла ожидаемые результаты. Победила его формула создания Временного правительства Национального Единства, высказанная на Ялтинской конференции. По вопросу об арестованных он тоже не поддался на уговоры Гопкинса, пообещав лишь мягкий приговор. Англичане были довольны – они сохранили лицо.

Теперь англичанам надо было решить вопрос с Миколайчиком, который уже подготовил список участников будущих московских переговоров и явно желал туда немедленно отправиться.

Его принял Черчилль 9 июня. В мемуарах Черчилль писал: “Я убедил Миколайчика, чтобы он поехал в Москву”.

Но бывший польский премьер вспоминает об этой встрече по-иному. Якобы Черчилль сказал ему: “Я думаю, что вы воспользуетесь этим последним случаем, чтобы всунуть в дверь не только стопу ноги, но и сами ноги. Я надеюсь, что вы достигнете соглашения, которое вас устроит. Прежде всего, вам надо туда поехать. Сейчас вы можете рассчитывать на поддержку и влияние как англичан, так и американцев”.

Польский посол в США Цехановский, пользуясь дружескими отношениями с Гопкинсом, попробовал в мягкой форме упрекнуть того, что он заключил в Москве по отношению к Польше “нелояльный договор”.

Гопкинс, человек умный и спокойный, ответил неожиданно резко: “Да какое, в конце концов, это имеет значение! Поляки настолько невменяемы, что всегда будут всем недовольны”.

В тот же день польскому послу пришлось внести в свой рабочий дневник и ещё одно весьма точное высказывание, на этот раз начальника восточного отдела Госдепартамента Э. Дарброу: “Господин посол, у меня создается впечатление, что вы имеете преувеличенное представление о мощи Соединённых Штатов. Вы ошибаетесь. Америка недостаточно сильна, чтобы иметь возможность навязать Советскому Союзу свою волю”.

Лондонский “Таймс” 14 июня поместил явно согласованную с английским МИДом статью, озаглавленную: “Прогресс в польском вопросе”. Там утверждалось, что было бы явным сумасшествием утверждать, что Великобритания имеет равные с Россией права и интересы говорить о восточноевропейских делах, или же, в свою очередь, Россия имеет равные с Великобританией права и желания вмешиваться в дела Запада”. Это очень напоминало содержание письма Сталина Трумэну от 24 апреля.

Словом, эмигрантской Польше окончательно указали её место.

Но приглашённые поляки готовились приехать в Москву, где их ожидала “комиссия трёх”.

В Москве же началась подготовка судебного процесса по делу “организаторов диверсий против Красной армии”. В чём конкретно их обвиняли?

Практически всем им вменяли знаменитую статью 58 о шпионаже, разные её пункты. Следует напомнить пункты этой страшной в тридцатые годы прошлого века статьи: пункт 6 – шпионаж; пункт 8 – террор; пункт 9 – диверсии; пункт 11 – создание тайных преступных организаций.

В своё время, в конце тридцатых годов прошлого века, по этой статье были осуждены выдающиеся партийные, государственные и военные деятели Советского Союза.

Обвинительный акт состоял из следующих разделов:

“Организация подпольных вооружённых соединений “Армии Крайовой” в тылу Красной армии.

Создание подпольной военно-политической организации “Независимость” (“Не”).

Террористическо-диверсионная и шпионская деятельность подпольных вооружённых организаций “Армии Крайовой” и “Не”.

Работа нелегальных приёмо-передающих радиостанций “Армии Крайовой” и польского подпольного “правительства” в тылу Красной армии.

Подготовка плана военного выступления в союзе с немцами против СССР”.

Причём в преамбуле обвинительного акта было чётко сказано, что все действия, направленные на свержение или только ослабление советской власти, признаются контрреволюционными актами и будут рассматриваться, как и другие действия, “направленные против иного рабочего государства, даже если оно не входит в состав СССР”.

Здесь был явный намёк в сторону недавно созданного Люблинского правительства.

Главными обвиняемыми были Окулицкий, Янковский, Бень и Яскокович. Их прокурор обвинял “в том, что они были организаторами и руководителями польской подпольной организации в тылу Красной армии на территории западных областей Белоруссии и Украины, в Литве и в Польше, и действовали по инструкциям так называемого польского эмигрантского “правительства” в Лондоне, направляли подрывную работу против Красной армии и Советского Союза, совершали акты террора по отношению к офицерам и солдатам Красной армии, организовывали диверсии и нападения подпольных вооружённых частей, вели пропаганду, враждебную Советскому Союзу и Красной армии, а обвиняемый Окулицкий, кроме того, в ведении разведывательно-шпионской деятельности в тылу Красной армии”.

Остальные двенадцать поляков обвинялись в том, “что они принимали участие в подрывной деятельности польских подпольных организаций в тылу Красной армии, были информированы о невыполнении подпольным руководством приказов советского командования о сдаче радиоаппаратуры, печатной техники, оружия и боеприпасов и использовании их в преступных целях”.

При составлении обвинительного акта использовались данные, полученные в ходе предварительного следствия. Воспользовались показаниями Окулицкого и других, довольно откровенно рассказавших о создании и деятельности “Не”.

В одном из разделов обвинительного акта прямо утверждалось, что **“... в результате деятельности террористических подразделений “Армии Крайовой” в период с 28 июня по 31 декабря 1944 года было убито 277 и ранено 94, а в период с 1 января по 30 мая 1945 года – убито 317 и ранено 125 солдат и офицеров Красной армии”**.

Здесь же, в акте обвинения, цитируется часть признаний Окулицкого от 31 мая, где он **“... принимает на себя ответственность за акты диверсий и террора, совершённые отделами “Армии Крайовой” в отношении солдат и офицеров Красной армии как на территории Советского Союза, то есть в западных областях Украины и Белоруссии, так и на территории Польши”**.

Подобную же ответственность в ходе следствия приняли на себя Янковский, Бень, Яскокович, Пайдак, Звезжинский и Чарновский.

Было упомянуто в обвинительном акте, что только в период с августа 1944 года до мая 1945 года советские военные власти конфисковали 25 нелегальных радиопередатчиков. На территории Польши – 5, и 10 – на территории Западной Украины и Западной Белоруссии.

Говорилось и о том, что “руководство “Армии Крайовой” и подпольное “правительство”, создавая подпольные организации, сохраняли кадры и штабы, оружие и боеприпасы, составляли планы подготовки к военному выступлению в блоке с немцами против СССР”.

Доказательством этому служило письмо Окулицкого коменданту Западного обшара АК “Славбору” от 22 марта 1945 года.

Там говорилось, что “в случае победы СССР над Германией, это будет угрожать не только интересам Англии в Европе, но и вся Европа будет в страхе(...). Считаюсь с постоянным ухудшением своих интересов, англосаксы вынуждены будут мобилизоваться в Европе против Советов. Это поставит нас в первом ряду в европейском антисоветском блоке, который невозможно вообразить без участия Германии, контролируемой англосаксами”.

Во время следствия Окулицкий подтвердил своё авторство этого документа.

Это было, скорее, прогнозом развития послевоенных отношений в Европе. О том, что СССР угрожает Европе, Черчилль писал Трумэну 12 мая. Потом

это проявилось явственно в годы холодной войны. Немецкая карта в политической игре стала играть всё большую роль. Вроде бы исполнялись прогнозы Окулицкого, но ни силы подполья, которых уже почти не было, ни тем более Польша не могли оказаться “в первом ряду” европейского “антисоветского блока”, и явно только ничтожная часть поляков хотела бы оказаться в одной с немцами шеренге.

Говорилось и о том, что “руководство “АК” и подпольное “правительство” в своих директивах и листовках распространяли злобные и лживые вымыслы о Советском Союзе и Красной армии”.

Во время следствия Окулицкий сам признался, что называл Красную армию “оккупационной армией, которая заменила немцев”.

Также и пресса, издаваемая департаментом информации Делегатуры, Советский Союз трактовала “как государство оккупационное”, а Красную армию — “как армию оккупационную, заменяющую оккупационную немецкую армию”. Всё это соответствовало статье 58 УК РСФСР.

В связи с вышеуказанным, на основе договора (пункт 7) между правительством СССР и Польским комитетом национального освобождения об отношениях между советским верховным командованием и польской администрацией после прихода советских войск на территорию Польши, “все вышеупомянутые обвиняемые, как попадающие под советскую юрисдикцию советских военных властей, подвергаются передаче суду коллегии Верховного военного суда СССР”.

Суд состоялся, однако его решение было неожиданно мягким. Несколько человек вообще признали невиновными.

18. Печальные итоги войны

Судя по польской прессе, по литературе, а особенно — по фильмам в Польше весь народ оказывал активное сопротивление гитлеровским оккупантам.

Словно соревнуясь друг с другом, польские публицисты называли всё увеличивающееся с каждым годом количество польских участников партизанского движения, подполья и сопротивления. На эту тему защищаются кандидатские и докторские диссертации.

В недавних выступлениях цифра, характеризующая “участие польского народа с оружием в руках во время всей войны”, возросла уже почти до двух миллионов человек — солдат и партизан! Из этого количества почти 1,5 миллиона считаются солдатами регулярных войск. Собственные потери оцениваются в количестве около 450 тысяч убитых и раненых солдат и офицеров.

Только это всё миф. Очередной миф о польском народе-мессии, страдающем и борце. И он в последнее время полностью разоблачён.

Для сравнения достаточно проанализировать аналогичную ситуацию в других странах. К примеру, в Югославии при населении около 16 миллионов человек в ходе сопротивления погибло около 300 тысяч, в Албании, насчитывавшей около одного миллиона населения, погибших было 29 тысяч человек.

В Польше же погибших участников сопротивления было 33 тысячи. Это из 35 миллионов! И сразу ясно: доля населения, погибшего в действительной борьбе с гитлеровцами в Польше, **в 20 раз меньше, чем в Югославии и почти в 30 раз меньше, чем в Албании!**

Но — подчеркиваю! Речь идёт о погибших именно в реальной борьбе; совсем другое дело уничтожение поляков как “расово неполноценных славян”.

До сих пор на польском пропагандистском рынке неизменно присутствует цифра в **6 миллионов погибших поляков**. Но это лукавство. Из этого количества 2 млн 800 тысяч были евреями, с удовольствием выданными поляками немецким оккупантам. Всего же в Польше проживало тогда 3 млн 300 тысяч евреев.

Безусловно, поляки воевали и несли в войне потери. Войны без потерь не бывает. Общая цифра погибших за родину польских военных — и в 1939 году, и в составе советских войск, и на Западе, и на Ближнем Востоке — 123 тысячи человек (в некоторых польских источниках называют цифру 127 и даже 137 тысяч. Что, в общем-то, представляет собой незначительные расхождения). А это **0,3 % от всего населения в 35 миллионов**.

Прямые же только военные потери нашей страны – около 9 миллионов человек (не считая общих потерь, которые составляют ещё дополнительно 18 миллионов). А это **5% населения страны**.

Немцы потеряли (чисто германские потери) 5 миллионов солдат и офицеров – около 7 % населения страны.

Отдельный вопрос о военнопленных. За четыре года войны Красная армия взяла в плен более 4 миллионов военнослужащих 24 национальностей, воевавших в составе немецко-фашистских войск против нашей страны.

В Польше тщательно замалчивается, что **поляков, воевавших на стороне Гитлера, было даже больше, чем его союзников итальянцев**. Только в советском плену итальянцев было 48 967 человек, а поляков-гитлеровцев – 60 280! Впрочем, чехословаков, к их стыду и позору, этих “благодущных швейков” в гитлеровских мундирах, в советском плену было не меньше – 60 тысяч 177 человек!

Всего же в рядах вермахта и даже СС воевало против СССР более 100 тысяч поляков... Нигде в Польше, ни в одном школьном учебнике вы не найдёте этих данных, говорящих о национальном польском позоре!

Во Второй мировой войне народы мира потеряли:

Чехословакия – 150 тысяч военнослужащих и 215 тысяч мирного населения.

Франция – 250 тысяч военнослужащих и 350 тысяч мирного населения.

Югославия – 300 тысяч военнослужащих и 1,4 миллиона мирного населения.

Англия – 326 тысяч военнослужащих и 62 тысячи гражданского населения.

США – 418 тысяч военнослужащих.

Германия – 7 миллионов – общие потери.

СССР – 26,6 миллиона общих потерь...

Посещая мемориал Донского монастыря в Москве, я всегда задерживаюсь у места, которое называется “могилой невостребованных прахов”. Это общая могила, где нашли свой конец Тухачевский и Бухарин, Мейерхольд и Берия, Зиновьев и Каменев, генералы Краснов и Власов, а также многие, многие другие, чьи имена так и остались неизвестны...

Здесь же с 1938 года находится и прах моего деда, тоже – невостребованный...

Здесь же нашли вечное успокоение и останки польских политических и военных деятелей, осуждённых по “Процессу 16-й”: Станислава Ясюковича, умершего в заключении в 1950 году; генерала Леопольда Окулицкого, умершего 24 декабря 1946 года, и вице-преьера эмигрантского правительства Яна Станислава Янковского, скончавшегося 13 марта 1953 года, за две недели до окончания тюремного срока. Были они правы или не правы в своей деятельности, но смерть уравнила всех. Такова высшая воля истории...

АЛЕКСАНДР СМОЛКО

КТО ВЛАДЕЕТ ПРОШЛЫМ, ВЛАДЕЕТ НАСТОЯЩИМ

Каждый хочет, чтобы правда была на его стороне, но не каждый хочет быть на стороне правды.

Р. Уэйтли

“Кто владеет прошлым, владеет настоящим, а кто владеет настоящим, тот владеет будущим”. Этот короткий афоризм, по сути, является инструкцией человечеству по обустройству жизни. Владеть прошлым – значит извлекать из него накопленный опыт, как положительный, так и отрицательный. Положительный опыт подскажет, что надо делать, а отрицательный, что не надо. Но это в теории, на практике, к сожалению, все значительно сложнее. За примерами далеко ходить не надо.

Однажды мой партнер по гольфу, англичанин по национальности, проработавший в Киеве несколько лет (ни русского, ни украинского он не знает), задал мне вопрос. Приведенные детали важны, поскольку определяют статус человека и источники информации. А вопрос такой – почему украинцы так не любят русских, что могло произойти, чтобы отношения между близкими, по его мнению, народами так испортились? Вопрос англичанина не был случайным. В современной Украине атмосфера пропитана русофобией, и даже иностранцы не могут этого не чувствовать.

В Украине мне бывать приходилось, опыт общения с украинцами и московскими выходцами из Украины у меня был и свое, естественно, субъективное мнение по интересующей моего партнера теме у меня было. Я объяснил ему, что еще в середине XVII века украинцы из трех зол – польского короля, татарского хана и русского царя – выбирали меньшее. На тот момент они выбрали русского царя. Но уже тогда это был не брак по любви, а брак по расчету. За долгие годы в российско-украинской истории было много такого, о чем лучше не вспоминать.

В советское время мне не раз приходилось быть и свидетелем, и участником споров с выходцами из Украины, образованными людьми, занимавшими высокие посты в советских учреждениях. С пеной у рта они доказывали, каким процветающим государством была бы Украина, если бы она была независима от Советского Союза, зная при этом, что экономика Украины самодостаточной не является. В советское время так в Украине думали многие, и на русских, которые якобы “ели украинское сало”, и на Россию смотрели, мягко скажем, свысока. Кто чье сало ел, стало понятно гораздо позднее, когда украинцы за салом поехали в Россию.

Тогда это еще не было русофобией, русофобия появилась позже. Советское наследство на Украине стало заканчиваться, и пришло осознание того, что без России перспективы украинской экономики весьма сомнительны. Признать этот факт украинские власти не могли, и виновником украинских проблем они объявили Россию и русских. Русофобия в Украине стала государственной политикой и в отсутствие контрпропаганды со стороны России нашла в Украине многочисленных сторонников, в том числе и среди простых граждан. Получилось по поговорке, сделай человеку добро и наживешь врага. В качестве человека в этом случае выступал украинский народ, которому русский народ делал добро, но в результате стал врагом.

Не уверен, что мой партнер меня понял, да это и не удивительно. Мне и самому, откровенно говоря, причины антагонизма между русскими и украинцами, не на политическом, а на бытовом уровне, непонятны, как тогда, так и сейчас. Даже со своими украинскими родственниками обсуждать эту тему я сейчас не рискую. Хотя, казалось бы, политика и экономика это одно, а человеческие отношения это совсем другое. Называя украинца хохлом, русский человек плохого смысла в это слово никогда не вкладывал, а слово кацап в адрес русских у украинцев носило оскорбительный характер. Я это хорошо помню.

История знает примеры наций-антагонистов, например, турки-греки, поляки-русские, французы-англичане. Русские и украинцы народами-антагонистами никогда не были, сейчас мы ими становимся. Почему, в чем причина, когда была допущена ошибка в наших отношениях? В прошлом или в настоящем? И как это повлияет на будущее? Интересно, еще кого-то, кроме моего англичанина, интересуют глубинные причины русофобии в Украине? Подумав, я честно признался, что ответа на его вопрос у меня все-таки нет. Но, сказал я, у меня есть вопрос к тебе. Вопрос этот возник не спонтанно, он занимал меня давно, правда, не настолько, чтобы я им специально занимался. Но в данном случае этот вопрос хорошо вписывался в контекст нашей беседы, и я решил задать его моему английскому партнеру.

Было время, когда международными авиаперевозками я занимался профессионально. Период конца 80-х и начала 90-х годов отличался тем, что практически все мировые крупные авиакомпании, за исключением британской "Бритиш эрвэйз" (БЭ), на международных линиях терпели убытки иправляли свои дела на внутренних рейсах. Именно тогда знаменитая американская авиакомпания "Пан-Америкен", у которой внутренних рейсов не было, обанкротилась и ушла с рынка. Объяснялось это просто. На внутреннем рынке авиационная администрация каждой страны могла регулировать свой внутренний рынок и обеспечивать национальным авиакомпаниям режим наибольшего благоприятствования.

На международном рынке такой возможности у национальных администраций не было, и в борьбе за пассажира авиакомпании вынуждены были конкурировать, снижать цены на авиабилеты и терпели убытки. Успех же БЭ объяснялся тем, что многочисленные международные рейсы в страны британского Содружества эта авиакомпания выполняла в режиме наибольшего благоприятствования, который ей предоставляли национальные администрации более чем 50 государств, входящих в это Содружество. С чего бы это? Вот вопрос, который меня занимал. Но своему партнеру я сформулировал этот вопрос следующим образом.

Британия в течение нескольких веков грабила половину мира, так, во всяком случае, нас учили. Учили, надо сказать, не совсем правильно, а если Британия и грабила, то делала это очень грамотно, и грабеж представлялся как благодеяние. Развод метрополии с бывшими колониями после краха колониальной системы в результате Второй мировой войны прошел достаточно цивилизованно. Граждане бывших колоний до сих пор имеют свои интересы в бывшей метрополии и наоборот. Главой некоторых ставших независимыми государств остается английская королева. Как все это англичанам удалось, что такое они сумели предложить гражданам новых государств – бывших колоний, от чего те не могли отказаться? Мой английский партнер со сказанным согласился. Его ответ был кратким, но это был не тот случай, когда краткость – сестра таланта. Я не знаю, сказал он. Не знал этого и я.

Своим вопросом, заданным как бы между прочим, мой английский партнер коснулся сложнейшей темы межэтнических отношений. Было время, когда

и Россия, и Британия были крупнейшими в мире имперскими колониальными державами. Чтобы такую империю построить, нация должна была обладать особыми способностями к государственному строительству. И русские, и англичане такими способностями обладали, и в этом мы похожи. Надо признать, что далеко не всегда при этом методы строительства были гуманными. В течение многих лет британская империя, как и российская, существовали в виде абсолютной монархии, затем в Англии она трансформировалась в монархию конституционную с парламентской формой правления. Стать конституционной монархией пыталась и Россия, но, как говорится, бог не дал.

Сейчас парламент есть и в России, правда, парламент российский и парламент английский – это “две большие разницы”, но учитывая возраст этих парламентов, хочется надеяться, что в перспективе разница будет уменьшаться. Понятно, что русские никогда не станут англичанами, но кое-что нам у англичан позаимствовать было бы совсем не лишним. Прежде всего, это уважение к вековым традициям, над которыми англичане иногда сами смеются, но им следуют, это высочайшая правовая культура (решение Высокого суда Лондона является истиной в последней инстанции), и это английский парламент, в котором члены парламента, сидя на мешках с шерстью, принимают решения, реально определяющие судьбу страны. Не одно столетие потребовалось англичанам, чтобы к этим ценностям прийти и в качестве и гаранта этих ценностей определить конституционную монархию.

Русским людям ментально монархия ближе и понятнее, чем власть президентская. Россией всегда правил царь, и не важно, как он при этом назывался – царем, генеральным секретарем или президентом. Как знать, может быть, когда-нибудь мы и приблизимся к английской форме правления, и будет у нас и конституционная монархия, и сильный парламент. Если бы такой референдум проводился, лично я идею конституционной монархии поддержал бы. Конституционная монархия в странах Северной Европы не помешала, а, скорее, помогла реализовать скандинавскую модель социального государства. Высокий жизненный уровень в этих странах является примером, достойным подражания. Возможна ли такая модель в России, большой вопрос. Другая религия, другой менталитет, другие ценности. Не секрет, “что русскому здорово, то немцу смерть”. Правда, совсем не обязательно, что русскому смерть от того, что немцу здорово. Как говорится, не было бы хуже, а к хорошему привыкнем.

Но англичане умели не только грамотно строить свою империю, они сумели ее не менее грамотно разобрать и при этом не попасть под ее обломки. Насколько грамотно они это делали, посмотрим на примере Индии. С. Г. Кара-Мурза приводит следующие данные. “В середине XVIII в. только из Индии Англия извлекала ежегодно доход в 2 млн ф. ст., в то время как все инвестиции в Англии оценивались в 6 млн ф. ст.”. Не без оснований Индию называли бриллиантом в короне Британской империи. Можно представить, какие доходы генерировала экономика Индии, если Англия могла в те годы забирать из этих доходов 2 млн ф. ст. При этом должны были оставаться средства для инвестиций в индийскую промышленность, сельское хозяйство, инфраструктуру, на социальные расходы. Без этого 2 млн для Англии просто не было бы, и английские менеджеры, которые управляли экономикой Индии, это понимали. Как результат, население Индии “угрожающе” увеличивалось. Поясню, почему “угрожающе”.

На критику одной влиятельной американки в адрес Великобритании за бесчеловечное отношение английских чиновников к индийцам Черчилль ответил следующим образом. “Мадам, прежде чем мы продолжим наш разговор, я хотел бы уточнить, правильно ли я вас услышал, и произнесли ли вы слово “индийцы”, имея в виду смуглых обитателей Индии, численность которых неуклонно и, я бы даже сказал, угрожающе растет под благодатным британским правлением, или столь похожее по звучанию слово “индейцы”, имея в виду краснокожих обитателей Америки, которые, насколько я понимаю, почти полностью вымерли в Соединенных Штатах?” За словом в карман сэр Уинстон не лез.

Можно предполагать, что сложившиеся отношения до какого-то момента устраивали правящие элиты обеих стран. Несмотря на то, что национально-освободительное движение в Индии было достаточно активным, во время Второй мировой войны индусы воевали на стороне Англии, и это о многом

говорит. Став независимым государством после крушения британской колониальной системы, Индия остается в составе британского Содружества, членами которого являются более 50 стран, бывших английских колоний. В настоящее время Индия – одна из самых быстро растущих экономик мира.

Можно предполагать, что без английского влияния и английской школы здесь не обошлось, и за это индусы англичанам благодарны. И, что важно, никаких репараций от бывшей метрополии они не требуют, хотя, на первый взгляд, могли бы. Умение наладить отношения с национальными элитами всегда было “know-how” британской элиты. Неумение, а возможно, и непонимание важности выстраивания отношений с национальными элитами привело к тому, что бывшие союзные республики, покидая Союз, старались громче хлопнуть дверью. Национальные элиты – это не только первые секретари ЦК партии республик, которых Москва признавала и ублажала. Это еще и целая когорта людей, которым в союзных республиках принадлежала реальная власть.

В результате развала Советского Союза члены большой семьи получили свободу, стали гражданами независимых государств и принялись обвинять Россию в том, что раньше у них этой свободы не было. О том, что именно Россия была экономическим спонсором всех, за небольшим исключением, бывших союзных республик, вспоминать никто и не думает. Это сладкое слово – свобода! Я вспоминаю свой разговор с одним директором завода из Литвы во время перестройки. Он не мог не понимать, что выход из состава Советского Союза приведет к развалу литовской экономики.

Тем не менее, мой собеседник говорил: “Траву будем есть, но хотим быть свободными”. В результате кто-то получил свободу, а кто-то траву. Но что касается Литвы, то антироссийские – и антисоветские и антирусские – тенденции там всегда имели глубокие исторические корни. Присоединение Литвы к Советскому Союзу добровольным не было, что бы там ни говорили. Поэтому и выход Литвы из состава Союза был предопределен. Как говорится, сколько волка ни корми, он все в лес смотрит. А кормили Литву очень даже неплохо. Взамен союзные власти получали лояльность правящей элиты, но не литовского народа.

Правильно ли это было, большой вопрос. Благотворительность оскорбляет как берущих, так и дающих. А выстроить отношения так, чтобы эти отношения приносили материальную выгоду для двух сторон, союзные власти не сумели. В отличие от англичан, которые выстраивали отношения с колониями на условиях взаимной выгоды. Как это выгода распределялась, вопрос второй. Но факт существования британского Содружества позволяет говорить о том, что найти в этом компромисс колониям и метрополии удавалось.

Вхождение в состав России Грузии, в отличие от Литвы, происходило на совершенно других началах. Вот как об этом пишет Л. Н. Гумилев. “Долгое время первые Романовы – Михаил, Алексей, даже Петр – не хотели принимать Грузию, брать на себя такую обузу. Только сумасшедший Павел дал себя уговорить Георгию XIII и включил Грузию в состав Российской империи. Результат был таков: в 1800 году насчитывалось 800 тысяч грузин, в 1900-м их было 4 миллиона”.

Русские войска защитили Грузию от геноцида со стороны персов и турок и сохранили грузин как нацию. В советское время Грузия была одной из самых процветающих республик Советского Союза, отношение к грузинам со стороны граждан нашей страны других национальностей всегда было благожелательным. И при всем этом, Грузия единственная из бывших советских республик вступила в военный конфликт с Россией. И было бы неправильно все сваливать на американцев, которые спровоцировали Грузию. Была у грузин какая-то обида на Москву.

Надо признать, что сохранить дружественные отношения бывшим союзным республикам и с Россией, и друг с другом не удалось. Советские, а затем российские политики допустили какую-то системную ошибку. И надо бы понять, в чем была эта ошибка. Нельзя забывать, что Россия является федеративной республикой, русские это государственно-образующая нация, но мононацией в России она не является, а наши враги свои попытки развалить Россию, как они развалили Советский Союз, будут продолжать. Сомневаться в этом не приходится. Почему же мирное расставание со своими колониями

у Англии получилось, а у России сохранить нормальные отношения с бывшими республиками Советского Союза – нет?

Для себя я нашел ответ в книге испанского философа Ортега-и-Гассета “Восстание масс”. Вот что он пишет об англичанах. “Англичане это народ, который всегда первым достигал будущего, опережая других почти во всем. Слово почти можно опустить. Англичанин вынуждает нас убедиться, что его прошлое именно потому, что оно прошло, а значит – было, продолжает для него существовать. Из будущего, до которого мы еще не добрались, он свидетельствует о живом присутствии и полноте своего прошлого. Это и значит быть людьми – следуя прошлому, жить будущим, то есть действительно пребывать в настоящем, ибо настоящее – лишь наличие прошлого и будущего, то единственное место, где они реально существуют. Символическим ритуалом коронации Англия противопоставляет революционности преемственность, единственное, что позволяет избежать того патологического крена, который превращает историю в вечный бой паралитиков с эпилептиками”. Рискну предположить, что англичане первыми в мире увидели в глобализации угрозу своему будущему и своей национальной идентичности. Результатом было наделавшее столько шума решение Великобритании о выходе из ЕС.

Не думаю, что многочисленные российские обитатели Лондонграда выбрали место своего обитания с учетом мнения Ортега-и-Гассета. Скорее они сделали это интуитивно, предполагая, что многовековая британская монархия гарантирует им будущее. Гарантии будущего в союзе с английской короной увидели и граждане бывших британских колоний, что и определило их участие в британском Содружестве наций. Ничего похожего бывшим союзным республикам, которые в одночасье стали независимыми государствами, Россия предложить не смогла. И какое будущее Россия могла им предложить, если будущее самой России как государства не определено.

Какое государство мы строим? Социалистическое государство мы разрушили собственными руками и стали строить государство капиталистическое. И если в историческом плане с социалистическим государством мы в свое время поторопились, то с капиталистическим опоздали. Как и предсказывали ученые, капитализм как общественный строй себя изжил, что, к примеру, известный экономист Йозеф Шумпетер прогнозировал еще в 1949 году – “социалистическая организация общества неизбежно вырастает из такого же неизбежного процесса разложения общества капиталистического”. Сейчас мы являемся свидетелями этого. Что придет капитализму на смену? Вариантов не много, это различные формы либо социализма, либо монархии, либо диктатуры.

Согласно конституции Россия является президентско-парламентской республикой. Но кто реально принимает решения, кто за них отвечает? Не будем лукавить, решения принимает президент Путин, он же за них и отвечает. Отвечает не только перед избирателями, но и перед всем миром, за все спрос с Путина. Тогда почему у нас республика президентско-парламентская, а не президентская?

А потому, что хотим понравиться Западу своей демократической вывеской. Для Запада мы республика парламентская, а для внутреннего пользования – президентская. Господа, или “крест снимите, или трусы наденьте”. Турки, в прошлом тоже, между прочим, монархия, поиграли в демократию и демократическим путем, через референдум, решили, что им она не подходит. А то, что скажут на Западе, их совершенно не волнует. Доколе мы будем оглядываться и думать о том, “что скажет княгиня Марья Алексевна?” Авторитета и веса это России не прибавляет.

Наш Президент много сделал и делает для сохранения России. Народ это видит и ценит. Но в историческом плане народ оценивает вождей не только за то, что они сделали, но и за то, что они не сделали. Не помню, кто сказал следующее. Сталину можно простить все, кроме одного. Он создал систему, которая позволила придти к власти личности, подобной Горбачеву. Не скрою, когда-то многие, и я в том числе, им восхищались. Известно, что Черчилль говорил о демократии, но кроме парламента, имеющего реальную власть, другого фильтра, способного отсеивать личности, подобные Горбачеву, история предложить не может. Сможет ли Путин избежать ошибки Сталина и такой фильтр создать и тем самым гарантировать России будущее, нам еще предстоит увидеть, но его попытки усилить парламент мы уже наблюдаем.

Что в итоге нам предложит наш национальный лидер, мы пока не знаем. Представить свою программу государственного строительства он не торопится. И в этом, думаю, он прав. Общественное мнение свои предпочтения пока не сформировало, а править вопреки воле народа нельзя. Путин это понимает и ждет. Пауза, надо сказать, затянулась.

С одной стороны Путин правильно говорит о том, что Победа над немецким фашизмом позволила нам сохраниться как нации, а России как государству. Но не говорит при этом, что эта Победа была достигнута под руководством Сталина. Мавзолей, который был свидетелем триумфа великой державы, мы драпируем в угоду, ладно бы друзьям, нашим врагам, в надежде получить похвалу за отказ от нашей истории. Ведь и Победа, и Сталин, и Мавзолей — это наше прошлое, без которого не может быть настоящего, а следовательно, и будущего.

Сегодня наше настоящее — это столетие двух революций, Февральской и Октябрьской. Октябрьскую революцию называют почему-то государственным переворотом, хотя все происходило как раз наоборот. В феврале 1917 года генералы, в современных терминах — военная хунта, нарушив присягу, заставили Николая II отречься от престола. Его слова “кругом измена, и трусость, и обман” являются тому подтверждением. Как результат, власть в стране на короткое время перешла к Временному правительству. А в октябре Советы рабочих и солдатских депутатов эту власть у недееспособного Временного правительства забрали. Это было сто лет тому назад. И было бы не важно, было это революцией или переворотом, дело не в терминах, если бы прошлое не было связано с настоящим, а следовательно, и с будущим.

А наше настоящее в том, что обществу грозит раскол. С одной стороны это “красные”, сторонники Октября, с другой — “белые”, его противники, совсем как в то самое недоброе старое время. Информационная война не началась только потому, что по причине ограниченного доступа к средствам массовой информации “красные” на информационные атаки “белых” полноценно ответить не могут. И не похоже, что сторонам удастся договориться. И это происходит в тот момент, когда консолидация нации нужна, как никогда ранее, не самые лучшие времена переживает сейчас Россия.

И ладно, если бы спорили ученые, это нормально, но ведь и в народе нет согласия по поводу тех давних событий. И хотя в войне информационной кровь не льется, идеологическая смута грозит нам последствиями не менее страшными, чем война горячая, в чем мы имели возможность убедиться, потерпев поражение в войне холодной. В гражданской войне не бывает победителей, потому что сторонами гражданской войны является один и тот же народ. Можно ли считать победителем брата, который убивает своего идейного противника, а этим противником является его брат или отец? Информационная война исключением не является, у нее свои жертвы, она калечит души людей, разрушает государственность.

Свидетелей тех столетней давности событий давно нет в живых. Противники находят информацию в разных источниках — мемуарах участников тех давних событий, воспоминаниях их родственников и потомков, архивах официальных и неофициальных, трудах историков, написанных опять же по материалам архивов. По определению эта информация субъективная, тенденциозная, далеко не всегда правдивая. И, что интересно, информация о тех событиях корректируется сейчас явно не в пользу “красных”. Не факт, что в результате взаимных информационных атак мы приближаемся к истине, но раздор в обществе мы сеем, что согласию не способствует. Но и забывать прошлое нельзя, ибо настоящее в прошлом, а будущее в настоящем.

Почему революция, почему гражданская война, кто виноват? И что делать, чтобы это не повторилось? Мне, да и не только мне, а всем, кто неравнодушен к судьбе нашей страны, хочется понять, что же происходило в России 100 лет тому назад. Сделать это на основании различных, часто противоречивых, материалов, посвященных тому периоду российской истории, совсем не просто.

Как говорится, сколько голов, столько и умов. Каждая голова думает по-своему, и было бы наивно надеяться на то, что, прочитав очередную статью, человек свою позицию изменит. Монархисты останутся монархистами, не изменят своих позиций и сторонники Февраля и Октября. Но можно рассчитывать на то, что, еще раз осмыслив события и факты столетней давности, потомки участников тех давних событий придут к пониманию необходимости отказаться

от предъявления взаимных претензий, хотя бы по причине истечения срока давности.

Что же происходило в России 100 лет тому назад? В свое время М. М. Жванецкий шутил, что наше прошлое непредсказуемо. Как оказалось, это совсем не шутка. Через 100 лет после убийства Распутина, которого до того называли позором монархии, мы узнаем вдруг, что он был чуть ли не святым человеком. А все то, что писали о нем историки, это оговор с целью компрометации царской семьи. Но помимо историков и их науки, есть еще здравый смысл. Если Распутин был таким белым и пушистым и не делал ничего, кроме того, что спасал царевича, зачем членам царской семьи было его убивать? А ведь убили, и убийцы, между прочим, члены царской семьи, стали героями нации. Так всегда ли можно полагаться на здравый смысл? Здравый смысл говорит, что не всегда.

Что касается статистики, А. Е. Снесарев, специалист компетентный и объективный, в своей работе “Военная география России” приводит данные о количестве лошадей в России. По этим данным в Европейской России было 20 751 тыс. лошадей, в США — 19 946 тыс., в Германии — 4 205 тыс. Согласно этой статистике, по количеству лошадей Россия на первом месте в мире. Эти данные как бы опровергают тезис о безлошадной России. С этим можно было бы согласиться, если бы не было другой статистики, которую приводит не менее уважаемый автор С. Г. Кара-Мурза. На один крестьянский двор в России в 1900–1905 гг. приходилось в среднем 1,5 лошади, причем треть крестьянских дворов лошадей не имело вообще, другая треть имела по одной лошади. С учетом такой статистики картина становится совершенно другой. Я это к тому, что статистика штука достаточно лукавая. Поэтому со статистикой надо обращаться аккуратно и, по возможности, проверять ее косвенными данными.

Когда стараешься как-то осмыслить и хотя бы приблизиться к пониманию событий, которые происходили в России в начале XX века, отделить главное от второстепенного, приходишь к выводу, что сделать это просто невозможно. Конфликты между Думой, Правительством и Царем, многочисленные политические партии со своими программами и внутрипартийными группировками, классовые противоречия, отношения между различными сословиями, интриги между членами дома Романовых и группами влияния, межнациональные и многие другие проблемы исследовались и будут еще долго исследоваться историками. Но к истине нас эти исследования не приближают и вряд ли приблизят.

Как, к примеру, понимать фразу монархиста барона П. Врангеля: “Россия — не романовская вотчина”. Тогда за какую Россию воевал барон Врангель?

Чтобы от этих противоречий абстрагироваться, используем модель черного ящика. Будем оперировать фактами, данными на входе и на выходе, а то, что происходит внутри ящика, оставим историкам.

Фактом является то, что Россия приняла участие в мировой войне на стороне Антанты. То, что война явилась катализатором революционных процессов 1917 года в России, признают все, или почти все. Лидер кадетов, самой влиятельной политической партии в России, П. Н. Милюков писал: “Вы знаете, что твердое решение воспользоваться войной для производства переворота принято нами вскоре после начала этой войны...”. Обращаю внимание на термин “переворот”, который употребил Милюков.

О возможности превращения войны империалистической в войну гражданскую говорили и большевики. Но с их стороны это было не более чем пожелание. Реальной силы у большевиков на тот момент не было. Военные неудачи российской армии и послужили высшему военному руководству поводом потребовать отречения Николая II. Отречение царя дало толчок разрушению российской государственности со всеми вытекающими последствиями — приходу большевиков к власти в Октябре и последовавшей за этим гражданской войне. Но могла ли Россия в тот период отказаться от участия в войне? Нет, не могла.

Существовала, и продолжает существовать, некая иллюзия бурного экономического развития России в последние десятилетия перед первой мировой войной. Но это была не более чем иллюзия. Страна жила в долг и при этом незаметно переходила под контроль иностранного капитала. Сейчас мы бы сказали, что Запад умышленно сажал Россию на долговую иглу.

Выплата Россией иностранцам процентов и дивидендов в валюте в начале XX века приближалась к 1/2 млрд золотых рублей, при том, что годовой бюджет Российской империи в то время лишь немного превышал 2 млрд золотых рублей. А знаменитый золотой рубль С. Витте был обеспечен на 100% золотом, но не собственным, а заемным.

Действительно, перед Первой мировой войной Россия по многим видам промышленного и сельскохозяйственного производства занимала 4–6 места в мире. А вот по величине внешнего государственного долга она оказалась на первом месте. Добавим, что 70% инвестиций в экономику России были в то время иностранными и принадлежали, в основном, банкам стран Антанты. Как говорят экономисты, такой объем иностранных инвестиций является критическим и грозит стране потерей экономического суверенитета. Именно по этой причине Россия воевала на стороне республиканской Франции, а не на стороне монархической Германии. Версия о славянском братстве и защите сербских единоверцев не более чем не очень убедительная попытка объяснить народу, почему Россия начала войну.

На самом деле иностранные деньги надо было отрабатывать и платить за это государственным суверенитетом и кровью русских солдат. Отрабатывали, надо сказать, на совесть. Маршал Фош, главнокомандующий союзными войсками, говорил так: “Если бы не Россия, Франция была бы стерта с карты Европы”. Ценой этому признанию была гибель армии Самсонова и самого генерала в Восточной Пруссии. Союзникам этого показалось мало, и по требованию французского правительства, можно называть это и просьбой, в которой нельзя было отказать, русский экспедиционный корпус в составе 45 тыс. человек воевал на территории Франции, что является еще одним подтверждением того, что долги были и, похоже, не маленькие.

После прихода к власти большевистское правительство отказалось платить по царским долгам. Погасить долг согласился Горбачев. Предложенные Россией 400 миллионов долларов – сумма, согласованная премьером России и Францией в 1996 году, по оценкам финансистов представляла не больше 2 процентов общей суммы долга. Легко подсчитать, что полный долг составил бы 20 миллиардов долларов. Но договор о выплате долга в размере 400 млн долларов был подписан, и 1 августа 1997 года долг был выплачен. Французы немного пороптали и успокоились.

Конечно же, не война была причиной революции, хотя она и способствовала организации и революционному созреванию многомиллионных вооруженных солдатских масс, в основном, крестьянских. Отречение царя в феврале 1917 года привело к тому, что эти массы вместе с рабочими Петрограда без всякого насилия упразднили монархию, и в течение нескольких дней Россия как государство перестала существовать. “Русь слиняла в два дня. Самое большее – в три...” – написал потом В. Розанов. Нечто похожее мы могли наблюдать и в 1991 году. Правда, страна называлась тогда не Россия, а СССР.

О том, что революция неизбежна и, более того, она нужна, в России говорили многие, в том числе и члены дома Романовых. Но всякая революция это крайняя форма проявления общественного конфликта. Как сказал классик, “революции – локомотивы истории”. Да простят меня господа марксисты, сравнение не совсем корректное. Локомотив движется по рельсам. Это значит, локомотивная бригада направление движения знает и может прогнозировать прибытие локомотива в пункт назначения.

В случае революции на арену выходит неуправляемая масса, и предсказать направление движения этой массы невозможно в принципе. Наверняка бригада, которая начинала революцию в России в феврале 1917 года, не предполагала, что некоторых членов этой бригады революционный локомотив привезет в Париж, а кто-то и до Парижа не доедет. Почему так случилось, в чем причины? Для понимания этих причин необходимо представлять расстановку социальных сил в России.

Социальный портрет российского общества накануне мировой войны выглядел следующим образом. Население России в 1913 году насчитывало около 170 миллионов человек. Самое многочисленное сословие, составляющее 85% населения, были крестьяне. Рабочих было 17,5 миллиона человек, что составляло около 10% населения. Из них фабрично-заводских рабочих было 7,2 млн человек. Наиболее активными из них в политическом смысле были рабочие в первом поколении, в основном, те же самые крестьяне.

Российская интеллигенция (учителя, студенты, врачи, адвокаты, чиновники, лица свободных профессий) представляла собой особый, сложившийся на идеологической основе и отсутствующий на Западе слой людей, в основном, малообеспеченных и низкооплачиваемых. В 1917 году численность российской интеллигенции оценивалась в 1,5 млн человек. Необходимо отметить, что российская интеллигенция играла в общественной жизни заметную роль, активно критиковала политику царского Правительства и была поставщиком идеологических кадров во все политические партии. Такой интеллигенции, оппонировавшей государственной власти всегда и во всем, на Западе нет.

Дворяне составляли примерно 1% населения, половина из них были помещиками, которым принадлежала треть земельных угодий страны. Стоимость дворянских земель была огромной, она на 60% превышала общую массу всего акционерного капитала страны. Политическое и экономическое влияние дворян на процессы, происходящие в России, было весьма значительным. Именно это сословие служило базой для формирования политической, административной и культурной элиты российского государства.

Буржуазия как класс в России начала прошлого века практически отсутствовала. К буржуазии относили людей, чей доход от предпринимательской деятельности составлял не менее 10 тыс. рублей в год. Таких предпринимателей в России начала прошлого века было 40–50 тыс. человек, сотые доли процента. По причине малочисленности и зависимости от власти в части получения государственных контрактов и различных льгот, активной роли в революции буржуазия не играла. Их участие в революции ограничивалось материальной поддержкой различных партий, при этом их предпочтения определялись не столько идеологическими, сколько личными симпатиями.

Представители каждого сословия внесли свой, как говорится, посильный вклад и в приближение революции, и в последовавшую за ней гражданскую войну. Наиболее радикальными в своих требованиях были крестьяне. Это была самая забитая и угнетаемая часть общества, но именно они были главным источником национального богатства. В аграрной стране быть по-другому не могло. Крестьяне и стали тем порохом, который взорвал страну. Чтобы понять, почему это произошло, обратимся к мнению современников тех событий, людей, чей авторитет, знание жизни и способность видеть то, что другим людям недоступно, сомнению не подлежат.

Лев Николаевич Толстой, гениальный писатель, “зеркало русской революции”, человек, имеющий собственную гражданскую позицию, много писал о положении крестьян в России. “В России голод наступал не когда хлеб не уродился, а когда не уродилась лебеда”. “Употребляемый почти всеми хлеб с лебедой, — с 1/3 и у некоторых с 1/2 лебеды, — хлеб черный, чернильной черноты, тяжелый и горький; хлеб этот едят все, — и дети, и беременные, и кормящие женщины, и больные. Чем дальше, вглубь Богородицкого уезда и ближе к Ефремовскому, тем положение хуже и хуже...”. Отметим, что речь идет о черноземных уездах Тульской области, которые посетил Лев Толстой. Вывод великого писателя: “Народ голоден от того, что мы слишком сыты, и происходит это от неправильного устройства жизни”. Вкус хлеба с лебедой знаком и мне, приходилось пробовать на Брянщине после войны, похож на замазку. Но это так, к слову.

Продолжаем цитировать Толстого. “В то время как высшие правящие классы так огрубели и нравственно понизились, что ввели в закон сечение и спокойно о нем рассуждают, в крестьянском сословии произошло такое повышение умственного и нравственного уровня, что употребление для этого сословия телесного наказания представляется для этого сословия не только физической, но и нравственной пыткой...”. Массовые порки крестьян начались сразу за принятием закона об отмене телесных наказаний. Казни крестьян без суда вошли в практику сразу после “Манифеста”. Можно понять страдания дворян, у которых мужики сожгли поместья. Но ведь и до этого, еще верноподданных крестьян за волнения, для “урока” заставляли часами стоять на коленях в снегу, так, что с отмороженными ногами оставались тысячи человек. Разве такие “уроки” забываются?”

Другим свидетелем тех страшных событий был Иван Алексеевич Бунин. Читаем у С. Г. Кара-Мурзы: “Книга Бунина “Окаянные дни” дышит дикой ненавистью к русскому простонародью. Бунин изображает “Окаянные дни” с позиции, невыносимой для русского патриота. В этой книге дворянин Бунин не

скрывает сословную злобу, социальный расизм и ненависть к русскому народу”. Другой пример. Бунин описывает рабочую демонстрацию в Москве. “Голоса утробные, первобытные. Лица у женщин чувашские, мордовские, у мужчин, все как на подбор, преступные, иные прямо сахалинские. На эти лица ничего не надо ставить, и безо всякого клейма все видно. . .” Не повезло Ивану Алексеевичу с той частью русского народа, которая составляла 85% населения России. Заметим, что дворянин Бунин был представителем части общества, которая составляла всего 1% населения России, владела при этом половиной пахотной земли и за аренду этой земли забирала у крестьян половину урожая.

Основания для взаимной ненависти низов, прежде всего крестьян, и властных верхов были налицо. Реакция крестьян была вполне предсказуемой. Осенью 1917 г. крестьянскими беспорядками был охвачен 91% уездов России. Требование крестьян решить земельный вопрос было главным, но не единственным. Крестьяне были противниками продажи земли частным владельцам, они требовали национализации земли и раздела ее по справедливости среди тех, кто эту землю обрабатывал. По объективной причине выполнить эти требования Временное правительство не могло, потому что половина земель была в залоге у банков, в основном иностранных. А субъективной причиной было то, что для низов Временное правительство ассоциировалось с царским правительством, смены которого низы требовали.

Помимо требования земли крестьяне требовали отмены сословных ограничений. Читаем решение схода крестьян. “Мы хотим и прав, равных с богатыми и знатными. Мы дети одного бога и сословных различий никаких не должно быть. Место каждого из нас в ряду всех, и голос беднейшего из нас должен иметь такое же значение, как голос богатого и знатного”. Требование такого характера также можно считать политическим. Объективности ради, следует отметить, что власти предпринимали попытки если не решить, то хотя бы смягчить крестьянский вопрос.

Примером тому является реформа Столыпина, который в начале 90-х годов был назван самым уважаемым государственным деятелем России. Для тех, кто не знает, это тот самый Столыпин, который ввел в России моду на “столыпинские галстуки” и военно-полевые суды. Наши современники все это простили Столыпину за красивую фразу: “Вам, господа, нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия”. Сказать это у Столыпина получилось, а вот сделать Россию великой – нет.

Но надо отдать Столыпину должное, это была личность. Мне ближе другое высказывание Столыпина: “Народ, забывший о своих корнях, традициях предков, своей многовековой культуре, есть навоз, на котором произрастают другие народы”. Если бы у Столыпина была власть, он, возможно, что-то и сделал бы, ведь земельная реформа была лишь частью его большой программы. Но реальная власть была у царя, и попытка Столыпина провести земельную реформу, не говоря уж о других разделах программы, не удалась. Крестьянские волнения в 91% уездов после более чем 10 лет земельной реформы это подтверждают. Временное правительство, к слову, объявило реформу Столыпина несостоявшейся.

В проекте “Имя России”, который проводил канал “Россия” в 2008 году, первые три места заняли Александр Невский, Петр Столыпин и Иосиф Сталин. Как обычно пишут спортивные комментаторы, с незначительным преимуществом победил Александр Невский. Назвать имя Сталина, реального победителя, у нас не решились. Постеснялись, на Западе могли бы не понять. А вот Герберт Уэллс, писатель с мировым именем, не постеснялся. Он сказал о Сталине следующее. Интересно, знают ли это “известные историки”, которые пишут о малограмотном Сталине? Наверняка знают, знания у них есть, вот только совести нет.

“Я сознаюсь, что подходил к Сталину с некоторым подозрением и предубеждением. В моем сознании был создан образ очень осторожного, сосредоточенного в себе фанатика, деспота, завистливого, подозрительного монополизатора власти. Я ожидал встретить безжалостного, жестокого доктринера и самодовольного грузина-горца, чей дух никогда полностью не вырывался из родных горных долин. . . Все смутные слухи, все подозрения для меня перестали существовать навсегда, после того как я поговорил с ним несколько минут. Я никогда не встречал человека более искреннего, порядочного и честного;

в нем нет ничего темного и зловещего, и именно этими его качествами следует объяснить его огромную власть в России”.

Дискуссии на тему, можно ли было избежать революции и гражданской войны, и что для этого надо было делать, продолжают уже 100 лет и носят, скорее, академический характер. Фактом же является то, что революция состоялась, за ней последовала гражданская война, и главной движущей силой в этой войне был народ, прежде всего крестьяне, самое многочисленное и самое ущемленное сословие российского общества. И на победу в этой войне могли рассчитывать те, кто сумеет этой крестьянской стихией овладеть.

Это удалось большевикам. Они выполнили главные требования крестьян – остановили войну и дали им землю. По декрету о земле, принятому советской властью, крестьяне получили 150 млн десятин земли без всяких арендных платежей, задолженность в Крестьянском банке в размере 1,4 млрд золотых рублей списали. Крестьяне увидели в Советской власти силу, в которую они поверили, и согласились ее признать, но не подчиниться. До этого было еще далеко. Вулкан крестьянской ненависти к любой власти, как к “белой”, так и к “красной”, удалось притушить, но не удалось погасить полностью.

Вся надежда “белого” движения в борьбе с революционной стихией была на границу. Пожар гражданской войны разгорался. Возможно, что последствия этой войны для России не были бы столь трагичны, если бы масла в огонь не подливали “союзники”. Вспомним крылатую фразу – “граница нам поможет”. О том, как нам помогала “граница”, откровенно до цинизма пишет Уинстон Черчилль в своей книге “Как я воевал с Россией”. “Было бы ошибочно думать, что в течение всего этого года мы сражались на фронтах за дело враждебных большевикам русских. Напротив того, русские белоохранительцы сражались за наше дело...”.

Какое дело сэра Уинстон называет нашим?

Догадаться не сложно, конечно же, это не любовь к России и не защита демократических ценностей. Запад вложил в Россию очень большие деньги и, естественно, рассчитывал на приличные дивиденды. Вариант договориться с Лениным и большевиками исключался, а деньги надо было спасать. Значит, надо было поддерживать Временное правительство, и денег на это Запад не жалел.

Вот выдержка из меморандума, который Черчилль написал 15 сентября 1919 года.

“Большие суммы денег и значительные военные силы были использованы союзниками против большевиков. Англия заплатила по номиналу около 100 млн, Франция от 30 до 40 млн фунтов стерлингов. Соединенные Штаты содержали и продолжали содержать в Сибири около 8 тыс. солдат; Япония содержит в Восточной Сибири армию численностью от 30 до 40 тыс. человек, и в настоящее время эта армия еще получает подкрепления. Армия адмирала Колчака, снабженная главным образом британским оружием, достигла в мае 300 тыс. человек. Армии генерала Деникина составляют около 250 тыс. солдат. Кроме них следует принять во внимание финнов, которые могли бы дать около 100 тыс. человек. Были также и эстонцы, латыши и литовцы, и их общий фронт тянулся от Балтийского побережья вплоть до самой Польши. И, наконец, были могущественные польские армии, помощь могла быть получена от Румынии и, в меньшей степени, от Сербии и Чехословакии”.

Остается удивляться, как Рабоче-крестьянской армии России, только что перенесшей разрушительную войну, удалось победить такую силу? Во многом потому, что армия была не такой уж рабоче-крестьянской. Российская военная элита не была однородной и в своем отношении к советской власти делилась примерно пополам. В Красной Армии было 639 генералов и офицеров Генерального штаба, в Белой – 750. В Красной Армии служили примерно 75 тыс. офицеров (30% офицерского корпуса), в Белой – около 100 тыс. офицеров (40%). Большинство из них не разделяло взгляды большевиков, их выбор определялся какими-то другими причинами. Какими, нам неизвестно, поэтому фантазировать не будем. Фактом является то, что большевикам поверили не только крестьяне, но представители военной элиты.

Продолжить тему заграничной “помощи”. Кратко об условиях, которые выдвинули державы союзной коалиции адмиралу Колчаку в ноте от 26 мая 1919 года. Цитирую по упомянутой книге Черчилля.

1. Правительство адмирала Колчака должно гарантировать созыв Учредительного собрания сразу после занятия Москвы.

2. На все контролируемом пространстве правительство Колчака разрешает свободные выборы.

3. Правительство Колчака не поддержит попыток восстановления сословных привилегий.

4. Должна быть признана независимость Финляндии и Польши.

5. В случае, если соглашения между Эстонией, Латвией и Литвой, кавказскими и закаспийскими территориями и Россией не будут достигнуты, решение будет приниматься Лигой наций, а до тех пор Россия обязуется признать автономию этих территорий.

6. Правительство адмирала Колчака признает право мирной конференции определить будущее румынской части Бессарабии.

7. Россия должна войти в Лигу наций и наладить сотрудничество с другими ее членами по вопросу вооружений и военной организации.

8. Российское правительство должно подтвердить декларацию, касающуюся российского национального долга.

Как пишет Черчилль, патриот России адмирал Колчак удовлетворительно ответил на каждый поставленный вопрос, чем вызвал одобрение руководителей держав союзной коалиции. Правда, одобрение Колчаком демократических требований не помешало ему расстрелять в Омске учредительное собрание. Матрос Железняк, к слову сказать, не большевик, а анархист, который закрыл учредительное собрание в Таврическом дворце по причине усталости караула, тысячу раз перевернулся в гробу от многочисленных упреков в свой адрес, а из Колчака сделали икону и сняли фильм. Надо отдать должное, фильм хороший, а Колчак-Хабенский в фильме просто душа.

То, что Колчак согласился с унижительными требованиями союзников по коалиции, говорит о многом. Прежде всего, о том, что руководители белого движения на свои силы не рассчитывали и готовы были получать иностранную помощь на любых условиях. Однако «союзники» довольно быстро разобрались в расстановке политических сил, поняли, что белое движение обречено, и помощь прекратили. Массы – крестьяне и рабочие, а это 90% населения России, белое движение не поддержали, а народ, как известно, победить нельзя. Сильна была обида народных масс на власть. Вспомним Л. Н. Толстого: «Народ голоден, потому что мы слишком сыты».

Революционные события, которые происходили в России в 1917 году, упомянутый испанский философ Ортега-и-Гассет позднее назовет «восстанием масс». Ему принадлежит мысль, что общество разделено не на классы и социальные группы, а на меньшинство, людей, обладающих особыми качествами, и «массы» – людей, ничем не выделяющихся. Захват этими «массами» власти Ортега-и-Гассет назвал «восстанием масс».

«Происходит явление, которое, к счастью или к несчастью, определяет современную европейскую жизнь. Этот феномен – полный захват «массами» общественной власти. Поскольку «масса», по определению, не должна и не способна управлять собой, а тем более обществом, речь идет о серьезном кризисе европейских народов и культур, самом серьезном из возможных». Ортега-и-Гассет считает, что нельзя управлять против общественного мнения. «Массы» требуют справедливого к себе отношения и хотят участвовать в общественном процессе. Это значит, что часть общества, которая состоит из людей, обладающих особыми качествами, назовем их элитой, должна делиться своими предпочтениями с «массами».

Вдумаемся в мысль философа. «Массы» управлять хотят, но не могут в принципе. Значит, элита должна найти приемлемую для сторон форму взаимодействия элиты с «массой». Вспомним кухарку, способную управлять государством.

Это хорошо понимала английская элита. В интервью Герберту Уэллсу Сталин говорил так: «Из всех господствующих классов господствующий класс Англии – и аристократы, и буржуазия – оказались наиболее умными, наиболее гибкими с точки зрения своих классовых интересов, с точки зрения сохранения своей власти. Ни в США, ни в Германии, ни во Франции я не мыслю себе подобной гибкой классовой стратегии со стороны буржуазии. В интересах утверждения своего господства господствующие классы Англии никогда не зарекались от мелких уступок, от реформ». В том далеком 1917 году российская

элита понять этого не захотела, что и стало причиной национальной трагедии в виде революции и гражданской войны. Слабый голос части элиты, что лучше отдать половину, чем потерять все, услышан не был. Понимает ли это современная российская элита? Понимает ли она, что народ помнит и никогда не забудет того, как эта элита получила свои богатства?

Революция в России началась в феврале 1917 года. Фактически она была продолжением революции 1905 года. Историки называют революцию 1917 года буржуазно-демократической. Исторический опыт говорит, что в результате буржуазно-демократических революций на смену власти аристократов с монархией во главе приходят представители буржуазии. Не будет большой ошибкой предполагать, что если представители аристократии и буржуазии классово близки не были, то социально не были и чужды. Не случайно среди либерально-буржуазных политиков было много дворян и даже аристократов. Поэтому переход власти от аристократии к буржуазии мог проходить без особых потрясений. Так было и в России в феврале 1917 года.

Но называть Февральскую революцию буржуазно-демократической можно лишь условно. Это название не более чем дань моде на марксистско-ленинские теории. Буржуазия, ввиду малочисленности, активного участия в революции не принимала, реальной власти, за исключением нескольких министерских портфелей во Временном правительстве, представители буржуазии не получили, да и воспользоваться результатами революции они не смогли. Напомним, что одновременно с Временным правительством уже тогда существовал в Петрограде центр силы более влиятельной в виде Совета рабочих и солдатских депутатов.

Эту силу, в конечном итоге, и возглавили большевики. Кстати, по тем временам во всей России большевиков было всего лишь около 10 тысяч, поэтому преувеличивать их роль в событиях, которые происходили тогда в России, было бы не правильно.

Более того, попытки демонизировать большевиков и обвинить их во всех бедах России уводят от правильного понимания процессов, которые имели место в России накануне революции. Реальной проблемой были не большевики, а социальный антагонизм между правящим классом и массами населения, непонимание этого властью, ее неспособность пойти на компромисс с массами и смягчить антагонизм путем уступок и реформ.

Закончилась революция в октябре, когда власть перешла к большевикам. Отметим, что переход власти произошел не сразу, были в России и другие влиятельные политические партии. Но реальной движущей силой революции были массы – рабочие и крестьяне. Овладеть этой силой удалось большевикам. Они же и стали основными бенефициарами революции: крестьяне получили землю, миллионы солдат, в основном крестьян, смогли вернуться к мирной жизни, большевики стали партией власти. Ленин назвал революцию пролетарской, поскольку, по Марксу, крестьяне революционным классом не являлись. Классика виднее.

Признать свое поражение в борьбе с массами элита не могла. Классовая ненависть, махровый социальный расизм лишили представителей элиты разума. Элита не могла даже вообразить, что управлять ими теперь будут те, кого они полноценными людьми никогда не считали. Элита общества, большинство интеллигенции, средние слои откровенно третировали полуграмотных или совсем неграмотных крестьян как людей низшего сорта, как париев, какими они, к сожалению, и являлись. Что так было, сомневаться не приходится. Пренебрежительное отношение “городских” к “деревенским” можно наблюдать даже в наше время.

Тем, кто знаком с жизнью современной российской деревни, не надо объяснять, как и чем различаются культурный и бытовой уровень жителей деревни и города даже в наше время. “Водопровод, сработанный еще рабами Рима” в жизнь российской деревни вошел далеко не везде, а что уж говорить о временах 100-летней давности. Да и туалет на улице не такая уж большая редкость. Для Европы у нас газ есть, а для нашей деревни его нет. Во все времена для деревни у власти денег не хватало. Лишних денег не бывает никогда, и то, что власти экономили, и сейчас, между прочим, продолжают экономить на деревне и крестьянах, не является чем-то новым. Добром для власти в 1917 году это не кончилось.

В те времена российские крестьяне, в отличие от своих европейских собратьев, в части политических прав, культурных и бытовых условий пребывали в феодальном средневековье. Причины такого различия в уровне и образе жизни крестьянства русского и европейского, притом, что российская элита и тогда проживала по стандартам вполне европейским, про русских аристократов нечего даже и говорить, имеют глубокие корни. Если согласиться с тем, о чем по этому поводу пишет Л. Н. Гумилев, многое, в том числе и это, в нашей истории становится яснее. Согласно Гумилеву, российский суперэтнос возник на 500 лет позднее западного. Это различие сказывалось всегда, и своими мы и европейцы никогда не были.

Наш возраст и уровень пассионарности не позволяет нам и сейчас добиться благосостояния и образа жизни, характерных для Западной Европы. Форса в 500 лет, которую имели европейцы, кое-что значит. Но это значит и то, что конец нашего суперэтноса наступит на 500 лет позднее, суперэтноса западного. В силу молодости интеллект и пассионарность представителя нашего суперэтноса выше, чем суперэтноса западного, и в этом наше потенциальное преимущество. На Западе это понимают и экспортируют наших специалистов миллионами. Начнут ли у нас когда-нибудь ценить мозги? Понимаю, что вопрос риторический.

Из множества происходивших в Европе событий, имеющих отношение к обсуждаемой теме, хотел бы выделить революции в Англии и Франции и время географических открытий. Революции в Англии и Франции показали властям, что терпение народа имеет предел, переходить который себе дороже, и лучше с народом поделиться. А делиться было чем. Начало роста уровня жизни в Европе совпадает со временем географических открытий, когда корабли с золотом из Америки поплыли в Европу, а богатства Индии, Китая, стран Ближнего Востока, а можно сказать и всего мира, стали работать на экономику Европы. Понятно, что первыми на раздаче были представители элиты, но и простонародью тоже хватало. Отсюда и высокий уровень жизни в Европе. Награбленного, будем называть вещи своими именами, хватило надолго, но не навсегда. Сейчас это наследство заканчивается, грабить становится все труднее, приходится затягивать пояса и искать варианты.

В России все происходило по-другому. Во все времена, всегда и везде, источником богатств является труд. И если богатства в Европе создавались трудом европейцев и многочисленных обитателей колоний, то в царской России, стране аграрной, это был труд российских крестьян. Вряд ли в головы элиты приходила простая мысль, что всем, чем они обладают, они обязаны крестьянам. Скорее они воспринимали крестьян как рабочую скотину, предназначение которой молчаливо обслуживать своих хозяев и радоваться тому, что их хозяева живут комфортно. Во всяком случае, делиться с крестьянами плодами их же, крестьянского труда по справедливости они не хотели, за что в 1917 году и заплатились.

Надо отметить, что в начале прошлого века революции происходили не только в России, но и в Германии, Венгрии, Турции, в странах Ближнего и Среднего Востока, Юго-Восточной Азии. Понятно, что революций без жертв не бывает, но жертвы в России были не сопоставимы с жертвами в других странах.

Почему же люди с особой, можно сказать, с фанатичной жестокостью, убивали друг друга, брат шел на брата, сын на отца? Ведь все они, за малым исключением, были русскими и гражданами России, они не пришли к нам с другой планеты. Были правые, были виноватые, кто-то больше, кто-то меньше, но почему свою правоту надо было доказывать кровью, почему нельзя было путем взаимных уступок придти к какому-то компромиссу, тем более что Советское правительство, получив власть в октябре 1917 года, объективно не имело причин начинать Гражданскую войну. Не желали войны и массы рабочих и крестьян. Их основные требования земли и мира были исполнены, и главным их желанием было вернуться к мирной жизни.

Но попытки примирения, которые поначалу предпринимала Советская власть и поддерживающий эту власть народ, имущими сословиями были отвергнуты, что вызвало ответный социальный расизм низов, переходящий в ненависть. Не подержали большевиков эсеры, меньшевики и их сторонники из народа. В результате образовалась критическая масса, достаточная для начала Гражданской войны, и нужен был импульс, чтобы эта война началась.

Эта война носила особый характер. Для народных масс идеи коммунизма становились религией. Поэтому война, гражданская по сути, имела многие признаки войны религиозной. Отсюда и фанатизм ее участников. Ничьей в этой смертельной схватке быть не могло, и в этом была трагедия русского народа, и “низов”, и “верхов”. И те, и другие считали себя правыми. Но правда может быть только одна, и эта правда всегда на стороне народных масс.

Народная правда состояла в том, что власть во главе с царем довела самый терпеливый в мире русский народ, прежде всего крестьян, до скотского состояния. Когда-то терпение народа должно было закончиться, и оно закончилось в 1917 году. “Верхи” хотели бы управлять “по-старому”, но “низы” им этого не позволили. И “верхам” пришлось с исторической сцены удалиться. Игнорировать этот факт невозможно. И это ответ на вопрос, кто делает историю, народ или личность. Император всероссийский и “хозяин земли русской” начал войну с Японией, не подготовив должным образом армию. В результате Россия потерпела в этой войне поражение. Несмотря на многочисленные и хорошо обоснованные мнения специалистов, Николай II втянул Россию в мировую войну.

Бывший министр внутренних дел П. Н. Дурново в записке Николаю II писал следующее. “Жизненные интересы России и Германии нигде не сталкиваются и дают полное основание для мирного сожительства этих двух государств. Будущее Германии на морях, то есть там, где у России, по существу наиболее континентальной из всех великих держав, нет никаких интересов. Заморских колоний у нас нет и, вероятно, никогда не будет, а сообщение между различными частями империи легче сухим путем, нежели морем. Избыток населения, требующего расширения территории, у нас не ощущается, но даже с точки зрения новых завоеваний, что может дать нам победа над Германией? Познать, Восточную Пруссию? Но зачем нам эти области, густо населенные поляками, когда и с русскими поляками нам не так легко управляться”. И так в России думали многие. Но к их советам царь не прислушался. А события в России развивались так, как и предсказывал Дурново.

Трудно это представить, но 16 миллионов граждан России были мобилизованы. Страна понесла колоссальные человеческие жертвы, больше, чем все наши союзники вместе взятые, царь отрекся от престола, российская государственность была разрушена. Это факты. Фактом является и то, что именно Временное правительство царя и царскую семью арестовало. Трудно сказать, какая судьба готовило царю Временное правительство, но власть этого правительства закончилась довольно быстро. О том, кто дал санкцию на расстрел царской семьи, у историков единого мнения нет. Документальное подтверждение такого решения отсутствует. Известно, что большевики хотели царя судить, как англичане судили когда-то Карла I Стюарта. Вряд ли судьи оправдали бы царя, но его семья, скорее всего, осталась бы жива. Но Уралсовет Екатеринбургa, где в это время находились пленники, принял решение царскую семью расстрелять.

В то время Уралсовет контролировали левые эсеры, те самые, которые летом 1918 года подняли антибольшевистский мятеж и взяли в заложники Дзержинского. Поэтому обвинять большевиков в расстреле царской семьи с исторической точки зрения не совсем правильно. Справедливости ради, надо сказать, что большевик по фамилии Юровский участие в расстреле принимал, но это была его личная инициатива. То, что в 1919 году в Перми Ревтрибунал за убийство царской семьи приговорил к расстрелу около 20-ти левых эсеров, может служить доказательством, косвенным, во всяком случае, их причастности к этому событию.

Конечно же, расстрел царской семьи без суда, к примеру, в такой стране, как Англия, был бы невозможен. Но российская правовая культура отличается от английской примерно так же, как российский парламент отличается от английского. Да и прецеденты убийства без суда помазанников божиих в российской истории уже были. Правда, тогда царей убивали аристократы и захватывали власть в свою пользу. Особого шума по этому поводу не поднимали, ворон ворону, как известно, глаз не клюет. Но Николая II убили представители “подлого” сословия, простить им это убийство элита не могла. Списали это убийство на большевиков. В наше время царя и членов его семьи объявили страстотерпцами и причислили к лику святых. Мир их праху.

Гражданская война унесла примерно 12 миллионов жизней. В Красной Армии погибло около миллиона человек, данных о потерях белых нет, но вряд ли эти потери могли быть больше. Основные потери понесло мирное население, и не вследствие боевых действий, а от хаоса, возникшего в результате развала государства. Заслуга красных состоит в том, что они сумели остановить революцию и восстановить Российское государство.

Коллективизация и индустриализация по сути были продолжением Гражданской войны. Валюта на закупку машин и оборудование для индустриализации была получена, в основном, за счет продажи за границу сельхозпродуктов, прежде всего зерна. А без коллективизации зерна не было бы. Крестьянские единоличные хозяйства товарное зерно не производили, себя бы прокормить. На производство одного центнера зерна в 1909 году, самом урожайном за 60 предреволюционных лет, затрачивалось 53,8 человеко-часа. Для сравнения: в РСФСР уже в 60-е годы трудозатраты на центнер зерна составляли в колхозах до 2,3, в совхозах до 1,3 человеко-часа.

Интересные подробности своего разговора со Сталиным на тему коллективизации приводит Черчилль. Сталин объясняет Черчиллю необходимость коллективизации следующим образом. “Чтобы избавиться от периодических голодовок, России было абсолютно необходимо пахать землю тракторами. Мы должны механизировать наше сельское хозяйство. Когда мы давали трактора крестьянам, то они приходили в негодность через несколько месяцев. Только колхозы, имеющие мастерские, могут обращаться с тракторами. Мы всеми силами объясняли это крестьянам. Но с ними бесполезно было спорить. После того, как вы изложите все крестьянину, он говорит вам, что он должен пойти домой и посоветоваться с женой, посоветоваться со своим подпаском. Обсудив с ними это дело, он всегда отвечает, что не хочет колхоза и лучше обойдется без тракторов”. Очень похоже на русского крестьянина, вряд ли Сталин что-то придумывал.

Нет необходимости говорить о том, что коллективизация была трагедией русского народа и, в первую очередь, крестьянства. Можно говорить лишь о том, была ли это злая воля Сталина или суровая необходимость. Бесспорным является то, что без коллективизации не было бы индустриализации. А без индустриализации не было бы Победы над фашистской Германией и не было бы России не только как государства, но и как географического понятия. Это не преувеличение, и Сталин это хорошо понимал – “мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут”. Это было им сказано в 1931 году. Масштаб угрозы для человечества со стороны Гитлера лучше других понимали два человека – Сталин и Черчилль.

Западные круги вооружали Гитлера и хотели его руками уничтожить коммунистический режим в СССР. Что было на уме у Гитлера, и кого хотел уничтожить он, другой вопрос. Черчилль другом СССР никогда не был, но он понимал, что Гитлер в своих претензиях на мировое господство Советским Союзом не ограничится. Он всегда жестко критиковал политику умиротворения Гитлера, которую проводил Чемберлен, и после заключения Мюнхенского соглашения в 1938 году сказал в Палате общин: “У вас был выбор между войной и бесчестьем. Вы выбрали бесчестье и теперь получите войну”.

Гитлер делал англичанам мирные послы. Он, например, приостановил наступление немецких войск в Дюнкерке и, тем самым, позволил эвакуироваться английской армии. Он направил в Англию своего посланника Гесса. Цель у этого визита могла быть только одна: договориться с англичанами о невмешательстве в действия Германии на Востоке. Черчилль, правда, участие Гитлера в этой операции отрицает, оставляя инициативу за Гессом, но подтверждает, что Гесс пытался склонить англичан к дружбе с Гитлером.

Черчилль, будучи премьер-министром, на эти провокации не поддался. Он был уверен, что Гитлер играет свою игру и при первом удобном случае обманет и начнет против Англии войну. Черчилль удобного случая ожидать не стал и объявил Гитлеру войну. И первой страной, которая стала успешно воевать

с Германией, была Англия. Когда Гитлер напал на Советский Союз, первым, кто оказал нам военную помощь, был Черчилль. Английская авиационная группа в составе 500 человек и 50 самолетов "Харрикейн" уже в конце августа 1941 года высадилась в Архангельске и приняла участие в военных действиях. И пока Англии это было выгодно, Черчилль оставался другом и союзником Советского Союза и перестал им быть, когда Германия была разбита, в основном, усилиями Красной Армии, чего Черчилль никогда не отрицал.

Объективности ради, отметим, что Черчиллю было что вспомнить и поставить в упрек Сталину. В 1939 году, когда немцы бомбили Лондон, из Советского Союза в Германию шли поставки необходимой немцам продукции. Создание Сталиным стран с просоветским режимом после Победы в 1945 году дружеским шагом по отношению к бывшим союзникам тоже назвать трудно. Как планировал прагматик Сталин использовать эти страны для усиления влияния СССР, мы не узнаем никогда. Но, зная Сталина, можно предполагать, что какие-то планы у него были. Советские руководители, пришедшие на смену Сталину, получить выгоды от сотрудничества с нашими восточноевропейскими союзниками не сумели. При первой же возможности те повернулись к нам спиной. И, несмотря на то, что СССР спонсировал все страны народной демократии, на момент распада долги СССР восточноевропейским государствам составили около 29 млрд долларов. Последние долги Россия выплатила Боснии совсем недавно.

Войну с Советским Союзом Гитлер представлял всему миру как борьбу с коммунистическим режимом. Эту задачу ему поставили представители западного капитала и тем самым развязали Гитлеру руки. Но ликвидация Советского Союза была бы лишь первым шагом в борьбе со славянским миром. Гитлер знал, как в свое время немцы решали национальный вопрос в Восточной Пруссии, где веками проживали славянские племена. Если говорить научным языком, то немцы славян ассимилировали, а если по-простому, то они их просто уничтожили. В случае победы Германии то же самое ожидало и славян, проживавших на территории СССР. Вся российская территория могла бы стать немецкой.

Конечно же, Сталин Гитлеру не верил никогда. Но ему надо было выиграть время, чтобы подготовиться к войне, за 10 лет сделать то, на что другим странам понадобилось 50–100 лет. Своей цели, худо-бедно, Сталин добился, в войне с Германией мы победили, не без помощи союзников, будем справедливы. Мы спасли свою страну и свой народ, а также многие другие народы, от уничтожения, за что тогда они нам были благодарны, это исторический факт. Нельзя забывать, что этой победой мы во многом обязаны крестьянам, плодами их труда были оплачены купленные за границей заводы, на которых ковалось оружие Победы.

Если это и были жертвы периода коллективизации со стороны крестьян, то это были жертвы во имя спасения страны, и мы, потомки тех крестьян, должны быть им благодарны. Как мы должны быть благодарны 27 миллионам наших граждан, погибших в Великой Отечественной войне. Злые языки называют и другие цифры, 27 миллионов человеческих жизней им кажется мало. Но сейчас это уже не важно, победили, как могли. Эти жертвы остаются в нашей памяти спустя 70 лет после окончания войны, народное движение "Бесмертный полк" это хорошо показало.

Конечно же, революция и последовавшая за ней гражданская война были трагедией России. Но это была оптимистическая трагедия. Все новое рождается в муках, не было исключением и рождение нового рабоче-крестьянского государства. "Советский социальный строй, политическая система, система образования и просвещения, система жизненных ценностей, тип культуры и т. д. и т. п. были вершиной русской истории вообще. Это, повторяю и подчеркиваю, был оптимальный вариант "обустройства" России, вершина ее исторического бытия". Цитата из книги "Русский эксперимент" нашего гениального современника А. А. Зиновьева.

Было время, когда так думали пусть не все, но многие граждане и Советского Союза, и других стран. Думали так, потому что верили в будущее страны

и в свое собственное будущее. Страна развивалась, социальные лифты работали, народ доверял власти и Вождю. Вождь был тиран, но “если целая страна допустила, чтобы ей правил тиран, вину за это нельзя возлагать на одного лишь тирана”. Сказал это, между прочим, Черчилль. Восточная поговорка “не злословь уходящего царя” у нас не работает. У нас всегда и во всем виноват царь. Исключением по причине мученической смерти является Николай II.

Основными инструментами управления коллективом людей всегда и везде были кнут и пряник. Эффективность управления зависит от того, насколько умело руководитель эти инструменты сочетает. Вождь делал акцент на кнут, а пряники надо было заработать. Мог ли он в тех условиях действовать иначе, большой вопрос. “Чтоб добрым быть, нужна мне беспощадность”, сказал классик. Руководители, пришедшие вождю на смену, хотели управлять с помощью пряников. И не всегда эти пряники доставались самым достойным. В результате из супердержавы мы превратились в страну третьего мира. Если бы не оружие, которое было создано во времена Сталина, неизвестно, что было бы со страной и с нами. А если смотреть правде в глаза, то известно – страны не было бы.

Помимо требования земли крестьяне требовали отмены сословных привилегий. Не будучи сильно образованны, они интуитивно понимали разрушительную роль сословного разделения общества. Русские люди обладают гипертрофированным чувством справедливости. Поэтому сословные привилегии дворян в то революционное время вызывали особое раздражение крестьян. Наследуемые привилегии развращали высшие сословия, вели к деградации элиты и ослабляли власть, поскольку именно это сословие было базой для формирования власти. Народ такую власть своей не считал и не поддерживал. Поэтому ликвидация сословных привилегий было требованием крестьян наряду с требованиями земли и политических прав.

Сословных привилегий советской элиты, казалось бы, и быть не должно, но реально они были и свой вклад в развал страны под названием СССР внесли. С момента смерти Сталина до распада Советского Союза прошло около 40 лет. За это время сменилось всего два поколения. Этого оказалось достаточно, чтобы власть в глазах народа потеряла авторитет, народ от нее отвернулся и перестал поддерживать. В результате огромная страна развалилась в 3 дня. В 1917 году “Русь слиняла в 2, самое большее – в 3 дня”. Власть потеряла авторитет, и народ перестал эту власть поддерживать. Тему народа и власти обсуждать не рискую, как говорится, не по чину. Но некоторыми соображениями, пусть не бесспорными, поделиться хотел бы.

“Нет власти не от бога” и “Глас народный – глас божий”. Все, что написано в Священном писании, имеет глубокий смысл. Имеют ли эти изречения только сакральный характер или за ними стоит что-то еще, пока наукой не познано? То, что каждый человек имеет свое энергетическое поле, как говорится, медицинский факт. Энергетическое поле массы складывается из полей отдельных представителей этой массы. Свое энергетическое поле имеет и властная элита. По определению энергетическое поле массы сильнее поля элиты, и тогда становится понятным, почему глас народа это глас Божий, и почему народ всегда прав. Как влияют эти поля друг на друга, науке пока неизвестно, но по законам физики они обязаны взаимодействовать.

В случае согласия между властью и народом энергетическое поле массы усиливает поле элиты и увеличивает его потенциал, в случае несогласия – поле массы ослабляет поле элиты и элита теряет управляющие функции.

Во время Великой Отечественной войны массы поддерживали вождя и элиту, и страна в войне победила. В 1917 году массы были против элиты. В результате элита получила революцию, гражданскую войну и потеряла власть. В 1991 году массы революции не устраивали, просто они отвернулись от власти и не стали потерявшую в их глазах авторитет элиту защищать. В истории наверняка имеются и другие подобные примеры. А из жизни пример следующий. Народная мудрость говорит, что дома и стены помогают. Когда болельщики “болеют” за свою любимую команду, они ей помогают своей энергетикой, отсюда и фактор “своего” поля.

Только силой своего авторитета властная элита может убедить народ в необходимости ее поддерживать. Власть должна понять, что с народом надо договариваться. Нельзя управлять против общественного мнения, так писал философ Ортега-и-Гассет. А Талейран говорил Наполеону: “Штыки, сир, годятся

на все, кроме единственного — нельзя на них усидеть”. Власть должна для себя решить, что важнее, развивать мозги и проводить политику, которую поддерживает народ, или накачивать мышцы.

За 25 лет в постсоветской России выросло первое поколение детей новой российской элиты. То, что многие отцы этих детей получили свои привилегии не по заслугам, а по праву первородства и близости к власти, народ пока терпит. Теперь мы с интересом узнаем, какие талантливые дети у нашей элиты, какие они успешные банкиры и эффективные руководители. Что это, если не сословные привилегии? Сколько поколений выдержит Россия под руководством этих вундеркиндов, еще предстоит увидеть, но власти не мешало бы помнить то, что наследуемый характер прав и привилегий развращает высшие сословия, ведет к дегенерации элиты и подрывает авторитет власти, а отсюда и революции. Это факт, такое в истории России уже было. Это не самое хорошее наше прошлое в настоящем, не хотелось бы, чтобы оно было в будущем.

Столетие революции в России является событием мирового значения. Результатом было появление первого в мире государства, в котором власть принадлежала народу. Это событие уже 100 лет влияет на мировую историю и будоражит общественное мнение во всех странах нашей планеты. Мировое общественное мнение, и граждане России в том числе, не единодушны в оценках результатов российской революции, что не удивительно. Почему, к примеру, генерал Бонч-Бруевич и генерал Брусиллов поддержали большевиков, а генерал Деникин и генерал Краснов встали на сторону ее противников? Этого мы не узнаем никогда, но это был их выбор.

Споры о том, была ли социалистическая революция благом или злом, продолжаются уже 100 лет, и конца им не видно. Это говорит о том, что социалистические идеи не оставляют людей равнодушными. Две тысячи лет тому назад родилась новая религия — христианство. Потребовалось 300 лет, чтобы эта религия получила официальное признание. Сейчас свое право на жизнь пытается доказать коммунизм, который может стать религией новых поколений. Коммунизм, хоть его и называли когда-то научным, для большинства граждан наукой никогда не был, как не был он и идеологией. Коммунизм был для них скорее верой, религией, уходящей своими корнями в христианство.

Настоятель Кентерберийского собора Хьюлет Джонсон в своей книге “Христиане и коммунизм” это убедительно показывает. Всю книгу процитировать невозможно, ограничусь одним абзацем. “Коммунизм — отнюдь не временное явление. Чрезвычайно важно поэтому, чтобы мы попытались ясно понять, что такое коммунизм, и попытались найти те пункты, в которых он согласуется с христианской верой и которые послужат основой для дальнейшего синтеза”. Свою лепту в развитие идеи коммунизма в христианстве внес и французский философ Эрнест Ренан своим трудом “Жизнь Иисуса”. Остается сожалеть, что 100 лет тому назад красные и белые этого не увидели и не смогли “противопоставить революционности преемственность, единственное, что позволяет избежать того патологического крена, который превращает историю в вечный бой паралитиков с эпилептиками”. Дай Бог, как говорится, чтобы увидели это сейчас.

Зачатие коммунизма произошло в Англии, а рождение в России. Коммунизм имеет своих сторонников и противников, своих святых и грешников, своих апостолов и мессию. Если рассматривать коммунизм как религию, не вдаваясь в теологические тонкости, можно заметить, что события, которые сопровождают рождение коммунизма, во многом повторяют события, имевшие место во времена возникновения христианства. На заре христианства язычники фанатично убивали христиан, разрушали христианские храмы, уничтожали их культовые сооружения. Когда христианство набрало силу, христиане стали преследовать язычников. Религиозные войны в мировой истории не такая уж большая редкость.

Коммунисты, в 1917 году их называли большевиками, как в свое время язычники, объявили войну церкви, убивали священнослужителей, закрывали и разрушали храмы, преследовали верующих. Церковь, как могла, сопротивлялась, но бороться с государством ей было не по силам. Гражданская война между сторонниками и противниками коммунизма не носила классовый характер. Это была скорее религиозная война со всеми, характерными для религиозных войн, особенностями. Этим и объясняется ненависть и фанатизм, с которым русские люди, находящиеся по разные стороны баррикад, убивали

друг друга. Отношение власти к церкви изменилось в 1943 году, когда Сталин санкционировал избрание Патриарха. Новое наступление на церковь принял Хрущев в конце 50-х годов. В наше время отношения между коммунистическими лидерами и церковными иерархами можно считать, внешне, во всяком случае, вполне лояльными.

Папа Иоанн-Павел II спустя почти 2000 лет с момента возникновения христианства попросил прощения за то зло, которое принесла людям инквизиция. Возможно, что когда-нибудь и главный коммунист попросит прощения за зло, которое принесли людям инквизиторы от коммунизма. Уже 170 лет “призрак бродит по Европе, призрак коммунизма”. Это факт, который игнорировать нельзя. Похоже, что действительно “коммунизм – отнюдь не временное явление”. Коммунизм, излечившись от “детских болезней”, может стать для человечества новой религией, как 2000 лет тому назад такой религией стало христианство. В этом случае Россия как колыбель новой религии может рассматриваться на особое покровительство высших сил.

Сегодня Россия переживает не лучшие времена. Мы живем на пороховой бочке. Пожар на Ближнем Востоке с угрозой перекинуться на Кавказ и Среднюю Азию, пожар на Украине, очередной костер разводят в Прибалтике. Недавнее турне Президента по государствам Средней Азии наверняка связано не с тем, что Путин соскучился по своим коллегам. Просто там становится горячо, и тут нельзя не оценить превентивные действия Путина в Сирии. Черные силы окружили Россию. У нас есть “партнеры”, но нет друзей. Хотя какие там друзья? Вспомним Англию, у которой нет постоянных друзей и врагов, но есть постоянные интересы. Что мы можем предложить народам мира, от чего они не могли бы отказаться? Во всяком случае, не нефть и не газ. Это могут сделать многие. А вот предложить им новую религию, провозглашающую справедливое государство как высшую ценность, это цель более чем достойная. Когда-то мы пытались такое государство построить, надо эту попытку повторить с учетом сделанных ошибок.

У нашего Президента получается парировать удары противников. Войны на своей территории удается избегать. И что бы ни говорили противники Путина, он спас Россию от развала. С командой Президенту, прямо скажем, не очень повезло. Рейтинг Президента существенно превосходит рейтинг Правительства. Если следовать идее сложения энергетических полей, правительство энергетику Президента забирает, а должно бы добавлять. Народу приходится эти потери компенсировать своей энергетикой. Но этот процесс не может быть бесконечным. Сегодня, как никогда, важно единение нации и вождя, но никак не попытки выяснять отношения между гражданами одной страны по поводу событий 100-летней давности, кто тогда был виноват больше, а кто меньше. Великий политик Талейран сказал: “В революции виноваты все, а значит, никто”. Двусмысленность в духе Талейрана, которая на первый взгляд примиряет, а на самом деле разделяет общество. Разделяет на тех, кто согласен с первой частью фразы, и не согласен со второй, и наоборот. В нашем случае было бы правильно прислушаться к словам другого великого человека.

“Нам необходимо повернуться спиной к ужасам прошлого. Мы должны смотреть в будущее. Мы не можем брать с собой и нести в будущее груз ненависти и жажду мщения, рожденную ранами прошлого. Если мы будем пытаться поссорить прошлое и настоящее, мы потеряем будущее”. Так говорил самый великий в истории англичанин Уинстон Черчилль.

Не хотел бы, чтобы у читателя сложилось мнение, что я являюсь поклонником Черчилля, да и к англофилам я себя не отношу. Но хочется быть на стороне правды. А правда в том, что нам есть чему поучиться у англичан. Этнос мы молодой, к обучению способный. Да и учиться, как говорит народная мудрость, никогда не поздно. С пионерских времен помню: “Учиться, учиться и учиться”. Кто сказал?

ВЛАДИМИР РУГА, АНДРЕЙ КОКОРЕВ

МОСКВА ПРАЗДНИЧНАЯ

ТЕАТР

*Театра зала вновь полна,
Партер и ложи блещут светом,
И речь французская слышна
Привыкших шаркать по паркетам.*

А. А. Григорьев

Главенствующее положение среди “мест отдохновения” в Москве занимал театр. “Сядьте в московский трамвай — вагон наполнен театральными разговорами, — писал в 1914 году журналист Н. Н. Вильде. — Мы заполнены театром всех видов и направлений. Rapem et circenses! (Хлеба и зрелищ! — лат.). Только мы жаждем не дарового хлеба и зрелищ, как римская толпа, а оплачиваем их дорогой ценой”.

В дореволюционные годы в Москве действовали два императорских театра (то есть финансируемых из казны и управляемых чиновниками): Большой и Малый, а также несколько частных. Они начинали работу в конце августа, а завершали в апреле. В течение первой, четвертой и седьмой недель Великого поста театры представлений не давали, так как закон запрещал русским труппам показывать спектакли в это время. Разрешались к публичному исполнению духовные песнопения и драма религиозного содержания “Царь Иудейский”, автором которой был великий князь Константин Константинович.

Вместо русских актёров на сцены выходили иностранные гастролёры, поэтому выражение “постная итальянская опера” следует понимать в прямом смысле: выступление итальянских артистов во время поста.

О репертуаре московских театров в 1901 году шутивно писал журнал “Искры”:

“В Большом и Малом — археология, в Новом — ничего нового. У Станиславского с Немировичем — декадентщина; в Частной опере, сказывали, точно — поют. Интернациональный театр — один скрежет зубовой”.

Более конкретно о пьесах, пользовавшихся популярностью среди московской публики в 1910-е годы, поведал в мемуарах литератор и театральный деятель И. И. Шнейдер:

“В театрах Сабурова давали фарсы с обязательным раздеванием и беготней в одном нижнем белье по сцене. Со сцены не сходили “Тётка Чарлея” и “Хорошо сшитый фрак”. У Незлобина шла сексуальная пьеса Осипа Дымова “Ню” и делали полные сборы “Псиша” Юрия Беляева и “Орлёнок” Ростана, где в роли герцога Рейхштадского выступал актёр Лихачёв, ставший фаворитом обывательской Москвы.

— Куда? — кричал денди, встретив на Кузнецком приятеля.

— “Мне двадцать лет, и ждёт меня”... корова!.. — отвечал приятель, подражая Лихачёву, пародируя ростановскую реплику и спеша на свидание”.

Конечно, не стоит забывать, что на этот период приходился расцвет Московского художественного театра, в Большом потрясали своим искусством Ф. И. Шляпин, Л. В. Собинов, А. В. Нежданова и многие другие замечательные артисты. Однако мы позволим себе оставить в стороне разбор художественного содержания спектаклей того времени – на эту тему существуют специальные работы искусствоведов, – а сосредоточимся на рассмотрении роли театра в бытовой стороне жизни Москвы, тем более что театральные сезоны были одним из основных в жизненном цикле города.

Первым открывал зрителям двери театр Ф. А. Корша. В 1901 году он начал сезон премьерой спектакля “Генеральша Матрёна”. Вот оставленное современником описание некоторых бытовых сцен, связанных с этим событием:

– Видишь вывеску, – говорит какой-то кругленький господин в енотовой шубе и в бобровой шапке, указывая приятелю на аншлаги.

– Какую вывеску?

– А вон у кассы-то... “Билеты все проданы” – обозначено тут. Хорошо торгует Фёдор Адамович, без убытка, можно сказать.

– Да, торгует за первый сорт!

– То-то и есть... Хорошо, что предварительно билеты взяли, а то и не попали бы сегодня. А всё я... Я знаю, как тут торговля идёт, ну, и запасся. В среду ещё взял, вот оно и весело... А каково вот этим, которые оглобли назад должны ворочать! Скучно, поди!.. Одевался человек, послеобеденный сон свой не вовремя прервал, чаю дома не пил, ехал, может, из Рогожской или с Разгуляя откуда-нибудь, и вдруг – такой афронт неприятный... .

Таких очень много. Иной разлетится к кассе и, увидав аншлаги, даже ахнет. Аншлаги, впрочем, его не останавливают, и он протискивается к кассе, где продают билеты на следующий день.

– Никаких билетов нет сегодня?

Утомлённый кассир молча показывает на аншлаги.

– Может, какой-нибудь есть, хоть один?..

Кассир только плечами пожимает.

– А вы поищите, милостивый государь!.. Может, какой и найдётся. Бывает, что захворает человек либо какая-нибудь домашняя история выйдет, ну, и вернёт билет... .

Кассир хранит гробовое молчание.

– Так ничего нет?

– Да ничего нет, ничего! – с тоскою восклицает кассир, которого терзают подобными вопросами с утра до позднего вечера”.

Аншлаги больно ударили и по любителям посещать спектакли на дармовщину. Некий Ванька Белые Усы жаловался приятелям:

“Намедни зашёл к Коршу, так принуждён был в проходе стоять, так как не только дарового места не было, а и за деньги не нашлось ни одного свободного... Я ведь в театры за вход никогда не плачу, у меня и антрепренёры приятели, и кассиры, и капельдинеры даже, и контрамарки не беру, а так вхожу и сажусь, где свободное место... .”

Москвичи, не имевшие столь обширных знакомств в театральном мире, поступали обычным порядком: покупали билеты. Чтобы попасть, например, на спектакль Большого театра, очередь в кассу традиционно приходилось занимать задолго до рассвета. Тем, кому не хотелось тратить время на многочасовое ожидание, всегда были готовы прийти на помощь “барышники” – спекулянты билетами.

В начале XX столетия билетами за двойную цену торговали “красные шапки” – рассыльные, дежурившие возле театрального подъезда. Современник отмечал, что возле Художественного театра “барышников” не было, поскольку подпольная торговля билетами была сосредоточена в находившейся рядом овощной лавке. Со временем в Москве появились профессиональные “барышники”, которых называли “якупчиками” и “жужжалками”. В 1914 году газета “Голос Москвы” писала о них:

“Якупчики” – аристократия барышников. Они так называются по имени главного барышника.

“Жужжалки” – парии. Это те несчастные, которые дрогнут на морозе день и ночь и с таинственным видом предлагают проходящим мимо театра:

– Вам билетик на сегодня? Или на бенефис?

Они же стоят в очереди у кассы. Если тот, которому предлагают, враг барышничества и вздумает позвать городского, чтобы отправить предлагавшего

в участок, то из этого ровно ничего не выйдет: при обыске у “жужжалки” никаких билетов не найдут.

Если же проходящий пожелает получить билет, то “жужжалка” ведёт его в Охотный ряд или куда-нибудь под ворота и просит ждать, а сам бежит в трактир “Лондон” и вызывает оттуда “якупчика”, приводит его под ворота, где и происходит продажа билета.

“Якупчик”, наживший сумму на продаже билета, даёт несколько копеек за комиссию “жужжалке”, который только этими грошами и питается.

“Барышников” в Москве более ста. Они почти все известны полиции, которая, впрочем, ограничивается только составлением протоколов, передающихся мировому судье Лубянского участка. Судья их штрафует крупно, но “барышникам” штрафы нипочём:

– Недорого! – говорят и платят штрафы с огромных барышей.

“Жужжалки” отсиживают, но они попадают редко.

Недавно судили одного из крупных “барышников” за оскорбление городского посту. Мировой судья приговорил его к штрафу в 20 рублей. “Барышник” тут же вынул толстый бумажник и спросил судью:

– Позвольте уплатить сейчас?

Но судья не принял штрафа, пока приговор не войдёт в законную силу. А к этому времени “якупчик” наторгует сотни рублей и готовится новый штраф. Так благоденствуют в Москве театральные “барышники”.

Несколько раз власти пытались пресечь спекуляцию театральными билетами. В 1910 году с этой целью были привлечены агенты сысской полиции. После трёх месяцев наблюдений они выявили всех “барышников” (около 50 человек) и вскрыли их систему конспирации. Полученные сведения позволили полиции арестовать главаря спекулянтов – “клинского мещанина” Ш. У. Якубчика, носившего кличку Король и считавшего себя абсолютным неуязвимым. Во время обыска у него на квартире были обнаружены бумаги, из которых стало известно, что месячный доход главного “барышника” достигал порой свыше полутора тысяч рублей, а в год он “зарабатывал” 10–15 тысяч.

На суде выяснилось, что некоторые соратники Якубчика “кормились” возле касс Большого театра не один десяток лет. Кто-то из них уже по два-по три раза предстал перед мировым судьей, но отделывался штрафами от 15 до 45 рублей. “Жужжалкам”, не имевшим средств для уплаты штрафов, приходилось отбывать арест. Посадку “в казённый дом” они оттягивали всеми правдами и неправдами до лета – до окончания театрального сезона.

Несмотря на операцию, блестяще проведённую сысской полицией, спекулянты продолжали своё малопочтенное, но доходное занятие. Об этом свидетельствует изданный в начале 1914 года приказ градоначальника Адрианова. Чтобы не допускать барышничества, приставу 3-го участка Тверской части предписывалось “назначать на дежурство под колонны Большого театра ежедневно отличённых наибольшим доверием начальства городских 1-го разряда”.

По старой московской традиции выход в театр, кроме желания насладиться зрелищем, был связан со стремлением “себя показать”. Появление на людях позволяло дамам блеснуть новыми туалетами и драгоценностями, при этом любое отступление от общепринятых норм подвергалось осуждению. Городской хроникёр как-то отметил забавный случай, произошедший в Большом театре: “декадентствующая дама” появилась на людях в платье с громадными вырезами спереди и сзади, напудренная “во вкусе маркиз Людовика XV”, да ещё в парике соломенно-жёлтого цвета. “За бедной дамой ходили буквально, как за белым слоном, – сообщал репортёр, – забегали вперёд, заглядывали, фыркали чуть не в лицо...”

Описание публики, столетие назад собравшейся на премьеру в Интернациональном театре, оставил нам фельетонист газеты “Русское слово”:

“Налицо, конечно, “вся Москва”...”

Правильнее: сливки “всей Москвы”, *fine fleur* (самое лучшее – фр.) “всей Москвы”: лорд Косорылов с Маросейки, мистер Персиков, эсквайр, с Тверской-Ямской, лэди Белотелова с Таганки, баронет Попрыгунчиков-fils (сын – фр.) с Воздвиженки... *et cetera, et cetera...* (и прочее, и так далее – лат.).

В бельэтаже – обычный “цветник”: дамские туалеты способны помрачить рассудок обыкновенного смертного, бриллианты, “доводящие ум до восторга”, – ослепить своим блеском...

В партере — “фрачная” молодёжь, краса и гордость Белокаменной, в амфитеатре — пиджачная интеллигенция...

И так из года в год — каждый сезон! [...]

В антракте — “causerie mondaine” (светский разговор — фр.).

— Знаете ли, эти нюансы... неуловимые нюансы, — тянет баронет Попрыгунчиков-fils, соблазнительно изгибая торс перед миссис Персиковой, — чисто парижская манера оттенять эти неуловимые нюансы... Когда я был в Париже... Chez nous a Paris... так вот, в “Moulin rouge”...

— О! Это несомненно! Манера играть — это... это... — говорит миссис Персикова и думает: “А всё же до итальянца тебе далеко — не тот коленкор, как ни изгибайся”.

Стоит упомянуть, что столетие назад как буфеты, так и гардеробные театров находились в аренде у частных лиц. Сдать на хранение верхнюю одежду стоило 20 копеек. Буфеты также отличались высокими ценами.

В своих мемуарах Н. А. Варенцов упоминал о знакомом купце-миллионере, который предпочитал в театр приносить яблоки с собой, а не платить за них втридорога.

Феерическим зрелищем был разъезд зрителей после окончания спектакля. Чтобы хоть как-то упорядочить мешанину из экипажей и автомобилей возле выхода из театра, каждый раз назначали специальный наряд полиции во главе с офицером. Здесь же дежурили специальные посыльные, которые за небольшое вознаграждение разыскивали нужный экипаж и передавали кучеру приказ хозяев “подавать” к подъезду.

Блюстителям порядка, дежурившим возле Большого и Малого театров, заодно было приказано следить за тем, чтобы возле подъездов находились торговцы афишами, имевшие фуражки и бляхи с надписью: “афишёр типографии Императорских московских театров”. “Зазывал” в другие театры полагалось “привлекать к законной ответственности”.

Забота о привлечении зрителей, особенно в частных театрах, существовавших как коммерческие предприятия, заставляла антрепренёров как можно чаще обновлять репертуар. Так, в театре Корша премьеры происходили каждую неделю. Если пьеса пользовалась успехом у зрителей, её оставляли в репертуаре, если проваливалась, быстро заменяли новой. Театральные спектакли, поставленные на поток, сто лет назад породили явление, отмеченное Н. Н. Вильде:

“Безголодых и безъязычных с аттестациями актёров развелось невероятное количество на этой расширившейся “театральной площади”; драматурги и композиторы почти совершенно разучились трогать сердце, они стали заботиться только о возбуждении любопытства, часто самого грубого, вроде того большого дивана в пьесе Арцыбашева, который служит таким притяжением публики, и таких разговоров в этой же пьесе, которые было бы стыдно произносить актрисам былых времён и которые, кажется, уже не стесняют современных. Слово “страсть”, которое от начала театра играло такую же роль в трагедиях, драмах, заменилось словом “похоть”, и слова “я вас люблю” заменились словами “я вас хочу”. В туалетах стал преобладать газ, прикрывающий дам, как будто ещё не вышедших из ванной комнаты.

Очень выросло искусство организации театральных успехов. Поначалу ещё бывали ошибки. В одном оперном театре стали вызывать драматических актёров, а в драматическом — примадонну и тенора. Но это ещё были только дебюты клакеров. Теперь всё благоустроилось в этой области. Сцена стала заполняться цветами. Причём корзины цветов подносятся на глазах публики даже актрисам, лепечущим “папу-маму”.

Уж если даже посредственности обретали своих поклонников, то что говорить об истинных талантах. Например, Шаляпина и Собинова осаждали целые группы экзальтированных поклонниц. Их споры о достоинствах кумиров нередко заканчивались, на потеху публике, настоящими потасовками. Литературовед К. Г. Локс вспоминал, как ему пришлось какое-то время пожить в семействе ярых “собинисток”:

“Вся столовая была заставлена, увешана портретами, открытками, изображениями, фотографиями великого тенора. На одной, стоявшей особо на жирандоли, виднелся автограф. Возле этой фотографии всегда стоял букет цветов. Началось несказанное существование. Я знал о Собинове всё, чего он даже сам не знал о себе. Мне было известно, когда он принимает слабительное и каким шарфом закутывает горло. Но привычка делает своё дело.

Скоро Собинов казался мне членом семьи, и я внимал рассказам о нём, как чему-то неизбежному, неотвратимому и роковому”.

Особое место среди “храмов искусства” занимал театр Шарля Омона, считавшийся в начале прошлого столетия весьма специфической московской достопримечательностью. Омон (подлинная фамилия Саломон) появился в Москве в 1891 году как участник французской выставки. Устроенные им представления имели успех, и он открыл постоянный театр в Камергерском переулке.

“Театр в Камергерском не раз менял названия: театр Омона, “Зимний театр Буфф”, театр “Водевиль-концерт”, – писала Е. Д. Уварова в монографии, посвящённой истории российской эстрады. – В зрительном зале шли и спектакли, и дивертисментные программы с семи часов вечера до 11 часов 30 минут; ресторан с концертной программой и кабинеты работали до четырёх часов утра. Вечер состоял из трёх частей: злободневного обозрения, водевиля или оперетты; дивертисмента преимущественно с заграничными номерами; ресторана. Артистки не имели права уходить раньше четырёх и по пригласению метрдотеля обязаны подниматься в ресторан и кабинеты. Среди посетителей, в основном, купечество, “именитое и замоскворецкое”, военные из Петербурга и провинции, адвокаты, артисты, художники...”

Омон платил артистам хорошие деньги (например, молодой балетмейстер Ф. Л. Нежинский получал 1000 руб. в месяц), но требовал взамен неукоснительного выполнения установленных им правил. Нарушителей наказывали серьёзными штрафами. Приведённые Е. Д. Уваровой сведения позволяют сделать вывод, что представления в театре Омона отличались прекрасным подбором исполнителей, как иностранных, так и российских, и проходили на высоком профессиональном уровне.

Однако следует отметить, что, по свидетельствам современников, в заведение пресловутого француза публику, в большинстве своём, привлекала возможность увидеть номера “каскадного жанра” в исполнении танцовщиц, затянутых в трико. Не меньшим успехом пользовались песенки и куплеты фривольного содержания. Достаточно сказать, что именно Омон первым потчевал москвичей “танцем живота”, публичная демонстрация которого была сразу же запрещена полицией. Впрочем, в отдельных кабинетах по заказам “гурманов” его всё же исполняли.

Своеобразную атмосферу, царившую в “театре” Омона, описал в 1900 году фельетонист газеты “Русское слово”:

“Длинная душная зала. Облака табачного дыма и крепкий запах винного перегара. Шум, гам, крики... Инде скандалы, инде мордобития, масса пьяных “кавалеров” и туча “этих дам” – вот вам первое впечатление “театра” господина Омона!

Называется “заведение” театром “Фарс”, и действительно, для “сокрытия следов преступления” здесь даются на сцене скабрёзные фарсы, но это только вначале.

После третьего акта начинается особое представление!

При благосклонном участии публики и милых, но погибших созданий...

Буфет – эта альфа и омега “театра”, – торгует на диво! Наглотавшись вдвоём спирта, с возбуждёнными, красными лицами, с животным выражением в глазах сидит эта публика и с жадностью слушает необыкновенно сальные куплеты, которые ей докладывает со сцены какой-то тощий, черномазый жидок...

Сального жидка сменяет полуголая женщина, за ней другая, третья – целый ряд... На всех языках здесь поётся и докладывается то, что шевелит в человеке дурные страсти, разжигает его похоть...

Это концертное отделение.

Оглянитесь, посмотрите, сколько здесь юношей среди этой публики; молодые, безусые лица, но истомлённые, бледные, с явной печатью порока...

Это завсегдатаи, “обомоновшиеся” молодые люди!

Здесь же масса женщин... Не будем лучше говорить об этих несчастных – я не хочу намеренно сгущать краски...

Третий час ночи.

“Торговля” в полном разгаре... Общая зала с бесконечными столиками – это “Бедлам”!

Тощие звуки дамского оркестра тонут в хаосе звуков – пьяных криков, ругани... В воздухе висит такой букет винного перегара, что трезвый человек может запьянеть от одного этого воздуха...

И здесь опять женщины — они сидят за столами, группами ходят между ними, загораживают вам дорогу в проходах...

Но главная торговля наверху — там кабинеты...

Не буду смущать воображение читателя тем, что делается в этих кабинетах...

Немало здесь прожжено растроченных денег, немало впрыснуто преступных сделок...

Стены этих кабинетов пропитаны позором, развратом и...

Здесь все позволено — давай только денег, больше денег!

И здесь замечаются прямо-таки странные вещи: например, ещё недавно накануне праздников закрыты были все театры — нельзя было наслаждаться облагораживающим душу зрелищем в это время... “Театр” господина Омона всегда открыт...

В церквах ещё не кончилась всенощная, а здесь уже культивируется разврат в полной мере...”

В качестве меры борьбы с гнездом порока автор фельетона предложил по примеру известного рода заведений удалить этот “театр” за пределы города. В ответ Омон выступил с резким опровержением, хотел даже подавать в суд, но до этого как-то не дошло. А год спустя ему пришлось прочесть о себе в прессе такие строки:

*Как Репетилов, он неизлечим, хоть брось!
С приличием, с искусством вечно врозь;
В буфетах — шум, на сцене — сало...
Не будь его — в Москве бы потишало.*

Об особой атмосфере “театра” Омона, о её пагубном воздействии на неокрепшую молодую душу П. Иванов писал в книге “Студенты в Москве”. Герой одного из очерков в поисках радости стал частенько заходить к Омону, познакомился с певичками, научился кутить и в результате, забыв обо всех науках, превратился в простого прожигателя жизни:

“Дело началось с пустяков. Зашёл как-то товарищ и предложил для разнообразия отправиться к Омону. Кстати, у Омона любезно предлагались студентам билеты, оставшиеся непроданными...”

Роскошные женщины со всего света — несравненные красавицы, их ослепительные туалеты, свободные телодвижения очень подействовали на впечатлительного Вознесенского... Он с товарищем остались после представления ужинать в общей зале. Рядом за столиком сидела испанка — la belle Алейта; она два раза метнула в Вознесенского большими, чёрными, искромётными глазами... Нервно вздрагивал венгерский оркестр... Сновали хорошенькие женщины с возбуждёнными лицами, в ярких костюмах; слышался задорный, весёлый смех... Они пили вино... И всё это было так хорошо и увлекательно, что приятели незаметно просидели до 4 часов, то есть до закрытия ресторана [...].

Дома, в меблированных комнатах было так скучно, угрюмые стены давили, лампа горела тускло. А там... ослепительный свет, музыка, женщины...”

В противовес всем этим свидетельствам балерина Н. В. Труханова, начавшая путь в искусство в театре Омона, характеризовала его как место, где в труппе царили патриархальные, семейные нравы. Видимо, Ш. Омон проявлял исключительную отеческую заботу, когда с ходу предложил шестнадцатилетней красавице, только начинавшей артистическую карьеру, контракт на 500 рублей в месяц. А его помощник под тем же душевным порывом представил девушку коллегам как “будущую кабинетную звезду”. Значение этого эпитета юной актрисе и её коллегам лично растолковал владелец театра:

“Мадам и месье, искусством я не интересуюсь. Первое для меня — дисциплина и система, то есть повиновение и порядок. Тут я беспощаден. Я сам им подчиняюсь и служу примером. Я не допущу, чтобы мои служащие были хуже меня самого. Второе: прошу без капризов и предрассудков. Вы начинаете работу в 7 часов вечера. Спектакль кончается в 11 с четвертью вечера. Мой ресторан и кабинеты работают до четырёх часов утра. Напоминаю, что, согласно условиям контракта, дамы не имеют права уходить домой до четырёх часов утра, хотя бы из уборной и не беспокоил. Они обязаны подыматься в ресторан, если они приглашаются моими посетителями, часто

приезжающими очень поздно. Представляю вам мою правую руку – метрдотеля Мюрата. Он-то и будет иметь с вами дело”.

По воспоминаниям Н. В. Трухановой, молва о безнравственности, царившей “у Омошки”, не имела ничего общего с действительностью. А чтобы не встать на скользкий путь за пределами заведения, ей достаточно было строго следовать наставлениям администратора театра Н. В. Морозова:

“Осуждение, позор – это всё условности и чепуха для романов. А на жизнь нужно смотреть проще. Чем страшен наш вертеп? Дурной о нём молвой? Но это и не публичный дом, что бы о нём ни говорили! За так называемой нравственностью или нравами следит полиция и зоркий глаз самого хозяина. В кабинетах на дверях нет задвижек. По коридорам снуют шпики в штатском платье. Всем нам – администраторам, хозяйкам хоров, всему персоналу – приказано строго следить как за поведением артистов, так и за поведением посетителей. Если вы по обязанности и просидите до четырёх часов утра в нашем ресторане, так это не значит, что вас могут обидеть.

Опасность состоит только в пьянстве, потому что можно спиться, а в этом случае такой, как вы, девчонке легко в два счёта и вовсе можно скатиться. Закружат вам голову, начнут соблазнять посулами, а иногда и молодостью да красотой – и крышка!.. А чем это кончается? Озолочением? Свадьбой? Да нет! Это кончается венерическими болезнями, незаконными детьми и позором. Вот она – неприкашенная правда! Вы обязательно должны вбить себе в голову, что ни при каких обстоятельствах, никогда капли алкоголя в рот не возьмёте и что, кто бы за вами ни ухаживал, вы с ним вне театра не увидите. Только тогда вы не пропадёте и станете человеком”.

Благодаря строгому надзору Н. В. Морозова и Мюрата во время любых застолий в бокал Натальи Трухановой официанты наливали только “личное шампанское” – подкрашенный чаем нарзан. Тем не менее, даже ведя трезвый образ жизни, уже через три сезона юная актриса обзавелась роскошными нарядами, а на её афишах появился титул “королева бриллиантов”.

Само же сидение в кабинетах с гостями театра, по воспоминаниям Н. В. Трухановой, представляло собой “...не только пьянство, а бесконечные российские беседы и “жратву”, которая, кстати, была превосходной.

Сам Омон любил поесть и придавал хорошей кухне весьма большое значение.

Гордость Мюрата – приготовление им прямо на глазах посетителей почек, блинчиков и бананов “флямбе” или каких-то остендских устриц “о гратин”.

Вполне возможно, что так оно и было, но наряду с этим свидетельством мемуаристики существует запись рассказа старого опытного официанта, сделанная фольклористом Е. П. Ивановым:

“У Омона Шарля, бывало, распорядитель-француз перед вечером всех, простите, девок, шансонеток соберёт и так скажет: “Девушки, маймазель, сегодня требуйте стерлядь и осетрину от гостей, у нас пять пуд протухло!” Те и требуют. Потеха-с, честное слово, потеха-с!.. Люди хорошие по вечерам съезжались, а девки всё тухлятину спрашивают (по цене-с!), поковыряют её вилочкой и велят со стола убрать. Так мы всякую дрянь продавали у Омошки. Жулик первый был, русских дураков приезжал учить!”

Эту диаметрально противоположность мнений о кухне ресторана при театре Омона вполне можно объяснить тем, что администрация потчевала посетительницей “второй свежести” не всех посетителей подряд. Во всяком случае, из мемуаров Н. В. Трухановой следует, что полицейстер И. Н. Руднев не просто благосклонно относился к театру, а подчёркивал: “Мне бы везде такой порядочек иметь, как у Омона!”

Насколько высокий полицейский чин был бескорыстен в своей оценке, теперь установить практически невозможно, зато хроника городских происшествий однозначно свидетельствует, что скандалы в театре Омона были вовсе не редкостью. Однажды сама Наталья Труханова, “восходящая звезда оперетты”, прямо за кулисами получила несколько оплеух от обиженного ею поклонника. Аналогично оценил талант артистки А. Г. Курочки купец Винокуров: подстерёг её после представления и надавал ей пощёчин. А когда она ответила поклоннику тем же, к ней подскочил некий господин Сахаров и побил её тростью. Характерно, что в полицейском участке Винокуров ещё раз ударил актрису и разорвал на ней лиф, однако она отказалась привлекать обидчиков к ответу.

Зато инженер-механик Михайлов избежать суда не смог. Перед закрытием ресторана у него возник спор с официантом: инженер утверждал, что уже расплатился, а лакей требовал за ужин сорок рублей. Для разбирательства Михайлов был приглашён в контору театра, где по какой-то случайности оказался офицер полиции. В конечном итоге посетитель всё-таки оплатил счёт, но, отстаивая свою правоту, он в запале коснулся пальцем мундира блюстителя порядка. За “оскорбление должностного лица” ему пришлось предстать перед мировым судьей. Единственное, что удалось сделать его адвокату, — это добиться признания от представителя Омона, что и раньше поступали жалобы на официантов: пользуясь опьянением гостей, они вторично требовали деньги за уже уплаченное.

В 1902 году на углу Садовой и Тверской улиц Омон выстроил новое роскошное здание театра. Несмотря на высокие цены (ложа, например, стоила 200 рублей), новое заведение было всегда заполнено публикой. Когда в 1910 году городская Дума планировала приобрести это владение для устройства “Пушкинского городского общедоступного театра”, специальная комиссия отметила после осмотра, что в зрительном зале имеется 1009 мест и 24 ложи. К тому времени Ш. Омона в Москве уже не было. Разорившись, он скрылся от кредиторов за границу, прихватив попутно 150 тысяч рублей чужих денег.

В бывшем “гнезде разврата” так и не удалось устроить просветительное учреждение. После бегства Омона в нём открылся опереточный театр “Буфф”, продолжавший развлекать москвичей представлениями в “кафешантанном” стиле. В 1912 году его владельцем стал И. С. Зон, по профессии содержатель буфета. Он перестроил здание, переименовал заведение в “Театр Зон” и, значительно улучшив эстрадную программу, превратил его в место, где собирались “сливки” московского общества. Только после Октябрьского переворота это здание было занято театром, которым руководил “комиссар театрального отдела Наркомпроса” В. Э. Мейерхольд. После проведённой в 1930-е годы реконструкции в нём располагается Концертный зал им. П. И. Чайковского.

Ещё одним популярным местом развлечений, конкурентом Омона, был театр-варьете “Максим” на Б. Дмитровке (сейчас в этом здании расположен музыкальный театр им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко). Об этом заведении, которое его владельцы почему-то упорно называли “семейным”, упомянул в воспоминаниях И. И. Шнейдер:

“У “Максима” танцевали на светящемся полу танго; лежа на низких диванах в таинственном полумраке “восточной комнаты”, курили египетские папиросы и манильские сигары, наблюдая сытыми глазами за голыми животами баядерок, извивавшихся на ковре в “танце живота”; прихлебывали кофе по-турецки с ликёром “Бенедиктин” — изделием французских монахов. На пузатых бутылках желтели этикетки, на которых отцы-бенедиктинцы не убоились воздвигнуть крест вместо торговой марки...”

Достопримечательностью заведения был директор-распорядитель негр Томас, “сверкавший белыми зубами и большим бриллиантом на пальце”. Несмотря на явное родство с тёзкой — таким же парижским варьете, в 1913 году в “Максима” публике предлагали и “последние новости из Нью-Йорка” — “8 американских красавиц “Regtimes””.

УВЕСЕЛИТЕЛЬНЫЕ САДЫ

*Загадлит народное гулянье,
Фонари грошовые на нитках,
И на бедной, выбитой поляне
Умирать начнут кларнет и скрипка.*

Б. Ю. Поплавский

Другим наследством, доставшимся Москве от Шарля Омона, был сад “Аквариум”, находившийся там же, на Садовой улице, и носивший прежде название “Чикаго”. Омон произвёл его перепланировку, в саду были разбиты цветники, устроены тиры и кегельбаны, открыты ресторации. Электрические фонари, установленные на специальной башне высотой около 40 м, заливали светом всю территорию увеселительного заведения. По парижскому образцу

был возведён зал “Олимпия”, вмещавший 1200 зрителей (теперь на его месте находится здание театра им. Моссовета). В 1902 году он послужил местом проведения бенефиса Ш. Омона, посвящённого двенадцатой годовщине его антрепренёрского служения. Пресса сообщала, что под овации Омон был увенчан несколькими лавровыми венками и получил в качестве подношений много изделий из золота, бриллианты, несколько серебряных сервизов и другие подарки.

Сады как места общественного увеселения появились в Москве во второй половине XIX века. Их организаторы, называвшиеся тогда “содержателями”, брали в аренду городские дворянские усадьбы с парками и за небольшую входную плату предлагали публике разного рода развлечения, от выступлений оркестров и цирковых артистов до демонстрации полётов воздушных шаров.

“Садовое воздухоплавание” было занятием далеко не безопасным. В “Аквариуме” однажды при подготовке шара к полётам привязной трос, и “баллон-кантив” взмыл в небо. Руководитель аттракциона Ю. М. Древницкий, цеплявшийся за канат, воспользовался парашютом, а рабочему, оставшемуся в корзине, пришлось открыть клапаны для выпуска газа. Шар удачно приземлился на Миусской площади, а вот невольного аэронавта нашли лежащим без сознания. Он отравился светильным газом, которым была наполнена оболочка шара. Хорошо ещё, что рядом не оказалось курильщика с зажжённой папиросой, а то не миновать бы взрыва.

Одним из главных развлечений, предлагавшихся публике владельцами садов, была оперетта. Огромной популярностью среди москвичей пользовались спектакли этого жанра в саду “Эрмитаж”, содержанием которого был М. В. Лентовский (очерк о нём можно прочесть в записках В. А. Гиляровского “Москва и москвичи”).

После разорения Лентовского его бывший сотрудник Я. В. Щукин открыл в Каретном ряду сад “Новый Эрмитаж”. Работая не покладая рук — ему самому приходилось быть плотником, водопроводчиком и садовником, — хозяин сада за три года превратил замусоренный пустырь (для вывоза сора потребовалось 50 тысяч возов) в популярнейшее место развлечений.

“Щукин страстно любил этот сад, — писал в своих мемуарах актер Н. Ф. Монахов. — Надо ему отдать справедливость, он делал всё для того, чтобы этот сад производил впечатление благоустроенного. Дорожки в саду были бетонированы, для полива сада был проведён водопровод, в нескольких местах сделаны краны. Лестницы, необходимые для стрижки высоких деревьев, он приобретал за границей. Оттуда же выписывались семена всевозможных редких цветов. Щукин прощал своим служащим многое, но никому бы не простил попытку обезобразить его детище — растоптать клумбу, сорвать цветок или насорить в саду. Он совершенно нетерпимо относился ко всякому артисту, который, сидя в саду в ожидании репетиции, чертил на песке дорожки тросточкой или зонтиком. Этим его можно было довести, что называется, до белого каления. А находился он в своём саду чуть не с семи часов утра ежедневно, следя за тем, как садовники подстригали, подвязывали деревья и кусты, сажали цветы”.

О готовности Щукина ревностно защищать свой сад даже в ущерб финансовым интересам свидетельствует такой случай, рассказанный Н. Ф. Монаховым:

“В театре “Эрмитаж” должна была выступить в двух концертах после спектакля балерина Т. П. Карсавина. На назначенную репетицию она пришла значительно раньше. Войдя в сад, она села на скамеечку, сняла шляпку и, сидя на солнце, вычерчивала зонтиком какие-то линии на песке площадки. Вдруг к ней подходит человек в несуразной чесучовой куртке и в чёрном котелке и говорит:

— Это ты, милочка, что делаешь?

Щукин обращался ко всем на “ты”. Карсавина посмотрела на него с удивлением.

— Ничего особенного не делаю. Жду репетиции, — отвечала она, продолжая чертить на песке.

— Репетиция, милочка, репетицией, а порядок в саду порядком. Я, милочка, не люблю, чтобы в саду нарушали порядок.

— А мне, в сущности, наплевать, что вы любите или не любите. Я никакого порядка не нарушаю.

— Милочка, я прошу вас уйти из сада.
— Я с удовольствием ушла бы, да у меня тут репетиция... И вообще, оставьте меня в покое, у меня нет никакого желания разговаривать с вами.

Карсавина не знала, кто её собеседник.

— В таком случае, милочка, я попрошу вас вывести. — Эти слова, видимо, взбесили её.

— Попробуйте! — воскликнула она, протянула руку назад к клумбе и сорвала цветок.

Этот сорванный цветок переполнил чашу терпения Щукина. Совершенно рассвирепев, он заорал на весь сад:

— Управляющего!..

Когда управляющий явился, он приказал ему сию же минуту вывести “эту женщину” из сада и больше никогда не впускать. Когда ему указали, что это балерина Карсавина, приглашённая на два концерта, и что, если её вывести, ей всё же придётся заплатить за концерты, он воскликнул:

— Чёрт с ней, заплатите, но чтобы она больше никогда не появлялась в моём саду, раз она не умеет себя вести. Я не хочу видеть её и на сцене. Чёрт с ней и с её искусством!

Карсавиной заплатили, а концерты отменили...”

В “Эрмитаже” в 1896 году прошёл первый в Москве киносеанс. Два года спустя там же состоялось официальное открытие Художественного общедоступного театра под руководством К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко.

Однако драматическое искусство в увеселительных садах было явлением временным.

Основную часть представлений, демонстрировавшихся в “садовых” театрах, составляли оперетки и фарсы с каким-нибудь завлекающим названием, вроде “Пупсика” или “Принцессы долларов”. И. И. Шнейдер вспоминал, что однажды ему пришлось писать фарсовое обозрение “на злобы дня”, в котором освещались новые достижения городской Думы в благоустройстве Москвы — разбивка розариума и устройство общественных туалетов:

“Должно быть, язвительная тень Салтыкова-Щедрина натолкнула организаторов на мысль объединить эти душистые мероприятия, потому что два входа в подземные ватерклозеты возвысились среди расцветших роз, подавляя их аромат совсем иным запахом. [...] Второй акт шёл под сплошным дождём, с зонтиками в руках персонажей обозрения, так как действие происходило в только что построенных первых тоннелях Курского вокзала, пропускавших сплошные потоки подпочвенных вод”.

В саду “Эрмитаж” в 1910 году москвичи впервые познакомились с такой диковиной, как женская борьба. В стихотворном фельетоне этот “международный чемпионат с призом в 500 рублей” получил, в частности, такую характеристику:

*Ну, нет! И женская борьба
Имеет шансы кой-какие...
Конечно, женщина — слаба;
Её приемы боевые
Сравнить с мужскими нелегко —
Нет величавости в картине...
Зато атласное трико
Идёт к ней больше,
Чем к мужчине.*

А вот схватки мужчин-борцов в то время можно было наблюдать... в Зоологическом саду. Не подумайте, что “Международный чемпионат по французской борьбе” проходил в клетках со зверями — для развлечения публики на территории Зоосада имелось здание театра. В нём в течение всего лета под рукоплескание зрителей сходились на ковре “великан серб Савва Райкович” и “ярославец Переяславцев”, сражались “дикий испанец Хуан Альварец” и “татарский князь Сандаров”, а голландец Ван-дер-Берг “приёмом “обратный пояс” укладывал на лопатки еврейского чемпиона Мойшу Слуцкого”.

Заодно отметим, что с таким “бойцовым” зрелищем, как бокс, москвичи впервые познакомились в январе 1914 года во “Дворце спорта”, располагав-

шемся на Земляном валу. “Несмотря на трескучий мороз и дальнейшее расстояние, — сообщал автор заметки “Легализованное мордобитие”, — любителей английского бокса в скейтинг-ринге (к числу модных развлечений “золотой молодёжи” того времени относилось катание на роликовых коньках на арене “Дворца спорта”. — Авт.) собралось порядочно. К 12 часам все столики во “Дворце спорта” вокруг “арены” заняты.

Перед началом матча какой-то молодой человек долго и невнятно объясняет публике сущность правильных и неправильных приёмов. Наконец, начинаются поединки.

Зрители режут от удовольствия. Очевидно, дух кулачных бойцов ещё живёт в москвичах. Во время схватки слышатся горячие советы, за бойцов держат пари. [...]

Три звёздочки не явились, как объяснил директор, и хорошо сделали: всё-таки меньше было бы этого дикого зрелища”.

Возвращаясь в Зоологический сад, отметим, что в зимнее время в нём, кроме катка, публике предлагали такое развлечение, как “живая этнография” — демонстрация представителей народов Севера. Нанятые антрепренёрами, они прибывали в Москву сразу несколькими семействами, со всем скарбом и оленями, ставили на территории Зоосада свои чумы, катали желеющих на нартах. Иногда Первопрестольная была для них лишь промежуточным пунктом перед поездкой в Европу, например, на Всемирную выставку в Париж.

В 1914 году в Зоологическом саду гастролировали “самоеды” (ненцы) и “зыряне” (коми). Встреча с ними осталась в памяти Наталии Гершензон:

“В одно из наших посещений мы увидели там на свободной площадке большую юрту самоедов (теперь — ненцы). В ней помещалась семья — отец, мать и дети. Я всё сразу поняла и оценила, как следует. Никогда не забуду злобных и мрачных лиц этих людей”.

Что же касается общего состояния Зоологического сада как места отдыха, то летом москвичи были от него далеко не в восторге:

“Грустное зрелище представляет в жаркий летний день наш Зоологический сад. Казалось бы, громадный пруд, масса зелени могли бы дать обывателю возможность перевести дух после раскалённой атмосферы улиц. Увы, от давно не чищенного пруда несёт тяжёлым, затхлым дыханием болота. Прохлады от зелени почти не чувствуется из-за чисто уличных запахов от раскалённых железа и камней, от отбросов животных, от множества мусорных куч.

Горькое чувство вызывает эта картина запустения по сравнению с зоологическими садами Берлина и Парижа. Там они бесплатно и поучительное место гуляния. Много зелени, прекрасные газоны, цветники. У нас же за довольно высокую входную плату публике предоставляется глотать пыль, дышать болотом и обозреть чуть не наполовину пустые клетки животных.

За последнее время сад обогатился серьёзным научным учреждением. Но администрации сада за специальными задачами не следовало бы забывать о прямом назначении последнего — популяризации природоведения в области животного царства. А теперь сад постепенно застраивается и научными, и ресторанными зданиями. Негде погулять и нечего посмотреть, если не считать вечерних развлечений, ничего общего с природоведением не имеющих”.

К этому стоит добавить, что Зоосад особенно пришёл в упадок в период 1903 — марта 1904 годов, когда его арендатором был антрепренёр И. А. Антушевич. Он широко практиковал неплатёж жалованья артистам, оркестру, а затем дело дошло и до служителей. При нём, как отмечал современник, “живой инвентарь сада стал уменьшаться, корм животным стал даваться не в должном количестве и несвоевременно, ремонта совсем не производилось”.

Известный учёный профессор Н. Ю. Зограф выступил в защиту Зоологического сада. В опубликованном в газетах письме он доказывал, что Общество акклиматизации животных и растений, которому принадлежит Зоосад, делает всё, что может, для поддержания его в порядке. Например, большая аллея с дорожками от входа до театра “вся обсажена и обстроена вновь”.

“Несчастный пруд сада, — пояснял профессор, — пахнет тинной, благодаря небывалым жарам в мае. Управление сада хотело его очистить, но за это требуют 80 000 рублей! Да и в пользу ли дела пойдёт эта очистка? Пруд служит стоком нечистот со всего околотка в дождливое время; те два-три ключа, которые текут в него, имеют воду столь чистую, что довольно прибавления

самого малого количества азотнокислого серебра, чтобы обнаружить громадные количества органических примесей; речка Синичка, протекающая по трубе в саду, зовётся, благодаря её благоуханию, местным населением именем, неудобным в печати. Она течёт откуда-то издалека, и по ней временами приплывают, особенно во времена бегов и скачек, целые массы отбросов, особенно заметных по громадному количеству винных и пивных пробок”.

Именно из-за недостатка денег, отмечал Зограф, в театре Зоологического сада идут пьесы лёгкого жанра и проводится борьба. Пробовали от этого отказаться и обойтись одним оркестром – публика переставала ходить. Что же касается субсидий от правительства, то “они даются в десять раз меньше, чем требуются садом, и от городского управления – в сто раз меньшие! Да и то не всегда”.

Некорректно, по мнению профессора, и сравнение московского зоосада с заграничными. Так, берлинский, прежде всего, живёт за счёт доходов с трёхмиллиардного акционерного капитала, не считая принадлежавших ему облигаций. “В берлинском купечестве, – подчёркивал Николай Юрьевич, – быть акционером зоологического сада – значит быть почётным лицом, меценатом, который не боится не получить процентов или получить 1,3% вместо пяти на свои деньги. В Париже Jardin d’Acclimatation умирает, превратившись в *safe-chantant*, Jardin des Plantes – сад казённый, и теперешние деятели акклиматизационного общества собирают капитал в 2 000 000 франков для образования нового сада в Версале, но сада бесплатного. “Сделайте его платным, – говорил мне профессор Луазель, – и вы получите у нас кафе-шантан”.

Конечно же, большинство москвичей совсем не собирались вникать в такие тонкости – сады их интересовали как места приятного времяпрепровождения. Вот как в описании современника выглядело посещение москвичом увеселительного сада в начале XX века:

“Миновав кассу, где ему оставлено кресло, московский прожигатель жизни бодро идёт по дорожкам сада, и лицо его расплывается в улыбку при встрече со знакомыми. Быстрое пожатие руки, обмен несколькими фразами, последние городские сплетни и новая прощальная улыбка.

Толпа двигается по кругу, нарядная, весёлая, изобилующая массой интересных женских лиц, которых и не встретишь днём на улицах. Модные плоские шляпки, из-под которых горят задорно глазки, изящные накидки, разноцветные платья – всё это останавливает на себе внимание, но времени терять нельзя, потому что звонок призывает в зал. Там, на сцене, ярко залитой электрическим светом, звучит весёлая, чуть-чуть фривольная, балансирующая между дозволенным и запрещённым шансонетка, бойким темпом идёт фарс или оперетка. Смех перебегает в толпе и иногда раздражается целыми бурями, заглушаемыми взрывом аплодисментов.

– Браво! Бис! – кричат из первых рядов какой-нибудь приезжей знаменитости.

– Восторг, как она удивительно передаёт!

– Просто прелесть, так тонко, изящно!

– Шансонетка, господа, – философствует какой-то господин, – имеет громадное общественное значение. Это факт!

– Ну, пошёл! Какое это значение?

– В наше время усталости и переутомления она подвинчивает нервы...

– Бог с ними, с нервами, а вот не отужинать ли нам после второго отделения?

Пужинать все, конечно, согласны, но когда обсуждается вопрос где, то здесь голоса разделяются. Одни предпочитают совершить это здесь, в саду, за маленькими столиками, на свежем воздухе...

– Всё-таки не ехать никуда, – говорят они, – а то за город далеко, засидишься!...

– Полноте! – смеются им в ответ. – Так вы здесь и кончите – всё равно не выдержите!

– А пожалуй что!

И через час-другой, когда второе отделение закончилось под общий гомон и шум оркестра, за город несутся лихачи и пары. Мелькает прямая, как стрела, Тверская-Ямская с величавой Триумфальной аркой и красивым зданием Смоленского вокзала, перелетает экипаж через рельсы соединительных путей и несётся по шоссе. На горизонте ярким заревом горит “Яр”.

Но прежде чем отправиться следом за нашими героями, заглянем напоследок в ещё один московский сад. Он не удостоился упоминания в энциклопедиях, поскольку не снискал славы “Аквариума” или “Эрмитажа”. Газетный репортёр так и написал о нем: “Очень немногие имеют понятие, что представляет собой пресловутый Потешный сад”. Тем не менее, он тоже был частью былой московской жизни, и, думаем, для полноты её картины стоит привести описание и этого места отдыха от повседневных забот:

“Плата за вход довольно низкая – 35 копеек, тем более что за эти 35 копеек “развлечений” хоть отбавляй: и полуоткрытый театр, в котором идут драмы вроде “Мирры Эрос”, “Падших” и даже “Кривого зеркала”, и открытая сцена с куплетистами и хором, танцы и даже бильярды. По-видимому, это последнее “развлечение” является немаловажным плюсом Потешного сада, так как плакатами с надписью крупными буквами: “Есть бильярды – игра до 3 1/2 час. ночи” пестрят стены буфета и вообще все стены, имеющиеся в наличии.

Иду в бильярдную... Там полно, но... оба бильярда не у дел: публика толпится в одном углу. Разгоряченные лица, блестящие глаза – атмосфера клубов с “железкой” или бегов, когда “режутся по прямой”... В этом “райском” уголке приютился китайский бильярд. Покатая доска с номерами и насаженными на доски булавами. Маленьким кием пускают шарик, который начинает скакать от одной булавы к другой. Смею уверить, что шаловливый шарик, прыгающий между булавами к своему номеру, волнует нервы ничуть не меньше шарика рулетки. Если играют 8 человек, то в пользу маркера отчисляется за каждую партию, – которая, к слову сказать, продолжается не более 5–7 минут, – 15 коп., если больше – 20 коп. Завязываются пари, причём ставка от 10 коп. до 3 руб. Приходится слышать фразы: “Я проиграл 13 руб.”. “А я – 15” и т. д. [...]

Публика Потешного сада состоит из мелких приказчиков, ремесленников, а главным образом – рабочих железнодорожных мастерских, так как сад расположен близ Курского вокзала. И этот-то народ проигрывает свой недельный заработок. К этому безразлично относиться невозможно. Средние и высшие классы стараются оградить от азарта, а среди низших классов он свивает гнездо, по-видимому, совершенно открыто”.

(Продолжение следует)

АНДРЕЙ ФУРСОВ

МАЛЫЙ РУССКИЙ ОТВЕТ НА СЕМЬ БЕД

(о 23-летию создания фонда “Возрождение Тобольска”)

27 февраля 2017 года исполнилось 23 года общественному благотворительному фонду “Возрождение Тобольска”. Дата не круглая, но разве обязательно ждать крупной даты, чтобы сказать добрые слова о добрых делах и о тех, кто их совершает?

Фонд был создан в разгар очередного русского лихолетья, через год после второго ельцинского переворота – свержения советской власти в октябре 1993 года (первым был Беловежский сговор), в год начала чеченской авантюры, за два года до сфальсифицированных президентских выборов, после которых из-за спины “работающего с документами” Ельцина в стране начало верховодить воруё, известное как семибанкирщина. На Россию в 1990-е годы обрушились “семь бед”: хитрозадый алкоголик в Кремле, еврейские олигархи, западная агентура влияния, гэбэшные оборотни (из кураторов своих стукачей превратившиеся в их оберохранников), экономический погромоупадок, депопуляция, падение нравственности. Большим русским ответом было бы вымести всю эту нечисть, но – не случилось. Это, однако, не означает малого ответа, а он прост: возделывать свой сад несмотря ни на что, вопреки всему – быть вопрекистами, противостоять распаду и гнили, хранить историческую память, активно не принимать чужого культурно-исторического кода, ведь Воланд цепляет только тех, кто с гнильцой. Иными словами, работать в режиме активного выжидания, подготавливая объединение малых ответов в Большой ответ эволюционным путём. То есть упорно и методично работать на возрождение Отчизны.

В тёмный час 1990-х в Тобольске был создан и начал работать фонд “Возрождение Тобольска”. На тот момент, когда слово “патриот” стало едва ли не ругательным, когда в разгаре было фарсово-мерзкое издание низкопоклонства перед Западом, когда стоять за державу было “против течения”, собралась команда под водительством Аркадия Григорьевича Елфимова и попёрла *против течения*, словно воплощая в реальности призыв замечательного русского поэта Алексея Константиновича Толстого: “Правда всё та же! Средь мрака ненастного // Верьте чудесной звезде вдохновения, // Дружно гребите, во имя прекрасного, // Против течения!”.

На фоне разорения страны – возрождение одного, отдельно взятого города? Возможно ли это? Не Сизифов ли труд?

Жизнь показала: возможно, не Сизифов.

Кроме того, за, казалось бы, географически ограниченным названием скрывался масштаб, выходящий за рамки славного города, построенного там, где Ермак разбил Кучумово воинство (кстати, неподалёку от этого места инициатор создания фонда А. Г. Елфимов разбил Ботанический сад “Ермаково поле”, в котором органично переплелись наша природа и наша культура).

Этот масштаб – Сибирь. “Тобольск и вся Сибирь” – так был назван историко-культурный художественно-просветительский альманах. Он стал одним из главных, если не самым главным издательским проектом фонда, среди авторов которого более тысячи человек: учёных, писателей, поэтов, журналистов, экспертов – поразительный сгусток интеллектуальной и социальной энергии. И опять же реальный масштаб оказался шире сибирского – Урал и Дальний Восток тоже попали в “створ” деятельности фонда.

Книги альманаха не только воссоздают панораму истории и культуры городов Сибири (Тобольск, Томск, Красноярск, Якутск и др.), её рек (Обь), но и затрагивают героические страницы истории нашей большей Родины – СССР. Так, целый двухтомник “Победа над Японией” посвящён финалу Великой Отечественной войны. Издано три десятка книг, в планах – пять десятков.

У фонда – не один издательский проект, есть и ещё. В частности, это Библиотека альманаха “Тобольск и вся Сибирь”. В ней изданы работы нашего выдающегося и многогранного соотечественника В. К. Арсеньева, историка и этнографа С. Н. Маркова, тобольского поэта XIX века Е. Л. Милькеева, писателей А. Сорокина, Б. Василевского, С. Заплавного, М. Трофимова и – особая статья – В. Распутина.

Как историк специально хочу отметить шикарно переизданный “Атлас иррегулярных казачьих войск” нашего выдающегося соотечественника Семёна Ульяновича Ремезова – летописца, зодчего, русского человека многих талантов.

О том, насколько насыщенной является деятельность фонда, свидетельствует, в частности, 2016 год. В 2016 году увидели свет альбомы “Любинский проспект” и “Сибирский лад”, в серии Библиотеки альманаха “Тобольск и вся Сибирь” вышел сборник “Поэзия Белой столицы”. Стихи поэтов Омска 1918–1919 годов (главный редактор – замечательный поэт Ю. М. Перминов). Под редакцией того же Ю. М. Перминова вышли две новые книги об Омске.

Особое место в деятельности фонда занимает учреждённая фондом совместно с администрацией Тобольска общероссийская премия имени Фёдора Филипповича Конохова – всемирно известного русского подвижника во многих ипостасях: путешественник, писатель, педагог. У премии – несколько номинаций, охватывающих столь различные области, как литература, общественная деятельность, история и многое другое. Однако у всех номинаций есть нечто общее – служение России.

Именно этим – служением России – занимается человек, который тащит на своих плечах большую, очень большую часть работы фонда – Аркадий Григорьевич Елфимов. По роду своей деятельности Аркадий Григорьевич – предприниматель. По сути – государственный человек России, русский патриот-державник. В то время как иные вкладывают заработанные средства в покупку недвижимости за границей, яхт и иных предметов престижного потребления “как-там-у-них-в-европах-с-америками”, Елфимов вложился в родную страну, её культуру и историю. В этом плане фонд и А. Г. Елфимов, в частности, – укор тем, для кого Родина там, где комфортно, где банки, в которых лежат “бабки”. Иными словами, тем, для кого Россия – *немытая*, тем, кто испытывает “комплекс Остапа Бендера” с его мечтой о Рио-де-Жанейро и белых штанах. Есть у этих персонажей большой шанс и закончить, как Остап Бендер на румынской границе, но это – не наша проблема. Нам Россию поднимать, чем и занимается фонд “Возрождение Тобольска”.

Решая государственные по своей сути задачи, – что может быть государственным возрождения земли русской? – тобольский фонд ни копейки не взял у западных фондов, да и государство не теребил просьбами. Самостояние фонда обеспечивалось самим Елфимовым и его соратниками – теми людьми, которых он собрал в фонде и вокруг него и которым, как и ему, “за державу обидно”.

Люди фонда демонстрируют подлинно русскую манеру работы и поведения – основательного, спокойного, с достоинством, без криков, кривляния и саморекламы делания Дела, продуманного и очень конкретного. Есть такое Дело – Отечество возрождать. Наше Отечество возрождалось не раз: и после Смуты начала XVII века, и после петровского лихолетья, и после революции и гражданской войны, и после Великой Отечественной. Вот и сегодня, после горбачёвщины и ельцинщины, стоит такая задача. И пока на Руси есть такие суровые, упёртые (в лучшем смысле этого слова) мужики, как Аркадий Елфимов со товарищи, возрождение состоится. Ну, а фонду “Возрождение Тобольска” и его создателям – низкий поклон и многая лета.

этими работами вызванных. Великолепное владение материалом придаёт статьям Павлова убедительность.

Отдельно отмечу полемический дар. Статьи Павлова о друзьях и врагах, а их немало (из той же книги – Бенедикт Сарнов, Дмитрий Быков, Вячеслав Пьецух) – не академически бесстрастные исследования. Это всегда спор – и в апологии и в инвективе.

Не позавидуешь тем, кто попал под бритву темпераментного разбора. Зато на помощь Павлова можно положиться. Говорю это не как сторонний наблюдатель. Не раз Юрий Михайлович вступался за меня, в пух и прах разбивая завистливых обвинителей. И не держал паузу (какая польза от запоздалой защиты?), а спешил на выручку.

Критик, да ещё с полемическим огнём, сегодня явление редкое. Одного этого достаточно, чтобы воздать должное юбиляру. Но Павлов не только критик. Он – наставник. Учитель. Среди его учеников профессора московских вузов Елена Коломийцева, Ирина Гречаник, доценты Армавирского педуниверситета Николай Крижановский и Дмитрий Ковальчук, доцент Кубанского университета Маргарита Синкевич. За каждым уже свои ученики. Так складывается *школа Павлова*.

Не академическая, совсем нет. Юрий Михайлович не просто даёт ученикам знание, расширяет кругозор. Он вдохновляет на деятельное служение литературе. Об этом благодушно вспоминала Елена Коломийцева в статье “Настоящий учитель” (“Наш современник” № 7, 2012): “Юрий Михайлович научил нас думать, чувствовать, никогда не мыслить штампами... <Он> один из тех, кто своим существованием заставляет подтянуться, вдуматься, развиваться, соответствовать”.

Среди учеников Юрия Павлова не только молодые профессора, но и юные критики. Он воспитывает в студентах навыки умного чтения, побуждает дополнять анализ текста размышлениями о судьбе его автора, раскрывать место писателя в литературном процессе. Лучшие работы своих воспитанников профессор рекомендует в столичные издания. Наверняка многие читали статьи Ирины Шейко в “Нашем современнике” и в “Литературной газете”, Кристины Новосёловой в “Дне литературы”, Анастасии Хоптинской в “Нашем современнике” и в электронном журнале “Парус”, который редактирует Ирина Гречаник.

Аналитическое мастерство, умение ясно обозначить свою позицию, защитить её в споре питомцы Павлова оттачивают на научно-практических конференциях. Вообще-то вузовские конференции – дело обычное, если не сказать рутинное. Не то у Павлова. В Армавире, где он возглавлял кафедру, Юрий Михайлович провёл десять конференций. В Краснодаре, куда переехал недавно, три. В этих масштабных, до деталей продуманных и блестяще организованных форумах в полной мере раскрылся талант Павлова – и как критика, и как просветителя, и как блестящего организатора.

Нельзя сказать, что Павлов тащит воз в одиночку. Такую махину силами одного человека не сдвинуть. Помогают. Помогают. И ученики – бывшие и нынешние. Но характерно: уехал Юрий Михайлович из Армавира – и конференций там больше не проводят. Утвердился в Краснодаре – а с ним и конференции. Так на Руси повелось: всё держится на энергии подвижника!

Чем же интересны павловские конференции? Они “именные” – посвящены авторам, в чьих произведениях, по мнению Юрия Михайловича, наиболее полно выразилась русская мысль – Вадиму Кожинуву (Армавирская) и Юрию Селезнёву (Краснодарская).

Конференции отличает поразительная свобода в выборе тем и жанров выступлений. Никакой зарегулированности, столь часто наводящей скуку на участников научных бдений.

Павлов приглашает не только филологов, но и писателей, что оживляет дискуссию, придаёт им художественную глубину. К нему приезжали Владимир Личутин, Леонид Бородин, Юрий Козлов, Вера Галактионова, Лидия Сычёва, Владимир Бондаренко, Сергей Куняев, литературоведы Сергей Небольсин, Юрий Архипов, слависты из Японии, Китая. Постоянный гость – кубанский классик Виктор Лихоносов.

Изюминка, отличающая павловские конференции, – участие молодых писателей. Захар Прилепин, Сергей Шаргунов, Роман Сенчин, Платон Беседин, Андрей Тимофеев, Елена Тулушева побывали на Кубани задолго до того, как о них заговорила критика.

И это не список разрозненных имён. Показательно мнение молодого московского писателя Андрея Тимофеева: “Всякий раз, когда участники конференции собирались вместе, на самом ли заседании в актовом зале, за щедрым кубанским столом или во время совместной поездки на море и в горы, меня поражало удивительное единение всех перед лицом русской идеи. Несмотря на жаркие споры, здесь действительно собрались единомышленники – и писатели, и критики, и преподаватели факультета журналистики КубГУ. “Мы здесь все люди православные...” – как-то даже без особого акцента, как о само собой разумеющемся, сказал кто-то за столом”.

Андрей Тимофеев делает неожиданный, но внутренне логичный вывод: “...Если бы в каждом городе России был такой университет и такой факультет, может, была бы у нас уже другая страна – и выросло бы вскоре то новое поколение русских людей, любящих Россию “и в целостности её истории, и в её современном состоянии”, чувствующих неразрывную связь с великой русской литературой, полагающих основание своей жизни в служении Богу и родине”.

Убеждённость в том, что Россия была бы другой, если бы в каждом городе был университет, подобный Кубанскому, – высшая похвала подвижнической деятельности Ю. М. Павлова.

P.S. В начале нынешнего года Юрий Михайлович стал главным редактором журнала “Родная Кубань”. Несколько месяцев – слишком короткий срок, чтобы судить о деятельности Павлова-редактора. Но те, кто видел первые номера, им подготовленные, не мог не заметить разительные перемены и в оформлении издания и в его содержании. Прекрасный журнал, посвящённый кубанской истории, разворачивается к современности, не утрачивая связи с поистине родной стариной.

От души желаю Юрию Михайловичу успеха и на редакторском поприще!

---

*Сердечно поздравляем нашего давнего друга и автора
со славным 60-летием!*

Редакция

АЛЕКСАНДР БЕЛОНЕНКО

директор Свиридовского института

ШОСТАКОВИЧ И СВИРИДОВ: К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

1

Дискуссии по поэме “Страна отцов” Свиридова в конце 1953 года и Десятой симфонии Шостаковича в марте-апреле 1954 года были лишь авангардными боями между представителями “формалистического” и “реалистического” направлений в советской музыке. Считается, что в 1954 году Шостакович выиграл тур сражения и победа была за ним. Соответственно своему настроению, как, впрочем, и общему умонастроению, Шостакович пишет “Праздничную увертюру”, исполненную 6 ноября 1954 года. Летом он пишет “Пять романсов” на слова Е. Долматовского, автора, с которым Шостакович долгое время сотрудничал, начиная с работы над ораторией “Песнь о лесах” и заканчивая циклом хоровых баллад “Верность” (1970).

“Праздничная увертюра” — сочинение, что называется, “по случаю”, к очередному юбилею Октября. Тем не менее, в ней Шостакович всё же отразил театрально-торжественно смену общественных умонастроений. Это уже далеко от отчаяния и страха, торжества Зла, как в Десятой, — всё же в обществе ожидалась перемена к лучшему, были надежды, что на смену горю и бедствиям придёт “праздник жизни”. Безоблачное, какое-то даже беззаботное настроение царит в романсах на слова Долматовского. Это настроение появилось и в обществе. Какой-то лучик надежды вдруг блеснул, люди стали отходить от стужи конца сталинского режима. Забегая немного вперед, констатирую, что это настроение надежды, чаяние перемен отразил в это же время и Свиридов в своём бёрнсовском цикле (1955).

И всё же Десятая симфония оставалась в центре внимания музыкальной общественности на протяжении всего 1954 года. Симфония, её исполнение и дискуссия о ней разделили общество на противоположные лагеря. И этому не помешал, а быть может, даже и способствовал тот факт, что после исполнения Десятой в Большом зале Московской консерватории (БЗК) 28 декабря 1953 года министр культуры СССР П. Пономаренко лично поздравил композитора. Это тот самый Пономаренко, который изгнал из Большого театра Н. С. Голованова, после чего великий дирижёр вскорости скончался в августе 1953 года¹.

Без преувеличения можно сказать, что Десятая симфония Шостаковича стала “лейт-темой” журнала “Советская музыка” 1954 года. Уже начиная с его

* Продолжение. Начало в № 1, 5, 6 за 2016 год.

первого номера, журнал подавал в определённой пропорции разноречивые мнения о ней. В первом номере, в самом конце, в разделе “В Союзе композиторов” появилось краткая информация: “Состоялось прослушивание и обсуждение Десятой симфонии Д. Шостаковича. Исполнители: М. Вайнберг и автор”². И потом из номера в номер печатались материалы, связанные с дискуссией в Союзе по поводу этого сочинения. В третьем номере в разделе “Трибуна” был дан зачин статьёй А. Хачатуряна “Десятая симфония Д. Шостаковича”. Статья была написана по случаю московской премьеры симфонии, но она вышла в преддверии широко разрекламированной дискуссии в Союзе композиторов. Арам Ильич, прекрасно понимая ситуацию, сложившуюся вокруг этого сочинения, не стал обострять её. Он отвесил реверанс в адрес “Постановления” 1948 года и даже счёл возможным употребить дежурную фразу, что “Д. Д. Шостакович глубоко воспринял мудрые указания партии”³. Не забыл упомянуть, что это сочинение вызывает разные противоречивые суждения, но призвал: “Будем спорить!” И всё же сумел сказать главное: “Десятая симфония Д. Шостаковича, с моей точки зрения, – новый шаг к утверждению высоких принципов реализма в советском симфоническом творчестве”⁴. Не забыл в конце статьи воздать должное исполнителям – оркестру Ленинградской филармонии и Е. А. Мравинскому.

Вслед за статьёй А. Хачатуряна шла статья одного из главных критиков Шостаковича П. Апостолова. Пётр Иванович Апостолов – чистой воды служака, военный дирижёр, добровольцем ушёл на фронт, после войны возглавлял Инспекцию оркестров Московского военного округа, работал в Главном политическом управлении, а с 1949 года работал в аппарате ЦК партии. Музыкальные вкусы у него были, что называется, консервативные, но всё же музыкантское начало у него превосходило чиновничье. Приходится об этом упомянуть, потому что наше музыковедение сделало из Апостолова некую инфернальную фигуру, злого недоброжелателя Шостаковича. Да и сам Шостакович относился к музыканту критически.

Статья П. Апостолова называлась “К вопросу о воплощении отрицательного образа в музыке (Критический этюд)”. В ней речь шла не только о Десятой симфонии. Апостолов начал с упоминания спора, разгоревшегося после премьеры вокруг образа Николая Первого в опере “Декабристы” Ю. Шапорина, и лишь затем коснулся Десятой. Без резкого осуждения, вполне мягко.

Надо сказать, что проблема воплощения зла в музыке Шостаковича занимала многих – и критиков, и апологетов Шостаковича, – вызывая разные интерпретации, от сугубо музыкально-теоретических, как у видного теоретика Л. Мазеля, и вплоть до религиозно-философских, как, например, у И. Шафаревича⁵. В конце своей жизни этой теме коснётся и Свиридов, о чём пойдёт речь дальше. Но статья Апостолова была одной из первых, в которой была сформулирована сама проблема. Хубов не оставил эту статью без внимания и поместил в седьмом номере антикритику в виде коллективной статьи музыковедов Е. Грошевой и М. Сабининой⁶. Правда, спустя три номера вновь предоставил возможность Апостолову ответить на критику в его адрес⁷.

В апреле проходила дискуссия по Десятой, к ней были приурочены новые статьи в журнале, а затем пошли доклады. В четвёртом номере журнала была опубликована довольно сдержанная статья Б. Ярустовского⁸ и статья молодого композитора А. Волконского, идеолога и лидера московских “авангардистов”. Волконский, на которого вскорости обрушится яростная критика с разных сторон, посчитал необходимым заметить, что 8-я и 9-я симфонии “были подвергнуты справедливой критике”. И всё же отозвался положительно о Десятой, назвав её “значительным произведением”⁹. Обе статьи были в целом в поддержку Шостаковича и его симфонии. Для того чтобы как-то сохранить хотя бы видимость объективности и дискуссионности, Хубов предоставил в этом же номере слово слушателю, некоей З. Акимовой, которая посетовала, что Шостакович “не преодолел мрачные силы, не создал образа положительного героя”.

И далее имя Шостаковича не сходило со страниц журнала “Советская музыка” в течение почти всего 1954 года. Тут и статьи по поводу Десятой или в связи с ней¹⁰, статьи и выступления самого Шостаковича, хроника исполнений Десятой.

Шестой, юбилейный номер, посвящённый 150-летию со дня рождения М. И. Глинки, открывался статьёй Д. Шостаковича “Отец русской музыки”¹¹.

Зачином седьмого номера журнала стала передовица “За мир и счастье народов”, посвящённая присуждению Шостаковичу Международной премии мира, девятый открывался передовицей “Гордость советской музыки” – по поводу присвоения почётного звания народного артиста СССР Ю. Шапорину, Д. Шостаковичу и А. Хачатуряну.

В этом же номере была опубликована статья Ю. Левашёва, посвящённая поэме “Страна отцов”¹². После дискуссии о поэме в Ленинградском Доме композиторов это была первая статья, в которой сочинение получило официальное признание в главном печатном органе Союза композиторов СССР. “Цикл “Моя Родина” – произведение большого, самобытного таланта”, – воздавал должное критик многострадальному сочинению Свиридова¹³. Отмечая некоторые, на его взгляд, недостатки, Левашёв в конце приходит к следующей оценке: “Художественная ценность вокального цикла Ю. Свиридова несомненна. Новаторски решая творческие проблемы советской камерно-вокальной лирики, композитору удалось создать значительное реалистическое произведение”¹⁴. С точки зрения партийной борьбы, эта статья тоже шла в “зачёт” партии Шостаковича.

В одиннадцатом номере публикуется “Песня единства” на слова Б. Брехта в переводе С. Кирсанова из кинофильма “Единство”, созданного на киностудии “Дева” в ГДР. Немецкое направление в политике советского государства считалось одним из важнейших, и Шостакович отдал ему существенную дань.

Завершался 1954 год ещё одной передовицей “К новым успехам советского симфонизма”, оповещавшей о предстоящем Восьмом пленуме Правления Союза советских композиторов СССР, который будет посвящён проблемам развития советского симфонизма¹⁵. В этом же номере старинный почитатель Шостаковича музыковед М. Соколовский выступил с краткой заметкой об очередном исполнении Десятой Большим симфоническим оркестром Всесоюзного радио под управлением А. Гаука¹⁶.

Апофеоз Шостаковича на страницах журнала “Советская музыка” в 1954 году дорого обойдётся его главному редактору. Он будет подвергнут критике, ему придётся всё время идти на уступки, на компромисс. Но это не поможет. Пройдёт каких-нибудь три года, и Хренников сместит Г. Хубова с поста главного редактора и секретаря Правления Союза композиторов СССР.

К концу 1954 года, 4 декабря Дмитрия Дмитриевича постигла беда – умерла его жена Нина Варзар. Их совместная жизнь была далеко не безоблачной, в ней было всякое. Но тем не менее, они прожили вместе самые трудные годы, жена стойко делила с мужем все невзгоды, которые сыпались на него в 1930-е – 1940-е годы, разделяла с ним и минуты его взлёта и триумфа. Независимая, Нина Васильевна Варзар, вырастив с мужем двух детей, сумела не раствориться полностью в семейной жизни, в делах своего супруга, а находить время для занятий наукой. Некоторым, пусть иллюзорным утешением для Шостаковича стало известие о том, что Шведская королевская музыкальная академия избрала его своим почётным членом.

27 декабря, почти ровно через год, в Большом зале Московской консерватории Е. А. Мравинский вновь с блеском исполнил Десятую симфонию. На концерт откликнулась пресса. В газете “Советская культура” в первый день нового, 1955 года появилась краткая информация о концерте и приёме симфонии публикой: “В первом отделении оркестр под управлением Е. Мравинского исполнил Десятую симфонию Д. Шостаковича. Слушатели горячо аплодировали исполнителям и неоднократно вызывали дирижёра и автора”¹⁷.

Затем 8 января в этой же газете вышла коллективная статья двух авторов, посвящённая дирижёрам, выступавшим с оркестром Ленинградской филармонии в Москве в конце декабря прошедшего года. Одна из них была посвящена Е. Мравинскому. Как писал о нём К. Саква, “казалось бы, совсем недавно Е. Мравинский дирижировал в Москве Десятой симфонией Д. Шостаковича. Но сейчас она прозвучала у него по-новому. Исчезла былая чрезмерная нервность, вырос трагический накал 2-й части, реальными, более земными и волевыми, стали образы 3-й части, заискрились жизнерадостные страницы финала, совершеннее стало восприятие формы сочинения, и от этого ярче раскрылась большая, подлинно человеческая глубина симфонии”¹⁸.

Несколько подпортил радость успеха первый номер журнала “Советская музыка” за 1955 год статьёй П. Апостолова “Вопросы поэтики советской сим-

фонии". На сей раз, обозревая симфоническое творчество советских композиторов, неумолимый критик, сравнивая Десятую с 27-й симфонией Н. Я. Мясковского и Седьмой С. С. Прокофьева, не преминул опять-таки в мягкой форме покритиковать симфонию Шостаковича. Впрочем, тут же Апостолов объективности ради отметил потерпевшую фиаско симфонию Б. Лятошинского и неудачу А. Артамонова в "Волжско-Донской" симфонии¹⁹.

Г. Хубов, спасая своё положение, во втором номере решил выступить в примиренческом ключе, вступившись за критикуемых композиторов разных направлений. В передовице "Вперёд и выше" во втором номере журнала появилось следующее довольно сомнительное обобщение: "Было бы ошибкой ориентировать всех композиторов на некий "общий" эталон, приравнивать разных художников с разными индивидуальностями под какой-либо шаблон, выдаваемый за единственный и универсальный образец реализма и народности. К сожалению, подобные тенденции не раз имели место в наших композиторских организациях, обнаруживая узость, догматизм мышления некоторых руководящих деятелей, их административное рвение, нежелание считаться с индивидуальными вкусами, взглядами, тенденциями советских музыкантов-художников. Вспомним недавние попытки отдельных товарищей объявить "чуждыми" нашему искусству такие произведения, как Десятая симфония Д. Шостаковича или романсы Ю. Свиридова на слова А. Исаакяна. Вспомним, как враждебно отнеслись некоторые музыканты к опере "Далеко от Москвы" И. Дзержинского, заключающей в себе – при всех недостатках – несомненные черты новаторства в овладении современной темой"²⁰. Не думаю, что такая параллель устраивала кого-нибудь из названных композиторов, стоявших в тот момент по разные стороны баррикад...

2

Впрочем, говорить о полной победе Шостаковича в 1954–1956 годах было бы неверно. На самом деле расклад сил в Союзе композиторов оставался далеко не таким однозначным, чтобы какая-либо из противостоящих сторон могла с уверенностью говорить о своём перевесе.

Положение дел у композиторов, как и в других творческих союзах, в это время было шатким. У писателей и художников шли затяжные бои между разными "партиями", на пленумах и съездах возникали новые комбинации состава правлений, под многими главами творческих союзов зашаталось кресла. Ситуация в творческих организациях осложнялась неопределённостью положения в высших эшелонах власти – партии и государстве. Дуумвират Н. С. Хрущёва и Г. М. Маленкова был весьма неустойчивым, между главами партии и государства шла ожесточённая подковёрная борьба, закончившаяся низложением Маленкова в феврале 1955 года с поста Председателя Совета Министров СССР.

Неравновесие наверху отражалось на всех этажах власти, сверху донизу. Руководителям творческих союзов, которые оказались в сложном положении, просто не было понятно, какова будет новая "генеральная линия" партии, каков будет идеологический курс, новый или подновлённый старый, кто будет курировать культуру в ЦК КПСС, к кому следует обращаться по насущным вопросам – к секретарям ЦК КПСС М. А. Суслову и П. Н. Поспелову или, к примеру, к главному редактору газеты "Правда" Д. Т. Шепилову. А ещё в Совмине СССР культуру опекал В. М. Молотов. Это помимо министра культуры СССР...

При Маленкове министром культуры был назначен философ Г. Александров, чей труд по истории западноевропейской философии в 1947 году подверг разному А. Жданов. И хотя министр культуры не решал сам вопросы о правительственных наградах и почётных званиях, но так получилось, что именно при нём – "жертве" Жданова! – звание народного артиста СССР было присуждено ещё одной ждановской "жертве" – Д. Д. Шостаковичу.

Как полагаются, выдвижение на звание шло от СК СССР, и документы на разные награды и звания сразу подавались списком. На звание народного артиста СССР наряду с Шостаковичем были выдвинуты одновременно Шапорин и Хачатурян. В этот же список попал и В. Белый, конечно, на более скромное звание заслуженного деятеля искусств РСФСР – Т. Н. Хренников тихой сапой укреплял свои ряды опытными бойцами...

Положение осложнялось ещё и тем обстоятельством, что, как и среди научной и художественной интеллигенции, так и наверху, в партийном руковод-

стве, было заметно различие позиций и убеждений, доходившее порой до явных противоречий и разногласий. Не говоря уже о том, что в обществе уже намечался явный разлад, расхождение во взглядах по самым разным вопросам жизни, экономики, политики, искусства. Началось брожение умов...

8 февраля 1954 года на стол секретаря КПСС П. Н. Пospelова легла записка отдела науки и культуры ЦК КПСС о “нездоровых” настроениях среди художественной интеллигенции. Приводились примеры. В частности, в Московской консерватории высказывали мнение, что Постановление 1948 года потеряло свою актуальность, сейчас возможна “свобода направлений”. Было отмечено, что такое мнение разделяет Ю. А. Шапорин. Также была отмечена статья А. Хачатуряна “О творческой смелости и вдохновении” в журнале “Советская музыка” (в № 11 за 1953 год), в которой автор балета “Спартак” ратует за свободу творчества против руководящих указаний в искусстве. Авторы записки не забыли указать, что “американцы оценили эту статью как поворот политики партии в области искусства”.

Отметили авторы записки и тот факт, что среди живописцев возникла дискуссия по поводу оценки современной французской живописи, некоторые горячие головы стали открыто восхищаться упадочным искусством “импрессионистов”, возмущались, что не могут видеть Мане, Моне, Ренуара, Дега, Ван Гога, Сезанна, Гогена, Матисса, Пикассо. В Московском отделении Союза художников молодые живописцы и скульпторы Неменский, Лемпорт, Колесников выступили с идеей проведения выставки без жюри в ЦДРИ. Художники А. Пластов и Е. Кацман требовали обуздать критику. В Союзе писателей были отмечены настроения и мечты об “идеологическом нэпе”. Заделли за живое авторов записки статья “Право и долг театра” в газете “Правда” от 27 ноября 1953 года о постановке “Грозы” А. Н. Островского в Московском театре драмы и статья В. Померанцева “Об искренности в литературе”, опубликованная в “Новом мире” (1953, №12), с её призывом смело говорить правду и показывать многочисленные примеры отрицательных явлений нашей жизни.

Записку писали заместитель заведующего отделом науки и культуры ЦК КПСС П. Тарасов и заведующие секторами отдела П. Лебедев и В. Иванов. Но и некоторые писатели не оставались в стороне от этой начинающей разгораться великой свары, готовясь идти на “прю грядущую”. Тому же П. Пospelову в марте 1954 года писал Б. Полевой о вредных идеологических настроениях в литкружках. К записке Отдела науки и культуры был приложен отчёт Е. Долматовского о поездке в ГДР, в котором поэт критиковал статью В. Померанцева и описывал, как И. Бехер сказал ему при встрече, что в ФРГ ухватились за статью И. Эренбурга “О работе писателя” и рассматривают её как новую советскую позицию в области литературы в пику А. Жданову. Бдительная Мариэтта Шагинян в письме Б. Полевому от 14 марта 1954 года также обратила внимание на статьи Померанцева и Эренбурга и весьма критически отозвалась о них в связи с их осуждением на Западе²¹.

Статья в “Правде” была замечена многими. Ещё во время дискуссии по поводу поэмы “Страна отцов” в Ленинградском Доме композиторов в конце ноября 1953 года её процитировал музыковед М. Друскин. Записка отдела науки и культуры ЦК КПСС писалась в феврале, а в январе 1954 года в первом номере журнала “Советская музыка” выступил Д. Шостакович и высказался о той же самой статье в газете “Правда” совсем в ином духе, нежели в записке отдела науки и культуры ЦК КПСС. Привожу цитату из статьи Д. Шостаковича: “Мне представляется чрезвычайно знаменательным и важным недавнее выступление газеты “Правда” по поводу спектакля “Гроза” в Московском театре драмы. В этой статье горячо поддерживается право художника на смелые поиски нового. “Одна из самых страшных бед для искусства, — пишет “Правда”, — нивелировка, подгонка под один образец, хотя бы и лучший. Такой подход к работе над произведением стирает индивидуальности, порождает шаблоны, подражательство, тормозит развитие творческой мысли, лишает искусство радости исканий”²².

Выступление Шостаковича носило программный характер. Уже в самом названии статьи появилось словосочетание “творческое искание”, имевшее значение своеобразного партийного “пароля”. Слов “искание”, “новаторство”, “творческий поиск” не найти в речи А. Жданова или в докладе Т. Хренникова на 1-м съезде Союза композиторов СССР. Зато они часто употреблялись в статьях

и выступлениях А. Хачатуряна, Д. Шостаковича, их сторонников. Статья Шостаковича и была в своём роде открытой декларацией новой, “прогрессивной” музыкальной партии противников курса эстетической доктрины 1948 года. Статья была помещена в журнале, который был органом не только Союза композиторов, но и Министерства культуры СССР. Значит, кто-то наверху, кто нес ответственность за журнал, дал “добро” на статью Шостаковича.

И конечно, не обошлось в статье без критики руководства СК СССР. “Надо надеяться, что в 1954 году улучшится работа Союза советских композиторов, всё ещё страдающая бюрократическими пороками, — высказал в качестве пожелания Дмитрий Дмитриевич. — Ненужная заседательская суетня, процветающая в Союзе, часто подменяет живые творческие споры вокруг интересных (пусть дискуссионных!) произведений. Необходимо, чтобы творческие дискуссии смело выносились на страницы нашего журнала, который должен быть застрельщиком и вдохновителем споров, аренной живой борьбы мнений”²³. И затем уточнил свою критику, удачно ввернув в свой пассаж уже к тому времени вовсю склонявшуюся теорию “бесконфликтности”: “Думается, что Союз не должен “оберегать” наших композиторов от поисков нового, от следования по самостоятельным, непротопанным дорогам искусства. Надо бояться не смелых творческих исканий, а “благополучного” скольжения по поверхности, серости, шаблона. Стремление к сглаживанию острых углов в творчестве мне представляется одним из своеобразных проявлений порочной “теории бесконфликтности”. Чем скорее мы откажемся от этих нивелирующих тенденций, тем будет лучше для развития советского искусства”²⁴.

Окончание статьи Шостаковича “дышало” уверенностью и оптимизмом, как новогодний тост: “Я горячо верю в светлое будущее нашей советской музыки. Она сильна яркими талантами, великими реалистическими традициями, неразрывной связью с народом, с его стремлениями и интересами. Перед нами, советскими композиторами, открыто необъятное поле деятельности. Пусть 1954 год ознаменуется новыми большими достижениями советской музыки, пусть растёт и развивается правдивое, передовое, смелое, богатое мыслями советское музыкальное искусство, дорогое и близкое народу!”²⁵

Статья Шостаковича шла сразу после обязательного официального раздела, связанного в том году с юбилеем, которому придавалось большое политическое значение, — трёхсотлетием воссоединения Украины с Россией²⁶.

Главный редактор журнала “Советская музыка” Г. Хубов не скрывал своих симпатий к “партии” Шостаковича и Хачатуряна, но должен был соблюдать некую надпартийную позицию, так как на должность главного редактора назначал секретариат Союза композиторов. К тому же он, как бы прислушавшись к совету Шостаковича выносить на страницы журнала творческие дискуссии, тут же предоставил слово И. Дзержинскому, опубликовав его статью “Бороться за реалистическое искусство!”

Как и у Шостаковича, уже в названии статьи чётко выражена позиция Дзержинского: именно за реалистическое искусство боролись в 1948 году противники формалистического направления. И здесь, в своей статье 1954 года И. Дзержинский не изменил своим взглядам и позиции. Он вновь продолжил критиковать Шостаковича и его окружение, его учеников и последователей.

И вновь на страницах одного и того же номера журнала скрестили свои клинки Шостакович и Дзержинский по поводу поэмы “Страна отцов” Свиридова. Шостакович упомянул её среди достижений советской музыки последнего времени: “Несколько ценных произведений появилось и в жанрах <...> камерной, инструментальной и вокальной музыки (трио А. Бабаджаняна, Седьмой квартет Ю. Левитина, замечательная вокальная поэма “Моя Родина” Ю. Свиридова на стихи А. Исаакяна, впервые прозвучавшая в ноябре прошлого года)”.

Дзержинский вновь, как и на обсуждении смотра ленинградских композиторов в конце ноября — начале декабря 1953 года, выразил своё негативное отношение к поэме: “Не могу также согласиться с похвалами по адресу нового цикла романсов Ю. Свиридова на стихи А. Исаакяна. Эта музыка, искусственно лишённая ясной мелодической линии (искусственно — потому, что от природы Свиридов наделён ярким мелодическим дарованием), с очень интимно камерными настроениями, далека как от армянского, так и от русского национального стиля”²⁷.

В 1954 году Хренников переживал не лучшие минуты в своей жизни. И хотя в конце года он получил почётное звание народного артиста РСФСР²⁸, его положение было довольно шатким. Известна Записка отдела науки и культуры ЦК КПСС о ходе дискуссии, посвящённой 10-й симфонии Д. Д. Шостаковича от 19 апреля 1954 года, составленная Б. Ярустовским и П. Тарасовым. Как и в своей статье в журнале «Советская музыка», в записке Ярустовский весьма взвешенно, как газетный хроникёр, описывает дискуссию, стараясь быть по возможности предельно беспристрастным. Надо сказать, что Шостакович не был героем Ярустовского: в своей оценке симфонии критик осторожен, не особенно её хваля, но и не предавая её остракизму.

Своё отношение к симфонии Ярустовский прятал за мнениями критиков, выступавших на дискуссии. И, конечно, проявляя бдительность, отмечал попытки некоторых горячих голов отойти от принятых официальных оценок. Как он пишет, «композиторы Фрид, Юдин, поэт Городецкий, провозглашая гениальным Шостаковича, настойчиво говорили о необходимости «открыть двери» для произведений, осуждённых ранее общественностью, – 8-й и 9-й симфоний и других сочинений, подвергнутых широкой критике за их формалистический язык, чуждый народу круг образов. В таких выступлениях ораторы явно пытались намекнуть, что «времена теперь другие», что Постановление ЦК КПСС об опере «Великая дружба» В. Мурадели «не действует» и т. д.

К сожалению, заключительное слово Г. Хубова никак по существу не отразило содержания подобных выступлений, и это молчание могло быть трактовано присутствующими как согласие. И в выступлениях Г. Хубова и Д. Кабалевского, как уже говорилось, не были отмечены недостатки последнего сочинения Шостаковича, его односторонний трагизм, мотивы одиночества...»

И всё же Ярустовский не избежал своей личной оценки и замечаний. Но не столько творчества автора симфонии, сколько... в адрес секретарей Союза композиторов СССР, которые по долгу службы должны были принять участие в дискуссии. Ярустовский открыто порицает их: «К сожалению, среди выступавших оказалось мало ведущих, известных музыкальных деятелей, выступили лишь Д. Кабалевский, Г. Хубов, композиторы Свиридов, Кара Караев, И. Дзержинский, ленинградский музыковед Кремлёв и др.

Секретари Союза композиторов Т. Хренников, М. Коваль, Ю. Шапорин под разными предлогами не только не выступили, но и не присутствовали на дискуссии. Секретари Союза тт. Захаров и Молчанов посетили обсуждение один раз и, побыв около часа, ушли из зала»²⁹.

И ближе к концу записки ещё раз не преминул укорить руководство Союза: «Тт. Хренников, Захаров, Кухарский и др., высказывавшие резко отрицательное мнение о новом произведении Шостаковича в «кулуарах», так и не выявили своего мнения публично на дискуссии». В самом конце записки он просто ставит на вид: «Полагали бы целесообразным обратить внимание руководства Союза советских композиторов на неперывное отношение секретарей Союза к дискуссии, а также и на некоторые другие недостатки её организации»³⁰.

И это было не первое предупреждение Т. Хренникову. Его критиковали ещё в 1953 году, после смерти Сталина. Всё тот же отдел науки и культуры, возглавляемый А. Румянцевым, будущим пионером советской социологии, ещё 14 мая написал докладную записку на имя П. Н. Поспелова о недостатке работы в Союзе композиторов СССР с творческими кадрами³¹. Поспелов поручил отделу разобраться, и 27 августа 1954 года отдел провёл совещание с секретариатом ССК СССР. По результатам этого совещания отдел рапортует секретарю ЦК КПСС 29 августа: «По Вашему поручению отдел науки и культуры ЦК КПСС 27 августа с. г. провёл совещание с секретариатом Союза советских композиторов СССР в связи с докладной запиской отдела «о серьёзных недостатках в работе ССК». На совещании выступили Хренников, Захаров, Кабалевский, Шапорин, Хубов, Чулаки, Молчанов, работники ЦК Тарасов, Ярустовский, Вартанян. В результате было признано, что работа Союза СК и его секретариата нуждается в коренной перестройке, организационном укреплении. Говорили о большей группе творчески одарённых композиторов, не принимающих участия в работе организации. О засорённости Союза ремесленниками и халтурщиками. Выступавшие также признали, что секретариат

Союза композиторов не сумел установить повседневного творческого контакта с некоторыми высокоталантливыми композиторами (Шостакович, Хачатурян и др.), не привлёк их к работе Союза, что нельзя считать нормальным³².

Тогда Хренников идёт ва-банк и обращается с просьбой принять в ЦК КПСС целую делегацию из секретарей ССК СССР по вопросам деятельности Союза. Его просьба была удовлетворена. На встречу Хренников пришёл с целым пакетом предложений и требований. Стремясь укрепить свои позиции в Союзе, он просит перевести из Большого театра опытного функционера Михаила Чулаки на пост секретаря Союза³³. Он добивается увеличения штатных единиц в Союзе для укрепления руководства на местах и тем самым «привязывает» эти места к Правлению и фактически к себе. Он просит поднять ставку партсекретаря до 3500 руб. в месяц. Правда, ставку всё же решили поднять лишь до 3000 руб., но, тем не менее, по всем основным вопросам в ЦК согласились с требованиями Хренникова.

Одним из злободневных вопросов для всего руководства СК СССР и лично для Хренникова был вопрос о проведении второго съезда советских композиторов. Из-за смерти Сталина вопрос о дате проведения съезда на некоторое время был отложен. Хренников поставил его перед ЦК КПСС 8 января 1954 года. Ему отказали³⁴. Второй раз Хренников от лица своего Секретариата вернулся к этому вопросу 3 июля 1954 года, написав очередное обращение в ЦК КПСС³⁵. Отдел науки и культуры ЦК КПСС поддержал инициативу Секретариата СК СССР о проведении съезда в декабре 1955 года, но с оговоркой, что окончательное решение ЦК КПСС «по этому вопросу следовало бы принять после представления Секретариатом Союза композиторов полной программы и календарного плана подготовки и проведения Съездов местных организаций и Всесоюзного съезда в гор. Москве³⁶.

На встрече в ЦК КПСС Хренников вновь возвращается к этому вопросу, настаивая на более раннем сроке проведения съезда – весной 1955 года³⁷. Вопрос с датой проведения Второго съезда долгое время находился в подвешенном состоянии. Перемены наверху не способствовали его решению. Опытный Хренников и его команда не хотели, что называется, подставляться. Даты менялись всё это время, в 1955 году было принято решение провести его в течение 1956 года, называлась точная дата – конец мая. Лишь после XX съезда КПСС, и то не сразу, определилась окончательная дата, – в конце концов, его проведение было перенесено на март-апрель 1957 года. Именно вокруг этого съезда и на нём самом и развернётся ожесточённая борьба музыкальных партий...

Подготовка к съезду носила характер широковещательной кампании. Начиная с 1955 года о предстоящем съезде систематически вещали газеты и журналы, радио. Работа аппарата Союза композиторов СССР была в 1955 году сосредоточена на подготовительных, предсъездовских мероприятиях. И главным в том году был VIII пленум Правления Союза композиторов СССР. О проведении его первый раз было принято решение на заседании Секретариата СК СССР ещё 5 октября 1954 года. 4 января 1955 года последовало решение перенести открытие пленума на 4 марта 1955 года³⁸. Но потом ещё раз вернулись к этому вопросу на заседании секретариата 18 и 20 января 1955 года и окончательно решили проводить пленум с 7 по 18 марта³⁹.

Пленум был посвящён советской симфонической музыке. Тут надо иметь в виду, что каждый лидер советской музыки задавал тон, тему очередного пленума. Т. Хренников писал оперу «Мать», и он был заинтересован в проведении пленумов и смотров, посвящённых оперному жанру. Позднее Свиридов, будучи первым секретарём СК РСФСР, будет пытаться провести пленум, посвящённый близкой ему хоровой музыке.

Инициатором и идеологом Восьмого пленума Правления в 1955 году был Д. Д. Шостакович. Судьба жанра симфонии, по сути, главного в его творчестве, его волновала давно, ещё с 1930-х годов⁴⁰. Восьмой пленум имел свой подтекст. Он должен был пройти после баталий вокруг Десятой симфонии, баталий, которые закончились признанием симфонии со стороны широкой музыкальной общественности, нейтралитетом со стороны партийного руководства, а фактически – молчаливой поддержкой Шостаковича. Именно сам факт проведения пленума, на котором главным событием стало очередное исполнение Десятой симфонии, свидетельствует об этой поддержке. Хренников был бессилен препятствовать этой затее и вынужден был дать «добро» на проведение

пленума. Но, как показало время, считать организацию пленума полной победой Шостаковича и “прогрессивной” музыкальной партии было бы ошибкой.

4

Как обычно, в музыкальную жизнь вмешалась большая политика. Собственно, вопрос о переносе даты Восьмого пленума в январе 1955 года удивительным образом совпал с резкими политическими “модуляциями” в верхних эшелонах власти в этот месяц. События развивались достаточно стремительно. Ещё в начале января получили орден Трудового Красного Знамени одиозные личности сталинской эпохи типа литературоведа-рапповца В. В. Ермилова, ярого идейного противника В. Маяковского, автора статьи “Сумбур вместо музыки” Д. И. Заславского, небезызвестного драматурга В. Н. Билль-Белоцерковского, написавшего Сталину политический донос на М. А. Булгакова.

Ещё 5 января газета “Правда” выделяет “подвал” на двух страницах программной статье известного экономиста А. Курского. Курский, специалист по экономике военного времени, выступает с ясно выраженной позицией, которой руководствовался Г. Маленков: “Продолжая и далее развивать тяжёлую промышленность, Коммунистическая партия и Советское правительство разработали и проводят в жизнь программу дальнейшего роста лёгкой и пищевой промышленности, расширения ассортимента и улучшения качества товаров для населения”⁴¹.

... Мы жили в Ленинграде, на 11-й Красноармейской. До моего поступления в школу мама, идя на работу, закидывала меня бабушке, которая жила на Литейном проспекте в доме 15, что напротив Кирочной и Дома офицеров. И я до сих пор помню гастром номер два на углу Литейного проспекта и улицы Петра Лаврова (Фурштадская) образца лета 1953 года. Как входишь с угла, справа был небольшой прилавок, за стеклом которого лежали балыки, многочисленные копчёности из белой и красной рыбы, стояли разные по объёму металлические и стеклянные банки с паюсной и балыковой икрой, а позади красовалась застеклённая стенка из бутылок с грузинскими и армянскими коньяками и какими-то невиданными заморскими винами. Гастром ломился от продуктов. После блокады и почти десяти лет полуголодного послевоенного существования, после чечевицы и макарон, сметков и консервной тушёнки это обилие казалось сказочным. И в народном сознании эта сказка наяву неразрывно была связана с именем Г. Маленкова, который, как ходил слух, выделил большую сумму валюты и снабдил Ленинград небывалым количеством отменных съестных припасов...

Но вот 24 января 1955 года в той же газете “Правда” в подвале на страницах 2 и 3 появляется статья “Генеральная линия партии и вульгаризаторы марксизма”. В статье подвергается осуждению основа экономической концепции Маленкова. Автор разносит в пух и прах идею отказа от приоритета развития тяжёлой промышленности в угоду лёгкой. Как он пишет, “грубо извращая существо решений партии и правительства об увеличении производства товаров народного потребления, авторы указанной концепции утверждают, что с 1953 года Советская страна вступила в новый этап экономического развития, существо которого заключается якобы в коренном изменении экономической политики партии. Если прежде партия делала упор на развитие **тяжёлой** промышленности, то теперь-де центр тяжести перенесён на развитие **лёгкой** промышленности, на производство товаров народного потребления”⁴².

Именно с этой статьи начинается новый, головокружительный виток в карьере Д. Т. Шепилова. Конечно, публикация этой статьи была подготовленной в аппарате ЦК КПСС акцией. На следующий день после выхода статьи Шепилова в “Правде” открывается Пленум ЦК КПСС. На этом пленуме Н. Хрущёв выступает с докладом об увеличении производства продуктов животноводства. По докладу Хрущёва 31 января принимается Постановление Пленума. Начинается возвышение Хрущёва, в нашу жизнь входят новые ценности и понятия: целина, кукуруза, МТС...

8 февраля на заседании Верховного Совета СССР принимается Постановление “О назначении тов. Булганина Н. А. Председателем Совета Министров СССР”. Одновременно принимается Постановление Верховного Совета СССР “Об освобождении тов. Маленкова Г. М. от обязанности Председателя Совета Министров СССР”. Маленков делает покаянное заявление Председа-

тельствующему на совместном заседании Совета Союза и Совета национальностей: “Вижу свою вину и ответственность за сложившееся неудовлетворительное положение дел в сельском хозяйстве”.

В первой же своей программной речи новоявленный Председатель Совета Министров СССР депутат Н. А. Булганин торжественно заявил: “Наша высокоразвитая тяжёлая промышленность – великое историческое завоевание Коммунистической партии и советского народа. <...> Поэтому в экономической области Правительство будет и впредь твёрдо проводить генеральную линию Коммунистической партии, предусматривающую всемерное развитие тяжёлой промышленности”.

Вслед за Г. Маленковым тихо, незаметно убрали его ставленника, министра культуры Г. Александрова, на его место назначается 21 марта 1955 года Н. А. Михайлов, бывший послом в Польше.

С момента этой аппаратной революции Шепилов примкнул к команде Хрущёва и начинает усердно работать на “кукурузного” первого секретаря ЦК КПСС. Шепилову поручаются важные доклады⁴³, существует мнение, что он участвовал в подготовке доклада Хрущёва “О культе личности и его последствиях”. 12 июля 1955 года он становится секретарём ЦК КПСС, в его подчинении оказывается отдел науки и культуры ЦК КПСС. В сентябре 1955 года этот отдел был разделён на два: отдел науки и высших учебных заведений и отдел культуры ЦК КПСС. Отдел культуры при Шепилове возглавил Д. Поликарпов, секретарь Московского горкома КПСС, секретарь Союза писателей СССР. В богатом послужном списке Дмитрия Алексеевича Поликарпова был и эпизод его работы в Агитпропе. В 1939–1944 годах он был заведующим отделом и заместителем начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) при... Г. Александрове. Такие вот бывали “кульбиты” в судьбах партийных чиновников. Во вновь образованный отдел культуры ЦК КПСС Шепилов пригласил своих старых сотрудников по Агитпропу Б. Рюрикова и Б. Ярустовского, с которыми он готовил проект доклада А. А. Жданова для совещания деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б) в 1948 году.

Возвышение Шепилова в 1955 году стало приятным сюрпризом для Тихона Хренникова. Он чувствовал неустойчивость своего положения после смерти Сталина и все первые неопределённые годы коллективного правления. Не думаю, что захват власти первым секретарём ЦК КПСС Н. С. Хрущёвым обрадовал его. С приходом Шепилова в ЦК КПСС в его судьбе засветил луч надежды. Он неожиданно получает серьёзную поддержку, сказавшуюся на его дальнейшей карьере.

Именно Шепилов в 1948 году предложил Сталину кандидатуру Хренникова на пост Генерального секретаря Союза композиторов СССР. Шепилов был если не в дружеских отношениях, как полагал Хренников, то, по крайней мере, относился к композитору с симпатией, проявлял к нему благосклонность⁴⁴.

5

1955 год прошёл для Свиридова относительно спокойно, без внешних потрясений. На пленуме он ничего не показывал, да и показывать было нечего, так как он уже давно не писал симфоний, к этому времени уже определив своё негативное отношение к симфонизму. Его интересы в это время были сосредоточены, главным образом, на вокальной музыке.

9 ноября 1955 года Шостаковича постигает большое несчастье – умирает мать, Софья Васильевна Шостакович (урожд. Кокоулина). 12 ноября состоялись похороны на Волковом кладбище. Свиридов довольно часто вспоминал Софью Васильевну, он знал, как нежно относился к ней Дмитрий Дмитриевич. И у самого Георгия Васильевича было очень тёплое отношение к матери Дмитрия Дмитриевича.

В это время, как раз в ноябре 1955 года Свиридов открывает для себя поэзию Сергея Есенина. Он пишет много разных песен на его слова, позднее из них сложатся Поэма памяти Сергея Есенина и вокальный цикл “У меня отец – крестьянин”. Среди прочих есенинских сочинений Свиридов пишет приподнятую, торжественно-скорбную Похоронную песнь “Братья, люди!” для баса, хора и оркестра. Он посвящает свою песнь утешения Д. Д. Шостаковичу и посылает ему ноты. В ответ получает письмо от 14 ноября 1955 года: “Дорогой Юрий Васильевич! Большое Вам спасибо за внимание и особенно за великолепную

“Похоронную песнь”. В ней ещё раз проявил себя Ваш огромный и умный талант. “Похоронная песнь” хороша не только по музыкальному материалу, но и по мудрости, глубококому оптимизму. Передайте сердечный привет Эльзе Густавовне. Крепко жму Вашу руку. Д. Шостакович”.

В это время Свиридов действительно как никогда исполнен глубокого оптимизма. Наступил его звёздный момент, он чувствовал раскрепощение сил и свои потенциальные возможности, замыслы рождаются один за другим. Сохранилась самая ранняя тетрадь “Разных записей”. Она не датирована, но, судя по содержанию, велась году в 1957-м. Между прочим, на обороте обложки в тетради записаны номера московского телефона Д. Д. Шостаковича и Бетти Шварц.

В этой тетради помещены все на тот момент реализованные и планируемые замыслы. Здесь несколько ораторий, в том числе “Двенадцать” по Блоку, “Песни западных славян” (Пушкин), “Мужик” на слова русских поэтов от Кольцова до Маяковского, наконец, “Поэт” по Маяковскому (впоследствии Патетическая оратория). “Поэма памяти Сергея Есенина” в этой тетради представлена законченным композиционным планом. Здесь же выписаны оркестровые и камерные инструментальные сочинения, циклы песен. В этой тетради можно найти замысел оперы “Камилл Демуллен” по драме немецкого драматурга Г. Бюхнера “Смерть Дантона”, того самого Бюхнера, написавшего драму “Войцек”, легшую в основу оперы “Воцтек” Альбана Берга. Оперы, которая шла в Мариинском в конце 1920-х годов, и на все репетиции её ходил молодой Шостакович, оперы, которую Свиридов позднее, в конце 1930-х годов, изучал уже по клавиру и знал почти что наизусть.

Для Свиридова 1955-й год ознаменовался, прежде всего, окончанием большой работы над циклом Песен на слова Роберта Бёрнса. Ещё в 1940-е годы Бёрнса в переводе С. Маршака буквально “открыл” Шостакович, он же рекомендовал его Свиридову. И вот в конце 1940-х – начале 1950-х годов Свиридов долго вынашивал замысел и, в конце концов, довёл его до публичного исполнения. Дорабатывал он этот цикл в декабре 1954-го – начале 1955-го годов в Рузе.

16 февраля 1955 года Свиридов показал свой новый цикл на заседании камерно-симфонической секции Ленинградского отделения Союза советских композиторов (ЛОССК). Сохранился протокол этого заседания. По нему можно судить, что, во-первых, в ЛОССК к тому времени уже сложилась иная обстановка, иная атмосфера, нежели даже в ноябре 1953 года (не говорю об обстановке до марта 1953-го!), а во-вторых, отношение к Свиридову уже было иное. Привожу некоторые отзывы, прозвучавшие на этом заседании.

“Толстой Д. А. – В этом цикле композитору удалось с поразительной глубиной схватить внутреннее поэтическое и философское содержание стихов Бёрнса. Это настоящее народное искусство, и в музыке это показано чрезвычайно ярко. Поражает необычная выразительность и лаконичность музыкальных средств, искренность и проникновенность в образ героя. Музыка современна и близка нам, и в то же время – очень точные характеристики образов. Это, несомненно, выдающее сочинение.

Евлахов О. А. – Очень талантливая и интересная работа. Вокальное творчество – сильнейшая сторона Ю. Свиридова. Цикл сделан с очень большой художественной простотой и будет всем понятен. Есть много ярких и своеобразных находок. Много остроумия, богатства красок. При этом имеется и некоторое однообразие приёмов в первом и третьем номере. В целом очень интересная и талантливая работа.

Тюлин Ю. Н. – Прекрасные тексты и восхитительная музыка. Композитор проник в самое сердце стиха и по-новому создал национальный колорит шотландской музыки.

Салманов В. Н. – Чем больше слушаю, тем больше восхищаюсь этим произведением. Музыка полна настоящих ярких образов и изумительна по проникновению в психологию героя. Она разнообразна, мужественна и профессионально достигает совершенства. Мы имеем дело с выдающимся произведением нашего большого советского художника, которое, несомненно, будет иметь самый широкий резонанс.

Арапов Б. А. – В этом сочинении ещё раз с большой яркостью проявилось высокое мастерство художника. Здесь нельзя изменить ни одного такта. Стиль выдержан до конца. Его можно исполнять и как цикл, и в отдельности

каждый номер. Всё продумано и мастерски выполнено как с точки зрения гармонической, так и, главным образом, с точки зрения современного ощущения музыки. Каждый образ по-настоящему художественно продуман и отточен. Язык композитора в этом сочинении стал лаконичнее и проще. Цикл вызывает восхищение.

Кушнарёв Х. С. — Это замечательное произведение, глубоко проникающее в переживания простого человека. Когда вспоминаешь предыдущий цикл Ю. Свиридова, поражаешься, как автор с одинаковой степенью глубины проникает в разные миры. Поражает, кроме того, простота изложения, адекватность формы и содержания. Хотелось бы, чтобы это произведение как можно скорее увидело свет⁴⁵.

Цикл был единодушно одобрен, секция, возглавляемая одним из учителей Свиридова по консерватории Х. С. Кушнарёвым, приняла постановление: “Работу принять. Считать обязательства Ю. В. Свиридова по получению им творческой путёвки (60 дней) выполненными”⁴⁶.

31 октября того же года на секции обсуждались программы камерных концертов на очередном ноябрьском смотре ленинградских композиторов. Была составлена программа вечера романсов в Малом зале Филармонии им. М. И. Глинки⁴⁷. 5 ноября эта программа была окончательно утверждена⁴⁸. Она выглядела следующим образом:

Волошинов В. Вокальный цикл “Слова любви”

Животов А. Вокальный цикл “Весна”

Свиридов Ю. Цикл песен на слова Р. Бёрнса.

28 ноября 1955 года Песни на слова Роберта Бёрнса впервые были исполнены в Малом зале им. М. И. Глинки Ленинградской филармонии. Пел популярный в Ленинграде, замечательный камерный и эстрадный певец Ефрем Флакс. У него был небольшой голос, но он был изумительный актёр и умел не просто петь, а в буквальном смысле “играть” песни. Премьера прошла с успехом, её отметила пресса. Это сочинение нравилось С. Я. Маршаку⁴⁹.

Оценил его и Д. Д. Шостакович. В тетради “Разных записей” за 1972–1980 годы сохранилась короткая запись о том, как Свиридов показывал первый раз Песни на слова Роберта Бёрнса Шостаковичу. “Бёрнса играл ему в квартире покойной Софьи Васильевны на Дмитровском переулке. Слушали Дмитрий Дмитриевич и Гликман Исаак Давидович, а Софья Васильевна накрывала в соседней комнате к обеду. Я сыграл с удовольствием и ждал, что скажут. Рукопись осталась незакрытой. Дмитрий Дмитриевич взял последнюю страницу, закрыл её и сказал: “Одна (песня) лучше другой. Пошли обедать!”

Сохранилось письмо Шостаковича певцу Борису Гмыре, которому Дмитрий Дмитриевич порекомендовал новое сочинение Свиридова: “Мне очень хочется уговорить Вас исполнить песни Свиридова на слова Бёрнса. К моему большому огорчению, я должен признаться, что за последнее время у нас мало создано великих произведений, но всё же они создаются. Песни на слова Бёрнса — это великое произведение...”⁵⁰

На одно из исполнений цикла в Москве, на котором Свиридов не присутствовал, Шостакович отреагировал телеграммой: “Ваши песни были превосходно исполнены. Переполненный зал устроил восторженную овацию. Будьте всегда здоровы и счастливы. Шостакович”⁵¹.

Успех цикла был действительно большим и повсеместным. Его неоднократно исполняли разные певцы, и всюду его радушно, с явной симпатией принимала публика. Композитору удалось уловить и передать в своём новом сочинении то неповторимое чувство робкого ожидания в обществе каких-то перемен к лучшему, которое действительно было характерно для середины 1950-х годов. Подводя итоги смотра ленинградских композиторов, газета “Советская культура” поместила большую обзорную статью. Авторы — композитор Крейтнер и критик Попов — подробно описали программы симфонических и камерных концертов, спектаклей, концерт эстрадной музыки. Премьере нового сочинения Свиридова они посвятили один короткий, но знаменательный абзац: “Что же касается песенного цикла Г. Свиридова на стихи Р. Бёрнса, то художественные достоинства его таковы, что уже сейчас, после первых публичных исполнений, можно уверенно назвать это произведение выдающимся достижением советского музыкального творчества в целом”⁵².

У Шостаковича 1955 год прошёл достаточно скромно в творческом плане. В апреле на экраны страны выходит фильм “Овод” с его музыкой, принесшей ему широкую популярность, в июне в Киеве готовится к исполнению певцом Б. Гмырей цикл “Пять романсов на слова Е. Долматовского”. В тот год Шостакович сосредоточил свои силы на исполнении своих ранних сочинений, на концертной деятельности.

Надо сказать, что середина 1950-х годов была, вероятно, не самой лучшей творческой порой у Шостаковича. Как пишет строгий критик его творчества Левон Акопян, “в биографии Шостаковича “оттепельные” годы были отмечены довольно беспорядочными переходами от более или менее серьёзного творчества к работе на социальный заказ. Качество его продукции, причём на обоих стратегических направлениях, несло при этом серьёзные потери”⁵³. Свиридов как-то в разговоре обронил: “Шостакович при Сталине звенел, как сильно натянутая струна. Не стало Сталина – колки ослабли, и струна перестала звенеть”.

Вопрос этот очень сложный. Тут сыграли свою роль и обстоятельства личной жизни композитора (утрата жены, потом матери, проблема воспитания двоих детей), и внешние условия его существования. Но главное – это касается творческого процесса и тесно связанного с ним психологического состояния и умонастроений композитора. К тому же нельзя не иметь в виду те перемены, которые происходили в художественной жизни, в музыкальном искусстве.

Изменившаяся после смерти Сталина ситуация в стране, новые веяния в жизни, в общественных умонастроениях потребовали каких-то новых идей в творчестве. Стиль Шостаковича сформировался в довоенную эпоху и в годы войны достиг своего пика. Стиль этот, классический по духу, позволил Шостаковичу, как ни одному из творцов в сталинскую эпоху, выразить с огромной силой *правду жизни*, весь трагизм существования человека в условиях войны и под чуждым прессом государства. Но пришли новые времена. Нужны были какие-то новые идеи, необходимо было осмыслить и найти новые художественные слова для выражения духа нового времени.

После войны некоторые крупные композиторы старшего поколения испытали нечто сходное тому, что пережил Шостакович. Но каждый выбрал свой путь. Тот же И. Ф. Стравинский написал в 1951 году последнее сочинение в неоклассическом стиле – оперу “Похождение повесы”, а потом резко сменил свою творческую ориентацию. Нечто подобное можно заметить в послевоенном творчестве Б. Бриттена, С. Барбера и ряда других крупных композиторов, сформировавшихся в довоенные годы.

Впрочем, были и такие, кто не изменял своей художественной позиции, как, например, Пауль Хиндемит или Артур Онеггер. Полагаю, что после смерти Сталина, в обстановке перемен перед Шостаковичем встали “вечные” вопросы, как и, главное, о чём писать музыку. И вопросы эти, скорее всего, стояли для него очень остро. И на них не было для него ясных ответов. По всей видимости, здесь и таилась глубоко внутренняя драма его творчества, совершенно закрытая для непосвящённых, мало кому понятная.

И всё же в 1955 году состоялось одно знаменательное событие, которое в какой-то мере определило последующую эволюцию творчества композитора. Этим событием стали премьеры двух произведений Шостаковича сороковых годов: концерта для скрипки с оркестром и цикла “Из еврейской народной поэзии”.

Выбор времени публичного исполнения этих сочинений был далеко не случаен. В том году были реабилитированы расстрелянные в 1952 году члены Еврейского антифашистского комитета, дело было прекращено. Премьера цикла Шостаковича логично вписывалась в цепочку событий, явно свидетельствующих о новом курсе партийного руководства.

Премьера цикла состоялась в любимом Шостаковичем и Свиридовым Малом зале им. М. И. Глинки Ленинградской филармонии 15 января 1955 года. 20 января цикл прозвучал в Малом зале Московской консерватории. В апреле цикл прозвучал в авторских концертах Д. Д. Шостаковича в Минске и Риге. В октябре – в Горьком. Триумфальное шествие цикла в том году завершается опять в Малом зале им. М. И. Глинки 14 декабря. Исполнение

цикла везде проходило с большим успехом и вызвало широкий общественный резонанс.

Премьера цикла совпала по времени с новым этапом развития общественного движения в Советском Союзе. Позади были события 1940-х – начала 1950-х годов: гибель Михозэlsa, кампания по борьбе с космополитизмом, “дело врачей” и расправа над ЕАК. В это время цикл обрёл некое новое смысловое наполнение, воспринимался совсем по-другому, нежели в то время, когда он был сочинён.

Как мне рассказывал один из участников премьеры цикла певец Алексей Масленников, последние три песни о счастливой жизни евреев в СССР было решено исполнять в ироничном ключе, пародийно. Традиция пародийного исполнения и восприятия заключительных песен, особенно последней песни “Счастье” сохранилась до сих пор. Отмечая черты театральности в тексте этой песни, знаток еврейской народной и духовной музыки Е. Хаздан пишет: “Ироническая интонация выполняет функцию отстранения: артист, произносящий подобный текст, не только не ассоциирует себя с героем песни, но и побуждает других улыбнуться, посмеяться над персонажем, которого представляет”⁵⁴. Но было ли это заложено в самой песне, и в чём смысл и главная идея цикла?

Мы никогда не узнаем истинную причину, почему Шостакович написал этот цикл. Было ли это проявлением филосемитизма композитора, представлял ли он себя самого в образе забитого, униженного еврея (подобно тому, как, по мнению того же Свиридова, раньше он видел себя в образе Катерины Измайловой), или были какие-то иные причины, побудившие композитора обратиться к сборнику “Еврейские народные песни”⁵⁵, об этом не знает никто. Мы можем высказывать только догадки или предположения по этому поводу. Точно так же, как никто – ни исследователи, ни любители музыки – не обладает точным знанием о творческом замысле композитора, о том, что он хотел сказать своим произведением. Да и сам композитор вряд ли бы мог абсолютно точно определить, что он хотел сказать своим циклом. Из моих наблюдений над творчеством разных композиторов могу твёрдо сказать, что у творцов не было единого, раз и навсегда устоявшегося мнения о том, что собой представляют их произведения.

Долгое время исследователи проходили мимо конкретных событий того времени, когда создавался этот цикл. Практически никто не пишет, когда Шостакович приобрёл сборник стихов, когда он проявил интерес к стихам в этом сборнике. Об этом косвенно датирующем признаке многие исследователи вовсе не упоминают или упоминают как бы вскользь, не придавая этому никакого значения. Вот как пишет С. Хентова: “В пристанционном киоске, куда Шостакович заглянул, ожидая поезда на Ленинград, он купил, чтобы не скучать в пути, книжку стихов “Еврейские народные песни”⁵⁶. К. Мейер в своей монографии “Шостакович” буквально вторит Хентовой: “Совершенно случайно летом 1948 года родилось одно из наиболее волнующих произведений Шостаковича. Проходя однажды мимо книжного магазина, композитор заметил на витрине выпущенную год назад тетрадь еврейских песен, собранных И. Добрушиным и А. Юдицким”⁵⁷.

Лишь один обстоятельный исследователь, профессор Иоахим Браун, упомянул определённую дату. На основании интервью, которое он взял в Тель-Авиве у Наталии Михозэls 12 марта 1981 года, в своём эссе “Еврейские песни Шостаковича” он написал следующее: “По свидетельству Наталии Михозэls <...> был май 1948 года, когда Шостакович впервые задал вопрос в её присутствии о произношении некоторых еврейских слов и о ритмическом потоке (flow) оригинальных фольклорных текстов, которые он знал лишь в русском переводе”⁵⁸. Итак, в мае 1948 года. Стоит только вспомнить некоторые события того времени, чтобы понять неслучайность интереса Шостаковича к еврейским поэтическим текстам и их звучанию на языке подлинника. В современной истории евреев в этом месяце 1948 года была одна знаменательная дата – 14 мая. В этот день было создано государство Израиль.

Об этом сообщила на следующий день газета “Правда”. Шостакович был постоянным и очень внимательным читателем главной партийной газеты. Даже снимок один сохранился: Шостакович, читающий свежий номер газеты “Правда”. Каждый номер газеты читался целиком, что называется, от корки до корки, с передовой на первой странице до газетного объявления на последней.

И композитор не мог не обратить внимания на краткую информацию об этом событии. Он вообще всегда был в курсе всех политических событий. И конечно, он хорошо был осведомлён о событиях в Израиле. Он хорошо знал, что в судьбе молодого государства первоначально играл значительную роль СССР. Знал и надеялся на заключение договора между СССР и Израилем. И вполне возможно, что это ожидаемое событие и могло стать причиной, побудившей Шостаковича написать свой цикл.

К его сочинению Шостакович приступил в августе 1948 года. В это время уже почти год шла первая арабо-израильская война. Советский Союз был на стороне Израиля, по инициативе правительства Советского Союза из Чехословакии в Израиль непрерывным потоком шло оружие, военные советники – из советских евреев, имевших боевой опыт, – помогали вооружённым силам Израиля. Сталин устанавливал в Израиле свою разведывательную сеть, поддерживал левые партии, коммунистов, леворадикальную рабочую партию “МАПАМ”⁵⁹. 18 июля 1948 года между израильянами и арабами было заключено второе перемирие. В августе Шостакович приступает к сочинению цикла и к концу августа завершает работу над первыми восемью песнями.

15 октября израильская армия, нарушив перемирие, начинает операцию “Йоав” против египетских войск, ставя целью захватить стратегически важную территорию. 21 октября израильяне взяли важный опорный пункт Беэр-Шева, открывавший дорогу в пустыню Негев, а 22 октября было объявлено очередное перемирие.

В сентябре в Москву прибывает Голда Мейерсон (Меир), чрезвычайный посланник и полномочный министр государства Израиль. Она пытается установить контакты, организовать встречи с разными людьми, и не только из дипломатического корпуса. Она посещает Еврейский театр. Её визиты в большую хоральную синагогу в Москве 4 октября на празднование еврейского Нового года и 13 октября в праздник Судного дня (Йом Киппур) не прошли незамеченными. По поводу последнего посещения (13 октября), как пишет специалист по еврейскому вопросу Г. В. Костырченко, “главный раввин С. М. Шлифер так вдохновенно произнёс молитву “На следующий год – в Иерусалиме”, что вызвал бурный восторг у присутствующих. Этот сакральный стих превратился в политический лозунг, который скандировался огромной толпой, которая сопровождала Меир и других израильянов до их резиденции в гостинице “Метрополь”⁶⁰.

На приёме по случаю 31-й годовщины Октябрьской революции, данном Молотовым для аккредитованных в Москве иностранных дипломатов, его супруга Полина Жемчужина демонстративно уединилась с Голдой Меир и, как пишет тот же Костырченко, “заявила ей на идише (который Жемчужина хорошо знала): “Я – еврейская дочь”. Затем она одобрительно отозвалась о посещении Меир Московской хоральной синагоги, где послу была устроена торжественная встреча, а на прощанье, желая благополучия народу Израиля, подчеркнула, что если ему будет хорошо – будет хорошо и евреям в остальном мире”⁶¹. Последние, “счастливые” песни своего цикла Шостакович писал именно в это время, работу над циклом он завершил 24 октября 1948 года.

Переводы и сами тексты песен явно слабые, и не случайно Анна Ахматова ужасалась, заметив, что “это предел безвкусицы”⁶². Но Шостакович выбирал тексты отнюдь не за их поэтические достоинства. Он искал своего героя будущего цикла. Советская литература и поэзия 1920-х – 1930-х годов оставила много выразительных образов еврейских комиссаров, военачальников, разведчиков, героев гражданской войны. Достаточно вспомнить героев А. Фадеева, И. Бабеля, Ю. Либединского, М. Слонимского, стихи Э. Багрицкого, И. Уткина. Шостакович намеренно проходит мимо подобного типа поэзии и героев. Ни о какой “еврейской революции в русской революции”, ни о какой ассимиляции, ни о каких-либо героях гражданской войны, еврейских комиссарах или военачальниках типа Нахимсона, Левина, Торбы в цикле нет и речи. Даже колоритных народных героев революции и гражданской войны типа Бени Крика здесь не найти. Здесь совсем иной герой.

В 1934 году на Первом Всесоюзном съезде советских писателей в своём выступлении Ицик Фефер открыто заявил: “Бодрость и оптимизм – вот характерные черты еврейской советской поэзии”; “человека воздуха”, который так замечательно был дан гением Шолома Алейхема”, “изломанных, разбитых, угнетённых и придавленных людей, которые стояли в центре дооктябрьской

литературы, в советской литературе больше нет. Эти горбатые люди исчезли из нашей жизни и больше не вернутся”⁶³.

Именно этих “горбатых людей”, “людей из воздуха” вернул в искусство Шостакович. Одна из песен его цикла представляет собой вариант знаменитой “Колыбельной” Шолома-Алейхема. Вот герои Шолома-Алейхема, тот же Тевье-молочник со своей женой Голдой и детьми, захолустный быт еврейского местечка, и вместе с тем характерные привычки, повадки, все эти какие-то жалкие и смешные “пузочки” и “гусочки”, обычаи и проявления разных чувств – влюблённости, горя, счастья, юмора, причудливо переплетающегося с лирикой (есть в этом что-то от Шагала), – всё это Шостакович нашёл в сборнике старых и новых, “советских” народных песен.

Хорошо известная Шостаковичу советская массовая песня была пронизана ритмами клезмерской музыки, интонациями фрейлахса, начиная с “Марша Будённого” Дм. Покрасса и заканчивая песней “День Победы” Д. Тухманова, созданной за несколько месяцев до смерти Шостаковича. Это вошло через радио и кино в музыкальный быт советского народа – достаточно вспомнить репертуар Леонида Утёсова, кинофильмы с музыкой И. Дунаевского, тот же фильм “Счастье” или знаменитую песню М. Блантера “Катюша”. Конечно, это не могло пройти мимо чуткого, цепкого слуха Шостаковича.

К концу 1948 года в отношениях между Израилем и СССР наступило охлаждение. Агенты советской разведки были постепенно разоблачены, коммунисты и “левые” в Израиле не стали ведущей политической силой. К концу 1948 года американцам при помощи Англии удалось переманить Израиль на свою сторону, был подписан известный договор о помощи. Сталин понял, что из его затеи сделать Израиль сателлитом СССР ничего не получилось. К тому же его явно встревожил буквально взрыв самоидентификации евреев.

Конечно, Шостакович не мог предугадать, что из затеи Сталина с Израилем ничего не получится, что вождя напугает “беспрецедентная демонстрация возрождения национального самосознания”⁶⁴. Цикл лёг в стол, и лишь в 1955 году он был впервые опубликован.

В своё время И. И. Соллертинский в разговоре со Свиридовым (скорее всего, это было в годы войны в Новосибирске) заметил, что “евреи (типа Лебединского⁶⁵ и других) возненавидели Революцию, как любовницу, которая их разлюбила”⁶⁶. Та самая революция, в которую евреи вложили свою страсть, душу, в которой они приняли едва ли не самое заметное, массовое участие среди народов Российской империи. Евреи теряли революцию, её достижения, но обретали вновь чувство крови, вновь почувствовали себя единым этносом.

После смерти Сталина в начале “оттепели” в еврейской среде постепенно стал вызревать новый этнический национализм. Теперь они видели в СССР некое подобие древнего Египта при фараонах. Назревала идея нового Исхода. Идеи сионизма стали весьма актуальными, особенно для еврейской молодёжи. Начинаясь новый виток в истории “еврейского вопроса”⁶⁷. В этих условиях цикл “Из еврейской народной поэзии” и его финальная песня “Счастье” зазвучали совсем по-новому. Её заключительная строка “Звезда горит над нашей головой” обретала новый, символический смысл. Наиболее чуткие из евреев, с чувством повышенного национального достоинства слышали теперь в цикле некую новую Сиониду...

К тому же Шостакович не поступился и исторической правдой. Общеизвестно, что революция в России проходила при энергичном участии евреев. И 1920–1930-е были годами “еврейского возвышения”⁶⁸. Чисто с музыкальной точки зрения Шостакович не мог ограничиться только восемью первыми песнями и завершить цикл трагической песней “Зима”. Цикл получил логическое завершение в виде трёх последних песен. И вполне органично звучит финальная песня цикла “Счастье” – это колоритный, очень сочный, реалистический портрет еврейской матери, с гордостью говорящей о своих сыновьях, ставших врачами, инженерами:

*И всей стране хочу поведать я
Про радостный и светлый жребий мой:
Врачами, врачами наши стали сыновья —
Звезда горит, горит над нашей головой.*

...Эсфирь Самойловна Замощина выходила на пляж Ланжерон и кричала своим известным всей Одессе детям: “Эмиль! Лиза! Гилельсы!!! Домой, обедать!” Это может кому-то показаться смешным тщеславием, но тот же Свиридов подметил совсем другое. Вспоминая, как к нему, начинающему композитору, относились его товарищи по музыкальному техникуму, он не без горечи заметил: “Хвала евреям, которые (кого я знал!) с интересом, с уважением, а подчас и с чувством гордости за “своего” говорили о тех, кто сочинял, стараясь поддержать в них дух созидания и внушить окружающим сознание серьезности дела, о котором идёт речь. И это не значит, что речь шла о великом, нет! Но само это сочинительство инстинктивно расценивалось как чудо, как некая “божественная отметина” на лбу человека, которой Господь метит своего избранника. У нас же, у русских, это вызывает чувство злобы: “Ишь – захотел выделиться!” – выскочка и пр. За это бьют, ненавидят”⁶⁹.

И это касалось не только композиторского творчества. Эсфирь Самойловну и тысячи ей подобных евреек, вышедших из местечек, этих людей “из воздуха”, обуревала гордость за своих детей с “божественной отметиной” на лбу, будь они врачи, шахматисты или музыканты.

Точно так же, как цикл “Из еврейской поэзии”, Первый скрипичный концерт был написан, точнее, завершён летом 1948 года. Это одно из выдающихся сочинений Шостаковича, и оно также насыщено еврейскими интонациями. И точно так же, как в песне “Счастье” из вокального цикла, в неистовом танце, в самом конце финала концерта слышны звуки ликования, радости. Все, писавшие о концерте, отмечали танцевальную природу финала⁷⁰. Но это был почти что сакральный танец. “Вознесись, Господи, силою Твоею: мы будем воспевать и прославлять Твоё могущество” (Пс. XX, 14). И весь смысл концерта можно выразить одной фразой: “Через страдания – к победе”. Как и вокальный цикл, концерт был исполнен в том же 1955 году. Великолепная игра Д. Ойстраха с оркестром Ленинградской филармонии под управлением Е. А. Мравинского произвела сильное впечатление на публику, премьера имела большой успех.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ На посту министра культуры этот выдвиженец Сталина не засидится долго. Уже в марте 1954 года Никита Хрущёв пошлёт его на целину.

² “Советская музыка”. 1954. № 1. С. 154.

³ Хачатурян А. Десятая симфония Д. Шостаковича // “Советская музыка”. 1954. № 3. С. 24.

⁴ Там же. С. 25.

⁵ См. его статью “Д. Шостакович”, впервые опубликованную в журнале “Вестник РХД”, Париж, 1978. № 125.

⁶ См.: Грошева Е., Сабинина М. К спору о воплощении отрицательного образа в музыке // “Советская музыка”. 1954. № 7. С. 53–59.

⁷ Апостолов П. Ещё об образах зла и методах полемики (в разделе “Трибуна”) // “Советская музыка”. 1954. № 10. С. 53–62.

⁸ Ярустовский Б. Десятая симфония Д. Шостаковича // “Советская музыка”. 1954. № 4. С. 8–24.

⁹ Волконский А. Оптимистическая трагедия // “Советская музыка”. 1954. № 4. С. 25–28.

¹⁰ См.: Данилевич Л. Об оркестровом мастерстве // “Советская музыка”. 1954. № 5. С. 18–24; Орлов Г. Обогащение жанра (О советской лирико-драматической симфонии) // “Советская музыка”. 1954. № 11. С. 10–15.

¹¹ “Советская музыка”. 1954. № 6. С. 11–13.

¹² Левашёв Ю. “Моя Родина” (Вокальный цикл Ю. Свиридова) // “Советская музыка”. 1954. № 7. С. 28–35.

¹³ Там же. С. 34.

¹⁴ Там же. С. 35.

¹⁵ “Советская музыка”. 1954. № 12. С. 3–11.

¹⁶ Сокольский М. Новое исполнение Десятой симфонии Д. Шостаковича // “Советская музыка”. 1954. № 12. С. 86–87.

- ¹⁷ Заключительный концерт симфонического оркестра Ленинградской филармонии. (Концерт 27.12.54 в БЗК) // "Советская культура". 1955. 1 янв., № 1 (235). С. 4.
- ¹⁸ Саква К. Е. Мравинский (Два дирижёра. Концерты Ленинградского симфонического оркестра в Москве) // "Советская культура". 1955. 8 янв., № 4 (238). С. 2.
- ¹⁹ Апостолов П. Вопросы поэтики советской симфонии (В порядке обсуждения к предстоящему VIII пленуму Правления Союза композиторов СССР) // "Советская музыка". 1955. № 1. С. 18–31.
- ²⁰ "Советская музыка". 1955. № 2. С. 5.
- ²¹ См.: Записка отдела науки и культуры ЦК КПСС о "нездоровых" настроениях среди художественной интеллигенции. 8 февраля 1954 года. П. Н. Поспелову. В кн.: Культура и власть от Сталина до Горбачёва. Документы. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. Документы. / Сост. Е. С. Афанасьева, В. Ю. Афгани (ответственный редактор), З. К. Водопьянова (ответственный составитель), Т. А. Джалилов, Т. А. Джалилова, М. Ю. Позументчиков. М., РОССПЭН, 2001. Документ № 47. С. 198–203.
- ²² Шостакович Д. Радость творческих исканий // "Советская музыка". 1954. № 1. С. 42.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Первой шла передовица В. Довженко "Великое братство", потом воззвание К. Данькевича "Прославим дружбу братских народов" и статья В. Кухарского "Советская историческая опера" — об оперных премьерах "Декабристы" Ю. Шапорина на сцене Большого театра СССР и новой редакции "Богдана Хмельницкого" К. Данькевича в Академическом театре оперы и балета им. Т. Шевченко в Киеве.
- ²⁷ Дзержинский И. Бороться за реалистическое искусство! // "Советская музыка". 1954. № 1. С. 50.
- ²⁸ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР "О присвоении почётного звания нар. арт. РСФСР Хренникову Тихону Николаевичу". От 16 декабря 1954 года. См.: "Советская культура". 1955. 6 янв., № 3 (237). С. 1.
- ²⁹ Записка отдела науки и культуры ЦК КПСС о ходе дискуссии, посвящённой 10-й симфонии Д. Д. Шостаковича. 19 апр. 1954 года. В кн.: Культура и власть от Сталина до Горбачёва. Документы. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. Документы... Документ № 51. С. 212.
- ³⁰ Там же. С. 213.
- ³¹ Там же. См. № 14. Записка отдела науки и культуры ЦК КПСС о недостатках в работе с творческими кадрами Союза советских композиторов СССР 14 мая 1953 года. На имя П. Н. Поспелова писали А. Румянцев, П. Тарасов, Б. Ярустовский. Там же. С. 81–85.
- ³² Там же. См.: № 31. Записка отдела науки и культуры ЦК КПСС об итогах совещания отдела с секретарями ССК СССР 29 августа 1953 года. С. 142.
- ³³ Выдвигая в начале 1954 года на звание заслуженного деятеля искусств РСФСР В. А. Белого, Хренников имел в виду его перевод из Минска, чего он, в конце концов, и добился. Белый стал его правой рукой и главным советником. Хренников вёл свою выверенную кадровую политику. И она сослужила ему службу.
- ³⁴ О причинах отказа см.: Музыка вместо сумбура: Композиторы и музыканты в Стране Советов 1917–1991 / Сост. Л. Максименков. М., Международный фонд "Демократия", 2013. С. 450–451.
- ³⁵ См.: Т. Н. Хренников — ЦК КПСС. О созыве Второго Всесоюзного съезда композиторов СССР. 3 июля. Опубликовано в кн.: Музыка вместо сумбура... С. 450.
- ³⁶ См.: А. М. Румянцев, П. А. Тарасов и Б. М. Ярустовский — ЦК КПСС о созыве Второго Всесоюзного съезда композиторов СССР. 16 июля 1954 года. Там же. С. 451–452.
- ³⁷ См.: Записка отдела науки и культуры ЦК КПСС о просьбе Т. Н. Хренникова принять секретарей ССК СССР по вопросам деятельности Союза. 25 сентября 1953 года. Секретарю ЦК КПСС тов. Суслову М. А. Авторы записки Ф. Хрустов, П. Лебедев и Б. Ярустовский. В кн.: Культура и власть от Сталина до Горбачёва. Документы. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. Документы... Документ № 34. С. 159–160.

- ³⁸ См.: РГАЛИ, Ф. 2077, оп. 1, ед. хр. 1022. Протоколы (копии) заседания секретариата ССК СССР от 1 по 43 за 1955 год. Начато 4 января 1955 года. Окончено 30 декабря 1955 года. На 114 листах. Протокол № 1 от 4 января 1955 года, лист 2. О сроке проведения VIII пленума Правления СК СССР.
- ³⁹ Там же, протокол № 3 от 18 и 20 января.
- ⁴⁰ Он выступал на конференции, посвящённой симфоническому творчеству ленинградских композиторов в Союзе ленинградских композиторов в 1935 году. В декабре 1937 года на дискуссии по результатам первой декады советской музыки фактически главным предметом обсуждения были симфонические произведения и, в первую очередь, его Пятая симфония. В мае 1941 года симфоническому творчеству был посвящён специальный пленум Оргкомитета СК СССР.
- ⁴¹ Курский А. “Экономический закон планомерного развития народного хозяйства” // “Правда”. 1955. 5 янв. № 5 (13303). С. 2.
- ⁴² Правда. 1955. № 24 (13322). С. 2.
- ⁴³ Усердие Д. Шепилова потратить новому хозяину доходило порой до комичного. На торжественном заседании в Большом театре 22 апреля 1955 года по поводу 85-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина Шепилов читал доклад “Идеи Ленина озаряют путь к коммунизму” и не преминул угодливо заметить: “Ещё в 1921 году Ленин указывал на большие преимущества кукурузы...” См.: “Правда”, 23 апр. 1955 г., № 113 (13411). С. 2.
- ⁴⁴ В одном из своих поздних интервью Шепилов признался: “Как и многие, я воспринял талант Хренникова как нечто свежее, яркое, искреннее”. См.: “Дальше медлить было нельзя” (Рассказывает Д. Т. Шепилов) // И примкнувший к ним Шепилов: Правда о человеке, учёном, воине, политике. / Сост. Т. Толчанова, М. Ложников. М., “Звонница-МГ”, 1998. С. 142–143. Сам Т. Хренников считал, что Шепилов любил его музыку (См. Хренников Т. Судьба человеческая. Там же. С. 149).
- ⁴⁵ ЦГАЛИ СПб, ф. 348, оп. 1, № 388. Протоколы заседаний камерно-симфонической секции ЛОССК. 5 января – 9 ноября 1955 года. На 62 листах. Протокол № 4 заседания от 16 февраля 1955 года. Л. 7.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Протокол № 15 от 31.X.55. Там же. Л. 120.
- ⁴⁸ Там же. Л. 124.
- ⁴⁹ Довоенная квартира С. Я. Маршака на Литейном пр., 21 была неподалёку от дома, куда в мае 1941 года из Курска переселилась мать Г. В. Свиридова Елизавета Ивановна (Литейный пр., д. 15, кв. 3). Именно в этой квартире в начале 1950-х годов я слышал и запомнил песни на слова Роберта Бёрнса в исполнении дяди, сидя под роелем. Не знаю, на какой из премьер, ленинградской или московской, Маршак познакомился со Свиридовым. Помню, что Георгий Васильевич тепло отзывался о Самуиле Яковлевиче и ценил его доброе отношение к своим песням. В личном архиве Г. В. Свиридова сохранилось письмо С. Я. Маршака.
- ⁵⁰ Цит. по изд.: Хентова С. Шостакович: Жизнь и творчество. Том 2. Л., “Советский композитор”, Ленинградское отделение, 1986. С. 258, сноска 1.
- ⁵¹ Телеграмма хранится в личном архиве Г. В. Свиридова. Помимо Шостаковича, с премьерой цикла Песен на слова Роберта Бёрнса его поздравила группа композиторов и музыковедов. В личном архиве Свиридова сохранилась ещё одна телеграмма, высланная в тот же день, что и телеграмма Шостаковича: “Горячо поздравляем огромным успехом цикла. Восхищены силой, глубиной, правдой музыки. Желаем здоровья, обнимаем. Власов, Нестьев, Фере, Кухарский”.
- ⁵² Крейтнер Г., Попов Ин. Большое событие в художественной жизни страны” // “Советская культура”. Четверг, 29 декабря, № 159 (392). С. 3.
- ⁵³ Акопян Л. Дмитрий Шостакович: Опыт феноменологии творчества. СПб., “Дм. Булавин”. 2004. С. 326.
- ⁵⁴ Хаздан Е. Цикл “Из еврейской народной поэзии”: этномузыковедческий аспект. В кн.: Дмитрий Шостакович. Исследования и материалы. Вып. 2. Ред.-сост. О. Дигонская, Л. Ковнацкая. М., DСH, 2007. С. 196.
- ⁵⁵ См.: Еврейские народные песни / Сост. проф. И. М. Добрушин, А. Д. Юдицкий; под ред. акад. Ю. М. Соколова. М., “Гослитиздат”, 1947.
- ⁵⁶ Хентова С. Шостакович. Жизнь и творчество. Т. 2. Л., “Советский композитор”, ЛО, 1986. С. 240.
- ⁵⁷ Мейер К. Шостакович: Жизнь. Творчество. Время. М., СПб., DСH. “Композитор”, Санкт-Петербург, 1998. С. 292.

- ⁵⁸ Цит. по изд.: *Braun Joachim*, prof. Shostakovich's Jewish Songs: From Jewish Folk Poetry, op. 79 // *DSCH Journal*. No 32. January 2010. P. 15.
- ⁵⁹ Как вспоминал Шимон Перес, «партия МАПАМ <...> объединяла две социалистические партии: «Ахдут ха-авода» и «Ха-шомер ха-цаир». В сороковые и пятидесятые годы прошлого века эта партия возлагала все свои надежды на блок социалистических стран во главе с СССР, считая Советский Союз передовым государством, борющимся с колониализмом». См.: *Перес Шимон*. Мой Бен-Гурион. Политическая биография. Беседы с Давидом Ландау. М., «ГАММА-ПРЕСС», 2013. С. 148.
- ⁶⁰ *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина. Новая версия. Часть II. На фоне холодной войны. М., «Международные отношения», 2015. С. 215.
- ⁶¹ *Костырченко Г.* Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М., РОССПЭН, 2009. С. 179-180.
- ⁶² Цит. по изд.: *Аколян Л.* Дмитрий Шостакович: Опыт феноменологии творчества. СПб. «Дм. Булавин», 2004. С. 286, сноска 73.
- ⁶³ Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчёт. М., «Гослитиздат», 1934 / репринт М., «Советский писатель». 1990. С. 166.
- ⁶⁴ К концу 1948 года стало очевидным, что Израиль не войдёт в коалицию с СССР, поскольку США перехватили инициативу. «Поэтому советский вожь должен был, к собственному сожалению, распрощаться с мечтой вовлечь Израиль в сферу советского влияния, — пишет Г. Костырченко. — Это разочарование властителя усугублялось тем, что советские евреи продолжали испытывать его терпение беспрецедентной демонстрацией возрождения национального самосознания. Возникшая в результате угроза внутренней стабильности в СССР плюс отмечавшееся в то время обострение холодной войны заставили сталинскую империю запустить в очередной раз спасительный для неё механизм репрессий». См.: *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина... С. 227.
- ⁶⁵ Лев Лебединский — видный деятель РАПМ. С 16 лет работал следователем в ЧК. В 1950-е годы вошёл в доверие Шостаковича и помогал ему в бытовых делах. Позже написал свои воспоминания о якобы дружбе с Шостаковичем.
- ⁶⁶ Музыка как судьба... С. 364.
- ⁶⁷ В возрождении сионистских идей в Советском Союзе, несомненно, сыграла свою роль протянутая рука помощи со стороны Всемирной сионистской организации, Еврейского агентства и других общественных организаций. Как вспоминает Шимон Перес, «с целью оказания действенной помощи евреям за «железным занавесом» Бен-Гурион создаёт в 1952 году организацию «Натив» («Путь»), известную также как «Лишкат ха-Кешер» («Бюро по связям»). Возглавлял это «Бюро по связям» с советским еврейством Шаул Авигур, верный друг и помощник Бен-Гуриона. <...> Цель «Натива» — спасти каждого еврея, которого можно спасти, вырвав его из когтей коммунизма: КАЖДОГО ЕВРЕЯ, любым путём! Необходимо изо всех сил пытаться поддержать еврейское образование, еврейскую культуру, переправляя тайно в Советский Союз книги, учебники». См.: *Перес Шимон*. Мой Бен-Гурион. Политическая биография. Беседы с Давидом Ландау. М., «ГАММА-ПРЕСС», 2013. С. 176.
- ⁶⁸ См. *Слэзкин Ю.* Эра Меркурия: Евреи в современном мире / Авторизованный перевод с английского СМ. Б. Ильина. Изд. 2-е. М., «Новое литературное обозрение». 2007.
- ⁶⁹ Свиридов Г. В. Музыка как судьба... С. 505-506.
- ⁷⁰ В своей рецензии на исполнение концерта в Большом зале Ленинградской филармонии 29 октября 1955 года критик Ин. Попов несколько туманно (но понятно «для посвящённых»!) отметил в финале концерта «интонационные связи с образами народных празднеств». *Попов Ин.* Скрипичный концерт Д. Шостаковича ля минор // «Советская культура». 1955. Вторник, 1 ноября, № 134 (367). С. 1, под рубрикой «Новости искусства»).

(Продолжение следует)

АЛЕКСАНДР РАЗУМИХИН

РОГАТКА ДЛЯ ПУШКИНА

Сегодня можно услышать, что с распадом СССР мы потеряли очень много, но приобрели свободу. В том числе свободу читать, что хочешь, любых писателей, кого пожелаешь. Тех, кого раньше не печатали, кто был запрещён, кто был выслан и кто сам уехал. Свободе этой очень радовались. С тех пор прошло не так уж много времени, но, странное дело, многие ловят себя на мысли, что былая радость куда-то подевалась.

И потому что читать то, что нынче свободно можно – бери на прилавке! – зачастую нет никакого желания. Ни из первого ряда рейтинговых изданий отечественных авторов, ни из мировых бестселлеров с их миллионными тиражами по всему свету. В одних случаях – скучно, в других – противно.

И потому что свобода разрешила людям не читать вообще. Ни классики, ни новинок. Родилось понятие, объясняющее это явление, – слишком *много букафф*. Тратить на них время для кого-то лень, ибо требует некоторых усилий, для кого-то чтение не вписывается в модный тренд, сидеть в Twitter и в ВКонтакте куда престижней.

В результате мы перестали удивляться Лермонтову, который, оказывается, написал “Муму” и “Горе от ума”. Из Забайкалья знакомая учительница подружески разъясняет: “Я как-то писала о том, что выпускники филфака не читают “Преступление и наказание” в вузе, не читали “такой ерунды” (цитирую будущего педагога) и в школе... Так что... уже хорошо, что “Горе от ума” Лермонтову приписали, а не Гоголю. Стихи и прозу различают”.

Кто пограмотней (прокурор-депутат, журналист, возможно, филолог), может, и различают. А кто попроще, кто с детства только мяч и гонял, спортсменом стал, кто знает, может, считает “Муму” романом в стихах.

И тут я перехожу к занимательной теме: связи наших познаний по литературе в объёме школьной программы с поездками за рубеж, после которых в интернете появляются отклики путешествующих россиян, очень часто состоящие из реплик про то, что для одного “кухня отличная! Особенно рулька – пальчики оближешь!”, а для другого “выбор по меню нормальный, но цены мне показались выше среднего. Заказали утку, неплохо, но не более того. Рулька у товарища не впечатлила, показалась небольшой по сравнению с обычно подаваемыми”.

Согласитесь, каждый подобный отклик, содержащий отзыв о конкретном ресторане, одновременно прорисовывает профиль самого туриста. И он оказывается не всегда симпатичным, а иной раз и достаточно неприятным.

“Шикарное место, стены внутри расписаны картинами, балы и всё такое, вкусное пиво, еда великолепная и готовят недолго, не надо ждать, не обсчитывают”.

“В честь нашего шурика назвать ресторан – пушкиным... на самом деле ребят – ваще путевый ресторанчик – здесь можно отдохнуть компанией – можно даже шумной, есть отдельный кабинки – очень уютный, красивый и не дорогой...”

Последний отзыв я позволил себе дать в авторской орфографии и пунктуации. Из этих четырёх строк становится понятным, почему далеко не всех разъезжающих по свету россиян привечают за границей. И ведь попробуй объясни такому “путешественнику”, кто он такой есть и как выглядит в глазах иностранцев, и почему многие, пересекая границу, стараются держаться подальше от подобных соотечественников.

Впрочем, приведённые здесь отклики имеют ту особенность, что относятся к вполне реальному ресторанчику “Пушкин” (“Puškin”) неподалёку от Староместской площади в Праге.

Благодаря своему названию ресторан особо притягивает наших соотечественников. Ибо, что ни говори, встретить уголок русской истории в чужой стране всегда приятно. А уж тем более, когда столько людей побывало до меня в нём, столько услышало про то, что родословная хозяина ресторана напрямую связана с родом Пушкиных. Сколько посетителей ресторана рассматривали и наверняка фотографировали родословную пражского Павла Пушкина.

Правда, многие, даже знающие, что пражский Павел Пушкин из рода Пушкиных, по простоте душевной соотносят его с Александром Сергеевичем. Однако в данном случае родословная, представленная на стене ресторана, убеждает нас, что его происхождение следует как бы параллельной линией, точнее, от той ветви, которая ведёт своё продолжение от брата Александра Сергеевича Пушкина.

А посему, пережевывая мясо утки и запивая его пивом, посетители с глуповатым пиететом внимают рассказ официанта про родство хозяина заведения с Пушкиным по линии брата.

Все мы в школу ходили и на уроках по литературе присутствовали, что-то небось про Пушкина читали и произносили, мол, “наше всё”. И даже памятью о сказанных им словах, что “мы ленивы и нелюбопытны”, к себе лично эти слова никак не относим. Мы неграмотны и даже на уровень ликбеза не поднялись. А потому принимаем на веру всё, что слышим, нисколько не задумываясь.

Мне, признаюсь, не доводилось специально заниматься темой потомков нашего великого поэта (так обычно и привычно его величают, хотя велик он был и в прозе, и в драматургии). Но знаю, что в России прямых потомков А. С. Пушкина не осталось сейчас вовсе. Со смертью правнука поэта – Григория Григорьевича Пушкина (1997), с которым мне довелось быть лично знакомым, когда работал в книжном издательстве “Дружба народов”, и его сына Александра Григорьевича (1992) прервалась прямая мужская линия живших в Москве потомков Пушкина.

За рубежом по всему миру у Александра Сергеевича Пушкина (нашёл в своих записях) несколько лет назад оставалось 234 потомка. Поскольку в семьях потомков Пушкина рождалось больше девочек, прямых потомков (по мужской непрерывающейся линии) было немного. В последние годы иной раз можно было видеть, как потомки в том или ином составе собирались и приезжали в Россию.

Самым “знаменитым” среди потомков стал (в силу того, что событие произошло совсем недавно) прапраправнук поэта, старший сын герцога Вестминстерского Джеральда Гросвенора, который унаследовал от отца титул и состояние в 12,3 млрд долларов. Его мать, вдова Наталья Гросвенор, крестная мать принца Уильяма, дальний потомок Александра Сергеевича Пушкина, его правнучка. Так что 25-летний англичанин Хью Гросвенор, крестный отец принца Джорджа, сына принца Уильяма и Кейт Миддлтон, – прямой потомок Александра Пушкина по материнской линии, – стал самым молодым миллиардером Англии.

Родословное древо, нарисованное на стене пражского ресторана, иллюстрирует факт, что Павел Пушкин приходится прапраправнуком родного брата Александра Сергеевича. Следовательно, он, если я не ошибаюсь, является прапраправнучатым племянником Александра Сергеевича. Ни стихов он не пишет, ни в прозе не замечен, и вообще по-русски Павел Пушкин не говорит.

Сегодня 61-летний Павел Пушкин – бизнесмен. Окончил некогда школу ресторанного бизнеса, владеет несколькими ресторанами и кафе в Праге (в Кар-

ловых Варах я тоже видел ресторан “Пушкин”, смею предположить, что и его владелец Павел Пушкин), параллельно занимается недвижимостью. В одном из интервью сказал, что, сложись судьба иначе, он посвятил бы свою жизнь музыке. Но надо было кормить семью. Сохраняя в памяти пушкинские строки “Там русский дух... там Русью пахнет” и пытаюсь применить их к чешскому Пушкину, надо признать, что пушкинского в нём, по его собственному признанию, разве что нос в профиль. И вообще, в том же интервью он говорил:

“Можно сказать, что до 1968 года мы как-то не очень афишировали наше происхождение. Дедушка, конечно, но говорил, что мы из этого рода, но это держалось в семейной тайне. Как говорил мой дедушка: “Тише едешь – дальше будешь”. Дедушка также боялся возможных репрессий”.

А в 1968 году, когда в Прагу вошли советские танки, у 13-летнего подростка-“русака”, как его стали обзывать одноклассники, при том что он родился в Праге (его родители переехали в Чехию в 1945 году с Западной Украины), было достаточно неприятностей.

После 1989 года 12 лет он провёл в эмиграции в Австрии, затем вернулся в Прагу и открыл здесь свой винный погребок. Тогда в его планы даже не входило использовать имя Пушкина:

“Я думал, – вновь цитирую интервью, – что люди будут меня как-то ассоциировать с именем Пушкина, или, может быть, у меня будут неприятности с русской мафией. Но владелица здания, в котором я открыл своё кафе и винный погребок, хотела, чтобы он назывался “Пушкин”.

Она оказалась права: в открывшийся ресторан людей приходит всё больше, и среди них много из России. Однако заслуги Павла Пушкина в названии ресторана я особой не нахожу. Как, впрочем, и особого его внимания к своим предкам. В подтверждение приведу ещё одну фразу, сказанную им журналистке. По словам Павла Пушкина, “немногие знают, что он – потомок рода Пушкиных, а точнее – той ветви, которая вела своё продолжение от Василия, брата Александра Пушкина”.

Стоп! Вообще-то имя единственного брата Александра Сергеевича – Лев, сам Пушкин называл его Лёвушкой. Оговорка? Незнание? Равнодушие? У родного брата Пушкина, Льва Сергеевича, от брака с Елизаветой Александровной Загряжской было четверо детей: Ольга (1844–1923); Анатолий (1846–1903); Софья (умерла в младенчестве) и Мария (1849–1928).

Анатолий никак не Василий. Но в представленной в ресторане родословной вслед за Львом Сергеевичем Пушкиным (1805–1852) – родным братом Александра Сергеевича, обозначено чётко: Василий Львович Пушкин (1848–1915).

Впрочем, можно попытаться вникнуть, разобраться и предположить, откуда у “родословной” пражского Павла Пушкина растут ноги. У Александра Пушкина был родственник Василий Львович Пушкин, но годы его жизни (1766–1830), это его дядя.

Невелика разница: брат или дядя? Но тут приходится говорить, что у дяди Пушкина законных наследников не было. Один из современников Василия Львовича писал: “Оставил он детей побочных, только не знаю, успел ли он что сделать для них”.

Насколько я знаю, там была долгая и громкая история: Василий Пушкин хотел узаконить незаконнорожденных детей, но так и не смог усыновить (удочерить) их. Тем не менее простолюдника Анна Николаевна Ворожейкина напрасно боялась: Василий Львович сумел обеспечить её и детей, дочку Маргариту и сына Льва (оба жили “в семье” на положении воспитанников): после смерти он оставил ей всё своё благоприобретённое движимое имущество (оставить им своё недвижимое имущество и имя, то есть фамилию и дворянство, он не имел права) и заёмные письма, по которым ей и Маргарите полагалось получить 110 тысяч рублей. Ещё 78 тысяч он задолжал настоящим кредиторам, и его брат Сергей Львович, морщась и охая, выплачивал эти деньги много лет.

И даже предположив, что у дядино сына Льва впоследствии был сын Василий, Пушкиным он быть никак не мог.

Ресторанная родословная, представленная на стенке заведения при входе, и даты, проставленные в ней, что-то не прояснили мне ситуацию.

Приятный ресторан – ограничусь этими словами. Хотя мог бы, как некто в интернете, сказать круче: “Ресторан “Пушкин” не сильно раскручен, понравился, интересный интерьер, ели блюда чешской кухни. Ну, и пиво, пиво, пиво... Официант понимал по-русски, это уже отлично!”

Действительно, если есть пиво, пиво, пиво... зачем задавать лишние вопросы? Пушкин под пиво – согласитесь, очень мило, кто-то даже скажет – патриотично. Тот случай, что, если даже никакого реального и законного Пушкина не было, его следовало придумать. Прекрасный маркетинговый ход.

А далее можно следовать известными рекламными ходами и приёмами:

“Этот уютный ресторан известен своим необычным литературным интерьером, а также большим выбором блюд, как традиционных чешских, так и других кухонь мира. Ресторан PUSHKIN сумел стать неким “оазисом тишины и умиротворения” на территории шумного города. Здесь всегда играет приятная классическая музыка, а интерьер сделан так, что хочется рассматривать даже самые мелкие детали. Чего стоят резные арки, росписи стен, рассказывающие посетителям историю дуэли, а также портреты самого поэта. Меню ресторана имеется на разных языках, в том числе и на русском. Гордостью ресторана являются такие блюда, как запечённая утка с картофелем, гуляш и традиционный картофельный суп”.

Адрес ресторана “Husova, 14”. Захотите, заходите! Пережёвывая запечённую утку с картофелем, можете вспомнить и другую “утку” – так называют непроверенную или преднамеренно ложную информацию, опубликованную с корыстной или иной целью. При желании не грешно улыбнуться или даже посмеяться. А что, характерный юмор по-чешски.

Хотя, если разобраться и “по чесноку”, знавал я из литературы этого брата Васю. Да и вы наверняка тоже. Помните?

– “Вася! – закричал первый сын лейтенанта Шмидта, вскакивая. – Родной братик! Узнаёшь брата Колю?”

И первый сын заключил второго сына в объятия.

– Узнаю! – воскликнул прозревший Вася. – Узнаю брата Колю!

Счастливая встреча ознаменовалась такими сумбурными ласками и столь необыкновенными по силе объятиями, что второй сын черноморского революционера вышел из них с побледневшим от боли лицом”.

Брат Коля, это хорошо известно всем читателям “Золотого телёнка”, только что получивший от предисполкома восемь рублей и три талона на обед в кооперативной столовой “Бывший друг желудка”, тогда на радостях помял его довольно сильно. Любители И. Ильфа и Е. Петрова прекрасно помнят, какими словами та встреча завершилась, когда оба-два выбежали на улицу, чувствуя большое облегчение.

“За углом исполкомовского дома они остановились.

– Кстати, о детстве, – сказал первый сын. – В детстве таких, как вы, я убивал на месте. Из рогатки.

– Почему? – радостно спросил второй сын знаменитого отца.

– Таковы суровые законы жизни. Или, короче выражаясь, жизнь диктует нам свои суровые законы”.

Рогатки для пражского Павла Пушкина, как бы это помягче сказать, самозванца, путившего в свет утку, у меня с собой не было.

Уважаемые читатели!

В №5 на стр. 285 при перечислении молодых писателей, открытых “Нашим современником”, выпали имена дорогих для нас авторов – Елизаветы Мартыновой, Андрея Антипина, Елены Тулушевой, а поэтесса Карина Сейдаметова названа Елизаветой.

Приносим извинения читателям и молодым авторам.

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

АНТИСЕМИТСКИЕ МИФЫ ИЛИ НЕНУЖНАЯ ПРАВДА?

Двадцать третьего января 2017 года вице-спикер Госдумы и член правящей партии “Единая Россия” Пётр Толстой, комментируя многострадальную передачу Исаакиевского собора в управление Русской православной церкви, заявил, что **“люди, являющиеся внуками и правнуками тех, кто рушил наши храмы, выскочив из-за черты оседлости с наганом в 17-м году, сегодня, работая в разных других очень уважаемых местах – на радиостанциях, в законодательных собраниях, продолжают дело своих дедушек и прадедушек”**.

Эти несколько слов Петра Толстого вызвали настоящую лавину хулы, обвалившуюся на него чуть ли не по всем главным теле- и радиоканалам, со страниц крупных газет, а об интернет-сайтах и говорить нечего... Особенно мощный хор возмущённых голосов обрушился на Толстого с сайта “Московского бюро по правам человека”.

Точку зрения этой почтенной организации изложил директор бюро Александр Брод:

“Я не ожидал подобного от Петра Толстого. <...> Он заговорил на языке неоторых своих бывших “патриотично настроенных” героев токшоу. Толстой фактически озвучил антисемитские мифы о негативной роли евреев в истории Советской России”.

Президент “Российского еврейского конгресса” Юрий Каннер подхватил мысли Брода в комментарии “Медузе”: **“В России мало кто кроме интеллектуалов и евреев знает, что такое черта оседлости. Конечно, для евреев это звучит достаточно оскорбительно. Прежде всего потому, что это неправда”**.

Что есть “неправда” – существование черты оседлости или её разрушение в феврале 1917 года, Каннер не уточнил.

“Подобные заявления обычно приходится слышать от безответственных разжигателей антисемитских кампаний”, – заявил президент федерации еврейских общин России Александр Борода и добавил, что православные храмы разрушали в послереволюционную эпоху “те же рабочие и крестьяне, а не мифические “выскочившие из-за черты оседлости с наганами”.

Председатель Совета по правам человека при Президенте РФ Михаил Федотов горестно признался, что странно **“слышать от уважаемого парламентария высказывание, которое повторяет излюбленный тезис антисемитов**

о том, что революцию 1917 года делали евреи” <...> “Антисемитизм такая же позорная болезнь, как сифилис. В приличном обществе принято её скрывать, а не выставлять напоказ”.

После заявлений таких крупных идеологических тяжеловесов на правозащитный сайт выскочили функционеры помельче. Руководитель фракции “Яблока” Законодательного собрания С.-Петербурга Борис Вишневский назвал высказывания Толстого **“людоедскими”**.

Депутат Заксобрания Оксана Дмитриева обвинила несчастного в **“оскорблении памяти конкретных людей, которые воевали за Ленинград”**.

Посол Израиля в России Гарри Корен со вздохом констатировал: **“Это, конечно, разочаровывает”**.

Блогер Антон Носик окрестил вице-спикера **“националистом”**, **“духовным сыном Гитлера и Геббельса”** и добавил: **“Антисемитизм, служивший для нацистов важной духовной скрепой, не помог им победить СССР”**.

Оживился давно молчавший Виктор Шендерович: **“Судьба государства, которое вынимает из своих закромов антисемитизм, будет, уверяю вас, традиционно печальной”**.

Почувствовал наконец-то себя востребованным и Николай Сванидзе: **“Это воспринимается, как осознанное разжигание национальной розни” <...> “написано про “черту оседлости”, “А она ассоциируется со времён дореволюционной России понятно с кем, с евреями”**.

Президент федеральной еврейской национально-культурной автономии, член президентского совета по межнациональным отношениям В. Штернфельд был суров и беспощаден: **“Слова, сказанные с официальной трибуны <...> относятся ко всему народу”**.

Посол США в России Джон Тефт отозвался о скандале с американской деловитостью: **“Как показали недавние события, антисемитские мифы и теория заговора полностью не исчезли. К счастью, в случае необходимости лидеры российской еврейской общины готовы дать быстрый и решительный ответ”**.

Не все обличители Толстого были столь категоричны. Дмитрий Быков отозвался о реплике толстовского правнука с великодушной иронией, посмеиваясь и над Толстым, и над Федотовым, и вообще над “россиянами”: **“Антисемитизм часто сравнивают со стыдной болезнью, но у сегодняшних россиян он протекает в лёгкой, хронической, почти незаметной форме. Не то беда, что россияне не любят евреев, а в том, что им евреи по фигуре, как, собственно, и они сами”**.

Борис Горин, глава департамента общественных связей Федерации еврейских общин России, обвинил русскую церковь в **“безобразном отношении”** к прапрадеду Петра Толстого **“великому писателю земли русской Льву Николаевичу Толстому”**, **“преданному анафеме”**, и добавил, что в **“советской России было разрушено в процентном отношении синагог значительно больше, чем православных храмов”**.

Господин Горин или заблуждается, или говорит неправду. Во-первых, Толстого не **“предавали анафеме”**, Синод лишь установил, что Толстой **“сам себя отлучил от церкви”**. А, во-вторых, печально знаменитое письмо Ленина **“об изъятии церковных ценностей”** касалось лишь православных храмов и монастырей, и в нём ни слова не было ни о мечетях, ни о синагогах.

Но скандал, разрастаясь, вышел на международный уровень.

Реплика Петра Толстого повергла парламент Израиля в искреннее негодование: **“Когда перейдём к главному блюду с ритуальной кровью и мацой?”** – гневно спросила депутатша кнессета наша бывшая соотечественница Ксения Светлова (не путать с Натальей Светловой, вдовой Солженицына, почему-то объявленного нашими либералами “антисемитом”).

Бывший депутат Госдумы, сын крупного кагэбэшника, Дмитрий Гудков с удовлетворением констатировал, что у праправнука Льва Толстого **“поднять народ на чистки (то есть “погромы”. – Ст. К.) не получилось”**.

Многие блогеры требовали в интернете от властей завести уголовное дело на неосторожного вице-спикера, другие предлагали вмешаться в разборку самого Бастрыкина, третьи призывали депутатов Госдумы объявить Толстого **“нерукопожатным”** (что гораздо хуже, нежели **“анафема”**).

Словом, **“всё смешалось в доме Облонских”**, как сказал бы, глядя на эту вакханалию, великий прапрадед неосторожного праправнука.

А уж о газетах — что говорить! Их хлебом не корми, дай только “вложить персты” развязных папарацци в разверстые раны!

“Подобных высказываний в российском федеральном истеблишменте не было со времён генерала-антисемита А. Макашова, а на таком высоком уровне — руководство Госдумы — не было никогда” (“Аргументы недели”, № 5, 2017).

А это неправда. Полтора десятка лет тому назад более двадцати депутатов Госдумы от фракции “Родина” и КПРФ возмутились переизданием на русском языке древней, антихристианской, уничижительной по отношению к “гоям” книги “Шулхан Арух”. Скандал был крупным, вылившимся на газетные страницы, с сочинением коллективных писем. Но когда он стал невыгоден ни для депутатов, которых все СМИ дружно, как и сейчас, объявили антисемитами, ни тем более для защитников и поклонников “Шулхан Аруха”, скандал, чтобы не доводить дело до суда, кое-как замяли.

“Вице-спикер Госдумы Пётр Толстой недавно скандально заметил, что многие из тех, кто выступает против передачи Исаакиевского собора, будто бы определённой национальности” (“Комс. правда”, № 19, 2017).

“Толстой сам вышел из-за черты оседлости, из этого самого телевидения, но так как телевидение у нас влияет на всю страну, значит и вся страна находится за чертой оседлости” (“Моск. комсомолец”, № 31, 2017).

“В скандальной истории с передачей Исаакиевского собора РПЦ обнаружен еврейский след. <...> какой к чёрту след, если евреи во всём и виноваты” (“Вести”, одна из крупнейших русскоязычных газет Израиля).

Читаешь все эти яростные отповеди опешившему отпрыску толстовского рода, и поневоле закрадывается в голову коварная мысль: что-то есть подозрительное в этом единодушии. А где искать правду? Разве что в глубинах истории, в документальных свидетельствах очевидцев и вершителей эпохи, о которой так нестати вспомнил Толстой, не приведший, к сожалению, подтверждений к своей голословной мысли о **“дедушках”** и **“прадедушках”**, выскочивших из-за **“черты оседлости”** с **“наганами”**.

И вот на тебе! Пламя снова вспыхнуло на холодном пепелище в результате нескольких легкомысленных слов вице-спикера Госдумы.

А как заманчиво и поучительно было бы устроить виртуальное противостояние нынешних возмущённых **“внуков и правнуков”** с их историческими противниками, оставившими документальные свидетельства **“о времени и о себе”**, о том, как разрушалась черта оседлости! В этом случае стало бы ясно, какие последствия принесла российской истории эта гигантская геополитическая катастрофа, какой горячий материал выплеснулся на пространство всей империи. Ведь черта оседлости была сооружением более серьёзным, нежели Берлинская, или мексиканская, или даже Китайская стена. Чтобы к подобной реконструкции событий невозможно было придраться даже Диме Быкову, мы вытащим на свет Божий суждения не каких-нибудь охотнорядцев или вождей Союза русского народа, а единокровных (но не единодушных!) с **“дедушками и прадедушками”** незаурядных исторических персонажей, побывавших в эпицентре революционного смерча.

В 1923 году в Берлине был издан (а в 2007-м переиздан в России) коллективный сборник видных деятелей дореволюционного “цивилизованного” (а не местечкового) еврейства И. Бикермана, Г. Ландау, И. Левина, Д. Пинского, В. Манделя и Д. Пасманика под названием “Россия и евреи”. Вот что писали они о своих собратьях, вырвавшихся из черты оседлости.

“Теперь еврей во всех углах и на всех степенях власти. Русский человек видит его и во главе Первопрестольной Москвы, и во главе Невской столицы, и во главе Красной Армии. Он видит, что проспект Св. Владимира носит теперь славное имя Нахимсона, исторический Литейный проспект переименован в проспект Володарского, а Павловск — в Слуцк. Русский человек видит теперь еврея и судьёй и палачом” (И. Бикерман).

“Поразило нас то, что мы всего менее ожидали встретить в еврейской среде — жестокость, садизм, насильничанье, казалось чуждое народу, далёкому от физической воинственной жизни; вчера ещё не умевшие владеть ружьём, сегодня оказались среди палачествующих головорезов” (Д. Пасманик).

В. Г. Короленко, собиравший в 1911 году подписи под письмом в защиту Бейлиса, считался по заслугам юдофилом. Однако в 1919 году, когда местечковые комиссары **“в пыльных шлемах”** показали себя во всей красе, он сделал в дневнике запись:

“Среди большевиков много евреев и евреек. И черта их – крайняя бестактность и самоуверенность <...> она особенно кидается в глаза в этом национальном облике”.

В полтавском ЧК он встретил **“товарища Розу”**. **“Это молодая девушка, еврейка, недурна собой, только не совсем приятное выражение губ. На поясе у неё револьвер в кобуре. Спускаясь по лестнице, встречаю целый хвост посетительниц. Они поднимаются к “товарищу Розе” за пропусками на свидание. Среди них узнаю крестьянок, идущих к мужьям-хлеборобам, и “дам”. Товарищ Роза на упрёк Прасковьи Семёновны (сестра супруги В. Короленко. – Ст. К.), что она запугивает допрашиваемых расстрелом, отвечает в простоте сердечной: “А если они не признаются?” (В. Г. Короленко. Летопись жизни и деятельности 1917–1921. М., 1990, стр. 97).**

По иронии судьбы Розалию Залкинд (Землячку), организовавшую расстрел многих тысяч русских офицеров, добровольно сдавшихся в плен в Крыму, тоже можно назвать **“товарищ Роза”**, как и **“товарища Раису”** из написанного рукой Эдуарда Багрицкого либретто оперы **“Дума про Опанаса”**, где всегда честный в своём оправдании революционного насилия поэт с удивлением, если не с ужасом, пишет о местечковой фурии гражданской войны:

*Она жестока́ до отказа.
Страданья её не смутят,
А ну-ка попробуй приказа
Не выполнить — будешь не рад.*

*Декреты, допросы, расстрелы,
Дела по изъятью зерна
Рукой молодой, загорелой
Подписывает она.*

В 1997 г. в России вышла книга Александра Каца **“Евреи. Христианство. Россия”**, о которой Вадим Кожин в своей книге **“Россия век XX 1901–1939 г.”** отозвался так:

“Автор упоминает группу евреев начальников ГУЛага – жестоких, энергичных... М. Бермана, С. Фирина, Л. Когана, Я. Раппопорта, С. Жука, и заявляет, что всегда “еврейский народ будет стыдиться имён своих преступных сыновей”.

Можно привести слова ещё одной **“товарища Розы”** из книги русского дипломата Г. Н. Михайловского (сына известного писателя Н. Гарина), которая объяснила ему, почему все “чрезвычайки” находятся в руках выходцев из черты оседлости: **“Эти русские мягкотелые славяне и постоянно говорят о прекращении террора и чрезвычайек. Мы, евреи, не даём пощады и знаем: как только прекратится террор, от коммунизма и коммунистов следов не останется”** (Г. Н. Михайловский. “Записки из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920 г. г. М., 1993, книга 2-я, стр. 176).

Выдающийся русский поэт Ярослав Смеляков в 60-х годах прошлого века написал стихотворение, героиней которого стала упомянутая выше Розалия Землячка-Залкинд, доживавшая свой век в писательском городке Переделкино. Стихотворенье называется **“Жидовка”** и впервые было опубликовано в журнале **“Новый мир”** в 1987 году под названием **“Курсистка”**. Но у Смелякова, конечно, это был обобщённый образ Фанни Каплан, Ларисы Рейснер, Евгении Бош, Софьи Гертнер, Ревекки Майзель, Инессы Арманд и прочих **“фурий революции”**:

*Прокламация и забастовка,
Пересылки огромной страны.
В девятнадцатом стала жидовка
Комиссаркой гражданской войны.*

*Ни стирать, ни рожать не умела,
Никакая не мать, не жена,
Лишь одной революции дело
Понимала и знала она.*

*Брызжет кляксы чекистская ручка,
Светит месяц в морозном окне,
И молчит огнестрельная штука
На оттянутом боку ремне.*

*Неопрятна, как истинный гений,
И бледна, как пророк взаперти,
Никому никаких снисхождений
Никогда у неё не найти.*

Картина, как говорится, маслом, глаз не оторвать. И “огнестрельная штука”, то есть “наган”, на месте. Очень хотелось бы, чтоб в неё вгляделись все, кто истерически осуждал наивную реплику Петра Толстого. Может быть, эти судьи вспомнят заодно о том, что Ярослав Смеляков, начиная с 1934 года и до начала 50-х, трижды побывал “в местах не столь отдалённых” по политическим статьям.

А вот что писала о вкладе местечковых функционеров в Советскую историю честная дочь еврейского народа из третьей эмиграции Соня Марголина в книге “Конец лжи. Россия и еврейство в XX веке”:

“В конце 20-х годов впервые немалая часть еврейских коммунистов выступила в сельской местности командирами и господами над жизнью и смертью. Только в коллективизации окончательно отчеканился образ еврея, как ненавистного врага крестьян — даже там, где до тех пор ни одного еврея не видали” (Соня Марголина, “Конец лжи. Россия и еврейство в XX веке”).

В числе чекистов, участвовавших в создании колхозов, был, к сожалению, и писатель Бабель, поведавший в 1930 году в автобиографическом очерке “Дорога” о том, как он поступил на службу в ЧК к комиссару внутренних дел коммуны Северной области Моисею Урицкому:

“Не прошло и дня, как у меня было всё — одежда, еда, работа и товарищи, верные в дружбе и смерти, товарищи, каких нет нигде в мире, кроме как в нашей стране. Так начиналась тринадцать лет назад превосходная моя жизнь, полная мысли и веселья”.

Позже Бабель писал, что он “принимал участие в кампании по коллективизации Бориспольского района Северной области”, и когда вернулся оттуда, то сказал Багрицкому: **“Поверите, Эдуард Георгиевич, я теперь научился спокойно смотреть на то, как расстреливают людей”** (С. Липкин. “Квадрига”, М., 1997). Багрицкий поверил.

А какой скандал поднялся в американской русскоязычной прессе, когда 20 июля 2007 года газета “Вечерний Нью-Йорк” опубликовала статью журналистки Виктории Мунблит о голодоморе, в которой была фраза куда похлеще толстовской: **“Должна ли Украина игнорировать существование Израиля и вообще евреев, памятуя, что большинство чекистов, когда-то организовавших голодомор на Украине, были евреями”.**

Конечно, американская еврейка Виктория Мунблит имела немалые основания для подобной трактовки истории. Вспомним хотя бы незабываемую встречу местечкового комиссара Когана и украинского крестьянина Опанаса в эпоху продразвёрстки, когда Коган сидит за столом в хате Опанаса, ужинает “житняком и мёдом” и требует от хуторян “выгребать из канавы спрятанное жито”.

*Ну, а кто подымет бучу —
Не шуми, братишка:
Усом в мусорную кучу,
Расстрелять и крышка!*

Поэтам такого масштаба, как Багрицкий, можно верить. Талант не позволяет им говорить неправду. Вторая волна “когановских репрессий” постигла

“украинских опанасов” в годы коллективизации. Эти волны не могли не породить ответный кровавый реванш со стороны западнцев-бандеровцев, внезапно, как из-под земли выросших на Львовщине и на Волыни чуть ли не на другой день после падения там Советской власти под ударами железного вермахта.

* * *

Из книги поэта-фронтовика Давида Самойлова (Кауфмана) “Памятные записки” (М., 1995, стр. 56): **“Через разломанную черту осёдлости хлынули многочисленные жители украинско-белорусского местечка, тут были многочисленные отряды красных комиссаров, партийных функционеров, ожесточённых, поднятых волной, одурённых властью... Им меньше всего было жаль культуры, к которой они принадлежали”**.

Самойлов хорошо знал этих людей, потому что во время Первой мировой войны его родственники сбежали к ним в Москву из оккупированной немцами Польши.

Культуры было не жаль, а церковей — тем более. А то что церкви рушила и русская молодёжь, то надо вспомнить, что она с середины 20-х годов прошла обучение в Союзе воинствующих безбожников, действовавшем по всей стране под руководством Емельяна Ярославского (Миняя Губельмана). В 1925 году возрастной ценз для вступления в Союз безбожников был снижен с 18 до 14 лет. Возраст хунвейбинов. **“У нас нет ни партии кадетов, ни партии меньшевиков, открыто действующих, но у нас есть партия мракобесов, объединённых в религиозные организации”**, — писал в 1935 году этот секретарь ЦК РКП(б), академик, автор биографий Ленина и Сталина. Но ещё за несколько лет до появления на исторической арене Емельяна Ярославского с его Союзом воинствующих безбожников честный свидетель эпохи Сергей Есенин в поэме “Страна негодяев” создал образ выходца из Могилёва, а в эмиграции **“гражданина из Веймара”** местечкового функционера Чекистова-Лейбмана, исходящего ненавистью и к России, и к русскому народу, и к православной вере:

*Странный вы народ!
Жили весь век нищими
И строили храмы божии.
Да я бы их давным-давно
Перестроил в места отхожие...*

Прототипом этого литературного героя был Лейба Бронштейн, он же Лев Троцкий. Так что Пётр Толстой не совсем уж неправ, когда вписывает нынешнюю судьбу Исаакиевского собора в контекст борьбы с православием, начавшейся в 20-е годы.

А теперь посмотрим, что писала о **“местечковых “дедушках”** человек нашего времени Евгения Альбац: **“Почему среди следователей НКВД-МГБ и среди самых страшных, в том числе, вообще было много евреев, меня, еврейку, интересует. От этого вопроса никуда не уйти. Да и не хочу я уходить”** (Е. Альбац. Мина замедленного действия. Политический портрет КГБ. М., 1997, стр. 129). Вот так-то, господа Сванидзе и Шендерович, не хочет Евгения Альбац **“уходить от этого вопроса”**. Более того, она додумалась до правильного ответа о том, что революция подняла на поверхность **“всё самое мерзкое... вынесла на простор отечества именно подонков народа, и в НКВД на эту кровавую работу пришли те, для кого она была возможностью самоутвердиться, ощутить свою власть”** (там же, стр. 130). Евгения Альбац спустя 60 лет приходит к тем же мыслям, которые мучили совесть честных евреев Д. Пасманика, И. Бикермана и других авторов книги “Россия и евреи”. Помнится, что поэт Наум Коржавин-Манделе в одной из своих статей тоже осуждал в 60-е годы жестокость своих соплеменников.

А вот ещё одно обнародованное не где-нибудь, а в государстве Израиль свидетельство реального, а не мифического существования **“местечковых голворезов”**, которые, увы, были не призраками и не выдумкою черносотенцев, погромщиков и прочих национал-патриотов: **“Главарями Октябрьской**

революции были авантюристы, полуинтеллигенты, недоучившиеся студенты и “экстерны”, духовный багаж которых состоял из набора пропагандистских брошюр марксистского толка” (В. Богусловский, израильский журнал “22”, 1980 г.) А сколько запоминающихся образов этих “главарей” было запечатлено не только Смеляковым, но и многими писателями советской эпохи! Чекистов воздвигали на пьедестал Михаил Светлов и Александр Безыменский, Арон Копштейн и Джек Алтаузен. Вы помните, Антон Носик, блистательную повесть одессита Валентина Катаева “Уже написан Вертер”? Кто там один из главных героев? – Правильно! Чекист Маркин из одесской “чрезвычайки”, носивший имя Наум Бесстрашный. Он “стоял в позе властителя, отставив ногу и заложив руку за борт кожаной куртки. На его курчавой голове был будённовский шлем с суконной звездой” <...> “У Маркина был неистребимый местечковый выговор, некоторые буквы, особенно шипящие, свистящие и цокающие, он произносил одну вместо другой, как бы с трудом продираясь сквозь заросли многих языков – русского, еврейского, польского, немецкого”.

Известный поэт Александр Межиров, прах которого не так давно был перевезён из Америки и захоронен в Переделкино недалеко от праха Землячки, знал, что его деды и прадеды жили в XIX веке в галицийском местечке Межирове. Вспоминая о своих родителях, он писал:

*Их предки в эпохе былой,
из дальнего края нагрянув,
со связками бомб под полой
встречали кареты тиранов.*

“Встречали” даже не с “наганами”, за что на Толстого обиделась вся “прогрессивная общественность”, а “со связками бомб под полой”! А сколько знаменитых террористов дала истории черта осёдлости: Мордка Багров, Яков Блюмкин, Яков Юровский, Шая Голощёкин, Фанни Каплан, Евно Азеф. А сколько известных писателей СССР носили псевдонимы, свидетельствующие о местечках, где они выросли: Минский, Львовский, Шкловский, Слуцкий, Ржевская, Могилевский, Гомельский, Смоленский и т. д. Февральская революция 1917 года отменила черту оседлости, и один из самых талантливых советских поэтов послереволюционной эпохи Эдуард Багрицкий (Дзюбин) в поэме “Февраль” так вспоминает об исходе местечковой молодёжи из своего добровольного гетто. Герой поэмы сразу вступает во все революционные организации, становится помощником комиссара, появляется в округе вооружённый до зубов, окружённый телохранителями:

*Я появлялся, как ангел смерти,
С фонарём и револьвером, окружённый
Четырьмя матросами с броненосца.
Моя иудейская гордость пела,
Как струна, натянутая до отказа.
Я много дал бы, чтобы мой пращур
В длиннополом халате и лисьей шапке,
Из-под которой седой спиралью
Спадают пейсы и перхоть тучей
Взлетает над бородой квадратной,
Чтоб этот пращур признал потомка
В детине, стоящем подобно башне,
Над летящими фарами и штыками
Грузовика, потрясшего полночь.*

Сказано с откровенностью человека, убеждённого в том, что местечковая власть пришла в Россию навсегда. Эдуарду Багрицкому, как и Сергею Есенину, как и Ярославу Смелякову, как и Александру Межирову, надо верить. Хотя бы потому, что тот же Смеляков сказал: “Ежели поэты врут, значит жить не можно”. Значит, так оно и было – и “наганы”, и “связки гранат под полой”, и грузовики с вооружёнными матросами, которых возглавляет вчерашний робкий местечковый юноша. И эту правду истории надо признать и Борде,

и Броду, и Шендеровичу с Быковым. Кем стали эти юноши из гетто, получившие власть над людьми, натянувшие на себя кожаные куртки? Об этом стоит спросить у аборигенов, представителей страны, протянувшейся к востоку от черты оседлости до океана. Приведём отрывки из воспоминаний и документов русских аборигенов, ставших или жертвами, или свидетелями деяний местечковых преобразователей жизни: **“Мардохейская история не умерла. Время от времени дикие мысли о массовой расправе “с врагами” обуревают еврейские мозги. Что это так, нам доказали евреи-коммунисты, которые уничтожали русскую интеллигенцию ничуть не хуже, чем Мардохей вырезал (под именем амановцев) персидский культурный класс”** (В. Шульгин. Что нам в них не нравится, Спб; 1992, стр. 154).

“Члены и председатель чрезвычайной следственной комиссии евреи и не скрывают, что арест мой и суд – лишь за старые мои обличительные статьи против евреев <...> они ищут не правды, а мести <...> умираю не за какие-либо преступления, а лишь за обличение еврейского народа, за то, что они истребляли своих пророков... Милые мои бесценные, прощайте!” (из письма известнейшего в дореволюционной России публициста М. О. Меньшикова, написанного перед гибелью своим родным и расстрелянного 20 сентября 1918 г. на глазах у детей возле своего дома на Валдае).

“Москва – местами Бердичев; сила еврейства ужасающая – а антисемитизм (и в коммунистических кругах) растёт неудержимо” (из письма академика В. И. Вернадского, написанного в 1927 году И. Н. Петрукевичу и опубликованному в “Новом мире”, 1989 г. № 12, стр. 219).

Ну как после всего этого не быть зловещему 1937 году! Впрочем – и Шульгин, и Меньшиков, и Вернадский – люди русского этноса, и вполне возможно, что их оценки деятельности “местечковых чекистов” пристрастны и продиктованы в какой-то степени антисемитскими мифами, в которые не без основания верили эти незаурядные русские люди, поэтому надёжнее верить свидетельствам честных евреев, когда они говорят о жестокости своих сполемеников. Они лишнего не напишут.

Наиболее взвешенно и объективно по сравнению с “хором осудивших” Толстого отозвался о происшедшем скандале Израель Шамир, российско-израильский писатель, переводчик и публицист: **“Бурлит общественность по поводу слов Петра Толстого. Мол, евреи рушили церкви при Ленине, а теперь протестуют против передачи Исаакиевского собора в ведение Русской Православной Церкви. “Махровый антисемитизм!” – возопили рукопожатные. Священники попытались перевести стрелки на злыхных большевиков. Сам Пётр Толстой не очень-то внятно попытался отыграть ситуацию, – мол, он говорил о выходцах из черты оседлости, а не о евреях, но большого впечатления не произвёл. То ли мы не знаем, кто жил в черте оседлости? Можно понять и попробовать объяснить суть спора.**

Исторически евреи всегда были против Христа и церкви. Не всегда с одинаковым пылом, но всегда одинаково рьяно, но всегда против. Когда еврей крестился, то его родные справляли по нём полный траур – как по покойнику.

При виде разрушенной церкви верующий еврей должен благословить Господа, низвергнувшего сие. Самый любимый и популярный еврейский манускрипт раннего средневековья – рассказ о блестящей победе Иуды над Христом. Это было давно, и сегодня касается лишь наиболее ретивых иудеев-фундаменталистов.

Сегодняшние евреи этих правил не знают, свинину едят, в синагоге не бывают и молятся не часто. Но неприязнь к церкви осталась. Она стала инстинктивной, её смысл уже неясен, но она унаследована как часть традиции. Было бы хорошо объяснить современным евреям, во что верили их предки, и как они относились к Христу и церкви, и почему конкурировали с церковью Христовой, считали себя настоящей церковью, а христиан – самозванцами. Они считали, что только у них есть доступ к Богу, а у гоев – нет.

Сегодняшние евреи – и евреи 20-х годов – редко это понимали и редко об этом задумывались, а поэтому не понимали и причины своей враждебности к церкви. Провели бы с ними сеанс психоанализа – глядишь, они бы перестроились, но проще бурчать об “антисемитизме”.

Евреи объясняют свою враждебность церкви – гонениями на евреев или отсталостью церкви, но не истинными причинами.

И поэтому в XX веке евреи, отошедшие от своей древней традиции, продолжали бороться с церковью, и поскольку в обществе всегда есть элементы, противостоящие церкви, евреи обычно находят себе место в этой среде.

В 20-е годы евреи – атеисты и коммунисты – участвовали в гонениях на церковь, и, возможно, составляли ядро антицерковного напора.

Но они равным образом выступали против католической церкви и во Франции конца XVIII – начала XIX века, хотя коммунизмом там не пахло. В современной Америке евреи участвуют в борьбе против молитв в школе, против празднования Рождества и против христианских символов. А уж американских евреев, капиталистов до мозга костей, в “ленинизме” не заподозришь.

Коммунизм не обязан быть антихристианским, хотя так считают митрополит Илларион и Емельян Ярославский. Были коммунисты, стремившиеся соединить эти две доктрины – например, покойный Роже Гароди, ведущий идеолог Коммунистической партии Франции.

Сегодняшние евреи – борцы против возвращения собора церкви – это либералы, которые унаследовали ненависть к церкви от своих отцов, так и не поняв её причин. Ленин тут ни при чём, да и черта оседлости ни при чём. Так что Пётр Толстой сделал тривиальное замечание, мол, евреи борются с церковью. Честные евреи ответили бы ему: “А то! Конечно, боремся, как нас учили отцы и деды”. А искренние евреи задумывались бы, что заставляет их, свободных людей, избавившихся от многих предрассудков, оставаться в плену антихристианских суеверий своих предков. Глядишь, отказались бы от суеверий и поздравили своих православных соседей с возвращением храма”.

А в заключение надо всё-таки ответить на роковой вопрос, независимо от того, на чьей стороне была правда – на стороне праправнука Л. Толстого или на стороне хора прогрессивных **“внуков и правнуков”**: стоило ли высказывать эту горькую правду и ворошить пепелище до такой степени, чтобы на нём снова вспыхнуло пламя?

Ответить на этот вопрос нам помогает Василий Васильевич Розанов в своих размышлениях о “ненужной правде”.

* * *

Перечитывая “Опавшие листья” Василия Розанова, я набрёл на одну его необыкновенно глубокую мысль о русской истории:

“Есть несвоевременные слова. К ним относятся Новиков и Радищев. Они говорили правду и высокую человеческую правду. Однако если бы эта “правда” расплзлась в десятках и сотнях тысяч листов, брошюр, книжек, журналов по лицу русской земли – доползла бы до Пензы, до Тамбова, Тулы, обняла бы Москву и Петербург, то пензенцы и туляки, смоляне и псковичи не имели бы духа отразить Наполеона.

Вероятнее, они призвали бы “способных иностранцев” завоевать Россию, как собрался позвать их Смердяков, так же Карамзин не написал бы своей Истории. Вот почему Радищев и Новиков хотя говорили “правду”, но – ненужную, в то время – не нужную. И их, собственно, устранили, а словам их не дали удовлетворения. Это – не против мысли их, а против распространения этой мысли. Вольно же было Гутенбергу изобретать свою машину. С тех пор и началось “стеснение свободы мысли...”

Боже мой, как всё повторяется в русской истории! Ведь и у Курбского в его письмах к Ивану Грозному была **“правда”**, но несвоевременная.

А сколько **“несвоевременной правды”** было в “философическом письме” Чаадаева? Не потому ли Александр Пушкин, не соглашаясь с главными чаадаевскими мыслями, тем не менее в своём знаменитом ответном неотправленном письме старшему другу нашёл интонацию, исполненную чрезвычайного уважения. Однако **“правда”** Радищева была для него настолько **“несвоевременна”**, что в оценке радищевской правды Пушкин был беспощаден:

“Он есть истинный представитель полупросвещения. Невежественное презрение ко всему прошедшему, слабоумное изумление перед своим веком, слепое пристрастие к новизне, частные поверхностные сведения, наобум приуроченные ко всему, – вот что мы видим в Радищеве”. Впрочем, эти слова Пушкин написал уже после нашей победы над Наполеоном.

Осуждение герценовской западно-либеральной правды Достоевским становится понятным, потому что “несвоевременность” Герцена для Фёдора Михайловича была вопиющая: **“Герцен не эмигрировал, не полагал начало русской эмиграции; – нет, он так уж и родился эмигрантом. Они все, ему подобные, так прямо и рождались эмигрантами, хотя большинство их и не выезжало из России”.**

Эта мысль Достоевского жива и по сегодня, как будто сказанная о нашей “пятой колонне”. Да что говорить! Даже в гневном письме Фёдора Раскольникова Сталину есть искорки правды, но если бы она, говоря словами Розанова, дошла **“до Пензы, до Тамбова, Тулы <...> то пензенцы и туляки не имели бы духа отразить”** – и тут вместо **“Наполеона”** надо поставить – **“Гитлера”**...

Чем дальше в лес – тем больше дров... Скажу еретическую мысль, что такого рода “правда” иногда высвечивалась и на Болотной площади, но её воплощение в жизнь неизбежно толкнуло бы нынешнюю Россию в новую смердяковщину к приглашению **“способных иностранцев завоевать Россию”**.

Вполне возможно, что правда о **“дедушках”** и **“прадедушках”**, о **“черте оседлости”** и **“наганах”** не нужна и даже опасна для сегодняшнего российского общества, что она принадлежит к тому сорту правды, о которой сложены русские пословицы **“кто старое помянет – тому глаз вон”** и **“не буди лихо, пока оно тихо”**... Может быть. Но именно об этом – о нецелесообразности такой правды надо было честно сказать всем, кто осыпал дешёвой бранью Петра Толстого. История, как говорится, один раз является в виде трагедии, а повторяется в виде фарса, о чём вспоминаешь, глядя на нынешние украинские страсти, воскресившие в карикатурном виде вражду хуторянина Опанаса и комиссара Когана. Во времена гражданской войны Опанасу всё было ясно: **“Бить жидов и коммунистов – лёгкая работа”**. Но застрелил Опанас Когана и сам попал в руки “штабного” комиссара из Балты. А сегодня как помирить потомков Когана и Опанаса, если на руках их предков столько крови? Разве что придумать какую-то взаимную амнистию? Свято место пусто не бывает. Утаишь правду о “наганах” – и на её место тут же усядется неправда о том, что никакого местечкового нашествия из-за черты оседлости в годы революции и в помине не было.

Но ведь кроме примиряющих мудрых русских пословиц, есть ещё одна – античная, то ли римская, то ли греческая, гласящая, что **“даже Боги не могут бывшее сделать не бывшим”**. Говорят, что именно эту пословицу не раз вспоминал Иосиф Сталин.

ПРЕСТИЖНЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРЕМИИ — НАШИ!

Конец весны – время присуждения значимых литературных премий. Среди наиболее авторитетных для патриотов – Патриаршая литературная премия имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Большая литературная премия, Литературная премия “Прохоровское поле”. С радостью отмечаем: в этом году среди лауреатов немало сотрудников (нынешних и бывших) “Нашего современника” и наших постоянных авторов, что несомненно свидетельствует о росте влияния журнала в литературном мире. Так, все три лауреата Патриаршей премии связаны с “Нашим современником”: Борис Споров ещё в 80-е годы заведовал у нас отделом прозы, протоиерей Ярослав Шипов был редактором отдела, а Виктор Лихоносов – член Общественного совета и постоянный автор “Нашего современника”. Публикуем фотографию награждения Патриаршей премией 2017 года, а также списки лауреатов трёх наиболее значимых литературных премий.

ПАТРИАРШАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ

Виктор ЛИХОНОСОВ;
Борис СПОРОВ;
Протоиерей Ярослав ШИПОВ.

БОЛЬШАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ

Владимир БУШИН – за выдающуюся публицистику;
Николай ИВАНОВ – за книгу прозы “Засечная черта”;
Сергей КУНЯЕВ – за книгу-биографию “Николай Клюев”;
Евдокия ЛУЧЕЗАРНОВА – за сборник стихов “Время России”;
Михаил ПОПОВ – за роман “На креслах восточных”;
Владимир МОЛЧАНОВ – за сборник стихов “Сельцо моё вербное”;
Юрий ПЕРМИНОВ – за книгу стихов “Песни русской окраины”.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ “ПРОХОРОВСКОЕ ПОЛЕ”

Бронтой БЕДЮРОВ – за следование традиции народности в литературе и верность служению поэтическим словом России;
Татьяна ВАСИЛЕВСКАЯ – за книгу “Письма с фронта” в двух томах;
Николай ГАВРИЛОВ – за роман “. . . и отрёт Бог всякую слезу”;

Геннадий ИВАНОВ – за книгу “Свидетель”;
Владимир КАЗЬМИН – за повесть “Красавка”;
Виктор ЛИННИК – за статьи, утверждающие державность, высокий дух и стойкость, и большую публицистическую деятельность;
Александр ОСЫКОВ – за книги “Будущего свет”, “Память любящего сердца”, “Беспризорный дождь”;
Александр ТАРАСОВ – за книгу “Вдоль по улице, да по Леоновке”;
Центр Фёдора УШАКОВА – за просветительскую деятельность;
Телеканал “Мир Белогорья” – за телевизионные проекты “Жизнь прожить”, “Стихи для прадеда”;

В номинации “За произведения духовного содержания, утверждающие нравственные ценности”:

Наталья ДРОЗДОВА – за книгу “Поэма об отце”;
Елена ТУЛУШЕВА – за книги “Чудес хочется!” и “Виною выжившего”;

В номинации “За публицистические произведения”:

Министерство культуры Донецкой Народной Республики – за альбом “Земляки”;
Анастасия ФЕДОРЕНКО, Сергей МОХАЛЁВ – за альбом “Я Донбасс”;

Специальная премия “Прохоровское поле”:

Виктор КОЖЕМЯКО – за книги “Зоя Космодемьянская. Правда против лжи” и “Время борьбы”.

Вручение Патриаршей премии